А. МЕРРИТ

1

А. МЕРРИТ

1

Том 1

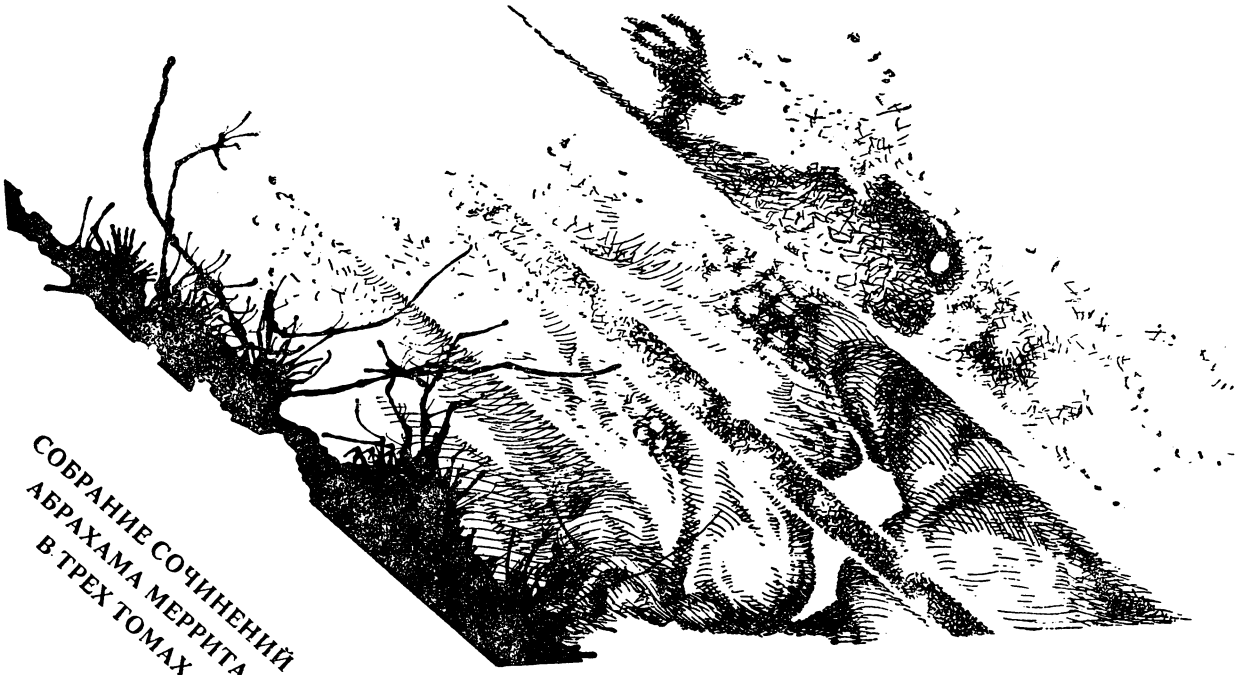
КОРАБЛЬ ИШТАР

СЕМЬ ШАГОВ
К САТАНЕ

ЖИТЕЛИ МИРАЖА

А. МЕРРИТ

Коллекция "Януса"



СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АБРАХАМА МЕРРИТА
В ТРЕХ ТОМАХ

А. МЕРРИТ

1

КОРАБЛЬ ИШТАР
СЕМЬ ШАГОВ К САТАНЕ
ЖИТЕЛИ МИРАЖА

Перевод с английского Д.Арсеньева

Художник О.Иванов

ПЕРМЬ
«ЯНУС»
'93

ББК 84.4 США
М-52

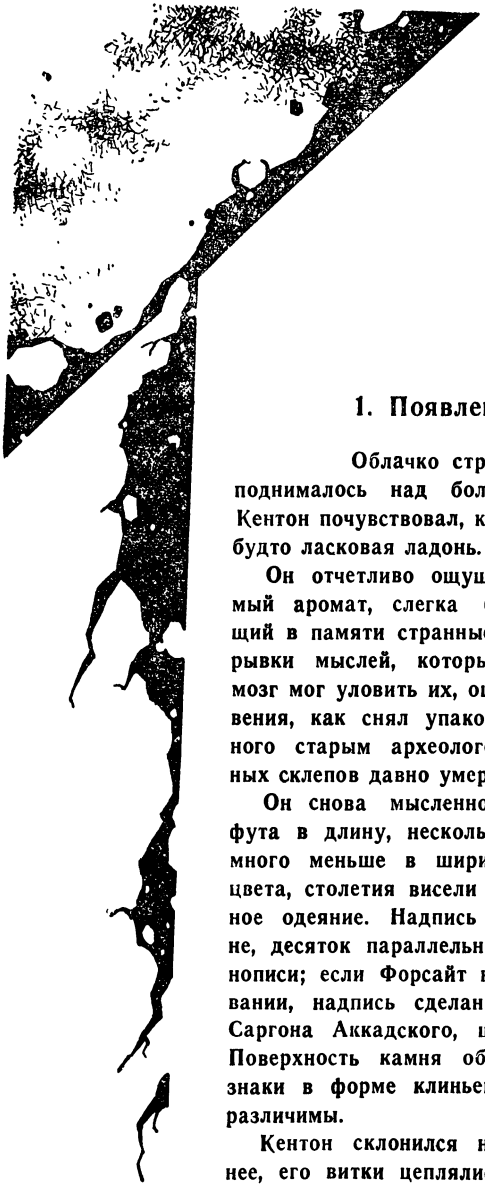
В трехтомное собрание сочинений американского фантаста Абрахама Меррита включены девять его романов и большая подборка рассказов.

Это самое полное собрание произведений знаменитого писателя на русском языке.

© «Янус», состав. с/с А. Меррита, 1992.
© Д. Арсеньев, перевод, 1992.
© О. Иванов, оформление томов, 1993.

КОРАБЛЬ ИШТАР

Фантастический роман



1. Появление корабля

Облачко странного запаха по спирали поднималось над большим каменным блоком. Кентон почувствовал, как оно коснулось его лица, будто ласковая ладонь.

Он отчетливо ощущал этот запах — незнакомый аромат, слегка беспокоящий, воскрешающий в памяти странные, неуловимые образы, обрывки мыслей, которые исчезали, прежде чем мозг мог уловить их, ощущал с того самого мгновения, как снял упаковку с предмета, присланного старым археологом Форсайтом из песчаных склепов давно умершего Вавилона.

Он снова мысленно измерил блок — четыре фута в длину, несколько больше в высоту, немного меньше в ширину. Выцветшего желтого цвета, столетия висели на нем, как полупрозрачное одеяние. Надпись только на одной стороне, десяток параллельных линий архаичной клинописи; если Форсайт не ошибся в своем толковании, надпись сделана во времена правления Саргона Аккадского, шесть тысяч лет назад. Поверхность камня оббита, усеяна трещинами, знаки в форме клиньев повреждены, почти неразличимы.

Кентон склонился ниже, аромат стал сильнее, его витки цеплялись, как десятки щупалец, как маленькие пальцы, тоскующие, просящие, умоляющие...

Умоляющие об освобождении!

Что за вздор! Кентон распрямился. Рядом лежал тяжелый молоток; Кентон схватил его и нетерпеливо ударил.

Послышался звук; он становился громче, еще громче; в нем прозвучали музыкальные тона, будто заговорили где-то далеко нефритовые колокольчики. Звук прекратился, остался только высокий колокольный перезвон; колокольчики звучали все яснее, все ближе, они приближались по бесконечным коридорам времени.

Потом резкий треск. Блок раскололся. Оттуда запульсировало сияние розового перламутра, а вместе с ним — волны аромата, больше не вопрошающего, не тоскующего, не умоляющего.

Теперь он был ликующим! Триумфальным!

Что-то скрывается в блоке! Что-то пролежало в нем шесть тысяч лет, со времен Саргона Аккадского!

Снова прозвучали нефритовые колокольчики. Снова они просили о чем-то, потом повернули и понеслись назад по бесконечным коридорам времени. Стихли, и тут же блок стал опадать; исчез; превратился в кружащееся, медленно оседающее облако сверкающей пыли.

Облако вращалось — водоворот сверкающего тумана. И исчезло, как будто отдернули занавес.

В блоке находился — корабль! Он был прекрасен.

Он плыл на пьедестале волн из лазурита, верхушки волн белели молочным горным хрусталем. Корпус корабля тоже из хрусталя, кремового и полупрозрачного. Нос в виде ятагана, круто изогнутого назад. Под загнутым назад концом ятагана каюта, ее обращенные к морю стены, как у галеонов, образованы высоко поднятыми на носу бортами. Там, где борта поднимались, образуя каюту, начиналось легкое сияние, согревавшее туманный хрусталь; оно становилось сильнее по мере подъема бортов; ярко сверкало на самом верху, превращая каюту в розовый драгоценный камень.

В центре корабля, занимая треть его длины, находился трюм, где сидели гребцы; к нему от розовой каюты спускалась палуба цвета слоновой кости; часть палубы, шедшая к корме по другую сторону трюма, черная. На корме другая каюта, больше, чем на носу, но приземистая и тоже черная. Обе части палубы широкими платформами тянулись по бокам трюма. Посреди корабля белая и черная части палубы встречались, при этом возникало странное впечатление соперничества, борьбы. Они не смешивались, не переходили друг в друга. Обрывались резко, край к краю, враждебно.

Из ямы поднималась высокая мачта, заостренная и зеленая, как сердцевина огромного изумруда. На рее размещался широкий парус, светящийся, будто сделанный из огненных опалов; от мачты и реи спускались снасти тусклого золота.

По обе стороны корабля — ряды больших весел, по семь с каж-

дой стороны, их алые лопасти погружены в перламутровую лазурь волн.

И драгоценный корабль имел экипаж! Почему, удивился Кентон, он не заметил этого раньше?

Как будто крошечные фигурки только что появились на палубе... женщина выскользнула из двери розовой каюты, ее рука еще протянута к закрывающейся двери... и еще женские фигуры на белой палубе, их три, они сидят... головы низко опущены; две держат арфы, третья — двойную флейту...

Маленькие фигурки, не больше двух дюймов в высоту...

Игрушки!

Странно, но он не может различить ни черты лиц, ни детали одежды. Фигурки нечеткие, как будто на них наброшена вуаль. Кентон сказал себе, что виной тому его глаза; на мгновение он закрыл их.

Открыв глаза, он взглянул на черную каюту и почувствовал все растущее недоумение. Когда корабль появился, черная палуба была пуста — он готов был поклясться в этом.

Теперь здесь, на самом краю ямы, виднелись четыре куклы.

А сбивающая с толку дымка вокруг игрушек все гуще. Конечно, виной его глаза — что же еще? Надо лечь и дать им отдохнуть немного. Он неохотно повернулся, медленно пошел к двери, остановился в нерешительности, оглядываясь на сверкающую загадку...

Всю комнату за кораблем затянуло дымкой!

Кентон услышал рев бури, звуки множества ураганов; свистящий хаос обрушился на него водопадом могучих ветров.

Комната раскололась на тысячи фрагментов, растаяла. Сквозь этот хаос ясно послышались звуки колокола... один... два... три...

Он узнал этот колокол. Его часы били шесть. Третий удар оборвался на середине.

Прочный пол, на котором он стоял, растаял. Кентон почувствовал, что висит в пространстве, полном серебряного тумана.

Туман рассеивался.

Кентон увидел сквозь него обширную поверхность волнующегося океана, а в десяти футах под собой — палубу корабля.

Потом ошеломляющий толчок, удар в правый висок. Расщепляющиеся молнии принесли с собой тьму, которая охватила и море, и корабль.

2. Первое приключение

Кентон лежал, прислушиваясь к негромкому шепоту, несмолкающему, настойчивому. Будто небольшие медленные волны. Все вокруг наполнено этим звуком. Журчащий шепот становился все настойчивее.

В закрытые глаза ударил свет. Кентон почувствовал движение, поверхность под ним мягко поднималась и опускалась. Он открыл глаза.

Он на корабле, лежит на узкой палубе, головой упираясь в фальшборт. Перед ним мачта, поднимающаяся из ямы. В яме прикованные люди двигают большие весла. Мачта, похоже, деревянная, но покрыта прозрачным изумрудным лаком. Она пробуждает какие-то неясные воспоминания.

Где-то он уже видел эту мачту.

Взгляд его пополз вверх по мачте: широкий парус, сделанный из опалового шелка. Низко нависло небо, затянутое мягким серебристым туманом.

Он услышал женский голос, глубокий, музыкальный, льющийся, золотистый. Справа от него каюта под изогнутым ятаганом носа; она розовая. По ее верху проходит балкон; на нем цветущие маленькие деревья; голуби с лапками и клювами, алыми, будто вымоченными в рубиновом вине, взмахивают в ветвях белоснежными крыльями.

У дверей каюты женщина, высокая, стройная, глядящая куда-то вдаль. У ног ее три девушки. Две держат арфы, третья поднесла к губам двойную флейту. И снова воспоминания зашевелились в голове Кентона и тут же были забыты; взгляд его упал на лицо женщины.

У нее широкие глаза, зеленые, как глубины лесных оврагов, и так же полные движущимися тенями. Голова маленькая, прекрасные черты лица, рот, говорящий о любви. На шее ямочка — чаша для поцелуев, пустая и ждущая наполнения. Над бровями серебряный полумесяц, тонкий, как нарождающаяся луна. Над каждым рогом полумесяца поток рыже-золотых волос обрамляет прекрасное лицо; поток устремляется вниз, разделяясь острыми грудями; ручейками падает до самых ног в сандалиях.

Юная, как весна, — и мудрая, как осень; весна какого-то древнего Боттичелли — но и Мона Лиза в то же время; девственна телом, но не душой.

Он проследил за ее взглядом. По другую сторону гребной ямы стояли четыре человека. Один на голову выше Кентона, значительно массивнее его. Бледные глаза, не мигая, устремлены на женщину; в них угроза, злоба. Лицо у человека безбородое, бледное. Огромная приплюснутая голова гладко выбрита; нос хищно изогнут; с плеч падает до самых ног просторное черное одеяние. Слева от него еще два человека с бритыми головами, в черной одежде, сухощавые, похожие на волков; у каждого бронзовый рог в форме раковины.

Глаза Кентона задержались на последнем члене этой группы. Человек присел на корточки, опираясь, заостренным подбородком на высокий барабан; изогнутые бока барабана блестели алым и черным, как полированная кожа большой змеи. Ноги мощные, но короткие —

тело гиганта, узловатое и искривленное, невероятно сильное. Обезьяньими руками он обвивал бока барабана, длинные пальцы, лежавшие на коже барабана, подобны паучьим лапам.

Но Кентона поразило выражение его лица. Сардоническое и злое, но злоба не такая, как у остальных троих. Широкий рот похож на лягушачий, на тонких губах усмешка. Глубоко посаженные, немигающие черные глаза с открытым восхищением устремлены на женщину. На мочках оттопыренных ушей висят золотые диски.

Женщина быстро спустилась и встала рядом с Кентоном. Он мог бы протянуть руку и коснуться ее. Но казалось, она его не видит.

— Эй, Кланет! — воскликнула она. — Я слышу голос Иштар. Она идет на свой корабль. Ты готов поклониться ей, слизь Нергала?

Ненависть исказила массивное бледное лицо, как адская волна.

— Это корабль Иштар, — ответил он, — но мой страшный повелитель тоже претендует на него, Шарейн. Дом богини насыщен светом, но ответь мне, разве за мной не видна тень Нергала?

И Кентон увидел, что палуба, на которой стояли эти люди, черна как смоль, и снова неясные воспоминания зашевелились в его мозгу.

Неожиданный порыв ветра ударил корабль, как открытой ладонью, наклонил его. Голуби на ветвях деревьев над розовой каютой подняли крик; они взлетели, как белое облако, перевитое розовым; собрались вокруг женщины.

Обезьяньи руки барабанщика развернулись, паучьи пальцы удерживались на поверхности барабана. Тьма сгустилась над ним и скрыла его; тьма затянула всю корму корабля.

Кентон чувствовал, как собираются неведомые силы. Он скользнул ниже, прижимаясь к фальшборту.

От розовой каюты донесся золотой трубный звук, негодующий, нечеловеческий. Кентон повернул голову, волосы его встали дыбом, по коже поползли мурашки.

На крыше розовой каюты появился большой шар, похожий на полную луну, но не белый и холодный, как луна, — он жил, кипел розовым накалом. Он протянул лучи по кораблю, и там, где стояла женщина — Шарейн, — теперь была не женщина.

Купающаяся в розовых лучах шара, она казалась гигантской. Веки закрыты, но сквозь закрытые веки смотрят глаза. Кентон ясно видел их — глаза, жесткие, как нефрит, смотрят сквозь веки, будто это паутина. Тонкий полумесяц на голове превратился в арку живого пламени, а вокруг развевались рыже-золотые волосы.

А облако голубей круг за кругом вилось над кораблем, белые крылья бьются, розовые клювы раскрыты, они кричат, кричат...

В черноте корабельной кормы загремел змеиный барабан.

Чернота поредела. Сквозь нее смотрело лицо, полускрытое, бестелесное, плывущее в тени. Лицо человека по имени Кланет, — и в то

же время так же не принадлежащее ему, как лицо бросившей ему вызов женщины — Шарейн. Бледные глаза превратились в два бассейна адского пламени; они без зрачков. Мгновение это лицо парило, обрамленное тьмой. Потом его затянула и скрыла тень.

Теперь Кентон увидел, что тень эта висит, как занавес, точно по центру корабля, и что сам он лежит едва ли в десяти футах от того места, где этот занавес делит корабль надвое. Он лежит на белой палубе, и снова в голове зашевелилось неясное воспоминание. Сверкание шара ударило в теневой занавес, образовало диск, более широкий, чем корабль; как паутина лучей, протянулся он от огненной луны. Но тень прижалась к сверкающей паутине, стремясь прорвать ее.

Гром барабана с черной палубы усилился, заревели бронзовые рога. Звуки барабана и рогов смешались, они стали пульсом преисподней, логовища обреченных.

А рядом с Шарейн три женщины создали бурю звуков, арпеджио арф устремились, как тонкие стрелы, резкие звуки флейты — как копья. Стрелы и копья звука прорывали барабанный гром и рев рогов, заглушали их, отгоняли прочь.

Внутри тени началось движение. Тень забурлила. Она кипела. На поверхности сверкающего диска появились черные формы. Их тела, безлицые, походили на гигантских личинок, на слизняков. Они рвали паутину, пытались прорваться сквозь нее, колотились о нее.

Паутина подалась!

Края ее держались, но центр медленно отступал, пока диск не превратился в полусферу. Внутри вогнутой полости ползали, извивались, кишели чудовищные формы. Триумфально взревели во тьме барабан и бронзовые рога.

Снова с белой палубы золотой трубный звук. Из шара полилось невыносимое сияние. Края паутины устремились вперед и сомкнулись. Они захватили черные исчадия, те бились и извивались, как рыба в сети. Как сеть, поднятая могучей рукой, паутина поднялась высоко над кораблем. Она стала еще ярче, сравнялась в яркости с шаром. Пойманные черные формы испускали жалкий тонкий писк. Они сжимались, таяли; исчезли.

Сеть раскрылась. Оттуда посыпалась черная пыль.

Паутина вернулась к пославшему ее шару.

И тут же шар исчез.

Исчезла и тень, затягивавшая корму корабля. Высоко над кораблем с победоносными криками кружили голуби.

Чья-то рука коснулась плеча Кентона. Он взглянул в затененные глаза женщины, которую звали Шарейн. Теперь это была не богиня, а просто женщина. В глазах ее виднелось недоумение, крайнее изумление.

Кентон вскочил на ноги. Резкая боль пронзила его голову. Палуба под ногами вращалась. Он старался преодолеть головокружение, но не мог. Корабль продолжал медленно поворачиваться под ногами. А дальше широкой аркой поворачивалось бирюзовое море и серебряный горизонт.

И вот все образовало водоворот, внутрь которого его затянуло — он падал все быстрее, быстрее. Вокруг все стало бесформенным. Снова послышались голоса бурь, резкие крики ветров пространства. Звуки стихли. И только три ясных звонких удара...

Кентон стоял в своей комнате!

Колокол, который он слышал, — это часы, отбивавшие шесть. Шесть часов? Но ведь последний звук, который он слышал в своем мире, прежде чем его унесло в мир загадочного моря, был третий удар все тех же шести часов. Удар, оборванный посередине.

Боже — что за сон! И все на протяжении половины боя часов.

Он поднял руку и коснулся ссадины на виске. Сморщился — по крайней мере этот удар не был сном. Подошел к драгоценному кораблю. И в недоумении уставился на него.

Игрушечные фигурки на палубе переместились — и появились новые.

На черной палубе не было больше четырех кукол. Стояли только две. Одна указывала рукой направо, на место на палубе рядом с мачтой, другой рукой она опиралась на плечо игрушечного солдата, рыжебородого, с агатовыми глазами, одетого в сверкающую кольчугу.

Не было и женщины у двери розовой каюты — там ее видел Кентон, когда впервые появился корабль. На пороге каюты виднелись пять стройных девушек с короткими копьями в руках.

А женщина стояла на правой половине палубы и низко склонилась над бортом.

И весла корабля больше не были погружены в волны из лазурита. Они были подняты, готовы к очередному гребку!

3. Корабль возвращается

Одну за другой Кентон потрогал фигурки. Неподвижные, твердые, они казались частью палубы. Никакими усилиями он не мог их передвинуть.

Но что-то их передвинуло — а куда подевались исчезнувшие? Откуда возникли новые?

Вокруг крошечных фигур не было дымки, они больше не расплывались, каждая вырисовывалась очень четко. Игрушка, указывавшая на правую сторону палубы, — с короткими кривыми ногами, у нее торс гиганта, лысая голова блестит, в ушах золотые диски. Кентон узнал его — барабанщик, бивший в змеиный барабан.

На голове склонившейся маленькой женщины-игрушки — миниатюрный полумесяц, и над ним потоки рыже-золотых волос...

Шарейн!

А место, на которое она смотрит, — разве не на этом месте лежал он на другом корабле в своем сне?

Этот — и есть тот корабль? Кентон опять увидел белую и черную палубы, розовую каюту и изумрудную мачту. Это тот самый корабль! Сон? Но что передвинуло игрушки?

Удивление Кентона росло. В то же время нарастало беспокойство, возбуждение, любопытство. Он обнаружил, что, глядя на корабль, не может четко рассуждать; казалось, корабль притягивает его к себе, наполняет его каким-то напряженным ожиданием. Кентон снял занавеску и набросил на сверкающую загадку. Потом вышел из комнаты. Каждый шаг давался ему с трудом, непреодолимым было желание вернуться, повернуть голову. Он вытащил себя за дверь, чувствуя, будто чьи-то руки держат его, тащат назад. Все еще стараясь не обернуться, он протиснулся в дверь, затворил ее, закрыл на замок.

В ванной он осмотрел ссадину на голове. Болезненная, но ничего серьезного. Холодный компресс в течение получаса — и ничего не будет видно. Он говорил себе, что, должно быть, упал на пол под действием странного запаха, — но знал, что это не так.

Кентон пообедал в одиночестве, не замечая, что́ стоит на столе; разум его по-прежнему был в недоумении. Что связано с этим блоком из Вавилона? Кто поместил внутрь него корабль и почему? В письме Форсайта говорилось, что блок нашли в холме, известном под названием Амран, непосредственно к югу от Ксара — развалин «дворца» Набупалассара. Кентон знал: существуют доказательства, что Ксар — одна из сторон Е-Сагиллы, зиккурата, ступенчатого храма, который когда-то был Великим Домом богов в древнем Вавилоне. Блок, должно быть, пользовался особым почтением, заключил Форсайт, поскольку только он был спасен при разрушении города Сеннахерибом и впоследствии помещен в восстановленный храм.

Но почему к нему относились с таким почтением? Почему такой чудесный корабль был заключен в камне?

Какой-то ключ к разгадке могла дать надпись, если бы не была так повреждена. В своем письме Форсайт указывал, что имя Иштар — матери-богини всех вавилонян, а также богини мщения и разрушения — несколько раз повторялось в надписи. Видны были также стрелообразные символы Нергала, бога вавилонского Аида и повелителя мертвых. Часто встречались символы Набу, бога мудрости. Эти три имени были почти единственными различимыми словами на блоке. Как будто кислота времени, изъевшая остальные знаки, эти не могла тронуть.

Кентон читал клинопись почти так же свободно, как родной англий-

ский. Он припомнил, что в надписи символы Иштар говорили о ее гневной ипостаси скорее, чем о доброй. И всегда сопровождались знаком Набу, одновременно обозначавшим сигнал об опасности, предупреждение.

Очевидно, Форсайт этого не заметил — или не счел достойным упоминания в письме. По-видимому, он также не подозревал о таинственном запахе блока.

Что ж, теперь нечего раздумывать о надписи. Она исчезла навсегда с пылью, в которую превратилась.

Кентон нетерпеливо отодвинул стул. Он знал, что весь час тянул время, разрываясь между горячим желанием вернуться в комнату, где находился корабль, и страхом, что когда он туда вернется, все его приключение окажется иллюзией, сном. Что маленькие фигуры на самом деле не двигались, что они на тех же местах, где и были, когда он впервые увидел корабль, что это всего лишь игрушки — ничего больше. Дальше оттягивать он не будет.

— Больше обо мне сегодня не беспокойтесь, Джевинс, — сказал он дворецкому. — У меня важная работа. Если будут звонить, говорите, что меня нет. Я закроюсь, и тревожить меня можно только если протрубит архангел Гавриил, не меньше.

Старик-слуга, полученный Кентоном в наследство от отца, улыбнулся.

— Хорошо, мистер Джон, — сказал он. — Я не позволю никому беспокоить вас.

Путь в комнату с кораблем пролегал через другую, где Кентон держал предметы, приобретенные им в разных отдаленных концах земли. Проходя через нее, он заметил яркое голубое свечение и остановился, как будто его задержали. Свечение исходило от рукояти меча в одном из шкафов — любопытного оружия, купленного им у одного кочевника в Аравийской пустыне. Меч висел на старинном плаще, в который он был завернут, когда вороватый араб проскользнул в его палатку. Бесчисленные столетия обесцветили лазурь плаща, на ткани которого извивались большие серебряные змеи, кабалистически переплетенные.

Кентон достал меч. Серебряные змеи, двойники тех, что изображались на плаще, вились вокруг рукояти. От рукояти отходил бронзовый стержень восьми дюймов в длину и трех в толщину, круглый, как посох. Стержень расширялся и превращался в лезвие в форме листа двух футов в длину и шести дюймов в ширину посередине. В рукоять был посажен большой туманно-синий камень.

Камень больше не был туманным. Он стал полупрозрачным и светился, как огромный сапфир.

Повинуясь неясной мысли, связавшей эту новую загадку и сияние корабля-игрушки, Кентон снял плащ и набросил его себе на плечи.

Держа в руке меч, он открыл дверь и закрыл ее за собой на ключ; подошел к завешенному кораблю; снял с него покрывало.

Чувствуя, как сильнее забилось сердце, Кентон отпрянул.

На корабле виднелись лишь две фигуры: барабанщик, сидящий на корточках на черной палубе, положив голову на руки, и на белой палубе девушка, склонившаяся на перила и смотрящая в трюм.

Кентон выключил электричество и стоял в ожидании.

Ползли минута за минутой. Отсветы огней Пятой авеню проникали сквозь занавеси и отражались в корабле. Приглушенно, но отчетливо доносились звуки уличного движения, временами гудки автомобилей — знакомый голос Нью-Йорка.

Что за ореол окутал корабль? И куда делись звуки с улицы?

Комната наполнялась тишиной, как сосуд наполняется водой.

Но вот тишину нарушил звук — звук волн, томный, ласкающий. Звуки гладили, такие усыпляющие, прижимали веки. Огромными усилиями он удержал глаза открытыми.

На него наплывал плотный серебряный туман. В тумане плыл корабль, весла его неподвижны, парус едва наполнен ветром. Волны завивались у заостренного носа, светло-бирюзовые, с кружевами пены.

Половина комнаты погерялась в волнах приближающегося моря... та часть, в которой он стоял, находилась на много футов выше волн... они так далеко внизу, что палуба корабля на уровне его ног.

Корабль приближался. Кентон удивился, почему не слышит свиста ветра, грома ураганов — ни звука, кроме слабого шепота увенчанных пеной волн.

Отступая, Кентон уперся спиной в противоположную стену. Перед ним плыл туманный мир, и на его груди — корабль.

Кентон прыгнул, нацеливаясь на палубу.

Вокруг него теперь ревел ветер, ветры выли и кричали — он их слышал, но совсем не чувствовал. И неожиданно все стихло.

Ноги Кентона коснулись твердой поверхности.

Он стоял на белой палубе лицом к розовой каюте, чьи маленькие цветущие деревья были полны воркующими голубями с алыми клювами и лапками. Между ним и дверью каюты стояла девушка, мягкие карие глаза полны удивлением и тем же недоверием, которое он видел в глазах Шарейн, когда та впервые увидела его у изумрудной мачты.

— Ты повелитель Набу, что явился из воздуха, в его плаще мудрости, на котором вьются его змеи? — прошептала девушка. — Но этого не может быть — Набу очень стар, а ты молод. Ты его посланец?

Она опустилась на колени, сложила руки ладонями наружу над лбом. Потом вскочила и побежала к закрытой двери каюты.

— Кадишту! — Она кулаком ударила по двери. — Святая, вестник от Набу!

Дверь каюты распахнулась. На пороге стояла женщина — Шарейн. Взгляд ее упал на Кентона, потом — на черную палубу. Он тоже посмотрел туда. Там на корточках сидел барабанщик; казалось, он спит.

— Карауль, Саталу! — сказала Шарейн девушке.

Она схватила Кентона за руку и втащила его в дверь. Там были еще две девушки. Они уставились на Кентона. Шарейн вытолкнула их.

— Наружу! — прошептала она. — Наружу, и помогите Саталу.

Они выскользнули из каюты. Шарейн подбежала к другой, внутренней, двери, ведущей во вторую часть каюты, и закрыла ее на затвор.

Потом повернулась и медленно подошла к Кентону. Протянула к нему тонкие пальцы, коснулась ими его глаз, губ, груди — как будто хотела убедиться, что он реален.

Взяла его руки в свои, прижалась к ним лбом, волны ее волос окутали его. Волосы ее — серебряная сеть, в которую устремилось его сердце.

Она подняла голову, посмотрела на него.

— Что повелитель Набу хочет сказать мне? — Голос ее поразил Кентона опасной мягкостью. — Каковы его слова ко мне, посыльный? Я готова слушать — в своей мудрости повелитель Набу прислал посыльного, которого легко... слушать.

В голосе ее звучало легкое кокетство, в обращенных к нему туманных глазах — озорство.

Потрясенный близостью к ней, в поисках прочной почвы, Кентон пытался найти слова ответа. Стараясь выиграть время, он осмотрелся. В дальнем конце каюты алтарь. Он инкрустирован блестящими жемчужинами, перламутровыми и бледными лунными камнями, застывшим молочным хрусталем. Перед алтарем семь хрустальных бассейнов, из них поднимается неподвижное серебряное пламя. За алтарем ниша, но свет семи огней скрывает ее содержимое. У Кентона появилось смутное ощущение, что в алтаре кто-то скрывается.

В дальнем конце каюты — низкий широкий диван слоновой кости, выложенный молочным хрусталем и украшенный золотыми арабесками. Серебряные шпалеры покрывают стены, многоцветные, вышитые цветами. Мягкие глубокие серебряные ковры покрывают пол каюты, на коврах — груды подушек. Сзади и слева открыты два широких низких окна, сквозь них струится серебряный свет.

На подоконник села птица, снежно-белая, с алым клювом и лапками; посмотрела на Кентона, прихорашиваясь, проворковала и улетела.

Мягкие ладони коснулись его, лицо Шарейн было близко, в глазах теперь — глубокое сомнение.

— Ты на самом деле от Набу? — спросила она и ждала ответа; а он

по-прежнему не знал, что сказать. — Ты должен быть посланником, — она запнулась, — иначе... как ты мог оказаться на борту корабля Иштар?.. И ты одет в плащ Набу... у тебя его меч... я много раз видела его в храме в Уруке... и я так устала от этого корабля, — прошептала она. — Я хочу снова увидеть Вавилон! О, как я хочу в Вавилон!

Теперь Кентон нашел нужные слова.

— Шарейн, — смело сказал он, — у меня есть послание для тебя. Это правда, а наш повелитель Набу — бог правды, поэтому послание должно быть от него. Но прежде чем я сообщу его тебе, расскажи мне — что это за корабль?

— Что за корабль? — Она откинулась, теперь все ее лицо выражало недоверие. — Но если ты действительно от Набу, ты должен это знать!

— Не знаю, — ответил он. — Не знаю даже значения того послания, которое несу, — расшифровать его должна ты. Но я здесь, на корабле, перед тобой. И своими ушами я слышал приказ — приказ самого Набу — я не должен говорить, пока ты не расскажешь мне, что это за корабль.

Некоторое время она стояла, разглядывая его, изучая.

— Неисповедимы пути богов, — вздохнула она наконец. — Трудно их понять. Но — я повинуюсь.

4. Грех Зарпанит

Шарейн опустилась на диван и поманила Кентона к себе. Положила руку ему на сердце. Сердце забилось от прикосновения, она почувствовала это и слегка отодвинулась, улыбаясь, глядя на него сквозь полуприкрытые загнутые ресницы. Подогнула под себя стройные ноги в сандалиях, зажала белые руки меж круглых коленей. А когда заговорила, голос ее звучал негромко, музыкально.

— Грех Зарпанит; рассказ о ее прегрешении против Иштар; Иштар — могучей богини, матери богов и людей, повелительницы неба и земли, — которая любила ее.

Главной жрицей Иштар в ее Большом доме в Уруке была Зарпанит. Кадишту, святая, была она. А я, Шарейн, родом из Вавилона, стояла к ней ближе всех; ее главная помощница; она любила меня, как ее любила Иштар. Через Зарпанит богиня давала свои советы и предупреждения, награждала и наказывала — королей и простых людей. В теле Зарпанит приходила богиня в свой храм, видела глазами Зарпанит, говорила ее устами.

Храм, в котором мы жили, назывался Домом семи богов. В нем было святилище Сина, бога богов, живущего на Луне; Шамаша, сына Сина, чей дом на Солнце; Набу, повелителя мудрости; Нинипа, повелителя войн; Нергала, Темного безрогого, правителя мертвых; и Бела-Мардука,

великого повелителя. Но прежде всего это был дом Иштар, здесь она была в своем праве — ее храм был ее святым домом.

Из Гутава, на севере, из храма, в котором Темный Нергал правил так же, как в Уруке правила Иштар, приехал в Дом семи богов жрец, чтобы стать главным жрецом храма Нергала. Звали его Алусар — и как Зарпанит была близка к Иштар, так он был близок к Нергалу. Нергал проявлял себя через Алусара, говорил через него и временами жил в нем, как жила иногда в Зарпанит Иштар. Вместе с Алусаром прибыла свита жрецов, и среди них это порождение слизи Нергала — Кланет. Кланет был так же близок к Алусару, как я — к Зарпанит.

Шарейн подняла голову и сузившимися глазами посмотрела на Кентона.

— Я узнала тебя! — воскликнула она. — Ты недавно лежал на корабле и следил за моей борьбой с Кланетом. Я узнала тебя, хоть тогда на тебе не было этого плаща и меча; и ты исчез, когда я смотрела на тебя.

Кентон улыбнулся ей.

— У тебя было испуганное лицо, — сказала она. — Ты смотрел на меня испуганными глазами — и бежал!

Она привстала; он видел, что ее вновь охватило сомнение; презрение в ее голосе вызвало в нем вспышку гнева.

— Я был тот человек, — сказал он. — И не моя вина, что я исчез. Я вернулся, как только смог. И твои глаза обманули тебя. Никогда больше не думай, что я тебя боюсь! Посмотри мне в глаза! — яростно сказал он.

Она смотрела — долго; вздохнула и отклонилась, снова вздохнула и качнулась к нему томно. Его руки обхватили ее.

— Довольно, — она отвела их. — Я не тороплюсь читать в глазах незнакомцев. Но беру свои слова назад — ты не боялся. И не сбежал! Теперь я в тебе не буду сомневаться. Да будет так!

— Между Иштар и Нергалом, — продолжала она прерванный рассказ, — существуют и всегда должны существовать ненависть и борьба. Потому что Иштар — созидательница жизни, а Нергал — ее уничтожитель. Она возлюбленная добра, он возлюбленный зла. И как же можно соединить небо и ад, жизнь и смерть, добро и зло?

И все же она, Зарпанит, кадишту, святая жрица Иштар, ее любимица, соединила все это. Там, где ей следовало отвернуться, она посмотрела с вожделением; там, где нужно было ненавидеть, она — любила!

Да, жрица повелительницы жизни полюбила Алусара, жреца повелителя смерти! Ее любовь была ярким пламенем, в котором она видела его и только его. Будь Зарпанит самой Иштар, она ради Алусара пошла бы в жилище мертвых, как поступила богиня ради своего возлюбленного Таммуза, — чтобы забрать его оттуда или жить там с ним.

Да, даже жить с ним там, в холодной тьме, где медленно передвигаются мертвые, перекликаясь слабыми птичьими голосами. В холоде царства Нергала, в скудости его жилища, в черноте его города, где самая глубокая тень земли, как солнечный луч, Зарпанит была бы счастлива — зная, что она с Алусаром.

Так сильно она любила его!

Я помогала ей в ее любви — ради любви к ней, — шептала Шарейн. — Но Кланет всегда был рядом с Алусаром, ожидая шанса предать его и самому занять его место. А Алусар верил ему. И вот настала ночь...

Шарейн замолчала, лицо ее казалось изможденным от ужаса воспоминаний.

— Настала ночь... ночь, когда Алусар лежал с Зарпанит... в ее комнате. Он обнимал ее... она обнимала его... губы их соприкасались...

И в эту ночь спустилась с неба Иштар и вселилась в нее!..

И в то же мгновение из своего темного города явился Нергал... и вселился в Алусара...

И в объятиях друг друга, глядя друг другу в глаза, охваченные огнем смертной любви... были... Иштар и Нергал... небо и ад... душа жизни слилась с душой смерти!

Шарейн задрожала и заплакала, прошли долгие минуты, прежде чем она снова смогла заговорить.

— И тут же двое обнявшихся были оторваны друг от друга. Мы были подхвачены ураганом, ослеплены молниями, обожжены и избиты о стены. А когда пришли в себя, вокруг были все жрецы и жрицы всех семи храмов. И грех перестал быть тайной!

Да, и даже если бы Иштар и Нергал... не встретились... грех все равно стал бы известен. Потому что Кланет, который должен был стоять на страже, предал их и привел всю свору.

Да будет проклят Кланет! — Шарейн высоко подняла руки, и ее ненависть ударила Кентона, как языком пламени. — Пусть Кланет вечно ползает слепой в холодной черноте жилища Нергала! Но богиня Иштар! Гневная Иштар! Отдай сначала его мне, чтобы я сама послала его туда!

5. Как рассудили боги

— Некоторое время, — продолжала Шарейн, — мы лежали во тьме, Зарпанит и я, а об Алусаре мы ничего не знали. Велик был грех этих двоих, и я разделяла его. Долго пришлось нам ждать решения своей судьбы. Я, как могла, утешала ее — я ее любила и о себе не думала, а сердце ее готово было разбиться: она ведь ничего не знала о нем, о том, которого любила.

Потом настала ночь, когда за нами пришли жрецы. Они вытащили

нас из темницы и молча отвели к входу в Ду-Аззага, бриллиантовый зал, зал совета богов. Здесь были другие жрецы с Алусаром. Вход боязливо открыли и нас троих быстро втолкнули внутрь.

И тут я впервые упала духом, я испугалась и почувствовала, как рядом дрожит Зарпанит.

Потому что Ду-Аззага была полна светом, а на месте изображений богов были сами боги! Скрытые сверкающим облаком, боги глядели на нас. А на месте Нергала была тьма.

Из сияющего лазурного тумана перед алтарем Набу донесся голос повелителя мудрости.

— Велик твой грех, женщина, — произнес этот голос, — и твой, жрец, так велик, что обеспокоил даже нас, богов! Что вы можете сказать, прежде чем мы вас накажем?

Голос Набу звучал холодно и бесстрастно, как свет далеких звезд, — и все же в нем было понимание.

И тут вспыхнула моя любовь к Зарпанит, я ухватилась за нее, и она придала мне силы; я чувствовала, как распрямляется ее непокорная душа, любовь стала ее щитом. Она не ответила — только протянула руки к Алусару. И его любовь проявилась бесстрашно, как и ее. Он обнял ее.

Их губы встретились — и боги-судьи были забыты!

Тогда снова заговорил Набу:

— В этих двоих пламя, которое никто, кроме Иштар, не может погасить; и вряд ли даже она сможет.

При этих словах Зарпанит отвела руки своего возлюбленного, подошла к сиянию, скрывавшему Иштар, поклонилась и обратилась к ней:

— Да, о мать, разве ты не мать огня, который мы зовем любовью? Разве не ты создала любовь и, как факел, утвердила ее над хаосом? И разве ты не знаешь, какова сила любви? Любовь, созданная тобой, пришла незваной в этот храм, в мое тело, которое было твоим и все еще им остается, хотя ты от него отказалась. Разве моя вина, что любовь оказалась такой сильной, что взломала двери твоего храма; разве моя вина, что любовь ослепила меня и дала видеть лишь того, на ком она сияет? Ты создательница любви, о Иштар, и если ты хотела, чтобы ее можно было победить, почему ты сделала ее такой могучей? И если любовь стала сильнее, чем ты ее создавала, можно ли винить нас, мужчин и женщин, если даже ты не можешь справиться с нею? И даже если любовь не сильней тебя, ты сделала ее сильней человека. Поэтому наказывай любовь, свое создание, а не нас, о Иштар!

Молчание богов нарушил повелитель Набу:

— В ее словах правда. Огонь, который горит в них, известен тебе лучше, чем нам, о Иштар. Поэтому отвечать должна ты.

Из-за сверкающей вуали донесся голос богини, мягкий, но в то же время гневный:

— Есть правда в том, что ты говоришь, Зарпанит, которую я некогда называла дочерью. Из-за этой правды я сдержу свой гнев. Ты спрашиваешь, сильнее ли любовь меня, ее создательницы? Мы узнаем это! Ты и твой возлюбленный будете жить в некоем месте, открытом только для вас. Вы вечно будете вместе. Вы сможете смотреть друг на друга, глаза ваши будут встречаться — но никогда руки или губы! Вы сможете говорить друг с другом — но никогда об этом пламени, называемом любовью! Ибо когда она вспыхнет и повлечет вас друг к другу, я, Иштар, вселюсь в тебя, Зарпанит, и вступлю с нею в бой! И это будет не знакомая тебе Иштар. Это будет та моя ипостась, которую люди называют Гневной, Уничтожительницей, — она овладеет тобой. И так будет до тех пор, пока пламя ее в тебе не погаснет!

Голос Иштар смолк. Остальные боги сидели молча. Потом из тьмы алтаря Нергала донесся голос Повелителя смерти:

— Так говоришь ты, Иштар! А я, Нергал, говорю тебе — я с этим человеком, моим жрецом. Не могу сказать, что я им недоволен: благодаря ему я так близко заглянул в твои глаза, о Мать Жизни! — Тьма задрожала от хохота. — Я буду с ним и встречусь с тобой, Иштар-Разрушительница! Да, с искусством, достойным твоего, и с силой, не меньшей, чем твоя, — я, а не ты, загашу это пламя. Потому что в моем жилище такого пламени нет — и я погашу его, чтобы моя тьма не испугалась, когда эти двое наконец попадут ко мне!

И снова хохот сотряс черное облако, а сияние, скрывавшее богиню, задрожало от ее гнева.

А мы трое слушали в отчаянии — наши несчастья усугублялись, когда мы слышали этот разговор Темного безрогого с Матерью неба.

Снова послышался голос Иштар, еще тише:

— Да будет так, Нергал!

Остальные боги продолжали молчать; и мне показалось, что за своими покровами они искоса смотрят друг на друга. Наконец послышался бесстрастный голос Набу:

— А как эта, другая женщина?..

Нетерпеливый ответ Иштар:

— Ее судьба будет связана с судьбой Зарпанит. Она будет в свите Зарпанит, там, куда она отправляется.

Снова голос Набу:

— Жрец Кланет — он свободен?

— Что? Разве у Алусара не будет своей свиты? — насмешливо спросил Нергал. — Нет, Кланет и другие будут с Алусаром.

И снова мне показалось, что боги поглядывают друг на друга; потом Набу спросил:

— Так ли, Иштар?

И Иштар ответила:

— Да будет так!

Ду-Аззага потемнела, мы были одни.

Проснувшись, мы оказались на этом корабле, в этом странном море, в странном мире, и все, что провозгласили боги в Ду-Аззаге, осуществилось. С Зарпанит и мною были пять храмовых девушек, которых она любила. А с Алусаром был Кланет и свора черных жрецов. У нас были гребцы, крепкие храмовые рабы, — по двое на каждое весло. Корабль был прекрасен, и боги позаботились, чтобы в нем было все необходимое для плавания.

На мгновение в глазах ее вспыхнуло пламя гнева.

— Да, — сказала она, — добрые боги устроили нас удобно — и спустили этот корабль в странное море этого странного мира в качестве поля битвы любви и ненависти, как арену, на которой сражаются Гневная Иштар и Темный Нергал, как камеру пыток для своих любимых жрицы и жреца.

Зарпанит проснулась в этой каюте — с именем Алусара на устах. Она выбежала из двери, а из черной каюты, призывая ее, вышел Алусар. Я видела, как она добежала до линии, разделяющей корабль, там, где встречаются белая и черная палубы, — и вот ее отбросило назад, как чьими-то руками. Потому что там барьер, вестник, барьер, созданный богами, и никто из нас на корабле не может преодолеть этот барьер. Но ведь тогда мы ничего не знали об этом. И Алусар тоже был отброшен назад.

И вот, когда они встали, протягивая друг к другу руки, пытаясь коснуться друг друга, в Зарпанит вселилась Иштар, Гневная Иштар, Иштар-Разрушительница, а вокруг Алусара собралось темное облако и скрыло его. А когда оно рассеялось, вместо лица Алусара смотрело лицо Нергала, Повелителя смерти!

Так и было — как установили боги. И вот бессмертные двойники в теле смертных, любивших друг друга, сражались, ненавидели, а рабы в трюме цеплялись за весла и сходили с ума или падали без сознания при виде этого ужаса. А храмовые девушки падали на палубу или бежали в каюту, чтобы ничего не видеть. И только я не кричала и не бежала — тот, кто однажды видел богов в Ду-Аззаге, больше никогда ничего не боится.

Как долго это продолжалось, я не знаю; в этом месте, кажется, нет времени; здесь нет ни дня, ни ночи, какими мы знали их в Вавилоне.

Снова и снова Зарпанит и Алусар стремились встретиться, и снова и снова Гневная Иштар и Темный Нергал отбрасывали их друг от друга. Много хитростей знает повелитель тьмы, и бесчисленно его оружие. Много искусств у Иштар, и разве не всегда полон ее колчан? Вестник, я не знаю, сколько выдержала эта пара. Но все время пытались они разорвать преграду, влекомые своей любовью. И всегда...

Пламя в них продолжало гореть, — прошептала Шарейн. — Ни Нер-

гал, ни Иштар не могли приглушить его. Их любовь делалась все сильнее. И вот настал день...

Это было в середине схватки. Иштар овладела Зарпанит и стояла там, где начинается трюм. Нергал вселился в Алусара и бросил свою темную сеть через яму на сверкавшую молниями богиню.

И тут, сидя скорчившись у входа в каюту, я увидела, как померкло сияние Иштар. Лицо Иштар стало расплываться и блекнуть, и на его месте показалось лицо Зарпанит.

Тьма, окружавшая повелителя мертвых, просветлела, как будто внутри нее вспыхнуло сильное пламя.

И тут Иштар сделала шаг к барьеру, разделявшему палубы, и еще шаг, и еще. Но мне показалось, что не по своей воле она движется. Нет! Она шла спотыкаясь, неохотно, как будто кто-то сильнее ее подталкивал ее вперед. И так же двигался Нергал внутри своей тени навстречу ей.

Они все ближе подходили друг к другу. А сияние Иштар все меркло и меркло. И тьма, окутавшая Нергала, все светлела и светлела. И вот медленно, вопреки своей воле, но неумолимо они приближались друг к другу. Я видела, как сквозь маску Нергала просвечивает лицо жреца Алусара.

Медленно, медленно белые ноги Зарпанит несли Иштар к барьеру; и медленно, медленно, как и она, шел ей навстречу Алусар. И они встретились!

Руки их соединились, губы соприкоснулись, и побежденные бог и богиня покинули их.

Они поцеловались и упали. Упали на палубу — мертвые. Мертвые, в объятиях друг друга.

Не победили ни Иштар, ни Нергал! Нет! Победила любовь — любовь мужчины и любовь женщины. Победившее бога и богиню пламя освободилось!

Жрец упал по нашу сторону барьера. Мы не разнимали их объятий. Опустили их в воду вместе, лицом к лицу.

И я побежала навстречу Кланету — чтобы убить его. Но я забыла, что ни Иштар, ни Нергал не победили друг друга. И вот в меня вселилась богиня, а в Кланета — Нергал. И как раньше, они сражались друг с другом. И снова, как и раньше, невидимый барьер был непреодолим, отделяя тех, кто на белой палубе, от тех, кто на черной.

Но я была счастлива, потому что знала — боги забыли о Зарпанит и Алусаре. Для них двоих битва кончилась. Ни Гневная Иштар, ни Нергал больше не думали о своих жрице и жреце — в моем теле и теле Кланета они могли продолжать свою борьбу за обладание кораблем...

И вот мы плывем — и боремся, плывем — и боремся... Как долго,

я не знаю. Много, много лет должно было пройти с того времени, как я видела богов в Уруке, но посмотри, я все еще молода, все еще хороша! По крайней мере так говорит мне зеркало, — и она вздохнула.

6. Я — не женщина!

Кентон сидел молча, не отвечая. Она молода и хороша — а Урук и Вавилон уже тысячи лет лежат в развалинах!

— Скажи мне, — услышал он ее голос, — по-прежнему ли храм в Уруке славится между народами? А Вавилон по-прежнему ли гордится своим господством?

Он молчал, в нем боролась вера в то, что он в каком-то чужом, незнакомом мире, и здравый смысл.

А Шарейн, с обеспокоенным лицом, смотрела на него все с большим и большим сомнением. Она отскочила от него и стояла дрожа, как гневное лезвие в прекрасных ножнах.

— Ты принес мне послание? — воскликнула она. — Говори — и быстро!

Женщина из мечты, женщина из древнего волшебства, для Шарейн у него был только один ответ — правда.

И Кентон рассказал ей правду, начав с появления каменного блока из Вавилона в его доме. Он не упускал ни одной подробности, чтобы ей стало понятней. Она слушала, не отрывая от него взгляда, она упивалась его словами — удивление сменялось на ее лице недоверием, а потом гневом, отчаянием.

— Даже место, где находился древний Урук, забыто, — закончил он. — Дом семи богов — теперь груда песка. А Вавилон, великий Вавилон, уже тысячи лет как сровнялся с землей!

Она вскочила на ноги — вскочила и бросилась на него, глаза ее сверкали, рыже-золотые волосы развевались.

— Лжец! — закричала она. — Лжец! Теперь я знаю — ты посланец Нергала!

В ее руке свержнул кинжал; он успел перехватить ее руку, боролся с ней, отбросил ее на диван.

Она ослабела, почти потеряла сознание в его руках.

— Урук превратился в пыль! — всхлипывала она. — Храм Иштар — пыль! Вавилон — пустыня! И Саргон Аккадский умер шесть тысяч лет назад, ты говоришь — шесть тысяч лет! — Она задрожала, вырвалась из его объятий. — Но если это так, то кто же я? — шептала она побледневшими губами. — Кто — я? Шесть тысяч лет и больше прошло с моего дня рождения, а я — жива! Кто же я?

Ее охватил страх, глаза ее потускнели, она ухватилась за подушки. Он склонился к ней, она обняла его белыми руками.

— Я жива? — воскликнула она. — Я — человек? Я — женщина?

Ее мягкие губы умоляюще прижались к его губам, аромат ее волос охватил его. Она держала его, прижимаясь своим стройным телом в крайнем отчаянии. И он почувствовал, как сильнее бьется его сердце. И между поцелуями она шептала:

— Разве я не женщина? Я не живая? Скажи мне, разве я не жива?

Желание охватило его, он отвечал ей поцелуем на поцелуй, и в то же время понимал, что не мгновенная любовь и не страсть бросили ее в его объятия.

За ее ласками стоял ужас. Она боялась — страшилась пропасти глубиной в шесть тысяч лет между ее жизнью и его. Цепляясь за него, она хотела увериться в себе. Она ухватилась за последнее оружие женщины — первичное назначение женщины — уверенность в своей женственности, в том, что ее желают.

Нет, поцелуи, обжигавшие его губы, должны были убедить не его — ее самое.

Но ему было все равно. Она была в его объятиях. Он отвечал поцелуем на поцелуй.

Она оттолкнула его, вскочила на ноги.

— Значит, я женщина? — торжествующе спросила она. — Женщина — и живая?

— Женщина! — хрипло ответил он, все его тело дрожало. — Живая! Господи, да!

Она закрыла глаза; глубоко вздохнула.

— Это правда, — воскликнула она, — и это единственная правда из всего сказанного тобою. Нет, теперь молчи, — остановила она его. — Если я женщина и жива, отсюда следует, что все сказанное тобою — ложь. Я не могу быть живой, если с того момента, как я вступила на этот корабль, прошло шесть тысяч лет и Вавилон превратился в пыль. Ты лживая собака! — закричала она и украшенной кольцами рукой ударила Кентона по губам.

Кольца глубоко поранили его. Кентон упал, ошеломленный и болью, и неожиданным изменением ее поведения, а она раскрыла внутреннюю дверь.

— Луарда! Атнал! Все!! — гневно призывала она. — Быстро! Свяжите эту собаку! Свяжите его, но не убивайте!

Из каюты вырвались семь девушек-воинов, в коротких юбках, обнаженные по пояс, в руках они держали легкие копья. Они набросились на него. И в то же время Шарейн вырвала у него из руки меч Набу.

И вот юные ароматные тела окружили его кольцом женской плоти, мягкой, но неразрывной, как сталь. На голову ему набросили синий плащ, обернули вокруг шеи. Кентон очнулся от оцепенения — очнулся с гневным криком. Высвободился, сорвал плащ, прыгнул к Шарейн. Но гибкие тела двигались быстрее, девушки заслонили Шарейн от него.

Они кололи его копьями, как матадор колет нападающего быка. Назад и назад теснили они его, рвали одежду, там и тут показалась кровь.

И сквозь эту пытку он слышал ее хохот.

— Лжец! — насмехалась она. — Лжец, трус и глупец! Орудие Нергала, посланное сюда с лживой вестью, чтобы поколебать мое мужество! Назад к Нергалу вернешься ты с другой вестью!

Девушки, опустив копья, как одна, бросились вперед. Они вцепились в него, обхватили руками и ногами, увлекли вниз. Выкрикивая проклятия, молотя кулаками, пинаясь — больше не думая, что перед ним женщины, — Кентон боролся с ними. Ногой он зацепился за перемычку двери розовой каюты. И упал, таща за собой этих диких кошек. Продолжая драться, они выкатились за дверь.

Сзади послышался крик, предупреждение Шарейн — какой-то резкий приказ. Державшие его руки и ноги разжались, девушки отступили.

Всхлипывая от гнева, Кентон вскочил на ноги. И увидел, что находится совсем рядом с чертой, разделяющей белую и черную палубы. Он подумал, что именно поэтому Шарейн отозвала своих фурий: они подкатились слишком близко к загадочной преграде.

Снова он услышал ее смех. Она стояла на галерее с маленькими цветущими деревьями, голуби вились над нею. В руках ее был меч Набу; она насмешливо подняла его.

— Эй, лживый посланец! — насмехалась Шарейн. — Эй, собака, побитая женщинами! Иди, возьми свой меч!

— Иду, черт тебя побери! — крикнул он и прыгнул вперед.

Корабль покачнулся. Потеряв равновесие, Кентон откинулся назад и перекатился через линию, разделяющую белую и черную палубы. Перекатился — невредимый!

Что-то в глубине его сознания отметило этот факт, отметило его чрезвычайную важность. Как бы велика ни была власть барьера, на Кентона она не распространялась. Он приготовился прыгнуть назад на белую палубу.

— Остановите его! — послышался голос Кланета.

И посредине прыжка его схватили за плечо и повернули длинные мускулистые пальцы. Он смотрел в лицо барабанщика. Когти барабанщика подняли его и, как щенка, швырнули назад.

Тяжело дыша, как рассерженный щенок, Кентон с трудом удержался на ногах. Вокруг него смыкалось кольцо людей в черной одежде, со смертельно бледными невыразительными лицами, со сжатыми кулаками. За этим кольцом стоял воин с красной бородой и агатовыми глазами; а рядом с ним черный жрец.

Но Кентон не обратил на них внимания. Он ринулся вперед. Черные одеяния сомкнулись над ним, охватили его, прижали к палубе.

Корабль снова качнулся, на этот раз сильнее. Кентон, сбитый с ног, скользнул в сторону. Его накрыло волной. Руки, державшие его, раз-

жались. Другая волна подняла его и захлестнула с головой. Он погрузился глубоко; отчаянно устремился к поверхности; протер глаза и поискал корабль.

Ревел ветер. Подгоняемый ветром, корабль быстро удалялся — он был уже в ста ярдах. Кентон закричал и поплыл к нему. Парус спустили, весла ожили, стремясь удержать корабль против ветра. Но корабль продолжал удаляться все быстрее и быстрее.

Он затерялся в серебристом тумане.

Кентон перестал бороться; плыл, затерянный в неведомом мире.

Его ударило волной; он вынырнул, давясь водой. Морская пена хлестала его. Он услышал гром прибоя, свист волн, разбиваемых скалами. Его подхватила другая волна. Удерживаясь на ее вершине, он увидел прямо перед собой желтый утес, поднимающийся из груды огромных камней, на которые с ревом накатывались волны, брызгая фонтанами пены.

Огромная волна подняла его и бросила на желтый столб.

Толчок оказался не сильнее, чем прикосновение к паутине. Несколько мгновений ему казалось, что он несется сквозь мягкую густую тьму. И с ним несется рев ураганов. Неожиданно движение прекратилось, шум ураганов стих.

Он лежал навзничь, пальцы его сжимали какую-то жесткую ткань, которая упрямо рвалась из рук. Он перекатился, вытянул руки, одна из них коснулась холодного полированного дерева. Он сел...

Он снова был в своей комнате!

Кентон с трудом встал и, ошеломленный, стоял покачиваясь. Что это за темное пятно у его ног? Вода — вода, капающая с него, странного цвета — чуть красноватая.

Он понял, что вся его одежда промокла. Лизнул губы — соленые. Одежда его изорвана, с нее каплет соленая вода.

А из десятка ран течет кровь и смешивается с водой.

Он, спотыкаясь, двинулся к игрушечному кораблю. На черной палубе несколько кукол, наклонясь через борт, смотрят в воду.

На галерее над розовой каютой крошечная фигурка...

Шарейн!

Он коснулся ее — алмазно-твердая, алмазно-холодная игрушка!

И все же — Шарейн!

Его сотрясла вернувшаяся волна безумного гнева. Слыша ее смех, Кентон бранился, искал, чем бы ударить по кораблю, разбить его на куски. Никогда больше Шарейн не будет смеяться над ним!

Он схватил за ножку тяжелый стул, поднял его над головой и на мгновение задержал, прежде чем обрушить на корабль...

И вдруг ощутил на губах медовый вкус ее поцелуев, — поцелуев Шарейн!

Стул выпал из его рук.

— Иштар! Набу! — прошептал он и упал на колени. — Отправьте меня назад на корабль! Иштар! Делай со мной что хочешь — только верни на свой корабль!

7. Раб на корабле

Ответ пришел быстро. Кентон услышал далекий рев прибоя, постоянно бьющего о скалистый берег. Рев становился громче.

С грохотом волн передняя стена его комнаты исчезла. Там, где была стена, возвышалась вершина огромной волны. Волна перекатилась через Кентона, подняла его, унесла далеко; и выбросила, хватающего воздух.

Он плыл по поверхности бирюзового моря.

Корабль находился близко. Близко! Его закругленный нос пронесся рядом с головой Кентона, пролетел мимо. Золотая цепь свисала с него, рассекая вершины волн. Кентон попытался ухватиться за нее — и промахнулся.

Он упал в воду. Мимо него быстро двигался сверкающий корпус корабля. Он снова поднялся над водой. С корпуса свисала другая цепь — черная цепь свисала с кормы, рассекая волны.

Он ухватился за цепь. Море хватало его за ноги. Он крепко держался. Перехватываясь руками, осторожно подтянулся. Теперь он находился на уровне фальшборта. Медленно поднял голову и заглянул на палубу.

К нему протянулись длинные руки, схватили за плечи, подняли, швырнули на палубу, прижали к ней. Вокруг ног обвился ремень, руки были прижаты к бокам.

Он смотрел в лицо с лягушачьим ртом — лицо барабанщика. А из-за широченных плеч барабанщика виднелось белое лицо Кланета. Послышался его голос:

— Неси его, Джиджи.

Барабанщик поднял его легко, как ребенка, и в своих огромных руках пронес в черную каюту.

Тут он поставил его на ноги и с любопытством оглядел. С таким же любопытством его разглядывали агатовые глаза краснобородого воина и бледные глаза Кланета.

Кентон в свою очередь разглядывал этих троих. Сначала черный жрец — массивный, со слоновьими мускулами. Кожа бледная, словно кровь в нем течет слишком глубоко, чтобы оживить плоть; лицо Нерона, вылепленное из холодной глины онемевшими пальцами.

Затем Джиджи — барабанщик. Лягушачье лицо с заостренными ушами; короткие согнутые ноги; торс гиганта; с огромных плеч свисают длинные мускулистые обезьяньи руки, силу которых испытал на себе Кентон; в углах рта улыбка. Что-то в нем от древних богов земли, что-то от Пана.

Рыжебородый — перс из того времени, когда орды персов были для всего мира тем же, чем позже стали легионы Рима. Так рассудил Кентон по короткой кольчуге, по ногам в шелке, по высоким ботинкам со шнуровкой, по изогнутым кинжалам и ятагану на украшенном драгоценностями поясе. Человек, как и сам Кентон. Ни кладбищенского запаха Кланета, ни гротескности Джиджи. Полные красные губы над тщательно подстриженной бородой — чувственные, полные любви к жизни; тело плотное и мускулистое; лицо белее, чем лицо Кланета. Но лицо мрачное, на нем глубоко отпечатались тоска, скука, так что даже любопытство, вызванное появлением Кентона, не изменило его тоскливого выражения.

Перед ним находилась широкая плита из красного железняка. У ее края склонились шесть жрецов, поклоняясь чему-то, стоящему в нише над плитой. Что это было, он не мог сказать, — но это что-то дышало злом. Немного больше человека, это что-то в нише было черным и бесформенным, как будто сделано из свернувшихся теней. Оно дрожало, пульсировало — как будто тени, из которых оно состояло, постепенно сгущались вокруг него, проникали внутрь и сменялись другими.

Мрачной была эта каюта, стены сумрачные, из тусклого черного мрамора. Другие тени цеплялись за темные стены, сгущались в углах. Казалось, они только ждут приказа, чтобы сгуститься еще больше.

Нечестивые тени — подобные тем, что собрались в нише.

В глубине, как и в каюте Шарейн, находилось другое помещение, у входа в него толпились с десяток жрецов в черной одежде с бледными лицами.

— Возвращайтесь на место, — обратился к ним Кланет, нарушив молчание.

Они выскользнули из каюты. Черный жрец закрыл за ними дверь. Он коснулся ближайшего из стоявших на коленях.

— Вы достаточно восхваляли нашего повелителя Нергала, — сказал он. — Смотрите — он принял ваши молитвы.

Кентон посмотрел на существо в нише. Оно больше не было туманным. Теперь оно вырисовывалось ясно и четко. У него было тело человека, а на лице виднелось то же злобное выражение, которое Кентон видел на лице черного жреца во время первого своего приключения.

Лик Нергала — повелителя смерти!

А что же за свернувшиеся дрожащие тени обволакивали статую?

Он чувствовал, что Кланет украдкой изучает его. Трюк! Трюк, чтобы испугать его! Он спокойно встретил взгляд жреца, улыбнулся.

Перс рассмеялся.

— Эй, Кланет, — сказал он, — твоя стрела пролетела мимо. Может, этот незнакомец видел такие вещи раньше. Может, он сам колдун и может делать кое-что похлеще. Измени игру, Кланет.

Он зевнул и уселся на низком стуле. Лицо черного жреца стало еще мрачнее.

— Лучше помолчи, Зубран, — ответил он. — Иначе Нергал изменит свою игру с тобой и навсегда уничтожит твое неверие.

— Неверие? — повторил перс. — О, Нергал вполне реален. Не неверие раздражает меня, а вечное однообразие. Неужели ты не можешь сделать что-нибудь новое, Кланет? Может ли Нергал сделать что-нибудь новое? Изменить игру со мной, а? Клянусь Ариманом, именно этого я и жду от него, если он, конечно, может.

Он снова нарочито зевнул. Черный жрец что-то проворчал, повернулся к шести помощникам.

— Идите, — приказал он, — и пришлите ко мне Зачеля.

Они гуськом вышли через внешнюю дверь. Черный жрец опустился на другой стул, изучая Кентона; барабанщик сидел на корточках, тоже глядя на него; перс что-то бормотал про себя, играя рукоятью кинжала. Дверь раскрылась, и в ней появился жрец. В одной руке он держал длинный хлыст, змеиный конец которого, увенчанный металлом, был много раз свернут вокруг его руки. Он поклонился Кланету.

Кентон узнал его. Когда он лежал на палубе у мачты, он видел этого человека: тот сидел на высокой платформе у основания мачты. Зачель был надсмотрщиком рабов галеры, гребцов, а длинный хлыст был рассчитан на то, чтобы достать до любого раба, хоть немного замешкавшегося.

— Этого ли человека ты видел на палубе несколько снов назад? — спросил Кланет. — Он лежал на палубе и, как ты рассказывал, исчез в тот момент, когда шлюха Иштар вон оттуда склонилась к нему.

— Он самый, господин, — ответил надсмотрщик, подходя ближе к Кентону и рассматривая его.

— Куда же он тогда исчез? — спросил Кланет скорее самого себя. — В каюту Шарейн? Но если так — почему она выгнала его, а ее кошки вцепились в него когтями? А откуда меч, которым она размахивала и звала его вернуться за ним? Я знаю этот меч...

— Он не ушел тогда в каюту, хозяин, — прервал его Зачель. — Я видел, как она его искала. Она вернулась одна. Он исчез.

— И его прогнали два сна назад, — продолжал размышлять Кланет. — Корабль с тех пор непрерывно двигался. Мы видели, как он боролся с волнами далеко позади нас. Но вот он снова на корабле — и раны его совсем свежие, все еще кровоточат, будто нанесены несколько мгновений назад. И как он прошел барьер? Да... как он прошел барьер?

— Наконец-то ты задал настоящий вопрос, — воскликнул перс. — Пусть он мне только расскажет это, и, клянусь девятью адами, недолго я буду твоим товарищем, Кланет.

Кентон заметил, как барабанщик украдкой сделал предупреждающий жест персу, увидел, как сузились глаза черного жреца.

— Ха-ха! — рассмеялся Джиджи. — Зубран шутит. Жизнь там так же утомительна, как и у нас. Не правда ли, Зубран?

И снова предупреждающий знак. Перс заметил его.

— Да, думаю, это так, — неохотно ответил он. — Во всяком случае — разве я не принес обет Нергалу? Тем не менее, — пробормотал он, — боги даровали женщине одно умение, которое не наскучило мужчинам с того дня, как создан мир.

— Они забывают это умение в жилище Нергала, — мрачно сказал жрец. — Помни это и придерживай свой язык, иначе окажешься в худшем месте, чем это — тут тебе по крайней мере сохранили тело.

— Могу я сказать, господин? — спросил Зачель, и Кентон почувствовал угрозу в брошенном на него взгляде надсмотрщика.

Черный жрец кивнул.

— Я думаю, он миновал барьер, потому что ничего не знает о нашем повелителе, — сказал Зачель. — Он, может быть, даже враг нашего повелителя. А если нет — как он смог сбросить с себя руки жрецов, исчезнуть в море... и снова появиться?

— Враг Нергала! — пробормотал Кланет.

— Но отсюда не следует, что он друг Иштар, — спокойно вмешался барабанщик. — Конечно, если бы он присягнул Темному повелителю, он не смог бы пересечь барьер. Но правда и то, что присяга Иштар так же помешала бы ему сделать это.

— Верно! — лицо Кланета прояснилось. — И я знаю этот меч — это меч самого Набу.

Он помолчал, задумался. А когда заговорил, его низкий голос звучал вежливо.

— Незнакомец, — сказал он, — если мы были грубы с тобой, прости нас. Посетители на этом корабле — большая редкость. Ты, как бы это сказать, застал нас врасплох и заставил забыть о манерах. Зачель, развяжи его.

Зачель наклонился и угрюмо снял с ног Кентона ремень.

— Если, как я думаю, ты пришел от Набу, — продолжал черный жрец, — говорю тебе, что я не ссорюсь с Мудрейшим и его людьми. И мой хозяин, Повелитель смерти, равен Повелителю мудрости. Как может быть иначе, если один держит ключи знаний этой жизни, а другой — ключи, раскрывающие двери к абсолютному знанию? Нет, никакой вражды здесь нет. Ты приближенный Набу? Он послал тебя на корабль? И — зачем?

Кентон молчал, напряженно размышляя в поисках ответа. Он знал, что оттягивать ответ, как с Шарейн, нельзя. Бесполезно и рассказывать всю правду, как он рассказал ей — и был изгнан, как преследуемая

крыса. Здесь его ждет опасность большая, чем в розовой каюте. Его мысли прервал голос Кланета:

— Но хоть ты и посланец Набу, похоже, он не смог помешать тебе потерять его меч, не спас от копий женщин Иштар. А если это так, спасет ли он тебя от моего хлыста, от моих цепей?

И поскольку Кентон продолжал молчать, волчий огонь загорелся в мертвых зрачках и черный жрец с криком вскочил на ноги:

— Отвечай мне!

— Отвечай Кланету! — крикнул Джиджи. — Или страх перед ним отнял у тебя язык?

Под внешним гневом в голосе барабанщика звучало предупреждение, дружелюбие.

— Если Набу и мог спасти меня, он этого не сделал, — угрюмо сказал Кентон.

Черный жрец с усмешкой снова сел.

— И не спасет, если я приговорю тебя к смерти, — сказал он.

— Смерть — если он приговорит к ней, — прохрипел Джиджи.

— Кем бы ты ни был и откуда бы ни явился, — продолжал черный жрец, — одно кажется мне верным. Ты можешь порвать цепь, которая раздражает меня. Нет, Зачель, останься, — сказал он, заметив, что надсмотрщик сделал движение к выходу. — Твой совет ценен. Останься!

— Умер один из рабов на веслах, — сказал надсмотрщик. — Я хочу снять с него цепи и выбросить за борт.

— Умер? — в голосе Кланета прозвучала заинтересованность. — Который? И как он умер?

— Кто знает? — Зачель пожал плечами. — От усталости, может быть. Он один из тех, кто отплыл с нами с самого начала. Он сидел рядом с желтоволосым рабом с севера, которого мы купили в Эмактиле.

— Да, он прослужил долго, — сказал черный жрец. — Его забрал Нергал. Пусть его тело еще немного поносит цепи. Оставайся со мной.

И он снова обратился к Кентону, неторопливо, непререкаемо:

— Предлагаю тебе свободу. Ты получишь почести и богатство в Эмактиле, куда мы поплывем, как только ты выполнишь мою просьбу. Станешь главным жрецом в храме, если захочешь. Золото, женщины, звания — все твое, если сделаешь то, что я велю.

— Что же я должен сделать, чтобы заслужить все это? — спросил Кентон.

Черный жрец встал и склонил голову так, чтобы смотреть прямо в глаза Кентону.

— Убей Шарейн! — сказал он.

— Мало разума в этом, Кланет, — насмешливо сказал перс. — Разве ты не видел, как его побили ее девушки? Все равно что послать на схватку с львицей человека, побежденного львятами.

— Нет, — сказал Кланет, — я вовсе не имел в виду, что он от-

крыто пересечет палубу, чтобы его все могли видеть. Он может перебраться за борт — и продвигаться от цепи к цепи, с выступа на выступ. В задней стене каюты, где она спит, есть окно. Он может пробраться сквозь него.

— Лучше пусть принесет клятву Нергалу, господин, прежде чем отправиться в дорогу, — прервал Зачель. — Иначе мы его больше не увидим.

— Дурак! — заявил Джиджи. — Если он принесет клятву Нергалу, он вообще ничего не сможет сделать. Откуда мы знаем, что тогда барьер не закроется для него, как он закрыт для всех, поклявшихся Темному повелителю и Иштар?

— Верно, — кивнул черный жрец. — Мы не можем рисковать. Хорошо сказано, Джиджи.

— А почему Шарейн должна быть убита? — спросил Кентон. — Позволь мне сделать ее рабыней, чтобы я мог отплатить за насмешки и удары. Отдай ее мне — и оставь у себя все обещанные богатства и почести.

— Нет! — Черный жрец склонился ближе, внимательно глядя ему в глаза. — Она должна быть убита. Пока она жива, у богини есть сосуд, в который она может вливаться. Шарейн мертва — и на этом корабле нет никого, через кого проявила бы себя Иштар. Я, Кланет, знаю это. Шарейн мертва, Нергал правит — через меня! Нергал выигрывает — благодаря мне!

У Кентона появился план. Он пообещает сделать это — убить Шарейн. Он проберется в ее каюту. Расскажет о заговоре черного жреца. Каким-нибудь образом заставит ее поверить ему.

Слишком поздно понял он по лицу Кланета, что черный жрец уловил его мысли. Слишком поздно вспомнил, что зоркие глаза надсмотрщика не отрываются от него, не упускают ни тени выражения.

— Смотри, господин! — проворчал Зачель. — Смотри! Разве ты не читаешь его мысли, как я? Ему нельзя доверять. Ты призвал меня сюда для совета и назвал мой совет ценным — позволь высказать, что у меня на уме. Я думал, что этот человек у мачты исчез, как я и говорил тебе. Но так ли это? Боги приходят на корабль и уходят с него, как хотят. Но не человек. Нам кажется, мы видели, как он борется с волнами позади корабля. Но так ли это? Колдовством он мог заставить нас видеть то, чего в действительности не было. Он был все это время на корабле, прятался в каюте Шарейн. Мы видели, как он вышел из ее каюты.

— Но его выгнали оттуда женщины, Зачель, — прервал барабанщик. — Выбросили. Избили. Вспомни это. Там нет дружбы, Кланет. Они рвались к его горлу, как псы к горлу оленя.

— Игра! — воскликнул Зачель. — Игра, чтобы обмануть тебя, господин. Они могли убить его. Почему не убили? Его раны — булавоч-

ные уколы. Они гнали его, но куда? Сюда, к нам! Шарейн знала, что он может пересечь барьер. Послала бы она нам такой подарок, если бы у нее не было цели? А какая цель у нее может быть, господин? Только одна. Поместить его сюда, чтобы убить тебя... точно так, как ты хочешь послать его, чтобы убить ее! Он сильный человек — и позволил девушкам побить себя! У него был меч, священное острое оружие — и он позволил женщинам отобрать его. Ха-ха! — рассмеялся Зачель. — Ты веришь в это, господин? Я — нет!

— Клянусь Нергалом. — Кланет встал, разгневанный. — Клянусь Нергалом...

Он схватил Кентона за плечи, швырнул через дверь каюты на палубу. И быстро вышел за ним.

— Шарейн! — взревел он. — Шарейн!

Кентон поднял голову, увидел Шарейн у дверей ее каюты; она обнимала руками талии двух стройных девушек.

— Нергал и Иштар заняты, — насмехался черный жрец. — Жизнь на корабле стала скучной. У меня под ногами раб. Лживый раб. Ты его знаешь, Шарейн?

Он наклонился и высоко поднял Кентона, как мужчина ребенка. Ее лицо, холодное, презрительное, не изменилось.

— Он ничто для меня... червь, — ответила она.

— Ничто для тебя? — ревел Кланет. — Но по твоей воле он пришел ко мне. У него лживый язык, Шарейн. По старому закону раб должен быть наказан за это. Я выставлю против него четверых моих людей. Если он победит их, я сохраню ему жизнь... на некоторое время... чтобы он и дальше развлекал нас. Но если победят они... у него вырвут его лживый язык. Я пришлю его тебе в знак моей любви, о священный сосуд Иштар!

— Ха-ха! — рассмеялся черный жрец, видя, как побледнела Шарейн. — Испытание твоего колдовства, Шарейн. Заставь этот язык говорить. Заставь его... — хриплый голос замурлыкал, — заставь его говорить тебе о любви. О том, как ты прекрасна, Шарейн! Как удивительна, как сладка, Шарейн! Немного упрекать тебя, может быть, за то, что ты позволила его вырвать!

— Хо-хо! — хохотал Кланет. Потом словно выплюнул: — Ты, храмовая шлюха!

Он сунул в руки Кентону легкий хлыст.

— Сражайся, раб, — рявкнул он, — дерись за свой лживый язык!

Вперед прыгнули четверо жрецов, вытягивая из-под одежды ремни, окованные металлом. Они окружили его и, прежде чем Кентон собрался с силами, набросились. Прыгнули, как четыре тощих волка, стегали его своими ремнями. Удары падали ему на голову, на обнаженные плечи. Он пытался отразить удары, ответить на них. Металл ремней глубоко врезался в тело. С плеч, груди, со спины потекла кровь.

Ремень попал ему в лицо, на какое-то время ослепив.

Он услышал издалека золотой голос Шарейн, полный презрения:

— Раб — ты даже бороться не можешь!

Изрыгая проклятия, он отбросил ненужный хлыст. Прямо перед собой увидел улыбающееся лицо жреца, который ударил его. Прежде чем жрец смог снова поднять ремень, кулак Кентона ударил его прямо в ухмыляющийся рот. Кентон почувствовал, как под костяшками его пальцев хрустнули кости носа, посыпались зубы. Жрец отшатнулся, упал и покатился к борту.

И сразу оставшиеся трое набросились на него, пытались схватить за горло, рвали ногтями, хотели сбить с ног. Он высвободился. На мгновение трое отступили, потом набросились вновь. Один оказался немного впереди остальных. Кентон схватил его за руку, завел эту руку за плечо, подставил бедро, напрягся и швырнул жреца по воздуху на остальных. Голова жреца ударилась о палубу, послышался треск, как от лопнувшего сухожилия. Мгновение тело стояло на голове, касаясь палубы плечами, ноги извивались в гротескном полуобороте. Затем упало и лежало неподвижно.

— Хороший бросок! — услышал Кентон голос перса.

Длинные пальцы схватили его за ноги, его потянуло в сторону. Падая, он увидел перед собой лицо — вернее, красное пятно на месте лица; лицо первого жреца, которого он ударил. Кентон вытянул руки. В глотку ему вцепились когти. В мозгу Кентона вспыхнула ужасная картина, которую он видел в другой неравной схватке на поле битвы во Франции. Вверх взметнулась его правая рука с вытянутыми двумя пальцами. Они попали в глаза душителя. Кентон безжалостно нажал. И услышал крик боли, слезы и кровь струились по его рукам, душившие пальцы разжались. На месте глаз были теперь две пустых красных глазницы.

Кентон вскочил на ноги. Наступил на красное лицо, наступил раз, два, три — и пальцы, державшие его за ноги, разжались.

Он мельком заметил бледное лицо Шарейн с широко раскрытыми глазами; понял, что черный жрец больше не смеется.

На него устремился четвертый жрец, сжимая в руке нож с широким лезвием. Кентон наклонил голову и бросился навстречу. Схватил руку, державшую нож, дернул ее назад, услышал, как щелкнула кость. Четвертый жрец закричал и упал.

Кентон увидел Кланета, смотревшего на него, раскрыв рот.

Прямо к горлу черного жреца он прыгнул, подняв кулак. Но жрец вытянул руку, схватил его в прыжке, поднял высоко над головой и приготовился ударить о палубу.

Кентон закрыл глаза — это конец.

Он услышал настойчивый голос перса:

— Эй, Кланет, эй! Не убивай его! Ради Исхака из девяти адов — не убивай его! Кланет! Сохрани его для будущих схваток!

Потом барабанщик:

— Нет, Кланет, нет! — Он чувствовал, как его перехватили когти Джиджи и держали крепко. — Нет, Кланет! Он сражался честно и храбро. Хорошо его сохранить на будущее. Может, он изменит свои намерения — научится повиновению. Помни, Кланет, он может пересекать барьер.

Огромное тело жреца задрожало. Медленно руки его начали опускать Кентона.

— Повиновение? Ха! — послышался резкий голос надсмотрщика. — Дай мне его, господин, на место раба, умершего у весла.

Черный жрец опустил Кентона на палубу. Постоял над ним. Потом кивнул, повернулся и ушел в каюту. Кентон, охваченный усталостью, съежился, сжал руки в коленях.

— Сними цепи с мертвого раба и выброс его за борт, Зачель, — услышал он голос Джиджи. — Я послежу за ним, пока ты не вернешься.

Кентон слышал, как ушел надсмотрщик. Барабанщик склонился над ним.

— Ты хорошо сражался, волчонок, — прошептал он. — Хорошо сражался! Теперь в цепи. Повинуйся. Придет и твой черед. Слушайся меня, волчонок, и я сделаю, что смогу.

Он отошел. Кентон, удивленный, поднял голову. Увидел, как барабанщик нагнулся, поднял тело жреца со сломанной шеей и одним движением длинной руки бросил его за борт. Наклонившись опять, выбросил тело того, на чье лицо наступил Кентон. Остановился в раздумье перед кричащим ужасом с пустыми глазницами, извивающимся на палубе. Потом, весело улыбнувшись, схватил его за ноги и тоже перебросил через борт.

— Потом будет на троих меньше беспокойства, — пробормотал Джиджи.

Кентона охватила дрожь, зубы его застучали, он всхлипнул. Барабанщик удивленно взглянул на него.

— Ты храбро сражался, волчонок, — сказал он. — Почему же ты дрожишь, как побитый пес, у которого отобрали кость?

Он положил руки на окровавленные плечи Кентона. При этом прикосновении Кентон перестал дрожать. Как будто через руки Джиджи вливался поток силы, которую пила его душа. Как будто он наткнулся на древний источник, на древний бассейн равнодушия к жизни и смерти.

— Хорошо! — сказал Джиджи и встал. — За тобой идет Зачель.

Надсмотрщик стоял рядом, он коснулся плеча Кентона, указал вниз, на лестницу, ведущую с черной палубы в трюм. Кентон спустился в полутьму ямы, Зачель — за ним. Кентон, спотыкаясь, пошел по узкому

проходу, был остановлен у большого весла, на котором лежала голова человека с мускулистыми плечами и длинными, как у женщины, светлыми волосами. Гребец с золотыми волосами спал. Вокруг его талии шло толстое железное кольцо. Сквозь это кольцо была продета цепь, ее конец крепился к скобе, глубоко вбитой в скамью, на которой сидел гребец. На запястьях его были наручники. Такие же кольца — на весле. Кольца и наручники соединяла еще одна цепь.

Слева от спящего было пустое металлическое кольцо, на весле — пара пустых колец, с которых свисала цепь с наручниками.

Зачель подтолкнул Кентона к этому месту рядом со спящим. Надел ему на пояс кольцо, защелкнул его, закрыл на замок.

Сунул руки не сопротивлявшегося Кентона в наручники, защелкнул и их и тоже закрыл на замок.

И тут Кентон почувствовал на себе чей-то взгляд. Смотрели сзади. Он увидел наклонившееся над перилами лицо Шарейн. В глазах ее была жалость и еще какое-то чувство, от которого сердце Кентона забилось.

— Я научу тебя повиновению — не сомневайся! — сказал Зачель.

Кентон снова оглянулся.

Шарейн ушла.

Он склонился к веслу рядом со спящим гигантом.

Склонился к веслу...

Прикованный к нему.

Раб на галере!

8. Рассказ Сигурда

Кентон проснулся от резкого звука свистка. Плечо его обожгло, как горячим железом. Он рывком поднял голову, лежавшую на руках; тупо посмотрел на наручники на запястьях. Опять обожгло плечи, впилось в тело.

— Вставай, раб! — услышал он рычание. Он узнал этот голос и пытался осознать свое положение. — Вставай! За весла!

Другой голос, рядом, прошептал хрипло, но с теплым чувством товарищества:

— Поднимайся, иначе кнут напишет на твоей спине кровавые руны.

Кентон с трудом распрямился, руки его механически легли в два гладких полированных углубления на деревянном стволе, к которому он был прикован. Стоя на скамье, он увидел спокойный бирюзовый океан, небольшие волны в огромном перевернутом кубке из серебристого тумана. Перед ним находились четыре человека, два стояли, два сидели у больших весел, подобных тому, за которое держался он; весла проходили сквозь борт судна. За ними видна была черная палуба...

Память вернулась к нему, уничтожив остатки сна. Первый голос принадлежал Зачелю, а прикосновение к плечу — удар бича надсмотрщика.

Кентон повернул голову. Еще с десяток мужчин, черных и коричневых, сидели и стояли у других больших весел, сгибаясь и разгибаясь, двигая корабль Иштар по спокойному лазурному морю. И на платформе у мачты стоял Зачель, насмешливо улыбаясь. Кентона снова ударил длинный бич.

— Не оглядывайся! Греби! — рявкнул Зачель.

— Я буду грести, — прошептал второй голос. — Стой и качайся вместе с веслом, пока к тебе не вернется сила.

Кентон взглянул на светловолосую голову: волосы длинные, будто женские. Но ничего женского в этом поднятом на мгновение ему навстречу лице не было. Ледяной холод и ледяная синева были в глазах, как будто чуть подтаявших от теплого дружеского чувства. Кожа, закаленная бурями, окрашенная ураганами. Ничего женского и в больших мышцах плеч, спины и рук, которые вздымали огромное весло легко, как женщина метлу.

Северянин до кончика пальцев; викинг из древней саги и, подобно Кентону, раб на корабле; гигант, спавший на весле, когда Кентона приковывали к месту.

— Я Сигурд, сын Тригга, — пробормотал северянин. — Какие злые норны привели тебя на корабль колдунов? Говори тихо, наклонись к веслу — у дьявола с хлыстом острый слух.

В такт движениям весла Кентон наклонялся и выпрямлялся, стоя на скамье. Оцепенение, охватившее его мозг, проходило тем быстрее, чем быстрее мышцы, державшие весло, разгоняли кровь по телу. Сосед одобрительно крякнул.

— Ты не слабый человек, — прошептал он. — Весла утомляют, но по ним из моря идет сила. Однако пей эту силу неторопливо. Становись сильней — медленно. А потом, может быть, мы с тобой...

Он замолчал, искоса бросил осторожный взгляд на Кентона.

— По внешности ты Эйрна, с южных островов, — прошептал он. — Я не таю злобы на людей Эйрна. Они всегда отвечают нам мечом на меч, встречают грудь к груди. Многими ударами мы обменялись, и крылатые валькирии никогда не возвращаются в Валгаллу с пустыми руками, когда мы встречаемся с людьми Эйрна. Храбрые люди, сильные люди, люди, которые умирают с криком, целуя лезвие меча и острие копья весело, как невесту. Ты один из них?

Кентон быстро соображал. Он должен так ответить, чтобы подкрепить дружбу, ясно предложенную ему. Ни откровения полной правды, ни уклончивого ответа, вызывающего подозрение.

— Меня зовут Кентон, — негромко ответил он. — Мои предки из Эйрна. Они хорошо знают викингов и их корабли — и мне не передали никакой злобы к ним. Я буду твоим другом, Сигурд, сын Тригга, все время, пока мы будем вместе. И мы с тобой... вместе...

Он многозначительно замолчал, как перед этим викинг. Северянин кивнул, затем снова взглянул искоса.

— Как выпала тебе эта злая судьба? — спросил он по-прежнему шепотом. — С тех пор как меня привели на корабль на острове волшебников, мы не заходили в гавань. И тебя здесь не было, когда меня приковали к веслу.

— Сигурд, клянусь Всеобщим Отцом Одином, не знаю! — Руки северянина вздрогнули при имени его бога. — Невидимая рука выхватила меня из моего мира и перенесла сюда. Сын Гелы, главный на черной палубе, предложил мне свободу — если я совершу постыдный поступок. Я отказался. Я сразился с его людьми. Убил троих. И тогда меня приковали к веслу.

— Ты убил троих! — Викинг смотрел на Кентона сверкающими глазами, оскалив зубы. — Убил троих! Твое здоровье! Товарищ! Твое здоровье!

Что-то похожее на летающую змею свистнуло рядом с Кентоном; свистнуло и ударило северянина по спине. Кровь брызнула с этого места. Хлыст ударил, щелкнув, еще и еще.

Сквозь свист бича послышалось рычание Зачеля:

— Собака! Отродье свиньи! Ты сошел с ума? Убить тебя?

Под ударами хлыста Сигурд, сын Тригга, задрожал. Он посмотрел на Кентона, на губах его появилась кровавая пена. И Кентон вдруг понял, что это не от боли ударов — от стыда и гнева. Удары вызывали кровотечение из сердца, могли разорвать его...

И Кентон, откинувшись, заслонил собою окровавленную спину, принял удары на себя.

— Ха! — закричал Зачель. — Ты тоже хочешь? Ты ревнуешь к поцелуям моего кнута? Что ж — получи их сполна!

Хлыст безжалостно свистнул и ударил, свистнул и ударил. Кентон стоически переносил побои; ни на мгновение не отодвинул он своего ставшего щитом тела; и при каждом ударе думал, как он ответит на них, когда придет время...

Когда он овладеет кораблем!

— Остановись! — Сквозь затянутые болью глаза он увидел наклонившегося через перила барабанщика. — Ты хочешь убить раба? Клянусь Нергалом, если ты сделаешь это, я попрошу у Кланета разрешения приковать тебя на его место!

Потом мрачный голос Зачеля:

— Греби, раб!

Молча, почти теряя сознание, Кентон склонился к веслу. Северянин взял его за руку, сжал ее в железном захвате.

— Я Сигурд, сын Тригга! Внук Ярла! Хозяин драккаров! — голос его звучал негромко, но в нем был отзвук скрещивающихся мечей; он говорил, закрыв глаза, будто стоял перед алтарем. — Теперь между нами

кровное братство. Кентон из Эйрна! Мы с тобой — кровные братья. Клянусь кровавыми рунами на твоей спине, которую ты подставил вместо моей. Я буду твоим щитом, как ты был моим. Наши мечи всегда будут заодно. Твои друзья — мои друзья, твои враги — мои враги. И моя жизнь — твоя, если понадобится! Клянусь Всеобщим Отцом Одином и всеми богами — я, Сигурд, сын Тригга! И если я нарушу эту клятву, пусть жалят меня ядовитые змеи Гелы, пока не увянет Ягдразил, древо жизни, и не наступит Рагнарк — ночь богов!

На сердце у Кентона стало тепло.

Пожатие северянина стало еще сильнее. Затем он разжал руку и склонился к веслу. Ничего больше не было сказано, но Кентон знал — клятва скреплена.

Щелкнул бич надсмотрщика, раздался резкий свисток. Четыре передних гребца высоко подняли весла и положили их в ниши. Викинг поднял свое весло и положил в такое же углубление.

— Садись, — сказал он. — Сейчас нас вымоют и накормят.

Тут на них полилась вода. Прошли два смуглых человека, обнаженные по пояс, со спинами, покрытыми шрамами. В руках они держали ведра. Подняв их, они вылили воду на двух следующих гребцов. Потом повернулись и ушли по узкому проходу между скамьями. Тела у них были мощные, а лица — как будто с древней ассирийской фрески, узкие, с крючковатыми носами, с полными губами. Но на этих лицах не было признаков разума. Глаза их были пусты.

Они вернулись с другими ведрами, вылили воду на пол и чисто вымыли его. Два других раба поставили на скамью между Кентоном и северянином грубую тарелку и чашку. На тарелке лежали десяток длинных стручков и груда круглых лепешек, напоминающих хлеб из маниоки, который в тропиках пекут на солнце. Чашка была наполнена темной густой жидкостью пурпурно-красного цвета.

Кентон пожевал стручки. Они были мясистые и вкусом напоминали мясо. Круглые лепешки имели вкус того, что они напоминали — хлеба из маниоки. Жидкость оказалась крепкой, ароматной, с привкусом брожения. В этой еде и питье была сила. Северянин улыбнулся ему.

— Теперь хлыста нет, можно говорить, только негромко, — сказал он. — Таково правило. Поэтому, пока мы едим и пьем, задавай вопросы без страха, кровный брат.

— Прежде всего я хотел бы узнать две вещи из многих, — ответил Кентон. — Как ты попал на корабль, Сигурд? И откуда приходит эта пища?

— Пища из разных мест, — ответил викинг. — Это корабль колдунов, к тому же проклятый. Он нигде не может надолго останавливаться, и нигде его не ждут. Да, даже в Эмактиле, которая полна колдунами. Когда корабль приходит в гавань, на него несут пищу и такелаж торопливо и с опаской. Все это быстро грузят на корабль и от-

плывают, чтобы владеющие им демоны не рассердились и не уничтожили их. У них сильное колдовство — у этого бледного сына Гелы и у женщины на белой палубе. Иногда она мне кажется дочерью Локи, которого Один заковал в цепи за его злобность. А иногда я считаю ее дочерью Фреи, матери богов. Но кто бы она ни была, она прекрасна и у нее великая душа. У меня к ней нет ненависти.

Он поднес чашку к губам.

— Как я появился здесь, — продолжал он, — это долгая история. Я плыл на юг во флоте Рагнара Красное Копье. Мы отплыли на двенадцати больших драккарах. И плыли на юг через множество морей, грабя по пути. Потом из оставшихся десяти драккаров шесть приплыли в город в земле египтян. Очень большой город и полон храмов богов со всего мира — кроме наших.

Нас рассердило, что среди этих храмов нет храма Всеобщего Отца Одина. Мы разгневались. И вот однажды вечером, когда мы выпили много крепкого египетского вина, мы вшестером решили захватить храм, выбросить оттуда его бога и отдать его Одину.

Мы пришли к храму и вошли в него. Это был темный храм, полный черных одежд, как эти, на корабле. Когда мы объяснили им, что собираемся делать, они зажужжали, как пчелы, и бросились на нас волчьей стаей. Мы тогда многих убили. И захватили бы храм для Одина, воюя вшестером в кольце врагов, но тут — затрубил рог.

— Он призывал помощь? — спросил Кентон.

— Вовсе нет, кровный брат, — ответил Сигурд. — Это был колдовской рог. Рог сна. Он навеял на нас сон, как ветер бросает брызги пены на паруса. Он превратил наши кости в воду; наши красные мечи выпали из рук, которые больше не могли держать их. И мы упали, охваченные сном, упали среди мертвых.

Проснулись мы в храме. Мы решили, что это тот же самый храм: он был темный, и в нем полно жрецов в черных одеждах. Мы были закованы в цепи, нас высекли и превратили в рабов. И тут мы узнали, что находимся не в земле египтян, а в городе, который называется Эмактила, на острове колдунов в море, и все это, как я думаю, в мире колдунов. Долго я был рабом у черных жрецов, я и мои товарищи, пока меня не приволокли на этот корабль, который бросил якорь в гавани Эмактилы. И с тех пор я сижу у весла, смотрю на их колдовство и стараюсь уберечь свою душу.

— Рог, который насылает сон! — удивленно сказал Кентон. — Я не понимаю этого, Сигурд.

— Поймешь, товарищ, — мрачно сказал Сигурд. — Скоро поймешь. Зачель хорошо играет на нем... слушай... он начинает.

Сзади послышался звук рога — глубокий, монотонный, густой звук. Низкий, дрожащий, длительный, он забирался в уши и через них, ка-

залось, проникал в каждый нерв, касался его, ласкал, погружал душу в наркотический транс.

Нота монотонно тянулась, навевая сон.

Гневные глаза викинга были напряжены в борьбе со сном. Медленно, медленно его веки сомкнулись. Руки расслабились, пальцы разжались, тело покачнулось, голова склонилась на грудь. И он упал на скамью.

Монотонная нота продолжала тянуться.

Как ни старался Кентон, он не мог отогнать мягкий липкий сон, навалившийся на него со всех сторон. Все тело его онемело. Сон, сон — рои бесчисленных частиц сна летели на него, плыли в крови каждого сосуда, вдоль каждого нерва, туманили засыпающий мозг.

Все ниже и ниже опускались его веки.

Больше он не мог бороться. Звеня цепями, он упал рядом с Сигурдом.

* * *

Что-то глубоко внутри Кентона заставило его проснуться. Что-то поднялось из пропасти зачарованного сна к поверхности его сознания. Медленно начали подниматься тяжелые веки и остановились, повинуясь какому-то предупреждению. Он посмотрел сквозь сомкнутые ресницы. Цепи, приковавшие его руки к кольцам на весле, были длинными. Он подвинулся во сне и теперь лежал вытянувшись, спиной к низкой скамье. Лицом к белой палубе.

На краю ее, глядя на него, стояла Шарейн. Бледно-голубая накидка, на которой руки давно умерших ассирийских девушек выткали золотые лотосы, покрывала ее грудь, струилась по стройной талии и падала к маленьким ногам в сандалиях. Черноволосая Саталу стояла рядом с ней и тоже наклонялась, глядя на него.

— Госпожа, — услышал он голос Саталу, — он не может быть человеком Нергала, слуги Нергала приковали его здесь.

— Да, — проговорила Шарейн, — да, в этом я ошиблась. И будь он слугой Нергала, он не смог бы пересечь барьер. И Кланет не насмехался бы надо мной, как тогда...

— Он очень красив и молод, — вздохнула Саталу, — и силен. Сражался со жрецами, как повелитель-лев.

— Даже крыса, загнанная в угол, может отбиваться, — презрительно ответила Шарейн. — Он позволил заковать себя в цепи, как побитую собаку. О! — воскликнула она, и это был наполовину плач. — О Саталу, я стыжусь! Лжец, трус, раб — и все же он затрагивает что-то в моем сердце, что не затрагивал еще ни один мужчина. О, я стыжусь, я стыжусь, Саталу!

— Госпожа Шарейн, не плачь! — Саталу схватила ее за руки. — Мо-

жет быть, он не лжец и не трус. Откуда нам знать. Может, он сказал правду. Как нам знать, что случилось в мире, который мы потеряли так давно? И он очень красив — и молод!

— И все же он раб, — гордо сказала Шарейн.

— Ш-ш-ш! — предупредила Саталу. — Зачель возвращается.

Они повернулись, направились к каюте и исчезли из поля зрения Кентона.

Прозвучал свисток побудки. Рабы зашевелились, и Кентон застонал, потянулся, потер глаза и схватился за весло.

В сердце его был восторг. Ошибиться в словах Шарейн было нельзя. Он привлекал ее. Может быть, слегка, но привлекал. И если бы не был рабом — но ведь он не всегда будет рабом — что тогда? Не такой тонкой нитью будет он держать ее. Он рассмеялся, но негромко, чтобы не услышал Зачель. Сигурд с любопытством взглянул на него.

— Сонный рог принес тебе веселые сны, — прошептал он.

— И на самом деле веселые, Сигурд, — ответил Кентон. — Такие сны делают наши цепи все тоньше, пока мы не сможем их порвать.

— Пусть Один шлет такие сны почаще, — пожелал северянин.

9. Договор с Шарейн

Когда Зачель снова подул в свой рог, Кентону не нужна была его помощь, чтобы уснуть. Острый взгляд надсмотрщика улавливал все хитрости Сигурда, он постоянно следил за Кентоном и стегал его, если тот сбивался с ритма или позволял северянину брать на себя большую тяжесть. Руки Кентона были в волдырях, каждая кость и каждая мышца болели, а мозг тупо дремал в усталой голове. И так продолжалось пять следующих снов.

Однажды Кентон нашел в себе силы и задал вопрос, который все время возникал в его мозгу. Половина гребцов находилась за линией, разделяющей белую и черную палубы — ни Кланет с его свитой, ни Шарейн с ее женщинами не могли пересечь эту границу. А Зачель расхаживал от одного края трюма до другого; другие жрецы тоже, — он видел их. И хотя он не видел внизу ни Кланета, ни Джиджи, ни перса, он не сомневался, что они тоже могли бы пройти. Почему же тогда черные одежды не проберутся понизу и не захватят розовую каюту? Почему Шарейн и ее женщины не спустятся в яму и не устроят засаду черной каюте? Почему не пускают в ход свои копья, свои стрелы — через яму в стаю черных жрецов?

Это колдовской корабль, повторил викинг, и на нем лежит не простое заклятье. Умерший раб рассказывал ему, что он был на корабле с того дня, как его спустили боги, и что всегда невидимый загадочный барьер отделял одну половину корабля от другой. Ни копье, ни стрела,

ни другой снаряд не могли пересечь этот барьер, если не были посланы рукой бога или богини.

Оставаясь людьми, и тот и другой лагерь бессильны друг перед другом. Есть и другие законы, говорил раб Сигурду. Ни Шарейн, ни Кланет не могут покинуть корабль, когда он приходит в гавань. Женщины Шарейн могут. Черные жрецы тоже, но ненадолго. Скоро они должны вернуться. Корабль тянет их к себе. Что с ними будет, если они не вернутся? Раб не знал, но сказал, что это невозможно, корабль все равно притянет их.

Кентон раздумывал над этим, с болью в спине двигая веслом. Несомненно, корабль создали весьма практичные и экономные божества, они ничего не упустили, ни малейшей подробности, подумал он насмешливо.

Что ж, они создали игру, и у них есть право создавать законы этой игры. Он подумал, сможет ли Шарейн свободно ходить по кораблю от носа до кормы, когда он станет его хозяином. Думая об этом, он услышал рог Зачеля и, довольный, погрузился в забвение, которое приносил сон.

После шестого сна он проснулся с кристально ясным сознанием, с удивительным чувством радости жизни; тело его, свободное от боли, стало гибким и сильным. Он легко и сильно двигал веслом.

— Я предсказывал, что сила придет к тебе из моря, — сказал Сигурд.

Кентон с отсутствующим видом кивнул, его обострившаяся мысль ухватилась за проблему освобождения от цепей.

Что происходит на корабле, когда гребцы спят? Не может ли представиться ему и викингу шанс освободиться, если они не заснут?

Если бы он мог не заснуть!

Но как закрыть уши, если рог льет в них сон, как сирены в древности лили свои призывные песни в уши моряков, посмевших приплыть в их владения.

Сирены! В его памяти вспыхнуло приключение хитроумного Одиссея. Как его охватило желание услышать песни сирен — но не остаться с ними. Как приплыл он в их владения, залепил уши своих гребцов растопленным воском, велел им привязать себя к мачте с открытыми ушами — и тогда, проклиная всех, стремясь разорвать путы, сходя с ума от желания прыгнуть в их белые руки, он слышал их чарующие мелодии — и благополучно уплыл от них.

Поднялся ветер — ровный ветер, который заполнил парус корабля и нес его по мягким волнам. Скомандовали сушить весла. Кентон склонился на скамью. Сигурд был в дурном настроении, он стал молчалив, нахмурился, глаза его были устремлены вдаль, он грезил о далеких днях, когда его драккар бороздил Северный океан.

Кентон опустил руки на шелковые тряпки, в которые были завернуты его ноги, пальцы его как бы бесцельно начали отрывать нити, сминать их и собирать в шелковые цилиндрики. Он продолжал работать, викинг не обращал на него внимания. И вот он сделал две пробки. Зажал одну в ладони, потер лицо и незаметно всунул пробку в ухо. Немного подождал, закрыл второе ухо. Рев ветра превратился в шепот.

Медленно, незаметно вынул пробки, скрутил еще нити. Снова заткнул уши. Теперь слышалось только слабое далекое бормотание. Удовлетворенный, он сунул пробки за пояс.

Корабль летел вперед. Вскоре пришли рабы и вылили на них с викингом ведра с водой, принесли им еду и питье.

Перед самым началом сна Кентон опустил голову на скамью, держа в пальцах шелковые цилиндрики. Быстро засунул их в уши. И расслабил все мышцы. Монотонный звук рога превратился в еле слышное жужжание. Но даже и теперь его охватывал сон. Кентон боролся с ним, отгонял его. Жужжание прекратилось. Он слышал, как рядом прошел надсмотрщик, посмотрел ему вслед сквозь сомкнутые ресницы. Надсмотрщик поднялся на корму и исчез в каюте Кланета.

Черная палуба была пуста. Как бы ворочаясь во сне, Кентон перевернулся, опустил руку со скамьи, оперся на нее и взглянул на то, что находилось за ним.

Он услышал смех, золотой, звонкий. По краю палубы шла Шарейн, рядом с ней черноволосая Саталу. Шарейн села, распустила волосы, золотое облако рассыпалось по плечам, и она сидела будто под ароматным шелковым красно-золотым тентом. Саталу приподняла золотистую прядь, начала расчесывать ее.

И сквозь эту прекрасную паутину глаза Шарейн устремились на него. Невольно он широко раскрыл свои, взглянул в ее полускрытые зрачки. Она удивленно выдохнула, привстала, в изумлении глядя на него.

— Он не спит! — прошептала она.

— Шарейн! — выдохнул он.

Он видел, как краска покрыла ее лицо, оно стало надменным. Она подняла голову, нарочито принюхалась.

— Саталу, — сказала она, — тебе не кажется, что очень воняет из трюма? — Она сморщила нос. — Да, я уверена. Как на старом базаре рабов в Уруке, когда приводили новых рабов.

— Я... я не заметила, госпожа, — запинаясь, ответила Саталу.

— Ну, конечно, — голос Шарейн стал безжалостен. — Вот он сидит, новый раб. Странный раб, который спит с открытыми глазами.

— Но он... не похож на раба, — девушка по-прежнему запиналась.

— Неужели? — ласково спросила Шарейн. — Что с твоей памятью, девушка? Каковы признаки раба?

Черноволосая девушка не ответила, низко склонясь над локонами госпожи.

— Цепь и следы кнута, — насмехалась Шарейн, — вот признаки раба. И у этого нового раба они есть — во множестве.

Кентон по-прежнему молчал, не отвечая на насмешки, не двигаясь; он на самом деле едва слышал ее, упиваясь ее красотой.

— Ах, мне снился человек, который пришел ко мне с великими словами, носитель обещаний, надежда моего сердца, — вздохнула Шарейн. — Я открыла ему свое сердце — в том сне, Саталу. Все сердце! А он ответил мне ложью, и его обещания оказались пустыми, и мои девушки побили его. А теперь мне кажется, что там сидит этот лжец и слабый человек из моего сна, и на спине у него следы кнута, а руки у него в цепях. Раб!

— Госпожа! О, госпожа! — прошептала Саталу.

Кентон хранил молчание, хотя насмешки начали жечь его.

Неожиданно она встала, просунула руки сквозь сверкающие пряди.

— Саталу, — прошептала она, — может ли мой вид разбудить раба? Может ли раб, особенно молодой и сильный, разорвать свои цепи — ради меня?

Она качнулась, обернулась; сквозь тонкую одежду сверкнули изящные розовые округлости грудей и бедер. Она широко раскинула сеть своих волос, посмотрела сквозь них на него шаловливым взглядом. Прихорашиваясь, выставила вперед розовую ногу, колено с ямочкой.

Он безрассудно поднял голову, кровь ударила ему в лицо.

— Цепи будут разорваны, Шарейн! — воскликнул он. — Я разорву их — не сомневайся. И потом...

— И потом, — повторила она, — потом мои девушки снова побьют тебя, как и раньше! — Она усмехнулась и отвернулась.

Он следил, как она уходит, кровь билась в его висках, как барабан. Он заметил, что она остановилась и что-то шепнула Саталу. Черноволосая девушка обернулась и сделала ему предупреждающий жест. Он закрыл глаза и опустил голову на руки. И услышал шаги Зачеля, спускавшегося в яму. Прозвучал свисток.

Но если она смеялась над ним, почему предупредила об опасности?

* * *

Шарейн снова смотрела на него с палубы.

С того первого раза прошло время, но как измерить его в этом заколдованном мире, Кентон не знал. Как и корабль, он запутался во вневременной паутине.

Сон за сном лежал он на скамье, ожидая ее. Она не выходила из каюты. Или если и выходила, то не попадалась ему на глаза.

Он не рассказывал викингу, что сумел разорвать чары сна. Сигурду он предан душой и телом. Но он не был уверен в хитрости северянина,

не был уверен, что тот сумеет изобразить сон, как это делал Кентон. Он не мог рисковать.

И вот Шарейн стояла и смотрела на него с палубы возле изумрудной мачты. Рабы спали. На черной палубе никого не было. И в лице Шарейн не было насмешки. И когда она заговорила, слова ее нашли отклик в его сердце.

— Кто бы ты ни был, — шептала она, — две вещи ты можешь делать. Пересекать барьер. Оставаться бодрствующим, когда другие рабы спят. Ты сказал, что можешь разорвать цепи. Поскольку те две вещи ты можешь делать, я верю, что и третья может оказаться правдой. Если только...

Она помолчала; он прочел ее мысли.

— Если только я не солгал тебе, как лгал раньше, — спокойно сказал он. — Что ж, я тебе не лгал.

— Если ты разорвешь цепи, — сказала она, — ты убьешь Кланета?

Он сделал вид, что думает.

— Зачем мне убивать Кланета? — спросил он наконец.

— Зачем? Зачем? — в голосе ее звучало презрение. — Разве он не заковал тебя в цепи? Не высек тебя? Не сделал тебя своим рабом?

— А разве Шарейн не прогнала меня копьями? — спросил он. — Разве не Шарейн сыпала мне соль на раны своими насмешками? Своим смехом?

— Но... но ты лгал мне! — воскликнула она.

Снова он сделал вид, что раздумывает.

— И что же получит этот лжец, слабак и раб, если убьет ради тебя этого черного жреца? — спросил он.

— Получит? — повторила она, не понимая.

— Чем ты мне за это заплатишь? — сказал он.

— Заплатить тебе? Заплатить? — Она жгла его своим презрением. — Тебе заплатят. Ты получишь свободу, любые из моих драгоценностей — все бери...

— Свободу я и так получу, убив Кланета, — ответил он. — Какая польза мне от драгоценностей на этом проклятом корабле?

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Когда ты убьешь черного жреца, я смогу высадить тебя в любом месте, где захочешь, в этом мире. Тут везде ценятся драгоценности.

Она помолчала и добавила:

— И разве они не ценятся в твоем мире, куда ты, кажется, можешь возвращаться, когда тебе грозит опасность?

Голос ее теперь был, как сладкий яд. Но Кентон только рассмеялся.

— Чего же ты хочешь? — спросила она. — Если этого недостаточно, чего же еще?

— Тебя!

— Меня? — выдохнула она. — Я, которая не отдавалась за плату никому! Я — должна отдаться тебе? Ты побитый пес! — Она бушевала. — Никогда!

До этого момента Кентон вел рассчитанную игру; теперь же он почувствовал гнев, такой же настоящий, как и ее.

— Нет! — воскликнул Кентон. — Нет! Ты не отдашь себя мне! Клянусь Богом, Шарейн, я возьму тебя!

Он протянул к ней сжатые в кулак закованные руки.

— Я буду хозяином корабля, и без всякой твоей помощи. Ты назвала меня трусом и лжецом, а теперь готова бросить мне плату мясника. Я захвачу корабль своими руками. И теми же руками возьму — тебя!

— Ты угрожаешь мне! — Лицо ее покраснело от гнева. — Ты!

Она прижала руку к груди, достала кинжал и бросила в него. Но он, как будто ударившись о невидимую стену, упал со звоном у ее ног, лезвие откололось от рукояти.

Она побледнела, съежилась.

— Ненавидь меня! — насмехался Кентон. — Ненавидь меня, Шарейн: что такое ненависть, как не очищающий пламень для чаши любви?

Она ушла и дверь каюты закрыла вовсе не бесшумно. А Кентон, мрачно усмехаясь, склонил голову на весло. Скоро он спал, как и его сосед-северянин.

10. На корабле под парусом

Он проснулся от шума и суматохи по всему кораблю. На белой и черной палубах стояли люди. Они указывали куда-то руками, разговаривали, жестикулировали. Стая птиц, первая увиденная им в этом странном мире, пролетела над головой. Крылья у птиц были похожи на крылья больших бабочек. Оперение сияло, как лакированное, золотом и яркой зеленью. Из раскрытых клювов доносились крики, похожие на перезвон маленьких колоколов.

— Земля! — воскликнул викинг. — Мы входим в бухту. Должно быть, кончаются пища и вода.

Дул свежий ветер, и корабль шел под парусом. Не думая о биче Зачеля, Кентон взобрался на скамью и взглянул вперед. Надсмотрщик не обратил на это внимания, его собственный взгляд был устремлен туда же.

Перед ними находился солнечно-желтый остров, высокий и круглый, усеянный кратерами радужной расцветки. Если не считать этих углублений, весь остров казался сверкающим топазом, от основания, лежавшего в переливчатом мелком лазурном море, до вершины, на которой росли деревья с листвой, похожей на оперение; ветви деревьев напоминали огромные плюмажи из страусовых перьев, окрашенные в тусклое

золото. Над ними и в них мелькали яркие вспышки — как многочисленные летающие цветы.

Корабль подошел ближе. На носу собрались девушки Шарейн, они смеялись и болтали. А на галерее стояла Шарейн и смотрела на остров грустным задумчивым взглядом.

Теперь берег был совсем рядом. Опустился парус. Корабль на веслах медленно подходил все ближе и ближе. И только когда нос чуть не уткнулся в берег, кормчий резко повернул рулевое весло и развернул корабль. Они плыли вдоль берега, и султаны странных деревьев овевали палубу своими листьями, похожими на ту листву, которую рисует мороз на стекле. Топазно-желтыми и солнечно-янтарными были эти листья, а ветви, с которых они свисали, блестели, как высеченные из желтого хризолита. На них висели огромные гроздья цветов в форме лилий, пламенно-алых.

Медленно, все более медленно плыл корабль. Он вполз в широкую расщелину, которая рассекала остров почти до его середины. Берега расщелины пестрели многоцветными кратерами, и Кентон теперь увидел, что это просто поля цветов, росших как бы глубокими круглыми амфитеатрами. А сверкающие вспышки оказались птицами — птицами всех размеров: маленькие — не больше стрекозы, а у самых больших размах крыльев, как у кондоров с высоких Анд. Большие и маленькие, все они летали на ярких крыльях бабочек.

Остров дышал ароматом. И на нем не было ничего зеленого, кроме изумрудного сверкания птичьих перьев.

Мимо них скользила долина. Все медленнее мели палубу ветви деревьев. Корабль проскользнул в устье оврага, в конце которого водопад обрушивал дождь жемчужин в золотой бассейн, обрамленный папоротником. Послышался звон цепи, упал якорь. Нос корабля развернулся, прорезал листву, уперся в берег.

По трапу спустились женщины Шарейн, неся на головах большие корзины. Шарейн смотрела им вслед с глубокой грустью. Женщины мелькнули меж цветов, усеивавших рощу, все тише и тише звучали их голоса, пока совсем не стихли. Шарейн, опустив подбородок на белые руки, впитывала землю широко раскрытыми тоскующими глазами. Над ее головой, над серебряным полумесяцем, по которому струились рыжезолотые волосы, парила птица — птица из сверкающих бриллиантов и блестящей синевы, со звоном волшебных колокольчиков. Кентон видел слезы на щеках Шарейн. Она заметила его взгляд и гневно отвернулась. Повернулась, как будто хотела уйти, потом понуро спряталась за цветущими деревьями своей галереи, где он больше не мог видеть, как она плачет.

Женщины вернулись с корзинами, полными добычи: фруктами, похожими на тыкву, пурпурными и белыми, большими гроздьями тех стручков, которые он ел, когда оказался на корабле. Они занесли свой

груз в каюту и вышли с пустыми корзинами. Еще не раз они уходили и возвращались. Наконец они унесли не пустые корзины, а мехи для воды. Их они наполнили водой у сверкающего водопада. Несколько раз приносили они мехи, полные водой, на своих плечах.

И вот они еще раз отправились на берег, на этот раз без ноши; весело спустились с борта, скинули свои легкие одежды и бросились в воду. Как водяные нимфы, плавали они и играли, а перламутровая вода ласкала, гладила их изысканные округлости — цвета слоновой кости, теплого розового цвета, мягкого коричневого. Наконец они выбрались из пруда, в цветочных венках и с охапками водяных лилий в руках, неохотно поднялись на борт и исчезли в каюте.

Теперь за борт спустились люди Кланета. Они тоже носили грузы на корабль, выливали воду в баки.

И снова началось движение на корабле. Загремели цепи, поднялся якорь. Вверх и вниз взметнулись весла, отводя корабль от берега. Вверх взлетел парус. Корабль развернулся, поймал ветер, медленно поплыл по аметистовым отмелям. Быстрее заработали весла. Золотой остров уменьшался, превращаясь в шафрановое облачко на горизонте, пока не исчез.

Корабль шел под парусом.

Все дальше и дальше — куда, в какой порт? Этого Кентон не знал. Сон за сном шел корабль безостановочно. Огромная чаша серебряного тумана, краем которой был горизонт, то расширялась, то сужалась — туман то сгущался, то чуть рассеивался. Им встречались бури, но они их выдерживали; ревущие шторма сменяли серебро тумана расплавленной медью, чернотой более глубокой, чем ночная тьма. Неожиданные порывы бури грозили молниями, страшными и прекрасными. Эти молнии напоминали осколки огромных призм, разбитые драгоценные радуги. Бури мчались на ногах громов. Гром звучал металлом, как звон колоколов; ураганы бьющихся цимбал сменялись дождями из многоцветных пламенеющих жемчужин.

И постоянно море вливало в Кентона силу через весло, как и пообещал Сигурд, переделывая его, преобразовывая, превращая его тело в орудие, закаленное и гибкое, как рапира.

Между снами Сигурд пел ему песни викингов, неспетые саги, забытый эпос севера.

Дважды посылал за ним черный жрец, допрашивал, угрожал, соблазнял — напрасно. И каждый раз с еще более мрачным лицом отправлял его обратно к цепям.

Сражений бога и богини больше не было. И Шарейн во время сна рабов не выходила из своей каюты. Бодрствуя, он не мог повернуть головы, рискуя навлечь на себя бич Зачеля. Поэтому он часто поддавался сонному рогу — какой смысл бодрствовать, если Шарейн скрывается?

И вот наступил момент, когда он, лежа с закрытыми глазами, услышал чьи-то шаги. Он повернулся, лицом прижимаясь к спинке скамьи, как будто в беспокойном сне. Шаги остановились возле него.

— Зубран, — это голос Джиджи, — этот человек превратился в юного льва.

— Да, он силен, — согласился перс. — Жаль, что сила его тратится здесь, перегоняя корабль от одного скучного места к другому.

— Я думаю так же, — сказал Джиджи. — Сила теперь у него есть. И есть мужество. Помнишь, как он убивал жрецов?

— Помню ли я? — в голосе перса больше не слышалась скука. — Как я могу забыть? Клянусь сердцем Рустама, это забыть невозможно! Для меня это первый глоток жизни, кажется, за столетия. Я у него в долгу за это.

— К тому же, — продолжал Джиджи, — у него есть верность. Я рассказывал тебе, как он защитил своей спиной человека, который спит с ним рядом. Этим он мне еще больше понравился.

— Прекрасный жест, — сказал перс. — Может, для изысканного вкуса чересчур цветистый. Но все же — прекрасный.

— Мужество, верность, сила, — размышлял барабанщик, потом медленно, с оттенком веселья в голосе, — и хитрость. Необычная хитрость, Зубран: он нашел способ закрыть уши для сонного рога — и сейчас он не спит.

Сердце Кентона остановилось, потом начало биться сильнее. Откуда барабанщик знает? Знает ли он на самом деле? Или только догадывается? Он отчаянно пытался сдержать нервы, заставлял себя лежать неподвижно.

— Что?! — воскликнул перс недоверчиво. — Не спит?! Джиджи, ты бредишь!

— Нет, — спокойно ответил Джиджи. — Я незаметно следил за ним. Он не спит, Зубран.

Неожиданно Кентон почувствовал прикосновение руки к своей груди, к сердцу. Барабанщик усмехнулся, отвел руку.

— Он к тому же осторожен, — одобрительно сказал он. — Он мне немного верит, но только немного. И тебя он знает недостаточно, Зубран, чтобы довериться тебе. Поэтому он лежит тихо и говорит себе: «Джиджи на самом деле не знает. Он не может быть уверен, пока я не открою глаза». Да, он осторожен. Но смотри, Зубран, он не может заставить кровь отхлынуть от лица, не может замедлить ритм сердца до сонного.

Он снова усмехнулся.

— А вот и еще одно доказательство его осторожности: он не сказал своему товарищу, что рог не имеет над ним власти. Слышишь, как храпит длинноволосый? Он-то уж точно спит. Мне это нравится — тайна, разделенная двоими, уже не тайна.

— Он кажется мне спящим. — Кентон почувствовал, как перс склоняется к нему, сомневаясь.

Усилием воли он держал свои веки закрытыми, дышал равномерно, спокойно. Долго ли они будут стоять тут?

Наконец Джиджи нарушил молчание.

— Зубран, — негромко сказал он, — подобно тебе, мне тоже наскучил черный жрец и эта бесплодная борьба между Иштар и Нергалом. Но, связанные обетом, ни я, ни ты не можем сразиться с Кланетом, не можем причинить вред его людям. Неважно, что обеты вырваны у нас хитростью. Мы их дали — и они действуют. До тех пор, пока Нергал через своего жреца правит на своей палубе, мы не можем сражаться с ним. Но предположим, что Кланет больше не правит, что чья-нибудь рука отправила его к его Темному хозяину.

— Это должна быть могучая рука! Где в этих морях мы найдем такую руку? И если найдем, как убедим выступить против Кланета? — усмехнулся перс.

— Я думаю, она здесь. — Кентон снова ощутил на себе руку барабанщика. — Мужество, верность, сила, быстрый ум и осторожность. У него все это есть. К тому же — он может пересекать барьер.

— Клянусь Ариманом! Верно!

— Теперь я хочу дать еще один обет. Обет, к которому ты присоединишься. Если цепи этого человека будут... разорваны, он легко сможет пробраться к Шарейн, легко вернет свой меч.

— Ну, и что тогда? — спросил Зубран. — Ему все же нужно будет встретиться с Кланетом и его сворой. А мы не сможем помочь ему.

— Да, не сможем, — согласился барабанщик. — Но мы не будем и мешать ему. Наши клятвы не заставляют нас воевать на стороне черного жреца, Зубран. На месте этого человека — если бы мои цепи были разорваны и меч снова был бы у меня — я нашел бы возможность освободить спящего рядом товарища. Он, я думаю, смог бы удержать свору, пока этот волчонок, который больше не волчонок, а взрослый волк, сразился бы с Кланетом.

— Что ж, — с сомнением начал перс, но потом с большим воодушевлением продолжил: — Я хотел бы видеть его свободным, Джиджи. По крайней мере хоть что-то нарушит это проклятое однообразие. Но ты говорил об обете.

— Клятва за клятву, — ответил Джиджи. — Если его цепи будут сломаны, если он вернет себе свой меч, если мы не будем помогать Кланету справиться с ним и если он убьет Кланета, станет ли он товарищем тебе и мне, Зубран?

— Почему он должен давать такую клятву? — спросил Зубран. — Разве только мы сломаем его цепи.

— Вот именно, — прошептал Джиджи. — Если он даст такую клятву, я сломаю его цепи.

Кентон почувствовал надежду. Но потом — сомнение. Не ловушка ли это? Уловка, чтобы мучить его. Он не станет рисковать... и все же... свобода!

Джиджи склонился к нему.

— Верь мне, Волк, — тихо сказал он. — Клятва за клятву. Если согласен, посмотри на меня.

Ему предлагают кости. Он не знает, фальшивые ли они, но нужно бросать. Кентон открыл глаза, посмотрел прямо в близкие мигающие бусинки. И снова крепко закрыл, успокоил дыхание, будто крепко спал.

Джиджи со смехом распрямился. Кентон слышал, как эти двое поднялись по ступеням из трюма.

Снова свобода! Возможно ли это? И когда Джиджи — если это правда и не ловушка — когда Джиджи разорвет его цепи? Он лежал, разрываясь между надеждой и холодным сомнением. Может ли это быть правдой?

Свобода! И...

Шарейн!

11. Джиджи разрывает цепи

Недолго пришлось ждать Кентону. Едва прозвучал в следующий раз сонный рог, как Кентон почувствовал прикосновение к своему плечу. Длинные пальцы дернули его за ухо, приподняли веки. Он смотрел в лицо Джиджи. Кентон вытащил из ушей пробки, которые помогли ему не поддаться звуку рога.

— Вот как ты это делаешь. — Джиджи с интересом осмотрел их. Он присел на скамью рядом.

— Волк, — сказал он, — я пришел поговорить с тобой, чтобы ты узнал меня немного получше. Я мог бы посидеть рядом с тобой, но кто-нибудь из этих проклятых жрецов может рыскать близко. Поэтому я сяду на стул Зачеля. А ты повернись лицом в мою сторону и прими тот обманчивый сонный вид, который я столько раз наблюдал у тебя.

Он поднялся со скамьи.

— Зубран сейчас с Кланетом, спорит о богах. Зубран, хоть и присягнул Нергалу, считает его подчиненным Аримана, персидского бога тьмы. Он также убежден, что эта борьба между Иштар и Нергалом за корабль лишена не только оригинальности и изобретательности, но и вкуса — ничего подобного его собственные боги и богини не сделали бы или если бы сделали, то гораздо лучше. Это бесит Кланета, что, в свою очередь, веселит Зубрана.

Джиджи встал и осмотрелся.

— Однако, — продолжал он, — на этот раз Зубран спорит, чтобы держать Кланета и особенно Зачеля подальше от нас, пока мы говорим; в таких спорах Кланет часто за аргументами обращается к За-

челю. Я сказал им, что не выношу таких разговоров и буду сидеть на месте Зачеля, пока спор не кончится. А он не кончится, пока я не вернусь, потому что Зубран умен, о, очень умен и ожидает, что наш разговор приведет в конечном счете к освобождению его от скуки.

Он искоса взглянул на белую палубу.

— Так что не бойся, Волк, — он привстал на коротких ногах. — Только следи за мной. Я предупрежу тебя, если понадобится.

Он, раскачиваясь, пошел к сидению надсмотрщика и сел на него. Кентон, повинуясь, сонно повернулся, положил руку на скамью и голову на руку.

— Волк, — неожиданно сказал Джиджи, — есть ли в том месте, откуда ты пришел, куст под названием чилкор?

Кентон смотрел на него, поставленный в тупик вопросом. Но у Джиджи, должно быть, была причина спрашивать. Слышал ли он о таком растении? Он порылся в памяти.

— Листья у него вот такого размера, — Джиджи расставил пальцы на три дюйма. — Он растет только на краю пустыни и очень редок — к сожалению. Послушай, может, ты знаешь его под другим названием? Может, вот что тебе поможет. Нужно растереть его почки, перед тем как они раскрываются. Потом смешать с сезамовым маслом и медом, добавить немного перегоревшей слоновой кости и намазать голову, как пастой. Потом тереть, тереть, тереть — вот так, так, так, — он показал это на своей лысой сверкающей голове.

— Спустя немного, — продолжал он, — начинают расти волосы; они прорастают, как зерно под весенним дождем, и вот скоро — о, чудо! — лысый кумпол оброс. И вместо того чтобы отражать свет, на нем вьются новые волосы. И мужчина, который был лыс, снова прекрасен в глазах женщин!

— Клянусь Надаком Козлиным! Клянусь Танит, подательницей радости! — с воодушевлением воскликнул Джиджи. — Мазь отращивает волосы! Как растут от нее волосы! Они выросли бы и на дыне. Да, даже на досках, если натереть их этой мазью, отрастут волосы, как трава. Ты уверен, что не слыхал об этом растении?

Борясь с изумлением, Кентон отрицательно покачал головой.

— Ну что ж, — печально сказал Джиджи. — Все это делают почки чилкора. И вот я их ищу, — он испустил могучий вздох, — я, который снова хотел бы быть прекрасным в женских глазах.

Он снова вздохнул. Потом одного за другим потрогал спящих рабов концом хлыста Зачеля — даже Сигурда.

— Да, — прошептал он, — да, они спят.

Его черные глаза подмигнули Кентону, лягушачий рот улыбался.

— Ты думаешь, зачем я говорю о таких обыденных вещах, как растения, волосы и лысые макушки, в то время как ты закован в цепи, — сказал он. — Что ж, Волк, это вещи вовсе не обыденные. Именно они

привели меня сюда. А не будь я здесь, разве у тебя была бы надежда на свободу, а, подумай? Нет, — сказал Джиджи. — Жизнь — серьезное дело. И все ее части серьезны. И поэтому никакая ее часть не может быть обыденной. Отдохнем немного, Волк, чтобы ты мог постигнуть эту великую истину.

И снова одну за другой он перетрогал спины спящих рабов.

— Так вот, Волк, — продолжал он, — теперь я расскажу тебе, как оказался на этом корабле из-за чилкора, его воздействия на волосы и из-за моей лысой головы. И ты увидишь, что от них зависит и твоя судьба. Волк, когда я был ребенком в Ниневии, девушки находили меня исключительно привлекательным. «Джиджи! — кричали они, когда я проходил мимо. — Джиджи, милый, Джиджи, дорогой! Поцелуй меня, Джиджи!»

Голос Джиджи стал забавно меланхоличным; Кентон рассмеялся.

— Ты смеешься, Волк, — заметил барабанщик. — Что ж — мы теперь лучше понимаем друг друга.

И его глаза озорно блеснули.

— Да, — сказал он. — «Поцелуй меня!» — восклицали они. И я целовал их, потому что считал такими же привлекательными, каким они считали меня. И по мере того как я рос, эта взаимная симпатия возрастала. Ты, несомненно, заметил, — самодовольно сказал Джиджи, — что я человек необычный, но когда я перешел от отрочества к зрелости, самой большой моей красотой стали волосы. Длинные, черные, завитые в кольца, они падали мне на плечи. Я заботился о них, смачивал благовониями, и нежные маленькие сосуды радости, которые любили меня, переплетали ими свои пальцы, когда моя голова лежала у них на коленях. Они наслаждались ими, как и я.

А потом я заболел. И когда оправился, мои прекрасные волосы исчезли.

Он замолчал и снова вздохнул.

— В Ниневии была женщина, которая пожалела меня. Именно она смазала мне голову мазью из чилкора, рассказала, как готовить эту мазь, показала растущие кусты. После многих лет... ммм... взаимного влечения... я снова заболел. И снова потерял волосы. Я тогда был в Тире, Волк, и, как мог, быстрее вернулся в Ниневию. Но когда я вернулся, добрая женщина уже умерла, а буря покрыла песком то место, где росли кусты чилкора, которые она мне показывала.

Он испустил чудовищный вздох. Кентон, очарованный, втайне забавляющийся рассказом, не мог предвидеть подозрительного взгляда после этого меланхоличного излияния. Это уже казалось перебором.

— И тут, прежде чем я смог продолжить поиски, — торопливо продолжал Джиджи, — пришло известие, что женщина, которая любила меня, — принцесса, — находится на пути в Ниневию, чтобы повидаться

со мной. Какой стыд я испытал и какую боль из-за своей лысины! Никто не любит лысого мужчину.

— Никто не любит толстяков, — улыбнулся Кентон. Говорил он, как ему показалось, на своем языке; во всяком случае барабанщик не понял.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Я сказал, — серьезно ответил Кентон, — что для человека с такими превосходными качествами, как ты, утрата волос должна иметь не больше последствий, чем потеря одного пера из хвоста любимой птицы.

— Забавный у тебя язык, — флегматично заметил Джиджи. — Так много можно сказать в нескольких словах.

— Ну что ж, — продолжал он. — Я действительно расстроился. Я мог бы спрятаться, но боялся, что воля моя окажется недостаточно сильной, чтобы укрываться долго. Она была очень красива, эта принцесса, Волк. К тому же я знал, что если она узнает, что я в Ниневии, то найдет меня обязательно. У нее были светлые волосы. А между блондинками и брюнетками есть разница — брюнетки ждут, когда к ним придут, а блондинки сами ищут встречи. А в другой город отправиться я не мог — в каждом городе были женщины, восхищавшиеся мной. Что мне оставалось делать?

— Почему ты не надел парик? — спросил Кентон, настолько заинтересованный теперь рассказом Джиджи, что даже забыл о цепях.

— Я говорил тебе, Волк, что они любили играть моими волосами, продевать пальцы в мои локоны, — свирепо ответил Джиджи. — Может ли парик остаться на месте после такого обращения? Нет, если женщины так любят, как любили меня. Нет! Нет! Я расскажу тебе, что я сделал. И тут ты увидишь, как связаны мои утраченные волосы с тобой. Верховный жрец Нергала в Ниневии был моим другом. Я пошел к нему и попросил с помощью волшебства вырастить мне снова волосы. Он возмутился, сказал, что его искусство не для таких пустяков.

Именно тогда, Волк, я начал сомневаться в истинных возможностях этих жрецов. Я видел, как этот жрец совершал магические обряды. Он создавал привидения, от которых поднимались мои волосы — когда они у меня еще были. Насколько легче для него снова отрастить мне волосы, не тревожа привидения. Я ему так и сказал. Он еще более возмутился, сказал, что имеет дело с богами, а не с цирюльниками!

Но я уже понял. Он просто не мог этого сделать! Тем не менее я решил его использовать и попросил спрятать меня, чтобы принцесса меня не нашла, и чтобы я, слабовольный, сам не мог пойти ей навстречу. Он улыбнулся и сказал, что знает такое место. Он посвятил меня в последователи Нергала и дал опознавательный знак, по которому, как он сказал, меня узнает и хорошо примет некто по имени Кланет. И взял с меня клятвы, которые нельзя нарушить. Я охотно дал их, считая их временными. Его друга Кланета я счел жрецом какого-

нибудь отдаленного храма. В эту ночь я спокойно уснул, а проснулся, Волк, — здесь!

— Это была дурная шутка, — гневно прошептал Джиджи. — И как бы пожалел о ней тот жрец из Ниневии, если бы я мог найти к нему дорогу!

— И вот с тех пор я тут, — резко добавил он. — Моя клятва Нергалу не дает мне пересечь барьер и перейти на ту палубу, где есть маленький сосуд радости по имени Саталу, который я с восторгом взял бы в руки. И я не могу покинуть корабль, когда он пристает к берегу в поисках пищи и воды — ведь я искал убежища, из которого не смог бы уйти к своей принцессе.

— Клянусь Тиамат из пропасти — я нашел такое убежище! — печально воскликнул он. — И клянусь Белом, покорившим Тиамат, я устал от этого корабля не меньше Зубрана!

— Но если бы я не был здесь, — добавил он как бы вдогонку, — кто бы снял с тебя цепи? Куст, потеря волос, любящая принцесса и мое тщеславие — все это привело меня на корабль, чтобы я смог освободить тебя. Из таких нитей ткут боги наши судьбы.

Он наклонился вперед, вся злость исчезла из мигающих глаз, в выражении лягушачьего рта появилась нежность.

— Ты мне нравишься, Волк, — просто сказал он.

— И ты мне нравишься, Джиджи, — все опасения Кентона были забыты. — Очень нравишься. И я тебе верю. Но Зубран...

— Не сомневайся в Зубране, — выпалил Джиджи. — Его тоже обманом заманили на корабль, и он еще больше меня хочет освободиться. Когда-нибудь он расскажет тебе свою историю, как рассказал я. Хо! Хо! — рассмеялся барабанщик. — Вечно ищет нового, вечно устает от известного — таков Зубран. И такова его судьба — оказаться в новом мире и найти его еще хуже старого. Нет, Волк, не бойся Зубрана. С мечом и щитом будет он стоять рядом с тобой — пока не устанет даже от тебя. Но и тогда он сохранит верность.

Он помрачнел и всматривался, не мигая, в Кентона, заглядывая, казалось, в самую душу.

— Подумай как следует, Волк, — прошептал он. — Шансы будут против тебя. Мы двое не сможем помочь тебе, пока Кланет правит на палубе. Возможно, ты не сумеешь освободить своего длинноволосого соседа. Тебе придется драться с Кланетом и двадцатью его людьми, а может, и с Нергалом! И если ты проиграешь — смерть, после долгой, долгой пытки. Здесь, прикованный к веслу, ты по крайней мере жив. Подумай!

Кентон протянул к нему руки в наручниках.

— Когда ты освободишь меня от цепей, Джиджи? — все, что он спросил.

Лицо Джиджи прояснилось, черные глаза сверкнули, он распрямился, золотые кольца в заостренных ушах заплясали.

— Сейчас же! — сказал он. — Клянусь Сином, отцом богов! Клянусь Шамашем, его сыном, и Белом-громовержцем — сейчас же!

Он просунул руки между талией Кентона и большим бронзовым кольцом, обвивавшим ее, потянул кольцо, будто сделанное из замазки, разорвал наручники на руках Кентона.

— Бегай на свободе, Волк! — прошептал он. — Бегай на свободе!

И, не оглядываясь, пошел к лестнице из ямы и начал подниматься по ней. Кентон медленно встал. Цепи спали с него. Он посмотрел на спящего викинга. Как освободить его? И как, если это удастся, разбудить его до прихода Зачеля?

Он снова осмотрелся. У основания высокого сидения надсмотрщика лежал сверкающий нож с длинным лезвием, тонкий нож, который уронил Джиджи — для него? Он не знал. Но знал, что ножом можно попробовать снять цепи с Сигурда. Он сделал шаг к ножу...

Сколько прошло времени до второго шага?

Его окутал туман.

Сквозь туман он видел, как задрожали фигуры спящих гребцов — стали похожими на призраки. И он больше не видел ножа.

Он потер глаза, посмотрел на Сигурда. И увидел призрак!

Посмотрел на борта корабля. Они таяли у него на глазах. Он успел заметить сияющее бирюзовое море. И тут же оно испарилось. Его не было. Оно перестало существовать!

Кентон плыл в густом тумане, пронизанном серебряным светом. Свет исчез. Теперь его несло через тьму, полную рева ветров.

Чернота исчезла! Сквозь закрытые веки он ощутил свет. И больше он не падает. Стоит, качаясь, на ногах. Он открыл глаза...

Он опять находился в своей комнате!

Снаружи доносился шум уличного движения с авеню, подчеркнутый сигналами автомобилей.

Кентон подбежал к маленькому кораблю. Кроме рабов, на нем виднелась только одна крошечная фигурка-игрушка. Кукла, стоявшая на полпути к яме, с раскрытым ртом, с кнутом в руке, в каждой черте полное недоумение.

Зачель, надсмотрщик!

Кентон посмотрел в трюм. Рабы спали, весла были подняты...

И вдруг он увидел себя в длинном настенном зеркале! И замер, с удивлением рассматривая отражение.

Тот, кого он увидел, не был тем Кентоном, которого унесло отсюда на грудь загадочного моря. Рот его затвердел, глаза стали бесстрашными и острыми, как у ястреба. На широкой груди выдавались мускулы — не застывшие, а грациозные, гибкие и твердые, как сталь. Он

согнул руки — мышцы волной пробежали под кожей. Он повернулся, разглядывая в зеркале спину.

Ее покрывали шрамы, залеченные рубцы бича. Бича Зачеля...

Зачеля — игрушки?

Игрушка не могла нанести эти побои!

И игрушечное весло не вызвало бы к жизни эти мышцы.

И вдруг мозг Кентона проснулся. Проснулся и наполнил его стыдом, горячим стремлением, отчаянием.

Ярость сотрясала его. Он должен вернуться! Вернуться раньше, чем Сигурд и Джиджи узнают, что его нет на корабле.

Долго ли он отсутствовал? Как бы в ответ на его мысль начали бить часы. Он считал. Восемь ударов.

Два часа его собственного времени провел он на корабле. Только два часа? И за эти два часа произошло столько? Его тело так изменилось?

Но что случилось на корабле за те две минуты, что он находится в своей комнате?

Он должен вернуться! Должен...

Он подумал о предстоящей схватке. Можно ли взять с собой пистолеты, если он вернется — если сможет вернуться? С ними он справился бы с любым количеством жрецов. Но они в другой комнате, в другой части дома. Он снова посмотрел на себя в зеркало. Если его увидят слуги... такого... Они его не узнают. Как он сможет им объяснить? Кто ему поверит?

Они могут помешать ему вернуться — вернуться в комнату, где стоит корабль. Его единственная возможность вернуться в мир Шарейн.

Он не смеет рисковать, выходя из комнаты.

Кентон упал на пол, схватил тоненькую золотую цепочку, свисавшую с корабельного носа, — какой маленькой она была, какой тонкой на этом игрушечном корабле!

Всей своей волей он устремился к кораблю. Вызывал его, приказывал ему.

Золотая цепь шевельнулась в его пальцах. Она увеличивалась. Он почувствовал сильный рывок. Все толще делалась цепь. Она поднимала его. Снова ужасный рывок, разрывающий каждую мышцу, каждый нерв и кость.

Ноги его повисли.

Страшные ветры дули вокруг — одно короткое мгновение. Исчезли. Их место занял шум волн. Он почувствовал, как его обдает брызгами.

Под ним летело лазурное море. Высоко изгибался нос корабля Иштар. Но не игрушечного корабля. Нет. Зачарованный корабль, символом которого была игрушка, настоящий корабль, на котором удары тоже настоящие и на котором ютится смерть — смерть, которая, может быть, именно сейчас ожидает его, изготовясь для удара!

Цепь, на которой он висел, уходила в отверстие, раскрашенное как гигантский глаз, между стеной носовой каюты и концом носа судна. За ним вздымались и опускались большие весла. Гребцы не могли его видеть: они сидели спиной к нему, а отверстия, через которые проходили весла, были плотно закрыты кожей — для защиты от постоянных брызг. Не могли его видеть и с черной палубы из-за изгиба борта.

Медленно, молча, рука за руку, как можно плотнее прижимаясь к борту, он начал подниматься по цепи. Вверх, к каюте Шарейн. Вверх, к маленькому окну, которое вело в ее каюту с маленького участка палубы сразу за изогнутым носом.

Медленно, все медленнее полз он; через каждые несколько звеньев останавливался, прислушиваясь; добрался наконец до самого верха, перенес ногу через фальшборт и упал на маленькую палубу. Подкатился под окно, прижался к стене каюты, скрытый теперь от всех на корабле, скрытый даже от Шарейн, если она выглянет в окно.

Сжался весь — в ожидании.

12. Хозяин корабля

Кентон осторожно поднял голову. Цепь проходила через отверстие, обвивалась вокруг грубого ворота и крепилась к тонкому двойному крюку, больше похожему на монтерскую кошку, чем на якорь. Очевидно, хотя контроль над рулевым оборудованием, мачтой и гребцами в трюме находился в руках черного жреца, женщины Шарейн следили за якорем. Кентон с некоторым беспокойством посмотрел на дверь, ведущую во внутреннюю каюту, где размещались девушки. Впрочем, решил он, маловероятно, чтобы кто-нибудь из них вышел, пока корабль движется под парусом или на веслах. В любом случае придется рискнуть.

В открытое окно над собой он слышал голоса. Послышался полный презрения голос Шарейн:

— Он разорвал цепи, как и обещал, и бежал!

— Но, госпожа, — это Саталу, — куда он мог деться? Сюда он не пришел. Откуда мы знаем, что Кланет не забрал его?

— Ошибиться в гневе Кланета нельзя, — ответила Шарейн. — И в том, как он избил Зачеля. И то и другое неподдельно, Саталу.

Итак, черный жрец избил Зачеля; сама по себе это уже хорошая новость.

— Послушай, Саталу, — сказала Шарейн, — к чему спорить? Он стал силен. Он разорвал цепи. И бежал. И тем самым доказал, что он трус. Я так его и назвала, но никогда в это не верила — а теперь верю.

В каюте наступило молчание. Потом снова заговорила Шарейн.

— Я устала. Луарда, иди наружу, следи за дверью. Вы, остальные,

отправляйтесь спать — или делайте что хотите. Саталу, расчеши мне волосы, потом можешь тоже идти.

Снова молчание, на этот раз долгое. Потом голос Саталу:

— Госпожа, ты почти спишь. Я ухожу.

Кентон ждал, но недолго. Подоконник, если бы он встал на палубе, пришелся бы ему на уровень подбородка. Он осторожно подтянулся, заглянул внутрь. Взгляд его упал вначале на алтарь со сверкающими жемчужинами и бледными лунными камнями, огромными молочными кристаллами. У него появилось ощущение, что алтарь пуст. В семи маленьких хрустальных сосудах не горели огни.

Тогда он взглянул вниз. Почти непосредственно под ним находилось изголовье широкого дивана слоновой кости с золотыми арабесками. На диване лежала Шарейн лицом в подушки, одетая только в тонкое шелковое покрывало и в свои золотые волосы. Она плакала, плакала, как женщина с разбитым сердцем.

Плакала — о нем?

Он увидел блеск сапфира, блеск стали. Это его меч — меч Набу. Он поклялся, что возьмет этот меч сам, а не из ее рук. Меч висел над самой ее головой; ей нужно только поднять руку, чтобы схватить его.

Он опустился, нетерпеливо дожидаясь, пока прекратится плач. Он чувствовал к ней любовь — или вожделение. Но как ни искал в сердце, не чувствовал жалости.

Скоро всхлипывание прекратилось, стало тихо. Немного погодя он снова просунул голову в окно. Шарейн спала, повернувшись лицом к входу в каюту, на длинных ресницах еще видны слезы, но дышала она ровно и спокойно.

Кентон ухватился за подоконник и подтягивался, пока его плечи и грудь не оказались в каюте. Тогда он перегнулся в поясе. Одной рукой коснулся мягкого ковра на полу каюты. Соскользнул неслышно, держась ногами за подоконник. Медленно, как акробат, опустил ноги, лег во всю длину у подножия постели Шарейн.

И снова ждал. Ее ровное дыхание не изменилось. Он поднялся на ноги. Подкрался к двери, ведущей во внутреннюю каюту. Оттуда доносились негромкие голоса. Он увидел засов, бесшумно задвинул его. Теперь кошки в клетке, подумал он, улыбаясь.

Осмотрел каюту. На низком стуле лежал небольшой шелковый платок, рядом — другой, длинный, похожий на шарф. Он взял маленький и искусно сделал из него кляп. Потом взял длинный и испытал на прочность. Тяжелый и прочный, то, что нужно, подумал он. Но этого недостаточно. Он снял со стены занавес.

На цыпочках подошел к изголовью дивана. Шарейн беспокойно зашевелилась, как будто почувствовала на себе его взгляд, как будто начала просыпаться.

Прежде чем она смогла открыть глаза, Кентон раскрыл ей рот и сунул шелковый кляп. Потом, придавив ее своим весом, приподнял ее голову и прочно обвязал рот длинным шарфом. И так же быстро связал ей руки.

Гневно сверкая глазами, она попыталась выкатиться из-под него, ударить его коленями. Он сместился, лег поперек ее бедер, связал ноги вторым куском ткани, снятым со стены.

Теперь она лежала неподвижно, глядя на него. Он насмешливо послал ей поцелуй. Она повернулась, попыталась упасть на пол. По-прежнему бесшумно он снял еще один занавес и плотно укутал ее. И наконец привязал к дивану.

Не обращая на нее больше внимания, он прошел к внешней двери. Ему нужно как-то заманить девушку по имени Луарда в каюту и сделать такой же беспомощной, как ее хозяйка, такой же бессловесной. Он чуть-чуть приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Луарда сидела рядом, спиной к нему, глядя на черную палубу.

Он отошел, отыскал еще один кусок шелка, сорвал со стены еще один занавес. Маленький кусок превратил в кляп. Потом опять чуть приоткрыл дверь, прижал губы к щели и высоким женским, насколько сумел, голосом позвал:

— Луарда! Тебя зовет госпожа! Быстрее!

Она вскочила. Он отшатнулся, вжался в стену рядом с дверной рамой. Ничего не подозревая, она открыла дверь, вошла и на мгновение остановилась, широко раскрыв рот, при виде связанной и беспомощной Шарейн.

Это мгновение и нужно было Кентону. Одной рукой он схватил ее за горло и придавил. Свободной рукой сунул ей в рот кляп; в тот же момент ногой притворил дверь. Девушка в его руках извивалась, как змея. Он сумел удержать ее рот закрытым, пока не обмотал ей голову занавесом. Она царапалась, пыталась обвиться вокруг него ногами. Он крепче затянул шелк, начал душить ее. Когда она перестала бороться, он связал ей руки. Положил на пол и связал, как Шарейн, по рукам и ногам.

Теперь она лежала беспомощно, как и ее госпожа. Кентон поднял ее, понес к дивану, закатил под него.

Только теперь он взял свой меч. Постоял возле Шарейн.

В ее горящих глазах не было страха. Только гнев, но не страх.

Кентон негромко рассмеялся, прижался губами к ее перевязанным губам. Поцеловал гневные глаза.

— А теперь, Шарейн, — смеялся он, — я иду брать корабль — без твоей помощи. И когда я возьму его, вернусь и возьму — тебя!

Он подошел к двери, открыл ее, осмотрелся.

На черной палубе сидел на корточках Джиджи, упираясь лбом в барабан, длинные руки бесцельно свисали. В его позе было отчаяние,

от которого Кентону захотелось заплакать. Но вид головы Зачеля быстро заставил его забыть об этом желании. Он видел эту голову над низкими перилами, которые отделяли палубу Шарейн от трюма.

Кентон присел так, чтобы голова надсмотрщика не была видна — в такой позиции и Зачель его не увидит. Привязал меч к поясу. На четвереньках отполз от двери каюты. Он видел, что в каюте, где спят девушки Шарейн, тоже есть окно. Но двери прямо на палубу нет. Чтобы попасть туда, они должны пройти через первую каюту. Но если они что-нибудь заподозрят и обнаружат, что их дверь закрыта, они, несомненно выберутся через окно. Что ж, опять придется рисковать; он надеялся, что большую часть необходимого проделает прежде, чем они что-то заподозрят.

Если бы он смог застать Кланета врасплох, ударить быстро и молча, тогда с остальными они с викингом справились бы быстро, и тогда пусть женщины делают что хотят. Они не смогут ни помочь, ни помешать. Будет слишком поздно.

Кентон распластался на палубе, подполз под окно, прислушался. Теперь голоса не слышались. Медленно он приподнялся, заметив, что это место скрыто от надсмотрщика мачтой. Продолжая осторожно поглядывать на безутешного Джиджи, он подтянулся и заглянул во вторую каюту. Здесь было восемь девушек, все они спали, кто на груди друг у друга, кто на шелковых подушках. Он бесшумно прикрыл окно.

Снова лег и мимо стены каюты пополз к правому борту. Перелез через фальшборт. Повисел на руках, отыскивая ногой цепь. Потом ухватился за цепь и повис на ней. Цепь тянулась вдоль борта. Он пополз по ней. Добравшись до конца, снова ухватился за фальшборт.

Теперь мачта находилась непосредственно против него, он добрался до места, с которого собирался нанести первый удар. Он прижался подбородком и, как змея, перелез через перила. Снова лег и лежал неподвижно у фальшборта, пока дыхание не восстановилось.

Отсюда он видел Джиджи — и когда он так лежал, голова Джиджи рывком поднялась с барабана, его глаза заглянули прямо в глаза Кентону. Уродливое лицо выразило крайнее изумление и сразу же стало равнодушным, неподвижным. Он зевнул, встал. Заслонив глаза от солнца, стал пристально всматриваться в море, как будто увидел там что-то.

— Клянусь Нергалом, Кланет должен об этом узнать! — сказал он. И, переваливаясь, пошел к черной каюте.

Кентон подполз к краю трюма. Он видел, что Зачель встал и смотрит в море, отыскивая, очевидно, то, что так заинтересовало барабанщика.

Кентон прыгнул в яму. Одним прыжком он оказался у мачты. Надсмотрщик резко обернулся. Он открыл рот, чтобы крикнуть, и опустил руку к поясу, где у него висел короткий кинжал.

Меч Кентона свистнул в воздухе.

Отрубленная голова Зачеля соскочила с плеч, с раскрытым ртом, с раскрытыми глазами. Еще несколько мгновений тело надсмотрщика стояло, из перерезанных артерий била кровь, рука все еще держалась за кинжал.

Потом тело Зачеля начало клониться.

Сонный рог выпал из-за пояса. Кентон перехватил его. Колени Зачеля подогнулись, и он упал.

Со скамей гребцов не донеслось ни звука, ни вскрика; все они сидели, раскрыв рты, неподвижно держа весла.

Кентон принялся искать на поясе надсмотрщика ключи, чтобы освободить Сигурда. Нашел, снял их, вынул кинжал из стынущих пальцев Зачеля и побежал по узкому проходу к викингу.

— Брат! Я думал, ты ушел... Забыл о Сигурде... — бормотал северянин. — Клянусь Одином, какой удар! Голова собаки слетела с плеч, будто сам Тор ударил своим молотом...

— Тише, Сигурд, тише! — Кентон с отчаянной торопливостью рылся среди ключей, отыскивая тот, что подойдет к цепи Сигурда. — Мы должны сражаться за корабль, мы с тобой вдвоем... Дьявол, который же ключ? Если сможем добраться до логова Кланета раньше, чем поднимется тревога, стой между мной и жрецами. Оставь Кланета мне. Не трогай Джиджи и рыжебородого Зубрана. Они не могут нам помочь, но не будут и сражаться против нас... помни, Сигурд... ага!

Наручники Сигурда щелкнули и раскрылись. Замок на металлическом поясе расстегнулся. Сигурд стряхнул цепи, потянулся и снял пояс. Распрямился, его соломенная грива струилась по ветру.

— Свободен! — взревел он. — Свободен!

— Закрой рот! — Кентон зажал рукой кричащий рот. — Ты хочешь, чтобы на нас набросилась вся свора, прежде чем мы выберемся отсюда?

Он сунул в руки викингу кинжал Зачеля.

— Пользуйся этим, — сказал он, — пока не найдешь оружие получше.

— Это? Хо-хо! — рассмеялся Сигурд. — Женская игрушка! Нет, Кентон, Сигурд найдет себе получше!

Он уронил кинжал. Схватился за весло, поднял его из уключины. Резко ударил о борт. Послышался треск, скрип расщепленного дерева. Сигурд вытащил весло и ударил о противоположный борт. Еще раз послышался треск, и весло раскололось посередине. В руках викинга оказалась гигантская дубина десяти футов длиной. Он ухватился за расколотый конец, повертел над головой, как булаву, с весла свисали цепь и наручники.

— Пошли! — рявкнул Кентон и наклонился, подбирая кинжал.

Теперь гребцы подняли шум, они пытались разорвать свои цепи, просили выпустить их.

А с палубы Шарейн донеслись пронзительные женские крики. Через окно выбирались девушки-воины.

Теперь черного жреца не застигнешь врасплох. Остается драться. Его меч и дубина Сигурда против Кланета и всей его своры.

— Быстрее, Сигурд! — закричал он. — На палубу!

— Я первый! — отозвался Сигурд. — Я твой щит!

Он оттолкнул Кентона и пробежал мимо него. Но прежде чем он добрался до верха лестницы, там уже толпились жрецы, бледнолицые, кричащие, размахивающие мечами и короткими копьями.

Кентон оступился на чем-то, откатившемся от него, и упал на колено. Взглянув вниз, он увидел улыбающееся лицо Зачеля. Он споткнулся о его отрубленную голову. Кентон схватил ее за волосы, размахнулся и швырнул в переднего жреца на лестнице. Она попала тому прямо в лицо, отскочила и покатилась.

Жрецы отпрянули. Прежде чем они смогли собраться снова, викинг уже был наверху и теснил их, размахивая дубиной, как цепом. А за ним двигался Кентон, пробиваясь к черной каюте.

Им противостояло восемь черных жрецов. Весло северянина ударило, расколов череп одного из них, как скорлупу яйца. Прежде чем он смог поднять дубину вновь, двое жрецов набросились на него с копьями. Меч Кентона опустился, отрубив руку с копьем, которое немного не дошло до груди Сигурда. Быстрый рывок вверх разрезал тело этого жреца от пупа до подбородка. Викинг, освободив одну руку, перехватил ею древко копья у второго жреца, вырвал его из рук противника и пронзил его сердце. Еще один упал от удара меча Кентона.

Из двери бежали еще жрецы, вооруженные мечами, копьями и щитами. Они кричали.

И вот из черной каюты с ревом выбежал Кланет с большим мечом в руках. За ним — Джиджи и перс. Черный жрец напал прямо на Кентона, прорвавшись, как бык, сквозь кольцо служителей. А Джиджи и перс отошли к барабану и стояли, не вмешиваясь.

Мгновение черный жрец стоял, возвышаясь над Кентоном. Затем нанес молниеносный удар сверху вниз, который должен был рассечь Кентона от плеча до бедра.

Но Кентона не оказалось на том месте, куда обрушился удар. Быстрее меча Кланета он отскочил в сторону, ударил своим мечом...

Почувствовал, как он погрузился в бок жреца.

Черный жрец взревел и отшатнулся. И тут же его приближенные заслонили его от Кентона. Окружили его.

— Спина к спине! — закричал викинг. Кентон слышал удары большой дубины, видел, как падали жрецы под натиском огромного цепа. Он ударами разбросал набросившихся на него врагов.

Теперь борьба переместилась к барабану. Кентон видел перса, тот держал в напряженной руке меч. И бранился, всхлипывал, дрожал, как

пес на привязи, которого не спускают на добычу. Джиджи, с пеной на углах широкого рта, с искаженным лицом, стоял, вытянув длинные руки, трясясь от жажды боя.

Кентон знал, что он жаждет присоединиться к нему и Сигурду в битве, но не может: его удерживают данные им клятвы.

Джиджи указал вниз. Кентон посмотрел туда и увидел ползущего с мечом в руках жреца. Тот уже почти добрался до ног Сигурда. Один удар по ногам, и с Сигурдом будет покончено. Забыв о собственной защите, Кентон наклонился вперед, ударил мечом вниз. Голова ползущего соскочила с плеч и откатилась.

Но, распрямляясь, он увидел над собой готового к удару Кланета. «Конец!» — подумал Кентон. Он упал на палубу и откатился от разящего удара.

Он не рассчитывал на викинга. Но тот видел этот эпизод. Поднял весло, держа его горизонтально, размахнулся и нанес страшный удар. Он пришелся Кланету в грудь. Удар меча не дошел до Кентона, черный жрец отскочил назад и, несмотря на свой массивный корпус и силу, чуть не упал, оступившись.

— Джиджи! Зубран! Ко мне! — взревел он.

Прежде чем Кентон смог встать, двое жрецов насели на него, цепляясь, тыча копьями. Он выпустил рукоятку меча, схватил кинжал Зачеля. Ударил вверх, почувствовал, как тело над ним напряглось, затем опало, как пробитый воздушный шарик; его залил поток крови. Он услышал бормотание, и вторая тяжесть тоже откатилась.

Он опять схватил меч и с трудом встал. Из всей своры Кланета на ногах осталось не более полудюжины. Они отступили подальше от дубины викинга. Викинг стоял, тяжело дыша. Черный жрец тоже отдувался, держась за широкую грудь, куда пришелся удар Сигурда. У его ног виднелась лужица крови; кровь капала из бока, пронзенного мечом Набу.

— Джиджи! Зубран! — с трудом выговорил он. — Возьмите этих собак!

Барабанщик усмехнулся.

— Нет, Кланет, — ответил он. — Мы не давали клятв помогать тебе.

Он приподнял огромный барабан и одним движением швырнул его в воду.

Жрецы испустили громкий стон. Кланет стоял молча, ошеломленный.

И тут от волн, касавшихся бортов корабля, донесся звук — громкий и зловещий.

Барабанный бой, угрожающий, злобный — призывный!

Бум-бум-бум!

Барабан плыл у борта. Поднятый волнами, он ударялся о корабль.

Призывал — Нергала!

Корабль задрожал. На море упала тень. Вокруг Кланета начала собираться тьма.

Все более гневно гремел барабан под ударами волн. Туман вокруг черного жреца густел, завивался; началось адское превращение жреца Нергала в самого повелителя мертвых.

— Бей! — взвыл Джиджи. — Быстрей! Кусай глубже!

Кентон бросился на туманный ужас, внутри которого двигался черный жрец. Меч прошел сквозь туман, ударил. Послышался болезненный крик. Голос Кланета. Кентон ударил снова.

И понял, что барабанный бой прекратился, голос барабана стих. Он слышал крик Джиджи:

— Бей еще, Волк! Сильнее!

Туман вокруг Кланета разошелся. Жрец стоял, закрыв глаза, держа одной рукой другую, сквозь его пальцы сочилась кровь.

И когда Кентон поднял меч, чтобы нанести еще один удар, Кланет брызнул ему в глаза кровью. Ослепленный, Кентон задержал удар. И черный жрец опять напал на него. Кентон механически, с затуманенным взглядом, поднял лезвие ему навстречу. Он видел, как Сигурд сдерживает оставшихся жрецов, слышал треск костей, когда окрашенное кровью весло встречалось с их телами.

Его меч столкнулся с мечом Кланета, был отбит.

Кентон поскользнулся на луже крови. Упал. Черный жрец набросился на него, обхватил руками. Они покатились по палубе. Он видел, как Сигурд пытается ударить...

И вдруг Кланет разжал руки, вытянулся и замер.

Кентон склонился к нему, взглянул на северянина.

— Не твой! — выдохнул он. — Мой!

И потянулся за кинжалом. Тело черного жреца напряглось. И, как выпущенная пружина, отбросило Кентона. Прежде чем Сигурд смог поднять весло, Кланет оказался у борта.

И прыгнул в море!

В ста футах плыл змеиный барабан с верхушкой, разрезанной ножом Джиджи. Голова Кланета появилась возле него, руки ухватились за барабан. Под тяжестью жреца барабан наклонился, как бы в гротескном коленопреклонении. Послышался далекий звук, похожий на плач.

Из серебряного тумана надвинулась тень. Остановилась над черным жрецом и барабаном. Накрыла их и отступила. Ни черного жреца, ни барабана не стало видно. Человек и барабан — исчезли.

13. Хозяин... Шарейн

Все еще ощущая боевую ярость в крови, Кентон осмотрелся. Черная палуба была усеяна людьми Кланета, людьми, избитыми и изломанными булавой Сигурда, людьми, у которых его собственный меч перерезал нить жизни, людьми, лежащими грудами, людьми — но таких было немного — ранеными и стонущими.

Он обернулся к палубе Шарейн. У входа в каюту толпились ее женщины с побелевшими лицами.

А на самой границе между двумя палубами стояла Шарейн. Гордо смотрела она на него, но в глазах, на ресницах которых еще виднелись слезы, был туман. Сияющий полумесяц с головы исчез, исчез и ореол богини, который, даже когда Иштар была далеко, окружал это ее живое воплощение.

Она была всего лишь женщиной. Нет — всего лишь девушкой. Только девушкой...

Джиджи и перс высоко подняли Кентона.

— Да здравствует! — воскликнул Джиджи. — Да здравствует! Хозяин корабля!

— Хозяин корабля! — подхватил перс.

Хозяин корабля!

— Отпустите меня! — приказал он. И когда его поставили на ноги, направился прямо к Шарейн. Остановился перед ней.

— Хозяин корабля! — рассмеялся он. — И твой хозяин, Шарейн!

Он обнял ее за стройную талию, привлек ее к себе.

Послышался крик Джиджи, громкий стон перса. Лицо Шарейн побледнело...

Из черной каюты вышел Сигурд, неся в руках темную статую туманного зла, стоявшую в алтаре Кланета.

— Стой! — закричал Джиджи и прыгнул. Но прежде чем ниневит смог дотянуться до него, Сигурд поднял идола и бросил его в воду.

— Последний демон ушел! — закричал он.

Корабль задрожал... задрожал так, словно какая-то рука схватила его за киль и затрясла.

Корабль остановился. Вокруг него вода потемнела.

Глубоко, глубоко внизу, в потемневших водах начало разгораться алое облако. Глубоко, глубоко под ними облако двигалось и разрасталось, как грозовая туча. Оно завертелось водоворотом, в котором алый шторм был усеян черными пятнами. Эти пятна стали всплывать; и при этом алое становилось все ярче, а черное — все темнее.

Поднимающееся облако завертелось, из него брызнули странные лучи, горизонтальные, в форме веера. И вот из этого огромного колеса, поднимающегося из пропасти, полетели огромные пузыри, алые и

черные. Они поднимались и при этом росли, приближаясь к поверхности.

В них Кентон разглядел туманные фигуры, тела вооруженных людей, чьи доспехи сверкали алым и черным.

Люди внутри пузырей!

Вооруженные люди! Мужчины, прижимающиеся головой к коленям, одетые в сверкающую броню. Воины, держащие в руках туманные мечи, туманные луки, туманные копья.

Вверх летели пузыри, мириады за мириадами. И вот они уже рядом с поверхностью моря. Они прорывают поверхность.

Пузыри лопаются!

Оттуда выпрыгивают воины. В пестрых кольчугах, бледнолицые, глаза без зрачков полуоткрыты и мертвы; они выпрыгивают из потемневшей голубизны моря. Перепрыгивают с волны на волну. Бегут по воде, как по полю увядших фиалок. Молча окружают корабль.

— Люди Нергала! — закричала Шарейн. — Воины Темного повелителя! Иштар! Иштар, помоги нам!

— Привидения! — воскликнул Кентон и высоко поднял свой окровавленный меч. — Привидения!

Но в глубине души он знал, что это не привидения.

Передний ряд воинов расположился на гребне волны, как на низком холме. Луки воинов больше не казались туманными. Воины поднесли к щекам оперения длинных стрел. Послышался звон тетивы, свист разрезаемого воздуха. Дюжина стрел торчала в мачте, одна упала у ног Кентона — похожая на змею, ало-черная, ее острие глубоко вонзилось в доску.

— Иштар! Мать Иштар! Избавь нас от Нергала! — призывала Шарейн.

И в ответ корабль рванулся вперед, будто другая гигантская рука подхватила его снизу.

Воины, все еще выпрыгивавшие из пузырей, закричали. И помчались за кораблем. Посыпался новый дождь стрел.

— Иштар! Мать Иштар! — всхлипывала Шарейн.

Нависшая тьма раскололась. На мгновение оттуда выглянул гигантский шар, окруженный гирляндами маленьких лун. Из него лился серебряный огонь, живой, трепещущий, ликующий. Пульсирующий поток ударил в море и растворился в нем. Тени сомкнулись, шар исчез.

Лунное пламя, которое он оставил, погружалось все глубже и глубже. И оттуда начали подниматься большие пузыри, розовые, перламутровые, серебряные, сверкающие нежнейшими оттенками жемчуга.

В каждом из них виднелась фигура — удивительная, тонкая и изящная; женское тело, к красоте которого добавлялось сверкание пузырей.

Женщины внутри пузырей.

Вверх поднимались блестящие шары, касались поверхности бледного моря, лопались.

Оттуда устремлялось женское войско. Обнаженные, прикрытые только черными, как ночь, серебряными, как луна, золотыми, как пшеница, и оранжево-красными волосами, они выходили из светящихся дарохранительниц, которые вознесли их наверх.

Они вздымали руки, белые и коричневые, розовые и бледно-янтарные, призывая бегущих, рожденных морем воинов.

Глаза их сверкали, как драгоценные озера, — сапфирно-голубые, бархатно-черные, солнечно-желтые, колдовские, глаза серые, как лезвие меча под зимней луной.

С округлыми бедрами, с высокой грудью, женственные, они раскачивались на вершинах волн, маня, призывая воинов Нергала.

И под их призывом — сладким, как голубиный, убедительным, как призыв чайки, нетерпеливым, как крик сокола, сладким и ядовитым — воины дрогнули, остановились. Поднятые луки опустились, мечи плеснули по воде, копья погрузились в глубины. В мертвых глазах вспыхнуло пламя.

Воины закричали. Они прыгнули навстречу женщинам...

Вершины волн, на которых стояли воины в кольчугах, устремились навстречу вершинам, на которых стояли удивительные женщины. Руки в железных перчатках обняли женщин. На мгновение черные, серебряные, как луна, золотые, как пшеница, волосы обвились вокруг черных и алых кольчуг.

Воины и женщины слились воедино за бегущим кораблем, стали единой сверкающей кильватерной струей, струя эта катилась и вздыхала, как будто была душой любовного моря.

— Иштар! Возлюбленная мать! — молилась Шарейн. — Поклонитесь Иштар!

— Поклонимся Иштар! — подхватил Кентон и опустился на колени. Поднявшись, он прижал ее к себе.

— Шарейн! — выдохнул он. Ее нежные руки обвились вокруг его шеи.

— Мой повелитель, молю о прощении, — вздохнула она. — Молю о прощении! Но откуда я могла знать, когда ты впервые лежал на палубе и казался таким испуганным? Я полюбила тебя. Но я не могла знать, какой ты могучий, мой повелитель.

Ее аромат потряс его, от ее мягкого прикосновения перехватило горло.

— Шарейн! — прошептал он. — Шарейн!

Губы ее отыскали его губы и прижались к ним, безумное вино жизни пробежало по жилам, в сладком огне ее поцелуя забылось все, кроме этого момента.

— Я... отдаюсь... тебе! — выдохнула она.

Он вспомнил...

— Ты ничего не отдаешь, Шарейн, — ответил он. — Я беру!

Он поднял ее, пошел к розовой каюте, ударом ноги закрыл за собой дверь и задвинул засов.

* * *

Сигурд, сын Тригга, сидел на пороге розовой каюты. Он полировал лезвие меча черного жреца, негромко напевая древние венчальные песни.

На черной палубе Джиджи и Зубран выбрасывали в море тела убитых, кончали страдания тех, кто еще не умер, и тоже бросали их за борт.

Сначала один, потом другой голубь опустились на кроны маленьких цветущих деревьев. Викинг следил за ними, продолжая напевать. Вскоре появились еще пара за парой. Они ворковали, изгибали изящные шеи. Образовали полукольцо перед закрытой дверью каюты.

Голуби с белой грудью, алыми клювами и лапками, бормочущие, воркующие, ласкающиеся голуби, они поставили снежную печать на пути Кентона и Шарейн.

Голуби Иштар повенчали их!

14. Черный жрец наносит удар

— Мой дорогой повелитель! Кентон, — шептала Шарейн. — Мне кажется, даже ты не понимаешь, как сильно я тебя люблю!

Они сидели в розовой каюте, ее голова у него на груди.

Новый Кентон смотрел вниз, на поднятое к нему лицо. Все следы XX века на нем исчезли. Он стал выше ростом, лицо и широкая грудь в открытой рубашке загорели. Голубые глаза — ясные и бесстрашные, полные веселой беззаботностью, но с оттенком беспощадности. Над локтем левой руки широкий золотой браслет с выгравированными на нем символами Шарейн. На ногах сандалии, которые Шарейн украсила вышитыми вавилонскими заклинаниями — чтобы ноги несли по тропе любви только к ней.

Сколько времени прошло со дня битвы с князем тьмы, подумал он, ближе привлекая ее к себе. Казалось, вечность, а в то же время как будто вчера. Как давно?

Он не мог сказать — в этом мире без времени вчера и вечность были равны.

И вчера, и вечность тому назад он перестал об этом беспокоиться.

Они плыли все вперед и вперед. В черной каюте, очищенной от зла, жили теперь викинг, Джиджи и перс. Джиджи или Сигурд вели корабль с помощью двух больших весел, прикрепленных к корме. Иногда,

в хорошую погоду, место у руля занимали девушки Шарейн. В черной каюте викинг отыскал наковальню, изготовил горн и теперь ковал мечи. Он сделал меч для Джиджи, девяти футов в длину, и гигант с ногами гнома вертел его, как ветку. Но Джиджи больше нравилась булава, которую тоже изготовил для него Сигурд — длинная, как меч, с огромным бронзовым шаром, усаженным остриями, на конце. Зубран остался верен своему ятагану. А викинг продолжал работать, готовя более легкое вооружение для девушек Шарейн. Он сделал им щиты и учил пользоваться одновременно мечом и щитом, как они делали это на своих драккарах.

А Кентон участвовал в этом обучении, фехтовал с Сигурдом, боролся с Джиджи и пытался своим мечом отразить удары ятагана Зубрана.

Все это Джиджи всячески поощрял.

— Пока жив Кланет, мы в опасности, — хрипло повторял он. — Наш корабль должен быть сильным.

— Мы покончили с Кланетом! — отвечал Кентон слегка хвастливо.

— Нет, — отвечал Джиджи. — Он придет в сопровождении множества воинов. Раньше или позже, но черный жрец придет.

Вскоре они получили подтверждение этого. Сразу после битвы Кентон взял одного из черных рабов, нубийца, и посадил его на место Зачеля. Теперь им не хватало гребцов. Они встретили корабль, остановили его и потребовали гребца. Капитан отдал им одного — со страхом, быстро и тут же торопливо уплыл.

— Он не знал, что Кланета тут больше нет, — усмехнулся Джиджи.

Но вскоре после этого они встретили еще один корабль. Капитан не остановился, когда они его окликнули, и им пришлось преследовать корабль и сражаться. Это было маленькое судно, его легко догнали и захватили. И капитан корабля мрачно сообщил им, что Кланет находится в Эмактиле, он там верховный жрец храма Нергала и входит в совет Храма Семи Зон. Больше того, черный жрец пользуется расположением того, кого капитан назвал повелителем двух смертей, — они решили, что это правитель Эмактилы.

Кланет, так говорил капитан, сообщил всем, что корабля Иштар больше не нужно бояться, что на нем больше нет ни Нергала, ни Иштар, а только мужчины и женщины. Всякий, кто встретит этот корабль, должен его потопить, а экипаж пленить. За них назначена награда.

— И будь моя лодка немного побольше, и людей у меня не так мало, я попробовал бы получить награду, — смело закончил он.

Они взяли все, что им было нужно, и отпустили корабль, но когда тот таял в тумане, капитан крикнул им, чтобы они наслаждались жизнью, пока могут, потому что Кланет на большом корабле со многими людьми ищет их, и им недолго осталось жить.

— Хо-хо! — рассмеялся Джиджи. — Хо-хо! Кланет ищет нас? Что ж, я тебя предупреждал, Волк, что так и будет. Что же теперь?

— Можно пристать к одному из островов, выбрать хорошую позицию, и пусть приходит, — ответил Кентон. — Мы можем построить крепость, создать защиту. Так у нас будет больше возможностей, чем на корабле, — если правда, что он преследует нас на большом судне со множеством солдат.

Они решили, что совет Кентона хорош, и поплыли к островам — Сигурд у руля, Джиджи, перс и женщины Шарейн на карауле.

* * *

— Да, мой дорогой повелитель, даже ты не знаешь, как сильно я тебя люблю, — снова прошептала Шарейн, в ее глазах — восхищение, руки обвивают его шею.

Губы их соединились. Даже в горячем огне их соприкосновения он удивлялся перемене, происшедшей с Шарейн, — любовь изменила ее с того момента, как он внес ее в жилище, взяв по праву своими сильными руками.

Воспоминания заставили его задрожать. Шарейн поверженная, неземные чудеса, вспыхнувшие над ее алтарем и своими огненными пальцами переплетшие его душу с ее в пламенном экстазе.

— Скажи мне, повелитель, как ты меня любишь, — томно шептала она.

И тут послышался крик Сигурда:

— Буди рабов! Весла в работу! Шторм приближается!

Незаметно в каюте потемнело. Кентон слышал свисток надсмотрщика, крики и топот ног. Он расцепил руки Шарейн, поцеловал ее, лучше, чем словами, ответив на вопрос, и вышел на палубу.

Небо быстро чернело. Вспыхнула призматическая молния, раздался раскат грома. Поднялся и заревел ветер. Спустили парус. И корабль, ведомый твердой рукой Сигурда, полетел перед бурей.

Начался дождь. Корабль несся сквозь него, окруженный чернотою, прошитой мириадами многоцветных змей-молний, соединивших море с небом.

Сильный порыв ветра накренил корабль. Дверь каюты Шарейн распахнулась. Кентон пробрался к Джиджи, крича женщинам, чтобы они шли внутрь. Он смотрел, как они с трудом уходят.

— Мы с Зубраном присмотрим, — крикнул он в ухо Джиджи. — Помоги Сигурду у руля.

Но Джиджи не успел пройти и метра, как ветер неожиданно стих.

— Направо! — услышали они крик Сигурда. — Посмотрите направо!

Втроем они подбежали к правому борту. Во тьме виднелся широ-

кий, слабо сверкающий диск, как огонь маяка в тумане. Его диаметр быстро уменьшался, при этом диск становился ярче.

Диск вырвался из тумана, превратился в ослепительный луч, который пролетел над волнами и уперся в корабль. Кентон разглядел два ряда весел, которые несли навстречу им огромный корпус с чудовищной скоростью. Виднелся сверкающий таран, заостренный, как копье. Он выдавался из носа корабля, как рог гигантского носорога.

— Кланет! — закричал Джиджи и с воплем побежал к черной каюте, Зубран за ним.

— Шарейн! — крикнул Кентон и заторопился к ее двери.

Корабль резко повернул и накренился так, что вода хлынула через правый борт. Кентон упал и покатился к фальшборту, ударился и несколько мгновений лежал оглушенный.

Маневры Сигурда не могли спасти корабль. Бирема изменила курс и пошла параллельно, чтобы срезать весла правого борта. Викинг пытался предотвратить удар. Но на атакующем корабле было слишком много гребцов, его скорость намного превосходила скорость корабля Иштар, на котором было всего семь пар весел в один ряд. Вниз опустились весла биремы, она ударила по борту корабль Иштар, сломав его весла, как палочки.

Кентон с трудом встал; он видел, как спешит к нему Джиджи с булавой в руках, рядом со сверкающим ятаганом Зубрана. А сразу за ними, оставив бесполезный руль, викинг Сигурд со щитом на руке, с высоко поднятым большим мечом.

Они уже рядом с ним. Головокружение его прошло. Викинг сунул ему щит. Кентон извлек собственный меч.

— К Шарейн! — выдохнул он. Они побежали.

Прежде чем они успели добежать до ее каюты, защитить ее, два десятка солдат, одетых в металлические кольчуги, вооруженных короткими мечами, высыпали из биремы и преградили им путь к каюте. А за ними виднелись еще десятки.

Взметнулась булава Джиджи, обрушившись на солдат. Голубое лезвие меча Набу, ятаган Зубрана, меч Сигурда поднимались и опускались, ударяли и рубили. Через мгновение они были покрыты кровью.

Но они не могли приблизиться ни на шаг. На месте каждого убитого солдата тут же появлялся новый. А из биремы продолжали высыпать воины.

Просвистела стрела, задрожала в щите Сигурда. Еще одна ударила Зубрана в плечо.

Послышался рев Кланета:

— Никаких стрел! Черноволосую собаку и желтоволосую взять живыми! Остальных убивайте, если нужно, мечами.

Теперь солдаты биремы окружили их со всех сторон. Спиной к спине на небольшом пространстве сражались четверо. На палубу падали сол-

даты в кольчугах. Гора трупов вокруг все росла, а они продолжали сражаться. На волосатой груди Джиджи появилась рана, оттуда лилась кровь. Сигурд получил десяток порезов. А Зубран, если не считать раны от стрелы, оставался невредим. Он сражался молча, а Сигурд ревел и пел при ударах. Джиджи смеялся, когда его гигантская палица сокрушала кости и сухожилия.

Но барьер из людей Кланета между ними и Шарейн оставался непреодолимым.

Что с Шарейн? Сердце Кентона упало. Он бросил быстрый взгляд на галерею. Она стояла там с тремя вооруженными девушками, с мечом в руке, отражая натиск солдат, которые по двое поднимались по узкому мостику, переброшенному с биремы.

Но напрасно он отвлекся. В незащищенный бок ударил меч, парализуя его. Кентон упал бы, если бы не рука викинга.

— Спокойно, кровный брат, — услышал он голос Сигурда. — Мой щит перед тобой. Передохни!

С корабля Кланета донесся торжествующий крик. С его палубы протянулись два ствола. К ним были привязаны веревки, а с концов свисала сеть — она опустилась точно на Шарейн и трех других женщин.

Они пытались выбраться из сети. Но сеть связывала, спутывала их. Они бились в ней, беспомощные, как бабочки.

Неожиданно сеть натянулась под действием веревок. Медленно стволы стали подниматься, перенося сеть на палубу атакующего корабля.

— Хо! Шарейн! — насмехался Кланет. — О! Сосуд Иштар! Добро пожаловать на мой корабль!

— Боже! — простонал Кентон.

Ярость и отчаяние вернули ему силы, и он бросился вперед. Под его напором воины отступили. Снова он теснил их. Что-то ударило его в висок. Он упал. Люди Кланета набросились на него, хватая за руки, за ноги, за горло.

Что-то разбросало их. Короткие ноги Джиджи появились рядом, его булава свистела, люди падали от ее ударов. Кентон поднял голову и смутно разглядел Сигурда справа от себя и Зубрана слева.

Он посмотрел вверх. Сеть с бьющимися женщинами опустилась на палубу биремы.

И снова послышался рев Кланета:

— Добро пожаловать, прекрасная Шарейн! Добро пожаловать!

Кентон с трудом встал, вырвался из рук викинга, шатаясь, пошел вперед — к ней.

— Схватите его! — послышался крик черного жреца. — Его вес в золоте тем, кто принесет его — живым!

Теперь вокруг него образовалось кольцо воинов. От троих товарищей его отделяли солдаты. Они падали под ударами булавы, меча и

ятагана, но место их занимали другие. И расстояние между Кентоном и его товарищами постоянно увеличивалось.

Он перестал отбиваться. В конце концов ведь он этого хочет. Так будет лучше. Они возьмут его — и он будет с Шарейн.

— Поднимите его! — заревел Кланет. — Пусть эта шлюха Иштар увидит его!

Пленившие его воины высоко подняли его на руках. Он слышал плач Шарейн...

Головокружение охватило его. Как будто его бросили в водоворот, который засасывает его — далеко.

Он видел смотрящих на него Джиджи, Зубрана и Сигурда, лица их превратились в невероятные кровавые маски. И они прекратили сражаться. И другие лица, десятки, все смотрели на него с тем же выражением изумления, переходившего в ужас.

Теперь они все смотрели на него, как в отверстие огромного тунеля, в который он падал.

Державшие его руки растаяли. Лица исчезли.

— Джиджи! — звал он. — Сигурд! Зубран! Помогите мне!

Он слышал рев ветра.

Потом трубный звук. Постепенно этот звук стал подозрительно знакомым — он слышал его в другой жизни, века и века спустя. Что это? Звук становился все громче, безапелляционней.

Сигнал автомобиля!

Задрожав, он открыл глаза.

И оказался в своей комнате!

Перед ним стоял игрушечный драгоценный корабль.

И в дверь стучали, возбужденно, часто; слышались испуганные голоса.

Потом голос Джевинса, запинающийся, полный страха:

— Мистер Джон! Мистер Джон!

15. Вниз по звуковой нити

Кентон подавил дурноту; протянув дрожащую руку, включил электричество.

— Мистер Джон! Мистер Джон!

В голосе старого слуги звучал ужас, он колотил в дверь, дергал за дверную ручку.

Кентон ухватился за край стола, заставил себя заговорить.

— Да... Джевинс. — Он пытался говорить как можно естественнее. — В чем дело?

Он услышал облегченный вздох, бормотание других слуг; снова заговорил Джевинс:

— Я проходил мимо и услышал ваш крик. Ужасный крик. Вы больны?

Кентон, отчаянно борясь с подступающей слабостью, умудрился рассмеяться:

— Нет, я уснул. Видел кошмар. Не беспокойтесь! Идите спать.

— О... и все?

В голосе Джевинса звучало облегчение, но слышалось и сомнение. Он не уходил, в неуверенности топтался за дверью.

Перед глазами Кентона стоял туман, тонкая алая вуаль. Колени его неожиданно подогнулись, он едва не упал. Добрался до дивана и лег. Паническое желание позвать на помощь, попросить взломать дверь едва не заставило его говорить. Но тут же он понял, что не должен этого делать; он должен сражаться один — если хочет сохранить надежду вернуться на палубу корабля.

— Идите, Джевинс! — резко сказал он. — Разве я не говорил вам, что меня сегодня нельзя тревожить? Уходите!

Слишком поздно он сообразил, что никогда раньше не говорил так со стариком, который любил его, как сына. Он выдал себя, подтвердил сомнения Джевинса, что что-то в закрытой комнате неладно. Страх подстегнул его язык.

— Все в порядке. — Он заставил себя рассмеяться. — Конечно, со мной все в порядке.

Проклятый туман перед глазами! Что это? Он провел рукой по глазам, она была вся в крови. Он тупо смотрел на нее.

— Хорошо, мистер Джон, — в голосе слуги больше не было сомнения, только любовь. — Но я слышал, как вы кричите...

Боже! Неужели он никогда не уйдет! Взгляд Кентона перешел на предплечье, на плечо. Все в крови. Кровь капала с пальцев.

— Всего лишь кошмар, — спокойно прервал он слугу. — А теперь я закончу работу и лягу, так что можете идти.

— Спокойной ночи, мистер Джон.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Качаясь, сидел он на диване, пока не затихли шаги Джевинса и остальных. Потом попытался встать. Слабость его была слишком велика. Он соскользнул на колени, пополз по полу к низкому шкафчику, ощупью открыл дверь и достал бутылку коньяку. Поднес к губам и отпил. Крепкий напиток придал ему сил. Он встал.

У него сильно болел бок. Он зажал его рукой и почувствовал, как сквозь пальцы сочится кровь.

Он вспомнил — сюда его поразил меч одного из людей Кланета.

И тут в его мозгу всплыла картина — стрела, дрожащая в щите викинга, булава Джиджи, глядящие воины, сеть, захватившая Шарейн и ее женщин, удивленные лица...

И теперь — это!

Он снова поднял бутылку ко рту. На полпути вдруг замер, каждая мышца напряжена, каждый нерв натянут. Против него стоял человек, весь в крови с головы до ног. Он увидел сильное гневное лицо, сверкающие глаза со смертоносной угрозой, длинные спутанные черные волосы спускались до окрашенных в алое плеч. На лбу у основания волос резаная рана, из которой капает кровь. Человек этот обнажен по пояс, и справа на боку у него широкий разрез до самого ребра.

Кровавый, грозный, ужасный в алой жидкости жизни, живой призрак с какого-то пиратского корабля смотрел на него.

Стоп! Что-то в этом призраке знакомое — глаза! Взгляд Кентона привлекло сверкание золотого кольца на левой руке над локтем. Браслет. Он узнал этот браслет...

Свадебный подарок Шарейн!

Кто этот человек? Кентон не мог думать ясно, мозг его охватывала немота, красный туман стоял перед глазами, слабость снова наползала на него.

Неожиданно его охватил приступ гнева. Он схватил бутылку и хотел швырнуть ее прямо в дикое, яростное лицо.

Левая рука человека взметнулась, сжимая такую же бутылку.

Это он сам, Джон Кентон, в длинном зеркале на стене. Залитая кровью, страшно израненная, гневная фигура — это он сам!

Часы прозвонили десять.

И как будто эти медленные удары послужили экзорцизму, в Кентоне произошло изменение. Мозг его прояснился, воля и целеустремленность вернулись. Он еще отпил из бутылки и, не глядя больше в зеркало, не глядя на игрушечный корабль, пошел к двери.

Взяв в руку ключ, он остановился и задумался. Нет, этого делать нельзя. Он не может рисковать, выходя из комнаты. Джевинс может все еще быть поблизости; кто-нибудь другой из слуг может увидеть его. Если он сам не узнал себя, как же будут реагировать другие?

Он не сможет пойти куда-нибудь, чтобы очистить раны, смыть кровь. Придется действовать здесь.

Кентон вернулся в кабинет, по дороге сдернув со стола скатерть. Ногой он задел что-то на полу. Меч Набу лежал тут, больше не голубой, а как и он сам, красный от лезвия до рукояти. Кентон пока оставил его на полу. Смочил коньяком скатерть и попробовал промыть раны. Из другого шкафчика достал свою аптечку. Тут была корпия, бинты и йод. Закусив губу от боли, он залил йодом большую рану у себя на боку, смазал рану на лбу. Сделал компресс из корпии и привязал ко лбу и к груди. Кровь остановилась. От действия йода боль уменьшилась. Тогда он снова подошел к зеркалу и осмотрел себя.

Часы пробили половину одиннадцатого.

Половина одиннадцатого! Сколько было, когда он взял в руки зо-

лотую цепочку и призвал корабль — цепь подняла его и перенесла в загадочный мир?

Всего полтора часа назад!? Но за это время в том, другом мире без времени он побывал и рабом, и победителем, сражался в великих битвах, завоевал и корабль, и женщину, которая насмехалась над ним, стал тем, кем он теперь был.

И все это меньше чем за два часа!

Он направился к кораблю, подобрав по дороге меч. Вытер кровь с рукояти, но не тронул лезвие. Еще отпил из бутылки, прежде чем осмелился опустить взгляд.

Вначале он взглянул на каюту Шарейн. Среди маленьких цветущих деревьев виднелись пустоты. Дверь каюты, разбитая, лежала на палубе. Подоконник у окна разбит. На крыше он заметил сидящих голубей. Головки их были опущены, как в трауре.

Вместо семи весел торчали только четыре. И в трюме остались только восемь гребцов.

В правом борту корабля были щели и глубокие вмятины — следы столкновения с биремой в том странном мире, где остался корабль и откуда его унесло.

У рулевого весла стояла кукла — игрушка, направлявшая игрушечный корабль. Высокий человек с длинными светлыми волосами. У ног его еще две игрушки — одна с сияющей безволосой головой и обезьяньими руками, другая рыжебородая, с агатовыми глазами и сверкающим ятаганом на коленях.

Страстное стремление потрясло Кентона, он ощутил сердечную боль, такую тоску, какую может испытать человек, заброшенный на далекую звезду в просторах космоса.

— Джиджи! — застонал он. — Сигурд! Зубран! Верните меня к себе!

Он наклонился к ним, касался их нежными пальцами, дышал на них, как будто хотел передать им тепло жизни. Дольше всех он задержался на Джиджи — инстинктивно чувствовал, что ниневит больше других способен помочь ему. Сигурд силен, перс умен, но в коротконогом гиганте жили древние боги земли, когда она была еще молода и полна неведомыми силами, давно забытыми людьми.

— Джиджи! — прошептал он, приблизив к нему лицо. Снова и снова повторял он: — Джиджи! Услышь меня! Джиджи!

Показалось ему, или кукла шевельнулась?

И тут, нарушив его сосредоточенность, послышался крик. Мальчишки-газетчики кричали о каких-то глупых новостях этого глупого мира, который он давно отбросил от себя. Крик нарушил, разорвал тонкую нить, которая начала образовываться между ним и игрушкой. Он с проклятием выпрямился. В глазах его помутилось, он упал. Сказалась усталость, вернулась предательская слабость. Он дотащился до шкафа, отбил горлышко второй бутылки и влил ее содержимое себе в горло.

Подстегнутая кровь зашумела в ушах, силы возвращались к нему. Он выключил свет. Через тяжелый занавес с улицы пробивался луч света и падал на игрушечные фигурки. Снова Кентон собрал все силы воли для призыва.

— Джиджи! Это я! Зову тебя! Джиджи! Ответь мне! Джиджи!

Игрушка шевельнулась, голова ее поднялась, тело дрогнуло.

Далеко, далеко, холодный, как морозный узор на стекле, призрачный и нереальный, приходящий из неизмеримого удаления, услышал он голос Джиджи:

— Волк! Я слышу тебя! Волк! Где ты?

Мозг его ухватился за этот голос, как за нить, держащую его над огромной пропастью.

— Волк, вернись к нам! — голос звучал сильнее.

— Джиджи! Джиджи! Помоги мне вернуться!

Два голоса — далекий, тонкий, холодный и его собственный — встретились, сплелись, связались. Они протянулись над пропастью, которая лежала между ним и тем неведомым измерением, в котором плыл корабль.

Маленькая фигура больше не сидела на корточках. Она распрямилась. Голос Джиджи звучал все громче:

— Волк! Иди к нам! Мы слышим тебя! Иди к нам!

И, как заклинание:

— Шарейн! Шарейн! Шарейн!

При имени любимой он почувствовал, как удваиваются его силы.

— Джиджи! Джиджи! Продолжай звать!

Он больше не видел свою комнату. Он видел корабль — далеко, далеко внизу. Сам он превратился в плывущий высоко комочек жизни, стремящийся вниз и зовущий, зовущий Джиджи на помощь.

Нить звуков, соединившая их, напряглась и задрожала, как паутинка. Но выдержала и продолжала держать его.

Корабль увеличивался. Он был туманным, облачным, но все рос и рос, и Кентон все опускался на него по звуковой нити. Теперь послышались еще два голоса, поддерживающие первый: пение Сигурда, призывы Зубрана, шум ветра в корабельных снастях; молитва волн, перебирающих четки пены.

Корабль становился все реальнее. Через него просвечивала комната. Казалось, она борется с кораблем, пытается отогнать его. Но корабль побеждал ее, призывал его голосами товарищей, голосами ветра и моря.

— Волк! Мы чувствуем — ты близко! Иди к нам... Шарейн! Шарейн! Шарейн!

Призрачные очертания ожили, охватили его.

К нему протянулись руки Джиджи, схватили его, выхватили из пространства.

И тут он услышал хаотический шум: другой мир, подстегиваемый могучими ветрами, закружился вокруг него.

Он стоял на палубе корабля.

Джиджи прижимал его к своей волосатой груди. На плечах его лежали руки Сигурда. Зубран держал Кентона за руки, выкрикивая радостные и непонятные персидские проклятия.

— Волк! — взревел Джиджи, слезы лились по его морщинистому лицу. — Куда ты ушел? Во имя всех богов, где ты был?

— Неважно! — всхлипывал Кентон. — Неважно, где я был, Джиджи. Я вернулся. Слава Богу, я вернулся!

16. В поисках острова колдунов

Им везло. Серебряный туман тесно окутал корабль, так что он плыл в круге, едва ли вдвое превышавшем его длину. Туман скрывал корабль. Кентон спал мало и загонял гребцов до изнеможения.

— Приближается сильная буря, — предупредил Сигурд.

— Молись Одину, чтобы она задержалась до нашего прихода в Эмактилу, — ответил Кентон.

— Будь у нас лошадь, я принес бы ее в жертву Всеобщему Отцу, — сказал Сигурд. — Тогда он придержал бы бурю.

— Говори тише, чтобы нас не услышали морские кони, — сказал Кентон.

По рассказам викинга он знал, что пленный капитан признался: жрица в жилище Бела.

— Она в безопасности, даже от Кланета, пока у нее нет другого возлюбленного, кроме бога, — объяснил Сигурд.

— Другого возлюбленного, кроме бога! — взревел Кентон, опуская руку на рукоять меча и свирепо глядя на Сигурда. — У нее не будет другого возлюбленного, кроме меня, Сигурд, ни бога, ни человека! Что ты хотел сказать?

— Убери руку с меча, Волк, — ответил Сигурд. — Я не собираюсь оскорблять тебя. Только — боги есть боги! И ведь капитан говорил, что твоя женщина ходит как во сне, память у нее отобрали. Если это так, кровный брат, то она и тебя не помнит.

Кентон нахмурился.

— Нергал однажды пытался разлучить любивших друг друга мужчину и женщину, — ответил он, — как мы с Шарейн. Не смог. Не думаю, что жрец Нергала преуспеет там, где потерпел поражение его хозяин.

— Не очень умное рассуждение, Волк, — это Зубран неслышно подошел к ним. — Боги сильны. Поэтому им не нужны хитрость и коварство. Они наносят удар, и все кончено. Я согласен, что это не артистично, но зато результативно. Человек, у которого нет силы богов,

должен полагаться на хитрость и коварство. Поэтому человеку часто удается то, что не удается богам. Из своей слабости он черпает силу. Богов нельзя в этом винить — разве в том, что сделали человека слабее себя. Поэтому Кланета следует опасаться больше, чем Нергала, его хозяина.

— Он не может изгнать меня из сердца Шарейн! — воскликнул Кентон.

Викинг склонился к компасу.

— Может, прав ты, — пробормотал он. — А может, Зубран. Все, что я знаю: пока твоя женщина верна Белу, ни один человек не может повредить ей.

Уклончивый в этом пункте, в остальных викинг отвечал прямо и подробно. Он многое видел, будучи рабом жрецов Нергала. Он знал город, хорошо знал Храм Семи Зон. Но лучше всего было то, что он знал, как попасть в Эмактилу другой дорогой, не через гавань.

Это было очень важно: ясно, что в гавани их могли сразу же узнать.

— Смотрите, друзья, — Сигурд концом меча начертил грубую карту на досках палубы. — Вот город. Он в конце фьорда. По обе стороны фьорда вздымаются горы и двумя длинными полосами уходят далеко к морю. Но вот здесь, — он указал место, где береговая линия приближается к вилке, откуда отходит левый горный отрог, — здесь залив с узким входом со стороны моря. Жрецы Нергала используют это место для тайных жертвоприношений. Между заливом и городом дорога, идущая через холмы. Дорога приводит к большому храму. Я прошел по ней и стоял на берегах залива. Я вместе с другими рабами нес жрецов в носилках и предметы для жертвоприношения. Потребуется два сна, чтобы корабль добрался от Эмактилы до этого места, но только половина этого времени напрямик, и сильный человек смог бы проделать этот путь от восхода до заката солнца в зимний день. К тому же тут есть куда спрятать корабль. Мимо редко проходят корабли и поблизости никто не живет— поэтому жрецы Нергала и выбрали это место.

К тому же я хорошо знаю Храм Семи Зон, он долго был моим домом, — продолжал Сигурд. — В высоту он достигает тридцати мачт.

Кентон быстро прикинул. Получается около шестисот футов. Да, высоко.

— Сердцевину храма, — говорил Сигурд, — составляют святилища богов и богини Иштар, одно над другим. Вокруг этой сердцевины помещения жрецов и жриц и меньшие святилища. Главных святилищ семь, самое верхнее из них принадлежит Белу. Внизу обширный двор с алтарями и другими священными предметами, куда люди приходят молиться. Все входы сильно укреплены и охраняются. Даже мы вчетвером не сможем войти — здесь.

— Но вокруг храма, который имеет такую форму, — он нацарапал усеченный конус, — проходит большая каменная лестница вот так, — он провел спиральную линию от основания конуса к вершине. — На одинаковом расстоянии друг от друга на лестнице стоят часовые. У основания лестницы казармы гарнизона. Ясно?

— Ясно, что потребуется армия, чтобы захватить храм, — проворчал Джиджи.

— Вовсе нет, — ответил викинг. — Вспомните, как мы захватили галеру, хотя их было гораздо больше. Мы подплывем на корабле к этому тайному месту. Если жрецы там, сделаем, что сможем, — перебьем их или убежим. Но если норны прикажут жрецам не быть там, мы спрячем корабль и оставим гребцов на попечении чернокожего. Потом мы вчетвером в одежде моряков и в длинных плащах, захваченных на галере, пойдем скрытной дорогой к городу.

По поводу лестницы — у меня есть план. Вдоль нее стена — до груди человека. Если сможем незаметно пробраться у основания лестницы, поползем в тени этой стены, по дороге убивая часовых. Доберемся до жилища Бела, войдем и заберем Шарейн.

Но в хорошую погоду этого не сделать, — закончил он. — Должна быть темнота или буря, чтобы нас не увидели с улицы. Поэтому я молю Одина, чтобы он задержал бурю, пока мы не доберемся до города и не начнем подъем по лестнице. Потому что в бурю мы сможем все это проделать, и притом быстро.

— Но я не вижу в этом плане возможности убить Кланета, — ворчал Зубран. — Ползем, прячемся, снова ползем с Шарейн. И все. Клянусь Ормуздом, у меня слишком нежные колени, чтобы ползать. К тому же мой ятаган хочет оцарапать шкуру черного жреца.

— Пока Кланет жив, для нас нет безопасности, — прохрипел Джиджи на свой старый мотив.

— Я пока не думал о Кланете, — сказал викинг. — На первом месте женщина Кентона. После этого — займемся черным жрецом.

— Мне стыдно, — сказал Зубран, — следовало бы помнить. Но, по правде говоря, я чувствовал бы себя лучше, если бы по дороге к ней у нас была возможность убить Кланета. Я согласен с Джиджи — пока он жив, нет безопасности ни для твоего кровного брата, ни для кого из нас. Впрочем, Шарейн, конечно, в первую очередь.

Викинг всматривался в компас. Снова посмотрел внимательно и показал остальным.

Голубые стрелки располагались параллельно, их острия указывали на одно место.

— Мы движемся прямо к Эмактилe, — сказал Сигурд. — Но вошли ли мы в фьорд? Во всяком случае мы близко к нему.

Он повернул рулевое весло. Корабль развернулся. Большая стрел-

ка повернулась на четверть оборота. Малая указывала по-прежнему прямо.

— Это ничего не доказывает, — сказал викинг, — только то, что мы больше не направляемся прямо к городу. Но мы где-то рядом с входом. Следите за гребцами.

Все медленнее полз корабль, отыскивая путь в темноте. И вот перед ними показалось что-то темное. Оно росло медленно, медленно. Показался низкий берег, который вскоре резко поднимался и тонул в глубокой тени. Сигурд произнес благодарственную молитву.

— Мы по другую сторону гор, — сказал он. — Где-то вблизи от того места, о котором я вам говорил. Пусть надсмотрщик ведет корабль вдоль берега.

Он резко повернул весло, корабль развернулся и пошел вдоль берега. Скоро впереди показался высокий хребет. Они обогнули его и оказались у узкого залива, в который Сигурд и направил корабль.

— Здесь мы спрячемся, — сказал он. — Вон в той группе деревьев. Они растут прямо из воды. В этой рощице корабль не увидят ни с моря, ни с берега.

Они вплыли в рощу. Длинная густая листва скрыла корабль.

— Привяжите корабль к деревьям, — прошептал Сигурд. — Побыстрее. Тут могут оказаться жрецы. Посмотрим позже, когда двинемся в путь. Корабль оставим на женщин. С ними чернокожий. И пусть сидят тихо до нашего возвращения.

Он пожал сильными плечами.

— У тебя будет больше шансов вернуться, если ты срежешь свои длинные волосы и бороду, Сигурд, — сказал перс и добавил: — И у нас тоже.

— Что?! — гневно воскликнул Сигурд. — Срезать волосы! Даже когда я был рабом, их не тронули!

— Умный совет, — заметил Кентон. — И, Зубран, твоя пламенная борода и рыжие волосы — лучше бы сбрить их или по крайней мере перекрасить.

— Клянусь Ормуздом, нет! — воскликнул перс так же гневно, как Сигурд.

— Птицелов расставил сеть и попался в нее! — рассмеялся Сигурд. — Совет тем не менее хорош. Лучше потерять волосы с головы, чем голову с плеч!

Девушки принесли ножницы. Со смехом они подстригли гриву Сигурда, укоротили его длинную бороду, придав ей форму лопаты. Удивительно преобразился после этого Сигурд, сын Тригга.

— Вот уж кого Кланет не узнает, увидев, — сказал Джиджи.

Теперь в руках женщин оказался перс. Они погрузили в темную жидкость тряпки и обложили ими голову и бороду Зубрана. Красный цвет потемнел, сменился каштановым. Разница между старым и но-

вым Зубраном оказалась не так велика, как между старым и новым Сигурдом. Но Кентон и Джиджи кивнули одобрительно — красный цвет, бросавшийся в глаза, как и грива северянина, исчез.

Оставались Кентон и Джиджи. С ними мало что можно было сделать. Нельзя изменить лягушачий рот Джиджи, мигающие бусинки глаз, лысую макушку, необыкновенно широкие плечи.

— Сними кольца с ушей, — попросил Кентон.

— А ты — браслет с руки, — ответил Джиджи.

— Подарок Шарейн! Никогда! — воскликнул Кентон гневно, как только что северянин и перс.

— Ушные кольца подарила мне женщина, которая любила меня не меньше, чем твоя. — Впервые за то время, что Кентон знал Джиджи, в голосе того прозвучал гнев.

Перс негромко рассмеялся. Это сняло напряжение. Кентон виновато улыбнулся барабанщику. Джиджи ответил улыбкой.

— Что ж, — заметил он, — похоже, мы все должны принести жертву, — и начал отстегивать кольца.

— Не надо, Джиджи! — Кентон почувствовал, что он не в состоянии расстаться с браслетом — символом любви Шарейн. — Оставь их. Кольца и браслет можно спрятать.

— Не знаю, — с сомнением ответил Джиджи. — Лучше бы снять. И что-то есть в идее жертвоприношения...

— В твоих словах мало смысла, — упрямо сказал Кентон.

— Ты думаешь? — размышлял Джиджи. — Многие видели у тебя на руке этот браслет, когда ты сражался с Кланетом и потерял Шарейн. И Кланет видел его. Что-то нашептывает мне, что он более опасен, чем кольца в моих ушах.

— Мне никто ничего не шепчет, — упрямо ответил Кентон. Он пошел в бывшую каюту Кланета и начал переодеваться в одежду моряков, взятую на галере. Он надел кожаную рубашку, рукава которой застегивались на запястьях.

— Видишь, — сказал он Джиджи. — Браслет не виден.

Затем брюки из того же материала, перевязанные у пояса. Высокие ботинки со шнуровкой. Поверх рубашки короткая кольчуга. На голове конический металлический шлем, с которого на плечи и спину свисала промасленная прочная кожа.

Остальные оделись так же. Только перс не расстался со своей старой кольчугой. Он сказал, что знает ее прочность, а остальные ему незнакомы. Старый друг, испытанный и всегда верный, сказал он; он не оставит его ради новых, чью верность еще не испытал. А Джиджи низко натянул шлем и спрятал уши и ушные кольца. Вокруг шеи он повязал шелковый шарф, укрыв им рот.

Набросив поверх всего плащи, они посмотрели друг на друга повеселевшими глазами. Викинг и перс изменились неузнаваемо. Можно не

бояться, что их узнают. Кентон тоже сильно изменился благодаря новой одежде. Плащ скрыл короткие ноги Джиджи, а шарф вокруг лица и конический шлем тоже делали его с трудом узнаваемым.

— Хорошо! — прошептал викинг.

— Очень хорошо! — подхватил Кентон.

Они перепоясались и сунули за пояс свои мечи и короткие мечи, скованные Сигурдом. Только Джиджи не взял ни двуручный меч, скованный Сигурдом, ни свою булаву. Булава слишком известна, меч — помеха в пути, и его, как и булаву, невозможно скрыть. Он взял два меча средней длины. Взял и длинную веревку и прикрепил к ней крюк. Обвязался веревкой, а крюк подцепил к поясу.

— Веди нас, Сигурд, — сказал Кентон.

Один за другим они перелезли через борт, прошли по мелкой воде и постояли на берегу, пока Сигурд осматривался в поисках ориентиров. Туман стал еще плотнее. Золотые листья, соцветия алых и желтых цветов были вытканы на фоне тумана, как на древней китайской ширме. В тумане показалась фигура Сигурда.

— Пошли. Я нашел дорогу.

Молча пошли они за ним сквозь туман, под серебряной тенью деревьев.

17. В городе колдунов

Путь действительно оказался тайным. Как Сигурд находил дорогу в мерцающем тумане, какими приметами руководствовался, Кентон не мог сказать. Но викинг без колебаний шел вперед.

Между двумя холмами, заросшими золотым папоротником, пролегала узкая дорога, она проходила через густой кустарник, где неподвижный воздух был томным от запаха бесчисленных незнакомых цветов, через рощи стройных деревьев, похожих на бамбук, только стволы у них были ярко-алые, через леса, похожие на парки, в которых сгущались тускло-серебряные тени. Шагали они по мягкому мху неслышно. Давно позади остался шелест моря. Все вокруг было тихо.

На краю одной из таких похожих на парк рощ викинг остановился.

— Место жертвоприношений, — прошептал он. — Посмотрю, нет ли поблизости черных собак Нергала. Подождите меня здесь.

Он растворился в тумане. Они молча ждали. Чувствовалось, что что-то злое спит под этими деревьями, и если они заговорят или пошевельнутся, оно может проснуться. Оттуда, как будто спящее зло дышало, доносился сладковатый кладбищенский запах, который был и в каюте Кланета.

Бесшумно, как и ушел, вернулся Сигурд.

— Черных одежд нет, — сказал он. — И все же — что-то от их Тем-

ного бога всегда живет в этой роще. Быстрее бы миновать это место! Идите быстро и не шумите.

Они пошли. Наконец Сигурд остановился и облегченно вздохнул.

— Прошли, — сказал он.

И повел их быстрее. Путь начал круто подниматься. Они шли длинным глубоким оврагом, в котором туман стоял так плотно, что они с трудом пробирались через булыжники, усеивавшие его дно.

Миновали два больших монолита — и остановились. Внезапно тишина, окружавшая их до сих пор, была нарушена. Перед ними попрежнему была лишь стена тумана, но оттуда и снизу доносилось бормотание, голоса большого города, скрип мачт, дребезжание цепей, всплески весел и время от времени крики, вырывавшиеся из смутного гула стремительно, как хищная птица.

— Гавань, — сказал Сигурд и указал вниз и направо. — Эмактила под нами, близко. А там, — он снова указал вниз и немного налево, — там Храм Семи Зон.

Кентон взглянул в том направлении. Туманная громада виднелась в серебряных облаках, очертания ее конусообразные, вершина плоская. Сердце его забилось быстрее.

Они продолжали спускаться. Бормотание города становилось все громче. Все яснее виднелся гигантский храм, все выше уходил он в небо. И по-прежнему туман скрывал от них город.

Они подошли к высокой каменной стене. Здесь Сигурд повернулся и повел их в рощу мощных, густо поросших листвой деревьев. Они скользили меж деревьями, следуя за викингом, который теперь двигался очень осторожно.

Наконец он выглянул из-за толстого ствола, поманил их. За деревьями виднелась широкая дорога с глубокими колеями.

— Дорога в город, — сказал он. — Теперь можем идти спокойно.

Они спустились с откоса и пошли по дороге, идя теперь рядом друг с другом. Скоро деревья уступили место полям, насколько позволял видеть туман, возделанным. На полях росли высокие растения с листьями, как у кукурузы, но шафранно-желтыми, а не зелеными, а вместо початков длинные метелки блестящих белых плодов; видны были ряды кустов, на которых росли зеленые, как изумруд, ягоды; странные фрукты; деревья обвивали лианы, с которых свисали похожие на тыкву плоды, но в форме звезды.

Они увидели дома, двухэтажные, похожие на кубики, с меньшими кубиками, пристроенными с боков, как детские игрушки. Дома были причудливо раскрашены — и по цвету, и по рисунку. Фасады в полоску, с чередованием вертикальных полос шириной в ярд и голубого цвета; другие фасады желтые, с алыми зигзагами, как упрощенное изображение молнии; широкие горизонтальные полосы алого цвета чередовались с зелеными.

Дорога сузилась, стала улицей, вымощенной камнями. Раскрашенные дома стояли гуще. Мимо проходили мужчины и женщины, коричневые и черные, одинаково одетые в белые одеяния без рукавов, доходившие до колен. На правом запястье у всех виднелось бронзовое кольцо, с которого спадала небольшая цепь. Они несли груз — кувшины, корзины с фруктами и другими продуктами, плоские хлебы красновато-коричневого цвета, плоские фляги шириной в фут. Проходя, они с любопытством разглядывали четверку.

— Рабы, — сказал Сигурд.

Теперь раскрашенные дома стояли сплошной линией. На них виднелись галереи, цветущие деревья и растения, похожие на те, что росли над розовой каютой на корабле. С некоторых галерей наклонялись женщины и подзывали прохожих.

По этой улице они дошли до другой, большой и полной народу. И здесь Кентон остановился в изумлении.

Вдали виднелся огромный храм с террасами. Вдоль его сторон располагались многочисленные лавки. У дверей стояли хозяева, расхваливая свои товары. Свисали флаги, на которых клинописью были расписаны эти же товары.

Мимо него проходили ассирийцы, жители Ниневии и Вавилона с завитыми волосами и украшенными кольцами бородами, крючконосые яркоглазые финикийцы, египтяне с глазами, как вишни, эфиопы с большими золотыми кольцами в ушах, улыбающиеся желтые люди с миндальными веками. Проходили солдаты в кольчугах, с колчанами на спине, полными стрел, и с луками в руке, жрецы в черных, алых и синих одеждах. Перед ним на мгновение остановился краснокожий мускулистый воин, который нес на плече топор с двойным лезвием — оружие древнего Крита. На его плече лежала белая рука женщины, щеголявшей в странно современной плиссированной юбке, с высокой белой грудью, выдававшейся из тоже очень современной по покрою блузки. Миноец и его подруга, — они, может быть, были свидетелями того, как к дверям лабиринта подходила дань афинян Минотавру, а в лабиринте ждал чудовищный человекобык.

А вот и римлянин в полном вооружении, сжимающий короткий бронзовый меч, который мог бы прорубать дорогу для Цезаря. За ним — гигантский галл со спутанными волосами и глазами, голубыми и холодными, как у Сигурда.

Взад и вперед по середине улицы двигались носилки, которые несли на своих плечах рабы. Кентон проводил взглядом гречанку, длинноногую и стройную, с волосами цвета созревшей пшеницы. Потом карфагенянку с горячими глазами, такую красивую, что она могла быть невестой Бела. Та высунулась из носилок и улыбнулась ему.

— Я хочу есть и пить, — сказал Сигурд. — Чего мы тут стоим? Пошли.

И Кентон понял, что пышная процессия выходцев из прошлого для его товарищей, которые сами из прошлого, совсем не удивительное зрелище. Он кивнул в знак согласия. Они смешались с толпой и отыскали место, где люди ели и пили.

— Лучше войдем по двое, — сказал Джиджи. — Кланет ищет четверых, а мы четверо незнакомцев. Волк, иди сначала ты с Сигурдом. Мы с Зубраном следом — и не замечайте нас, когда мы войдем.

Хозяин поставил перед ними еду и кувшины с вином. Он оказался разговорчив, спросил, откуда они, благополучным ли было их путешествие.

— Сейчас хорошо быть не в море, — болтал он. — Приближается буря, и сильная. Молюсь владыке морей, чтобы он удержал ее, пока не кончится служба Белу. Скоро закрою свое заведение и отправлюсь посмотреть на эту новую жрицу, о которой так много говорят.

Лицо Кентона было наклонено, закрыто свисавшей со шлема кожей. Но при этих словах он поднял голову и посмотрел прямо на хозяина.

Тот отступил, запнулся, смотрел на него широко раскрытыми глазами.

Его узнали? Рука Кентона потянулась к рукояти меча.

— Прошу прощения! — выдохнул хозяин. — Я вас не узнал... — Потом наклонился поближе, всмотрелся и рассмеялся. — Клянусь Белом! Я думал, ты... Боги!

И торопливо ушел. Кентон смотрел ему вслед. Может быть, его уход — хитрость? Он узнал в нем человека, которого ищет Кланет? Не может быть. Слишком реален был его испуг, слишком искренним облегчение. На кого же тогда похож Кентон, так похож, что вызывает испуг?

Они быстро поели, расплатились золотом, взятым с галеры, снова вышли на улицу. Почти тут же к ним присоединились Джиджи и перс.

По двое пошли они вдоль улицы, неторопливо, как люди, только что прибывшие из долгого путешествия. Но Кентон с удивлением и растущими опасениями все чаще замечал устремленные на него взгляды; люди тут же отворачивались и быстро уходили. Остальные тоже заметили это.

— Закрой плотнее лицо, — беспокойно сказал Джиджи. — Мне не нравится, как на тебя смотрят.

Кентон рассказал им о разговоре с хозяином.

— Плохо, — Джиджи покачал головой. — На кого ты можешь быть похож, что они так пугаются? Спрячь получше лицо.

Кентон так и поступил и шел согнувшись. Тем не менее на него продолжали посматривать.

Улица кончилась у большого парка. По его газону ходили люди, сидели на каменных скамьях, на гигантских корнях деревьев, чьи ство-

лы были толстыми, как у секвойи, а вершины терялись в тумане. Пройдя немного по улице, Сигурд свернул в парк.

— Волк, — сказал он, — Джиджи прав. На тебя слишком много смотрят. Мне кажется, что тебе лучше не идти дальше. Сиди на этой скамье. Наклони голову, будто спишь или пьян. В парке немного народу и будет еще меньше, когда заполнится двор храма. Туман скроет тебя от прохожих на улице. Мы втроем пойдем в храм и изучим лестницу. Потом вернемся к тебе, и посоветуемся.

Кентон понимал, что викинг прав. Беспокойство его тоже росло. Но как трудно оставаться позади, не видеть место, где держат в плену Шарейн, предоставить другим возможность найти дорогу к ней.

— Смелее, брат, — сказал Сигурд, когда они уходили. — Один задержал для нас эту бурю. Он поможет нам и освободить твою женщину.

И вот долго-долго, как ему кажется, он сидит на скамье, закрыв лицо руками. Все сильнее и сильнее становится желание самому увидеть тюрьму Шарейн, изучить ее слабые места. В конце концов его товарищи заинтересованы не так, как он, взгляд их не обострен любовью. Он может достичь успеха там, где у них ничего не получится, его глаза увидят то, что пропустят их взгляды. Наконец нетерпение овладело им. Он встал со скамьи и двинулся на многолюдную улицу. Не доходя до нее нескольких шагов, повернулся и пошел по парку вдоль улицы.

Вскоре он дошел до конца парка и остановился полускрытый.

Прямо перед ним, не далее чем в пятидесяти ярдах, возвышался огромный Храм Семи Зон.

Гигантский конус закрывал все поле зрения. Вокруг него, как змея, извивалась большая лестница. На сто футов от основания храм сиял, как полированное серебро. Затем в конус врезалась круглая терраса. Над террасой еще на сто футов поверхность была покрыта каким-то металлом красно-золотого или оранжевого цвета. Еще терраса, и дальше абсолютно черный фасад, тусклый и мертвенный. Снова терраса. Туман скрывал стену над ней, но Кентону показалось, что он видит алую стену, а над ней синюю.

Взгляд его следовал за извивами лестницы. Он вышел вперед, чтобы разглядеть ее получше. Широкие ступени вели от ее основания к обширной платформе, на которой стояло множество вооруженных людей. Он понял, что это гарнизон, который они должны победить или обмануть. Сердце его упало при виде этих многочисленных солдат.

Он посмотрел, что за ними. Лестница охранялась. В пяти тысячах футов парк подступал вплотную к стене храма. Там группа высоких деревьев, их ветви почти касаются лестницы.

Веревка Джиджи и крюк! Как мудро поступил ниневит, предвидя такую возможность. Кентон самый легкий из четверых, он взберется

на дерево, переберется на лестницу, а если это невозможно, перебросит веревку с крюком и поднимется по веревке.

Потом опустит веревку для остальных. Можно сделать! А если будет буря, которую предсказывает Сигурд, охрана ничего не услышит.

Неожиданно он почувствовал, что за ним следят. Между ним и храмом людей не было, у основания лестницы стоял офицер и смотрел на него.

Кентон повернулся, быстро прошел по краю улицы и оказался вновь у своей скамьи. Сел, как и раньше, наклонился, закрыл лицо руками.

Кто-то сел рядом.

— В чем дело, моряк? — грубовато спросили его. — Если болен, почему не идешь домой?

Кентон ответил хрипло, продолжая закрывать лицо:

— Слишком много вина в Эмактиле. Оставь меня. Пройдет.

— Хо! — рассмеялся незнакомец и схватил Кентона за локоть. — Подними голову. Иди лучше домой, пока не началась гроза.

— Нет, нет, — хрипло ответил Кентон. — Я не боюсь бури. Вода мне поможет.

Руку с его локтя убрали. Некоторое время сидевший рядом молчал. Потом встал.

— Хорошо, моряк, — сердечно сказал он. — Оставайся здесь. Вытянись на скамье и поспи. Боги да будут с тобой!

— И с тобой, — пробормотал Кентон. Он слышал удаляющиеся шаги. Осторожно повернул голову, посмотрел в том направлении. Среди деревьев видны были несколько фигур. Одна из них — человек в длинном синем плаще, другая — офицер, одетый, как тот, который смотрел на Кентона от основания большой лестницы; моряк; горожанин. Кто они такие?

Человек, сидевший рядом с ним, схватил его за руку как раз там, где был надет браслет Шарейн! А этот офицер? Тот же самый? За ним следят?

Он хотел натянуть на браслет кожаный рукав. Но рука его вновь легла на браслет. Рукав был разрезан ножом.

Кентон вскочил, хотел бежать. Но прежде чем он успел сделать шаг, послышался топот. На голову ему набросили тяжелую ткань. Чьи-то руки схватили его за горло. Другие руки обвили его веревкой, прижали его руки к бокам.

— Снимите ткань с его лица, но держите руки на горле, — услышал он холодный, мертвый голос.

Голову его открыли. Он смотрел прямо в бледные глаза Кланета.

И тут из двойного кольца солдат послышались изумленные возгласы, движения ужаса. Вышедший вперед офицер смотрел на него в изумлении.

— Мать богов! — застонал он и склонился у ног Кентона. — Повелитель, я не знал, — он вскочил и поднес нож к веревке.

— Остановись! — заговорил Кланет. — Это раб! Посмотри внимательней!

Дрожа, офицер посмотрел в лицо Кентону, приподнял завесу шлема, выругался.

— Боги! — воскликнул он. — А я-то думал, что это...

— Ты думал неверно, — спокойно прервал его Кланет. Он пожирал глазами Кентона. Наклонился, вытащил меч Набу.

— Подожди! — офицер взял у него меч. — Этот человек — мой пленник, пока я не доставлю его королю. И до этого времени я сохраню его меч.

Смертельной опасностью загорелись глаза жреца.

— Он отправится в дом Нергала, — взревел он. — Берегись, капитан, противоречить Кланету!

— Я слуга короля, — ответил офицер. — Я подчиняюсь его приказам. А ты, как и я, хорошо знаешь, что он приказал всех пленников приводить прежде всего к нему — что бы ни говорили жрецы. К тому же, — добавил он, — возникает вопрос о награде. Пусть это дело будет записано. Король справедлив.

Черный жрец стоял молча, прикрыв рукой рот. Офицер рассмеялся.

— Вперед! — приказал он. — К храму! Если этот человек убежит, вы все умрете.

Тройное кольцо солдат окружило Кентона. Рядом с ним шел офицер. По другую сторону — черный жрец, не отрываясь взглядом от Кентона, облизывая свои безжалостные губы.

Так прошли они через парк, вышли на улицу и наконец прошли через высокую арку в храм.

18. Повелитель двух смертей

Король Эмактилы, повелитель двух смертей, сидел, скрестив ноги, на высоком диване. Он очень походил на старого короля из детских песенок, включая веселость, румянец на лице и круглые, как яблочки, и такие же красные щеки. В его водянистых голубых глазах светилось веселье. На нем была свободная алая одежда. Он шаловливо размахивал своей длинной белой бородой, испачканной брызгами красного, пурпурного и желтого вина.

Судный шатер короля Эмактилы достигал ста квадратных футов. Диван короля размещался на платформе в пять футов высотой, которая, как сцена, тянулась от одного края комнаты до другого. Пол, выложенный квадратными плитками, круто поднимался к платформе. Вогнутый край его резко обрывался пролетом широких низких ступеней, которые заканчивались в пяти футах от дивана короля.

Двенадцать лучников в перевязанных поясами куртках серебряного и алого цвета стояли на самой нижней ступени плечо к плечу, луки наготове, стрелы наложены на тетиву, в одно мгновение они поднимут лук и выстрелят. Двадцать четыре лучника стояли у их ног. Тридцать шесть смертоносных стрел смотрели на Кентона, черного жреца и капитана.

По обе стороны ступеней вдоль задней изогнутой стены палаты вытянулся еще ряд лучников, серебряных и алых, плечо к плечу, стрелы наготове. Мигающие глаза короля видели их головы, которые окружали сцену, как рампа.

Вдоль остальных трех стен, плечо к плечу, стрелы на тетивах, глаза не отрываются от короля Эмактилы, идет не прерываясь серебряно-алый фриз из лучников. Они стоят молча, напряженные, как заведенные автоматы, готовые действовать, как только нажмут невидимую пружину.

В помещении нет окон. Светло-голубые занавеси закрывают все стены. Сотни ламп освещают комнату ровным желтым пламенем.

На расстоянии двух ростов человека слева от короля неподвижно, как и лучники, стоит затянутая вуалью фигура. Сквозь вуаль чуть видны изгибы прекрасного тела.

На том же расстоянии справа от короля другая скрытая фигура. Вуаль не в силах скрыть исходящий от нее ужас.

Одна фигура заставляет сердце биться ускоренно.

Другая — останавливает его биение.

На полу, у ног короля, сидит гигант китаец с изогнутым алым мечом.

У дивана с обеих сторон стоят девушки, прекрасные, юные, обнаженные по пояс. Шесть с одной стороны, шесть с другой. В руках у них кувшины, полные вином. У их ног вазы с вином, красным, пурпурным и желтым, эти вазы стоят в еще больших вазах со снегом.

Справа от повелителя двух смертей склонилась девушка с золотой чашкой в вытянутой руке. Слева — другая с золотым флаконом. Король берет то чашку, то флакон и пьет, потом возвращает. Девушки тут же наполняют их.

Через много переходов вели капитан и черный жрец Кентона к этому месту. Теперь король выпил вина, поставил чашку и хлопнул в ладоши.

— Король Эмактилы судит! — звучно произнес китаец.

— Он судит! — прошептали лучники, стоящие у стен.

Кентон, черный жрец и капитан вышли вперед и остановились перед упершимися им в грудь стрелами. Король наклонился, веселыми мигающими глазами разглядывая Кентона.

— Что это за шутка, Кланет, — воскликнул он высоким дрожащим голосом. — Или дома Бела и Нергала объявили войну друг другу?

— Войны нет, повелитель, — ответил Кланет. — Это раб, за которого я объявил награду и которого я хочу получить, так как я захватил...

— Так как я захватил, повелитель, — прервал капитан, опустившись на колено. — И я тем самым заслужил награду Кланета, о справедливый!

— Ты лжешь, Кланет, — захихикал король. — Если ты не воюешь, почему же ты связал...

— Посмотри внимательней, повелитель, — прервал его Кланет. — Я не лгу.

Водянистые глаза уставились на Кентона.

— Да! — рассмеялся король. — Ты прав. Он тот, кем мог бы быть тот, другой, если бы он хоть наполовину был мужчиной. Ну, ну... — Он поднял флакон и, прежде чем выпить, заглянул в него. — Не полон! — хихикнул он. — Только наполовину.

Он перевел взгляд с флакона на девушку, которая стояла ближе всех к той, что склонилась слева от него. Его круглое радостное лицо устремилось к ней.

— Насекомое! — засмеялся король. — Ты забыла наполнить мой флакон!

Он поднял палец.

Слева донесся звон тетивы, пролетела стрела. Она ударила дрожащую девушку в правое плечо. Девушка покачнулась, закрыв глаза.

— Плохо! — весело крикнул король и снова поднял палец.

Справа прозвучала тетива, просвистела стрела. Она попала в сердце первому лучнику. Прежде чем его тело коснулось пола, тот же самый лук выстрелил вторично. Вторая стрела попала в сердце раненой девушке.

— Хорошо! — засмеялся король.

— Наш повелитель даровал смерть! — запел китаец. — Слава ему!

— Слава ему! — подхватили лучники и девушки с чашами.

Но Кентон, охваченный приступом гнева при виде этого бессердечного убийства, прыгнул вперед. Немедленно тридцать шесть лучников натянули луки, оперения стрел коснулись их ушей. Черный жрец и капитан схватили Кентона и оттащили назад.

Китаец вытащил маленький молот и ударил по лезвию своего меча. Тот зазвенел, как колокол. На помосте появились два раба и унесли мертвую девушку. Другая заняла ее место. Рабы унесли мертвого лучника. Другой выскользнул из-за занавеса и занял его место.

— Отпустите его, — радостно гукнул король и выпил полный флакон.

— Повелитель, он мой раб, — черный жрец не мог скрыть высокомерное нетерпение в своем голосе. — Его привели сюда, исполняя твой приказ. Ты видел его. Теперь я требую, чтобы его отвели ко мне на казнь.

— О-хо-хо! — Король поставил чашку и рассмеялся. — О-хо-хо! Значит, ты требуешь его? И хочешь увести? О-хо-хо!

— Ноготь гниющей мухи! — взревел он. — Король я в Эмактиле или нет? Отвечай!

Отовсюду послышался звон натягиваемых луков. Каждая стрела из всего живого фриза была нацелена в грузное тело черного жреца. Капитан присел рядом с Кентоном.

— Боги! — прошептал он. — Ад побери тебя и награду! И зачем я увидел тебя?

Черный жрец заговорил голосом, в котором смешались гнев и страх:

— Ты король Эмактилы!

И поклонился. Король взмахнул рукой. Луки опустились.

— Встаньте! — воскликнул король.

Все трое встали. Король Эмактилы указал пальцем на Кентона.

— Почему ты так рассердился? — захихикал он. — Я дал благодеяние смерти двоим. Человек, много раз будешь ты умолять смерть прийти, молить о моих быстрых лучниках, прежде чем Кланет покончит с тобой.

— Это убийство, — сказал Кентон, спокойно глядя в водянистые глаза.

— Моя чаша должна быть полна, — мягко ответил король. — Девушка знала о наказании. Она нарушила мой закон. Она убита. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив! — пропел китаец.

— Он справедлив! — повторили лучники и девушки.

— Лучник заставил ее страдать, а я хотел для нее безболезненной смерти. Поэтому он убит, — сказал король. — Я милостив.

— Наш повелитель милостив! — запел китаец.

— Он милостив! — подхватили лучники и девушки.

— Смерть! — Морщинистое лицо короля лучилось в улыбке. — Человек, смерть — это лучший дар. Это единственное, в чем боги не могут нас обмануть. Она одна сильнее непостоянства богов. Она одна принадлежит только человеку. Превыше богов, независима от богов, сильнее богов — так как даже боги должны будут умереть в свое время!

— Ах! — вздохнул король, и на мгновение вся его веселость исчезла. — Ах! В Халдее был поэт, когда я жил там, — он знал смерть и знал, как писать о ней. Малдонах его звали. Здесь никто его не знает...

И затем негромко:

— Лучше умереть, чем жить, сказал он, а еще лучше никогда не быть!

Кентон слушал, интерес к этой странной личности погасил гнев. Он тоже знал Малдонаха из древнего Ура; он читал ту самую поэму, которую цитировал король, в глиняных таблицах, раскопанных Хайлпрех-

том в песках Ниневии — в той старой, полузабытой жизни. И невольно он произнес начало последнего мрачного отрывка:

— Жизнь есть игра, сказал он,
Конца ее мы не знаем — и не хотим знать,
И мы зеваем, приходя к концу...

— Что?! — воскликнул король. — Ты знаешь Малдонаха! Ты...

И он затрясся от хохота.

— Продолжай! — приказал он.

Кентон чувствовал, как дрожит рядом с ним от гнева Кланет. И Кентон рассмеялся, встретив подмигивающий взгляд короля; и пока повелитель двух смертей приканчивал то чашку, то флакон, он читал стихи с воодушевлением, так не соответствующим стилю похоронного марша:

— Приятно играть с западней,
Обходить ловушку, играть с опасностью
И легко проигрывать выигранное;
Есть открытая дверь, сказал он,
Место, куда ты сможешь идти —
Но то, что ты видел, и то, что ты сделал,
Что это все, когда гонка уже окончена
И ты стоишь у самой дальней двери?
Как будто всего этого никогда не было, сказал он.
Все миновало, как пульс мертвеца!
Иди легко и ни о чем не печалься!
Тот, кому нечего бояться, ни о чем не горюет.
Лучше умереть, чем жить, сказал он,
А еще лучше никогда не быть рожденным.

Король долго сидел молча. Наконец он шевельнулся, поднял флакон и подозвал одну из девушек.

— Он пьет со мной! — сказал он, указывая на Кентона.

Лучники расступились, пропустили девушку. Она остановилась перед Кентоном, поднесла к его губам флакон. Он выпил, поднял голову и поклонился.

— Кланет, — сказал король, — человек, знающий Малдонаха из Ура, не может быть рабом.

— Повелитель, — упрямо ответил черный жрец. — Мой раб останется у меня.

— Неужели? — засмеялся король. — Язва в брюхе комара! Неужели?

Вдруг зазвенели натягиваемые луки.

— Повелитель, — выдохнул Кланет и опустил голову, — он остается у тебя.

Проходя мимо, Кентон слышал, как скрипят зубы черного жреца, слышал, как он втягивает воздух, как после долгого бега. И Кентон, улыбаясь, прошел сквозь строй лучников и остановился возле короля.

— Человек, знающий Малдонаха, — улыбнулся король, — ты удивляешься, как это я, один, обладаю большей властью, чем жрецы всех

богов и все их боги. Потому, что во всей Эмактиле только у меня нет ни богов, ни суеверий. Я единственный человек, который знает, что в мире существуют лишь три реальности. Вино — оно до некоторого предела позволяет человеку видеть яснее, чем боги. Власть — вместе с хитростью она делает человека выше богов. Смерть — которую боги не могут отменить и которой распоряжаюсь я.

— Вино! Власть! Смерть! — запел китаец.

— У этих жрецов множество богов, и каждый ревнует к остальным. Хо! Хо! — рассмеялся король. — У меня нет богов. Поэтому я справедлив ко всем. Справедливый судья должен не иметь предрассудков и не иметь веры.

— Наш повелитель не имеет предрассудков! — запел китаец.

— Он не имеет веры! — пели лучники.

— Я на одной чашке весов, — кивнул король. — На другой множество богов и жрецов. Есть только три вещи, в реальности которых я уверен. Вино, власть, смерть! Те, кто пытается перевесить меня, верят во многое другое. Поэтому я перевешиваю их. Если бы мне противостоял только один бог, только одна вера — я был бы внизу. Да, три к одному! Вот парадокс — и в нем правда.

— Повелитель Эмактилы говорит правду! — шептали лучники.

— Лучше три прямые стрелы в колчане, чем триста кривых. И если в Эмактиле появится человек с одной стрелой и эта стрела будет прямее моих трех — этот человек будет править на моем месте, — лучился радостью король.

— Лучники, слушайте своего короля! — пел китаец.

— Итак, — сказал король, — поскольку боги и жрецы ревнуют друг к другу, они сделали меня, который не думает ни о богах, ни о жрецах, королем Эмактилы, чтобы сохранить мир между ними и не дать им уничтожить друг друга. И так как у меня десять лучников против одного их лучника и двадцать мечников против одного их мечника, я делаю это очень хорошо. Хо! Хо! — рассмеялся король.—Такова власть.

— У нашего повелителя есть власть! — воскликнул китаец.

— А имея власть, я могу пить сколько хочу, — хихикал король.

— Наш повелитель пьян, — шептали лучники по всей палате.

— Пьяный или трезвый, я король двух смертей, — хихикал правитель Эмактилы.

— Двух смертей, — шептали лучники, кивая друг другу.

— Перед тобой, человек, знающий Малдонаха, я сниму с них покрывала, — сказал король.

— Лучники по сторонам и сзади, наклоните головы! — закричал китаец. Головы лучников со всех трех сторон живого фриза немедленно упали на грудь.

Вуаль спала с фигуры слева от короля.

Глядя на Кентона глубокими глазами, в которых была нежность

матери, стыдливость девушки, страсть любовницы, стояла женщина. Ее обнаженное тело было безупречно. В единый хор в нем сливались мать, девушка и любовница. Она дышала всеми веснами, когда-либо посещавшими землю. Она была дверью в очарованный мир, символом всего, что может дать земля — всей красоты и всей радости. Она была всей сладостью жизни, ее обещаниями, ее экстазами, ее соблазнами и ее разумом. Глядя на нее, Кентон понял, что за жизнь нужно держаться всеми силами. Она дорога и полна удивительными дарами. Ее нельзя упускать!

И что смерть ужасна!

Он не испытывал желания к этой женщине. Но она пробудила в нем желание жить и раздула это пламя в целый пожар.

В правой руке она держала странный изогнутый инструмент с длинными кривыми лезвиями и острыми клыками.

— Ей я отдаю только тех, кто мне очень не нравится, — хихикал король. — Она убивает их медленно. Глядя на нее, они цепляются за жизнь, яростно, отчаянно цепляются за нее. Каждый момент жизни, который она отнимает у них этими клыками и когтями, длится целую вечность. И целую вечность они борются со смертью. Медленно отнимает она у них жизнь, и они уходят из жизни с воплями, цепляясь за нее, отворачивая упрямые лица от смерти. А теперь — взгляни!

Спала вуаль с фигуры справа.

Здесь скорчился черный карлик, бесформенный, искривленный, отвратительный. Он смотрел на Кентона тусклыми глазами, в которых были все печали, вся усталость, все разочарования жизни; вся жизнь с ее бесполезной, утомительной, пустой работой. Глядя на него, Кентон забыл о первой фигуре — он понял, что жизнь ужасна, что ее не стоит беречь.

И что единственное в ней хорошо — это смерть!

В правой руке карлик держал острую шпагу, тонкую, с игольным острием. Кентон боролся с охватившим его желанием броситься на это острие, умереть на нем.

— Ему я отдаю тех, кем очень доволен, — засмеялся король. — Быстра их смерть, как сладкая чаша у губ.

— Ты, — король указал на капитана, пленившего Кентона, — я тобой недоволен, ты схватил человека, который знает Малдонаха, хоть он и был рабом Кланета. Иди к левой смерти!

С побледневшим лицом капитан поднялся по ступеням, прошел мимо лучников, шел не останавливаясь, пока не оказался рядом с женщиной. Китаец ударил в свой меч. Появились два раба со склоненными головами, неся металлическую решетку. Они сняли с капитана вооружение, привязали его обнаженным к решетке. Женщина склонилась к нему, вся нежность, вся любовь, вся жизнь с ее обещаниями. Она прижала свой инструмент к его груди — с такой любовью!

Капитан закричал, громко, отчаянно. Послышались мольбы и проклятия, стоны обреченного.

Женщина продолжала склоняться к нему, нежно улыбаясь, глаза ее не отрывались от него.

— Хватит! — усмехнулся король. Она убрала орудие пытки с груди солдата, взяла свою вуаль и накинула на себя. Рабы развязали капитана, одели его дрожащее тело. Со всхлипываниями он, шатаясь, побрел назад, встал на колени справа от черного жреца.

— Я недоволен, — весело говорил король. — Но ты выполнял свой долг. Поэтому живи еще немного, поскольку ты этого хочешь. Я справедлив.

— Наш повелитель справедлив, — подхватили все присутствующие.

— Ты, — он указал на лучника, поразившего девушку и своего товарища, — тобой я очень доволен. Ты получишь награду. Иди к моей правой смерти!

Медленно лучник выступил вперед. Все быстрее двигался он, глядя в тусклые глаза карлика. Все быстрее и быстрее — он взлетел по ступеням, разбрасывая стоявших там лучников, и бросился на острую шпагу.

— Я щедр, — сказал король.

— Наш повелитель щедр, — распевал китаец.

— Щедр, — шептали лучники.

— Я хочу пить, — засмеялся король. Он выпил чашку и флакон. Голова его опустилась, он покачнулся совсем пьяно.

— Приказываю! — Он открыл сначала один глаз, потом другой. — Слушай меня, Кланет! Я хочу спать. Я буду спать. Когда я проснусь, приведи ко мне человека, который знает Малдонаха, снова. Никто не смеет повредить ему. Таков мой приказ. Его должны охранять лучники. Уведите его. Охраняйте. Таков мой приказ!

Он потянулся за чашкой. Она выпала из ослабевшей руки.

— Клянусь моими смертями, — заплакал он. — Какой стыд! В кувшин входит так много, а в человека так мало!

И он упал на диван.

Повелитель двух смертей захрапел.

— Наш повелитель спит! — негромко запел китаец.

— Он спит! — шептали лучники и девушки.

Китаец встал, склонился к королю. Поднял его, как ребенка. Две смерти шли вслед. Двенадцать лучников с нижней ступени повернулись и замкнули кольцо вокруг короля. Двадцать четыре лучника окружили их. Остальные лучники отделились от стен и по шесть человек пошли сзади.

Двойное кольцо прошло через занавеси в углу комнаты. За ними маршировали лучники.

Из их строя отделились шесть человек и остановились возле Кентона.

Девушки взяли чашки и кувшины и исчезли за занавесом.

Один из шести лучников показал вниз. Кентон спустился по ступеням.

Черный жрец с одной стороны, бледный капитан с другой, трое лучников перед ним, трое сзади, он вышел из судной палаты короля.

19. За стеной

Кентона отвели в маленькую комнату, в высоких стенах которой были прорезаны узкие окошки. Дверь из прочной бронзы. Вокруг стен низкие деревянные скамьи. В центре еще одна скамья. Лучники посадили его на нее, связали ноги кожаными ремнями, бросили на скамью плащи и усадили на них. Сами сели по трем сторонам комнаты, не отрывая взгляда от черного жреца и капитана.

Капитан тронул жреца за плечо.

— Где моя награда? — спросил он. — Когда я ее получу?

— Когда раб будет в моих руках, не раньше, — ответил Кланет свирепо. — Если бы ты был умнее, ты бы уже получил ее.

— Много хорошего она принесла бы мне со стрелой в сердце или, — он вздрогнул, — с объятиями левой смерти короля.

Черный жрец злобно взглянул на Кентона, склонился к нему.

— Не надейся на милость короля, — сказал он. — Это говорило его опьянение. Протрезвев, он все забудет. Даст мне тебя без всяких вопросов. Не надейся!

— Неужели? — Кентон спокойно смотрел в злобные глаза. — Я уже дважды побил тебя, черная свинья!

— Третьего раза не будет! — выплюнул Кланет. — А когда король проснется, в моих руках будешь не только ты, но и храмовая шлюха, которую ты любишь. Хо! — загремел он, увидев, как исказилось лицо Кентона. — Это тебя задевает, не так ли? Да, вы у меня будете оба. И вместе умрете — медленно, ах как медленно, глядя на муки друг друга. Рядом, бок о бок, медленно, медленно мои пытки уничтожат остатки ваших тел. Нет, остатки ваших душ! Никогда раньше мужчина и женщина не умирали так, как умрете вы!

— Ты не можешь навредить Шарейн, — ответил Кентон. — Стервятник, чья пасть изрыгает только ложь! Она жрица Бела и может не опасаться тебя!

— Хо! Ты это знаешь? — смеялся Кланет; потом склонился к его уху и прошептал так, чтобы слышал только он: — Послушай, у тебя будет о чем поразмыслить, пока я отсутствую. Только пока жрица верна богу, она вне моей досягаемости. А теперь слушай, слушай: прежде чем король проснется, у Шарейн будет другой любовник! Да! Твоя

любовь будет лежать в руках земного любовника! И это будешь — не ты!

Кентон напрягся, пытаясь разорвать ремни.

— Прекрасная Шарейн! — насмешливо прошептал Кланет. — Священный сосуд радости! И я разобью его — пока король спит.

Он обернулся к офицеру, захватившему Кентона.

— Пошли.

— Нет, нет, — торопливо ответил тот. — Я предпочитаю это общество. К тому же, если я потеряю этого человека, я навсегда потеряю и награду, которую ты пообещал.

— Дай мне его меч, — приказал Кланет, протянув руку к мечу Набу, который находился у офицера.

— Меч остается с этим человеком, — ответил капитан и спрятал его за собой; он посмотрел на лучников.

— Правильно, — кивнули друг другу лучники. — Жрец, мы не можем отдать тебе меч.

Кланет рявкнул, руки его взметнулись. Шесть луков напряглись, шесть стрел нацелились ему в сердце. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты. Один из лучников встал и закрыл дверь на засов. Наступило молчание. Офицер о чем-то задумался; время от времени он вздрагивал, как от холода, и Кентон понял, что он думает о смерти с улыбающимися нежными глазами, которая поднесла к его груди орудие пытки. Шестеро лучников не мигая смотрели на него.

И Кентон закрыл глаза, стараясь отогнать ужас, который почувствовал от последних слов Кланета, борясь с отчаянием.

Какой заговор против нее подготовил жрец, какую ловушку расставил? Он был так уверен в том, что Шарейн окажется в его руках. И где Джиджи, Зубран и Сигурд? Знают ли, что он схвачен? Он почувствовал ужасное одиночество.

Долго ли были закрыты его глаза, спал ли он, он не мог сказать. Но вдруг услышал как бы с бесконечного удаления спокойный бесстрастный голос.

— Проснись! — приказывал голос.

Он открыл глаза, поднял голову. Рядом с ним стоял жрец, длинный синий плащ покрывал его с ног до головы. Лица жреца не было видно.

Руки и ноги Кентона были свободны. Он сел. Веревки и ремни лежали на полу. На каменных скамьях, прислонившись друг к другу, спали лучники. Офицер тоже спал.

Жрец указал на его меч, меч Набу, лежавший на коленях спящего офицера. Кентон взял его. Жрец указал на засов, закрывавший дверь. Кентон отодвинул его и распахнул дверь. Синий жрец скользнул за дверь, Кентон последовал за ним.

Синий жрец прошел по коридору около ста шагов и затем нажал на то, что Кентону казалось обычной стеной. Сдвинулась панель. Они стояли в другом коридоре, длинном, тускло освещенном. Коридор изгибался большой дугой. Кентону пришло в голову, что он идет вдоль внешней стены храма.

Их путь преградила массивная бронзовая дверь. Синий жрец, казалось, слегка коснулся ее. Однако она открылась и закрылась за ними.

Кентон стоял в келье площадью в несколько десятков квадратных футов. В одном конце ее была массивная дверь, через которую они вошли. В другом еще одна такая же дверь. Слева большая каменная плита, гладкая, бледная.

Синий жрец заговорил — если только он действительно говорил: голос, как и тогда, когда Кентон проснулся, доносился как бы с бесконечно большого удаления.

— Мозг женщины, которую ты любишь, спит, — произнес этот голос. — Она ходит во сне, движется среди сновидений, которые насылает ей другой мозг. Зло захватывает ее. Нельзя допустить, чтобы зло победило. Но это зависит от тебя, от твоей мудрости, твоей силы, твоей храбрости. Когда твоя мудрость подскажет тебе, что настало время, открой дальнюю дверь. Твой путь пролегает через нее. И помни: ее мозг спит. Ты должен разбудить его, прежде чем зло овладеет ею.

Что-то звякнуло на полу. У ног Кентона лежал клинообразный ключ. Подняв его, он увидел, что синий жрец стоит у дальней двери.

Теперь он казался облаком дыма, принесенного ветром. Затем это облако рассеялось и исчезло!

Кентон услышал гул множества голосов, приглушенный, смутный. Он прислушался. Голоса доносились не из коридора. Казалось, они проходят сквозь плиту бледного камня. Он прижал к ней ухо. Звуки теперь слышались отчетливее, но слова он по-прежнему не мог разобрать. Должно быть, камень здесь очень тонок, подумал он, если через него можно слышать. Справа он увидел небольшой рычажок. Нажал на него.

Туманный светлый диск в три фута шириной появился в камне. Он ослепительно сверкнул; казалось, в камне просверлили дыру. На месте диска теперь было круглое окно. В нем виднелись силуэты женщины и двух мужчин. Голоса их доносились теперь так ясно, будто они стояли рядом. Слышался также гул толпы. Кентон отпрянул, боясь, что его увидят. Поставил рычаг в прежнее положение. Диск померк. Голоса почти стихли. Он снова смотрел на гладкий бледный камень.

Медленно он снова опустил рычаг, снова смотрел, как в сплошном камне появляется отверстие, увидел головы. Свободная рука его прижималась к стене рядом с диском; теперь он просунул ее прямо в диск. И коснулся холодного камня. То, что глазу казалось отверстием, оставалось на ощупь гладким камнем.

Он понял: это какое-то изобретение колдунов, жрецов. Приспособление, позволяющее им подсматривать, подслушивать, стоя в келье. Какие-то знания особенностей света, еще неизвестные науке мира Кентона, какие-то вибрации, делающие камень прозрачным изнутри, но не снаружи. Камень пропускал не только свет, но и звук.

Держа руку на рычаге, Кентон смотрел на людей, стоявших рядом и не подозревавших о его присутствии.

20. Перед алтарем Бела

Туман поднялся. Грозовые тучи прижимались к вершине Храма Семи Зон. Перед Кентоном был обширный двор храма, вымощенный большими восьмиугольными плитами белого и черного мрамора. Двор окружали широким полукругом стройные колонны, похожие на волшебный лес. Их стволы блестели красным и черным, заостренные вершины были увенчаны резными остроконечными листьями, сверкавшими, как огромные папоротники росой, бесчисленными драгоценными камнями. На черных и алых стволах виднелись мистические символы, выложенные золотом, лазуритом, изумрудом и серебром. Ряды этих колонн тянулись вверх к мрачному, угрожающему небу.

В ста футах от него находился золотой алтарь, охраняемый керубами — выкованными из темного металла изображениями львов с человеческими лицами и орлиными крыльями. Керубы стояли по углам алтаря, их жестокие бородатые лица напряжены, как живые. На алтаре находился треножник, с него поднимался неподвижный заостренный язык пламени.

Обширным полумесяцем в десяти ярдах от колонн стоял двойной ряд лучников и копьеносцев. Они сдерживали толпу: мужчины, женщины, дети толпились меж колонн, роились за строем солдат, как листья, прижатые ветром к стене. Десятки и сотни людей, вырванных из своего времени и помещенных в этот безвременной мир.

— Говорят, эта новая жрица очень красива, — заговорил один из мужчин перед Кентоном. У него было худое бледное лицо, фригийская шапка на гладких волосах. Женщина дерзкой цветущей миловидности, черноволосая, черноглазая. Мужчина справа от нее — ассириец, бородатый, с волчьим профилем.

— Она была принцессой, я слышала, — сказала женщина. — Принцессой в Вавилоне.

— Принцесса в Вавилоне! — повторил ассириец, его волчье лицо смягчилось, в голосе прозвучала тоска: — О, вернуться в Вавилон!

— Жрец Бела любит ее — так говорят, — нарушила молчание женщина.

— Жрицу? — прошептал фригиец. Женщина кивнула. — Но это запрещено, — прошептал он. — Это — смерть! — Женщина рассмеялась.

— Тише! — предупредил осторожный ассириец.

— А Нарада, танцовщица бога, любит жреца Бела! — продолжала, не обращая на его слова внимания, женщина. — И, как всегда, добычу получит Нергал!

— Тише! — снова прошептал ассириец.

Послышался барабанный бой, сладкая музыка флейт. Кентон поискал источник этих звуков. И увидел с десяток храмовых девушек. Пять сидели с маленькими барабанами, положив на них розовые пальцы; две держали у губ флейты; три склонились к арфам. В их круге лежало что-то напоминавшее груду серебристой паутины, перевитой черными нитями, среди которых запутались золотые бабочки. Груда зашевелилась, поднялась.

Появилась женщина в черных шелках, такая привлекательная, что на мгновение Кентон забыл Шарейн. Она была смуглой, с бархатной чернотой полуночи. Глаза ее — бассейны полуночной тьмы, в которых не светили звезды, волосы — порывы урагана, пойманные в золотые сети. Золото мрачное, угрюмое, и что-то угрожающее было в этой сладкой красоте.

— Вот это женщина! — обратилась смелая красавица к ассирийцу. — Она получит все, что хочет, клянусь своей постелью!

Кто-то рядом произнес, задумчиво, сонно, преклоняясь:

— Да! Но новая жрица — вот это женщина! Она Иштар!

Кентон вытянул шею, рассматривая говорившего. Он видел юношу, едва ли старше девятнадцати лет, стройного, одетого в шафран. Глаза и лицо у него были, как у мечтающего ребенка.

— Он безумец, — прошептала женщина ассирийцу. — С того момента, как появилась новая жрица, он отсюда не уходит.

— Приближается буря. Небо, как медная чаша, — прошептал фригиец. — Воздух пугает.

Ассириец ответил:

— Говорят, Бел приходит в свой дом во время бури. Может быть, жрица не будет сегодня одна.

Женщина лукаво рассмеялась. Кентон почувствовал желание сжать ее горло руками. Послышался гром.

— Может, это он приближается, — мечтательно сказала женщина.

Послышались звуки арфы, барабанный бой. Одна из девушек запела:

Рождена была Нала для наслаждения,
Никогда не танцевали такие белые ноги;
Сердца, на которые она наступала,
Умирая, считали ее богиней;
Днем и ночью был распущен ее пояс —
Рождена была Нала для наслаждения.

Гневно сверкнули глаза Нарады.

— Замолчи! — услышал Кентон ее шепот.

Девушки рассмеялись; две с флейтами негромко заиграли; так же негромко забили барабаны. Но девушка, которая пела, молча сидела у своей арфы с опущенными глазами.

Фригиец спросил:

— Эта жрица действительно так прекрасна?

Ассириец ответил:

— Не знаю. Ни один человек не видел ее без вуали.

Юноша прошептал:

— Я дрожу, когда она идет. Я дрожу, как маленькое озеро, когда на него наступает ветер. Только глаза мои живут, и что-то перехватывает мне горло.

— Тише! — заговорила женщина с карими глазами, добрым лицом и с ребенком на руках. — Не так громко, лучники могут выстрелить.

— Она не женщина! Она Иштар! Иштар! — воскликнул юноша.

Ближайшие солдаты повернулись. Сквозь их строй прошел седой офицер с коротким мечом в руках. Все отступили, только юноша стоял неподвижно. Офицер смотрел направо, налево. Прежде чем он смог остановить свой взгляд на юноше, какой-то человек в шапке моряка и в кольчуге схватил юношу за пояс и спрятал за собой. Кентон успел заметить агатовые глаза, черную бороду...

Это был Зубран!

Зубран! Но он уйдет! Услышит ли он Кентона? Его тело не видно снаружи, но, может, голос пройдет сквозь камень?

Офицер осмотрел молчаливую группу. Перс с серьезным видом отсалютовал ему.

— Молчание! — проворчал наконец офицер и вернулся на свое место.

Перс улыбнулся, оттолкнул от себя юношу, посмотрел на смуглую женщину глазами, такими же смелыми, как ее. Оттолкнул фригийца, положил руку на руку женщины.

— Я слушал, — сказал он. — Кто эта жрица? Я недавно в этой земле и не знаю местных обычаев. Но клянусь Ормуздом! — Он положил руку на плечо женщины. — Стоило проделать путешествие, чтобы встретить тебя! Кто эта жрица, которую считают такой прекрасной?

— Она хранительница жилища Бела, — женщина прижалась к нему.

— А что она там делает? — спросил Зубран. — Ну, если бы это была ты, я бы не спрашивал. И зачем жрица приходит сюда?

— Жрица находится в жилище Бела на вершине храма, — заговорил ассириец. — Она выходит сюда преклониться перед его алтарем. Когда служба заканчивается, она возвращается.

— Для такой красавицы, какой вы ее считаете, мир у нее маленький, — заметил Зубран. — Почему, если она так прекрасна, она удовлетворяется таким тесным мирком?

— Она принадлежит богу, — ответил ассириец. — Она хранительница его жилища. Когда бог появится, он может быть голоден. Всегда в доме должна быть пища для него и женщина, которая будет прислуживать. Или он захочет любви...

— И для этого тоже нужна женщина, — прервала шлюха со смелыми глазами и улыбнулась Зубрану.

— В моей стране тоже есть похожий обычай, — перс привлек ее к себе. — Но жрицы никогда долго не ждут. Об этом заботятся жрецы. Хо! Хо!

Боже! Неужели Зубран никогда не подойдет близко к стене? Так близко, чтобы Кентон мог окликнуть его. А если он подойдет? Услышат ли другие?

— Когда-нибудь эти ждущие жрицы, — голос Зубрана звучал мягко, — развлекали... бога?

Юноша сказал:

— Голуби говорят о ней. Голуби Иштар. Говорят, она прекраснее Иштар!

— Дурак! — прошептал ассириец. — Дурак, замолчи! Или навлечешь на нас несчастье! Ни одна женщина не может быть прекраснее Иштар.

— Нет, женщина не может быть прекраснее Иштар, — вздохнул юноша. — Значит, она — Иштар!

Фригиец сказал:

— Он спятил.

Но перс протянул руку, привлек к себе юношу.

— Когда-нибудь эти жрицы принимали бога? — спросил он.

— Подожди, — прошептала женщина. — Я спрошу Народаха, лучника. Он иногда бывает в моем доме. Он знает. Он видел много жриц. — Она, крепко держа перса за пояс, наклонилась вперед: — Народах! Иди сюда!

Один из лучников обернулся, прошептал что-то соседу, выскользнул из строя. Строй за ним сомкнулся.

— Народах, — спросила женщина, — скажи нам, какая-нибудь из жриц принимала... Бела?

Лучник беспокойно огляделся.

— Не знаю, — ответил он наконец. — Рассказывают многое. Но правда ли это? Когда я пришел сюда впервые, в доме Бела жила жрица. Она была подобна полной луне в нашем старом мире. Многие мужчины желали ее.

— Эй, лучник, — вмешался перс. — А бога она принимала?

Народах ответил:

— Не знаю. Говорят, да; говорят, ее сжег его огонь. Жена колесничего верховного жреца Нииба рассказывала мне, что лицо у нее было очень старое, когда вынесли ее тело. Похожа на дерево, увядшее раньше, чем принесло плоды, говорила она.

— На месте жрицы, и такой прекрасной, я не стала бы ждать бога, — женщина жалась к Зубрану. — Я взяла бы мужчину. Да, я взяла бы много мужчин!

— За ней была другая жрица, — продолжал лучник. — Она говорила, что к ней приходит бог. Но она была безумна, ее забрали жрецы Нергала.

— А мне дайте мужчин, — шептала женщина.

А Народах сказал задумчиво:

— Была жрица, которая выбросилась из жилища. Была такая, которая исчезла. И была...

Перс прервал его:

— Похоже, жрицы, которые ждут бога, несчастны.

А женщина с глубокой убежденностью добавила:

— Дайте мне мужчин!

Гром прогремел ближе. Грозовое небо еще больше потемнело.

— Идет большая буря, — прошептал перс.

Девушка, которую оборвала Нарада, коснулась струн своей арфы; она запела ритуальную песню:

Каждое сердце, ищущее убежища,
Стремилось к Нале —
Рождена была Нала для наслаждения...

Она прервала песню. Издалека послышалось пение, топот ног. Лучники и копьеносцы в приветствии подняли луки и копья. Вся толпа опустилась на колени. Перс прижался к стене. И теперь в круглом окне видна была только его голова.

— Зубран! — негромко позвал Кентон.

Перс обернулся удивленно к стене, прижался к ней, набросив плащ на лицо.

— Волк! — прошептал он. — Где ты? Что с тобой?

— Я за стеной, — ответил Кентон. — Говори тихо.

— Ты ранен? В цепях? — шептал перс.

— Я в безопасности, — ответил Кентон. — Но где Джиджи, Сигурд?

— Ищут тебя, — ответил перс. — Наши сердца разбились, когда...

— Слушай, — сказал Кентон. — Вблизи лестницы, у гарнизона, группа деревьев...

— Знаем, — ответил Зубран. — Оттуда мы поднялись бы в храм. Но ты...

— Я буду в жилище Бела, — сказал Кентон. — Как только начнется буря, идите туда. Если меня не будет, берите Шарейн и уходите на корабль. Я приду следом.

— Без тебя мы не уйдем, — прошептал перс.

— Я слышу голос, говорящий сквозь камень, — это ассириец.

Зубран исчез из поля зрения Кентона.

Пение стало громче. Топот ног — ближе. Затем из какого-то тайного входа в храм появилась группа лучников и копьеносцев. За ними шли бритые жрецы в желтых одеждах, размахивая золотыми курильницами и распевая. Солдаты образовали полукруг перед алтарем. Жрецы замолчали. Они упали на землю и прижались к ней.

Во дворе появился человек, ростом с Кентона. Он был в сияющей золотой одежде, складки одежды он держал в поднятой левой руке, полностью скрывая лицо.

— Жрец Бела! — прошептала склонившаяся женщина.

Среди храмовых девушек началось движение. Нарада привстала. В ее глазах было страстное ожидание, горькое и горячее желание. Жрец Бела прошел мимо, не замечая ее. Ее тонкие пальцы рванули серебряную пряжу покрывала, оно вздымалось вместе с ее грудью; рыдания сотрясали ее.

Жрец Бела подошел к золотому алтарю. Он опустил руку, державшую складки одежды. И пальцы Кентона чуть не рванули рычаг.

Он смотрел, как в зеркало, на свое собственное лицо!

21. Танец Нарады

Затаив дыхание, смотрел Кентон на своего странного двойника. Та же выдающаяся вперед челюсть, то же твердое смуглое лицо, те же ясные голубые глаза.

Он пытался понять замысел черного жреца. Это — будущий любовник Шарейи? Что-то промелькнуло в мозгу, но слишком неясно.

Через каменную стену он услышал проклятие перса. Потом:

— Волк, ты здесь? Ты на самом деле здесь, Волк?

— Да, — прошептал он в ответ. — Я здесь, Зубран. Это не я. Какое-то колдовство.

Он снова посмотрел на жреца Бела, начал замечать некоторые различия в лице. Губы не так тверды, углы рта опущены, какой-то след нерешительности в линии подбородка. И глаза напряжены, в них полубезумное, полудикое стремление. Молча, напряженно жрец Бела смотрел над головой Нарады, не замечая ее стройного тела, такого же напряженного, как у него, смотрел на тайный выход, через который только что появился сам.

Заостренное алое пламя на алтаре дрогнуло, качнулось.

— Боги да хранят нас! — услышал он возглас женщины со смелыми глазами.

— Тише! В чем дело? — спросил ассириец.

Женщина прошептала:

— Ты видел? Керубы посмотрели на жреца. Они шевельнулись!

Женщина с ребенком сказала:

— Я тоже видела. Мне страшно!

Ассириец:

— Просто свет от алтаря. Огонь заколебался.

Теперь негромко фригиец:

— А может, и керубы. Они ведь посланцы Бела. Вы ведь сами говорили, что жрец любит женщину Бела.

— Тишина! — послышался голос офицера из-за двойного кольца солдат. Жрецы затянули негромкое пение. В глазах жреца сверкнул огонь, тело его напряглось, будто натянутое невидимой нитью. Через пустое обширное пространство шла женщина — одна. Она с ног до головы была закутана в пурпур. Голова закрыта золотой вуалью.

Кентон узнал ее!

Сердце его готово было выпрыгнуть ей навстречу, кровь быстрее потекла в жилах. Он задрожал от такого желания, что сердце его могло вырваться из тела.

— Шарейн! — крикнул он, забыв обо всем. — Шарейн!

Она обогнула ряды солдат, вставших на колени при ее приближении. Подошла к алтарю и молча, неподвижно остановилась около жреца Бела.

Послышались громкие раскаты металлического грома. Когда они стихли, жрец повернулся к алтарю, высоко поднял руки. Остальные жрецы запели монотонно, на одной ноте. Семь раз вздымались руки жреца, семь раз кланялся он огню алтаря. Потом выпрямился. Лучники и копьеносцы с шумом, звоном копий опустились на колени.

Под ту же однообразную ноту жрец Бела начал свое обращение к богу:

— О милостивейший среди богов!
О быкошеий среди богов!
Бел-Мардук, царь неба и земли!
Небо и земля принадлежат тебе!
Ты вдыхаешь во все жизнь.
Твой дом ждет тебя!
Мы молимся и ждем.

Кентон услышал голос, дрожащий, золотой:

— Я молюсь и жду!

Голос Шарейн! Голос Шарейн, натянувший в нем каждый нерв, словно мириады пальцев — струны арфы.

Снова жрец Бела:

— О родитель! О саморожденный!
О прекраснейший, дарующий жизнь ребенку!
О милостивый, возвращающий жизнь мертвым!
Король Эзиды! Повелитель Эмактилы!
Твой дом — место отдыха царя небес!
Твой дом — место отдыха повелителя слов!
Мы молимся и ждем тебя!

И снова Шарейн дрожащим голосом:

— Я молюсь и жду тебя!

Жрец пел:

— Владыка молчаливого оружия!
Взгляни милостиво на твой дом, о повелитель отдыха!
Пусть в мире пребудет Эзида в твоем доме!
Пусть отдохнет Эмактила в твоем доме!
Мы молимся и ждем тебя!

И снова Шарейн:

— Я молюсь и жду тебя!

Кентон увидел, как жрец протянул к алтарю руки с зовущим выражением. Потом повернулся и посмотрел на Шарейн. Голос его зазвенел громко, радостно:

— Полно радости твое превосходство!
Ты открыватель замка утра!
Ты открыватель замка вечера!
Твое право — открывать запоры неба!
Я молюсь и жду тебя!

При первых же словах пение жрецов смолкло. Кентон заметил, что они неуверенно поглядывают друг на друга, увидел, как зашевелились коленопреклоненные солдаты, как молящиеся подняли головы, услышал шепот, удивленный, беспокойный.

Рядом с ним стоящий на коленях ассириец произнес:

— Этого нет в ритуале!

Перс спросил:

— Чего нет в ритуале?

Ответила женщина:

— Последних слов жреца. Это не молитва Белу. Это молитва госпоже нашей Иштар.

Юноша прошептал:

— Да! Да, он тоже узнал ее. Она Иштар!

Женщина с ребенком всхлипнула:

— Вы видели, как керубы вытянули когти? Я боюсь! Я боюсь, а это плохо для молока. Огонь на алтаре похож на пролитую кровь!

Беспокойно сказал ассириец:

— Мне это не нравится! Этого нет в ритуале Бела. И буря быстро приближается.

Неожиданно встала Нарада. Ее девушки склонились к барабанам и арфам, поднесли флейты к губам. Послышалась мягкая любовная тема, тонкая, звонкая, как биение крыльев бесчисленных голубей, объятия бесчисленных мягких рук, дрожь бесчисленных сердец. Под эту музыку Нарада качнулась, как зеленый тростник при первом порыве весеннего ветра.

Но Кентон заметил, что взгляд жреца не отрывался от Шарейн, которая стояла под вуалью, как во сне.

Все громче звучала музыка, все быстрее, пронизанная любовным желанием, нагруженная страстью, горячая, как самум. И Нарада начала танцевать под эту музыку, превращая свои невысказанные страсти в движения тела.

В полуночных глазах, доныне столь печальных, вспыхнули и заплясали многочисленные маленькие веселые звездочки. Алый рот призывал, обещал неслыханные восторги, рой бабочек, вышитых на ее одеянии, вспархивал и ласкал ее прекрасное жемчужное тело, как будто она была чудесным цветком. Золотые бабочки покрывали ее, целовали сквозь покровы, сквозь туманное облачное покрывало виднелись только очертания безупречного тела. Танец и музыка становились все быстрее, безумнее, в них Кентону виделись соединяющиеся звезды, встречающиеся солнца, луны, взбухшие перед родами. Он чувствовал всю страсть, все желания всех женщин под луной, под солнцем, под звездами.

Музыка стала тише, замедлилась. Танцовщица застыла, в толпе послышался рокот. Зубран хрипло сказал:

— Кто эта танцовщица? Она как огонь! Как огонь, который танцует перед Ормуздом на алтаре десяти тысяч жертвоприношений!

Женщина ревниво ответила:

— Это был танец ухаживания Бела за Иштар. Она его танцевала много раз. И ничего нового не показала.

Фригиец злобно:

— Он спросил тебя, кто она такая!

Женщина презрительно:

— Боги! Говорю вам, танец не новый. Многие женщины танцевали его.

Ассириец:

— Это Нарада. Она принадлежит Белу.

Перс гневно:

— Неужели все прекрасные женщины в этой земле принадлежат Белу? Клянусь девятью адами, царь Кир дал бы за нее десять талантов золота!

— Тише! — прошептал ассириец.

Остальные подхватили:

— Тише!

Нарада снова начала танцевать. Музыка зазвучала громче. Но теперь она была томной, сладкой, источающей желание.

Кровь зазвенела в ушах Кентона.

— Она танцует «Иштар уступает Белу», — это насмешливо ассириец.

Перс выпрямился.

— Ах! Великий Кир дал бы за нее пятьдесят талантов! Она как пламя! — воскликнул Зубран хриплым, сдавленным голосом. — И если она принадлежит Белу, почему она так смотрит на жреца?

Никто не слышал его из-за шума толпы; солдаты и молящиеся не отрывали взглядов от танцовщицы.

Не слышал и Кентон.

Но вот колдовство полуночной женщины рассеялось; сердясь на себя, Кентон ударил о камень, потому что спокойствие Шарейн нарушилось. Ее белая рука просунулась сквозь складки покрывала. Она обернулась, быстро направилась к тому тайному выходу, через который вошла.

Танцовщица остановилась, музыка стихла, снова беспокойно зашевелились молящиеся, громче стал ропот.

— Этого нет в ритуале! — Ассириец вскочил на ноги. — Танец еще не кончен.

Над головой послышались раскаты грома.

— Ей не терпится встретиться с богом, — цинично сказала женщина.

— Она Иштар! Она луна, скрывающая свое лицо за облаками, — юноша сделал шаг к жрице.

Женщина со смелыми глазами схватила его за руку, сказала солдатам:

— Он безумен! Он живет в моем доме. Не трогайте его. Я уведу его.

Но юноша вырвался, оттолкнул ее. Прорвался сквозь строй и побежал по площади навстречу жрице, бросился к ее ногам. Спрятал лицо в ее покрывале. Она остановилась, глядя на него сквозь вуаль. Немедленно рядом оказался жрец Бела. Он ногой ударил юношу по лицу, тот откатился.

— Алькар! Дручар! Возьмите его! — закричал жрец.

Два офицера подбежали, обнажая мечи. Зашептались жрецы, все молящиеся застыли.

Юноша вырвался, вскочил на ноги, встал лицом к жрице.

— Иштар! — воскликнул он. — Покажи мне твое лицо! И позволь умереть!

Она стояла молча, будто не видела и не слышала его. Солдаты схватили его, потащили за руки. И тут сила хлынула в стройное юношеское тело. Он отбросил солдат, ударил жреца Бела по лицу, схватил вуаль жрицы.

— Я не умру, не увидев твое лицо, о Иштар! — воскликнул он — и сорвал вуаль...

Кентон увидел лицо Шарейн.

Но не Шарейн с корабля — сосуд, полный огнем жизни.

У этой Шарейн широко раскрытые, но невидящие глаза; в глазах ее сон; мозг ее блуждает в лабиринте иллюзий.

Жрец Бела закричал:

— Убейте его!

Два меча пронзили грудь юноши.

Он упал, сжимая вуаль. Шарейн без всякого выражения смотрела на него.

— Иштар! — выдохнул он. — Я видел тебя, Иштар!

Глаза его помутились. Шарейн вырвала вуаль из стынущих пальцев, набросила ее обрывки на лицо. Пошла к храму — и исчезла.

Толпа зашумела. Лучники и копьеносцы начали теснить толпу к колоннам, толпа рассеивалась. Вслед за жрецами ушли солдаты. Ушли арфистки, флейтистки и барабанщицы Нарады.

На широком дворе, окруженном стройными колоннами, остались только танцовщица и жрец Бела. Грозовое небо все более темнело. Медленное движение туч ускорилось. Пламя на алтаре Бела загорелось ярче — гневно, как поднятый алый меч. Вокруг керубов сгустились тени. Металлический гром звучал все продолжительней, все ближе.

Кентон хотел открыть бронзовую дверь сразу, как только ушла Шарейн. Что-то подсказало ему, что еще не время, что он должен еще немного подождать. И тут танцовщица и жрец подошли к тому странному окну, у которого он стоял.

Рядом с ним они остановились.

22. Танцовщица и жрец

— Бел должен быть доволен службой, — услышал Кентон слова танцовщицы.

— О чем ты? — хмуро спросил жрец.

Нарада приблизилась к нему, протянула руки.

— Шаламу, — прошептала она, — разве я танцевала для бога? Ты знаешь, я танцевала — для тебя. А кому поклоняешься ты, Шаламу? Богу? Нет — жрице. А кому, ты думаешь, поклоняется жрица?

— Она поклоняется Белу! Нашему повелителю Белу, который — все! — горько ответил жрец.

Танцовщица насмешливо сказала:

— Она поклоняется самой себе, Шаламу.

Он повторил упрямо, устало:

— Она поклоняется Белу.

Ближе придвинулась Нарада, лаская его ждущими, жаждущими руками.

— Разве женщина поклоняется богу, Шаламу? — спросила она. — Нет! Я женщина, я знаю. Эта жрица не будет женщиной бога — и мужчины тоже. Она слишком высоко себя держит, слишком она драгоценна для мужчины. Она любит себя. Она преклоняется перед собой. Она преклоняется перед собой, как перед женщиной бога. Женщины де-

лают из своих мужчин богов и поклоняются им. Но никакая женщина не любит бога, если сама не создала его, Шаламу!

Жрец угрюмо сказал:

— Я поклоняюсь ей.

— Как она — самой себе, — подхватила танцовщица. — Шаламу, разве хочет она принести радость Белу? Нашему повелителю Белу, обладавшему Иштар? Можем ли мы дать радость богам — богам, имеющим все? Лотос раскрывается навстречу солнцу — но ведь не для того, чтобы принести радость солнцу. Нет! Чтобы самому радоваться! Так и жрица. Я женщина — и я знаю.

Руки ее лежали на его плечах, он взял их в свои.

— Почему ты говоришь мне это?

— Шаламу! — прошептала она. — Посмотри мне в глаза. Посмотри на мой рот, на мою грудь. Как и жрица, я принадлежу богу. Но отдаю себя тебе, любимый!

Он сонно ответил:

— Да, ты прекрасна.

Руки ее обнимали его, губы прижимались к его губам.

— Люблю ли я бога? — шептала она. — Разве я танцевала, чтобы была радость в его глазах? Для тебя танцевала я, любимый. Для тебя смею я вызывать гнев Бела. — Она мягко привлекла его голову к себе на грудь. — Разве я не хороша? Разве не красивей этой жрицы, которая принадлежит Белу и никогда не отдастся тебе? Разве не приятен мой запах? Ни один бог не владеет мной, возлюбленный.

Опять он сонно ответил:

— Да, ты очень хороша.

— Я люблю тебя, Шаламу!

Он оттолкнул ее.

— Ее глаза, как бассейны мира в долине забытья! Когда она подходит ко мне, голуби Иштар вьются над моей головой. Она идет по моему сердцу!

Нарада отшатнулась, алые губы побледнели, брови грозно сошлись в одну линию.

— Жрица?

— Жрица, — ответил он. — Ее волосы как облако, закрывающее солнце в ненастный день. Ветерок от ее платья обжигает меня, как ветер из полуденной пустыни обжигает пальмы. И холодит, как ночной ветер пустыни холодит пальмы.

Она сказала:

— Этот юноша был храбрее тебя, Шаламу.

Кентон видел, как краска появилась на лице жреца.

— О чем ты? — выпалил он.

— Почему ты убил юношу? — холодно спросила она.

Он горячо ответил:

— Он совершил святотатство. Он...

Она презрительно остановила его:

— Он храбрее тебя. Он осмелился сорвать с нее вуаль. А ты трус. Вот почему ты его убил!

Руки его схватили ее за горло.

— Ты лжешь! Ты лжешь! Я посмею!

Она снова рассмеялась:

— Ты даже не посмел убить его сам.

И она спокойно отвела его руки.

— Трус! — сказала она. — Он посмел снять вуаль с той, которую любил. Он пренебрег гневом Бела и Иштар.

Жрец судорожно воскликнул:

— А разве я не посмею? Разве я боюсь смерти? Разве я боюсь Бела?

Глаза ее смеялись над ним.

— Эй! Как сильно ты любишь! — дразнила она. — Жрица ждет бога — одна в его одиноком доме. Но, может, он не придет. Может, занят с другой женщиной... О, бесстрашный! Храбрый любовник! Займи его место!

Он отшатнулся от нее.

— Занять... его... место! — прошептал он.

— Ты знаешь, где хранятся доспехи бога. Иди к ней как бог! — сказала она.

Он стоял дрожа. Кентон видел, как решимость заняла место нерешительности. Жрец шагнул к алтарю — пламя уменьшилось, задрожало, погасло. В сгустившемся сумраке керубы, казалось, расправили крылья.

Блеснула молния.

В ее блеске Кентон видел, как жрец быстро пошел туда, откуда вышла и куда ушла Шарейн; видел Нараду, лежащую в груде своих покрывал, усеянную золотыми бабочками; услышал негромкий отчаянный плач.

Рука Кентона медленно опускала рычаг. Сейчас самое время использовать ключ, оставленный синим жрецом, пройти там, куда указывал жрец. Но тут рука его застыла на рычаге.

Тень, чернее собравшегося сумрака, прошла мимо окна, остановилась над танцовщицей; огромное громоздкое туловище — знакомое.

Кланет!

— Хорошо! — прогремел черный жрец и коснулся ее ногой. — Теперь ни он, ни Шарейн больше не будут беспокоить тебя. И ты заслужила обещанную награду.

Нарада повернула к нему жалкое побледневшее лицо, протянула к нему дрожащие руки.

— Если бы он любил меня, — плакала она, — никогда бы не ушел. Если бы он хоть немного любил меня, я не дала бы ему уйти. Но он

рассердил меня, он устыдил меня, он отказался от любви, которую я предлагала ему. Не для тебя, черная змея, не ради нашего уговора я послала его к ней — и на смерть!

Черный жрец рассмеялся.

— Как бы то ни было, ты послала его, — сказал он. — А Кланет платит обещанное.

Он бросил горсть сверкающих драгоценностей в ее протянутые ладони. Она закричала, разжала пальцы, как будто драгоценности жгли ее; они упали и покатились по камням.

— Если бы он любил меня! Если бы он хоть немного любил меня! — всхлипывала Нарада — и снова скорчилась под своими бабочками.

Теперь Кентону стал ясен замысел черного жреца; Кентон опустил рычаг, быстро пошел к дальней бронзовой двери, сунул в нее клиновидный ключ; скользнул в открывающуюся дверь и побежал по коридору, который за ней открылся. В нем пылали два пламени: белое пламя любви к его женщине, черное пламя ненависти к Кланету. Он знал, что там, где теперь будет жрец Бела, там будет и Шарейн. Конец, если только Кентон не опередит черного жреца, неизбежен.

На бегу Кентон испускал проклятия. Если Шарейн, погруженная в свой колдовской сон, увидит в жреце Бела бога, она примет земного любовника, ее невинность не спасет ее. Кланет позаботится об этом.

Нарада раскаялась — но слишком поздно.

А если Шарейн проснется? Боже! В полутьме она примет жреца Бела за него самого, Кентона!

И в любом случае присутствия жреца в жилище бога будет достаточно, чтобы осудить их обоих. Да, об этом позаботится Кланет.

Кентон пересек поперечный коридор, побежал вниз по длинному спуску мимо ряда ухмыляющихся химер; остановился перед широким порталом, который закрывал занавес, неподвижный и жесткий, казалось, выкованный из серебра. Что-то предупредило его, что нужно быть осторожнее. Он осторожно раздвинул занавес, заглянул за него...

И увидел собственную комнату.

Перед ним была его старая комната из его старого мира.

Он увидел драгоценный корабль, сверкающий, мерцающий, но видел его как бы сквозь туман, сквозь облако ярких частиц. Длинное зеркало сзади отражало такое же сверкающее облако. Бесконечно маленькие, в бесчисленном количестве, сверкающие атомы отделяли его от его комнаты — в Нью-Йорке.

Он — в этом странном мире.

Туманной была его комната, облачной, дрожащей, она отступала в бесконечность.

И вот, пока он смотрел, сжигаемый отчаянием, почувствовал, как

занавес в его руках становится все более жестким, металлическим, потом снова рассеивается, и так несколько раз попеременно.

А очертания корабля в его комнате стали яснее, кристаллизовались, они звали его к себе, тянули назад.

23. Желания богов — и человека

Кентон напрягся, прочнее ухватился за занавес. Всей силой воли он пытался помешать ему растаять. Теперь занавес был преградой между его старым миром и миром его великого приключения.

Какая-то сила тащила его вперед всякий раз, как занавес начинал таять и яснее становились туманные очертания комнаты. Он ясно различал каждую деталь в этой комнате, видел длинное зеркало, шкаф, диван, все еще влажные пятна крови на полу.

И всякий раз занавес снова становился прочным — и сверкающим.

Теперь комната повернулась, старый китайский ковер оказался под ним — близко и в то же время бесконечно далеко. Он уже слышал кричащие голоса пространства.

И в это же мгновение понял, что назад его тянет сверкающая игрушка.

Что-то тянулось к нему с черной палубы корабля. Что-то злобное и насмешливое. Тянуло его, притягивало к себе.

Все темнее становилась черная палуба — сильнее ее притяжение...

— Иштар! — взмолился он, глядя на розовую каюту. — Иштар!

Вспыхнула ли розовая каюта, наполнившись светом?

Очертания комнаты поблекли; снова он ощутил в руках тяжелый занавес; снова стоял прочно на ногах у входа в храм лунного бога.

И еще раз, и два, и три комната тянула его к себе, но с каждым разом все менее сильно, более призрачно. И каждому рывку Кентон противопоставлял свою волю, закрывал глаза и отбрасывал изо всех сил вид комнаты.

Он побеждал. Комната исчезла, исчезла окончательно, он не мог ошибиться. Чары разрушены, непрочная линия разорвана.

Охваченный реакцией, он держался за занавес, колени его дрожали. Медленно пришел он в себя, решительно распахнул занавес.

Он смотрел в обширный зал, наполненный туманным серебряным светом. Туман стоял неподвижно, но ощутимо — как будто был сплетен из осязаемых нитей. Этот светящийся, переплетенный нитями туман делал зал огромным. Кентону показалось, хотя он не был уверен, что в серебряной паутине что-то движется — появляются и исчезают смутные формы, но они не становятся полностью видимыми. Вдали он уловил другое движение, неумолимо, равномерно двигалась чья-то фигура. Она медленно приблизилась, стала хорошо видна — человек в золотом шлеме; через плечо — короткий золотой плащ, вышитый алым; в руке

золотой меч; голова наклонена, как будто человек пробивается сквозь сильное течение.

Жрец Бела, одетый в доспехи своего бога!

Не дыша, Кентон смотрел на него. Глаза, как у него, но полны ужасом и благоговением — но и целеустремленностью и решительностью; неизбежностью. Рот сжат, губы побелели, тело дрожит, дрожит — глубоко внутри — душа жреца. Реальные или призрачные, Кентон знал, ужасы этого места вполне реальны для этого его странного двойника.

Жрец Бела прошел мимо, и Кентон, подождав, пока тот наполовину скроется в тумане, выскользнул из-за занавеса и пошел за ним.

Теперь Кентон услышал голос спокойный, бесстрастный, как тот, что призвал его встать с каменной скамьи; голос этот не был ни внутри зала, ни вне его. Как будто он рождался где-то в бесконечно далеком пространстве.

Голос Набу, бога мудрости!

Слушая, Кентон ощущал себя не одним человеком, а сразу тремя: один Кентон, целеустремленный, шел следом за жрецом и будет идти за ним и в ад, если там Шарейн; другой Кентон, связанный неразрывной нитью с мозгом жреца, чувствовал, видел и слышал, страдал и страшился, как и он; и Кентон, который вслушивался в слова Набу так же холодно и бесстрастно, как они произносились, следил так же холодно и отстраненно, как рисовалось в словах бога.

— Дом Сина! — звенел голос. — Главы богов! Наннара! Родителя богов и людей! Повелителя Луны! Повелителя бриллиантового полумесяца! Обладающего великими рогами! Наннара! Совершенного в формах! Открывателя судеб! Самосоздателя! Чей дом в первой зоне и чей цвет — серебро!

Он проходит через дом Сина!

Он проходит мимо алтаря из халцедона и сардоникса, усаженного большими лунными камнями и горным хрусталем, алтаря, на котором горит белое пламя, из которого Син Создатель сотворил Иштар! Он видит, как извиваются ему навстречу бледно-серебряные змеи Наннара, как сквозь серебряный туман, который скрывает рога бога, на него ползут белые скорпионы.

Он слышит топот миллиардов ног, ног тех, кто еще будет рожден под Луной. Он слышит плач миллиардов женщин, плач всех женщин, которые будут рождены и будут рожать. Он слышит гул несозданного.

И проходит.

Ибо ни Создатель богов, ни страх перед ним не могут остановить желания человека!

Голос прозвенел — и стих. И Кентон все это видел — видел серебряных змей, извивающихся в тумане и набрасывающихся на жреца, видел кидающихся на него крылатых скорпионов; видел в тумане ги-

гантскую фигуру, на голове которой светился изогнутый полумесяц. Своими ушами слышал он топот армий нерожденных, плач нерожденных женщин, гром несозданного. Видел и слышал, как — он знал это — видел и слышал жрец Бела.

И шел следом.

Высоко над ним вспыхнул золотой шлем. Кентон остановился у основания извилистой лестницы, широкие ступени которой меняли цвет, чем выше они вели, — от серебряного к оранжевому. Он подождал, пока жрец, не торопясь и не оглядываясь, поднимется по лестнице, и последовал за ним.

Он увидел храм, заполненный шафрановым светом, который, как и тот, через который он уже прошел, был переплетен лунными лучами. В ста шагах от него шел жрец, и Кентон, идя следом за ним, услышал спокойный голос:

— Дом Шамаша! Сына Луны! Бога дня! Живущего в сияющем доме! Уничтожителя тьмы! Короля справедливости! Судьи человечества! Того, на чьей голове рогатая корона! В чьих руках жизнь и смерть! Кто своими руками очищает человека, как сверкающую медную табличку! Чей дом во второй зоне и чей цвет оранжевый!

Он проходит через дом Шамаша!

Вот алтари из опала, усаженные бриллиантами, и алтари из золота, выложенные янтарем и желтым солнечным камнем. На алтарях Шамаша горит сандаловое дерево, кардамон и вербена. Он проходит мимо алтарей из опала и золота; он минует птиц Шамаша, чьи головы — сверкающие огненные колеса и которые охраняют колесо, вращающееся в доме Шамаша, — гончарное колесо, на котором вылепляются души людей.

Он слышит шум миллиардов голосов — голосов тех, которые уже осуждены, и тех, кому еще предстоит суд.

И он проходит.

Потому что ни Король справедливости, ни страх перед ним не может встать между человеком и его желанием!

Снова Кентон видел и слышал все это, и следом за жрецом пришел ко второй лестнице, цвет ступеней которой менялся от оранжевого к абсолютно черному. И все так же идя следом, он оказался наконец в большом мрачном зале, имя ужасного хозяина которого он знал раньше, чем спокойный голос донесся до него из тайного далекого пространства:

— Дом Нергала! Могучего в Великом жилище! Короля смерти! Разбрасывателя эпидемий! Того, кто правит над погибшими! Мрачного Безрогого! Чей дом в третьей зоне и чей цвет черный!

Он проходит через дом Нергала!

Он проходит мимо алтаря Нергала из черного янтаря и красного железняка! Он проходит мимо алтаря, на котором горит цибетин и

бергамот! Он минует львов, охраняющих этот алтарь! Черных львов, чьи глаза как рубины, а когти кроваво-красные, и красных львов, чьи когти черны и глаза черны; он минует ястребов Нергала, чьи глаза как карбункулы и у которых бесплотные женские головы.

Он слышит шепот жителей этого великого жилища и ощущает пепел их страстей.

И он проходит!

Потому что ни Повелитель мертвых, ни ужас перед ним не могут отвернуть человека от его желания!

Теперь ступени лестницы, по которой Кентон поднимался от дома Нергала, из черных стали алыми, ярко-алым и свирепым был свет, заполнявший зал, в котором он стоял, глядя на уходившего жреца.

— Дом Нииба! — продолжал голос. — Повелителя копий! Повелителя битв! Хозяина щитов! Владыки сердец воинов! Правителя битв! Уничтожающего противников! Разрушителя замков! Молотобойца! Чей цвет алый, чей дом в четвертой зоне!

Из щитов и копий сделаны алтари Нииба, а огонь на алтарях питается кровью мужчин и слезами женщин, на алтаре Нииба горят ворота павших городов и сердца побежденных королей! Он минует алтарь Нииба! Он видит нацеленные на него алые клыки кабанов Нииба, чьи головы оплетены правыми руками воинов, видит слонов Нииба, чьи ноги увешаны черепами королей, видит алые языки змей Нииба, которыми они лижут города!

Он слышит звон копий, удары мечей, падение стен, крики завоеванных.

И проходит!

Сколько существует человек, алтари Нииба кормятся плодами человеческих желаний!

Кентон поставил ногу на четвертую лестницу, поднялся по ступеням, цвет которых из алого становился спокойно-синим, цветом безмятежного неба; стоял в зале, заполненном спокойным лазоревым светом. Голос теперь казался ближе:

— Дом Набу! Повелителя мудрости! Носителя посоха! Могучего на водах! Владыки земель, открывающего подземные потоки! Провозгласителя! Того, кто открывает уши понимания! Чей цвет синий и чей дом в пятой зоне!

Алтари Набу из голубого сапфира и изумруда, и с них сияют ясные аметисты. Пламя, горящее на алтарях, голубое, и в его свете только правда отбрасывает тень. Огонь Набу — холодный огонь, и запаха у него нет. Он проходит алтари из сапфира и изумруда с их холодным пламенем. Он проходит рыб Набу, у которых женские груди, но молчащие рты. Он проходит всевидящие глаза Набу, которые глядят из-за алтарей, и не трогает посох Набу, в котором содержится мудрость.

Да, он проходит!

Когда же мудрость останавливала человека перед его желанием?

Вверх от синего дома Набу поднимался жрец, а за ним по лестнице, цвет которой из сапфирового становился розовым и белым, поднимался Кентон. Тонкие ароматы почувствовал он, услышал любовные звуки, льстящие, зовущие, бесконечно привлекательные, опасно сладкие. Медленно, медленно шел Кентон за жрецом, слушая голос и почти не замечая его, почти забыв о своем поиске, борясь с желанием не слышать ничего, кроме этой зовущей, вяжущей любовной музыки, поддаться духу этой зачарованной комнаты, не идти дальше, забыть — Шарейн!

— Дом Иштар! — слышался голос. — Матери богов и людей! Великой богини! Повелительницы утра и вечера! Полногрудой! Производительницы! Той, что склоняется к просителям! Великого оружия богов! Той, что рождает и убивает любовь! Чей цвет розовый! А дом Иштар в шестой зоне!

Он проходит дом Иштар. Из белого мрамора и розового коралла ее алтари, и белый мрамор испещрен голубым, как женское сердце. На ее алтарях горят мирра и ладан, розовое масло и серая амбра. И алтари Иштар усажены белыми и розовыми жемчужинами, усажены гиацингами, бирюзой и бериллами.

Он проходит мимо алтарей Иштар, и, как розовые ладони страстных женщин, крадутся к нему венки ароматов. Белые голуби Иштар бьют крылами перед его глазами. Он слышит звук соединившихся губ, биение сердец, вздохи женщин, поступь белых ног.

И все же он проходит.

Ибо никогда любовь не останавливала желаний человека!

Неохотно поднималась лестница из комнаты любовного колдовства, и розовый цвет сменился пламенным, сверкающим золотом. Поднявшись, Кентон оказался еще в одном обширном покое, светлом, как будто это сердце Солнца. Быстрее и быстрее шел вперед жрец Бела, как будто все ужасы, пройденные им, столпились сзади, гнались за ним.

— Дом Бела! — гремел голос. — Мардука! Правителя четырех королевств, повелителя земель! Рожденного днем! Бычьешеего! Со слоновьими клыками! Могучего! Покорителя Тиамат! Повелителя Иджиджи! Короля неба и земли! Создателя совершенств! Возлюбленного Иштар!

Бела-Мардука, чей дом в седьмой зоне и чей цвет золотой!

Быстро проходит он через дом Бела!

Алтари Бела из золота и светятся, как Солнце! На них горит золотой огонь летних молний и аромат фимиама висит над ними, как грозовые тучи. Керубы с львиными туловищами и орлиными головами и керубы с бычьими телами и человеческими головами охраняют золотые

алтари Бела, и у всех керубов могучие крылья! И алтари Бела стоят на мускулистых слонах, которые стоят на шеях быков и на лапах львов.

Он минует их.

24. В жилище Бела

Началась буря. Кентон, поднимаясь, слышал гром, похожий на удары щитов, звон бесчисленных цимбал, бой миллионов бронзовых колоколов. По мере того как он поднимался, гром становился все слышнее. С ним смешивался гул ветра, стаккато водопадов дождя.

Лестница, как виноградная лоза, поднималась по крутой стене контрфорса на башню. Она была неширокой — только три человека могли пройти по ней в ряд, не больше. Она головокружительно вздымалась вверх. Пять резко изгибавшихся пролетов, по сорок ступеней в каждом, четыре меньших пролета по пятнадцать ступеней прошел он, прежде чем добрался до вершины. Внешний край лестницы ограждала только толстая веревка витого золота, поддерживаемая через каждые пять футов столбиками.

Так высока была эта лестница, что когда Кентон поднялся на вершину и посмотрел вниз, дом Бела скрылся в золотистом тумане, как будто Кентон смотрел с высокого горного хребта на долину, которую покрывали облака, тронутые восходящим солнцем.

На вершине лестницы находилась плита длиной в десять и шириной в шесть футов. На нее выходила дверь — узкий арочный портал, едва позволяющий двоим пройти бок о бок. Дверь вела в темные внутренние помещения. Комната, в которую она открывалась, находилась на вершине гигантского контрфорса.

Один человек мог защищать здесь лестницу от сотни.

Дверь была завешана золотым занавесом, таким же тяжелым и металлическим, как тот, что скрывал вход в серебряный дом лунного бога. Невольно Кентон отшатнулся от занавеса — вспомнив, что он увидел за тем, первым. Подавив страх, он отвел угол занавеса.

Он увидел квадратную комнату примерно в тридцать футов, полную пляшущих огоньков — отблесков молний. Это его цель — место развлечений Бела, где живет его любовь, опутанная сном.

Он увидел жреца, прижавшегося к дальней стене и восхищенно глядевшего на женщину в белой вуали, которая стояла, широко расставив руки, у окна в правом углу комнаты. Тысячами огней молнии освещали картины любовных приключений Бела, вышитые на настенных шпалерах.

В комнате находились золотые стол и два стула, массивная деревянная, с украшениями из слоновой кости, кровать. Возле кровати стояли широкая медная жаровня и курительница в форме больших пе-

сочных часов. Из жаровни вздымалось высокое желтое пламя. На столе были небольшие пирожные шафранного цвета на тарелках желтого янтаря и золотые флаконы с вином. Вдоль стен маленькие лампы, и под каждой — кувшин с благовонным маслом для наполнения ламп.

Кентон неподвижно ждал. Опасность собиралась внизу, как грозовая туча, которую Кентон расшевелил в колдовском котле. Он ждал, понимая, что прежде чем разбудит Шарейн, он должен постигнуть ее сон, проникнуть в фантазии, которыми она живет. Так сказал ему синий жрец.

Он услышал голос:

— Кто видел биение его крыльев? Кто слышал топот его ног, подобный грому тысяч колесниц, устремляющихся на битву? Какая женщина смотрела в яркость его глаз?

Ослепительно вспыхнула молния, загремел гром — казалось, в самой комнате. Когда зрение его прояснилось, Кентон увидел, что Шарейн, зажав глаза руками, отвернулась от окна.

А перед ней возвышалась фигура, казавшаяся на фоне вспыхивающего неба гигантской, вся в золоте, — богоподобная фигура.

Сам Бел-Мардук прыгнул сюда со своих коней бури, и одежда его еще полна была молниями.

Так на мгновение подумал Кентон, потом понял, что это жрец в украденной одежде своего бога.

Белая фигура — Шарейн — медленно отвела ладони от глаз, так же медленно опустила их, глядя на стоявшего перед ней. Начала опускаться на колени, ища полускрытое лицо широко распахнутыми зелеными дремлющими глазами.

— Бел! — прошептала она и повторила: — Повелитель Бел!

Жрец заговорил:

— О прекрасная, кого ты ждешь?

Она ответила:

— Кого, как не тебя, повелитель молний!

— А почему ты меня ждешь? — спросил жрец, не приближаясь к ней.

Кентон, приготовившийся прыгнуть, остановился при этом вопросе. Что задумал жрец Бела? Чего он ждет?

Шарейн в недоумении стыдливо ответила:

— Это твой дом, Бел. Разве не должна тебя здесь ждать женщина? Я... я дочь короля. И я давно тебя жду.

Жрец сказал:

— Ты прекрасна. — Глаза его не отрывались от нее. — Да, многие мужчины сочли бы тебя прекрасной. Но я — бог!

— Я прекраснейшая из принцесс Вавилона. Но разве не самая красивая должна ждать тебя в твоем доме? Я красивей всех... — ответила Шарейн с сонной страстью.

Снова заговорил жрец:

— Принцесса, а как было с теми мужчинами, которые считали тебя прекрасной? Скажи, разве твоя красота не убивала их, как быстрый, сладкий яд?

— Разве думала я о мужчинах? — дрожащим голосом спросила она.

Он строго ответил:

— Но многие мужчины должны были думать о тебе, королевская дочь. И яд, хоть он быстрый и сладкий, все равно приносит боль. Я бог! Я это знаю!

Наступило молчание. Неожиданно он спросил:

— Как ты ждала меня?

Она ответила:

— Я держала лампы полными масла, приготовила для тебя пирожные и поставила вино. Девушки нарядили меня.

Жрец сказал:

— Многие женщины делали то же — ради мужчин, королевская дочь, а я — бог!

Она прошептала:

— Я прекрасней всех. Принцы и короли желали меня. Посмотри, о великий!

Быстрые молнии ласкали серебряное чудо ее тела, едва прикрытое золотыми прядями волос.

Жрец отпрыгнул от окна. Кентон, чуть не сходя с ума от ревности, оттого, что кто-то другой видит эту белоснежную красоту, готов был наброситься на жреца. Но опять остановился, понимая, что́ удерживает жреца, и даже испытывая к нему жалость.

Душа жреца обнаженной предстала перед его внутренним взором, как будто Кентон стал жрецом, а жрец — Кентоном.

— Нет! — воскликнул жрец Бела и сорвал золотой шлем своего бога с головы, отбросил меч, рванул застежку и сбросил плащ...

— Нет! Ни одного поцелуя для Бела! Ни одного удара сердца для Бела! Не буду сводником Бела! Нет! Мужчину ты должна целовать — меня! И мужское сердце должно биться рядом с твоим — мое! Я... Я... Не бог получит тебя!

Он схватил ее, прижался губами.

Кентон был рядом.

Он сунул руку под подбородок жреца и сгибал назад голову, пока не хрустнула шея. Глаза жреца глядели на него, руки его оставили Шарейн и вцепились в лицо Кентона, он пытался вырваться. Потом перестал бороться, ужас появился на его лице. Жрец увидел в противнике самого себя.

Собственное лицо глядело на него, обещая смерть.

Бог, которого он обманул, предал, ударил. Кентон читал его мысли, как будто тот произносил их вслух. Он переместил хватку, полупри-

поднял жреца и швырнул его тело высоко над полом о стену. Жрец ударился о стену, упал и забился в конвульсиях.

Шарейн присела, крепко держа вуаль застывшими руками, на краю кровати. Она жалобно смотрела на него, ее широко раскрытые глаза, ошеломленные, не отрывались от него; он чувствовал, что она приходит в себя от паутины сна.

Он почувствовал прилив огромной любви и жалости; в нем не было страсти; в этот момент она была для него ребенком, испуганным, удивленным, жалким.

— Шарейн, — прошептал он и взял ее за руки. — Шарейн, любимая! Любимая, проснись!

Он целовал ее холодные губы, испуганные глаза.

— Кентон! — прошептала она. — Кентон! — И потом так тихо, что он едва расслышал: — Да, я помню, ты был моим повелителем... века, века тому назад!

— Проснись, Шарейн! — воскликнул Кентон, и снова губы его прижались к ее губам. Но теперь губы ее потеплели и ответили ему.

— Кентон! — прошептала она. — Мой дорогой повелитель!

Она откинулась, схватила его руки маленькими холодными пальцами, которые сжимали, как стальные; в глазах ее он видел уходящий сон, как грозовые облака расходятся перед солнцем; сон делал ее глаза то светлее, то темнее, но постепенно они все светлели.

— Любимый! — воскликнула Шарейн, полностью проснувшись, и, свободная от сна, обхватила его руками за шею, прижалась губами. — Любимый! Кентон!

— Шарейн! Шарейн! — шептал он, ее волосы укрыли его, как покрывало, а она прижимала его лицо к своим щекам, к шее, к груди.

— Где ты был, Кентон? — всхлипнула она. — Что со мной сделали? И где корабль — куда меня забрали? Но... какая разница, раз ты снова со мной?

— Шарейн! Шарейн! Любимая! — повторял он снова и снова, прижимаясь к ней губами.

Сильные руки схватили его за горло, прервали дыхание. Задыхаясь, он увидел безумные глаза жреца Бела. Он считал его убитым, но тот был жив.

Кентон обхватил жреца правой ногой, изо всех сил навалился на него, тот упал, увлекая за собой Кентона. Руки его ослабли чуть-чуть, но достаточно, чтобы Кентон сам схватил его за горло. Как змея, жрец выскользнул, откатился, встал. Кентон, не менее быстрый, поднялся. Прежде чем он смог извлечь меч, жрец опять был рядом, одной рукой он прижимал правую руку Кентона, другой отводил левую, одновременно вцепившись ему в горло.

Сквозь барабанный бой крови в ушах Кентон услышал далеко внизу бой другого барабана, будящего, призывающего, угрожающего, как будто в гневе и тревоге билось само сердце зиккурата!

* * *

Этот звук слышал и Джиджи; далеко внизу он только что своими обезьяньими руками забросил веревку с крюком на ограждение внешней лестницы; с лихорадочной скоростью взобрался он по веревке, и так же быстро последовали за ним Зубран и Сигурд.

— Тревога! — прошептал Сигурд, увлекая их под укрытие стены, чтобы они могли его услышать. — Молитесь Тору, чтобы эти часовые не услышали. Теперь быстро!

Цепляясь за стену, трое ползли вверх вокруг серебряной террасы Сина, бога Луны. Молнии почти прекратились, но дождь струился сплошным потоком, ревел ветер. Лестницу покрывал поток воды почти по колено. Тьма большой бури окружала их.

Дыша ветром и дождем, преодолевая встречный поток, они поднимались — трое!

* * *

По высокому жилищу Бела катались Кентон и жрец, стискивая друг друга и пытаясь вырваться. Вокруг них кружила Шарейн, держа в руках меч, вытащенный у жреца, тяжело дыша, пытаясь найти возможность для удара; но так тесно были сплетены дерущиеся, что она не находила такой возможности; перед ней была то спина жреца, то — тут же — спина Кентона.

— Шаламу! Шаламу! — У золотого занавеса стояла танцовщица Бела, которую сквозь ужасы таинственных храмов привели любовь, раскаяние, отчаяние. С бледным помертвевшим лицом, дрожа, цеплялась она за занавес.

— Шаламу! — кричала танцовщица. — Они идут за тобой! Их ведет жрец Нергала!

Спина жреца была обращена к ней, а Кентон глядел на нее. Голова жреца склонялась вперед, он пытался зубами вцепиться в шею противника, разорвать артерии; он был глух, слеп ко всему, кроме стремления убивать.

И Нарада, увидев лицо Кентона в неверном свете жаровни, приняла его за лицо человека, которого она любила.

Прежде чем Шарейн смогла пошевелиться, Нарада пролетела по комнате.

И вонзила кинжал по самую рукоять в спину жреца Бела!

* * *

Укрываясь в нише в стене зиккурата, часовые серебряной зоны вдруг увидели руки, протянутые к ним из бури. Двое упали с шеями, переломанными когтями Джиджи, двое — под быстрыми ударами меча Сигурда, еще двое — под ятаганом перса. В нише лежало шесть трупов.

— Быстрее! Быстрее! — Сигурд побежал вверх. Они обогнули оранжевую зону Шамаша, бога Солнца.

Три смерти протянулись из пустоты, часовые оранжевой зоны мертвыми лежали под ногами троих.

Они ощутили глубокую черноту слева — черная стена зоны Нергала, бога смерти...

— Быстрее! Быстрее!

* * *

Жрец Бела выкатился из рук Кентона, упал на колени, откинулся, умирающими глазами глядя на танцовщицу.

— Нарада! — выдохнул он сквозь кровавую пену. — Нарада... ты... — Пена стала кровавым потоком.

Жрец Бела умер.

Один взгляд бросила танцовщица на Кентона и поняла...

— Шаламу! — закричала она и с воплем бросилась на Кентона, готовая ударить кинжалом. Прежде чем он смог поднять меч, прежде чем поднял руки, даже прежде чем он смог отступить, она была рядом. Вниз опустилось лезвие, целясь прямо ему в сердце. Он почувствовал укол...

Кинжал скользнул, разрезав кожу над ребрами. В то же мгновение прыгнула Шарейн, схватила танцовщицу за руку, вырвала у нее кинжал и глубоко вонзила его в грудь Нарады.

Как молодое дерево под ударом топора, танцовщица на мгновение остановилась, дрожа, и упала на тело жреца, застонала и последними усилиями жизни обняла, прижалась к его губам.

Мертвыми губами к губам мертвеца!

Они смотрели друг на друга — Шарейн с окровавленным кинжалом в руке, Кентон с красными рунами на груди, написанными этим кинжалом. Потом посмотрели на жреца и танцовщицу; в глазах Кентона была жалость; не было жалости в глазах Шарейн.

— Она могла тебя убить! — прошептала она. И снова: — Она могла тебя убить!

Ослепительная вспышка заполнила комнату, сразу вслед за ней раскатился гром. Снова засверкали молнии. Кентон подбежал к двери, распахнул занавес, прислушался. Под ним в сверкающем тумане лежал тихий дом Бела. Он ничего не слышал, но какие звуки можно услышать в этом громе? Он ничего не видел, не слышал, и все же...

Он чувствовал, что опасность близка, крадется к ним, может быть, даже сейчас ползет по тем зигзагам лестницы, которые скрыты от взгляда. Пытки и смерть для Шарейн и для него... Ползет, крадется, все ближе и ближе.

Он подбежал к окну. Джиджи, Сигурд, Зубран! Где они? Смогли ли подняться по наружной лестнице? Или сейчас поднимаются, прорубая себе дорогу через ряды часовых? Насколько они близко?

Смогут ли они с ними встретиться, Шарейн и он?

Окно было глубоким. К нему через каменную кладку шел подоконник шириной в ярд. Окно закрывала широкая сплошная прозрачная пластина. Кентон подтянулся, увидел, что эта пластина представляет собой сплошной толстый прозрачный хрусталь, удерживаемый на месте металлическим обрамлением; закрывалось окно при помощи рычагов, углубленных в камень стены. Один за другим он поднял рычаги. Окно распахнулось, его почти втолкнуло обратно силой ветра и дождя. Он, борясь с ними, посмотрел вниз вдоль наружной стены...

Ступени большой наружной лестницы проходили в сорока футах внизу!

Между окном и ступенями пролегала почти отвесная стена, покрытая потоками ливня; по ней было так же невозможно спуститься, как и подняться.

Он посмотрел в обе стороны и наверх.

Жилище Бела представляло собой большой куб, посаженный на вершину конического храма. Окно, в которое он смотрел, находилось рядом с гранью этого куба. Не более ярда от его правой руки до грани. На двадцать футов налево тянулась черная стена, верхняя плоскость куба также в двадцати футах.

Он почувствовал рядом Шарейн, понял, что она что-то пытается сказать ему. Но не расслышал ни слова в реве бури.

* * *

На фоне вспыхивавших молний часовые Нергала увидели три силуэта судьбы, обрушившиеся на них из тьмы. Ударили мечи. Один закричал и попытался бежать. Ревущий ветер на клочки разорвал его крик, длинные руки схватили его, длинные когти сломали шею; он, кружась на ветру, полетел вдоль наружной стены.

Теперь и часовые красной зоны мертвы в своей нише.

Все трое прошли синюю зону Набу, бога мудрости; часовых здесь не было; не было их и перед белым домом Иштар; не было и снаружи золотого дома Бела.

И тут извивающаяся лестница внезапно кончилась.

Здесь трое устроили совет, разглядывая гладкую каменную стену, поднимающуюся над ними, без единого углубления. Они услышали

вопль, который не смогла заглушить даже буря, — отчаянный вопль танцовщицы Бела, бросившейся на Кентона.

— Крик донесся оттуда! — Сигурд указал на край стены, за которой, скрытое от них, окно жилища Бела смотрело на молнии. Тут они увидели, что большая лестница заканчивается у самого края стены. Но устоять и заглянуть за этот край невозможно.

— Попробуем воспользоваться твоими длинными руками, Джиджи,— выдохнул Сигурд. — Стань как можно ближе к концу лестницы. Вот так! Ухвати меня за ноги и просунь наружу. У меня сильная спина, и я смогу заглянуть за угол.

И Сигурд, как листок, прижатый к стене ветром, посмотрел прямо в лицо Кентона; до него было не более фута.

— Подожди! — крикнул Сигурд и толчком ноги дал знак Джиджи тянуть его назад.

— Там Волк! — сказал он. — В окне, так близко, что сможет втащить меня. Подними меня снова, Джиджи. Когда я дерну ногой, отпускай! Потом пусть Зубран пройдет той же дорогой. А ты оставайся здесь, Джиджи, — без тебя мы не сможем вернуться. Стой на месте с вытянутыми руками и жди, когда мы их коснемся. Тогда тащи. Теперь быстрее!

Снова он повис, руки его поймал Кентон. Джиджи выпустил его. Мгновение он висел в пустоте, затем его втянули в окно.

— Сейчас Зубран! — крикнул он Кентону и побежал к двери, у которой с мечом в руке стояла Шарейн.

Теперь перс, вися в могучих руках Джиджи, перегнулся за угол, ухватился за руки Кентона и стал рядом с ним.

* * *

Раздуваемая порывами ветра через открытое окно, жаровня вспыхнула, как факел; тяжелый золотой занавес вздымался, маленькие огоньки вдоль стен погасли. Перс откинулся назад, нашел рычаги, закрыл окно. Быстро пожал руку Кентона, с любопытством взглянул на тела жреца и танцовщицы.

— Где Джиджи? — спросил Кентон. — Что с ним? Вас не преследуют?

— Нет, — мрачно ответил перс. — Или если и преследуют, то руки у них сделаны из тени, так что удержать меч не смогут, Волк. Джиджи в безопасности. Он ждет, чтобы подхватить нас, когда мы вылезем из окна. Все, кроме одного, — добавил он негромко.

Кентон, думая о Джиджи и о пути на свободу, не слышал последней странной фразы. Он подошел к двери, по одну сторону которой стояла бдительная Шарейн, по другую — напряженный Сигурд. Привлек к себе Шарейн в яростной ласке, выпустил ее и выглянул за за-

навес. Далеко внизу увидел он тусклый блеск, отражение света в кольчугах, щитах и мечах. На четверти высоты угловатой лестницы, ведущей от дома Бела, поднимались солдаты, медленно, осторожно, молча; они ползли, надеясь застать врасплох, как они думали, жреца Бела, дремлющего в объятиях Шарейн.

Есть еще время, минуты, чтобы пустить в ход свой быстрый разум. Он надел на голову золотой шлем Бела, взял щит, набросил плащ.

— Сигурд! — прошептал он. — Зубран! Те, что поднимаются, считают, что здесь только Шарейн... и этот человек, лежащий там. Иначе они бы дали сигнал тревоги, по наружной лестнице тоже поднимались бы солдаты, и с нами было бы кончено. Поэтому когда те, внизу, приблизятся, мы с Шарейн покажемся с мечами. Они не будут нас убивать, им нужно нас пленить. Они отступят. Тогда быстро берите Шарейн и передайте ее Джиджи. Мы последуем за ней...

— Первая часть плана хороша, Волк, — спокойно прервал перс. — Но не последняя. Нет, кто-то один должен оставаться здесь, пока остальные не покинут благополучно храм. Иначе как только они войдут сюда, черный жрец поймет, что произошло. И вокруг храма будет кольцо, через которое не прорвется и целый отряд. Нет, кто-то должен остаться, сдерживать их, на время.

— Я останусь! — сказал Кентон.

— Любимый! — прошептала Шарейн. — Ты уходишь со мной, или я не ухожу.

— Шарейн, — начал Кентон.

— Мой дорогой повелитель, — невозмутимо сказала она. — Неужели ты думаешь, что я позволю снова разлучить нас? Никогда! В жизни и в смерти — никогда!

— Нет, Волк, я останусь, — сказал перс. — Шарейн не пойдет без тебя. Это исключает тебя, потому что она должна уйти. Джиджи не может остаться, так как не может и добраться сюда в одиночку. С этим ты согласен? Хорошо! Сигурд должен идти, чтобы показывать дорогу назад. Никто, кроме него, ее не знает. Кто остается? Зубран! Боги сказали! Их доводы неоспоримы.

— Но как ты уйдешь? Как найдешь нас? — простонал Кентон. — Как без помощи Джиджи сможешь выбраться из окна?

— Не смогу, — ответил Зубран. — Но я смогу сделать веревку из постельных покрывал и занавесей. И по ней спущусь к тем ступеням внизу. Один сможет ускользнуть там, где не смогут пятеро. Я помню дорогу через город до рощи. Подождите меня в зарослях.

— Они близко, Кентон! — негромко позвала Шарейн.

Кентон подбежал к двери. В десяти шагах внизу ползли солдаты, два десятка их неслышно парами поднимались по лестнице, держа наготове щиты, с мечами в руках; за ними небольшая группа жрецов в желтых и черных одеждах, и среди них — Кланет.

Справа от Шарейн к стене прижимался Сигурд, невидимый, но готовый защитить Шарейн. Перс встал слева от Кентона и тоже прижался к стене, чтобы снизу его не было видно.

— Прикрой жаровню, — сказал Кентон. — Лучше совсем погаси ее. Чтобы за нами не было света.

Перс потянулся к жаровне, но не набросил на нее покров, который погасил бы огонь. Напротив, он потряс ее, прикрыл пламя углями и поставил в угол, где угли были едва видны.

Ноги передних солдат были уже почти на верхней ступеньке, руки их протянулись, чтобы отдернуть занавес.

— Пора! — выдохнул Кентон.

Он сорвал занавес с двери. Они стояли, она в белой одежде жрицы, он в золотых доспехах бога, напротив солдат. И те, ошеломленные неожиданным появлением, смотрели на двоих.

Прежде чем они смогли прийти в себя, сверкнуло лезвие Шарейн, меч Кентона ударил с быстротой молнии. Вниз полетели двое передних. Прежде чем солдат упал, Кентон выхватил у него из рук щит, протянул его Шарейн, ударил по солдатам, стоявшим сзади.

— За Иштар! — услышал он крик Шарейн, увидел, как глубоко вонзился ее клинок.

— Женщина! Жрец! Взять их! — послышался рев Кланета.

Кентон наклонился, поднял упавшего солдата и швырнул его в остальных. Тело ударило их, размахивая руками, как живое. И они с проклятиями покатились вниз; летели вниз по лестнице солдаты и жрецы. Некоторые ударялись о непрочное ограждение, прорывали его, падали камнем сквозь туман, чтобы разбиться на полу дома Бела далеко внизу.

Кентон отпрыгнул, схватил Шарейн, передал ее Сигурду.

— К окну, — приказал он. — Передавай ее Джиджи!

Сам он бросился вперед, открыл окно. Гроза ушла, где-то далеко сверкали молнии; тьма сменилась сумерками, но дождь продолжал идти, подгоняемый ветром. В полутьме он увидел протянутые из-за угла жилища руки Джиджи. Отступил. Его место, держа Шарейн, занял викинг. На мгновение она повисла в воздухе, затем Джиджи поймал ее; она исчезла из виду.

Снизу послышались крики; солдаты пришли в себя, устремились вверх. Кентон видел, как Сигурд и перс подняли тяжелую кровать, сорвали с нее покрывала, наклонили. Подтащили к двери, просунули наружу и пустили по лестнице. Послышались вопли, крики боли, стоны. Кровать ударила по солдатам, пролетела меньший пролет, уперлась в веревочное ограждение, образовав баррикаду.

— Иди, Сигурд! — крикнул Кентон. — Я остаюсь с Зубраном. Ждите нас в лесу.

Перс взглянул на него, во взгляде его была любовь, смягчившая

холодные агатовые глаза. Потом он кивнул Сигурду. Как будто они условились об этом заранее, руки викинга обвились вокруг Кентона. И хотя Кентон стал очень силен, он не мог разорвать эти руки. А Зубран снял с его головы золотой шлем Бела и надел его на себя; сорвал золотой щит, сбросил свой плащ с кольчуги и на его место надел мантию бога, потом окутал ею лицо, совсем скрыв бороду.

И Кентона, как бьющегося ребенка, отнесли к окну и просунули наружу. Джиджи поймал его и поставил рядом с плачущей Шарейн.

Викинг повернулся и обнял перса.

— Некогда, северянин! Не до чувств! — выпалил Зубран, вырываясь.— Ты знаешь, Сигурд, для меня спасения нет! Веревка? Слова, чтобы успокоить Волка. Я люблю его. Веревка? Они спустятся вслед за мной, как змеи. А я не дрожащий заяц, чтобы вести свору к добыче. Не я! Иди, Сигурд, и когда выйдете из города, расскажи им. И как можно быстрее идите на корабль.

Викинг сказал торжественно:

— Девушки со щитами близко! Один принимает героя, откуда бы он ни был родом. Скоро ты будешь пировать с Всеобщим Отцом Одином, перс!

— Пусть приготовит блюда, которые я еще не пробовал! — пошутил перс. — В окно, северянин!

Зубран держал его за ноги, а Сигурд высунулся и был пойман Джиджи.

И вот вчетвером — впереди Сигурд, Шарейн, прикрытая широким плащом, Джиджи, Кентон с проклятиями — они начали спускаться.

25. Смерть Зубрана

Перс не закрыл за ними окно. Он позволил ветру врываться внутрь и принялся расхаживать по жилищу Бела.

— Клянусь всеми дэвами! — произнес Зубран. — Никогда не испытывал я такого чувства свободы, как сейчас! Я один, последний человек в мире! Никто не может помочь мне, никто не даст совета, никто не утомит меня! Наконец-то жизнь проста: все, что мне осталось — убивать или быть убитым. Клянусь Ормуздом, мой дух встал на цыпочки...

Он выглянул за дверь.

— Никогда мужчинам не приходилось так трудно с кроватью! — усмехнулся он, глядя, как солдаты внизу пытаются преодолеть препятствие.

Повернувшись, он собрал посреди комнаты шелковые покрывала с кровати. Сорвал со стен шпалеры и бросил их в груду. Одну за другой брал лампы и выливал из них масло на погребальный костер; потом вылил масло из кувшинов.

— Мой старый мир, — рассуждал перс, работая, — он утомил меня. И этот тоже мне наскучил, клянусь пламенем жертвоприношения! И я уверен, что новый мир Волка утомит меня больше всех. Я со всеми тремя покончил.

Он поднял тело жреца Бела, поднес к окну.

— Ты больше удивишь Кланета снаружи, а не внутри, — рассмеялся он и выбросил тело из окна.

Потом остановился над танцовщицей.

— Как прекрасна! — прошептал он, касаясь ее губ, груди. — Интересно, как ты умерла... и почему. Должно быть, это было забавно... Некогда было расспрашивать Волка. Что ж, будешь спать со мной, танцовщица. И, может быть, когда мы проснемся, — если проснемся, — ты мне расскажешь.

И он положил Нараду на груду промасленных тканей. Взял дымящуюся жаровню и поставил рядом с ней...

Снизу послышался рев, топот ног по лестнице. Вверх стремились солдаты, получившие многочисленное подкрепление. На мгновение Зубран показался в двери в золотом плаще Бела, обернутом вокруг шеи и скрывающем лицо.

— Жрец! Жрец! — закричали они.

Всех перекрыл рев Кланета:

— Жрец! Убейте его!

Перс с улыбкой отступил за стену. Поднял щит, который уронила Шарейн.

Через узкую дверь прыгнул солдат, за ним второй.

Дважды свистнул ятаган, быстрый, как быстрейшая из змей. Двое упали под ноги шедших за ними, мешая им, стесняя их движения.

Вверх и вниз, ударяя, разрезая, укалывая, плясал клинок Зубрана, пока рука его не окрасилась в красный цвет до самого плеча. Перед ним росла баррикада из трупов.

Только по двое могли враги вступать на порог жилища Бела — и по двое они падали, преграждая доступ остальным, и все время росла стена из трупов. Наконец, — ему уже не видны были их мечи, он только слышал крики, — взобравшись на тела, он увидел, что солдаты пытаются расчистить баррикаду, убрать мешавших им пройти мертвецов.

Перс напряг уставшие мышцы руки, рассмеялся, услышав голос Кланета:

— Там только один человек. Убейте его и принесите мне женщину. Десять ее весов в золоте тому, кто принесет ее мне!

Они собрались, устремились вверх, как набегающая волна, вскарабкались на стену из мертвецов. Красный ятаган Зубрана превратился в сверкающий ручей...

Он почувствовал сильную боль в боку над пахом. Упавший мечник приподнялся и ударил его снизу своим мечом.

Перс понял, что рана его смертельна.

Он разрубил улыбающееся лицо, снова прыгнул на мертвых, расчистил пространство бурей ударов. Нажал плечами на баррикаду из мертвецов. Они повалились по лестнице вниз, падали на поднимающихся солдат, путали им ноги. Прижимали их к стене, посылали вниз, сквозь туман, заставляя хватать руками воздух.

Двадцать верхних ступеней расчистились.

Свистнула стрела.

Она пробила плащ и попала Зубрану в шею в том месте, где сходятся шлем и латный воротник. Он глотнул соленую кровь, хлынувшую из горла.

Перс, шатаясь, побрел к груде тканей, на которой лежала Нарада, ногой задел за жаровню, опрокинул ее на промасленные ткани.

Взметнулось пламя. Порыв ветра из открытого окна подхватил его и раздул в ревущий ураган.

Зубран лег рядом с телом танцовщицы; повернувшись, взял ее руки в свои.

— Чистая смерть, — прошептал он. — Наконец-то... как все... Возвращаюсь... к богам моих отцов. Чистая смерть! Прими меня, о бессмертный огонь!

Пламя поднялось над ним, покрыло его, как навесом.

Верхняя часть пламенного языка расширилась.

Она стала огненной чашей, полной огненного вина!

И в эту чашу перс погрузил свои губы, он пил огненное вино, он вдыхал его аромат.

Голова его упала, мертвое лицо улыбалось. Голова его лежала на груди Нарады.

Пламя скрыло их.

26. Как они вернулись на корабль

Четверо, за чью свободу умер перс, были уже далеко. Благополучно миновали они террасы; мертвые часовые лежали так, как упали. Но, уходя, четверо услышали, как зиккурат загудел изнутри, словно потревоженный колоссальный улей, услышали бой большого барабана и заторопились под укрытие каменной стены, на которой висел крюк Джиджи. Один за другим соскользнули они по веревке вниз, под защиту деревьев. Буря бушевала, но деревья защищали их. На улицах никого не было. Жители Эмактилы прятались в своих раскрашенных домах от бури.

Когда губы перса окунулись в пламенную чашу, они были уже далеко на пути к кораблю.

Когда наконец солдаты набрались мужества, чтобы снова подняться по ступеням, они, а вслед за ними и черный жрец, вошли в жилище Бела. Четверо были уже за пределами города и пробирались через глубокую грязь: впереди викинг, сзади Кентон, все время оглядывавшийся в ожидании Зубрана.

А в комнате, где пепел Зубрана смешался с пеплом танцовщицы, черный жрец стоял изумленный, чувствуя, как что-то похожее на страх коснулось его злобного сердца, но тут взгляд его уловил блеск бабочек с вуали Нарады, которая соскользнула с нее, когда перс укладывал ее на погребальный костер. Жрец увидел и кровавый след, который вел к открытому окну. Выглянув из окна, Кланет увидел в грозовом сумраке разбитое тело жреца Бела — мертвое белое лицо смотрело на него снизу, с расстояния в сорок футов.

Жрец! Чьи же кости сгорели в огне? Кто был человек, сражавшийся в золотом шлеме и со щитом, с лицом, скрытым мантией бога? Он так быстро орудовал мечом, его так скрывали поднимавшиеся солдаты и частично стена, что Кланет снизу видел его лишь мельком; он считал, что это жрец Бела.

Черный жрец побежал назад, свирепо распинал пепел костра и то, что лежало в нем.

Что-то звякнуло — сломанный ятаган. Он узнал это оружие — ятаган Зубрана, перса.

Еще что-то сверкнуло у его ног — пряжка, жемчуга которой не потускнели в огненной ванне. Он узнал эту пряжку — она была на поясе у Нарады, танцовщицы.

Значит, эти почерневшие останки — Зубран и танцовщица! Шарейн освобождена!

Черный жрец стоял неподвижно, лицо его стало так ужасно, что солдаты отшатнулись от него, прижались к стенам.

С воем бросился Кланет из жилища Бела, вниз по угловатой лестнице, вниз через тайные храмы, все вниз и вниз, пока не добрался до камеры, в которой оставил Кентона с шестью лучниками. Он распахнул дверь, увидел крепко спящих лучников и офицера. Кентона не было.

Изрыгая проклятия, выбрался он из камеры, приказывая обыскать город, найти и схватить храмовую шлюху и раба, предлагая за их поимку все, чем владеет, все, все! Если только ему приведут эту пару живыми.

Живыми!

* * *

Теперь четверо свернули с дороги и находились в лесу в том месте, откуда начиналась тайная тропа к морю и где хитроумный перс просил их подождать его. И Сигурд рассказал им о самопожертвова-

нии Зубрана, и почему это самопожертвование было необходимо. И Шарейн плакала, а горло Кентона сжималось от горя. А черные бусинки глаз Джиджи смягчились, и слезы побежали по морщинам его лица.

— Что сделано — сделано, — сказал Сигурд. — Теперь он пирует с Одином и героями.

Он решительно раздвинул их и пошел дальше.

Они шли все вперед и вперед. Дождь промочил их, ветер продул. Когда буря стихала, они шли быстрее; когда темнело так, что викинг не видел дороги, они останавливались. Все вперед и вперед — к кораблю.

Шарейн споткнулась и упала, встать она не смогла. Трое, столпившись вокруг нее, увидели, что ее сандалии изорваны, а стройные ноги босы и кровоточат, и что давно уже каждый шаг должен причинять ей страшную боль. Кентон взял ее на руки и понес, а когда он устал, ее понес Джиджи, а Джиджи был неутомим.

Наконец они пришли к спрятанному кораблю. Они окликнули девушек, те оказались на страже. Они передали девушкам Шарейн, и те унесли свою хозяйку в каюту и занялись ею.

Теперь поднялся спор, стоит ли ожидать, пока стихнет буря. Наконец они решили, что ждать не стоит; лучше выйти в бурное море, чем оставаться вблизи Эмактилы и страшного дома Нергала. Цепи сняли с деревьев, вывели корабль из убежища и развернули в сторону выхода из бухты.

Подняли якорь, опустили весла. Медленно корабль набирал скорость. Он повернул за скалы, и Сигурд, стоявший у рулевого весла, вдохнул ревущие волны и, как бегуна, направил корабль в открытый океан.

Кентон, до предела уставший, упал на месте. Джиджи поднял его и отнес в черную каюту.

Долго сидел рядом с ним Джиджи, бодрствуя, хотя тоже устал, смотрел по сторонам своими зоркими глазами; прислушивался, караулил. Джиджи казалось, что черная каюта не такая, какой они ее оставили. Казалось Джиджи, что он слышит шепот, даже призрак шепота, приходящий и уходящий.

Кентон застонал, что-то пробормотал в глубоком сне, тяжело задышал, будто чьи-то руки сдавили ему горло. Джиджи, прижав руку к груди Кентона, успокоил его.

Но вот и бдительные глаза Джиджи помутились, веки закрылись, голова опустилась.

В пустой нише, где на плите из кровавого железняка раньше стоял идол Нергала, сгустилась какая-то смутная тень.

Тень потемнела. В ней начало проглядывать лицо, это лицо, полное ненависти, угрозы, смотрело на спящую пару...

Кентон снова застонал, он боролся с кошмаром. Барабанщик протянул длинные руки, вскочил на ноги, осмотрелся...

Быстро, как и появилось, прежде чем Джиджи полностью открыл еще сонные глаза, затененное лицо исчезло, ниша опустела.

27. Видение Кентона

Когда Кентон проснулся, рядом с ним лежал не Джиджи, а раздетый Сигурд. Он громко храпел. Он, должно быть, проспал долго, потому что мокрая одежда, которую снял с него ниневит, просохла. Кентон оделся, сунул ноги в сандалии, набросил на плечи короткий плащ и тихо отворил дверь. Тьма и черные сумерки уступили место бледному рассвету, который окрасил море в тускло-серый цвет. Дождь прекратился, но корабль весь дрожал от сильного ветра.

Корабль летел по ветру, как чайка, на гребне гигантской волны; скользил назад, когда волна проходила, по воде, как по шиферу, и снова поднимался на гребне следующей волны.

Кентон пробрался к месту рулевого, пена жгла его лицо, как дождь со снегом. В одно рулевое весло вцепился Джиджи, за другим были два раба из трюма. Ниневит улыбнулся Кентону, указал на компас. Кентон взглянул и увидел, что стрелка, которая всегда направлена к Эмактиле, указывает точно на корму.

— Логово далеко за нами! — крикнул Джиджи.

— Иди вниз! — крикнул Кентон в заостренное ухо и хотел взяться за весло. Но Джиджи только рассмеялся, покачал головой и указал на каюту Шарейн.

— Вот твой курс! — проревел он. — Вставай на него!

Борясь с ветром, Кентон добрался до розовой каюты, открыл дверь. Шарейн спала, щекой на тонкой руке, пряди волос укрывали ее, как золотая сеть. Две девушки сидели рядом.

Как будто он ее позвал, она открыла сонные глаза, которые становились все более томными.

— Мой дорогой повелитель! — прошептала Шарейн.

Она села, знаком велела девушкам уйти. А когда они ушли, протянула к нему свои белые руки. Его руки обвились вокруг нее. Как птица, она угнездилась в них, подняла навстречу ему губы.

— Мой дорогой повелитель! — прошептала Шарейн.

Он больше не слышал рева ветра, не слышал ничего, кроме шепота и вздохов Шарейн; забыл все на свете, кроме нежных рук Шарейн.

* * *

Долго плыли они, подгоняемые бурей. Дважды Кентон сменял Джиджи у рулевого весла, дважды его заменял викинг, пока ветер не

стих и они не заскользили опять по улыбающемуся, блестящему бирюзовому морю.

Для плывущих на корабле началась жизнь преследуемых — преследуемых не только людьми, но и призраками.

Эмактила должна была остаться далеко позади, и тем не менее все четверо ощущали, что их преследуют. Не страх, не ужас — знание того, что корабль преследуют, что если они не перехитрят флот, который отыскивает их повсюду в этом странном море, не найдут безопасную тайную гавань, конец у них будет один. И ни один из них в глубине души не верил, что такая гавань отыщется.

И все же они были счастливы. Жизнь расцветала рядом с Кентоном и Шарейн. Они любили друг друга. А Сигурд пел старые саги и новые, которые сочинял о персе Зубране, пока они с Джиджи прибивали большие щиты к бортам на носу. Они укрепили щиты вдоль фальшборта и прорезали в них бойницы, сквозь которые можно было стрелять. На корме они тоже прибили два щита, чтобы защищать кормчего.

И Сигурд пел о грядущей битве, о крылатых воительницах, которые парят над кораблем, готовые унести душу Сигурда, сына Тригга, на ее место в Валгалле, где его ждет Зубран. Он пел о местах, которые там ждут Кентона и Джиджи, но не тогда, когда его могла слышать Шарейн, потому что в Валгалле нет места для женщин.

В черной каюте тени сгущались и рассеивались, становились сильнее и уходили, снова возвращались. Что-то от Темного повелителя вернулось, снова требовало свою палубу. Ни Джиджи, ни викинг больше не спали в черной каюте, они спали на открытой палубе или в каюте девушек.

А рабы шептались о тенях, которые пролетают над черной палубой, собираются у перил и смотрят на них сверху вниз!

Однажды Сигурд задремал над рулевым веслом, а проснувшись, обнаружил, что курс корабля изменился — большая стрелка указывала на нос, на Эмактилу, корабль на веслах шел к острову колдунов!

После этого они правили кораблем по двое — Кентон и Шарейн, Джиджи и викинг.

И не в силах Шарейн было отогнать эти тени.

Они пристали к одному острову и пополнили запасы пищи и воды. На острове была хорошая скрытая гавань, за ней их манил большой лес. Здесь они провели некоторое время, говорили о том, чтобы вытащить корабль на берег, спрятать его, затем найти в лесу место и построить крепость, там встретить нападение, если оно будет.

Корабль Иштар притягивал их к себе.

Они не находили себе места на берегу, каждый втайне опасался, что остальные трое решат остаться. И веселились, как дети, когда корабль вышел из гавани и погрузил нос свой в увенчанные пеной вол-

ны, а чистый морской ветер крепчал и остров постепенно терялся вдали.

— Тюрьма, — рассмеялся Кентон.

— Это не жизнь! — согласился Джиджи. — Прятаться в норе, пока собаки не отыщут и не выкопают оттуда. Теперь нам по крайней мере видно, чего ожидать.

Они встретили длинный корабль, унирему, как и их, но с двадцатью веслами. Это был торговый корабль, к тому же тяжело груженный; он попытался уйти от них. Но викинг закричал, что они не должны дать ему уйти в Эмактилу и там рассказать о них. Они преследовали корабль, таранили его и потопили вместе с вопящими закованными рабами — Кентон, Сигурд и Джиджи с тяжелым сердцем, Шарейн — бледная и плачущая.

Встретили другой, легкий, не больше их, но на этот раз военный корабль, охотник. Сделали вид, что бегут, корабль начал их преследовать. Когда преследователь был совсем близко, викинг резко развернул корабль Иштар и срезал весла преследователя. На этом корабле сражались храбро, но, сдерживаемые приказом черного жреца не убивать, а взять живыми, не могли противостоять большой булаве Джиджи, мечу викинга, быстрому клинку Кентона. Они сдались перед ними и перед бурей стрел, которую создали Шарейн и ее девушки. Но и на корабле Иштар были потери: одна девушка умерла, стрела попала ей в сердце, а Джиджи и Сигурд были ранены.

На этом корабле они нашли запас металла для наковальни викинга. И что еще лучше — связки бечевки, масло, чтобы смачивать их, кремень, позволяющий зажигать пламя, прочные древки и странной формы мощные самострелы, которые должны были стрелять пылающими стрелами. Все это и металл они взяли. Потом потопили корабль с живыми и мертвыми.

Все дальше и дальше плыл корабль. Сигурд ковал длинные щиты, Джиджи и Кентон установили возле розовой и черной кают самострелы, приготовили бечевку, масло и огниво.

Шло время; мощные потоки жизни, исходившие от Кентона и Шарейн, не слабели, наоборот, становились сильнее.

Лежа рядом со спящей любимой, Кентон проснулся — или подумал, что проснулся; открыв глаза, он увидел не каюту, а два лица, глядящие на него из какого-то неизвестного пространства; огромные лица, смутные и туманные. Их теневые глаза устремились на него.

Кто-то заговорил, и Кентон узнал — этот голос вел его по тайным переходам храма! Голос Набу!

— Снова Нергал сосредоточил свой гнев на корабле, о Иштар! — произнес этот голос. — Борьба между ним и твоей ипостасью снова будет беспокоить богов и людей в мириадах миров. Великая Мать, только ты можешь кончить ее.

— Я дала слово, — другой голос был, как ветер, шевелящий струны тысячи арф, — я дала слово; и та моя ипостась, которую люди в старину называли Гневная Иштар, разве у нее нет прав? Нергал не победил ее. Но и она не победила Нергала. Соглашение не было достигнуто. Как же может отдыхать моя ипостась, если слово, которое я произнесла в гневе, не нашло ответа? И пока будет бороться она, будет и Нергал, он тоже связан словом.

— Но ведь огонь, зажженный тобой в сердцах Зарпанит и Алусара, огонь, ставший сутью их душ, не погас, — прошептал спокойный голос. — Разве эти огни не ускользнули и от твоей Гневной сестры, и от Темного Нергала? И почему, Иштар? Разве не потому, что ты этого хотела? Разве не ты скрыла их? Что же тогда говорить о твоем слове?

— Ты мудр, Набу! — послышался голос Иштар. — Пусть этот человек, чьи глаза мы открыли, увидит, что произвели моя жрица и ее любовник, когда привели в объятия друг друга Мать Жизни и Повелителя Смерти! Пусть этот человек рассудит, справедлив ли мой гнев!

— Пусть этот человек рассудит! — повторил голос Набу.

Огромные лица поблекли. Кентон смотрел в глубочайшие глубины, в бесконечные бесконечности пространства. Мириады солнц роились здесь, а вокруг них вращались мириады и мириады миров. Через это бесконечное пространство двигались две силы, смешавшиеся, но и раздельные. Одна — свет и плодовитость, она давала рождение, жизнь и радости жизни; другая — тьма и уничтожение, она отнимала у первой ее порождения, утихомиривала их, погружала в темноту. Внутри первой силы было невыразимое сияние, и Кентон знал, что это ее душа. В темной силе была еще более темная тень, и он знал, что это ее мрачная душа.

Перед ним появились фигуры мужчины и женщины; что-то прошептало ему, что имя женщины Зарпанит, а мужчины — Алусар, это жрица Иштар и жрец Нергала. Он увидел в их сердцах удивительное чистое белое пламя. Он видел, как два пламени заколебались, склонились друг к другу. И в то же время сияющие нити света потянулись от первой силы, связывая жрицу с ее душой; и из мрачного сердца тьмы протянулись темные нити и обвились вокруг жреца. И на мгновение в соединившемся пламени светлые и темные нити соединились, слились, стали одним и тем же.

В то же мгновение все пространство задрожало, солнца закачались, миры начали раскачиваться, бьющий прибой жизни замер.

— Ты созерцаешь грех! — прозвенел голос арфовых струн.

— Раскрой глаза шире! — донесся спокойный холодный голос.

И вот Кентон видит большое помещение, в котором пребывают ужасные силы в сиянии и славе — все, кроме одной, погруженной во тьму. И перед ними стоят жрец и жрица, а рядом со жрицей — Шарейн!

Снова видит он белое пламя в сердцах этих двоих — спокойное,

ясное, равнодушное к богам или к Гневной богине. Склоняются друг к другу, неугасимые, неизменные, равнодушные к гневу богов или к их наказанию.

Картина начала расплываться, исчезла. Теперь в этом же помещении находились жрец и жрица, Шарейн, Кланет и вокруг них — тела многих мужчин и женщин. Был также высокий алтарь, полускрытый облаком мерцающего лазурного тумана. В тумане, на алтаре, невидимые руки строили чудесный корабль.

И по мере того как рос этот корабль, где-то далеко от него, как бы в тени другого измерения, рос другой корабль — корабль, который, казалось, возникал сам собой на бирюзовом море в мире серебристых облаков! Шаг за шагом этот теневой корабль повторял создание игрушечного корабля на алтаре.

Кентон знал, что реальна именно тень; игрушка на алтаре — ее символ.

Знал также, что символ и реальность — одно и то же, они связаны древней мудростью, созданы древними силами так, что судьба и благополучие одного есть судьба и благополучие другого.

Едины в двух формах. Кукольной и реальной. И каждая — одно и то же.

Невидимые руки в лазурном тумане кончили корабль. Они одного за другим коснулись тел жрицы Иштар и жреца Нергала, тел Шарейн и Кланета и всех тех, кто лежал вокруг. И все эти тела исчезли. Невидимые руки подняли и поставили на игрушечный корабль маленьких кукол.

А на палубе теневого корабля в лазурном море возникли тела — одно за другим возникали тела тех, которые в виде игрушек появлялись на алтаре.

И вот на полу зала совещаний богов не осталось ни одной фигуры.

Корабль был создан и населен.

Луч от сияния, окружавшего Иштар, коснулся носа корабля. Щупальце тьмы протянулось из черноты, в которой восседал Повелитель Смерти, и коснулось кормы корабля.

Картина расплылась и исчезла.

Появилась другая комната, маленькая, почти келья. В ней стоял одинокий алтарь. Над алтарем висела лампа, окруженная лазурным ореолом. Алтарь из лазурита и бирюзы, усаженный синими сапфирами. Кентон понял, что это тайный алтарь Набу, бога мудрости.

На алтаре стоял корабль. Кентон смотрел на него и понимал, что эта драгоценная игрушка неразрывными нитями связана с другим кораблем, плывущим в другом пространстве, в другом измерении, плывущим по неведомым морям в неведомом мире...

С кораблем, на котором плыл он сам!

И что происходит с игрушкой, то же происходит и с кораблем Иштар; и каково кораблю Иштар, таково и игрушке; то, что угрожает одному, угрожает и другому; они разделяют судьбу друг друга.

И эта картина исчезла. Теперь он видел город, огражденный стеной; над городом возвышался большой ступенчатый храм — зиккурат. Город осаждало войско, обороняющиеся стояли на стенах. Он знал, что этот город — древний Урук и что перед ним храм, в котором построили чудесный корабль. И тут осаждающие прорвались сквозь стены, подавили защитников. Он мельком увидел кровавую бойню, а потом картина исчезла.

Снова увидел он келью Набу. В ней находились два жреца. Корабль стоял на полу на решетке из серебристого металла. Над алтарем висело небольшое сияющее голубоватое облако. Кентон понял, что жрецы повинуются голосу, исходящему из облака, они спасают корабль и тех, кто плывет на нем, от нападающих. Они залили корабль строительным раствором, походившим на размельченную слоновую кость, смешанную с жемчугом. Раствор скрыл игрушку. Теперь вместо корабля стоял каменный блок. Облако исчезло. Появились другие жрецы, они вытащили блок, пронесли его по коридорам во двор храма. И тут оставили его.

Во двор ворвались победители, грабя и убивая. Но никто из них не обратил внимания на грубый каменный блок.

Теперь Кентон видел другой город, великий и прекрасный. Он знал, что это Вавилон в самом расцвете его могущества. Новый зиккурат стоял на месте прежнего. Картина поблекла. Кентон увидел внутренность другого святилища Набу. Каменный блок находился здесь.

Перед ним мелькали картины битв и побед, пышных процессий и поражений, мгновенные картины уничтожения, восстановления и нового уничтожения города; каждый раз, уничтоженный, он восстанавливался в новом великолепии...

Потом пал, покинутый богами.

Потом разрушился, покинутый людьми, пустыня наползла на него, покрыла его.

И город был забыт.

Последовал водоворот видений — зыбких, с трудом различимых, быстро сменявших друг друга. Картина стала устойчивой. Он увидел людей, раскапывающих пески на месте могилы Вавилона. Он узнал среди этих людей Форсайта! Видел, как откопали блок, как его унесли высокие арабы, видел, как его уложили на примитивную повозку, которую потащили терпеливые маленькие пони в грубой упряжи, смотрел, как его грузят в корабль и как этот корабль плывет по морю, которое он знал, как блок заносят в его собственный дом...

Он увидел самого себя, освобождающего корабль.

И снова смотрел в теневые глаза.

— Суди! — вздохнули струны арф.

— Еще нет! — прошептал спокойный голос.

Кентон снова смотрел в бесконечное пространство, где впервые увидел сияющие и темные силы. Но теперь в этом пространстве он видел бесчисленное количество огоньков, подобных тем, что горели в груди жрицы Иштар и жреца Повелителя Смерти; видел, как сама бесконечность светится и пламенеет в них. Они горели глубоко внутри тени, и при их свете из тьмы вырывались мириады и мириады других огней, которые скрывала тьма. И он увидел, что без этих огней само свечение было бы тоже тьмой!

Он увидел корабль, как будто плывущий в том же самом пространстве. Глубокая тень отделилась от души тьмы и нависла над кораблем. Немедленно ему навстречу из души света вырвалось сияние. Они встретились и вступили в схватку. Корабль был фокусом схватки, от которого расходились круги ненависти и гнева. Как круги на воде, расходились они, и тьма пила силу в этих волнах и становилась все темнее. И в этой битве свечение тускнело, и бесчисленные огоньки мигали, раскачивались, тревожились.

— Суди! — прошептал холодный голос Набу.

И Кентон в своем сне, если это был сон, заколебался. Не простое дело рассудить эти силы, судить Иштар, богиню, которая в этом чуждом мире обладает могучей властью. К тому же, разве он не молил Иштар, разве она не ответила на его мольбу? Да, но он молил и Набу, а Набу — бог правды...

И мысли обрели форму слов его родного языка, в его привычных оборотах.

— Если бы я был богом, — просто начал он, — и создавал живые существа, мужчин и женщин, я не сделал бы их несовершенными, чтобы они не могли в своем несовершенстве нарушить мои законы. Нет, если бы я был всемогущим и всеведущим, какими и должны быть, по моему мнению, боги. Если, конечно, мне не нужны игрушки, с которыми я мог бы играть. И если бы я обнаружил, что создал их несовершенными и что поэтому они нарушили мои законы, я подумал бы, что я отвечаю за их грехи, потому что, будучи всемогущим и всеведущим, я мог бы сделать их совершенными, но не сделал. А если бы я создал их как игрушки, тем более не стал бы я навлекать на них несчастья и разочарования, горе и боль — и не наказывал бы их, о Иштар! Нет, если бы они были игрушками, способными все это чувствовать. Потому что они не более чем игрушки, созданные мной и действующие по моей воле.

— Конечно, — продолжал Кентон простодушно и без всякой иронии, — я не бог, тем более не богиня, и до того как появиться в этом мире, никогда с ними не встречался. Но, говоря как человек, даже если бы я стал наказывать нарушивших мой закон, я не тронул бы тех,

кто ничего общего не имеет с той первоначальной причиной, которая вызвала мой гнев. Но именно это, как мне кажется, происходит на этом корабле...

— Нет, — заключил Кентон, почти забыв о нависших над ним огромных лицах, — я не вижу справедливости в мучениях этого жреца и этой жрицы, и не вижу справедливости в тех бедах, которые причиняет борьба за этот корабль, и я бы остановил эту борьбу, если бы смог. Во-первых, я побоялся бы, что тьма станет слишком сильной и погасит эти огоньки. Во-вторых, если я когда-либо и произнес гневные слова, вызвавшие все эти беды, я не позволил бы им быть сильнее меня. Не позволил бы как человек. И тем более не позволил бы, будь я богом или богиней.

Наступило молчание, затем...

— Человек рассудил! — прошептал спокойный голос.

— Он рассудил! — струнный голос арф теперь был почти таким же холодным. — Я беру назад свое слово. Пусть борьба кончится!

Два лица исчезли. Кентон поднял голову и увидел вокруг знакомые стены розовой каюты. Все это было сном? Не все... Слишком ясными были картины, слишком последовательными, слишком убедительными.

Рядом пошевелилась Шарейн, повернулась к нему лицом.

— Что тебе снилось, Джонни? — спросила она. — Ты что-то бормотал — странные слова, которые я не могла понять.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Боюсь, сердце мое, что я оскорбил твою богиню, — сказал он.

— О, Джонни, нет! Как? — В глазах Шарейн появился ужас.

— Сказав ей правду, — ответил Кентон и рассказал Шарейн о своем видении.

— Я забыл, что она женщина, — закончил он.

— Но, любимый, она сама женственность! — воскликнула Шарейн.

— Тем хуже! — печально ответил Кентон.

Он встал, набросил плащ и пошел поговорить с Джиджи.

Но Шарейн долго после его ухода сидела, размышляя, с беспокойными глазами. Наконец она подошла к пустому алтарю, бросилась перед ним на пол и стала молиться.

28. Как кончилась борьба

— Что на корабле началось, на корабле и должно кончиться! — сказал Джиджи, кивая мудрой лысой головой, когда Кентон рассказал ему о своем видении. — Думаю, недолго нам осталось ждать.

— А потом? — спросил Кентон.

— Кто знает? — пожал широкими плечами Джиджи. — Но пока

Кланет жив, для нас покоя нет, Волк. Да, я думаю, что знаю, что означает эта сгущающаяся тень на черной палубе. Из этой тени за нами следит Кланет. По ней он следует за нами. Кожа у меня чувствительная, и она говорит мне, что черный жрец близко. Когда он появится — что ж, мы победим его или он победит нас, вот и все. И думаю, не стоит тебе рассчитывать на какую-нибудь помощь от Иштар. Помни, в твоем видении она обещала только, что кончится борьба между ее Гневной ипостасью и Темным повелителем. Ни тебе, ни Шарейн она не давала никаких обещаний — и никому из нас.

— Это было бы хорошо, — весело ответил Кентон. — Пока у меня есть возможность честно, лицом к лицу стоять перед этим порождением адских помоев Кланетом, я доволен.

— Но мне кажется, ты понял, что она не очень довольна твоими словами, — лукаво улыбнулся Джиджи.

— Но это не причина для преследований Шарейн, — ответил Кентон, возвращаясь к прежним мыслям.

— А как иначе она может наказать тебя? — зловеще спросил Джиджи, потом посерьезнел, вся его проказливость исчезла. — Нет, Волк, — сказал он и положил руку ему на плечо, — у нас мало шансов. И все же... если твое видение истинно и эти огоньки, которые ты видел, реальны, это многое значит... Только когда эти огоньки, которые есть ты и Шарейн, встретятся в бесконечном пространстве и станут одним пламенем и к ним подлетит другое пламя, которое некогда было Джиджи из Ниневии, позволите ли вы ему быть с вами? — задумчиво продолжал Джиджи.

— Джиджи, — в глазах Кентона показались слезы. — Что бы с нами ни случилось и где бы мы ни оказались, ты будешь с нами, пока сам этого хочешь.

— Хорошо! — прошептал Джиджи.

Сигурд крикнул у рулевого весла, он указывал на нос корабля. Они побежали к двери Шарейн, через ее каюту и каюту девушек на маленькую палубу под заостренным носом. На горизонте показалась линия башен и минаретов, шпилей и колоколен, небоскребов и мечетей — огромный город. С того места, где они находились, эти очертания казались слишком правильными, слишком ровными, чтобы не быть искусственными.

Город ли это? Убежище, которое они ищут? Место, где они могут остановиться, не опасаясь Кланета и его своры, пока не смогут встретить эту свору и ее хозяина на равных?

Но если это город, какие гиганты воздвигли его?

Глубже погрузились весла, корабль пошел быстрее, ближе подошел к барьеру...

Это не город!

Из глубины бирюзового моря торчали тысячи скал. Синих и жел-

тых, алых и малахитово-зеленых; скал, окрашенных охрой, и скал, вымоченных в красных красках осенних закатов. Многоцветная Венеция забытого каменного народа, вырубленная каменными титанами. В одном месте стройный минарет на двести футов возносился в воздух, при этом в толщину он едва достигал десяти; в другом пирамида размером с Хеопсову, с аккуратно отделанными сторонами, — тысячами, насколько хватал глаз, возвышались многоцветные конусы и пики, вершины и минареты, обелиски, колокольни и башни.

Прямо из глубины вздымались они, а между ними море вливалось во множество каналов, узких и широких; в одних оно текло спокойно, в других — с завихрениями, водоворотами и стремительным течением; а в некоторых местах море лежало гладкими озерами.

Викинг снова крикнул, тревожно, призывно, и сопроводил свой крик ударами меча о щит.

Чуть дальше мили сзади показалась длинная линия судов, двадцать или больше, с одним и с двумя рядами весел, — военных кораблей, которые неслись на веслах, опускавшихся и поднимавшихся со скоростью удара меча. Впереди неслась стройная черная бирема, прыгая по волнам, как охотящийся волк.

Свора Кланета во главе с черным жрецом!

Свора, незаметно для Сигурда вылетевшая из тумана; его глаза, как и глаза остальных, были устремлены на колоссальную фантазию из камня, которая казалась концом этого странного мира.

— В скалы! — закричал Кентон. — Быстрее!

— Ловушка! — закричал Сигурд.

— Не только для нас, но и для них, — ответил Кентон. — По крайней мере в скалах они не смогут окружить нас своими кораблями.

— Единственный шанс! — согласился Джиджи.

Рабы согнули спины; корабль летел по широкому проливу меж двух монолитных раскрашенных минаретов. За ними слышались крики — лай голодных псов при виде добычи.

Теперь они плыли среди скал. Гребцам приходилось работать медленно, и требовалось все искусство викинга, потому что их поворачивало течением, разворачивало то носом, то кормой, а рядом возвышались угрожающие скалы. Поворачиваясь, уклоняясь, они продвигались все вперед и вперед, пока открытого моря сзади совсем не стало видно. Но теперь и Кланет со своей сворой углубился в лабиринт. Они слышали скрип весел, команды кормчих, их искали, выслеживали.

Неожиданно, будто отрезанный, исчез свет, наступила тьма. Тьма закрыла канал, по которому они плыли, закрыла скалы. От преследующих кораблей донеслись сигналы рога, резкие приказы, выкрикиваемые голосами, полными страха, возгласы.

Во тьме начало разгораться пурпурное сияние.

— Нергал! — прошептала Шарейн. — Это идет Нергал!

Вся черная палуба затянулась чернильно-черным облаком, из этого облака вынырнул Сигурд и побежал к остальным.

Теперь со всех сторон горизонта к ним устремились черные столбы. Основания их находились в угрюмом море, а вершины терялись в туманной пелене над головами. И с ними приближался кладбищенский запах, дыхание смерти.

— Нергал во всей своей мощи! — задрожала Шарейн.

— Но Иштар... Иштар обещала, что борьба закончится! — простонал Кентон.

— Она не сказала, как она кончится, — причитала Шарейн. — И, о любимый, Иштар больше не приходит ко мне... вся моя сила ушла!

— Иштар! Иштар! — воскликнула она. Кентон обхватил ее руками. — Мать, мою жизнь отдаю за жизнь этого человека! Мою душу за его! Мать Иштар!..

Передние ряды кружащихся столбов теперь были совсем близко; пространство между ними и кораблем быстро сужалось. Как эхо возгласов Шарейн, сверкнула молния, жемчужно-белая и жемчужно-розовая, она осветила их всех — Шарейн, троих мужчин, девушек-воинов, жавшихся с бледными лицами к ногам Шарейн.

Высоко над их головами, на высоте трех человеческих ростов, повис большой огненный шар, лучезарный, ясный, яркий, гораздо ярче полной луны. Из его краев полились лучи, окружили всю переднюю часть корабля, накрыли его пологом света; теперь они стояли в сияющем конусе, вершиной которого был шар.

А вокруг этого конуса кружили черные столбы, пытались прорваться, найти вход — и не находили.

Вначале далеко, потом все ближе послышались резкие крики, они становились все громче, как будто кричали адские орды, только что выпущенные из преисподней. Пурпурная тьма посветлела, стала огненно-фиолетовой. И ее пронзили бесчисленные алые огоньки.

Эти мириады огней обрушились на корабль, как маленькие огненные змейки, ударялись они о шар и о стороны сверкающего конуса, летели, как огненные стрелы, били, как копья с огненными наконечниками.

Послышался шум, шорох тысяч крыльев. Вокруг спокойного шара и конуса света вились тысячи голубей Иштар. И как только огненные змеи устремлялись вперед, навстречу им летели голуби. Как маленькие живые щиты из сверкающего серебра, встречали они удары огненных копий своей грудью.

Откуда появлялись эти голуби? Стая за стаей летели они из лунного шара, их пепел уносил ветер, но на место каждого сгоревшего появлялись десятки новых, и воздух трепетал от ударов их крыльев.

Крик взметнулся на целую октаву. Чернильное облако поднялось

над палубой — гигантское, башнеподобное, оно повисло в небе. Бесчисленные огненные острия полетели навстречу друг другу, соединились. Они превратились в алый огненный ятаган, который обрушился на сияющий шар и на корабль.

И тут же удар ятагана встретил щит из голубей. Это и в самом деле был щит, достойный рук Иштар.

И всякий раз, как ятаган наносил удар, щит отражал его. Огонь бился о серебряный щит, его живое серебро помутнело, но не было пробито. И тут же к этим ранам слетались новые тысячи голубей и залечивали их.

Ятаган потускнел. Больше его огни не казались такими яркими.

Лунный шар пульсировал, его сияние расширялось, ослепительно, ошеломляюще. Оно отгоняло тьму.

Быстро, как и появился, шар исчез.

Вместе с ним исчезли и голуби.

Кентон видел, как гигантский ятаган остановился в нерешительности, как будто страшную руку, державшую его, остановило какое-то сомнение, затем снова ударил вниз.

И на середине падения встретился с другим мечом — из ослепительно яркого света, мечом, выкованным из всех тех огней, что он видел в своем видении и которые были жизнью того сияния, что оплодотворяло бесконечные рои миров.

Алый ятаган раскололся!

И тут послышался голос — голос Иштар:

— Я победила тебя, Нергал!

И злобный ответ Нергала:

— Хитростью, Иштар! Не с тобою, а с твоей Гневной ипостасью мы вели борьбу.

И снова Иштар:

— Никакой хитрости, Нергал! Я никогда не говорила, что не буду бороться с тобой. Но я все же иду на уступки: хоть ты и потерял этот корабль, я не беру его! Корабль свободен!

И неохотно, по-прежнему огрызаясь, Нергал:

— Борьба окончена! Корабль свободен!

На одно мгновение Кентону показалось, что он видит огромное туманное лицо, которое смотрит сверху на корабль, в котором нежность всех матерей, всех любящих женщин под солнцем. Туманные глаза взглянули на Шарейн мягко, но загадочно на него...

Лицо исчезло!

И как будто прикрыли чем-то лампу, упала тьма; и как будто подняли завесу, тьма исчезла, ее место занял свет.

Корабль находился в широком канале, вокруг — фантасмагория каменных строений. Множество толстых обелисков, тускло-зеленых и ярко-зеленых, высоко поднимали свои вершины. В трех полетах стрелы

сзади вздымался пирамидальный монолит, его заостренная вершина находилась в сотнях футов в воздухе.

И из-за него выползала черная бирема Кланета!

29. Последняя битва

Вид корабля, который, как тощая борзая, стремится за ними, подействовал, как вино, на Кентона и на всех остальных.

На них все еще сказывалось впечатление только что кончившейся схватки — они лишь мошки, беспомощно танцующие в огне жизненного духа или беспомощно неподвижные в черноте отрицания жизни. Кентон все еще ощущал кладбищенский запах, прикосновение червей к глазам.

Но это — этот корабль черного жреца — это ему знакомо!

Острие меча и острие стрелы — смерть, возможно; смерть, пульсирующая, как военный барабан, горячая смерть, не менее горячая жизнь — это постижимо, это он, конечно, знает.

Он слышал золотой негодующий призыв Шарейн, рев Джиджи, крики Сигурда. И он тоже кричал — бросал вызов черному жрецу, насмехался над ним.

Стройный корабль молча сближался с ними.

— Сигурд, к рулю! — Способность рассуждать вернулась к Кентону. — Направляйся в узкий канал. Такой, в котором мы могли бы грести, а им пришлось бы поднять верхний ряд весел. Тогда наша скорость сравняется.

Северянин побежал к рулевому веслу. В трюме прозвучал свисток надсмотрщика, корабль прыгнул вперед.

Он обогнул обелиски. Бирема находилась теперь лишь в двух полетах стрелы, а они оказались в широком голубом озере, обрамленном сотнями куполов всех оттенков красного цвета. Бирюзовые протоки текли между математически точными сторонами кубов сотнями каналов, едва позволявших кораблю протиснуться и не задеть веслами берегов.

— Туда! — закричал Кентон. — В любой канал!

Корабль повернул и направился к ближайшему каналу. Сзади просвистела туча стрел с биремы — не долетели на пять длин корабля!

Огромные скалы с мечеобразными вершинами стояли по обе стороны канала, в который они вошли. На целую милю впереди простирался канал. Пройдя треть этого расстояния, они услышали плеск весел биремы, увидели, как она на одном ряде весел сворачивает за ними. По приказу Кентона весла заработали быстрее; бирема, более тяжелая, чем их корабль, стала все больше и больше отставать.

В это время Кентон и Шарейн провели быстрый совет с Джиджи и Сигурдом на корме корабля.

— Вороны слетаются! — речитативом произнес Сигурд. В глазах его загорались огоньки воинственного безумия. — Воительницы скачут из Валгаллы! Я слышу топот их коней!

— Они могут вернуться с пустыми руками! — воскликнул Кентон. — Нет, Сигурд, у нас есть еще шанс. Никто, кроме Кланета, не учуял нас. Дадим ему бой.

— Нас только семеро, а их на бireме много раз по семеро, Волк,— сказал с сомнением Джиджи, но его маленькие глазки сверкнули.

— Я больше не убегаю от черной свиньи! — горячо воскликнул Кентон. — Я устал от уклонения и укрывания. Давайте сыграем игру сейчас! А что ты думаешь, Шарейн?

— Я думаю так же, как и ты, — спокойно ответила она. — Как ты хочешь, так и будет, любимый!

— А ты, северянин? — спросил Джиджи. — Нужно решать — и быстро!

— Я с Волком, — ответил Сигурд. — Лучшей возможности не будет. В старые времена, когда я был хозяином драккара, у нас была хитрость, которую мы использовали, когда нас преследовали. Видели ли вы собаку, к которой оборачивается кошка? Хо! Хо! — захохотал Сигурд. — Быстро бежит кошка, пока ее не загонят в угол. И здесь она прячется, пока пес не пробежит мимо. И тут выпрыгивает кошка, глубоко вонзает когти, выцарапывает глаза, рвет бока. Хо! Хо! — рассмеялся он. — Мы бежим быстро, как кошка, пока не находим место, где можно затаиться. И вот, когда преследователь проплывает мимо, мы выскакиваем из засады; как собака, громко кричит он, когда мы рвем его на части! Хо! Найдем такой угол, где мы могли бы подождать, пока адская собака не проползет мимо. И тогда выпрыгнем. Дайте мне двух девушек, чтобы они защищали меня, пока я правлю кормовым веслом. А вы трое с остальными девушками стойте у самострелов, а когда я срежу их весла, выпускайте на них огненные стрелы.

— А тем временем, — спросил, сморщив лицо, Джиджи, — как насчет их стрел?

— Придется полагаться на удачу, — сказал Кентон. — Джиджи, я с Сигурдом, если только ты не предложишь лучший план.

— Нет, — ответил Джиджи. — Нет, у меня нет плана, Волк, — он приподнял свое большое тело, потряс длинными руками.

— Клянусь святыми садами и Исхаком, их хранителем! — взревел Джиджи. — Я тоже устал от бегства! Я убежал от принцессы из-за своей лысой головы — и что мне это дало? Клянусь Наззуром, поедателем сердец, клянусь Зубраном, — тут голос его смягчился, — который отдал за нас жизнь, больше я не бегу! Занимай свое место, Волк, и ты, Сигурд! Будем драться!

Он, переваливаясь, пошел от них, потом обернулся.

— Конец канала близко, — сказал он. — Шарейн, между сердцами

твоим и твоих девушек и концами их стрел только мягкие груди и тонкая ткань. Наденьте кольчуги, как наши, наденьте шлемы и ботинки с наголенниками. Я иду надеть еще одну кольчугу и взять свою булаву.

Он спустился по ступеням; Кентон кивнул и вслед за Джиджи велел Шарейн и ее девушкам снять свои одежды и надеть кольчуги, потом оделся сам.

— А после того как ты срежешь их весла — если, конечно, это удастся? — спросил он, задержавшись возле Сигурда.

— Повернем и протараним их, — ответил Сигурд. — Так мы поступали в старые дни. Наш корабль легче их галеры и может повернуть гораздо быстрее. Когда мы их протараним, вы на носу должны постараться помешать им перебраться к нам на борт. После того как галера Кланета лишится весел и будет протаранена, мы сможем рвать ее, как кошка.

Конец канала был близок, сзади, на расстоянии в полмили, двигалась бирема.

Из розовой каюты вышли Шарейн и три ее девушки — четыре стройных воина в кольчугах. Волосы их были скрыты под шлемами, кожаные ботинки и наголенники защищали ноги. Они приготовили стрелы на носу и на корме; вместе с Джиджи подготовили к стрельбе самострелы, кремень, масло, бечеву.

Корабль выплыл из канала, задержался на гребущих против движения веслах, пока Кентон и викинг осматривались. Слева и справа двумя большими арками тянулись высокие стены из сплошной красной скалы. Гладкие, неприступные, продолжаясь, они могли бы сомкнуться и образовать круг диаметром в милю или больше. Но смыкаются ли они, Кентону не было видно.

Они вздымались из воды вертикально, а в центре круга, если они действительно образовывали круг, возвышалась огромная скала; ее острая, как игла, вершина втрое превышала высоту скал, закрывая перспективу. Основанием ее был единый блок, восьмиугольный, в форме звезды. Из центра звезды расходились лучи, длинные и узкие, как титанические крылья, их края высотой в пятьдесят футов были острыми, как ножи.

— Идем налево, — сказал Сигурд. — Пусть черный пес знает, куда мы движемся.

Кентон вспрыгнул на крышу каюты, замахал оскорбительно руками, услышал ответные крики.

— Хорошо! — сказал Сигурд. — Теперь пусть придут. Здесь, Волк, мы устроим засаду. Смотри, — корабль проплывал мимо первого луча звезды, — между концами лучей и стеной едва хватит места, чтобы разойтись кораблю с галерой. Камень высок и скроет нас. Да, это место подходит! Но не здесь, не за первым лучом, мы спрячемся.

Кланет будет ожидать этого, его галера приплывет медленно и осторожно. И не за вторым — потому что он опять пойдет медленно, хотя и не так медленно, как раньше. Но, не найдя нас там, он поверит, что наша единственная мысль — убежать. Поэтому он пройдет третий луч как можно быстрее. И тут мы прыгнем на него!

— Хорошо! — ответил Кентон и спрыгнул с крыши каюты, став рядом с Шарейн и Джиджи.

Джиджи выразил одобрение и пошел еще раз проверить самострелы. Но Шарейн обвила руками шею Кентона, прижала его лицо к себе и печальными глазами смотрела на него, не могла насмотреться.

— Это конец, любимый? — прошептала она.

— Для нас не будет конца, о мое сердце, — ответил он.

Так они стояли молча, а мимо проплывал второй луч звезды. И вот они поравнялись с концом третьего, и Сигурд приказал сушить весла. И когда корабль проплыл около ста ярдов, резко развернул его. Он подозвал к себе надсмотрщика.

— Мы ударим по левому борту биремы, — сказал он. — Но я не хочу, чтобы корабль налетел на скалу. Когда я крикну, втяни левые весла. А когда мы срежем их весла и пройдем, пусть рабы опять гребут изо всех сил. Когда протараним бирему, изо всех сил гребите в обратном направлении, чтобы освободиться. Понятно?

Глаза чернокожего сверкнули, он обнажил белые зубы и побежал назад в яму.

Теперь из-за края камня послышался плеск весел, скрип такелажа. Две девушки подбежали к Сигурду и присели со стрелами наготове у прорезей высоких щитов. Напряжение охватило корабль.

— Один поцелуй, — прошептала Шарейн. Глаза ее затуманились. Губы их слились.

Ближе слышались звуки, ближе, ближе, быстрее...

Негромкий свист викинга, и гребцы согнули спины под ударами бича. Десяток гребков, и корабль, как дельфин, выпрыгнул из-за луча звезды.

Пролетел острие луча, наклонился, когда викинг резко положил кормовое весло вправо.

Впереди, на расстоянии в десять длин корабля, была бирема, летевшая вперед на четырех многосложных весельных лапах, как гигантский паук. Когда корабль вылетел из засады, шум поднялся на полной людей палубе биремы, крики, звон оружия, дикая смесь команд — и во всем этом шуме изумление.

Весла биремы остановились на середине гребка, они лежали неподвижно, едва касаясь воды.

— Быстрей! — взревел Сигурд, под свист бича он развернул корабль параллельно курсу биремы.

— Суши весла! — заревел он снова.

Нос корабля Иштар ударил весла биремы. Он прошел через них, как лезвие через щетину. Расколотые, поломанные, длинные стволы падали, задерживая корабль Иштар не больше, чем если бы были из соломы. Но на бireме те, что держали эти весла, падали со сломанными спинами и шеями от упавших на них тяжелых ударов.

И с палубы проходящего корабля прямо в ряды солдат, оцепеневших от этого неожиданного нападения, падали огненные стрелы. Свистя, как змеи, разгораясь в полете, огненные шары жгли солдат, они падали на палубу и в открытую яму, и все, что могло гореть, загоралось.

Снова на галере послышались крики — на этот раз крики ужаса.

Корабль Иштар освободился, заработали его весла. Он упрямо устремился вперед, в свободное пространство между концом луча и стеной. Здесь викинг опять быстро развернул его. И корабль полетел на бирему.

А бирема беспомощно болталась, как паук, у которого отрезали лапы, и ползла, как тот же паук, к острому, как нож, краю луча звезды. С ее палубы и из трюма поднимались небольшие столбы дыма.

Сигурд понял, в какой опасности бирема, увидел, что ее вот-вот пронзит острый каменный конец, понял, что он может загнать ее на этот конец и тем самым разрезать ее каменным ножом, уничтожить.

— Охраняйте нос! — закричал он.

И, сделав широкий разворот, направил корабль не на корму галеры, как предполагал раньше, а прямо на середину. Таран корабля ударил и глубоко вошел в бирему, нос тоже. От удара Кентон и остальные упали, вцепившись в палубу.

От удара бирема вздрогнула, наклонилась, море хлынуло через дальний борт. Весла правого борта пытались оттолкнуть ее от камня. Но галера продолжала сближаться с камнем.

Она ударилась об острый конец скалы.

Камень прорезал борт, послышался треск.

— Хо! — заревел викинг. — Тонете, крысы!

На корабль обрушился дождь стрел. Они свистели вокруг Кентона, пытавшегося встать. Втыкались в палубу, падали в трюм. Прежде чем гребцы могли начать грести обратно, высвободить корабль, они падали, пронзенные стрелами.

На нос корабля упал десяток крючьев, намертво прикрепив его к тонущей бireме. По веревкам заскользили мечники.

— Назад! Ко мне! — закричал Сигурд.

Бирема задрожала, ее нос опустился, скользнул по скале на десять или больше футов, на палубу хлынула вода. В море плыло множество голов солдат, их уносило в сторону, они плыли к кораблю. На палубе биремы готовились перейти на борт корабля.

— Назад! — закричал Кентон.

Он схватил Шарейн за руку, они побежали, наклонив головы; с места рулевого в поток солдат, приближающихся к розовой каюте, полетели стрелы Сигурда и девушек.

Бирема опустилась еще ниже, нос ее уже был под водой, но ее держал таран корабля. И этот таран резко опустился вместе с биремой. Палуба корабля наклонилась. Кентон упал, увлекая за собой Шарейн. Он мельком видел людей, прыгавших с биремы в море, плывущих к кораблю.

Он поднялся на ноги, когда солдаты наступали на нос. Мимо него пробежал Джиджи, размахивая своей булавой. Кентон побежал рядом с ним, около него — Шарейн.

— Назад! Назад к Сигурду! — выкрикнул ниневит; его булава колотила солдат, как цеп в жатву.

— Поздно! — воскликнула Шарейн.

Поздно!

По цепям взбирались солдаты, поднимались из моря, срывали щиты.

С биремы донесся вой, страшный, звериный. При этом звуке даже солдаты замерли, булава Джиджи застыла в воздухе.

На палубу корабля Иштар прыгнул черный жрец!

Бледные глаза полны адским пламенем, рот — квадратное отверстие, из которого кричит черная ненависть; он прорвался сквозь мечников, увернулся от булавы Джиджи и бросился на Кентона.

Но Кентон был готов.

Сверкнуло синее лезвие и встретило удар меча черного жреца. Но меч Кланета оказался быстрее; отдернув его, жрец нанес удар в старую рану на боку.

Кентон пошатнулся, оружие едва не выпало из его рук.

С торжествующим криком Кланет нанес смертельный удар.

Но прежде чем он смог опуститься, между Кентоном и Кланетом оказалась Шарейн, она отразила удар жреца своим мечом.

Взметнулась левая рука черного жреца с зажатым в ней кинжалом. Он глубоко погрузил кинжал в грудь Шарейн.

Весь мир красным пламенем вспыхнул перед глазами Кентона, и это пламя не оставило ничего, кроме лица Кланета. Прежде чем жрец смог шевельнуться, быстрее молнии ударил Кентон.

Его меч разрубил лицо Кланета, оставив на месте щеки и челюсти красное пятно, и прорубил наполовину плечо.

Меч черного жреца звякнул о палубу.

Меч Кентона взлетел вновь — и ударил по шее.

Голова Кланета соскочила с плеч, покатилась к борту и упала в море. Еще мгновение громоздкое тело стояло, из шеи потоком била кровь. Затем тело повалилось.

Но Кентон больше не обращал внимания ни на него, ни на людей с биремы. Он склонился к Шарейн, поднял ее.

— Любимая! — звал он и целовал бледные губы, закрытые глаза. — Вернись ко мне!

Глаза ее открылись, нежные руки попытались приласкать его.

— Любимый! — прошептала Шарейн. — Я... не могу... я буду... ждать... — Голова ее упала на грудь.

* * *

Кентон, держа в руках мертвую возлюбленную, осмотрелся. Вокруг него стояли те, кто уцелел из экипажа биремы, они молчали, не двигаясь.

— Сигурд! — крикнул он, не обращая на них внимания. Там, где сражался викинг, лежала лишь груда тел.

— Джиджи! — прошептал Кентон.

Джиджи не было! Там, где он вращал своей булавой, была гора трупов.

— Шарейн! Джиджи! Сигурд! — Кентон всхлипнул. —Умерли! Все умерли!

Корабль накренился, дрогнул. Кентон сделал шаг вперед, держа в руках тело Шарейн.

Прозвенел лук, стрела попала ему в бок.

Неважно... пусть его убьют... Шарейн умерла... и Джиджи...

Но почему он больше не чувствует тело Шарейн в своих руках?

И куда исчезли солдаты?

Где корабль?

Вокруг него ничего нет, только тьма — тьма и ревущая буря, которая несет его куда-то в далекое пространство.

Сквозь эту тьму, ища Шарейн, пытаясь нащупать ее руками, летел Кентон.

Качаясь, плача от горя и слабости, он открыл глаза...

Он был в своей старой комнате!

30. Корабль уходит

Кентон стоял в оцепенении, комнату он почти не видел, ее скрывали мелькающие картины недавней битвы. Часы ударили трижды.

Три часа! Конечно... в этом мире есть время... не то что в мире корабля...

Корабль!

Он, шатаясь, добрался до сияющей загадки, которая дала ему все, чего он желал в жизни, — и в конце концов все отняла.

Шарейн!

Вот она лежит... на белой палубе... рядом со спуском в трюм...

блестящая игрушка, драгоценная кукла с рукоятью крошечного кинжала в груди...

Шарейн, в которой для него была вся радость, вся сладость, все, что может дать жизнь.

Безголовая кукла рядом с ней...

Кланет!

Он посмотрел на черную палубу — но где же все мертвые? У рулевого весла лежали три куколки, одна из них светловолосая, в избитых доспехах... Сигурд и две девушки, сражавшиеся рядом с ним. Но где же солдаты, которых они убили?

А за безголовым телом черного жреца лежал... Джиджи! Джиджи со своей булавой в руках, с подогнутыми короткими ногами. Убитые им — тоже исчезли!

Джиджи! Рука Кентона, оставив Шарейн, погладила его.

Он почувствовал жгучую боль в боку. Упал на колени. Рукой нащупал оперенный конец. Стрела! И вдруг он понял, что жизнь его подходит к концу.

Под его другой рукой корабль задрожал. Он смотрел на него, изумленный. В этот краткий момент нос корабля исчез, растаял — и с ним розовая каюта.

Кентон содрогнулся. Вслед за розовой каютой исчезла черная палуба, вместе с ней — Джиджи.

— Шарейн! — закричал он и крепко сжал куклу. — Любимая!

Корабль разрушался, исчезал, за Шарейн остался только дюйм палубы.

— Шарейн! — завопил Кентон, и слуги в доме проснулись от этого душераздирающего вопля и заторопились к двери.

Из последних сил он сжал пальцы, вырвал игрушку... она высвободилась... она в его руках... он поднес ее к губам...

Теперь ничего не осталось от корабля, только продолговатое основание из лазуритовых волн.

Он знал, что это означает. В глубины странного моря того необычного мира погружалась бирема, а вместе с нею и корабль Иштар. Как живет символ, так живет и корабль — и как живет корабль, так живет и символ.

В дверь застучали, послышались крики. Он не обратил на них внимания.

— Шарейн! — услышали слуги крик, но теперь в этом крике звучала радость.

Кентон упал, поднеся игрушечную женщину к губам, сжимая ее костенеющими пальцами.

Исчезло и основание из волн. На том месте, где находился корабль, что-то зашевелилось и приобрело форму... большой теневой птицы

с серебряными крыльями и грудью, с алыми лапками и клювом. Она взлетела. Повисла над Кентоном.

Голубь Иштар.

Повисла — и исчезла.

Дверь упала; слуги через порог вглядывались в темную комнату.

— Мистер Джон! — дрожащим голосом позвал старый Джевинс. Ответа не было.

— Тут кто-то есть — на полу. Зажгите свет! — прошептал один из них.

Загорелось электричество и осветило тело, лежавшее лицом вниз на окровавленном ковре, тело в избитой и порванной кольчуге алого цвета, в боку торчит стрела, на одной сильной руке широкий золотой браслет. Они отступили от тела, глядя друг на друга испуганными, удивленными глазами.

Один из них, смелее остальных, осторожно приблизился, перевернул тело.

Мертвое лицо Кентона улыбалось им, на нем были мир и великое счастье.

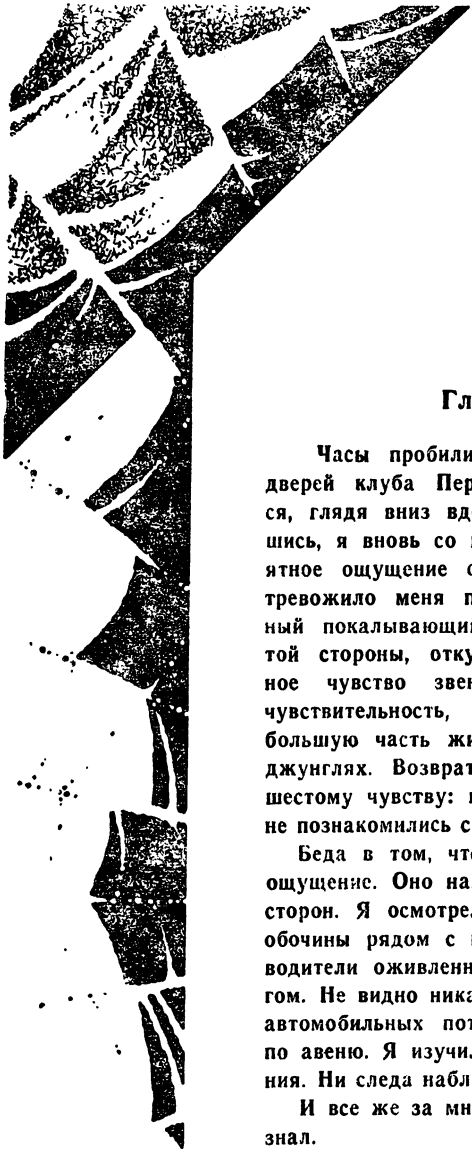
— Мистер Джон! — заплакал старый Джевинс и, наклонившись, положил его голову себе на колени.

— Что это у него в руке? — прошептал слуга. Сжатая рука Кентона была поднесена к губам. С трудом они разжали неподвижные пальцы.

Но рука Кентона была... пуста.

СЕМЬ ШАГОВ К САТАНЕ

Детективно-фантастический роман



Глава первая

Часы пробили восемь, когда я вышел из дверей клуба Первооткрывателей и остановился, глядя вниз вдоль Пятой авеню. Остановившись, я вновь со всей силой испытал то неприятное ощущение слежки, которое удивляло и тревожило меня последние две недели. Странный покалывающий холод где-то под кожей с той стороны, откуда следят; какое-то необычное чувство звенящего напряжения. Особая чувствительность, присущая людям, которые большую часть жизни провели в пустыне или джунглях. Возврат к какому-то примитивному шестому чувству: все дикари обладали им, пока не познакомились с напитками белых людей.

Беда в том, что я не мог локализовать это ощущение. Оно накатывалось на меня со всех сторон. Я осмотрел улицу. Три такси стояли у обочины рядом с клубом. Они не заняты, а их водители оживленно разговаривают друг с другом. Не видно никаких зевак. Два стремительных автомобильных потока двигались вверх и вниз по авеню. Я изучил окна противоположного здания. Ни следа наблюдателей.

И все же за мной внимательно следили. Я это знал.

Сознание это приходило ко мне за последние две недели в разных местах. Время от времени я чувствовал присутствие невидимых наблюдате-

лей в музее, куда я пришел взглянуть на юнаньские нефриты: именно я дал возможность старому богачу Рокбилту поместить их здесь, что заметно усилило его репутацию филантропа; чувство это приходило ко мне в театре и во время верховой прогулки по парку; в брокерской конторе, где я следил за тем, как деньги, принесенные мне нефритами, превращаются в ничто в игре, о которой я — приходится это признать — знал меньше, чем ничего. Я чувствовал слежку на улицах, но этого следовало ожидать. Но я чувствовал ее и в клубе, а вот этого ожидать было нельзя, и это больше всего меня беспокоило.

Да, я находился под непрерывным наблюдением. Но почему?

Сегодня вечером я решил это узнать.

От прикосновения к плечу я подпрыгнул и сунул руку под пальто, где у меня висел пистолет. И тут же понял, как сильно загадка подействовала мне на нервы. Повернувшись, я чуть глуповато улыбнулся огромному Ларсу Торвальдсену, который всего несколько дней назад вернулся в Нью-Йорк после двухлетнего пребывания в Антарктиде.

— Нервничаешь, Джим? — спросил он. — В чем дело? Заложил за галстук?

— Ничего подобного, Ларс, — ответил я. — Думаю, просто слишком много города. Постоянный шум и движение. И слишком много людей, — добавил я с искренностью, о которой он и не подозревал.

— Боже! — воскликнул он. — А по мне так это хорошо! Я этим объедаюсь после двух лет одиночества. Но, наверно, через месяц-другой буду испытывать то же самое. Я слышал, ты скоро снова в путь. Куда на этот раз? Обратно в Китай?

Я покачал головой. Не хотелось говорить Ларсу, что направление, в котором я двинусь, целиком определяется тем, что мне подвернется за время, пока я потрачу шестьдесят пять долларов в бумажнике и семь двадцатипятицентовиков и два десятицентовика в кармане.

— У тебя что, неприятности, Джим? — Он более внимательно посмотрел на меня. — Если да, я был бы рад... помочь.

Я опять покачал головой. Все знали, что старый Рокбилт был необыкновенно щедр из-за этих дьявольских нефритов. У меня своя гордость, и хотя меня потрясло мгновенное исчезновение золотого запаса, который я рассчитывал превратить в барьер перед любыми заботами на всю оставшуюся жизнь, чтобы быть независимым от любых случайностей, я все же не собирался рассказывать Ларсу о своей глупости. К тому же дела вовсе не так безнадежны, и я не бездомный бродяга в Нью-Йорке. Что-нибудь подвернется.

— Подожди меня, — сказал он, когда кто-то окликнул его из клуба.

Но я не стал ждать. Еще меньше, чем о своей неудачной игре,

хотелось мне рассказывать ему о моих наблюдателях. Я пошел по улице.

Кто же следит за мной? И зачем? Кто-нибудь из Китая идет за мной с той самой древней гробницы, где я добыл сокровища? Ки Ванг, конечно, разбойник, хотя и получил хорошее образование, но он не стал бы посылать за мной шпионов. Нашу — скажем так — сделку, хоть и необычную, он считал завершившейся, несмотря на свой проигрыш. Каким бы бесчестным он ни был в картах, это не тот человек, который нарушает свое слово. В этом я уверен. К тому же он не стал бы так долго медлить перед ударом. Нет, это не люди Ки Ванга.

Был также этот липовый арест в Париже, который должен был устранить меня на несколько часов; об этом свидетельствовало состояние комнаты и багажа, когда я вернулся. Вернулся, несомненно, намного раньше, чем предполагали воры, так как быстро раскрыл подлог; свое внезапное появление я, несмотря на болезненный ножевой порез, вспоминал с удовольствием: у одного из моих караульных была сломана шея, а у другого голова мало о чем сможет думать в ближайшие несколько месяцев. Была и вторая попытка: автомобиль, в котором я ехал на пароход, задержали между Парижем и Гавром. Попытка могла бы быть успешной, если бы броши с нефритами не были упакованы в багаж знакомого, который добирался к тому же пароходу на обычном поезде; кстати, он считал, что везет старинную посуду; будто бы я не доверяю ее возможным толчкам быстрого автомобильного путешествия, на которое загадочное происшествие в день отплытия обрекло меня.

Принадлежат ли наблюдатели к той же банде? Они должны знать, что теперь нефриты не у меня, они в безопасности в музее. Я больше не представляю интереса для этих разочарованных господ, если, конечно, они не хотят отомстить. Но это никак не объясняет постоянное, вкрадчивое, терпеливое наблюдение. И почему они не ударили раньше? У них была для этого масса возможностей.

Что ж, кем бы ни были наблюдатели, я решил дать им возможность добраться до меня. Я заплатил по всем счетам. Шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов в кармане составляли все мое земное богатство, но никаких долгов у меня не было. В какой бы неизвестный порт я ни направлялся с обломанным рангоутом и опустошенными палубами, за мной не оставалось невыполненных обещаний.

Да, я решил выманить врага, если это враг, из укрытия. Я даже выбрал место, где это должно произойти.

Во всем Нью-Йорке самое уединенное место в восемь часов октябрьского вечера, впрочем, как и любого другого, то, которое днем наиболее людно. Нижняя часть Бродвея, лишившаяся дневных орд, его каньоноподобные стены молчаливы, а пересекающие меньшие каньоны

более пусты и тихи, чем их дикие собратья. Именно туда я собрался идти.

Когда я сворачивал на Пятую авеню от клуба Первооткрывателей, мимо прошел человек, чья походка и осанка, фигура и одежда показались мне странно знакомыми.

Я остановился, глядя, как он неторопливо поднимается по ступеням клуба.

Затем, странно обеспокоенный, пошел дальше. Что-то необыкновенно знакомое, пугающе знакомое было в этом человеке. Что это? Направляясь к Бродвею, я продолжал ощущать присутствие наблюдателей.

Но только дойдя до городской ратуши, понял, что мне показалось таким знакомым. Осознание это вызвало нечто вроде шока.

В походке и осанке, в фигуре и одежде — от легкого коричневого пальто и мягкой серой шляпы до крепкой малаккской трости — этот человек был — мной!

Глава вторая

Я остановился. Естественней всего предположить, конечно, что сходство случайно; случайность крайне редкая, но все же случайность. В Нью-Йорке не менее пятидесяти человек, которых можно принять за меня — если не приглядываться. Но шансы на то, чтобы похожий на меня человек в данный момент был точно так же одет, почти равны нулю. Однако это возможно. Что еще можно предположить? Зачем кому-то сознательно копировать меня?

Но, с другой стороны, зачем кому-то наблюдать за мной?

Я остановился в нерешительности: не сесть ли в такси и не вернуться ли в клуб? Разум шептал мне, что видел я незнакомца лишь мгновение, что, возможно, меня обманула игра света и тени, что сходство — лишь иллюзия. Выругав свои натянутые нервы, я пошел дальше.

Миновав Кортленд-стрит, я стал встречать все меньше и меньше пешеходов. Церковь Святой Троицы напоминала деревенскую часовню. Молчаливые утесы зданий многочисленных контор окружили меня, я почувствовал удушающее давление: здания как будто спали и во сне раскачивались; их бесчисленные окна походили на ослепшие глаза. Но если они и были слепы, то другие глаза, ни на мгновение не отрывавшиеся от меня, вовсе не были слепы. Их взгляд становился более пристальным, более напряженным.

И вот уже никого вокруг. Ни полицейского, ни даже вахтера. Я знал, что вахтеры сидят внутри огромных каменных крепостей капитала. Я задерживался на углах, давая наблюдателям возможность выйти, невидимому стать видимым. И по-прежнему не видел никого. И по-прежнему чьи-то взгляды не отрывались от меня.

С чувством некоторого разочарования я дошел до конца Бродвея и взглянул на Баттери-парк. Он был безлюден. Я подошел к стене гавани и сел на скамью. Паром, устремившийся к Стейтен-Айленду, напоминал большого золотистого водяного жука. Полная луна проливала поток дрожащего серебряного огня на волны. Было очень тихо — так тихо, что я слышал отдаленный звон колоколов Святой Троицы — прозвонили девять часов.

Я ничего не слышал, но неожиданно понял, что рядом со мной кто-то сидит. Приятный голос попросил прикурить. В огне спички, поднесенной к сигарете, я увидел смуглое аскетическое лицо, гладко выбритое, рот и глаза добрые, причем глаза слегка водянистые, как от напряженной работы. Рука, держащая спичку, длинная, стройная и хорошо ухоженная. Она производила впечатление необычной силы — рука хирурга или скульптора. Несомненно, профессионал, заключил я. Эту мысль подтверждали плащ-накидка и мягкая темная шляпа. Широкие плечи под плащом соответствовали впечатлению необычной физической силы.

— Прекрасная ночь, сэр, — он отшвырнул спичку. — Ночь приключений. А за нами город, в котором возможны любые приключения.

Я посмотрел на него внимательнее. Странное замечание, особенно если учесть, что я, несомненно, вышел сегодня в поисках приключений. Но что в конце концов в этом странного? Может, во мне говорит преувеличенная подозрительность? Он не мог знать, что привело меня в это молчаливое место. Добрые глаза и лицо заставили немедленно отказаться от этой мысли. Какой-нибудь ученый, может быть, благодарный парку за его тишину.

— Вон тот паром, — он указал на гавань, очевидно, не подозревая, что я его изучаю. — Сокровище потенциальных приключений. В нем молчащие Александры, безвестные Цезари и Наполеоны, незавершенные Язоны — и каждый почти готов отвоевать золотое руно, — да, и несовершившиеся Елены и Клеопатры, и не хватает мелочи, чтобы завершить их и отправить завоевывать мир.

— Какое счастье для мира, что они не завершены, — рассмеялся я. — Сколько времени прошло бы до того, как все эти Цезари, Наполеоны и прочие вцепились бы друг другу в глотки и мир запылал в огне?

— Нисколько, — серьезно ответил он. — Нисколько, если бы они находились под контролем воли и интеллекта большего, чем сумма их воль и интеллектов. Мозг более мощный, чем все они в совокупности, разум, планирующий за них, воля более сильная, чем их воля, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг.

— В результате, сэр, — возразил я, — появятся не суперпираты, су-

перпреступники и суперкуртизанки, о которых вы говорили, а суперрабы.

— Меньше рабы, чем любые другие в истории, — ответил он. — Персонажи, которые я назвал в качестве типичных, всегда находились под контролем провидения — или Бога, если вы предпочитаете этот термин. Воля и интеллект, о которых я говорю, будут действовать эффективнее, они размещены в человеческом черепе благодаря ошибке слепой судьбы или Бога, который, разумеется, если он существует, должен наблюдать за множеством миров и у него нет возможности слишком внимательно следить за каждым индивидуумом, населяющим эти бесчисленные миры. Нет, мозг, о котором я говорю, будет использовать таланты своих слуг наиболее полно и не тратить их зря. Он будет достойно и справедливо награждать их, а когда накажет — наказание будет справедливым. Он не будет рассеивать тысячи семян по воле случая, так что лишь немногие найдут плодородную почву и прорастут. Он будет отбирать немногих, подбирать им почву и следить, чтобы ничто не мешало им расти.

— Такой мозг был бы больше судьбы или, если вы предпочитаете этот термин, Бога, — сказал я. — Повторяю: это кажется мне сверхрабством. Как хорошо для мира, что такой мозг не существует!

— Да, — он задумчиво затянулся, — но, видите ли, он существует.

— Неужели? — Я пытался сообразить, не шутит ли он. — И где же?

— Это вы скоро узнаете... мистер Киркхем, — холодно ответил он.

— Вы меня знаете! — На какое-то мгновение я подумал, что ослышался.

— Очень хорошо, — ответил он. — И тот мозг, в чьем существовании вы сомневаетесь, знает о вас — все, что необходимо знать. Он призывает вас. Идемте, Киркхем, пора!

Вот оно что! Итак, я встретил того, кого искал. Они — кем бы они ни были — наконец выступили в открытую.

— Минутку, — я чувствовал, как при звуках этого высокомерного голоса, который только что казался мне таким вежливым, во мне просыпается гнев. — Кем или чем бы ни был пославший вас, ни он, ни вы не знаете меня так, как думаете. Позвольте сказать вам, что я не иду никуда, если не знаю, куда иду, и встречаюсь лишь с теми, с кем хочу. Скажите, куда вы хотите меня отвести, к кому и зачем. Тогда я решу, ответить ли мне на то, что вы назвали... гм... призывом.

Он спокойно слушал. И вдруг рука его взметнулась и перехватила мое запястье. Я встречался со многими сильными людьми, но такого не встречал. Трость выпала из моей парализованной руки.

— Вам уже сказано все, что необходимо, — холодно ответил он. — Вы идете со мной — немедленно!

Он освободил мою руку, и я, дрожа от гнева, вскочил на ноги.

— Будьте вы прокляты! — воскликнул я. — Я иду, куда хочу и когда хочу... — И наклонился, чтобы поднять трость. В то же мгновение он обхватил меня руками.

— Вы пойдете туда, куда хочет пославший меня, и тогда, когда он этого хочет, — прошептал мой собеседник.

Я чувствовал, как его руки обшаривают меня. И не мог освободиться, как будто был котенком. Он нашел маленький автоматический пистолет у меня под левой рукой и вытащил его из кобуры. Так же быстро, как схватил, он освободил меня и сделал шаг назад.

— Идем! — приказал он.

Я стоял, глядя на него и обдумывая ситуацию. Никто и никогда не имел возможности усомниться в моей храбрости, но, на мой взгляд, храбрость не имеет ничего общего с безрассудством. Храбрость означает холодное взвешивание всех особенностей чрезвычайного происшествия, определение того, сколько времени в вашем распоряжении, и затем действия в избранном направлении с использованием всех резервов мозга, нервов и мышц. У меня не было ни малейшего сомнения, что у загадочного посыльного поблизости скрывается множество помощников. Если я брошусь на него, что мне это даст? У меня только трость. А у него мой пистолет и, вероятно, собственное оружие. Как бы я ни был силен, он показал мне, что моя сила ничто в сравнении с его. Возможно, он даже рассчитывает на мое нападение, надеется на него.

Разумеется, я могу позвать на помощь или убежать. Оба эти выхода казались мне не только нелепыми, но и — учитывая возможных сообщников — бесполезными.

Недалеко находятся станция подземки и оживленная улица. Там, в ярком свете, я буду в сравнительной безопасности — если смогу туда добраться. Я пошел через парк к Уайтхолл-стрит.

К моему удивлению, незнакомец не возразил, вообще ничего не сказал. Он спокойно шел рядом со мной. Вскоре мы вышли из Баттери, невдалеке виднелись огни станции Боулинг-Грин. Негодование и гнев мои рассеялись, их место заняла заинтересованность. Абсурдно предполагать, что кого-нибудь в Нью-Йорке можно заставить идти куда-то против его воли, когда рядом множество людей и полиция. Немыслимо быть похищенным вблизи станции метро, а если мы попадем в метро, то вообще невероятно. Почему же мой компаньон так спокойно идет рядом, с каждым шагом приближаясь к месту, где моя позиция становится неприступной?

Ведь несколько минут назад так легко было захватить меня. Или почему нельзя было подойти ко мне в клубе? Существует множество возможностей выманить меня оттуда.

Есть, по-видимому, только один ответ. Им нужна полная тайна. Схватка в парке могла привлечь внимание полиции. Попытка в клубе

могла привести к появлению очевидцев происшествия. Насколько все эти рассуждения не соответствовали действительности, мне скоро предстояло узнать.

Когда мы подошли к входу на станцию Боулинг-Грин, я увидел стоящего полицейского. Без стыда признаюсь, его вид согрел мое сердце.

— Послушайте, — сказал я своему спутнику. — Вон полицейский. Суньте пистолет мне в карман. Оставьте меня и идите своей дорогой. Если вы это сделаете, я ничего не скажу. Если не сделаете, я попрошу полисмена задержать вас. К вам применят закон Салливена, а может, и еще кое-что. Уходите незаметно и, если хотите, свяжитесь со мной в клубе Первооткрывателей. Я все забуду, и мы поговорим. Но больше не пытайтесь действовать силой, не то я выйду из себя.

Он улыбнулся мне, как ребенку, лицо и глаза снова — сама доброта. Но не ушел. Наоборот, крепко взял меня за руку и повел прямо к полицейскому. И когда мы уже были на расстоянии слышимости, заговорил громко:

— Ну, достаточно, Генри. Вы побегали немного. Я уверен, вы не хотите доставлять этому занятому полисмену новые заботы. Давайте, Генри! Будьте разумны!

Полицейский сделал шаг вперед, оглядывая нас с ног до головы. Я не знал, смеяться мне или снова сердиться. Прежде чем я смог сказать слово, человек в накидке протянул полицейскому свою карточку. Тот прочел ее, с уважением коснулся своей фуражки и спросил:

— А в чем дело, доктор?

— Простите за беспокойство, — ответил мой удивительный компаньон. — Но я попрошу вас немного помочь мне. Наш юный друг — один из моих пациентов. Он летчик, военная травма. Повредил голову в крушении во Франции и теперь считает себя Джеймсом Киркхемом, исследователем. На самом деле его зовут Генри Уолтон.

Полицейский с сомнением взглянул на меня. Я улыбнулся, уверенный в своей безопасности.

— Продолжайте, — сказал я. — Что еще я думаю?

— Вообще-то он не опасен, — незнакомец добродушно потрепал меня по плечу, — но время от времени умудряется ускользнуть от нас. Да, безвреден, но весьма изобретателен. Весь вечер убегал от нас. Я разослал своих людей на поиски. И сам нашел его в парке. В таких случаях он считает, что ему угрожает похищение. Будьте добры, выслушайте его и заверьте, что подобные вещи невозможны в Нью-Йорке. Или, если и возможны, похитители не посвящают в свои планы нью-йоркских полицейских, как я.

Я почти восхищался ловкостью его выдумки, юмористической, но терпеливой и вполне профессиональной манерой рассказа. Считая себя в безопасности, я мог позволить себе рассмеяться.

— Совершенно верно, — сказал я. — Но так уж случилось, что меня действительно зовут Джеймс Киркхем. Я никогда не слышал ни о каком Генри Уолтоне. И никогда до сегодняшнего вечера не встречал этого человека. У меня есть все основания считать, что он пытается заставить меня идти туда, куда я не собираюсь.

— Видите! — Мой компаньон многозначительно кивнул полицейскому, который, не отвечая на мою улыбку, смотрел на меня с раздражающей жалостью.

— Не волнуйтесь, — сказал он мне. — Как говорит добрый доктор, похитители не обращаются к полицейским за помощью. Вас не могут похитить в Нью-Йорке, во всяком случае не так. Идите с доктором и больше не волнуйтесь.

Пора кончать эту абсурдную историю. Я сунул руку в карман, вытащил бумажник и достал оттуда свою карточку. Добавив к ней однодва письма, я протянул их полисмену.

— Может быть, эти свидетельства заставят вас взглянуть по-другому, — сказал я.

Он взял их, внимательно прочел и с жалостью вернул мне.

— Конечно, парень, — тон его был успокаивающим. — Никакой опасности нет, говорю вам. Остановить вам такси, доктор?

Я с изумлением посмотрел на него, потом на карточку и конверты, которые он вернул мне. И не веря себе, прочел на них одно и то же.

На карточке было имя «Генри Уолтон», и каждый конверт был адресован тому же джентльмену, «находящемуся под присмотром доктора Майкла Консардайна» по адресу, в котором я узнал район самых высокооплачиваемых нью-йоркских специалистов. Да и бумажник, который я держал в руке, был не тем, с каким я начал вечернюю прогулку не более часа назад.

Я расстегнул пальто и поискал этикетку портного, на которой должно быть мое имя. Никакой этикетки не было.

Неожиданно чувство безопасности меня покинуло. Я начал понимать, что в конце концов возможно заставить меня идти туда, куда я не хочу. Даже на станции нью-йоркской подземки.

— Послушайте, — сказал я, и в голосе моем больше не было смеха, — вы допускаете большую ошибку. Я встретил этого человека несколько минут назад в Баттери-парке. Он настаивал, чтобы я шел с ним, а куда, не говорил, и встретился с человеком, имя которого не назвал. Когда я отказался, он силой обыскал меня, отобрал оружие. Во время этой борьбы, как мне теперь ясно, он подменил мой бумажник другим, в котором карточка и письма с именем Генри Уолтона вместо моего. Я требую, чтобы вы обыскали его и нашли мой бумажник, далее требую — найдете вы или нет — отвести нас с ним в отделение.

Полицейский с сомнением смотрел на меня. Моя искренность и оче-

видное здравомыслие поразили его. Ни моя внешность, ни манеры не говорили о расстроенном рассудке. С другой стороны, ласковое лицо, добрый взгляд, бросающиеся в глаза воспитанность и профессионализм человека из Баттери совсем не походили в глазах полицейского на качества похитителя.

— Я совершенно не против допроса в отделении, даже не против обыска там, — сказал человек в плаще-накидке. — Но предупреждаю вас, что возбуждение пагубно скажется на состоянии моего пациента. Впрочем... вызывайте такси...

— Не такси, — сказал я твердо. — Мы поедем в полицейской машине, в сопровождении полицейских.

— Минутку, — лицо полицейского прояснилось. — Вон идет сержант. Он решит, что делать. — Подошел сержант.

— В чем дело, Муни? — спросил он, оглядывая нас. Муни кратко обрисовал ситуацию. Сержант еще раз, более внимательно, осмотрел нас. Я улыбнулся ему весело.

— Все, что я хочу, — сказал я, — чтобы нас отвезли в отделение. В патрульной машине. Никакого такси, доктор... как вас там? О, да, доктор Консардайн. Патрульная машина, в ней несколько полицейских и доктор Консардайн рядом со мной — вот все, чего я хочу.

— Хорошо, сержант, — терпеливо сказал доктор Консардайн. — Я согласен идти. Но, как я уже предупредил полицейского Муни, это означает задержку и возбуждение, и вы должны будете нести ответственность за их воздействие на моего пациента; в конце концов его здоровье — моя главная забота. Я сказал, что он не опасен, но сегодня я отобрал у него вот это.

И он протянул сержанту автоматический пистолет.

— Под его левой рукой вы найдете кобуру, — сказал Консардайн. — Откровенно говоря, я считаю, что его нужно как можно быстрее доставить ко мне в больницу.

Сержант подошел ко мне и, отведя пальто, пощупал под левой рукой. По его лицу, когда он нащупал кобуру, я понял, что этот раунд выиграл Консардайн.

— У меня есть разрешение на оружие, — резко сказал я.

— Где оно? — спросил он.

— В бумажнике, который этот человек отобрал вместе с пистолетом, — ответил я. — Если вы его обыщете, найдете.

— О, бедный мальчик! Бедный мальчик! — пробормотал Консардайн. И таким искренним было его огорчение, что я сам чуть не почувствовал жалость к себе. Он снова заговорил с сержантом:

— Возможно, мы решим вопрос без риска поездки в отделение. Как вам уже сказал Муни, расстройство сознания моего пациента заключается в том, что он считает себя неким Джеймсом Киркхемом, живущим в клубе Первооткрывателей. Может быть, подлинный мистер

Киркхем в данный момент как раз там. Позвоните в клуб Первооткрывателей и попросите его. Если мистер Киркхем там, я думаю, это закончит дело. Если нет, поедем в отделение.

Сержант посмотрел на меня, а я, пораженный, на Консардайна.

— Если вы сможете поговорить с Джеймсом Киркхемом в клубе Первооткрывателей, — сказал я наконец, — то я Генри Уолтон.

Мы подошли к телефонной будке. Я дал сержанту номер клуба.

— Спросите Роберта, — добавил я. — Он сегодня портье.

За несколько минут до ухода я говорил с Робертом. Он и сейчас должен дежурить.

— Это Роберт? Портье? — спросил сержант, когда сняли трубку. — Мистер Киркхем в клубе? Говорит сержант полиции Доуни.

Последовала пауза. Сержант взглянул на меня.

— Послали за Киркхемом, — пробормотал он. Потом в трубку: — ...Кто это? Вы мистер Киркхем? Минутку, пожалуйста... дайте мне снова портье. Роберт? Я говорил с Киркхемом? Исследователем Киркхемом? Вы уверены? Хорошо, хорошо! Не горячитесь. Я понимаю, что вы его знаете. Дайте мне его снова. Алло, мистер Киркхем? Нет, все в порядке. Просто... чокнутый. Тут один думает, что он — это вы...

Я выхватил трубку у него из руки, прижал к уху и услышал голос:

— Не в первый раз, бедняга...

Голос был мой собственный!

Глава третья

Трубку у меня отобрали, впрочем, достаточно мягко. Сержант снова слушал. Муни держал меня за руку, человек в плаще-накидке — за другую. Я слышал, как сержант говорит:

— Да, Уолтон, Генри Уолтон, так его зовут. Простите за беспокойство, мистер Киркхем. До свиданья.

Он повесил трубку и сочувственно посмотрел на меня.

— Какая жалость! — сказал он. — Вызвать скорую, доктор?

— Нет, спасибо, — ответил Консардайн. — Это особый случай. Мания похищения очень сильна. Он будет спокойнее в окружении людей. Мы поедем подземкой. Даже если его нормальная сущность бездействует, подсознание подскажет ему, что невозможно похищение в самой середине толпы в метро. Ну, Генри, — он похлопал меня по руке, — согласитесь с этим. Вы ведь начинаете осознавать реальность, не так ли?

Я вышел из оцепенения. Человек, прошедший мимо меня на Пятой авеню. Человек, который так странно напоминал меня! Как глупо, что я не подумал об этом раньше.

— Подождите! — отчаянно воскликнул я. — В клубе самозванец. Он очень похож на меня. Я его видел.

— Ну, ну, парень, — сержант положил руку мне на плечо. — Ты ведь дал слово. И сдержишь его, я уверен. Спокойно иди с доктором.

Впервые я почувствовал безнадежность. Сеть, захватившая меня, сплетена с адской изобретательностью. Очевидно, ни одна возможность не была упущена. Я ощутил беспощадное давление. Если кто-то так заинтересован в моем... устранении, уничтожить меня будет легко. Если этот двойник может обмануть портье, знающего меня многие годы, если он без боязни разоблачения общается с моими друзьями в клубе — если он способен на все это, чего же он не сделает в моем обличье и моим именем? Кровь моя заледенела. Что это за заговор? Я должен быть устранен, чтобы двойник занял мое место в моем мире на время и совершил злодейство, которое навсегда очернит мою память? Ситуация больше не казалась забавной. Можно было ожидать самого дурного.

Но следующий этап моего подневольного путешествия — подземка. Как сказал Консардайн, ни один человек в здравом рассудке не поверит, что здесь возможно похищение. Тут легче сбежать, найти в толпе человека, который выслушает меня, создать при необходимости такие условия, чтобы мой похититель не смог удержать меня, перехитрить его каким-нибудь образом.

Во всяком случае ничего не остается, как только идти с ним. Дальнейшие обращения к полицейским бессмысленны.

— Идемте... доктор, — спокойно сказал я. Мы спустились в подземку, он продолжал держать меня за руку.

Мы миновали вход на станцию. Поезд уже ждал. Я зашел в последний вагон, Консардайн — следом за мной. Вагон был пуст. Я пошел дальше. Во втором — один или два неприметных пассажира. Но зайдя в третий вагон, я увидел в его противоположном конце с полдюжины морских пехотинцев во главе с лейтенантом. Пульс мой убыстрился. Вот возможность, которую я ищу. Я пошел прямо к ним.

Заходя в вагон, я краем глаза заметил пару, сидящую в углу у двери. Устремившись к морякам, я не обратил на нее внимания.

Но не сделал я и пяти шагов, как услышал вскрик:

— Генри! О, доктор Консардайн! Вы нашли его!

Я невольно остановился и обернулся. Ко мне бежала девушка. Обняв меня руками за шею, она снова воскликнула:

— Генри! Генри, дорогой! Слава Богу, он нашел тебя!

Карие глаза — красивее я в жизни не видел — смотрели на меня. Глубокие, нежные, в них жалость, а на краях длинных ресниц повисли слезы. Даже охваченный оцепенением, я заметил тонкую кожу, не тронутую румянами, кудрявые, шелковые, коротко подстриженные волосы под изящной маленькой шляпкой — волосы теплого бронзового оттен-

ка, слегка вздернутый нос, изысканный рот и миниатюрный заостренный подбородок. Именно такая девушка, которую в других обстоятельствах я предпочел бы встретить; в нынешней же ситуации она подействовала... смущающе.

— Ну, ну, мисс Уолтон! — Голос доктора Консардайна звучал успокаивающе. — С вашим братом теперь все в порядке!

— Довольно, Ева, не суетись. Доктор нашел его; я ведь тебе говорил, что так и будет.

Голос второго человека, сидевшего с девушкой. Примерно моего возраста, исключительно хорошо одет, лицо худое и загорелое, рот и глаза, возможно, говорят о разгульном образе жизни.

— Как вы себя чувствуете, Генри? — спросил он меня и грубовато добавил: — Ну и задали вы нам сегодня жару!

— Что за беда, Уолтер, — упрекнула его девушка, — если он в безопасности?

Я развел руки девушки и посмотрел на всех троих. Внешне абсолютно то, что они и должны представлять: известный специалист, дорогой и многоопытный, беспокоящийся о непокорном пациенте с помутившимся сознанием; привлекательная обеспокоенная сестра, поглощенная радостью от того, что ее свихнувшийся и сбежавший братец найден; верный друг, возможно, поклонник, слегка выведенный из равновесия, но все же неизменно верный и преданный, довольный тем, что беспокойства его милой кончились, и готовый ударить меня, если я снова поведу себя нехорошо. Так убедительны они были, что на мгновение я усомнился в собственной личности. На самом ли деле я Джим Киркхем? Может, я только читал о нем! Рассудок мой дрогнул от возможности, что я действительно Генри Уолтон, свихнувшийся в катастрофе во Франции.

Со значительным усилием я отверг эту идею. Пара, несомненно, ждала на станции моего появления. Но во имя всех дальновидных дьяволов, как они могли знать, что я появлюсь именно на этой станции и именно в это время?

И тут я вдруг вспомнил одну из странных фраз доктора Консардайна: «Разум, планирующий за них, воля более сильная, чем их воля, способная заставить их выполнить эти планы точно так, как их составил грандиозный мозг».

Вокруг меня сомкнулась паутина, чьи многочисленные нити держала одна хозяйская рука, и эта рука тащила меня, тащила... непреодолимо... куда... и зачем?

Я повернулся к морякам. Они смотрели на нас с интересом. Лейтенант встал, вот он направился к нам.

— Могу быть вам чем-нибудь полезен, сэр? — спросил он доктора, но глаза его были устремлены на девушку и полны восхищения. И я

понял, что не могу рассчитывать на помощь его или людей. Тем не менее ответил лейтенанту я.

— Можете. Меня зовут Джеймс Киркхем. Я живу в клубе Первооткрывателей. Не думаю, что вы мне поверите, но эти люди похищают меня...

— О, Генри, Генри! — пробормотала девушка и коснулась глаз нелепым маленьким кусочком кружев.

— Все, о чем я прошу, — продолжал я, — позвоните в клуб Первооткрывателей, когда выйдете из поезда. Спросите Ларса Торвальдсена, расскажите ему о том, что видели, и передайте, что человек в клубе, называющий себя Джеймсом Киркхемом, самозванец. Сделаете?

— О, доктор Консардайн! — всхлипнула девушка. — О бедный, бедный брат!

— Не отойдете ли со мной на минутку, лейтенант? — спросил Консардайн. И сказал, обращаясь к человеку, который назвал девушку Евой: — Уолтер, присмотрите за Генри...

Он взял лейтенанта за руку, и они прошли вперед по вагону.

— Садитесь, Генри, старина, — предложил Уолтер.

— Пожалуйста, дорогой, — сказала девушка. Держа с обеих сторон за руки, они усадили меня в кресло.

Я не сопротивлялся. Какое-то жестокое удивление, смешанное с восхищением, охватило меня. Я видел, как лейтенант и доктор о чем-то негромко разговаривают, а остальные моряки слушают их разговор. Я знал, что говорит Консардайн; лицо лейтенанта смягчилось, он и его люди поглядывали на меня с жалостью, а на девушку — с сочувствием. Лейтенант задал какой-то вопрос. Консардайн кивнул в знак согласия, и они направились к нам.

— Старина, — успокаивающе заговорил со мной лейтенант, — конечно, я выполню вашу просьбу. Мы выходим у моста, и я тут же позвоню. Клуб Первооткрывателей, вы сказали?

Все было бы прекрасно, но я знал, что он думает, будто успокаивает сумасшедшего.

Я устало кивнул.

— Расскажите это своей бабушке. Конечно, вы этого не сделаете. Но если каким-то чудесным образом искорка интеллекта осветит ваш разум сегодня вечером или хотя бы завтра, пожалуйста, позвоните, как я просил.

— О, Генри! Пожалуйста, успокойся! — умоляла девушка. Она обратила свой взор, красноречиво благодарный, к лейтенанту. — Я уверена, лейтенант выполнит свое обещание.

— Конечно, выполню, — заверил он меня и при этом полуподмигнул ей.

Я открыто рассмеялся, не смог сдержаться. Ни у одного моряка, офицера или рядового, сердце не устояло бы перед таким взглядом —

таким умоляющим, таким благодарным, таким задумчиво-признательным.

— Ну, ладно, лейтенант, — сказал я. — Я вас нисколько не виню. Я сам бился об заклад, что невозможно похитить человека в Нью-Йорке на глазах у полицейских. Но я проиграл. Потом я готов был спорить, что нельзя похитить в вагоне метро. И опять проиграл. Тем не менее если вы все-таки будете гадать, сумасшедший я или нет, воспользуйтесь возможностью и позвоните в клуб.

— О, брат! — выдохнула Ева и снова заплакала.

Я сел в кресло, ожидая другой возможности. Девушка держала меня за руку, время от времени взглядывая на лейтенанта. Консардайн сел справа от меня. Уолтер — рядом с Евой.

У Бруклинского моста моряки вышли, неоднократно оглядываясь на нас. Я сардонически отсалютовал лейтенанту; девушка послала ему прекрасную благодарную улыбку. Если что-то еще нужно было, чтобы он забыл о моей просьбе, то именно это.

На мосту в вагон вошло много народу. Я с надеждой смотрел на рассаживавшихся в креслах пассажиров. Но по мере того как я разглядывал их лица, надежда гасла. С печалью я понял, что старик Вандербильт ошибался, сказав: «Проклятая толпа». Нужно было сказать: «Тупая толпа».

Здесь была еврейская делегация в полдюжины человек на своем пути домой в Бронкс, запоздавшая стенографистка, которая тут же принялась красить губы, три кроликолицых юных хулигана, итальянка с четырьмя неугомонными детьми, почтенный старый джентльмен, подозрительно глядевший на возню детей, хорошо одетый негр, мужчина средних лет и приятной наружности с женщиной, которая могла бы быть школьной учительницей, две хихикающие девчонки, которые тут же принялись флиртовать с хулиганами, три возможных клерка и примерно с дюжину других неприметных слабоумных. Типичное население вагона нью-йоркской подземки. Взгляд направо и налево привел меня к выводу, что о богатом интеллекте тут говорить не приходится.

Бессмысленно обращаться к этим людям. Мои три охранника намного опережали тут всех в сером веществе и в изобретательности. Они любую мою попытку сделают неудавшейся раньше, чем я кончу. Но все же я должен попытаться, чтобы кто-нибудь позвонил в клуб. У кого-нибудь может быть развито любопытство, и он в конце концов позвонит. Я устремил взгляд на почтенного старого джентльмена — он похож на человека, который не успокоится, пока не выяснит, в чем дело.

И только я собрался открыть рот и заговорить, девушка потрепала меня по руке и наклонилась к человеку в накидке.

— Доктор, — голос ее звучал четко и был слышен по всему ваго-

ну. — Доктор, Генри намного лучше. Можно, я дам ему — вы знаете что?

— Прекрасная мысль, мисс Уолтон, — ответил тот. — Дайте ему ее.

Девушка сунула руку в свое длинное, спортивного кроя пальто и вытащила небольшой сверток.

— Вот, Генри, — она протянула сверток мне. — Вот твой дружок, ему было так одиноко без тебя.

Автоматически я взял сверток и развернул его.

В моих руках была грязная, отвратительная, старая тряпичная кукла.

Я тупо смотрел на нее и начал понимать всю дьявольскую изощренность подготовленной мне ловушки. В самой смехотворности этой куклы был какой-то ужас. И после слов девушки весь вагон смотрел на меня. Я видел, как пожилой джентльмен, как бы не веря своим глазам, смотрел на меня над стеклами очков, видел, как Консардайн поймал его взгляд и многозначительно постучал себя по лбу — и все это видели. Грубый смех негра внезапно стих. Группа евреев застыла и смотрела на меня; стенографистка уронила свою косметичку; итальянские дети очарованно уставились на куклу. Пара средних лет смущенно отвела взгляд.

Я вдруг осознал, что стою, сжимая куклу в руках, как будто боюсь, что у меня ее отберут.

— Дьявол! — выругался я и собрался швырнуть куклу на пол.

И понял, что дальнейшее сопротивление, дальнейшая борьба бессмысленны.

Игра против меня была продумана с начала и до конца. Я вполне могу сдаваться. И пойду, как и сказал Консардайн, туда, куда хочет «грандиозный мозг», хочу я того или не хочу. И тогда, когда ему нужно. То есть сейчас.

Что ж, они достаточно долго играли мною. Придется поднять руки, но, садясь обратно, я решил получить маленькое развлечение.

Я сел и сунул куклу в верхний карман пальто, откуда нелепо торчала ее голова. Пожилой джентльмен издавал сочувствующие звуки и понимающе кивал Консардайну. Один из кроликолицых юношей сказал: «Чокнутый», и девчонки нервно захихикали. Негр торопливо встал и отправился в соседний вагон. Один из итальянских мальчишек заныл, указывая на куклу: «Дай мне».

Я взял руку девушки в свои.

— Ева, дорогая, — сказал я, так же громко и отчетливо, как и она, — ты знаешь, я убежал из-за этого Уолтера. Он мне не нравится.

Я обнял ее за талию.

— Уолтер, — склонился я над нею, — человек, который только что вышел из тюрьмы, где отбывал заслуженное наказание, недостоин моей Евы. Хоть я и сумасшедший, вы знаете, что я прав.

Пожилой джентльмен прервал свое раздражающее причмокиванье и вздрогнул. Все остальные в вагоне, подобно ему, перенесли свое внимание на Уолтера. Я почувствовал удовлетворение, видя, как он медленно краснеет.

— Доктор Консардайн, — обратился я к нему, — как медик, вы знакомы с клеймом, я имею в виду признаки прирожденного преступника. Посмотрите на Уолтера. Глаза маленькие и слишком близко посаженные, рот расслаблен из-за дурных привычек, недоразвитые мочки ушей. Если меня нельзя выпускать на свободу, то его тем более, не правда ли, доктор?

Теперь все в вагоне рассматривали то, на что я указывал, и взвешивали мои слова. И все это было почти правдой. Лицо Уолтера приобрело кирпично-красный цвет. Консардайн невозмутимо смотрел на меня.

— Нет, — продолжал я, — он вовсе тебя не достоин, Ева.

Я тесно прижал к себе девушку. Это мне начинало нравиться — она была чудо как хороша.

— Ева! — воскликнул я. — Мы так долго не виделись, а ты меня даже не поцеловала!

Я приподнял ее подбородок — и — да, поцеловал ее. Поцеловал крепко и совсем не по-братски. Слышал, как негромко выругался Уолтер. Как это воспринял Консардайн, не могу судить. Да мне было и все равно — рот у Евы удивительно сладкий.

Я поцеловал ее снова и снова — под гогот хулиганов, хихиканье девиц и восклицания пришедшего в ужас пожилого джентльмена.

Лицо девушки, покрасневшее при первом поцелуе, теперь побледнело. Она не сопротивлялась, но между поцелуями я слышал ее шепот:

— Вы заплатите за это! О, как вы заплатите!

Я рассмеялся и отпустил ее. Больше я не беспокоился. Пойду за доктором Консардайном, даже если он этого не захочет, — пока она идет с нами.

— Генри, — его голос прервал мои мысли. — Идемте. Вот и наша станция.

Поезд подходил к станции «Четырнадцатая авеню». Консардайн встал. Взглядом дал сигнал девушке. Опустив глаза, она взяла меня за руку. Рука ее была ледяной. Продолжая смеяться, я тоже встал. Между девушкой и Консардайном — Уолтер шел за нами — я вышел на платформу и поднялся на улицу. Однажды я оглянулся, и сердце мое согрелось при виде выражения лица Уолтера. Во всяком случае это было туше для них двоих — и в их собственной игре.

Шофер в ливрее стоял у подножия ступеней. Он бросил на меня быстрый любопытный взгляд и приветствовал Консардайна.

— Сюда, Киркхем! — коротко сказал тот.

Итак, я снова Киркхем. И что бы это значило?

Мощная машина стояла у обочины. Консардайн показал на нее. По-прежнему крепко держа Еву за руку, я сел и увлек ее за собой. Уолтер сел впереди, Консардайн за ним. Шофер закрыл дверцу. В машине был еще один человек в ливрее. Автомобиль двинулся.

Консардайн коснулся рычажка, и окна затянулись занавесом. Нас окружила полутьма.

И как только он это сделал, Ева вырвала у меня руку, ударила меня по губам и, сжавшись в углу, молча заплакала.

Глава четвертая

Машина, дорогая европейская модель, быстро и ровно прошла Пятую авеню и повернула на север. Консардайн тронул другой рычажок, и непрозрачный занавес отделил нас от шофера. Тускло загорелась скрытая лампа. В ее свете я заметил, что девушка восстановила душевное равновесие. Она рассматривала носки своих изящных узких туфелек. Уолтер достал портсигар. Я последовал его примеру.

— Не возражаете, Ева? — заботливо спросил я.

Она не посмотрела на меня и не ответила. Уолтер с ледяным выражением уставился куда-то надо мной. Я закурил и сосредоточился на нашем курсе. Часы мои показывали без четверти десять.

Сквозь тщательно закрытые окна ничего не было видно. По остановкам движения я знал, что мы все еще на авеню. Затем машина начала серию поворотов и возвратов, как будто двигалась по боковым улицам. Однажды мне показалось, что она сделала полный круг. Я потерял всякое ощущение направления, что, несомненно, и было целью подобных перемещений.

В десять пятнадцать машина резко увеличила скорость, и я решил, что мы миновали район с напряженным движением. Скоро через вентиляцию донесся порыв свежего прохладного воздуха. Должно быть, мы в Вестчестере или на Лонг-Айленде. Точнее я сказать не мог.

Ровно в одиннадцать двадцать машина остановилась. После короткой паузы мы двинулись дальше. Я слышал за нами звон тяжелых металлических ворот. Минут десять мы двигались очень быстро, потом опять остановились. Консардайн очнулся от раздумья и раскрыл занавеси. Шофер открыл дверцу. Ева вышла, за ней Уолтер.

— Ну, вот мы и на месте, мистер Киркхем, — вежливо сказал Консардайн. Он был похож на гостеприимного хозяина, приведшего домой трижды желанного гостя, а не человека, которого он похитил при помощи возмутительных хитростей и лжи.

Я выпрыгнул из машины. При свете луны, водянистой, как глаза алкоголика, и предвещавшей шторм, я увидел огромное здание, похо-

жее на замок, перенесенный с берегов Луары. В крыльях и башенках здания ярко сверкали огни. Девушка и Уолтер входили в его двери. Я осмотрелся. Нигде, кроме здания, не видно было огней. У меня сложилось впечатление отдаленности и обширного, заросшего деревьями пространства, окружающего это место и гарантирующего его изоляцию.

Консардайн взял меня за руку, и мы миновали вход. По обе его стороны стояли два высоких лакея. Проходя мимо, я решил, что это арабы, оба необыкновенно мощные. Но оказавшись в большом зале, я остановился и невольно издал восхищенное восклицание. Как будто из лучших сокровищ средневековой Франции было отобрано все самое лучшее и собрано здесь. Длинные галереи, на трети расстояния до высокого сводчатого потолка, были утонченно готическими; гобелены и шпалеры, равными которым могут похвастать немногие музеи, свисали со стен, а щиты и мечи были оружием покоренных королей.

Консардайн не дал мне времени рассматривать все это. Он взял меня за руку, и я увидел рядом с собой безукоризненного английского лакея.

— Томас позаботится о вас, — сказал Консардайн. — До скорого свидания, Киркхем.

— Сюда, сэр, — поклонился лакей и провел меня в миниатюрный придел в углу зала. Он нажал на украшенную резьбой стену. Она скользнула в сторону, и мы вошли в маленький лифт. Когда он остановился, сдвинулась другая панель. Я оказался в спальне, обставленной на свой манер, с такой же удивительной роскошью, что и большой зал. За тяжелым занавесом находилась ванная.

На кровати лежал вечерний костюм, рубашка, галстук и так далее. Через несколько минут я был вымыт, гладко выбрит и одет в вечерний костюм. Он вполне подошел мне. Когда лакей открыл дверь шкафа, мое внимание привлекло висевшее в нем пальто. Я заглянул в шкаф.

В нем находилась точная копия всех вещей, имевшихся в моем гардеробе в клубе. Да, они все были здесь, а когда я взглянул на ярлычки портных, то увидел на них свое имя.

Мне показалось, что лакей, украдкой смотревший на меня, ждет выражения удивления. Если так, я его разочаровал. Моя способность удивляться истощилась.

— Куда теперь? — спросил я.

Вместо ответа он сдвинул панель и ждал, пока я войду в лифт. Когда лифт остановился, я, конечно, ожидал, что мы будем в большом зале. Ничего подобного. За сдвинувшейся панелью оказалась небольшая прихожая, отделанная дубом, без мебели и с одной дверью темного дуба. Возле двери стоял еще один высокий араб, очевидно, ожидавший меня, потому что лакей поклонился, вошел обратно в лифт, и панель закрылась.

Араб приветствовал меня по-восточному. Открыв дверь, он повторил приветствие. Я шагнул через порог. Часы начали отбивать полночь.

— Добро пожаловать, Джеймс Киркхем! Вы пунктуальны до минуты, — сказал кто-то.

Голос был удивительно звучным и музыкальным и по своим качествам напоминал орган. Говорящий сидел во главе длинного стола, накрытого на троих. Все это я рассмотрел до того, как взглянул ему в глаза; после я на некоторое время потерял способность видеть что бы то ни было. Глубочайшего сапфирно-голубоватого цвета, это были самые живые глаза, какие мне когда-либо приходилось видеть. Большие, слегка раскосые, они сверкали, как будто за ними скрывался сам источник жизни. Они напоминали жемчужины по яркости, а по твердости — алмазы. Ресниц не было, и глаза не мигали, как глаза птицы или — змеи.

С немалым усилием я оторвал от них взор и посмотрел в лицо, на котором они располагались. Голова необыкновенно большая, с высоким и широким лбом, и абсолютно лысая. Поразительное полушарие, вместимостью вдвое больше среднего. Уши длинные, узкие и отчетливо заостренные на концах. Нос тяжелый, горбатый, подбородок круглый, но массивный. Губы полные, классически выточенные и неподвижные, как у древнегреческой статуи. Все огромное круглое лицо мраморно-бледное, без единой морщинки или линии, и абсолютно лишенное выражения. Единственное живое место на нем — глаза, и они были удивительно живыми — сверхъестественно, ужасающе живыми.

Тело, та часть, что я мог видеть, необыкновенно большое, мощная грудь указывала на огромную жизненную силу.

При первом же взгляде чувствовалось нечто необычное, радиация нечеловеческой мощи.

— Садитесь, Джеймс Киркхем, — снова прозвучал раскатистый голос. Из тени за его спиной появился дворецкий и выдвинул для меня стул слева.

Я поклонился удивительному хозяину и молча сел.

— Вы, должно быть, голодны после долгой поездки, — сказал он.— Очень мило с вашей стороны, Джеймс Киркхем, что вы оказали мне честь и удовлетворили мой каприз.

Я взглянул на него, но не заметил и следа насмешки.

— Я в долгу у вас, сэр, — вежливо ответил я, — за исключительно занимательное путешествие. Что же касается удовлетворения вашего каприза, как вы это называете, как я мог поступить иначе, если ваши посланники так... убедительны?

— А, да, — он кивнул. — Доктор Консардайн действительно умеет убеждать. Он скоро присоединится к нам. Пейте... ешьте.

Дворецкий налил шампанского. Я поднял бокал и помолчал, с удо-

вольствием глядя на него. Это был кубок из горного хрусталя, удивительно изящный и, насколько я мог судить, исключительно древний — бесценное сокровище.

— Да, — заметил хозяин, как будто я говорил вслух. — Действительно редкость. Это бокалы Гарун аль-Рашида. Когда я пью из них, мне видится калиф в окружении любимых собутыльников и гурий в его дворце в старом Багдаде. Вся роскошная панорама арабских ночей раскрывается передо мной. Их сохранил для меня, — продолжал он задумчиво, — покойный султан Абдул Гамид. Во всяком случае они принадлежали ему, пока я не почувствовал желания обладать ими.

— Должно быть, сэр, у вас исключительная способность убеждать, если султан решил расстаться с ними, — пробормотал я.

— Как вы заметили, Джеймс Киркхем, мои посланцы весьма... убедительны, — вкрадчиво ответил он.

Я прихлебнул вина и не мог скрыть удовольствия.

— Да, — сказал мой необычный хозяин, — редкое вино. Оно предназначалось исключительно для испанского короля Альфонсо. Но мои посланцы были... убедительны. Когда я пью это вино, мое восхищение его великолепием омрачается только сочувствием Альфонсо в его лишениях.

Я с удовольствием выпил. Потом набросился на великолепную холодную дичь. Мой взгляд упал на золотую вазу, украшенную драгоценными камнями. Она была настолько изящна, что я привстал, чтобы получше рассмотреть ее.

— Работа Бенвенуто Челлини, — заметил мой хозяин. — Один из его шедевров. Италия в течение столетий хранила его для меня.

— Но Италия добровольно никогда не согласилась бы расстаться с такой вещью! — воскликнул я.

— Нет, совершенно добровольно, совершенно, заверяю вас, — вежливо ответил он.

Я начал разглядывать неярко освещенную комнату и понял, что она, подобно большому залу, тоже сокровищница. Если хотя бы половина того, что я видел, подлинники, содержание одной этой комнаты стоит миллионы. Но этого не может быть — даже американский миллиардер не может собрать такие вещи.

— Это все подлинники, — он снова прочел мои мысли. — Я коллекционер — в сущности, самый крупный в мире. Я собираю не только картины, драгоценности, вина, другие плоды человеческого гения. Я коллекционер мужчин и женщин. Я коллекционирую то, что неточно называют душами. Вот почему, Джеймс Киркхем, вы здесь!

Дворецкий наполнил кубки и поставил рядом со мной еще одну бутылку в ведерке со льдом. На столе появились ликеры и сигары, и дворецкий, как по какому-то сигналу, отошел. Исчез, как с интере-

сом заметил я, через другую панель, скрывавшую еще один замаскированный лифт. Я заметил, что дворецкий — китаец.

— Маньчжур, — обронил мой хозяин. — Княжеского рода. Но считает службу мне большой честью.

Я небрежно кивнул: дело обычное. Как будто дворецкие маньчжурские князья, вина, предназначенные для короля Альфонсо, кубки из арабских ночей калифа и вазы Челлини встречаются повседневно. Я понял, что игра, начавшаяся несколько часов назад в Баттери-парке, достигла своей второй стадии, и намерен был участвовать в ней с наилучшими манерами.

— Вы мне нравитесь, Джеймс Киркхем, — голос был абсолютно лишен эмоций, губы почти не двигались. — Вы думаете: «Я пленник, мое место в мире занято двойником, даже мои ближайшие друзья не подозревают, что это не я; человек, говорящий со мной, чудовище, безжалостное и бессовестное, бесстрастный интеллект, который может уничтожить меня так же легко, как задувают пламя свечи». Во всем этом, Джеймс Киркхем, вы правы.

Он помолчал. Я решил, что лучше не смотреть в эти алмазно-яркие голубые глаза. Зажег сигарету и кивнул, устремив взгляд на горящий конец.

— Да, вы правы, — продолжал он. — Но вы не задаете вопросов и ни о чем не просите. Голос и руки у вас не дрожат, в глазах нет страха. Вместе с тем мозг ваш не дремлет, вы весь как на цыпочках и хотите ухватить хоть какое-нибудь преимущество. Как житель джунглей, вы невидимыми антеннами своих нервов ощущаете опасность. Каждое чувство ваше насторожено, вы ищете щель в опутавшей вас сети. Вы ощущаете ужас. Но внешне в вас нет от этого ни следа — только я мог это ощутить. Вы очень нравитесь мне, Джеймс Киркхем. У вас душа настоящего игрока!

Он снова помолчал, глядя на меня через край своего кубка. Я заставил себя встретить его взгляд и улыбнуться.

— Вам тридцать пять, — продолжал он. — Уже много лет я слежу за вами. Впервые вы привлекли мое внимание своей работой на французскую секретную службу на втором году войны.

Пальцы мои невольно стиснули кубок. Я считал, что никто, кроме меня самого и шефа, не знал об этой моей опасной работе.

— Так случилось, что вы не противоречили моим планам, — продолжал лишенный интонаций голос. — Поэтому вы... продолжали жить. Вторично я обратил на вас внимание, когда вы решили вернуть изумруды Спирадова, хранившиеся у коммунистов в Москве. Вы изобретательно подменили их копиями и сбежали с оригиналами. Мне они были не нужны, у меня есть гораздо лучшие. Поэтому я позволил вам вернуться к тем, кто вас нанял. Но смелость вашего плана и хладнокровная храбрость, с которой вы его осуществили, весьма развлекли

меня. Я люблю развлечения, Джеймс Киркхем. То, что вы равнодушно восприняли совершенно неадекватную награду, свидетельствовало, что в первую очередь вас интересуют приключения. Вы, как я подумал, настоящий игрок.

Несмотря ни на что, я не смог сдержать изумления. Дело Спирадова осуществлялось в полной тайне. Я настоял на том, чтобы никто, кроме владельца, не знал о возвращении изумрудов. Они были перепроданы как обычные драгоценности, их история не упоминалась... Коммунисты до сих пор не обнаружили подмены и не обнаружат, как я считал, пока не захотят их продать. Но этот человек знал!

— Вот тогда я решил, что... приобрету... вас, — сказал он. — Но время для этого еще не созрело. Вы отправились в Китай по просьбе Рокбилта на основании хрупкой легенды. И нашли гробницу, где в соответствии с легендой на превратившейся в прах груди старого принца Су Канзе лежали броши с нефритами. Вы взяли их, но были захвачены разбойником Ки Вангом. Вы нашли брешь в вооружении хитроумного разбойника. Вы увидели единственную возможность сбежать вместе с драгоценностями. Он игрок, и вы это знали. И вот в его палатке вы с ним играли на броши, в случае проигрыша вы заплатили бы ему двумя годами рабства.

Мысль о том, что вы станете его добровольным рабом, позабавила разбойника. К тому же он понимал, какую ценность для него представляли бы ваш мозг и храбрость. Поэтому он согласился. Вы заметили, что он до начала игры искусно пометил карты. Я одобряю ловкость, с которой вы точно так же пометили другие. Ки Ванг перепутал карты. Счастье было на вашей стороне. Вы выиграли.

Ошеломленный, я привстал, глядя на него.

— Не хочу больше интриговать вас, — он знаком предложил мне снова сесть. — Ки Ванг иногда бывает мне полезен. Во многих местах есть множество людей, Джеймс Киркхем, которые выполняют мои просьбы. Если бы вы проиграли, Ки Ванг прислал бы мне броши и заботился бы о вас больше, чем о собственной голове. Потому что знал: я в любое время могу затребовать вас от него!

Я со вздохом сел, чувствуя, как захлопывается какая-то безжалостная западня.

— Затем, — его взгляд не отрывался от меня, — затем я снова подверг вас испытаниям. Дважды мои посыльные пытались отобрать у вас броши. Сознательно ни в одной из этих попыток я не планировал неизбежный успех. Иначе вы бы потеряли их. В каждом случае я оставлял выход, которым вы могли воспользоваться, если у вас хватит ума его увидеть. У вас ума хватило — и меня это опять весьма развлекло. И я был доволен.

— Теперь, — он слегка наклонился вперед, — мы подходим к сегодняшнему вечеру. За нефриты вы получили значительную сумму. Но,

похоже, игра, которую вы так хорошо знали, переставала вас интересовать. Вы обратили свой взор к другой — глупейшей игре, к фондовой бирже. В мои планы не входило позволить вам там выиграть. Я знал, какие бумаги вы покупаете. И произвел несколько манипуляций. Я не спеша, медленно отобрал у вас все — доллар за долларом. Вы полагаете, что метод, который я применил, больше подходит к крупному финансисту, а не к обладателю нескольких тысяч. Это не так. Если бы вместо тысяч у вас были миллионы, конец был бы тем же. Вы усвоили урок?

Я с усилием подавил вспышку гнева.

— Усвоил, — коротко ответил я.

— Обратите внимание! — прошептал он, и на мгновение его яркие глаза подернулись мрачностью.

— Итак, — продолжал он, — мы подошли к сегодняшнему вечеру. Я легко мог вас захватить и доставить сюда — избитым или одурманенным наркотиками, связанным, с заткнутым ртом. Это методы убийц, лишенных воображения дикарей из наших низов. После такой топорной работы вы не уважали бы стоящий за ней разум. Да и я бы не получил никакого удовольствия.

Нет, постоянное наблюдение, которое наконец вынудило вас к открытым действиям, ваш двойник, сейчас наслаждающийся жизнью в клубе, — кстати, великолепный актер, он несколько недель изучал вас,— в сущности, все, что вы испытали, было заранее спланировано, чтобы продемонстрировать вам исключительный характер организации, которая вас призвала.

И снова отмечу, что мне понравилось ваше поведение. Вы могли бы сопротивляться Консардайну. Если бы вы так поступили, то проявили бы отсутствие воображения и подлинной храбрости. Вы все равно были бы доставлены сюда, но я был бы разочарован. И меня весьма позабавило ваше отношение к Уолтеру и Еве — девушке, которую я предназначил для большого дела и которую я к нему сейчас готовлю.

Вас удивило, как они оказались именно на этой станции подземки. Через пять минут после того, как вы сели на скамью в Баттери, на всех окрестных станциях подземки свои места заняли другие пары. Уверяю вас, у вас не было ни одного шанса убежать. Любой ваш поступок был заранее предусмотрен, и были готовы меры, чтобы помешать ему. Вся полиция Нью-Йорка не могла помешать мне сегодня получить вас.

Потому что, Джеймс Киркхем, вас позвал я!

Я слушал эту удивительную смесь тонкой лести, угроз и колоссальной похвальбы с усиливающимся изумлением. Наконец я встал.

— Кто вы? — прямо спросил я. — И чего вы от меня хотите?

Сверхъестественно голубые глаза невыносимо сверкнули.

— Поскольку все на земле, к чему я обращаю свои приказания, их выполняет, — медленно ответил он, — вы можете называть меня... Сатаной! И я предлагаю вам возможность править этим миром вместе со мной — за определенную плату, разумеется!

Глава пятая

Два последних предложения звенели в моем мозгу, как заряженные электричеством. При других обстоятельствах они показались бы абсурдными, но здесь они были далеки от абсурда.

Эти лишенные ресниц, невероятно живые голубые глаза на неподвижном лице были... дьявольскими! Я уже давно чувствовал прикосновение дьявола ко всему, что происходило со мной этим вечером. В неподвижности огромного тела, в звучности этого органного голоса, лишенного выразительности и исходившего из почти неподвижных губ, — во всем этом была дьявольщина, как будто тело его было всего лишь автоматом, в котором, обитал адский дух, какое-то чуждое существо, проявлявшее себя лишь во взгляде и в голосе. То, что мой хозяин был абсолютной противоположностью высокого, худощавого, смуглого Мефистофеля из оперы, пьесы или романа, делало его еще более ужасающим. К тому же я по опыту хорошо знал, что полные люди способны на гораздо большее коварство, чем худые.

Нет, в этом человеке, который просил называть его Сатаной, не было ничего абсурдного. Я должен был в глубине души признаться, что он вызывал ужас.

Мелодично прозвенел колокольчик. На стене вспыхнула лампа, скользнула в сторону панель, и в комнату вошел Консардайн. Я заметил, что панель другая, не та, через которую исчез маньчжур дворецкий. В то же самое время я сообразил, что в большом зале не было ни одной уходящей лестницы. И тут же понял, что в спальне, куда проводил меня лакей, не было ни окон, ни дверей. Мысль мелькнула в мозгу и ушла, я не придал ей значения. Обдумаю позже.

Я встал, возвращая Консардайну его поклон. Он без приветствий и церемоний сел справа от Сатаны.

— Я говорил Джеймсу Киркхему, каким занимательным нахожу его, — сказал мой хозяин.

— И я, — улыбнулся Консардайн. — Но боюсь, мои компаньоны не разделяют этого мнения. Кобхем очень расстроился. С вашей стороны это было жестоко, Киркхем. Тщеславие — один из грехов Кобхема.

Итак, фамилия Уолтера — Кобхем. Интересно, а как фамилия Евы?

— Ваша уловка с куклой была... деморализующей, — сказал я. — Считаю, что был скорее сдержан в своих соображениях насчет Кобхе-

ма. Знаете, для них было так много возможностей. Да и достаточно поводов.

— Кукла — это отвлекающая идея, — заметил Сатана. — И эффективная притом.

— Дьявольски эффективная, — я обратился к Консардайну. — Впрочем, этого следовало ожидать. Как раз перед тем как вы вошли, я обнаружил, что ужинаю с... с Сатаной.

— А, да, — холодно подтвердил Консардайн. — Вы, несомненно, ждете, что я вытащу ланцет и вскрою вам вену, а Сатана положит перед вами документ, написанный серой, и потребует, чтобы вы его подписали собственной кровью.

— Никаких таких детских сказок я от вас не жду, — возразил я, стараясь продемонстрировать некоторое возмущение.

Сатана рассмеялся; лицо его при этом оставалось неподвижным, но глаза дрожали.

— Устаревшие методы, — сказал он. — Я отказался от них после своих встреч с покойным доктором Фаустом.

— Возможно, вы считаете, что я и есть покойный доктор Фауст, — вежливо обратился ко мне Консардайн. — Нет, вовсе нет, и еще, — он лукаво взглянул на меня, — помните: Ева — не Маргарита.

— Скажем, не ваша Маргарита, — поправил Сатана.

Я чувствовал, как кровь ударила мне в лицо. И опять Сатана рассмеялся. Они играют со мной, эти двое. Но в игре все время присутствует зловещая нота, это несомненно. Я чувствовал себя, как мышь меж двух кошек. И подумал, что девушка тоже очень похожа на такую мышь.

— Да, — это звучный голос Сатаны, — да, я стал гораздо современнее. Я по-прежнему покупаю души, это верно. Или беру их. Но я не так неумолим в своих условиях, как в древности. На определенные периоды я могу сдать души в аренду. И за работу я плачу очень хорошо, Джеймс Киркхем.

— Не пора ли перестать обращаться со мной, как с ребенком? — холодно спросил я. — Я признаю все, что вы сказали обо мне. И верю всему, что вы говорили о себе. Я допускаю, что вы — Сатана. Хорошо. Но что из этого?

Наступила пауза. Консардайн зажег сигару, налил себе бренди и отодвинул в сторону подсвечник, стоявший перед ним; я думаю, он это сделал, чтобы лучше видеть мое лицо. Сатана впервые за все время оторвал свой взгляд от меня и посмотрел куда-то надо мной. Я вступал в третью стадию этой загадочной игры.

— Приходилось ли вам когда-нибудь слышать легенду о сияющих следах Будды-ребенка? — спросил меня Сатана.

Я отрицательно покачал головой.

— Именно она побудила меня отказаться от древних методов со-

блазнения душ, — серьезно продолжал он. — Поскольку она означает начало новой адской эпохи, эта легенда очень важна. Но для вас она важна и по другим причинам. Итак, слушайте.

Когда должен был родиться великий Будда, Гаутама Всезнающий, — нараспев говорил Сатана, — он был как драгоценный камень, горящий огнем в чреве его матери. Он так был полон светом, что тело его матери превратилось в светильник, а он сам был в этом светильнике святым пламенем.

Впервые в голосе Сатаны появилось выражение, нечто вроде сардонической елейности.

— А когда пришло ему время родиться, он вышел из бока матери, который чудесным образом закрылся за ним.

Семь шагов сделал ребенок Будда, прежде чем остановился перед поклонявшимися деви, гениями, риши и всей небесной иерархией, которая собралась вокруг. И остались семь сияющих следов, семь очертаний детских ступней, сверкавших, как звезды, на мягком газоне.

И вот! Когда Будде начали поклоняться, эти семь следов зашевелились, двинулись и пошли в разные стороны, открывая дороги, по которым позже пойдет Святой Будда. Пошли перед ним семь маленьких Иоаннов Крестителей — ха! ха! ха! — Сатана рассмеялся своим застывшим лицом и неподвижными губами.

— Один след пошел на запад, другой — на восток, — продолжал Сатана. — Один на север, другой на юг. Они открывали пути спасения на все четыре стороны света.

Но как же остальные три? Увы! Мара, король иллюзий, с дурными предчувствиями следил за рождением Будды, потому что в свете слов Будды только правда имеет тень и тем самым может быть узнана, и все обманы, при помощи которых Мара держал в своих руках землю, становились бесполезными. Если победит Будда, Мара будет уничтожен. Королю иллюзий эта мысль не нравилась, поскольку больше всего он ценил развлечения, а для этого нужна власть. В этом, — продолжал Сатана, по-видимому, совершенно серьезно, — Мара был очень похож на меня. Но интеллект у него был гораздо слабее: Мара не понимал, что правда, которой искусно манипулируют, создает лучшие иллюзии, чем ложь. Однако...

Прежде чем эти три увальня смогли уйти далеко, Мара овладел ими!

А затем при помощи лжи, хитрости и колдовства Мара совратил их. Он научил их греховности, воспитал на великолепных обманах — и послал дальше!

Что же произошло дальше? Что ж, естественно, мужчины и женщины шли за этими тремя. И дороги, которые они выбирали, были несравненно приятней, восхитительней, гораздо мягче, ароматнее и прекрасней, чем каменистые, жесткие, суровые, холодные пути, избранные

неподкупными четырьмя. Кто же обвинит людей в том, что они шли за тремя? К тому же внешне все семь отпечатков были одинаковы. Различие, разумеется, выяснялось в конце. Души, которые следовали за обманчивыми тремя следами, неизбежно возвращались в самое сердце обмана, во внутреннюю сущность иллюзий, и там блуждали вечно; те же, что шли за четырьмя, обретали свободу.

И все больше и больше людей шли за порочными отпечатками, а Мара веселился. Пока не стало казаться, что уже не осталось никого, кто шел бы путем Просвещенного. Но Будда рассердился. Он отдал приказ, и четыре святых отпечатка устремились к нему со всех сторон света. Они выследили заблуждавшихся троих и пленили их.

Но тут возникло затруднение. Поскольку три заблуждавшихся были все же следами Будды, их невозможно было уничтожить. У них были свои неотъемлемые права. Но настолько глубоко их растлил Мара, что очистить их от этого зла тоже было невозможно.

И вот они в заключении до конца света. Где-то поблизости от грандиозного храма Боробудур на Яве есть меньший, скрытый храм. И в нем трон. Чтобы добраться до этого трона, нужно подняться по семи ступеням. На каждой ступени сияет один из детских отпечатков Будды. Один неотличим от другого — но как же они на самом деле различны! Четыре из них, святые, охраняют трех других, нечестивых. Храм тайный, и путь к нему полон смертельными опасностями. Но тот, кто останется живым и достигнет храма, может подняться к трону.

Но — поднимаясь, он должен поставить ногу на пять из семи сияющих отпечатков!

Послушайте, что произойдет после этого. Если три из пяти отпечатков, на которые он наступил, нечестивые, когда он достигнет трона, все земные желания, все, что может предоставить король иллюзий, в его распоряжении. Естественно, цена — порабощение, а возможно, и уничтожение его души. Но если из пяти отпечатков три — святые, тогда он свободен от всех земных желаний, неподвластен судьбе. Носитель Света, сосуд Мудрости — его душа вечно с Пречистым.

Святой или грешник — ступивший на три нечестивых следа обладает всеми земными иллюзиями!

И грешник или святой — если он наступил на три святых отпечатка, он свободен от всех иллюзий, вечно благословенная душа в нирване!

— Бедняга! — пробормотал Консардайн.

— Такова легенда, — Сатана снова оторвал свой взгляд от меня. — Я никогда не пытался отыскать эти интересные следы. Они мне ни к чему. У меня нет желания превращать грешников в святых. Но легенда подала мне такую интересную мысль, какой я не помню... скажем, за много столетий.

Жизнь, Джеймс Киркхем, это долгая игра между двумя безжалост-

ными игроками — рождением и смертью. Все мужчины и все женщины играют в нее, хотя большинство из них плохие игроки. У каждого мужчины и у каждой женщины хотя бы раз возникает желание, за которое они добровольно отдали бы душу — а часто и жизнь. Но жизнь — такая грубая игра, управляемая наудачу, если вообще управляемая, и с такими запутанными, противоречивыми и безвкусными правилами.

Что ж, я усовершенствую эту игру для немногих избранных, буду играть с ними на их величайшие желания, и для собственного развлечения использую в качестве модели эти семь отпечатков ноги Будды.

А теперь, Джеймс Киркхем, слушайте внимательно, потому что дальнейшее касается вас непосредственно. Я соорудил два трона на возвышении, к которым ведут не семь, а двадцать одна ступень. На каждой третьей из них сверкает след — всего таких следов семь.

Один из тронов ниже другого. На нем сижу я. На другом лежат корона и скипетр.

Теперь дальше. Три из этих отпечатков — несчастливые. Четыре — счастливые в высшей степени. Тот, кто играет со мной, поднимается к трону, на котором лежат корона и скипетр. Поднимаясь, он должен поставить ногу на четыре — не пять — из этих семи отпечатков.

Если все четыре отпечатка, на которые он наступит, окажутся счастливыми, любые желания этого человека, пока он живет, исполняются. Я его слуга — и к его услугам вся мощная организация, которую я создал и которая служит мне. Ему принадлежат мои миллиарды, и он может поступать с ними, как хочет. Ему принадлежит все, что он пожелает, — власть, женщины, титулы — все. Тех, кого он ненавидит, я наказываю... или уничтожаю. Ему принадлежат корона и скипетр на троне, который выше моего. В его власти вся земля! Он может — все!

Я взглянул на Консардайна. Тот нервно сгибал и разгибал сильными пальцами серебряный нож, глаза его сверкали.

— А если он наступит на другие?

— А — тут уж моя сторона в игре. Если он наступит на один из моих — он сослужит мне одну службу. Сделает то, о чем я его попрошу. Если наступит на два — будет служить мне год.

Если же наступит на три моих, — я чувствовал, как огонь голубых глаз жжет меня, слышал сдавленный стон Консардайна, — если все три следа мои — тогда он мой, телом и душой. Я могу, если захочу, убить его в любую минуту, и убить так, как захочу. Могу позволить ему жить, если захочу, и столько, сколько захочу, а потом убить, и опять, как я захочу. Мой! Душой и телом! Мой!

Раскатистый голос гремел, становился непереносим. Передо мной действительно был Сатана, с этими сверхъестественными глазами, жгущими меня, как будто за ними пылал огонь ада, имя хозяина которого он принял.

— Следует помнить несколько правил, — голос неожиданно вновь стал спокойным. — Не обязательно наступать сразу на четыре ступени. Можно наступить на одну и остановиться. Или на две. На три. Следующий шаг делать не обязательно.

Если вы наступите на один след и он окажется моим, а вы дальше подниматься не будете, вы выполняете мою службу, я хорошо плачу вам за нее, и вы снова можете совершить подъем.

Точно так же, если вы наступили на два моих следа. После года службы — если останетесь в живых — можете снова попытать счастья. А за этот год вам очень хорошо заплатят.

Я задумался. Власть над всем миром! Исполнение любого желания. Лампа Аладдина — только потри! Ни на мгновение я не усомнился в том, что он — кем бы он ни был — способен выполнить свои обещания.

— Объясню механизм, — продолжал Сатана. — Очевидно, относительное расположение следов не может оставаться постоянным в каждом случае. Их комбинацию легко было бы узнать. Эту комбинацию я предоставляю случаю. Никто не должен ее знать, даже я. Так я получу наивысшее развлечение.

Я сижу на своем троне. И касаюсь рычага, который поворачивает колесо; оно в свою очередь поворачивает семь шаров, три из них помечены как мои, остальные четыре — как счастливые. Когда шары занимают свое место, они вступают в электрический контакт с семью следами. Как лягут шары, так разместятся и следы.

Есть индикатор, я могу его видеть — и другие присутствующие, но не тот, кто поднимается по ступеням. Когда... соискатель... ставит ногу на отпечаток, индикатор показывает, на какой отпечаток он ступил — один из моих трех или один из его четырех.

И еще одно, последнее, правило. Поднимаясь, вы не имеете права оглядываться на индикатор. Следующий шаг вы предпринимаете в неведении, на плохой или хороший след наступили вы перед этим.

Если поддадитесь слабости и оглянетесь, вы должны спуститься и начать подъем заново.

— Мне кажется, у вас преимущество в игре, — заметил я. — Допустим, кто-нибудь ступит на счастливый отпечаток и остановится — что это ему даст?

— Ничего, — ответил он, — только возможность сделать следующий шаг. Вы забываете, Джеймс Киркхем: то, что он может выиграть, неизмеримо больше того, что выигрываю я, если он проиграет. Выигрывая, он получает меня и все, на что я способен. Если же он проигрывает, я получаю всего лишь одного мужчину... или женщину. К тому же, я очень хорошо плачу проигравшим за службу. И защищаю их.

Я кивнул. На самом деле я был крайне возбужден. Все, что я испытал, было тщательно рассчитано, чтобы воспламенить мое вообра-

жение. Я трепетал при мысли о том, что смогу сделать, если выиграю — допустим, он действительно Сатана — его и всю стоящую за ним силу. Он невозмутимо следил за мной. Консардайн смотрел понимающе, в глазах его была тень жалости.

— Послушайте, — резко сказал я, — проясните мне еще кое-что. Допустим, я откажусь играть в эту вашу игру — что будет со мной?

— Завтра вас вернут в Баттери-парк, — ответил он. — Ваш двойник будет убран из клуба. Вы обнаружите, что никакого вреда вашей репутации он не причинил. Вы можете идти своим путем. Но...

— Я так и думал, что есть «но», — пробормотал я.

— Но я буду разочарован, — спокойно продолжал он. — А я не люблю разочарований. Боюсь, ваши дела не будут процветать. Возможно даже, что я сочту вас таким постоянным упреком, таким живым напоминанием об ошибке в моих рассуждениях, что...

— Понимаю, — прервал я. — Живое напоминание однажды перестанет быть... живым.

Он ничего не сказал, но я прочел ответ в его глазах.

— А что помешает мне принять ваш вызов? — снова спросил я. — Частично пройти через игру. Этого достаточно, чтобы убраться отсюда, а потом...

— Предать меня? — снова смех сквозь неподвижные губы. — Ваши усилия ничего не дадут. А что касается вас — лучше бы для вас, Джеймс Киркхем, вообще не родиться на свет, это я, Сатана, говорю вам!

Голубые глаза сжигали; за креслом, казалось, выросла тень, поглотившая его. Он излучал нечто такое дьявольское, что у меня перехватило дыхание и сердце стало биться с перебоями.

— Я, Сатана, говорю вам! — повторил он.

Наступила небольшая пауза; я старался восстановить утраченное равновесие.

Снова прозвенел колокол.

— Пора, — сказал Консардайн. Но я заметил, что он побледнел, и знал, что мое лицо тоже бледно.

— Так случилось, — органный голос был снова спокоен, — так случилось, что как раз сейчас у вас есть возможность увидеть, что происходит с теми, кто пытается перечить мне. Я попрошу вас принять некоторые меры предосторожности: они необходимы. Но вам они не принесут никакого вреда. Очень важно, чтобы вы ничего не говорили, были неподвижны, и чтобы ваше лицо не было видно, когда вы будете смотреть... на то, что вам предстоит увидеть.

Консардайн встал, я за ним. Человек, называвший себя Сатаной, тоже поднялся из кресла. Я догадывался, что он велик ростом, но не ожидал, что он окажется таким гигантом. Я сам ростом шесть футов, но он выше меня по крайней мере на двенадцать дюймов.

Невольно я взглянул ему на ноги.

— А, — учтиво сказал он, — вы ищете мои копыта. Идемте, скоро увидите.

Он коснулся стены. Отодвинулась панель, открыв широкий коридор, недлинный, лишенный окон и дверей. Сатана пошел впереди, Консардайн за мной. Пройдя несколько ярдов, Сатана опять коснулся обшивки стены. Она беззвучно раздвинулась. Он прошел в отверстие.

Я пошел за ним и остановился, тупо глядя на удивительную... комнату, зал... нет, храм — единственное слово, которое передает его размер и характер, — повторяю, я стоял, тупо глядя на необыкновенный храм, подобного которому, может быть, не видели глаза человека.

Глава шестая

Храм был залит неярким янтарным светом из какого-то скрытого источника. Куполообразная крыша возвышалась в сотне футов надо мной. Только одна стена прямая; остальные изогнуты, как внутренности огромного пузыря. Прямая стена представляла собой огромную полусферу.

Стена была сделана из какого-то блестящего зеленого камня, как я решил, вероятно, малахита. И на ней была вырезана картина в древнеегипетском стиле.

Картина изображала богинь судьбы: мойр Древней Греции, римских парок, норвежских норн. Тут была Клото с ручной прялкой, на которой она пряла нити человеческой судьбы, Лахезис, правившая эти нити, и Атропос с ножницами, которыми перерезала нити, когда этого хотело трио. А над богинями парило лицо Сатаны.

Одной рукой Сатана держал Клото, другой направлял ножницы Атропос, в то же время он что-то нашептывал на ухо Лахезис. Линии всех четырех фигур были нанесены синим, ярко-зеленым и алым. Глаза Сатаны устремлялись не на нити, чьей судьбой он руководил. Нет, они смотрели прямо в храм.

Кто бы ни был неизвестный гениальный создатель картины, он добился удивительного сходства. Благодаря какому-то приему глаза сверкали на камне с той же жизненной алмазной яркостью, как и глаза человека, называвшего себя Сатаной.

Изогнутые стены были темного дерева — тика или эбенового. На них сверкающие линии, подобные паутине. Я увидел, что это действительно изображение паутины; паучьи сети тянулись по черному дереву и блестели, как серебряные нити под луной. Сотни и тысячи таких нитей пересекали стены. И сходились на потолке.

Пол храма поднимался к задней стене ряд за рядом вырезанных из черного камня сидений, подобно древнеримскому амфитеатру.

Но все это я заметил потом, когда оторвал взгляд от сооружения, доминировавшего в этом необычном месте. Пролет полукруглых ступеней вздымался вверх постепенно уменьшавшимися арками. Ступеней было двадцать одна, самая нижняя, как я прикинул, в сто футов длиной, самая высокая — в тридцать футов. Высотой они все были около фута и в три фута шириной. Сделаны из черного как смоль камня.

Эта необыкновенная лестница вела к невысокому помосту, на котором стояли два искусно вырезанных трона — один из черного дерева, а другой — на пьедестале, который делал его заметно выше первого, — очевидно, из тусклого желтого золота.

Черный трон пуст. На спинку золотого трона наброшена полоска пурпурного бархата; на сиденье подушка того же материала.

А на подушке — корона и скипетр. Корона сверкала разноцветными огнями больших бриллиантов, мягким синим пламенем огромных сапфиров, красным сиянием необыкновенных рубинов и зеленым блеском изумрудов. В рукояти скипетра — огромный бриллиант. А весь скипетр, подобно короне, усажен драгоценностями — жемчугами.

По обеим сторонам лестницы стояли по семь человек в белых одеяниях, похожих на арабские бурнусы. Если они и были арабами, то из племени, которое я никогда не встречал; мне они показались скорее персами. Лица у них истощенные и странно бледные. Глаза казались лишенными зрачков. У каждого в правой руке плеть с петлей, похожая на лассо.

На каждой третьей эбеновой ступени сиял отпечаток, след ноги ребенка, очерченный живым огнем.

Их было семь, сверкающих неземной яркостью, как будто они живые и готовы сами подниматься по ступеням.

Вначале я увидел корону и скипетр, и вид их вызвал у меня такое желание, какого я никогда не испытывал раньше: горячая страсть к обладанию ими и всей той властью, которая приходит с ними; эта страсть охватила меня, как лихорадка.

Затем я взглянул на сверкающие следы детских ног, и они вызвали такое необъяснимое благоговение, такой ужас и такое отвращение, которые были не меньше желания обладать короной и скипетром.

И тут я услышал голос Сатаны:

— Садитесь, Джеймс Киркхем!

Тут же, у самой стены и рядом с первой ступенькой, оказалось кресло странной формы с ручками. Чем-то оно напоминало нижний трон. Я упал в него, радуясь так необходимой мне поддержке.

И сразу из ручек выскочили стальные полоски и прижали мне руки у локтей; другие полоски обхватили лодыжки, а на голову упала вуаль, закрыв все лицо. Нижний край ее, толстый и мягкий, крепко прижался к губам.

В одно мгновение меня связали, заткнули рот и закрыли лицо. Я по-

нял, что это и были те «предосторожности», о которых предупредил меня хозяин. Полоски держали крепко, но не жали; подушка у губ не вызывала неприятных ощущений; вуаль сделана из материала, который хоть и скрывал мое лицо, но давал возможность видеть так же ясно, как будто ничего не покрывало мою голову.

Я увидел Сатану у основания лестницы. Его огромное тело с ног до головы покрывал черный плащ. Сатана медленно поднимался по ступеням. Когда он ступил на первую, одетые в белое мужчины с плетьми низко склонились перед ним. И не распрямились, пока он не сел на черный трон.

Янтарный свет потускнел и совсем погас. После мгновенной тьмы троны и ступени залил яркий белый свет. Освещенное пространство резко обрывалось в трех ярдах от изгиба первой ступени. Сатана, четырнадцать охранников и я были ярко освещены. При этом свете семь следов загорелись еще ярче; они будто натянули невидимую нить, которая не давала им устремиться к хозяину. Немигающие глаза человека на черном троне и его двойника в камне сверкали.

Я услышал негромкий шум, доносившийся от сидений. Множество людей рассаживались, слабо шуршали панели в черных стенах, открывая тайные входы все новым и новым невидимым зрителям.

Кто они, каковы они — я не мог увидеть. Полукруг света, падавшего на ступени и троны, образовал непроницаемый занавес, за которым — абсолютная тьма.

Прозвенел гонг. Наступила тишина. Все двери закрылись; занавес готов был подняться.

Я увидел высоко вверху, на полпути между полом и потолком, шар, напоминавший полную луну. Он был ярко-белым, но тут, пока я смотрел, половина его потемнела. Правая сторона по-прежнему ярко светилась, а левая — черная — теперь была окружена узким кольцом свечения.

Неожиданно свет снова погас. Только мгновение храм находился в темноте. Опять загорелся свет.

Но теперь тот, кто называл себя Сатаной, был на помосте не один. Рядом с ним стояла фигура, которую сам дьявол мог вызвать из ада!

Это был чернокожий, нагой, если не считать набедренной повязки, человек, с необыкновенно широкими плечами и длинными руками; на плечах и руках вздувались мускулы, а вены выпирали, как толстые веревки. Лицо с плоским носом, нижняя челюсть выдается, вся внешность напоминает обезьяну. Обезьяноподобными были и близко посаженные маленькие глаза, в которых горел дьявольский свет. Рот был похож на трещину, а на лице написано выражение хищной жестокости.

В руке он держал плеть с петлей, тонкую, длинную и витую, как будто сплетенную из женских волос. Из набедренной повязки торчал нож.

В темноте за мной послышался вздох, одновременно вылетевший из десятков пересохших ртов.

Снова прозвенел гонг.

В круг света вступили два человека. Один — Консардайн; второй — высокий, безупречно одетый и хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он походил на культурного английского джентльмена высокого происхождения. И когда он встал перед черным троном, я услышал гул удивления и жалости скрытой аудитории.

В его позе была галантная беспечность, однако я заметил, как дрогнуло его лицо при виде ужаса, стоящего рядом с Сатаной. Человек достал сигарету из портсигара и закурил; в действиях его видна была выдававшая страх бравада; не мог он сдержать и слабую дрожь руки, державшей спичку. Тем не менее он затянулся и спокойно встретил взгляд Сатаны.

— Картрайт, — голос Сатаны нарушил молчание, — вы ослушались меня. Вы пытались перечить мне. Вы осмелились противопоставить свою волю моей. Ваше непослушание почти нарушило план, составленный мной. Вы пытались пожать плоды и сбежать от меня. Вы даже задумали предательство. Я не спрашиваю, делали ли вы все это. Я знаю, что это так. И не спрашиваю, почему вы это делали. Вы сделали. Этого довольно.

— Я не собираюсь защищаться, Сатана, — достаточно хладнокровно ответил человек, названный Картрайтом. — Могу, однако, заметить, что неудобство, причиненное вам, целиком ваша вина. Вы утверждаете, что ваша мысль совершенна. Однако вы подобрали плохое орудие. Если орудие, подобранное ремесленником, не выполняет задачу, кого нужно винить: орудие или ремесленника?

— Орудие винить нельзя, — ответил Сатана. — Но что делает ремесленник с таким орудием? Не использует больше. Он его уничтожает.

— Нет, — сказал Картрайт, — хороший ремесленник использует его для работы, которую оно может выполнить.

— Нет, если у него большой выбор хороших орудий, — ответил Сатана.

— Ваша власть, — сказал Картрайт. — Но я вам ответил. Я просто ошибка в ваших рассуждениях. Если же ваши рассуждения безупречны, как вы хвастаете, значит, вы сознательно выбрали меня, чтобы я потерпел неудачу. В любом случае наказывайте себя, Сатана, не меня!

Долгие мгновения одетая в черное фигура смотрела на него. Картрайт смело встретил этот взгляд.

— Прошу только справедливости, — сказал он. — Я не прошу у вас милосердия, Сатана.

— Нет... пока, — ответил Сатана медленно, сверкающие глаза ста-

ли холодными и суровыми, и снова вздох донесся до меня из темноты храма.

Наступила еще одна бесконечная минута тишины.

— Картрайт, вы дали ответ, — прогремел органный голос без всякого выражения. — За этот ответ вы будете вознаграждены. Вы напомнили мне, что мудрый ремесленник использует дурное орудие только для такой работы, которую оно может выполнить, не ломаясь. Я дам вам эту работу.

Вот мое решение, Картрайт. Вы наступите на четыре следа. Теперь же. И на все четыре. Прежде всего вы получите шанс выиграть корону, скипетр и земную империю, которую они несут с собой. Если четыре следа, на которые вы наступите, все счастливые.

Если вы наступите на три счастливых следа и на один мой — я прощу вас. Это признание определенной справедливости вашего сравнения с ремесленником и неудачно подобранным орудием.

Я видел, как уменьшилась напряженность Картрайта, тень облегчения прошла по его лицу.

— Если вы наступите на два счастливых и два моих следа, я дам вам выбор: либо быстрая и милосердная смерть, либо присоединение к моим рабам кефта. Короче говоря, Картрайт, вы должны будете выбрать между уничтожением тела и медленным разрушением души. Это милосердие я проявляю к вам в признание истинности ваших слов: ремесленник подбирает для орудия дело, в котором оно принесет пользу.

Снова вздох, лицо Картрайта побледнело.

— Мы подходим к последней возможности — в своем путешествии вверх вы наступаете на троих моих привередливых маленьких слуг. В этом случае, — голос вызывал дрожь, — в этом случае, Картрайт, вы умрете. Вы умрете от рук Санчала, от его плети. Не одной смертью, Картрайт. Нет, тысячью смертей. Медленно и в мучениях петля Санчала будет подтягивать вас к порогу ворот смерти. Медленно и с мучениями он будет возвращать вас к жизни. Снова и снова... и снова... и снова... пока наконец ваша изорванная душа найдет силы не возвращаться и, скуля, переползет через этот порог, и ворота закроются за ней... навсегда! Таково мое решение! Такова моя воля! Да будет по сему!

Черный ужас злобно улыбнулся, услышав свое имя, и страшным жестом потряс плетью из женских волос. Что касается Картрайта, то у него при ужасном приговоре лицо смертельно побледнело, сигарета выпала из пальцев. Вся бравада исчезла. А Консардайн, все время стоявший за ним, отступил в тень и оставил его одного. Сатана нажал на рычаг между двумя тронами. Послышалось слабое жужжание. Семь отпечатков детских ног сверкнули, как будто заново подожженные.

— Ступени готовы, — провозгласил Сатана. — Картрайт — поднимайтесь!

Люди в белом зашевелились, они распустили свои плети и держали петли наготове, чтобы быстро их бросить. Черный ужас наклонил голову вперед, рот его покрылся слюной, когтями он гладил свою веревку.

Тишина в храме сгустилась — все будто перестали дышать.

Картрайт ступил вперед, двигаясь медленно, внимательно вглядываясь в сверкающие отпечатки. Сатана откинулся на своем троне, руки его были скрыты под плащом, огромная голова смущающе походила на лишенную тела; она плыла над помостом, как каменная голова его двойника плыла над тремя норнами.

Картрайт миновал первый отпечаток и прошел еще две ступени. Без колебаний он поставил ногу на второй сияющий след.

И тут же горящий дубликат его появился на белой половине шара. Я понял, что Картрайт наступил на счастливый след.

Но шар горел сзади, Картрайту запрещено оглядываться, он не знает этого!

Он быстро взглянул на Сатану, отыскивая следы триумфа или досады. Но мраморное лицо оставалось бесстрастным, глаза не изменились. Ни звука не доносилось и со стороны черных сидений.

Картрайт быстро преодолел еще две ступени и опять без колебаний наступил на следующий отпечаток.

И снова отпечаток вспыхнул на светлой стороне шара. Уже два шанса выиграны! Миновала угроза тысячи мучительных смертей. Теперь наихудшее, что его ждет, милосердная смерть или загадочное рабство, которое упомянул Сатана.

И снова он не знает этого!

Снова Картрайт посмотрел на лицо своего мучителя, надеясь, что выражение выдаст его, что хоть какой-то намек покажет, каков счет. Неподвижно, как и раньше, Сатана смотрел на него; ничего не выражало и лицо чудовища с плетью.

Картрайт медленно поднялся еще на две ступени. На долгие минуты задержался он у очередного дьявольского следа — мне они показались часами. И вот я увидел, как перекосился его рот, как на лбу выступили капли пота.

Ясно, как будто он говорил вслух, мог я прочесть его мысли. Принадлежали ли те два очертания, на которые он наступил, Сатане? И не предаст ли его третий шаг мучениям петли? Или только один несчастливый? Избежал ли он участи, уготованной ему Сатаной?

Он не мог этого знать!

Он миновал отпечаток и еще медленнее продолжал подъем. Долго стоял перед пятым следом. И вот его голова медленно стала поворачиваться!

Как будто сильная рука поворачивала ее. Измученный пыткой и

ожиданием казни, мозг заставлял ее поворачиваться... оглянуться... увидеть показания шара.

Стон испустили его посеревшие губы. Картрайт схватил себя за голову руками, держал ее, не давая повернуться, и прыгнул на пятый отпечаток.

И стоял, тяжело дыша, как человек после долгого бега. Рот его был раскрыт, дыхание вырывалось со всхлипыванием. Волосы стали влажными, лицо покрылось потом. Измученные глаза с вопросом устремились к лицу Сатаны...

На белом поле появился третий сверкающий символ.

Картрайт выиграл...

И не мог этого знать!

Мои собственные руки дрожали; тело покрылось потом, как будто я сам стоял на его месте. Слова рвались из меня — он может больше не бояться! Пытка кончилась! Сатана проиграл! Но рот мой был крепко закрыт.

И только теперь я осознал всю дьявольскую жестокость, всю адскую хитрость и изобретательность этого испытания.

Картрайт стоял дрожа. Отчаянный взгляд его не отрывался от бесстрастного лица, которое теперь было близко над ним. Показалось ли мне или действительно в нем отразилась злобная радость? Если и так, то она исчезла, как рябь на застоявшейся воде пруда.

Видел ли ее Картрайт? Должно быть, потому что отчаяние на его лице усилилось, превратилось в выражение крайней муки.

Снова голова его начала поворачиваться, медленно, под каким-то ужасающим принуждением.

Он качнулся вперед, борясь с этим принуждением. Споткнулся на ступеньке. Я знал, что он отчаянными усилиями заставляет себя смотреть на очередной горящий след. Поднял дрожащую ногу...

И медленно, медленно голова его поворачивалась... назад, к контрольному шару.

Он опустил ногу. Снова поднял ее... и снова опустил. Всхлипнул. И я напрягался в своих оковах, проклиная все и всхлипывая вместе с ним...

Голова его полуобернулась, лицо было обращено прямо ко мне.

Он отпрянул от отпечатка. Тело его развернулось с быстротой лопнувшей пружины. Он взглянул на шар и увидел.

Три отпечатка на счастливой половине!

Громкий вздох донесся из темного амфитеатра.

— Орудие снова продемонстрировало свою негодность. — Это был голос Сатаны. — Подумать только! Спасение было уже в ваших руках, Картрайт. И вы, подобно Лотовой жене, обернулись, чтобы взглянуть. А теперь вы должны спуститься... и проделать все заново. Но подождите. Посмотрим, не утратили ли вы нечто гораздо большее, чем про-

сто спасение. Этот отпечаток, наступить на который у вас не хватило мужества. Он каков? Мне любопытно это узнать.

И на белом полудиске шара вспыхнул еще один сияющий след!

Корона и скипетр! Земная империя! Не только свободен от Сатаны — но и его хозяин!

Все это мог выиграть Картрайт.

Но он обернулся — и проиграл.

Из тьмы доносились стоны, бормотание. Их заглушил ужасный смех, он катился от неподвижных губ Сатаны.

— Проиграл! Проиграл! — насмехался он. — Возвращайтесь, Картрайт. И взбирайтесь снова. Но думаю, вторично такое счастье к вам не придет. Спускайтесь, предатель. И поднимитесь снова! — Он нажал рычаг, невидимый механизм зажужжал, и семь отпечатков вспыхнули с новой силой.

Картрайт спустился по ступеням. Он шел, как кукла, которую дергают за ниточки.

Он остановился у основания лестницы. Повернулся и снова, как марионетка, начал подниматься, ступая автоматически на каждый след, к которому подходил. Глаза его не отрывались от скипетра и короны. Рот был перекошен, как у убитого горем ребенка; поднимаясь, он плакал.

Раз — сверкающий отпечаток на черной стороне шара.

Два — другой там же.

Три — след на белой стороне.

Четыре — след на черной!

Приступ адского хохота сотряс Сатану. Мне на мгновение показалось, что его черный плащ растаял, стал воздушным и превратился во всеобъемлющую тень. Черная тень, казалось, нависла над ним.

Хохот его гремел, а Картрайт карабкался по ступеням, с искаженным лицом, с взглядом, не отрывавшимся от сверкающих побрякушек на золотом троне, с протянутыми к ним руками...

Послышался свистящий звук. Черный ужас наклонился вперед и кинул свое лассо. Оно упало на голову Картрайту и обхватило его плечи.

Рывок, и Картрайт упал.

И мучитель потянул его, не сопротивлявшегося, по ступеням.

Свет погас. Наступившая тьма казалась еще мрачнее от раскатистого демонического хохота.

Хохот прекратился. Я услышал тонкий жалобный крик.

Свет загорелся снова.

Черный трон был пуст. Пуст был и помост. Ни Сатаны, ни палача — ни Картрайта!

Только скипетр и корона насмешливо горели на золотом троне между двумя линиями неподвижных людей, одетых в белое.

Глава седьмая

Кто-то тронул меня за руку, я вздрогнул и увидел Консардайна. На его лице была тень того же ужаса, который я ощущал на своем.

Зажимы, удерживавшие мои руки и ноги, разжались, вуаль с лица поднялась. Я встал из кресла. Снова в храме стало темно.

Затем медленно загорелся янтарный свет. Я посмотрел на заднюю часть храма. Ряды сидений в амфитеатре были пусты, не осталось никого из той скрытой аудитории, чьи вздохи и бормотание доносились до меня.

Исчез золотой трон и то, что лежало на нем. Исчезли все люди в белом, кроме двоих. Эти двое охраняли черный трон.

Сверкали голубые глаза каменного Сатаны. Пылали семь сияющих отпечатков детской ноги.

«Они открыли ему дорогу в рай, но он ослаб, и они привели его прямо в ад».

Консардайн смотрел на семь следов, и на лице его было то алчное выражение, которое я видел на лицах посетителей Монте-Карло, склонившихся над столом с рулеткой; лица, вылепленные жгучей страстью азарта, свойственной больше женщинам; лица, голодно глядящие на колесо перед тем, как оно начинает вращаться; эти люди видят не колесо, а то золото, которое они могут вырвать из полных горстей судьбы. Как и они, Консардайн видел не пылающие следы, а ту зачарованную страну исполненных желаний, куда они могут привести.

Паутина искушений, раскинутая Сатаной, владела им!

Что ж, несмотря на все виденное мной, эта паутина захватила и меня. Я чувствовал нетерпение, напряженное желание испытать собственную удачу. Но сильнее стремления обрести сокровища, которые он обещал, было желание заставить этого насмешливого, холодного и безжалостного дьявола подчиняться мне, как он заставил меня подчиняться себе.

Консардайн оторвался от очаровывавшего его зрелища и повернулся ко мне.

— У вас был нелегкий вечер, Киркхем, — сказал он. — Хотите идти прямо к себе или заглянете ко мне, мы немного выпьем?

Я колебался. Мне хотелось задать тысячи вопросов. И все же более настоятельной была необходимость остаться в одиночестве и переварить все, что я видел и слышал в этом странном месте. К тому же — на сколько из тысяч моих вопросов он ответит? Судя по предыдущему опыту, таких будет немного. Он сам принял решение.

— Вам лучше лечь, — сказал он. — Сатана хочет, чтобы вы обдумали его предложение. В конце концов мне не разрешено, — он торопливо поправился, — мне нечего добавить к тому, что сказал он. Он

хочет получить ответ завтра утром, вернее, — он взглянул на часы — сегодня, поскольку уже почти два часа ночи.

— Когда я его увижу?

— О, не раньше полудня. Он, — Консардайн слегка вздрогнул, — он будет с утра занят. Можете спать до полудня, если хотите.

— Хорошо, — ответил я, — пойду к себе.

Без дальнейших комментариев он провел меня через амфитеатр к задней стене храма. Нажал, одна из панелей скользнула в сторону, открыв еще один маленький лифт. Заходя в него, Консардайн оглянулся. Отпечатки тревожно мерцали. Двое одетых в белое стражников стояли по обе стороны черного трона, внимательно глядя на нас своими странными глазами.

Консардайн снова вздрогнул, затем вздохнул и закрыл панель лифта. Мы вышли в длинный сводчатый коридор, выложенный плитами мрамора. Дверей в нем не было. Консардайн нажал на одну из плит, и открылся второй лифт. Он остановился, и я оказался в комнате, в которой переодевался в вечерний костюм.

На кровати была приготовлена пижама, в кресле — купальный халат, под креслом — домашние туфли. На столе стояли графины с виски, ромом и бренди, содовая, чаша со льдом, фрукты и пирожные, несколько коробок моих любимых сигарет и — мой пропавший бумажник!

Я открыл его. Мои визитные карточки, письма, деньги — все нетронуто. Без слов я налил себе и предложил Консардайну присоединиться ко мне.

— За счастливые шаги, — он поднял свой стакан — Пусть вам повезет в их выборе!

— И вам тоже, — ответил я. Лицо его дернулось, измученное выражение появилось во взгляде, он странно взглянул на меня и чуть не поставил стакан.

— Тост вам, а не мне, — наконец сказал он и осушил свой стакан. Потом пошел к лифту. У панели остановился.

— Киркхем, — медленно заговорил он. — Спите спокойно, ничего не бойтесь. Но — держитесь подальше от стен. Если чего-то захотите, позвоните, — он показал кнопку на столе, — придет Томас. Повторяю — не пытайтесь открыть эти панели. На вашем месте я бы сразу лег спать и ни о чем не думал до пробуждения. Кстати, хотите снотворного? Я ведь и на самом деле доктор, — он улыбнулся.

— Спасибо, — ответил я. — Я усну и так.

— Спокойной ночи. — Панель за ним закрылась.

Я налил себе еще и начал раздеваться. Сонным я себя не чувствовал — совсем наоборот. Несмотря на предупреждение Консардайна, я осмотрел стены спальни и ванной, трогая их в разных местах. Стены казались прочными, сплошными, из крепкого дерева, выкрашенного под

мрамор и прекрасно отполированного. Как я и думал, не было ни окон, ни дверей. Комната моя, в сущности, оказалась роскошной камерой.

Одну за другой я выключил все лампы, лег в постель и потушил последнюю, стоявшую на столике рядом.

Не знаю, долго ли я лежал в темноте, размышляя, прежде чем ощутил, что в комнате я не один. Я не слышал ни малейшего звука, но был абсолютно уверен, что в комнате есть еще кто-то. Я выскользнул из-под легкого покрывала и переместился в ноги кровати. Присел тут на одной ноге, готовый прыгнуть на тайного посетителя, когда он подойдет к кровати. Зажечь свет означало бы отдаться ему в руки. Кто бы он ни был, он, очевидно, считает меня спящим, и нападение — если оно будет — произойдет в том месте, где естественно находиться спящему человеку. Но мое тело было совершенно в другом месте, и мне предстояло удивить визитера.

Вместо нападения я услышал шепот:

— Это я, капитан Киркхем, Гарри Баркер. Ради Бога, сэр, не шумите!

Мне показалось, что я узнаю этот голос. Потом я вспомнил. Баркер, маленький солдат-кокни, которого я нашел в изорванных осколками зарослях на Марне. Он потерял много крови. Я оказал ему первую помощь и отнес маленького солдата в полевой госпиталь. Так получилось, что я провел несколько дней в городе, где размещался базовый госпиталь, куда в конце концов поместили Баркера. У меня вошло в привычку регулярно заходить к нему потолковать, я приносил ему сигареты и другие мелочи. Его благодарность и преданность были собачьими и трогательными: он оказался сентиментальным малым. Но как, во имя Господа, он появился здесь?

— Вы меня помните, капитан? — в шепоте звучало беспокойство. — Подождите. Я вам покажу...

Загорелась маленькая лампочка, так затененная руками, чтобы на мгновение осветить только лицо говорящего. Но в это мгновение я узнал Баркера. Тонкое, узкое лицо, взъерошенные волосы песочного цвета, короткая верхняя губа.

— Баркер, будь я проклят! — я негромко произнес это, но не добавил, как приятно мне его видеть; если бы он был достаточно близко, я бы его обнял.

— Ш-ш-ш! — предупредил он. — Я уверен, что за мной никто не следит. Но в этом проклятом месте нельзя ни в чем быть уверенным. Возьмите меня за руку, сэр. Там стул, возле того места, где я вышел из стены. Сядьте на него и зажгите сигару. Если я что-нибудь услышу, ускользну назад — а все, что вы делаете, сидите и курите.

Рука его коснулась моей. Казалось, он видит в темноте: он безошибочно провел меня по комнате и усадил на стул.

— Закуривайте, сэр, — сказал он.

Я зажег спичку и закурил сигару. Пламя осветило комнату, но не Баркера. Я погасил спичку и через мгновение услышал возле своего уха шепот:

— Прежде всего, сэр, не позволяйте ему дурачить вас этим вздором насчет того, что он дьявол. Конечно, он дьявол, проклятый, гнусный дьявол, но не настоящий. Он вас обманывает, сэр. Он человек, как вы и я. Нож в его черное сердце или пуля в кишки — и вы убедитесь.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил я шепотом.

— Видел вас в кресле, — ответил он. — Вот моя рука. Когда захотите сказать что-нибудь, нажмите, и я наклонюсь. Так безопаснее. Да, видел вас в кресле — там. Дело в том, сэр, что я как раз слежу за этим креслом. Да и за многим другим тоже. Поэтому он и оставил меня в живых, Сатана, я хочу сказать.

И он с горечью вернулся к первой теме.

— Он не подлинный дьявол, сэр. Никогда не забывайте об этом. Меня воспитали богобоязненным. Мои родители были пятидесятниками. Учили меня, что Сатана в аду. Вот когда эта проклятая свинья попадет в ад, настоящий дьявол покажет ему за то, что он украл его имя! Боже, как мне бы хотелось это увидеть!.. Увидеть снаружи, — торопливо добавил он.

Я пожал ему руку и почувствовал, как его ухо чуть не коснулось моих губ.

— Как вы сюда попали, Гарри? — прошептал я. — И кто он — Сатана, кто он на самом деле?

— Я вам все расскажу, капитан, — ответил он. — Займет немного времени, но Бог знает, когда снова будет возможность. Поэтому я и пробрался к вам, как только смог. Этот кровожадный зверь издевается над бедным Картрайтом. Смотрит, как тот умирает! Остальные спят или напиваются до полусмерти. Но все же, как я сказал, нужна осторожность. Позвольте мне рассказать, а потом я отвечу на вопросы.

— Давайте, — согласился я.

— До войны я был электриком, — донесся из темноты шепот. — Лучше меня не было. Настоящий мастер. Он это знает. Поэтому и оставил меня в живых, я говорил вам. Сатана — ах-х-х!

После войны дела пошли худо. Найти работу трудно, жизнь дорогая. Да и я по-другому стал смотреть на вещи. Видел множество лицемеров, которые в войну палец о палец не ударили, а жили роскошно и гребли себе все. Какое право они имеют на это, когда те, кто воевал, и их семьи голодают и мерзнут?

Руки у меня всегда были ловкие. И на ноги я легок. Карабкаюсь. Как кошка. Как проклятая многоножка. И тихо! Привидение в галошах — парад по сравнению со мной. Я не хвастаю, сэр. Просто рассказываю.

И вот я сказал себе: «Гарри, это все неправильно. Гарри, пора тебе применить свои таланты. Пора приняться за настоящую работу, Гарри».

С самого начала в новом деле я был хорош. Поднимался все выше и выше. От вилл к жилым домам, от жилых домов к особнякам. И никогда не попадался. Меня прозвали Гарри Король Кошек. Поднимался по водосточной трубе, как циркач на шест, а по стене дома — как по водосточной трубе. И в новом деле был мастером.

Потом встретил Мэгги. Такая, как Мэгги, сэр, бывает только раз. Такие быстрые пальцы! После нее Гудини и Герман — как замедленная съемка. И настоящая леди. Когда хотела.

Много отличных парней увивались возле Мэгги. Всем отказ. Вся была в работе. «Черт возьми! — говорила она, как герцогиня. — На кой дьявол мне муж? Черт возьми! — она говорила. — От мужа столько же толку, как от головной боли!» Около нее не разбежишься, около Мэгги.

Капитан, мы с ума сходили друг по другу. Быстро поженились. Сняли хорошенький домик в Мейд-Вэйл. Был ли я счастлив? А она? Боже!

«Послушай, Мэгги, — сказал я, когда кончился медовый месяц. — Тебе теперь незачем работать. Я хороший кормилец. Такой же надежный, как добросовестный рабочий. Наслаждайся жизнью и сделай наш дом уютным».

И Мэгги ответила: «Хорошо, Гарри!»

Помню, я тогда носил зажим для галстука, который она мне подарила на свадьбу. С большим рубином. И часы она мне подарила, и модное кольцо с жемчугами. Я их увидел у джентльменов в отеле, где мы остановились на ночь, и восхищался ими. А когда мы пошли в нашу комнату, она мне их все подарила. Вот как Мэгги работала!

Я с трудом сдержал смешок. Эта рассказанная шепотом в темноте романтическая история добросовестного и умелого солдата и электрика, превратившегося в не менее добросовестного и умелого вора, была наилучшим завершением необыкновенной ночи. Она смыла с моего мозга покров ужаса и вернула к норме.

— Через день-два я взял отгул, и мы пошли в театр. «Как тебе нравится эта булавка, Гарри?» — прошептала Мэгги и взглядом показала на сверкающую вещь в галстуке одного джентльмена. «Прекрасная вещь», — беспечно ответил я. «Вот она», — сказала Мэгги, когда мы вышли из театра.

«Послушай, Мэгги, — сказал я тогда, — я ведь тебе говорил, что не хочу, чтобы ты работала. Разве я не обеспечиваю тебя, как обещал? Я сам могу добыть любую булавку, если хочу. Я хочу, Мэгги, чтобы у нас был уютный, удобный, счастливый дом, в котором, когда я возвращаюсь с ночной работы, меня встречала бы жена. Я не позволю тебе работать, Мэгги!»

«Хорошо, Гарри», — ответила она.

Но, капитан, было совсем не хорошо. Дошло до того, что когда мы выходили вместе, я не осмеливался глядеть на зажимы для галстука, часы и все прочее. Не мог даже похвалить вещь в магазине. Стоило мне это сделать, когда мы возвращались домой или на следующий день эта вещь была уже у меня. А Мэгги была так горда, так радовалась, что у меня не хватало духу... Да, это была любовь, но... дьявольщина!

Она ждала меня, когда я возвращался домой. Но если я раньше времени просыпался, ее не было. А когда я просыпался после ее возвращения, первое, что я видел — разложенные на столе кружева, или меховое пальто, или одно-два кольца.

Она опять работала!

«Мэгги, — сказал я, — это нехорошо. Ты не щадишь мою гордость. А что будет, когда появятся дети? Папа работает всю ночь и спит днем, а пока он спит, мама работает и спит, когда папы нет дома. Черт возьми, Мэгги, они будут все равно что сироты!»

Ничего не действовало, капитан. Она любила работу больше меня, а может, просто не могла нас разделить.

В конце концов я бросил ее. Сердце мое разбито, сэр. Я любил ее и наш дом. Но этого я выдержать не мог.

Так я оказался в Америке. Я, Гарри Король Кошек, в изгнании, потому что моя жена не захотела перестать работать.

Здесь дела тоже пошли хорошо. Но я не был счастлив. Однажды, будучи за городом, я наткнулся на большую стену. Хорошая стена, привлекательная. Некоторое время спустя я увидел ворота и за ними дом охраны. Ворота не решетчатые, сплошные, металлические.

«Боже всемогущий! — сказал я себе. — Тут, должно быть, живет герцог Нью-Йоркский». Я осмотрелся. Стена не меньше пяти миль. Я спрятался поблизости, а ночью вскарабкался на нее. Ничего не увидел, кроме деревьев и далеких огней — какое-то большое здание.

Прежде всего я заметил провода. На самом верху стены. Я их не тронул. Решил, что они под напряжением. Заглянул вниз и рискнул зажечь фонарь. Внизу, как раз в том месте, где окажется человек, перелезший через стену, еще два ряда проводов. И до земли двенадцать футов.

Любой другой на моем месте был бы обескуражен. Но меня не зря прозвали Королем Кошек. Я прыгнул. Приземлился мягко, как кошка. Как ласка, проскользнул меж деревьев. Пришел к большому дому.

Видел множество странного народа внутри и вокруг. Потом большинство огней погасло. Взобрался к месту, которое наметил, и оказался в большой комнате. Ну и добра было в этой комнате! Голова закружилась. Взял несколько отличных вещиц и тут заметил что-то странное. В комнате не было ни одной двери. «Как, во имя дьявола, сюда

попадают?» — спросил я себя. И тогда я посмотрел на окно, через которое залез.

Боже всемогущий! Капитан, я чуть не выскочил из рубашки! Окон не было! Они исчезли. Сплошная стена!

И тут загорелся яркий свет, и из стены вышла дюжина людей с веревками и огромный человек за ними. Я съежился, когда он взглянул на меня. Испугался до смерти! Если раньше я чуть не выпал из рубашки, то теперь готов был выпасть из штанов!

Ну, это был этот проклятый тип — Сатана, понятно? Он просто стоял и жег меня взглядом. Потом начал задавать вопросы.

Капитан, я все ему рассказал. Как будто он Бог. Он меня наизнанку вывернул. Рассказал ему о том, что я электрик, о своей новой работе, о Мэгги. Как вам сейчас, только подробнее. Он из меня всю жизнь вытянул, начиная с колыбели.

Он смеялся. Этот ужасный смех. Вы его слышали. О, как он смеялся. А в следующий момент я стоял у стола и рассказывал все заново Консардайну.

С тех пор я здесь, капитан Киркхем. Он приговорил меня к смерти, сэр, и рано или поздно он до меня доберется. Если до него не доберутся раньше. Но я ему полезен. И пока я полезен, он мне ничего не сделает. И еще он говорит, что я его развлекаю. Хорошенькое развлечение! Ставит меня перед Консардайном и остальными и заставляет рассказывать о моей работе, о мечтах, о самых тайных чувствах. Все о Мэгги. Все о ней, сэр.

Боже, как я его ненавижу! Насмешливый кровожадный голубоглазый сукин сын! Но он получил меня. Он меня получил! И вас тоже.

Голос маленького человечка поднялся до опасной высоты. В нем явственно прозвучали истеричные нотки. Я чувствовал, под каким напряжением он живет. Но помимо того, что его незатейливый рассказ и протяжное произношение давали мне необходимую разрядку, я понимал, что ему нужно дать выговориться. Я, вероятно, первый человек, который отнесся к нему с сочувствием после его заключения в этом месте. Конечно, я тут его единственный друг, и ему кажется, что меня послало само Небо. Меня глубоко тронуло, что он прибежал ко мне, как только меня узнал. Несомненно, он при этом подвергался большому риску.

— Тише, Гарри! Тише! — прошептал я, похлопав его по руке. — Вы теперь не один. Вдвоем мы как-нибудь вас отсюда вытащим.

— Нет! — Я представил себе, как он с отчаянием трясет головой. — Вы его не знаете, сэр. Уйти отсюда не удастся. Он не даст времени. Нет. Живым я отсюда не уйду.

— Как вы узнали, где я? Как вы меня нашли? — спросил я.

— Прошел сквозь стены, — ответил он. — Во всем этом месте нет ни одной честной лестницы или двери. Ничего, кроме проходов в сте-

нах, отодвигающихся панелей и лифтов повсюду, набито их, как семян в тыкве. Сатана, только он знает всю комбинацию. Консардайн, его правая рука, тоже много знает. Но я знаю больше Консардайна. Должен знать. Я здесь уже два года. Никогда не выходил из дома. Он меня предупредил. Если выйду, он меня прикончит. Ползал, ползал, ползал повсюду, как крыса, при любой возможности ходил по проходам. Много проводов там, нужно за ними смотреть. Не знаю все, но многое знаю. Все время шел за вами и Консардайном.

— Но кто такой Сатана? — спросил я. — Я хочу сказать, откуда он? Ведь не из ада же?

— Кажется, он отчасти русский, отчасти китаец. Китайское в нем есть, это точно. Не знаю, откуда он явился. Не смел расспрашивать. Слышал, что он купил это место десять лет назад. Люди, которые разобрали старый дом на части и проделали все эти проходы, были китайцы.

— Но ведь вы один не можете смотреть за таким огромным домом, Гарри, — сообразил я. — И Сатана вряд ли доверит вам все свои ходы.

— Он позволяет мне использовать его рабов кефта.

— Я уже дважды за вечер слышу это слово. Кто они?

— Они? — В его голосе звучали отвращение и ужас. — От них у меня мурашки бегут по коже. Он поит их кефтом. Опиум, кокаин, гашиш — все это материнское молоко по сравнению с кефтом. Дает каждому его особый рай — пока не проснешься. Убийство — самое меньшее, на что они пойдут, чтобы получить еще дозу. Парни в ночных рубашках, что стоят по краям лестницы, из их числа. Слышали о Горном Старце, который рассылал своих убийц? Мне о нем приятель на войне рассказывал. Сатана делает то же самое. Выпьешь раз, и уже без этого не обойтись. Он заставляет их верить, что когда их убьют за него, он отправит их в такое место, где у них будет вечное счастье, которое здесь кефт дает им лишь на время. Они все ради Сатаны сделают! Все!

Наконец я задал вопрос, который давно хотел задать.

— Вы знаете девушку по имени Ева? Большие карие глаза и...

— Ева Демерест, — ответил он. — Бедняжка. Он и ее получил. Боже, что за стыд! Он ее утащит в ад, а она ангел, она... Тише! Курите!

Он выдернул свою руку. Я услышал слабый звук от противоположной стены. Затянулся сигарой и со вздохом вытянулся в кресле. Снова звук, вернее призрак звука.

— Кто здесь? — резко спросил я.

У стены вспыхнул свет, рядом с панелью стоял Томас, лакей.

— Вы меня звали, сэр? — Взгляд его обыскивал комнату, потом остановился на мне; в нем было подозрение.

— Нет, — равнодушно ответил я.

— Я уверен, что был звонок, сэр. Я уже засыпал... — Он заколебался.

— Значит, это вам приснилось, — сказал я ему.

— Расстелю вам постель, сэр, раз уж я здесь.

— Давайте. Докурю и лягу.

Расправляя постель, он вытащил из кармана платок. Монета упала на пол у его ног. Он наклонился, чтобы поднять ее. Она выкатилась из его пальцев и закатилась под кровать. Он встал на колени и пошарил рукой под кроватью. Очень аккуратно все было проделано. Я как раз думал, просто ли он заглянет под кровать или изобретет какую-нибудь уловку.

— Хотите выпить, Томас? — сердечно спросил я его, когда он встал, по-прежнему оглядывая комнату.

— Спасибо, сэр. — Он налил себе изрядную порцию. — Если не возражаете, разбавлю водой.

— Действуйте. — Он прошел в ванную и зажег там свет. Я продолжал невозмутимо курить. Он вышел, очевидно, убедившись, что никого нет. Выпил свою порцию и пошел к панели.

— Надеюсь, вы хорошо выспитесь, сэр.

— Конечно, — жизнерадостно ответил я. — Выключите свет, выходя.

Он исчез, но я был уверен, что он стоит за стеной и прислушивается. Немного спустя я громко зевнул, встал, подошел к кровати и лег, не стараясь при этом не шуметь.

Некоторое время я лежал без сна, обдумывая ситуацию в свете того, что сообщил мне Баркер. Зáмок без лестниц и «честных дверей»... Лабиринт тайных проходов и скользящих стен. И маленький вор, ползающий, проползающий сквозь стены, лишенный возможности выйти, терпеливо узнающий один за другим все секреты. Если мне и нужен был союзник, то именно такой, действительно редкий союзник.

А Сатана?! Дающий рай, распределяя в розницу среди своих рабов мощный наркотик. Другим сулящий рай при помощи семи отпечатков. Какова его цель? Что он от этого получает?

Ну что ж, вероятно, завтра, вновь увидевшись с ним, я узнаю больше.

А Ева? Проклятый шпион Томас прервал нас тогда, когда я мог что-нибудь узнать о ней.

Ладно, поиграем с Сатаной — с некоторыми ограничениями.

Я уснул.

Глава восьмая

Когда я проснулся, Томас выбирал в шкафу костюм. Я слышал, как в ванной шумит вода. Долго ли он находился в комнате, я не мог сказать. Несомненно, он тщательно и, может быть даже неоднократно,

обыскал ее. Я лениво гадал, что могло вызвать его подозрения. Взглянул на часы: они стояли.

— Добрый день, Томас, — окликнул я. — Который час?

Он выглянул из шкафа, как вспугнутый кролик.

— Час дня. Я не стал бы вас беспокоить, сэр, но хозяин хочет позавтракать с вами в два.

— Хорошо. — Я направился в ванную. Пока я плескался, полуоформленный план, который зародился, когда я засыпал, вдруг выкристаллизовался в сознании. Я попытаю счастья на отпечатках немедленно. Но — пройду не всю дистанцию. Наступлю только на два следа, не больше. Мне многое нужно узнать, прежде чем рисковать полной отдачей душой и телом Сатане.

Я надеялся, что лишь один из двух отпечатков будет его. В худшем же случае мне предстоял год службы. Что ж, и против этого я не возражал.

В действительности я хотел противопоставить Сатане не удачу, а ум.

Я не хотел сбегать от него. Мне хотелось стать частью его окружения, адское оно или нет. Баркер давал мне уникальное преимущество. Благодаря ему я вполне мог скинуть раскосого голубоглазого дьявола с его черного трона, разрушить его власть и — что ж, не будем бояться слов — пограбить его.

Или, выражаясь более прилично, возместить тысячекратно то, что он у меня отнял.

У меня было двадцать тысяч долларов. В таком случае, чтобы расквитаться, я должен отобрать у Сатаны двадцать миллионов...

Вот это будет игра! Я рассмеялся.

— Вы веселый человек, сэр, — сказал Томас.

— Птицы, Томас, — ответил я, — поют везде. Везде, Томас. Даже здесь.

— Да, сэр, — сказал он, с сомнением глядя на меня.

Я был готов без четверти два. Лакей провел меня в зал, а оттуда еще в один лифт, который на этот раз поднялся гораздо выше. Я оказался в маленькой прихожей, ее единственная дверь охранялась двумя высокими рабами.

Пройдя через нее, я был ослеплен потоком солнечного света. Этот свет, казалось, сконцентрировался на девушке, которая полувстала из-за стола при моем появлении. Это была Ева, но совсем другая, не та, которая так искусно помогала похитить меня накануне вечером. Тогда я счел ее весьма привлекательной, теперь же я понял, насколько несоответствующим было это определение.

Девушка была прекрасна. Ее ясные карие глаза серьезно смотрели на меня со странным вниманием. Маленькая гордая головка, головка принцессы, в ее волосах солнечный свет выкрасил красным золотую

диадему; рот еще слаще, чем я... испытал; я глядел на ее губы, которые так безжалостно целовал, и щеки девушки покраснели.

— Ева, это мистер Киркхем, — Консардайн, произнесший это, явно забавлялся. — Мне кажется, мисс Демерест и вы уже встречались.

— Думаю, — медленно ответил я, — что вижу мисс Демерест впервые. Надеюсь, она... тоже будет так считать.

Я не мог извиниться иначе. Примет ли она протянутую оливковую ветвь? Глаза ее расширились, как от укоризны и удивления.

— Подумать только, — печально сказала Ева, — мужчина так быстро может забыть, что целовал меня. Вряд ли это комплимент; а как вы считаете, доктор Консардайн?

— Мне это кажется невозможным, — правдиво ответил Консардайн.

— Нет, — вздохнула Ева, — нет, мистер Киркхем. Не могу с вами согласиться, что это наша первая встреча. Знаете, у вас такой убедительный способ заставлять себя запомнить. А женщина не забывает так быстро, как ее целовали.

Я вспыхнул. Ева уже представила достаточно доказательств того, что она превосходная маленькая актриса. Но что означает этот эпизод? Я не верил, что она так оскорблена моими действиями в подземке: она для этого слишком умна. Но она мне не верила, я ей не нравился.

— Мои слова, — сказал я, — вызваны исключительно вежливостью. На самом деле, мисс Демерест, я считаю эти поцелуи щедрым вознаграждением за все неудобства, связанные с моим интригующим путешествием сюда.

— Ну что ж, — холодно сказала она, — в таком случае сделка заключена, и мы в расчете. И не утруждайте себя быть со мной вежливым, мистер Киркхем. Будьте сами собой. Так вы гораздо интереснее.

Я проглотил гневный ответ и поклонился.

— Совершенно верно, — так же холодно, как она, ответил я. — Во всяком случае, кажется, мне нет причин быть вежливым с вами.

— Вовсе нет, — равнодушно сказала она. — И, откровенно говоря, чем меньше я буду сталкиваться даже с вашей естественной сущностью, тем лучше для нас обоих.

У меня мелькнула мысль, что фраза какая-то странная. И в этих карих глазах была какая-то загадка. Что она хотела сказать? Хотела передать что-то, чтобы не заподозрил Консардайн? Я услышал смешок, повернулся и оказался лицом к лицу — с Сатаной.

Не знаю, долго ли он слушал. Взгляд его был устремлен на девушку. Я увидел, как вспыхнули его алмазные глаза, как какое-то дуновение пробежало по лицу, как будто скрытый в нем дьявол облизал губы.

— Ссоритесь? Нехорошо! — елейно сказал он.

— Ссоримся? Вовсе нет, — холодно возразила Ева. — Так случилось, что мне не нравится мистер Киркхем. К сожалению, это так. Мне ка-

жется, лучше сразу сказать ему об этом, чтобы мы в будущем избегали друг друга, конечно, если вы не сочтете, что нам нужно быть вместе, Сатана.

Обескураживающе, мягко выражаясь. Я не пытался скрыть свою досаду. Сатана взглянул на меня и снова издал смешок. Мне показалось, что он доволен.

— Ну что ж, — мягко сказал он, — даже у меня нет власти над пристрастиями. Я могу лишь использовать их. Между тем — я голоден.

Он сел во главе стола. Ева справа от него, я слева, а Консардайн за мной. Прислуживали нам маньчжур дворецкий и еще один китаец.

Очевидно, мы находились в башне. Окна располагались высоко, и я через них видел только голубое небо. На стенах висели картины Фрагонара и Буше; несомненно, они были получены благодаря «убедительности» посланцев Сатаны. Остальное в комнате соответствовало картинам; комната была обставлена с той же поразительной эклектикой и своеобразным пониманием прекрасного, которые я заметил и в большом зале, и в том помещении, где впервые увидел этого голубоглазого дьявола.

Ева, отказав мне в уважении, была со мной холодна, но вежлива, в разговоре с Сатаной и Консардайном она сверкала остроумием и умом. Все трое, казалось, забыли трагедию в храме и наказание Картрайта. Сатана был в хорошем настроении, но доброта его была дьявольским — только так я могу охарактеризовать это — напоминанием о диком звере, игривом, так как он не голоден, жестоком, но несколько смягчившим пытку, которой он подвергает свою жертву. В воображении возникла яркая картина: Сатана, как тигр, рвет тело человека, которого он несколько часов назад отправил к воротам ада.

Однако при солнечном свете он не казался больше таким ужасным. И если он и был, как выразился Баркер, «падок на развлечения», то он и сам отлично развлекал. Разговор коснулся Чингисхана, и с полчаса Сатана рассказывал нам о правителе Золотой Орды и его черном дворце в затерянном городе Хара-Хото в Гоби; его рассказы заставили меня забыть о настоящем, я как бы видел и слышал мир, исчезнувший десять столетий назад; рассказы трагические и комические, раблезианские и нежные — и все так ярко, будто он сам был свидетелем того, что описывал. Слушая, я думал, что иначе и быть не должно. Дьявол или нет, но этот человек очаровывал.

В конце он знаком приказал слугам удалиться и, когда они вышли, неожиданно спросил у меня:

— Ну, Джеймс Киркхем, да или нет?

Я изобразил колебание. Склонил голову на руку и украдкой бросил взгляд на Еву. Она изящными пальцами прикрывала рот, сдерживая зевок, — но лицо ее побледнело, только что оно таким не было. Я чувствовал, как осязаемо давит на меня воля Сатаны.

— Да или нет? — повторил он.

— Да, если, Сатана, вы ответите на один вопрос.

— Спрашивать никому не запрещено, — ответил он.

— Я хотел бы знать, какой вы... наниматель, прежде чем решусь на игру, в которой могу проиграть жизнь. Человек — это его цели плюс способы, которыми он достигает их. Что касается ваших методов, то у меня была достаточная возможность составить о них представление. Но каковы ваши цели? В старину, Сатана, этот вопрос не был необходим. Каждый, кто имел дело с вами, знал, что ваша цель — души для ваших печей. Но, как я понял, ад модернизировался вместе с его хозяином. Печи вышли из моды, и топлива для них не требуется. Но, как и прежде, вы приводите ваших возможных последователей на вершину горы и предлагаете им земные царства. Итак, вопрос. Что вы имеете от этого теперь?

— Вот одна из причин моего отвращения к мистеру Киркхему, — сказала Ева. — Он не признает ничего, что не было бы сбалансировано в бухгалтерских книгах. У него душа лавочника.

Я не обратил внимания на этот выпад. Но Сатана опять рассмеялся сквозь неподвижные губы.

— Достойный вопрос, Ева, — сказал он ей. — Не забывайте, что даже я веду расчеты — и предъявляю их, когда приходит время.

Последние слова он произнес медленно, задумчиво, глядя на нее — и опять я заметил тень дьявольского злорадства в его лице. Она тоже заметила это и прикусила задрожавшую губу.

— Тогда ответьте, — резко сказал я, чтобы отвлечь от нее внимание Сатаны. Он посмотрел на меня, как бы подбирая слова.

— Назовем это, — сказал он наконец, — забавой. Я существую, чтобы забавляться. Только ради этого я остаюсь в мире, в котором, когда все сделано и сказано, забава в той или иной форме — единственная цель, единственная, делающая жизнь выносимой. Таким образом, как вы понимаете, моя цель проста. Но что же забавляет меня?

Три обстоятельства. Я великий драматург, величайший из когда-либо живших, потому что пьесы мои реальны. Я готовлю сцены для моих пьес, для моих фарсов и комедий, драм и трагедий, для моих эпопей. Я руковожу актерами. Я единственная аудитория, я вижу каждое действие, каждую линию в моих пьесах с начала и до конца. Иногда то, что начинается как фарс, превращается в высокую трагедию, трагедии становятся фарсами, одноактные отступления развиваются в эпопеи, правительства уходят, великие падают со своих пьедесталов, низкие возвышаются. Некоторые живут ради шахмат. Я играю в шахматы живыми фигурами и одновременно несколько десятков партий во всех концах мира. Все это забавляет меня. Далее, если я действительно князь тьмы, что, как я вижу, Джеймс Киркхем, вы не вполне признаете, мое искусство делает меня напарником другого сверхдраматур-

га, моего древнего небесного соперника, известного, в соответствии с наиболее распространенной местной религией, как Иегова. Нет, оно ставит меня выше: я переписываю его сценарий. Это также забавляет меня.

Под учтивой сардонической насмешкой я чувствовал правду. Для этого холодного чудовищного интеллекта мужчины и женщины — лишь марионетки, которых он передвигает по мировой сцене. Страдание, горе, боль телесная и духовная — всего лишь забавные реакции на создаваемые им ситуации. Подобно темной силе, чье имя он принял, души для Сатаны — его игрушки. Их гримасы развлекают его. В этом его вознаграждение за деятельность.

— Это одно из трех, — продолжал он. — Второе? Я ценитель красоты. В сущности, красота — единственное, что может вызвать во мне... то, что может быть названо эмоцией. Время от времени случается, что человек, его мозг, глаза, сердце, руки, создает предметы, которые несут на себе печать совершенства, монополию на которое традиция приписывает тому самому небесному сопернику — я его уже упоминал. Это может быть картина, статуя, резное дерево, хрусталь, ваза, ткань — одна из десяти тысяч вещей. Но в ней заключено существо красоты, которую человечество называет божественной и которую слепо, ощупью всегда ищет — потому что она забавна. Лучшие из таких вещей я время от времени беру себе. Но — мне они интересны, только если я приобретаю их по-своему. Тут возникает третий момент — азарт, игра.

Например. По зрелом размышлении я решил, что Мона Лиза Да Винчи из Лувра обладает качествами, которые мне желательны. Купить ее, разумеется, нельзя; да у меня и нет желания покупать. Однако она здесь. В этом доме. Я позволил Франции получить прекрасную копию, в которой мои эксперты в совершенстве воспроизвели даже микроскопические трещины в краске. Только теперь это начинают подозревать. Но уверенными никогда не будут — и это забавляет меня больше, чем если бы они знали точно.

Джеймс Киркхем, люди по всей земле рискуют жизнями в поисках сокровищ. Уверяю вас, что никогда, никогда за время существования человечества не было сокровищницы, подобной этому моему дому. Десять богатейших людей мира не могли бы купить ее. Она стоит больше, чем весь золотой запас Англии.

Ее стоимость в долларах и фунтах — для меня ничто. Но обладать этой сущностью красоты, жить с нею — это... много! И знать, что плоды лучших вдохновений, ниспосланных с древности моим небесным соперником, теперь мои — забавно! Ха! Ха! — заревел он.

— Третье и последнее, — прервал он свой смех, — игра. Я коллекционер душ и прекрасного. Но я еще и игрок, и такой же превосходный, как коллекционер. Именно риск обостряет наслаждение, которое приносят мне мои пьесы. Он вносит последнюю «изюминку» в мои... при-

обретения. Я щедрый противник. Ставки в игре, которые могут получить мои соперники, неисчислимо выше, чем то, что могу приобрести я. Но играть со мной они — должны!

Несколько мгновений он смотрел на меня, выставив вперед голову.

— Что касается остального, — добавил он, — то, как вы уже сообразили, меня не интересуют традиционные печи. Что произойдет с человеком, когда он покинет этот мир, меня больше не занимает. Я сменил свое древнее владение на это, где я так хорошо забавляюсь. Но, Джеймс Киркхем, — голубые глаза сверкнули, — тот, кто противоречит мне, обнаруживает, что я не утратил ничего из того древнего искусства, что создано адом. Теперь вы готовы отвечать?

— Вполне, сэр, — поклонился я. — Я буду играть с вами. И, проиграю я или выиграю, вам не в чем будет меня упрекнуть. Но, с вашего разрешения, еще один вопрос. Вы сказали, что тот, кто наступит на четыре счастливых следа, может исполнить любое свое желание. Прекрасно, смогу ли я получить, — я указал на Еву, — ее?

Я слышал, как перехватило дыхание у Евы, видел, как во взгляде Сатаны появилась угрожающая холодность. Заговорил Консардайн:

— Послушайте, Киркхем, будьте разумны. Ева с вами была честна. Она очень ясно дала понять, что вы нежелательный кандидат в супруги.

В его голосе звучало беспокойство, желание смягчить. Кого — меня или Сатану? Это меня крайне интересовало. Может быть, Консардайн...

— Выйти замуж — за вас? Ни за что на свете! Даже ради спасения жизни, даже чтобы избавиться от пытки!

Голос Евы был полон гнева. Она вскочила на ноги, глаза ее гневно горели, щеки раскраснелись. Я спокойно встретил взгляд Сатаны.

— Разве я упоминал... брак? — вежливо спросил я.

Как я и думал, он принял самую дурную интерпретацию моих слов. Угроза и подозрение исчезли так же быстро, как появились. Да, он принял худшую интерпретацию — но не Ева.

— Сатана, — она топнула и отбросила от себя стул с такой силой, что он полетел набок, — Сатана, у меня тоже есть вопрос. Если я поднимусь по ступеням, вы позволите мне поступить с этим человеком, как я захочу?

Сатана переводил взгляд с нее на меня. Очевидно, ситуация его развлекала. Голубые глаза сверкнули; когда он заговорил, в голосе звучали успокаивающие нотки.

— Вам обоим я должен сказать — нет. Нет вам, Ева, потому что Джеймс Киркхем принял мой вызов. В этом случае я уже не могу отказаться. Если он проиграет мне одну службу или целый год, я обязан защищать его. Я обязан предоставить ему другие возможности, если он захочет. Но, Ева, если он откажется играть... что ж, тогда спросите меня еще раз.

Он помолчал и посмотрел на меня. Я не сомневался в значении его взгляда.

— Нет и вам, Джеймс Киркхем, — сказал он, — потому что все, что я говорил Еве о вашем положении, может быть применено к ней. У нее тоже есть свое право на игру. Но, — голос его утратил доброжелательность и стал угрожающим, — есть еще одна причина. Я выбрал для Евы высочайшее назначение. Если она его выполнит... она будет вне досягаемости любого человека. Не выполнит...

Он не закончил; только взглянул на нее немигающими, горящими глазами. Я видел, как кровь отхлынула от ее щек, глаза опустились. Послышался резкий треск и звон стекла. Консардайн держал в руке тяжелый кубок толстого хрусталя; сжав руку, он смял его, будто кубок был из тонкой бумаги. Он сунул руку в карман, но я успел заметить на ней кровь. Глаза Сатаны непроницаемо устремились к нему.

— Сила, подобная вашей, Консардайн, — заметил он, — часто опасна... для ее обладателя.

— Даю слово, Сатана, — с сожалением ответил Консардайн, — я размечтался, и мне показалось, что в руках у меня шея.

— Я бы сказал, что это предупреждение... — спокойно произнес Сатана, — оставить эту шею в покое.

— У меня нет выбора, — рассмеялся Консардайн, — поскольку это шея моего старого врага, которого уже десять лет нет в живых.

Сатана еще одно-два мгновения изучал его, но без дальнейших комментариев. Затем повернулся ко мне.

— Вы приняли решение, — сказал он. — Когда вы хотите подняться на ступени?

— В любое время, — ответил я. — Чем скорее, тем лучше. Прямо сейчас, если это возможно. Я чувствую, что мне везет.

— Консардайн, подготовьте храм, — распорядился Сатана. — Ева, попросите тех, кто есть в доме, собраться через полчаса.

Он смотрел им вслед. Девушка вышла через стену, ни разу не оглянувшись, Консардайн — через дверь, ведущую в прихожую. Несколько долгих минут Сатана сидел молча, разглядывая меня. Я спокойно курил, ожидая, пока он заговорит.

— Джеймс Киркхем, — сказал он наконец, — я говорил вам, что вы мне нравитесь. Все, что я с тех пор в вас увидел, нравится мне еще больше. Но должен предупредить вас. Не допускайте, чтобы досада или чувство неприязни, которое вы испытываете к Еве Демерест, стали бы причиной хоть малейшего вреда для нее. Вы не такой человек, которому следует угрожать, но... обратите внимание на это предупреждение.

— Я о ней и не думаю, Сатана, — ответил я. — Но признаюсь, меня интересует, какое высокое предназначение ей уготовано?

— Высочайшая судьба, — снова в его голосе звучала неотврати-

мость. — Высшая честь, которая может выпасть на долю женщины. Я расскажу вам, Джеймс Киркхем, чтобы вы поняли всю серьезность моего предупреждения. Раньше или позже, я вынужден буду посетить свой другой мир. Когда это время придет, этот мир я передам своему сыну и наследнику, и матерью его будет — Ева!

Глава девятая

Считаю одним из своих величайших достижений то, что воспринял это адское провозглашение с абсолютным внешним спокойствием. Конечно, я был подготовлен. Несмотря на кипевшие во мне гнев и ненависть, я умудрился поднять бокал, рука моя при этом не дрожала, а в голосе звучали лишь естественное удивление и интерес.

— Действительно, высокая честь, сэр, — сказал я. — Вы простите меня, если я выскажу некоторое недоумение по поводу вашего выбора. Я думаю, для вас какая-нибудь императрица, по крайней мере особа королевской крови...

— Нет, нет, — прервал он меня, но я видел, что лесть он проглотил, — вы не знаете эту девушку. Пристрастность вас ослепила. Ева так же совершенна, как те шедевры, что окружают меня. Ее красота сочетается с интеллектом. У нее есть смелость и индивидуальность. А если какие-то другие качества, которые желательны в моем сыне, в ней отсутствуют, я сумею их дать. Он будет — мой сын. Его воспитание будет в моих руках. Он будет таков, каким я его сделаю.

— Сын Сатаны! — сказал я.

— Собственный сын Сатаны! — В его глазах сверкнуло пламя. — Мой истинный сын, Джеймс Киркхем!

— Вы понимаете, — продолжал он, — что здесь нет ничего вроде так называемой... любви. Какая-то эмоция... да, но только такая, какие вызывают во мне подлинно прекрасные вещи. В сущности, это исключительно вопрос селективного отбора: у меня эта мысль возникла давно, но в предыдущих отобранных образцах мне... не везло.

— Вы хотите сказать...

— Рождались девочки, — хмуро сказал он. — Я был разочарован. Поэтому они прекратили существование.

Теперь под непроницаемой тяжелой маской лица я разглядел китайца. Отчетливая раскосость глаз увеличилась, скулы стали еще больше выдаваться. Я задумчиво кивнул.

— Но если вы снова... — я хотел добавить «будете разочарованы».

Он прервал меня такой вспышкой демонической ярости, какую я видел в эпизоде с Картрайтом.

— Не говорите этого! Даже думать об этом не смейте! Ее первый ребенок будет сыном! Сыном, я говорю!

Не знаю, что бы я мог ответить или сделать. Смертельная угроза, прозвучавшая в его голосе, и высокомерие, с каким он говорил, вновь разожгли мой тлевший гнев. Спас меня Консардайн. Я слышал, как открылась дверь, и угрожающий взгляд на мгновение оторвался от меня. У меня появилась возможность прийти в себя.

— Все готово, Сатана, — объявил Консардайн. Я нетерпеливо встал, и эта нетерпеливость не была поддельной. Я сознавал поднимающееся во мне возбуждение, безрассудный подъем.

— Ваше время настало, Джеймс Киркхем, — голос Сатаны был опять лишен выражения, лицо стало мраморным, глаза сверкали. — Еще несколько минут — и я могу быть вашим слугой, а мир — вашей игрушкой. Кто знает! Кто знает!

Он отошел к дальней стене и отодвинул одну из панелей.

— Доктор Консардайн, — сказал он, — вы проводите неофита в храм.

Он взглянул на меня почти ласково — скрытый дьявол облизал губы.

— Хозяин мира! — повторил он. — А Сатана — ваш верный раб! Кто знает!

Он исчез. Консардайн глубоко вздохнул. Заговорил он намеренно сухо:

— Хотите выпить перед попыткой, Киркхем?

Я покачал головой, возбуждение мое все усиливалось.

— Правила вы знаете, — резко заговорил Консардайн. — Вы выбираете четыре из семи отпечатков. В любой момент вы можете остановиться и ждать последствий. Один след Сатаны — и вы обязаны выполнить одну... службу; два — вы принадлежите ему в течение года; три — вы его навсегда. В этом случае у вас больше шансов нет, Киркхем. Наступите на четыре счастливых — и вы сидите над миром, как он вам обещал. Оглянетесь назад во время подъема, и вам придется начинать все сначала. Все понятно?

— Идемте, — хрипло ответил я, в горле у меня внезапно пересохло.

Он провел меня через стену и один из выложенных мрамором коридоров. Из него мы попали в лифт. Он пошел вниз. Скользнула в сторону панель. Вслед за Консардайном я вступил в увитый паутиной храм.

Я находился у основания лестницы, в полукруге яркого света, который скрывал амфитеатр. Оттуда доносился неясный шорох и бормотание. Как ни глупо, но мне хотелось, чтобы Ева выбрала место получше. Я понял, что дрожу. Выругавшись про себя, я овладел своим телом, надеясь, что дрожь никто не заметил.

Взглянув на черный трон, я встретился с насмешливым взглядом Сатаны и тут же успокоился, самообладание полностью вернулось ко мне. Он опять сидел в черном плаще, как и накануне. За ним сверкали про-

зрачные глаза его двойника. Вместо четырнадцати бледнолицых людей в белом и с петлями в руках теперь на полпути к вершине лестницы стояли только двое. И не было еще кое-кого. Отсутствовал чернолицый дьявол-палач!

Что это значит? Может, так Сатана говорит мне, что даже если я наступлю на три его отпечатка, я не буду убит? Или что мне по крайней мере не нужно бояться смерти, пока я не завершил назначенное мне задание?

Или это просто ловушка?

Скорее всего. Я не мог представить себе Сатану настолько заботливым, чтобы убеждать меня в отсрочке приговора. Наверно, уменьшив охрану и убрав своего палача, он хотел внушить мне именно такую мысль. Заставить пройти все четыре ступени, веря, что если я проиграю, приговор будет отсрочен и я каким-нибудь образом сумею вырваться.

Но даже если его нынешняя цель благоприятна для меня, разве не может вдруг прийти ему в голову, что забавно было бы призвать адского слугу с петлей из женских волос и отдать меня ему — подобно Картрайту?

Как и Картрайт, я изучал лицо Сатаны. Оно было непроницаемо, мне нечем было руководствоваться. И тут, гораздо ярче, чем тогда, когда я смотрел на беднягу, которого тащили на пытку, понял я адскую изобретательность этой игры. Ибо теперь я должен был играть в нее.

Я отвел взгляд от Сатаны. И посмотрел на пылающие отпечатки, а вслед за тем на золотой трон. На нем горели корона и скипетр. Их драгоценные огни манили и звали меня. Снова я почувствовал прилив возбуждения, напряжен был каждый нерв.

Если бы я смог их выиграть! И все то, что они дают!

Сатана нажал рычаг между двумя тронами. Я услышал жужжание контрольного механизма и увидел, как семь отпечатков детской ноги засверкали еще ярче.

— Ступени готовы, — провозгласил Сатана и сунул руки под плащ. — Они ждут своего покорителя, избранного счастливца! Вы ли он? Поднимитесь — и узнаете.

Я подошел к ступеням, поднялся и без колебаний поставил ногу на первый след. Я знал, что за мной его символ загорелся на шаре.

На стороне Сатаны или на моей?

Я снова стал подниматься, медленнее на этот раз, и остановился у следующего отпечатка. Но остановился не для того, чтобы взвесить вероятность хорошего и плохого результата. На самом деле меня охватила лихорадка азарта, и я почти забыл свое решение в первый раз ограничиться только двумя следами.

Здравый смысл подсказывал замедлить движение и постараться ус-

покоиться. Здравый смысл, борясь с возбуждением, заставил меня пропустить след и медленно подняться к очередному.

Я наступил на него. На шаре загорелся еще один символ...

Мой... или Сатаны?

Лихорадка полностью овладела мной. Глаза сверкали, как у Сатаны. Сердце билось, как барабан, пальцы похолодели, голова была охвачена сухим электрическим жаром. Маленькие огненные отпечатки танцевали и дрожали в своем нетерпении вести меня дальше.

— Возьми меня! — звал один.

— Нет, меня! — призывал другой.

Звали к себе драгоценная корона и скипетр. Я увидел на троне призрак — самого себя, торжествующего, увенчанного короной, со скипетром в руке, за моей спиной Сатана, а весь мир у моих ног!

Может быть, правда, что у мыслей есть оболочка, что сильные эмоции и желания оставляют за собой нечто материальное, оно остается, живет где-то, откуда его можно вызвать, разбудить, пустить рыскать по свету, и когда появляется кто-нибудь, одержимый такими же желаниями, они почти материализуются, занимают предназначенное им место. Во всяком случае как будто призраки желаний всех, кто поднимался по этим ступеням до меня, устремились ко мне, призывая к осуществлению, заставляя идти вперед.

Но их желания были и моими. Меня не нужно было подстегивать. Я хотел идти дальше. В конце концов те два отпечатка, на которые я наступил, могли быть и счастливыми. В худшем случае, если учитывать наиболее вероятное, счет наш равный. Но если так, то нет особого риска в том, чтобы наступить еще на один след.

Что на шаре?

Ах, если бы я мог знать! Если бы мог знать!

И вдруг меня охватил холод. Как будто призрак отчаяния всех тех, кто поднимался передо мной и проиграл, отогнал голодные призраки желаний.

Блеск короны и скипетра потускнел и стал зловещим.

На мгновение мне показалось, что передо мной сверкают не отпечатки детских ног, а — все семь — следы копыт!

Я взял себя в руки и взглянул на Сатану. Он сидел, наклонив вперед голову, глядя на меня, и с сильным шоком я понял, что он всей силой своей воли заставляет меня подниматься выше. И сразу после этого восприятия пришло и другое. Как будто рука коснулась моего плеча, подталкивая вперед, и тут же, как будто чьи-то губы прошептали это мне прямо в уши, послышалась противоположная команда, приказ:

— Остановись! Остановись немедленно!

Голос... Евы!

Целую минуту стоял я, сотрясаемый этими противоположными им-

пульсами. И вдруг мозг мой прояснился, лихорадка прекратилась, очарование сияющих следов и страсть к короне и скипетру прошли. Я снова повернул лицо, мокрое от пота, к Сатане.

— Достаточно... на этот... раз! — выдохнул я.

Он молча смотрел на меня. Мне показалось, что за холодным блеском его взгляда чувствовался гнев от неосуществленной цели и какое-то злобное удивление. Он заговорил:

— Право игрока. Вы можете остановиться, когда хотите. Оглянитесь.

Я повернулся и взглянул на шар.

Оба отпечатка, на которые я наступил, принадлежали — Сатане!

Глава десятая

Я слуга Сатаны на год, обязанный выполнить любой его приказ.

Остальную часть дня я провел в своей комнате, размышляя и надеясь услышать кошачью поступь Баркера. Ясно, что моя свобода по-прежнему ограничена. Я еще не могу действовать наравне со всей сворой. Осторожный зондаж во время возвращения в сопровождении Консардайна, намек на то, что теперь, поскольку я вступил в число слуг князя тьмы, мне нужно получше познакомиться с его крепостью, встретили вежливый, но твердый отказ. В качестве врача он прописал тишину моей комнаты как успокоительное после того напряжения, которое я испытал.

Конечно, я надеялся случайно встретиться с Евой. Но рассудок подсказывал, что сейчас гораздо важнее увидеться с маленьким воромкокни.

Ожидая, я пытался проанализировать лихорадку, которая так подгоняла меня. Я считал себя более хладнокровным и уравновешенным. На самом деле я был одновременно пристыжен и обеспокоен. Если признать, что интенсивность страсти, которую я ощутил, навязана мне Сатаной, что это его воля гнала меня вверх по ступеням — что ж, такое объяснение могло хоть немного смягчить мою уязвленную гордость.

Но в таком случае, хоть моя воля и сильна, как я и считал раньше, она гораздо слабее воли Сатаны. Я не приписывал себе заслугу остановки перед следующим шагом, который мог сделать меня навсегда принадлежащим ему. Меня остановил предупреждающий шепот, принадлежал ли он Еве или моему собственному подсознанию?

И меня удивляло отношение Сатаны. Почему он так стремился заставить меня идти дальше? Просто природный инстинкт игрока? Стремление выиграть? Или вид двух символов на его стороне шара вызвал в нем кровожадность? Если бы один или два отпечатка были на моей стороне, как бы он действовал?

Или он с самого начала хотел, чтобы я шел до конца... и проиграл? Но если так — то почему?

Я не мог ответить на эти вопросы. Не появился и Баркер. Наконец с помощью Томаса я переоделся и был сопровожден через стены и лифты в еще одну огромную комнату, размеры и украшения которой вполне могли принадлежать пиршественному залу Медичи в период расцвета этой величественной семьи. Больше двух десятков мужчин и женщин во главе с Сатаной сидели за большим овальным столом, безупречный вечерний костюм Сатаны придавал ему подчеркнуто сардоническую ноту. Очевидно, я опоздал, но, столь же очевидно, формальностям здесь не придавали значения.

— Наш новобранец — Джеймс Киркхем.

И без всяких дальнейших представлений Сатана знаком показал мое место. Остальные улыбнулись, кивнули и продолжали разговаривать.

Садясь, я с тайным удовольствием заметил, что моя соседка справа — известная актриса, чье имя не сходит с бродвейской рекламы. Быстрый взгляд вдоль стола обнаружил игрока в поло с завидной американской родословной и международной известностью и блестящего адвоката, пользовавшегося отличной репутацией у руководителей Демократической партии. Остальные были мне неизвестны, но на всех была печать интеллигентности. Если собравшиеся были адекватным срезом двора Сатаны, его организация действительно необычна, как он и хвастал. Евы здесь не было. Был Кобхем.

Уолтер сидел справа от актрисы. Во время обеда я заставлял себя быть любезным с ним. Ради собственных интересов я не хотел приобретать врагов. Вначале он был скован, потом растаял. Пил он много, но, как с интересом заметил я, не столько, сколько ему хотелось бы. Совершенно очевидно, что Уолтер любил выпить. Вначале я решил, что именно ограничение, которое наложил на себя Кобхем, вызывает в нем враждебность к другим присутствующим и особенно осторожность в выражении мнений. Но потом понял, что именно выпитое вызывало в Кобхеме страсть к правде, презрение к эвфемизмам и околичностям. Он хотел неприкрашенных фактов, и никаких уклонений. Как он выразился, «никаких махинаций с формулами». В сущности, это был тип пьяницы in-vino-veritas со страстью фундаменталиста. Он был забавен, и актриса наслаждалась нашей беседой.

Рано или поздно, решил я, напою Уолтера до такого состояния, что он не вынесет даже тени укрытия его ясноглазой богини истины. Я с удивлением узнал, что он химик и много времени проводит в лаборатории в замке. Это объясняло его замечание насчет формул. Он весьма ясно дал понять, какой он выдающийся химик. Позже я понял, что он не преувеличивал. Поэтому я сейчас и задержался на описании Кобхема.

Обед был удивительным, с ноткой изысканности и утонченной от-

чаянной веселости, под которыми все время ощущалась сталь. Единственным намеком на наше странное положение был момент, когда почтенный адвокат, взглянув на меня, предложил тост «за новопроклятого» и когда Сатана послал за шкатулкой и показал несколько великолепных драгоценных камней, подобных которым я не видел.

Он рассказал их истории. Этот изумруд, вправленный в бирюзу, служил печатью, которой Клеопатра запечатывала письма, адресованные Антонию; это бриллиантовое ожерелье — то самое, которым кардинал де Роган хотел купить расположение Марии Антуанетты и тем самым привел в движение суд, который стал одной из повивальных бабок революции и в конце концов стоил несчастной королеве головы; эта диадема сияла среди кудрей Нелл Гвинн, посаженная там Чарльзом, ее королевским любовником; это кольцо с огромными рубинами мадам Монтеспан дала отравителю Ле Вуатюру за любовный напиток, которым надеялась подогреть остывающее сердце короля-Солнце.

Наконец он подарил маленькой француженке, сидевшей справа от него, браслет с сапфирами, принадлежавший, как он сказал, Лукреции Борджиа. Я подумал, чем же она его заслужила и не было ли ироничным это упоминание о его прежней хозяйке? Если и так, это не отразилось на ее радости.

И невероятно увеличило мое уважение к власти Сатаны то, что в этом собрании не было мелодраматической секретности, никакой маскировки, никаких избитых номеров вместо имен. Его люди встречались лицом к лицу. Очевидно, сама мысль о предательстве была невозможна, а их вера в защиту Сатаны абсолютна. Я не сомневался, что все они или большинство из них были свидетелями моего подъема по ступеням и что они видели трагедию Картрайта. Но в их поведении ничего не говорило об этом.

Они пожелали Сатане доброй ночи. Я встал и ушел бы вместе со всеми, но Сатана остановил меня взглядом и кивком головы.

— Останьтесь со мной, Джеймс Киркхем, — приказал он.

И скоро мы были одни, стол убран, слуги ушли.

— Итак, — лишенные ресниц глаза глядели на меня через край большого кубка, — итак — вы проиграли!

— Не так много, как мог бы, Сатана, — улыбнулся я, — если бы я поднялся еще немного, мое падение могло бы быть таким же, как ваше — в древности — в самый ад.

— Это путешествие, — вежливо заметил он, — было весьма интересно. Но год пройдет быстро, и вы сможете снова попытаться.

— Попытаться упасть, вы хотите сказать? — рассмеялся я.

— Вы играете с Сатаной, — напомнил он мне, потом покачал головой. — Нет, вы ошибаетесь. Мои планы требуют вашего присутствия на земле. Тем не менее я хвалю ваше благоразумие при подъеме. И признаюсь — вы удивили меня.

— В таком случае я начал службу с замечательного достижения, — я встал и поклонился.

— Пусть для нас обоих ваш год будет выгоден, — сказал он. — А теперь, Джеймс Киркхем, я требую вашей первой службы!

Я сел, ожидая дальнейшего; пульс мой слегка ускорился.

— Юнаньские нефриты, — сказал он. — Правда, что я организовал дело таким образом, чтобы они остались у вас, если вы окажетесь достаточно умны. Правда и то, что меня позабавило бы обладание этими брошами. Я вынужден был выбирать между двумя интересами. Очевидно, что в любом случае я должен был испытать полуразочарование.

— Другими словами, сэр, — серьезно сказал я, — вы заметили, что даже вам не удастся два раза съесть один и тот же пирог.

— Совершенно верно, — ответил он. — Еще один недостаток этого так неловко созданного мира. Теперь нефриты в музее; что ж, пусть остаются там. Но музей должен заплатить за мое полуразочарование. Я решил приобрести нечто, принадлежащее музею и давно интересующее меня. Вы... убедите... музей отдать это мне, Джеймс Киркхем.

— А что это? — спросил я. — И каков будет метод моего... убеждения?

— Задача нетрудная, — ответил Сатана. — В сущности, это испытание, которому подвергали всех воинов в старину, прежде чем посвятить в рыцари. Я следую этому обычаю.

— Подчиняюсь правилам, сэр, — сказал я ему.

— Много столетий назад, — продолжал он, — фараон призвал величайшего златокузнеца, Бенвенуто Челлини своего времени, и велел ему изготовить ожерелье для своей дочери. Никто не знает, было ли это по случаю ее дня рождения или свадьбы. Златокузнец изготовил ожерелье из лучшего золота, сердолика, лазурита и зеленого полевого шпата, называемого аквамарином. На одной стороне в золотом картуше с иероглифическим именем фараона мастер изобразил сокола, увенчанного солнечным диском, — это Гор, сын Озириса, в некотором смысле бог любви и страж счастья. На другой — крылатая змея, урей, несущая на себе крест с ручками, crux ansata, символ жизни. Внизу он изобразил сидящего на корточках Бога со множеством годов в руках, а на его локте сидит головастик — символ вечности. Так хотел фараон при помощи амулетов и символов дать вечную любовь и жизнь своей дочери.

Увы! Что такое любовь, человеческая надежда и вера?! Принцесса умерла, умер и фараон, а со временем умерли Гор, и Озирис, и все боги древнего Египта.

Но красота, которую неизвестный мастер вложил в это ожерелье, не умерла. Она не могла умереть. Она бессмертна. Ожерелье много столетий лежало с мумией принцессы в ее скрытом каменном гробе. Оно пережило своих богов. Оно переживет и богов сегодняшних, и бо-

гов тысяч завтра. Незатуманенная, его красота сияет нам, как и три тысячи лет назад, когда истлевшая грудь, на которой его нашли, была полна жизни и любви и, может быть, была легкой тенью той самой красоты, которая в ожерелье бессмертна.

— Ожерелье Сенусерта Второго! — воскликнул я. — Я знаю эту замечательную вещь, Сатана!

— Я должен получить это ожерелье, Джеймс Киркхем!

Я смотрел на него в замешательстве. Если это он считает легкой службой, какова же тогда, по его мнению, трудная?

— Мне кажется, Сатана, — рискнул я, — что вы вряд ли могли подобрать другой предмет, который было бы так же трудно приобрести каким угодно... убеждением. Ожерелье охраняют днем и ночью. Оно лежит в закрытой витрине в центре сравнительно небольшой комнаты, причем — преднамеренно — в самом заметном месте этой комнаты, под постоянным наблюдением...

— Я должен его получить, — прервал он меня. — Вы должны взять его для меня. Отвечу на ваш второй вопрос. Как? Подчиняясь до минуты, до секунды, без отклонений инструкциям, которые я дам вам. Возьмите карандаш, запишите время каждого эпизода, запомните их без малейших изменений.

Он подождал, пока я выполню первую часть его приказа.

— Вы уедете отсюда, — заговорил он, — завтра в 10.30 утра. Путешествие ваше будет так рассчитано, что вы сможете выйти из машины и войти в музей ровно в час. На вас будет костюм, который даст вам лакей. Он также подберет вам пальто, шляпу и другие предметы одежды. Как полагается по правилам, вы должны сдать пальто в гардероб.

Оттуда вы должны сразу направиться к юнаньским нефритам, такова для всех причина вашего посещения. Можете разговаривать с кем хотите, и даже чем больше, тем лучше. Но вы должны суметь точно в 1.45 в одиночку войти в северный коридор египетского крыла. Вы будете тут рассматривать коллекции до 2.05, а затем, точно в эту минуту, войдете в комнату с ожерельем. Оба входа в комнату охраняются. Знают ли вас в лицо охранники?

— Не уверен, — ответил я. — Возможно. Во всяком случае они обо мне слышали.

— Вы найдете возможность представиться одному из охранников в северном коридоре, — продолжал он, — если он не знает вас в лицо. То же самое вы сделаете и с одним из охранников в комнате с ожерельем. Затем вы отойдете в один из углов комнаты, неважно, в какой именно, и будете рассматривать витрину, которая окажется перед вами. Ваша цель — находиться как можно дальше от обоих охранников, которые могут счесть своим долгом держаться вблизи к такому, — он поднял свой кубок, — почетному посетителю.

Наконец, Джеймс Киркхем, ровно в 2.15 вы подойдете к витрине,

вскроете ее инструментом, который вам предоставят, положите ожерелье в хитроумный карман, который найдете внутри пиджака, бесшумно закроете витрину и выйдете.

Я недоверчиво смотрел на него.

— Вы сказали — выйду?

— Выйдете, — повторил он.

— Вероятно, неся на себе, — с насмешкой предположил я, — обоих охранников.

— Вы не обратите никакого внимания на охранников.

— Да? Но они обязательно обратят на меня внимание, Сатана.

— Больше никогда не прерывайте меня, — строго приказал он. — Вы поступите точно, как я вам говорю. Не обратите никакого внимания на охранников. Не обратите никакого внимания на то, что происходит вокруг вас. Помните, Джеймс Киркхем, это жизненно необходимо. Вы должны сделать только одно: ровно в 2.15 открыть витрину и выйти из комнаты с ожерельем Сенусерта. Вы ничего не будете видеть, слышать или делать, кроме этого. Вам потребуется две минуты, чтобы достичь гардероба. Оттуда вы пойдете прямо к выходу. Выйдя, вы свернете направо, наклонитесь и завяжете шнурок ботинка. Затем спуститесь по ступеням, по-прежнему не обращая внимания на то, что может происходить вокруг. У обочины будет стоять синий лимузин, шофер будет протирать правую фару.

Вы сядете в машину и отдадите тому человеку, которого увидите внутри, ожерелье. В это время будет 2.20. Не позже. С этим человеком вы будете ехать в течение часа. В 3.20 машина остановится за обелиском у музея. Вы выйдете из нее, пройдете на авеню и в такси вернетесь в клуб Первооткрывателей.

— Вы сказали, в клуб Первооткрывателей? — Я в замешательстве подумал, что он оговорился.

— Повторяю — в клуб Первооткрывателей, — произнес он. — Вы направитесь там прямо к портье и скажете дежурному, что у вас есть работа, которая требует абсолютной сосредоточенности. Вы скажете, что вас не должны беспокоить ни телефонные звонки, ни посетители. Вы скажете также, что, вероятно, газетные репортеры попытаются увидеться с вами. Он должен ответить им, что вы обещали принять их в восемь. Вы внушите дежурному, что ваша работа очень важна и вас не должны беспокоить ни в коем случае. Далее вы попросите его в семь часов прислать к вам в комнату все послеполуденные и вечерние выпуски газет.

Он помолчал.

— Вам все ясно?

— Все, кроме того, что я должен сказать репортерам, — ответил я.

— А это вы узнаете, прочитав газеты, — загадочно ответил он.

И прихлебнул из своего кубка, оценивающе глядя на меня.

— Повторите инструкции, — приказал Сатана.

Я хладнокровно повиновался.

— Хорошо, — кивнул он. — Вы, конечно, понимаете, что не это скромное приключение составляет причину моего желания приобрести вас. Настоящее приключение — другое. А это просто испытание. Вы должны его выдержать. Ради собственного благополучия, Джеймс Киркхем, вы должны выдержать!

Его алмазно-жесткие глаза сверкнули по-змеиному. Каким бы безумным ни было действие, которое он описал, Сатана был абсолютно серьезен, без всякого сомнения. Я не отвечал. Мне нечего было сказать.

— А теперь, — он коснулся звонка, — больше никаких возбуждений сегодня. Я забочусь о хорошем самочувствии своих подданных, даже тех... что проходят испытательный срок. Идите к себе и спите спокойно.

Открылась панель, из лифта вышел Томас и стоял, ожидая меня.

— Спокойной ночи, Сатана, — сказал я.

— Спокойной ночи, — ответил он, — и пусть ваша завтрашняя ночь будет лучше сегодняшней.

Было уже почти одиннадцать. Ужин продолжался дольше, чем я думал. В спальне все было готово, я отпустил Томаса. Через полчаса, после двух порций бренди с содовой, я выключил свет и лег в кровать, надеясь на появление Баркера.

Лежа с широко открытыми глазами в темноте, я повторял полученные инструкции. Ясно, что я стал частью более или менее сложной головоломки. Я сам должен в точно определенный момент совпасть с рядом других деталей, и все встанет на место. Или, еще лучше, я живая шахматная фигура в одной из тех игр, которые так забавляют Сатану. Я должен делать свои ходы в назначенное время. Но что будут делать другие фигуры? И если одна из них сделает ход слишком быстро или слишком поздно? Где я буду тогда в этой неизвестной игре?

Я вспомнил яркоглазого лысого дьявола из малахита за двумя тронами — двойник Сатаны направлял руки богинь судьбы. Странно, но это воспоминание успокоило меня. Этическая сторона дела меня мало заботила. В конце концов все музейные сокровища — результат грабежей: грабежей могил, курганов, затерянных городов, а остальное было украдено, причем часто неоднократно.

Кроме того, мне ничего не оставалось делать, как повиноваться Сатане. Если бы я этого не сделал, что ж, это означало бы мой конец. В этом я не сомневался. А Сатана продолжил бы. Что же касается того, чтобы выдать его... я даже не знал места своего вежливого заключения.

Нет, если я хочу обыграть Сатану, я должен играть с ним. Другого пути нет.

И что такое любое ожерелье рядом с Евой!

Я постарался запомнить инструкции, повторяя их снова и снова. После этого захотел спать. И Баркер меня не разбудил.

Глава одиннадцатая

На следующее утро еще до появления верного Томаса я уже встал и принял ванну. Без вопросов взял костюм, который он предложил мне. Я и не знал, что у меня есть такой костюм. На внутренней стороне пиджака, слева, находился широкий карман. Карман глубокий, и по верхнему его краю посажен ряд маленьких крючков с тупыми концами. Я тщательно осмотрел их. Выступающие края ожерелья Сенусерта были примерно шести дюймов длины. Верхняя нить ожерелья могла быть подвешена на эти крючки, и все украшение свободно свисало бы с них, никак не выдавая своего присутствия. Как и указал Сатана, карман был сделан изобретательно и именно для этого случая.

Томас дал мне также превосходно сидящее серое пальто, совершенно мне незнакомое, но я с интересом заметил, что на портновском ярлычке на внутреннем кармане было мое имя, а также мою собственную мягкую шляпу и малаккскую трость.

И наконец он дал мне маленький инструмент странной формы, сделанный из тускло-серой стали, и наручные часы.

— У меня есть часы, Томас, — сказал я, изучая странный маленький инструмент.

— Да, — ответил он, — но на этих время хозяина, сэр.

— А, понимаю. — Я с восхищением заметил, что Сатана предусмотрел даже неточности часов своих фигур; очевидно, все часы синхронизованы. Это мне понравилось. — А вот это? Как оно работает?

— Я вам покажу, сэр.

Он подошел к стене и открыл шкаф. Достал оттуда секцию прочной витрины, закрытой сверху стеклом.

— Попробуйте открыть, сэр, — сказал он.

Я попробовал поднять крышку. Она не поддалась, несмотря на все усилия. Томас взял у меня стальной инструмент. Он был сделан в форме стамески, с краями острыми, как у бритвы, длиной примерно в четыре дюйма, с плоской ручкой полутора дюймов шириной. В ручку был вделан винт.

Томас сунул острый край между крышкой и стенкой и быстро повернул винт. Инструмент, казалось, растаял в почти невидимой щели. Последовал глухой щелчок, и лакей поднял крышку. Он с улыбкой протянул мне инструмент. Я увидел, что его острый край раскрылся, как че-

люсти, и из них торчит, как язык, еще одно острие. Челюсти были раскрыты, а язык выдвинут вперед невероятно мощным рычагом. Все вместе сломало замок, как будто он был сделан из хрупкого дерева.

— Очень легко управлять, сэр, — сказал Томас.

— Очень, — сухо ответил я. И опять почувствовал восхищение Сатаной.

Я позавтракал в своей комнате и, сопровождаемый Томасом, сел в ожидавшую машину ровно в 10.30. Занавеси были опущены и закреплены. Я подумал об использовании маленького инструмента. Но рассудок заставил воздержаться.

Ровно в час я вошел в музей, остро сознавая наличие кармана, приготовленного для ожерелья, и маленького инструмента.

Я сдал пальто и шляпу, кивнув служителю, который узнал меня. Оттуда я направился прямо к нефритам и провел с полчаса, разглядывая аналогичные украшения в обществе помощника главного хранителя, который оказался здесь. Потом я отделался от него и ровно в 1.45, с точностью до секунды, прошел в северный коридор египетского крыла. Я не представлялся охранникам в коридоре. Они меня знали. В два часа я был рядом с входом в комнату с ожерельем.

В 2.05 по часам Сатаны я вошел в нее. Если мое сердце и билось быстрее обычного, я этого никак не показал. Небрежно осмотрел комнату. У противоположного входа стоял охранник; второй — на полпути между мной и витриной в центре, которая была моей целью. Оба внимательно рассматривали меня. Ни одного из них я не знал.

Я подошел ко второму охраннику, дал ему свою карточку и задал несколько вопросов о коллекции скарабеев, которая, как я знал, скоро будет выставлена. Настороженность оставила его, когда он прочел мое имя, а отвечал он так, как отвечал бы администрации музея. Я отошел в юго-восточный угол комнаты и погрузился в изучение лежавших там амулетов. Краем глаза я видел, как охранники пошептались, с уважением поглядывая на меня, затем разошлись и вернулись на свои места.

Часы Сатаны показывали 2.10. Еще пять минут.

В комнате находилось свыше десяти посетителей. Три пары респектабельных иностранцев средних лет. Девушка, возможно, художница. Седовласый человек, похожий на ученого, мужчина, на котором ясно было написано, что он немецкий профессор, два прекрасно одетых англичанина, со знанием дела обсуждавших эволюцию иероглифа «тет» негромкими, но звучными голосами, неопрятно выглядевшая женщина, которая, казалось, вообще не понимает, где находится, и еще два-три человека. Англичане и девушка стояли возле витрины с ожерельем. Остальные — по всей комнате.

На часах Сатаны 2.14.

Из северного коридора донесся топот, закричала женщина. Я услышал крик:

— Остановите его! Остановите его!

Мимо дверей мелькнула фигура. Бегущая женщина. За ней, очень близко, мужчина. В его руке блеснула сталь.

На часах 2.15. Я направился к витрине с ожерельем, сжимая в правой руке отмычку.

Шум в коридоре становился громче. Снова закричала женщина. Люди в комнате устремились к выходу. Мимо меня пробежал охранник от дальнего входа.

Я остановился перед витриной. Сунул край маленькой стамески в щель между крышкой и стенкой. Повернул винт. Послышался щелчок. Замок был сломан.

Крик завершился ужасающим захлебывающимся воплем. Снова топот ног у двери. Я услышал проклятие и звук падения тяжелого тела.

Я достал из витрины ожерелье. Опустил его в карман, подвесив верхний край на маленькие крючки.

Я направился к выходу из комнаты, через который вошел. Один из охранников лежал на пороге. Над ним склонился немец. Рядом присела девушка, которую я принял за художницу, руками она закрывала глаза и истерически рыдала. Из оружейной палаты через коридор донесся еще один отчаянный крик, на этот раз мужской.

Между двумя черными саркофагами я прошел к выходу из египетского крыла, вышел в большой зал, увешанный гобеленами, и прошел через турникет. Охранник стоял ко мне спиной, он прислушивался к звукам, которые из-за расстояния и расположения помещений здесь были едва различимы.

Служитель, подавший мне пальто, совершенно очевидно ничего не слышал.

Выйдя, я свернул направо, как и велел Сатана, наклонился, возясь со шнурком. Кто-то прошел мимо меня в музей.

Выпрямившись, я продолжал спускаться по лестнице. У ее основания и чуть в стороне дрались двое. Вокруг них собралась группа зевак, я увидел бегущего полицейского. Все окружающие были поглощены зрелищем драки.

Я прошел мимо. В дюжине ярдов слева стоял синий лимузин; шофер, не обращая внимания на дерущихся, куском замши полировал правую фару.

Направившись к машине, я увидел, что шофер прервал свое занятие, открыл дверцу и ждет, внимательно глядя на меня.

Часы Сатаны показывали 2.19.

Я сел в машину. Занавеси опущены, внутри темно. Дверь за мной закрылась, и стало еще темнее.

Машина тронулась. Кто-то шевельнулся рядом со мной. Кто-то дрожащим, нетерпеливым голосом спросил:

— С вами все в порядке, мистер Киркхем?

Голос Евы!

Глава двенадцатая

Я зажег спичку. Ева быстро отвернулась, но я успел заметить слезы на ее глазах и бледность лица.

— Все в порядке, благодарю вас, — ответил я. — Все, насколько мне известно, прошло в точном соответствии с планом Сатаны. Во всяком случае я все выполнил. Ожерелье у меня в кармане.

— Я... я бес... беспокоилась не из-за него, — негромко, дрожащим голосом сказала Ева.

Она, несомненно, очень нервничала. Ни на мгновение я не подумал, что озабоченность ее вызвана мною. То, что она поняла зловещее значение слов Сатаны накануне вечером, было несомненно. Возможно, ее мучили предчувствия. Теперь она знала точно.

Тем не менее, по той или иной причине, она беспокоилась обо мне. Я придвинулся ближе.

— Сатана дал мне ясно понять, что состояние моего здоровья и получение ожерелья очень тесно связаны друг с другом, — сказал я ей. — Я, естественно, буквально выполняю его инструкции. Следующий мой шаг — отдать ожерелье вам.

Я снял ожерелье с крючков в кармане.

— Как включить свет? — спросил я. — Хочу, чтобы вы убедились: я даю вам именно то, что нужно нашему хозяину.

— Н... не зажигайте, — прошептала Ева. — Дайте мне эту проклятую вещь!

Я рассмеялся. Как мне ни жаль было ее, сдержаться я не мог. Она тронула меня руками. Я взял их в свои, она не отобрала. И через некоторое время прижалась ко мне, как испуганный ребенок. Да, она была очень похожа на испуганного ребенка, когда сидела в темноте, молча плача и сжимая мои руки. Про себя я на семи языках проклял Сатану, во мне горела холодная, неумолимая ненависть.

Наконец она нервно рассмеялась и отодвинулась от меня.

— Спасибо, мистер Киркхем, — спокойно сказала она. — Вы всегда очень внимательны.

— Мисс Демерест, — резко ответил я, — хватит обмениваться уколами. Вы испуганы. Вы знаете почему — и я тоже.

— Чего мне бояться? — спросила она.

— Участи, назначенной вам Сатаной. Вы знаете, что это за участь. Если у вас есть какие-то сомнения, то позвольте вам заметить, что во

мне он не оставил никаких после вашего ухода из комнаты прошлым вечером.

Наступило молчание, затем во тьме ее голос, испуганный и полный отчаяния:

— Он хочет... взять меня! Он... возьмет меня! Что бы я ни делала! Я убью себя... но я не могу! Не могу! О Боже, что мне делать? О Боже, кто мне поможет?

— Я буду очень стараться помочь, если только вы мне позволите.

Она не ответила сразу, сидела молча, пытаясь овладеть собой. Неожиданно зажгла свет, глядя на меня полными слез глазами, и сказала твердо, как будто пришла к определенному решению:

— Скажите, мистер Киркхем, почему вы остановились после второго следа? Вы ведь хотели продолжать подъем. Сатана заставлял вас. Почему вы остановились?

— Потому что услышал ваш голос. Вы сказали, чтобы я не шел дальше.

Она резко, со всхлипом, вздохнула.

— Это правда, мистер Киркхем?

— Клянусь Господом. Как будто вы стояли рядом, коснулись моего плеча и велели остановиться. Не подниматься выше. Эти дьявольские корона и скипетр звали меня к себе тысячей голосов. Но когда я услышал вас — или подумал, что слышу, — их голоса я больше не слышал.

— Ох! — В глазах Евы было восхищение, щеки ее потеряли бледность, восклицание звучало песней.

— Вы позвали меня? — прошептал я.

— Я смотрела, как вы поднимаетесь, из-за света с... остальными, — сказала она. — И когда второй след вспыхнул на стороне Сатаны, я со всей силой воли послала вам предупреждение. Снова и снова молила я, пока вы стояли в нерешительности: «О милостивый Боже, кто бы ты ни был, дай ему услышать меня! Позволь ему слышать меня, добрый Господь», — и вы услышали.

Она замолчала, глядя на меня широко раскрытыми глазами, щеки ее быстро краснели.

— Вы узнали мой голос! — прошептала Ева. — Но вы не услышали бы или, даже услышав, не обратили бы внимания, если бы не... если бы не...

— Что если бы не? — торопил я.

— Если бы нечто, помимо нас, не готово было помочь нам, — задыхаясь, сказала Ева.

Теперь она покраснела до корней волос; и я был вполне уверен, что она назвала не ту причину, о которой думала.

У меня была более материалистическая теория происшедшего. Что-то во мне, а не вне меня обострило чувствительность моего мозга.

Я никогда не сталкивался с убедительными доказательствами того, что нематериальная энергия способна смягчить толчки на неровной дороге нашего земного странствия. Я всегда предпочитал помощь доброго Провидения в виде, например, маленького вора-кокни с его прекрасным знанием секретов стен Сатаны. Однако подобное возможно; и если Еве спокойнее в это верить, пусть верит. Поэтому я серьезно кивнул и заверил ее, что это похоже на правду.

— Нет ли среди людей Сатаны такого, кому вы могли бы довериться, кого можно было бы убедить действовать против него? — спросил я.

— Нет, — ответила Ева. — Консардайну я нравлюсь. Думаю, он пошел бы далеко, защищая меня. Но он связан с Сатаной. Все они с ним связаны. Не только страхом — вы видели, что случилось с Картрайтом, — но и другими причинами. Сатана хорошо платит, мистер Киркхем. И не только деньгами... У него ужасная власть... нечестивая власть. О, людям нужны не только деньги! И не только деньги он дает им! Вы даже представить себе не можете...

— Наркотики? — предположил я без особого воображения.

— Вы говорите глупости — нарочно, — сказала она. — Вы хорошо знаете, что способен дать Люцифер. А он может... и дает... и даже те, кто проиграл ему, надеются получить еще один шанс... или получить что-нибудь в результате его каприза.

— Случалось что-нибудь подобное?

— Да, случалось. Но не думайте, что он это делал из милосердия.

— Вы хотите сказать, что это просто игра; он манит их свободой, которая кажется такой близкой?

— Да, — ответила она. — Чтобы от отчаянья они не становились менее полезными для него.

— Мисс Демерест, — резко спросил я, — почему вы считаете, что я не такой, как другие?

— Вы пришли к нему не по своей воле, — сказала она. — И вы не раб его семи сверкающих следов.

— Я был очень близок к этому вчера вечером, — с сожалением сказал я.

— Они не смогли... захватить вас, — прошептала она. — Как других. И не смогут. Не должны, мистер Киркхем.

— Я не собираюсь давать им такую возможность, — мрачно заметил я.

В ответ она дала мне вторую руку.

Я взглянул на часы и чуть не подпрыгнул.

— Нам осталось меньше десяти минут. А мы даже не составили какой-нибудь план. Нужно встретиться снова — и побыстрее. И надо продолжать обманывать Сатану.

— Это будет очень трудно, — она кивнула. — Но об этом я позабочусь. Вы, конечно, понимаете теперь, что именно по этой причине я так оскорбительно вела себя с вами?

— Даже до признания Сатаны я предположил что-то в этом роде, — улыбнулся я. — И вы, конечно, понимаете, что мое не менее оскорбительное предложение Сатане отдать вас мне было вызвано тем же?

— Больше того, — негромко сказала она. — Я знаю, что вы думали на самом деле.

Я снова бросил взгляд на часы. Только шесть минут — должно хватить.

— Послушайте, — вдруг сказал я, — ответьте мне правдиво. Когда вам впервые пришло в голову, что именно я могу помочь вам вырваться из западни?

— Как только вы меня поцеловали.

— Ева, — сказал я, — а сейчас маскировка необходима?

— Нет, — искренне ответила Ева. — А что?

— Вот что! — Я отпустил ее руки, привлек ее к себе и поцеловал. И Ева обхватила меня за шею руками и поцеловала от всего сердца.

— Какое совпадение, — прошептал я ей на ухо. — Именно в тот же момент я решил принять участие в игре.

— О... Джим, — вздохнула Ева. И еще раз меня поцеловала.

Машина пошла медленнее. Я беспомощно ругнул беспощадное расписание Сатаны.

— Ева, — быстро заговорил я и сунул ей в руки ожерелье Сенусерта. — Ты знаешь маленького англичанина по имени Баркер? Электрика? Похоже, он тебя знает.

— Да, — ответила она удивленно. — Знаю. Но как...

— Свяжись с ним, как только сможешь. Мне некогда объяснять. Но Баркеру можно доверять. Скажи ему, чтобы он пробрался ко мне в комнату в первый же вечер после моего возвращения. Всеми правдами и неправдами он должен быть у меня. Поняла?

Она кивнула, глаза ее были широко раскрыты.

— Устрой так, чтобы ты тоже была там вечером.

— Хорошо... Джим.

Я посмотрел на часы. Осталась минута и три четверти. Мы использовали их наилучшим образом.

Машина остановилась.

— Помни о Баркере, — прошептал я.

Открыв дверцу, я вышел из машины. Дверца за мной закрылась, и машина двинулась дальше. Обелиск оказался совсем рядом. Я послушно обошел его. Выходя на Пятую авеню, я увидел в ста футах от себя человека. Пальто и шляпа у него были такие же, как у меня. Он размахивал малаккской тростью. Меня охватило любопытство. Я дви-

нулся к нему и тут же остановился. Пойдя за ним, я нарушу инструкции Сатаны. Мне меньше, чем когда-либо, хотелось делать это. Я неохотно повернул назад.

Остановив такси, я поехал в клуб. Все вокруг было розовым. Мне хотелось петь. Прохожие на авеню весело скользили мимо. Ева слегка ударила мне в голову.

И вдруг розовый свет померк, песня заглохла. Возвращался рассудок. Несомненно, отсутствие ожерелья уже обнаружено. Двери музея закрыты, никого не выпускают без обыска. Вероятно, тревога прозвучала, уже когда я спускался по лестнице. Возможно, я единственный, кто вышел из музея.

Если это так, меня заподозрят. Я нарочно привлек к себе внимание охранников не только в коридоре, но и в самой сокровищнице. Они меня запомнили. Почему же я ускользнул, несмотря на весь переполох? Значит, у меня была для этого причина. А какая причина? Только сбежать с ожерельем.

Допустим, воровство не обнаружат до закрытия музея. Все равно мне трудно было бы объяснить причину столь стремительного ухода. Я единственный, кто не заинтересовался происходившим.

Неужели Сатана пропустил ход в своей сложной игре, допустил ошибку в своих расчетах? Или холодно спланировал, чтобы именно на меня пало подозрение? Так или иначе, оно на меня падет.

С тяжелыми мыслями я отпустил такси и вошел в клуб.

— Рано вернулись, мистер Киркхем, — улыбнулся дежурный за стойкой, протягивая мне ключи. Совершенно очевидно, он не подозревал, что Киркхем, вышедший отсюда несколько часов назад, и тот, который только что вошел, — разные люди. Должно быть, мой двойник действительно хорош, подумал я.

— Следующие несколько часов я буду очень занят, — сказал я ему. — То, что я пишу, требует полнейшей сосредоточенности. Ничего, абсолютно ничего, сколь бы важно оно ни казалось, не должно отвлекать меня. Вероятно, мне будут звонить, возможно, придут посетители. Говорите всем, что меня нет. Если придут репортеры, скажите им, что я встречусь с ними в восемь. Пришлите ко мне в номер все газеты к семи часам. Не раньше. Самые последние выпуски. И кто бы ни позвонил, меня не тревожьте.

— Положу запасной ключ в ваш ящик, — ответил он. — Это хорошо действует.

Я пошел к себе в номер. Закрыв дверь, тщательно осмотрел его. На столе почта за три дня. Писем немного, ни одного важного, все распечатаны. Два приглашения выступить на обедах. Сделанные под копирку копии ответов с извинениями и отказом были прикреплены к ним. Моя подпись под ответами выглядела совершенно нормально. Способность моего двойника к имитации, очевидно, распространялась

не только на голос и внешность. Я с интересом заметил, что причина отказа — я не буду в городе в день обеда. Так. Но где, во имя дьявола, я в таком случае буду?

Рядом с машинкой — пространный документ. Пролистав его, я понял, что это доклад о возможности эксплуатации некоторых месторождений полезных ископаемых в Китае. Доклад адресован тому самому известному адвокату, который провозгласил тост за «новопроклятого» на вечере у Сатаны накануне. Доклад был выправлен моим почерком; аннотация тоже как будто была написана мной. Я не знал, какова причина всего этого, но был уверен, что адвокат легко, со всеми подробностями, расскажет о появлении этого документа. Моя вера в Сатану снова воскресла. Я почувствовал себя гораздо спокойнее.

Я обшарил карманы костюмов, висевших в шкафу. Ничего, ни одного клочка бумаги.

Наступило семь часов, в дверь негромко постучали. Вошел Роберт, ночной дежурный, с пачкой газет. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, и видно было, что его распирают вопросы. Что ж, у меня тоже было множество вопросов. Что же написано в газетах? Но я не дам ему заподозрить свое незнание.

Поэтому я рассеянно взял у него газеты и с отсутствующим видом закрыл дверь.

Как только я открыл первую же газету, мне в глаза бросился заголовок:

ТРОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ
В МЕТРОПОЛИТЕН-МУЗЕЕ:

ПОХИЩЕН БЕСЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ,

НА ГЛАЗАХ ОХРАННИКОВ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ
УБИТА ЖЕНЩИНА,

ЕЕ УБИЙЦА УБИТ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ,

КОТОРЫЙ, БУДУЧИ ЗАДЕРЖАН,
СОВЕРШИЛ САМОУБИЙСТВО.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КИРКХЕМ
РАССТРАИВАЕТ ПЛАНЫ ПОХИТИТЕЛЕЙ.

ОН ПОДНЯЛ ТРЕВОГУ
И ЗАСТАВИЛ ЗАКРЫТЬ ДВЕРИ МУЗЕЯ.

ПОСЛЕ СЕРИИ УБИЙСТВ,
ПОГРУЗИВШИХ СОКРОВИЩНИЦУ В ХАОС,

ПРЕСТУПНИК ПРЯЧЕТ ОЖЕРЕЛЬЕ
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ПРИНЦЕССЫ И СКРЫВАЕТСЯ.

МУЗЕЙ МЕТРОПОЛИТЕН БУДЕТ ЗАКРЫТ,
ПОКА НЕ ОБНАРУЖАТ ОЖЕРЕЛЬЕ.

Остальные заголовки в других выражениях говорили о том же. Я прочел материалы. Время от времени у меня возникало ощущение, что кто-то брызжет мне между лопатками ледяную воду. Процитирую наиболее полный отчет:

«Неизвестная женщина сегодня днем убита в музее искусств Метрополитен на глазах у полудюжины охранников и более двадцати посетителей.

Ее убийца пытался скрыться, но прежде чем он смог уйти, на него напал товарищ этой женщины, бегущий споткнулся и получил нож в сердце.

Второй убийца после погони был схвачен. Когда его вели в кабинет хранителя, чтобы там дождаться полиции, он упал. И умер через несколько секунд, очевидно, под действием какого-то быстродействующего яда, который он сумел сунуть в рот.

Оба убийства и самоубийство произошли вблизи египетского зала, где хранятся некоторые наиболее ценные сокровища музея. Воспользовавшись смятением, кто-то вскрыл витрину, в которой хранилось ожерелье, подаренное фараоном Сенусертом Вторым дочери. Ожерелье, бесценный реликт прошлого и предмет восхищения тысяч посетителей, было похищено. Его выносу из здания музея помешала, однако, бдительность мистера Джеймса Киркхема, известного исследователя, который заставил закрыть двери, прежде чем кто-нибудь смог покинуть музей.

Обыск всех находившихся в здании не помог обнаружить украденное сокровище. По-видимому, вор ударился в панику, обнаружив, что не может выйти, и где-то спрятал ожерелье. Неизвестно, хотел ли он после вернуться за ним или просто избавиться. Музей будет закрыт для посетителей, пока ожерелье не найдут, что, благодаря сообразительности мистера Киркхема, является лишь вопросом времени.

Ни администрация музея, ни полиция не связывают происшедшую трагедию с воровством; вор, очевидно, поддался внезапному искушению и воспользовался представившейся возможностью».

Что ж, подумал я, я мог бы кое-что добавить к этому. И если музей будет закрыт, пока не найдут ожерелье, его дверные петли проржавеют.

Три жизни — цена безделушки! Я продолжал чтение с холодным ужасом в сердце:

«В начале третьего один из охранников египетского крыла впервые обратил внимание на женщину и двух мужчин. Они оживленно разговаривали, по-видимому, обсуждая экспозицию фигур ушебти, похожих на игрушки моделей из усыпальниц. Женщина примерно тридца-

ти лет, привлекательная блондинка, по-видимому, англичанка. Мужчины старше, охранник принял их за сирийцев. Внимание охранника привлекла своеобразная бледность их лиц и необычная величина глаз.

— Похожи на наркоманов и в то же время не похожи, — рассказывает он. — Лица болезненно-бледные, почти прозрачные. Но вели они себя не как наркоманы. Разговаривали вполне разумно. И одеты хорошо.

В конце концов он решил, что это иностранцы, и отвлекся. Через несколько минут он увидел одного из мужчин рядом с собой. Позже было установлено, что именно этот мужчина сопровождал женщину, вошедшую в музей примерно в 1.30. Служитель в гардеробе также обратил внимание на их бледность и странные глаза. Этот мужчина миновал вход в небольшую комнату, где наряду с другими древними драгоценностями хранилось ожерелье Сенусерта. Он свернул в следующий коридор и исчез.

Женщина продолжала разговаривать со вторым мужчиной, который вошел в музей, очевидно, незадолго до двух.

Неожиданно охранник услышал крик. Он обернулся и увидел, как женщина пытается отвести удары длинного ножа, которыми осыпал ее мужчина. Охранник, Уильям Бартон, закричал и побежал к ним. В то же самое время появилось множество посетителей, привлеченных со всех сторон криками.

Они оказались на пути Бартона, а стрелять он не мог из боязни попасть в женщину или в кого-нибудь из возбужденных зрителей.

Весь эпизод занял несколько секунд. Нож пронзил сердце женщины.

Убийца, размахивая окровавленным лезвием, пробежал сквозь толпу окаменевших от ужаса свидетелей и побежал в том направлении, в котором исчез первый мужчина. Когда он пробегал мимо комнаты с ожерельем, оттуда выбегали посетители. И с ними один из двоих охранников, находившихся там на посту. Они отпрянули, стараясь быть подальше от ножа, некоторые упали. Началась паническая свалка, которую пытался предотвратить второй охранник.

Тем временем на повороте во второй коридор убийца оказался лицом к лицу с компаньоном женщины; ударил его, но промахнулся и побежал в оружейную палату, а тот с ножом в руке погнался за ним.

Эти двое схватились и упали, покатившись по крытому плитками полу, каждый старался ударить другого кинжалом. Со всех сторон бежали охранники и посетители, и все превратилось в ад.

Все увидели, как взметнулась рука преследователя. Другой закричал — в его сердце был нож!

Убийца вскочил и слепо бросился бежать. Преследуемый охранниками и посетителями музея, он свернул в египетский коридор.

Его загнали в угол и свалили на пол.

Он был избит до потери сознания. Когда его несли в кабинет хранителя, тело его вдруг обвисло и потяжелело. Его положили.

Он был мертв!

Его убил шок или какой-то быстрый и мощный яд, который он принял, убедившись, что бегство невозможно. Что это было, покажет вскрытие.

Вся трагедия произошла за невероятно короткое время. Меньше пяти минут прошло между первым криком женщины и третьей смертью.

Но этого было достаточно, чтобы похититель ожерелья воспользовался представившейся возможностью.

Среди посетителей музея был мистер Джеймс Киркхем, известный исследователь, который недавно привез в Америку знаменитые юнаньские нефриты, подаренные музею мистером Рокбилтом. Мистер Киркхем напряженно работает над докладом о возможностях добычи полезных ископаемых в Китае для некоего мощного американского синдиката. Последние два дня он работал особенно сосредоточенно и почувствовал необходимость немного отвлечься. Он решил провести несколько часов в музее.

Он зашел в египетскую комнату, где хранилось ожерелье, и рассматривал витрину с амулетами, когда послышался женский крик. Он увидел, как все побежали из комнаты, и последовал за ними. Убийства он не видел, но был свидетелем поимки второго мужчины.

Занятый необходимостью закончить доклад и решив, что с него достаточно «разрядки», мистер Киркхем пошел к выходу. Он уже подошел к дверям музея, когда его охватило подозрение. Приученный своей работой к острой наблюдательности, он вспомнил, что, когда он торопился к выходу из комнаты с ожерельем вслед за другими, кто-то мимо него прошел в комнату. Он вспомнил также, что вслед за этим услышал резкий щелчок, как от сломанного замка. Поскольку все его внимание было привлечено к событиям снаружи, он не придал этому значения.

Но теперь это показалось ему весьма подозрительным.

Мистер Киркхем немедленно вернулся назад и приказал включить сигнал тревоги, после чего двери музея сразу закрыли. Поскольку его хорошо знают в музее, ему тут же подчинились.

Именно тренированная наблюдательность и быстрота реакции мистера Киркхема помешали вору».

Далее следовал рассказ об обнаружении вскрытой витрины, подтверждение того, что ни один человек не вышел из музея ни во время, ни после беспорядков, поголовный обыск в кабинете хранителя и вывод одного за другим под наблюдением всех посетителей, чтобы никто не мог подобрать спрятанное ожерелье. Мне интересно было прочесть,

что я потребовал, чтобы меня обыскали наряду с другими, несмотря на протесты хранителя.

Наконец я добрался до своего интервью, изложенного во всех газетах почти одинаково.

«По правде говоря, — цитировались в газетах мои слова, — я чувствую себя виноватым за то, что не сразу понял важность своих впечатлений и не вернулся в комнату. Вероятно, я схватил бы вора с поличным. Но мозг мой на девять десятых был занят этим проклятым докладом, который должен быть закончен и отослан сегодня до полуночи. Мне кажется, что в комнате находилось около дюжины людей, но я абсолютно не помню, как они выглядели.

Услышав женский крик, я будто проснулся. Двигался я к двери полуавтоматически. Только когда я уже почти вышел из музея, начала действовать память, и я вспомнил человека, прошедшего украдкой в комнату, и резкий щелчок.

Оставалось только одно: никого не выпускать, пока не будет установлено, что ничего не украдено. Наружная охрана заслуживает похвалы за быстроту, с которой был включен сигнал тревоги.

Я согласен с хранителем, что между воровством и убийством нет никакой связи. Да и какая тут возможна связь? Кто-то — не профессионал, потому что профессионал знает, что такую вещь продать невозможно, — поддался внезапному безумному искушению. Вероятно, он тут же искренне раскаялся и попытался избавиться от ожерелья. Единственная проблема — найти, куда он его засунул.

Вы говорите: музею повезло, что я оказался там, — улыбнулся мистер Киркхем. — Что ж, еще больше повезло мне. Не хотел бы я оказаться в положении человека, первым вышедшего из музея, может быть, единственного вышедшего».

При этих словах хранитель, несмотря на все свое беспокойство, от всей души рассмеялся».

Было еще много, много другого, но я привел все слова, которые приписывались мне. Охранник, которого я видел лежащим на пороге, рассказал, как его сбили с ног и «кто-то дал мне в ухо». Второй охранник участвовал в погоне. В специальном выпуске одной из газет поместили ужасное рассуждение о возможности того, что вор заполз в рыцарское вооружение и теперь умирает там от голода и жажды. Очевидно, журналист представлял себе вооружение рыцаря железным ящиком, в котором можно спрятаться, как в шкафу.

Все газеты соглашались, что вряд ли удастся установить личность убитых. В их одежде или на них не нашли ничего, что могло бы привести к разгадке.

Вот и все. Мое абсолютное алиби. Шахматные фигуры Сатаны за-

няли свое место, включая тех троих, которые больше никогда не двинутся. Мне было совсем не приятно читать об этом, вовсе нет. Особенно я морщился, читая, как веселился куратор от предположения, что моя честность может быть поставлена под вопрос.

Но мой двойник хорошо поработал. Это, конечно, он прошел мимо меня, когда я нагнулся, завязывая шнурок; он спокойно занял мое место без всякого перерыва. И это мимо него я прошел за обелиском и занял его место. Никто не видел, как я спускался по лестнице и сел в автомобиль рядом с Евой. Добавочной гарантией этого была отвлекающая драка. В алиби не было ни щелки.

А трое мертвых, которые отвлекли внимание всех в музее и дали мне возможность украсть ожерелье? Рабы загадочного наркотика Сатаны — кефта. Доказательством служили описания их странных глаз и бледность — если мне нужны были бы доказательства. Рабы Сатаны, послушно играющие отведенную им роль в полной уверенности, что наградой им будет вечный рай.

Я перечитал газетные отчеты. В восемь часов ко мне впустили репортеров. Я строго придерживался фактов своего прежнего интервью. Репортеры вскоре ушли. В конце концов я немного смог им добавить. Доклад, который так занимал меня, я оставил на виду, и они все могли его видеть.

Я пошел даже дальше. Поняв намек, содержавшийся в словах двойника, я запаковал доклад, написал адрес и попросил одного из репортеров бросить его в ящик на обратном пути.

Когда все ушли, я попросил прислать обед ко мне в номер.

Но когда несколько часов спустя я лег в постель, где-то внутри было болезненное смутное ощущение. Больше, чем когда бы то ни было, я был склонен поверить в рассказ Сатаны о его истинной сущности.

Впервые за все время я его испугался.

Глава тринадцатая

На следующий день рано утром меня разбудил телефон. Говорил портье. Срочное сообщение для меня, посыльный ждет, когда я прочту. Я велел послать сообщение ко мне.

Это было письмо. Я вскрыл его и прочел:

«Хорошо сделано, Джеймс Киркхем. Я доволен вами.
Навестите своих друзей в музее сегодня днем.
Дальнейшие инструкции получите от меня завтра.

С.»

Я позвонил портье, чтобы отпустили посыльного, а мне прислали завтрак и утренние газеты.

Конечно, это была сенсация, и все за нее ухватились. Меня вначале удивило, что очень много писалось об украденном ожерелье и мало об убийствах и самоубийстве. Потом я понял, что поскольку связи между этими происшествиями нет, газетчики рассудили здраво. В конце концов, что такое три жизни для других миллионов? Они жили — и больше не живут. Есть еще множество людей.

А ожерелье уникально.

Я подумал, что Сатана, несомненно, рассуждал точно так же. Эти три жизни казались ему чем-то ничтожным по сравнению с ожерельем. И, очевидно, газеты были с ним согласны.

Три тела оставались в морге неопознанными. Музей после поисков, продолжавшихся всю ночь, не смог отыскать ожерелье. Таковы были новости, если это можно назвать новостями.

Я спустился вниз и вступил в неизбежные обсуждения случившегося с другими членами клуба. В час посыльный принес мне еще одно письмо. На конверте был адрес влиятельной юридической конторы, которую возглавлял известный адвокат.

В письме чек на десять тысяч долларов!

В сопроводительной записке давалась высокая оценка моего доклада. Чек, было сказано в ней, за эту и возможные последующие работы. За последующие, разумеется, лишь как аванс. Они будут оплачены соответственно.

И вновь Сатана сказал правду. Он платил хорошо. Но что это за «последующие работы»?

В три часа я пошел в музей. Без труда прошел заграждения. В сущности, я стал героем. Хранитель был расстроен, но полон надежд. Уходя, я чувствовал себя гораздо несчастнее его, а что касается возможности находки ожерелья, тут у меня вообще надежд не было. С трудом я скрыл от него свое состояние.

День прошел без известий от Сатаны или его служителей. Часы шли, и я все больше и больше чувствовал себя не в своей тарелке. Предположим, это единственное, что ему нужно было от меня. Выполнив поручение, я буду отброшен в сторону! Может быть, его королевство — ад, но пока там находится Ева, для меня он — рай. Я не хотел, чтобы его ворота захлопнулись передо мной. Выброшенный, я не смог бы пройти через них. Я даже не знал, где они находятся. Сон у меня в эту ночь был беспокойным, я разрывался между бессильным гневом и кошмарным ощущением невозместимой утраты.

Когда на следующее утро я вскрывал письмо Сатаны, у меня было чувство, будто ангел с пылающим мечом отошел от закрытых врат рая и знаком приглашал меня пройти.

«У меня прием, и компания для вас подходящая. Можете приказать, чтобы вашу почту из клуба пересылали вам ежедневно. По зрелом размышлении, отказа я не приму.

В четыре часа вас будет ждать машина.

С.»

Внешне — сердечное настойчивое приглашение немного отдохнуть. На самом деле приказ. Даже если бы я хотел, мне не стоило бы отказываться.

Совесть перестала меня мучить. С легким сердцем я упаковал дорожную сумку, дал распоряжения портье и с нетерпением ждал, когда подойдет назначенный час. Точно в четыре красивый лимузин остановился перед клубом, так же красиво одетый в ливрею шофер вышел из машины, с почтением приветствовал меня, взял мою сумку и сопроводил меня в машину.

Тут я немедленно получил доказательство, что выдержал испытание, назначенное Сатаной. Занавеси были подняты. Мне позволено увидеть, куда мы направляемся.

Мы проехали по Пятой авеню и свернули на мост Квинсборо. По нему проехали на Лонг-Айленд. Примерно через сорок минут мы оказались у въезда на скоростную дорогу Вандербилта. За пятьдесят минут мы по ней проехали сорок пять миль до озера Понконкома. Далее свернули к заливу на север, проехали Смиттаун и двинулись по дороге Норт Шор. Вскоре после шести мы опять повернули к заливу и через несколько минут увидели узкую частную дорогу, проходящую по густой сосновой и дубовой роще. Мы повернули на нее. Через несколько сотен ярдов остановились у коттеджа, и шофер протянул нечто вроде пропуска вышедшему из дома человеку. Человек был вооружен мощным ружьем; очевидно, это был охранник. Через милю мы остановились у другого коттеджа, и все повторилось.

Дорога начала огибать прочную высокую стену. Я понял, что о ней мне рассказывал Баркер, и удивился, как он умудрился миновать другую охрану. В 6.30 мы остановились у массивных стальных ворот. По сигналу шофера они открылись. Вышли несколько человек, расспросили шофера, осмотрели через окно меня и знаком велели проезжать.

Мое уважение к Сатане постоянно росло.

Через пятнадцать минут мы были у дверей замка. Я решил, что он расположен примерно в десяти милях от нью-йоркской стороны порта Джефферсон, в лесистой местности между портом и заливом Ойстер. Построен он в небольшой долине и почти или совсем не виден со стороны залива, который, как я предположил, находится в трех четвертях мили отсюда. Местность, по которой мы проехали, такая пересеченная и так густо заросла, что я сомневался, можно ли увидеть дом с общественных дорог.

Меня приветствовал Консардайн. Мне показалось, что он рад меня видеть. Он сказал, что меня переместили в новое помещение, и если

я не возражаю, он побудет со мной, пока я одеваюсь к обеду. Я ответил, что ничто не обрадовало бы меня больше. Я говорил искренне. Консардайн мне нравился.

Новое помещение служило еще одним доказательством моего повышения. Тут была гораздо большая спальня, большая гостиная и ванна. Все комнаты удивительно обставлены и все имели окна. Я оценил тонкость намека, что я больше не пленник. Меня ждал деятельный Томас. Он открыто улыбнулся при виде моей сумки. Одежда уже аккуратно лежала на постели. Пока я мылся и одевался, мы с Консардайном болтали.

Сатана, сказал Консардайн, не будет с нами сегодня вечером. Тем не менее он приказал Консардайну передать мне, что я оправдал все его ожидания. Завтра он со мной поговорит. За столом я встречу множество привлекательных людей. Потом бридж. Я, если хочу, могу принять участие. Происшествие с ожерельем мы не обсуждали, хотя, по-видимому, Томас все знал.

Я очень хотел спросить, будет ли за столом Ева, но решил не рисковать. Когда мы, пройдя три коридора в стенах и два лифта, вышли в столовую, ее там не было.

Всего там собралось восемнадцать человек. Как и пообещал Консардайн, интересные, остроумные, занимательные люди. Среди них исключительно красивая полячка, итальянский граф и японский барон, все трое часто упоминались в новостях. Сеть Сатаны раскинулась широко.

Прекрасный обед в прекрасном обществе — нет необходимости останавливаться на подробностях. Не говорили ни об отсутствующем хозяине, ни о наших действиях. Я испытывал сильное нетерпение вернуться к себе и ждать Баркера. Знает ли он о том, что я живу в другом месте? Сможет ли добраться до меня? В замке ли Ева?

Обед кончился, и мы перешли в другую комнату со столами для бриджа. Партнеров хватило на четыре стола, двое оставались лишними. Это дало мне возможность избежать игры. К несчастью для моих планов, Консардайн получил такую же возможность. Он предложил показать мне некоторые чудеса этого места. Я не мог отказаться.

Мы осмотрели с полдюжины комнат и галерей, прежде чем я смог, не нарушая приличий, изобразить усталость. То, что я увидел, описывать не буду: это не существенно. Но меня глубоко задели собранные тут редкости и их красота. Сатана, сказал мне Консардайн, живет в собственных огромных апартаментах, где держит наиболее дорогие для него сокровища. То, что я видел, лишь небольшая часть сокровищ замка, сказал он.

Возвращаясь, мы заглянули в комнату для бриджа. Во время нашего отсутствия появились другие игроки, в ходу было еще несколько игровых столов.

За одним из них с Кобхемом в качестве партнера сидела Ева.

Когда я проходил мимо, она взглянула на меня и равнодушно кивнула. Кобхем встал, и мы с большим дружелюбием обменялись рукопожатием. Ясно было, что он больше не сердится. Пока я знакомился с вновь прибывшими, Ева откинулась в кресле, напевая, и я узнал одну из модных джазовых песенок:

Повстречайся со мной, милый,
Когда часы пробьют двенадцать...
В полночь,
Когда от лунного света
Разгорятся наши сердца...

Мне не нужен был лунный свет, чтобы сердце мое разгорелось. Это сообщение. Она виделась с Баркером.

Через несколько мгновений я наступил Консардайну на ногу. Ева была подчеркнуто невежлива. Она зевала и нетерпеливо перебирала карты. Кобхем раздраженно взглянул на нее.

— Ну что, — наконец резко сказала она, — играем мы или нет? Я официально заявляю — в двенадцать часов буду уже в постели.

Я опять понял — она подчеркивает свое сообщение.

Я пожелал всем доброй ночи, и мы с Консардайном направились к выходу. Вошла еще одна небольшая группа, и нас просили остаться.

— Не сегодня, — прошептал я ему. — Я нервничаю. Выведите меня отсюда.

Он взглянул на Еву и слегка улыбнулся.

— У мистера Киркхема есть срочная работа, — объяснил он. — Я вернусь через несколько минут.

Он отвел меня в мои комнаты, показывая по пути, как действуют панели и лифты.

— На случай, если передумаете и захотите вернуться, — сказал он.

— Не передумаю, — ответил я. — Немного почитаю и лягу спать. По правде говоря, Консардайн, я не выдержу общения с мисс Демерест.

— Я поговорю с Евой. Зачем вам чувствовать неудобство?

— Лучше не надо, — попросил я. — Я попытаюсь сам справиться с ситуацией.

— Как хотите, — ответил он и продолжал говорить о том, что утром меня будет ждать Томас. Вероятно, через него передаст свои пожелания Сатана. Если мне понадобится лакей, я могу позвать его по внутреннему телефону. Телефон давал мне впечатление уединенности, какого не давал звонок. Я решил, что Томас уже не исполняет обязанности моего надзирателя. И был этому очень рад.

Консардайн пожелал мне спокойной ночи. Наконец я остался один.

Я подошел к окну. Оно было не зарешечено, но покрыто тонкой стальной сеткой, такой же непроходимой. Выключив все лампы, кроме одной, я стал читать. Часы показывали 10.30.

— Я здесь, капитан, и очень рад вас видеть.

Несмотря на то, что я был уверен в появлении Баркера, сердце мое подпрыгнуло и огромная тяжесть, казалось, свалилась с плеч. Я влетел в спальню и схватил его за плечи.

— А как я рад, Баркер, клянусь Господом!

— У меня для вас сообщение, — он улыбнулся, закрыв маленькие глаза. — И теперь не нужно прятаться. Никто не придет проверять вас. Теперь вы на высоком положении у Сатаны. Стали одним из них. Хорошо проделано, капитан! Я знаю, что такое хорошая работа.

Он достал сигару, закурил и сел, с восхищением глядя на меня.

— Хорошая работа! — повторил он. — И без всякой тренировки. Я сам бы не мог ее сделать лучше.

Я поклонился и придвинул к нему графин с вином.

— Нет, нет, — отказался он. — Если вы в отпуске и собираетесь лечь спать, тогда пожалуйста. Но в нашей работе старина Джон Ячменное Зерно лишь помеха.

— Я ведь новичок, Гарри, — сказал я виновато и отодвинул нетронутый графин.

Он одобрительно посмотрел на меня.

— Когда мисс Демерест все рассказала мне, — продолжал он, — меня легко было сдунуть, как перышко. Приведите его ко мне, сказала она, как только сможете. Сплю я или не сплю, неважно, я хочу его видеть, сказала она. В любое время, сказала она, только без риска. Очень хочет видеть вас, сэр.

— Она сама дала мне понять, что будет в своей комнате в двенадцать.

— Отлично, мы там будем, — кивнул он. — Есть какой-нибудь план? Раздавить его, я хочу сказать.

Я колебался. Мысль, пришедшая мне в голову, была слишком неопределенной, чтобы назвать ее планом. Слишком хрупка она пока для рассмотрения.

— Нет, Гарри, — ответил я. — Я пока еще мало знаю обстановку. Нужно осмотреться. Я знаю только одно — я освобожу мисс Демерест от Сатаны, или будь я проклят.

Он скосил на меня взгляд, как испуганный терьер.

— Капитан Киркхем, — серьезно сказал он, — это ваша последняя ставка. Самая последняя, сэр. Конечно, хорошо, если бы кто-нибудь нас поддержал. И если никто не узнает, что мы замышляем. Но никто не выступит против него, сэр. Никто. Все равно что просить гору обрушиться на него, землю проглотить его, сэр.

Он помолчал.

— Вот что, капитан. Если вы решаетесь выступить против него, я с вами. Но мы должны понимать, что кроме нас нет никого. У нас нет ни малейшего шанса убежать. Если не он сам, то рабы кефта позаботятся об этом. Что? Мы отнимаем у них их рай? Это самоубийство,

капитан, не меньше. И если они заподозрят мисс Демерест, узнают что-нибудь о ней... Боже, мне не хочется думать об этом! Нет, нужно найти какой-то другой путь, капитан.

— Я хочу сказать — если иного выхода не будет, — сказал я. — И если дойдет до открытой схватки, я не хочу, чтобы вы в ней участвовали. Я как-нибудь сам.

— Послушайте, капитан, — сказал он, его короткая верхняя губа дрожала, лицо исказилось, будто он собирался заплакать. — Не нужно так говорить со мной. Куда вы, туда и я. Разве мы не партнеры?

— Конечно, партнеры, Гарри, — ответил я, искренне тронутый. — Но когда дойдет до убийства... я сам. Вам нет необходимости идти на смертельный риск ради нас.

— Ну и ну! — огрызнулся он. — Нет необходимости! К дьяволу необходимость! Думаете, мне так приятно ползать сквозь стены, как крыса? Я бы ни слова не сказал против приличной богобоязненной тюрьмы. Но это? Знаете, что это? Настоящий ад! А вы с мисс Демерест как моя семья! Нет необходимости, вы говорите! Не нужно так больше, капитан!

— Ну, ну, Гарри, я не совсем это имел в виду, — сказал я и потрепал его по плечу. — Я хотел сказать, что если дойдет до самого плохого, предоставьте Сатану мне, а сами попробуйте спасти мисс Демерест.

— Мы будем вместе, капитан, — упрямо ответил он. — Если дойдет до убийства, я с вами. — Он заколебался и добавил: — Хотел бы я, во имя Господа, быть уверен, что честная пуля справится с ним.

Это задело меня за живое. Слишком близко подошел он к моим глубочайшим сомнениям.

— Заткнитесь, Гарри! — резко сказал я. — Ведь первое, что вы мне сообщили, что Сатана человек, такой же, как вы и я. И что пуля или нож покончат с ним. Почему вы передумали?

— Я блефовал, — пробормотал он. — Я хвастался, чтобы поддержать свою смелость. Его нельзя назвать вполне человеком, сэр. Я говорил, что он не Сатана. Но я не говорил, что он не дьявол. О Боже, он такой огромный! — беспомощно закончил он.

Мое беспокойство усиливалось. Я думал найти поддержку в отсутствии суеверий относительно Сатаны у Баркера. Но теперь эти суеверия овладели им. Я попробовал высмеять его.

— Будь я проклят! — усмехнулся я. — Я считал вас прожженным парнем, Гарри. Сатана говорит, что он прямиком из ада. Конечно, говорите вы себе, откуда еще ему взяться? Наверное, если бы вам рассказали о Красной Шапочке, вы любую старуху в шали приняли бы за волка. Спрячьтесь под кроватью, малыш.

Он серьезно взглянул на меня.

— За ним ад, — сказал он. — И он знает все пароли.

Я начал сердиться. Прежде всего, споря с ним, я спорил с самим

собой. В конце концов он лишь высказывал мои мысли, которые я сам не хотел признавать.

— Ну что ж, — сказал я, — если вы так считаете, он вас прижал. Вы для меня теперь бесполезны, Гарри. Возвращайтесь в свои стены и ползайте. Ползайте и оставайтесь живым. Дьявол он или не дьявол, я с ним сражусь.

Я хотел уколоть его. К моему удивлению, он не рассердился.

— И дьявол он или нет, я тоже, — спокойно сказал он. — Морочите мне голову, капитан? Не нужно. Я сказал, что иду с вами. Хватит быть крысой в стенах. Вот и все, капитан Киркхем.

В Баркере было странное достоинство. Я почувствовал, как загорелось мое лицо. В конце концов он проявляет высочайшее мужество. И, конечно, лучше, чтобы он высказал мне свои страхи, чем оставил их при себе. Я протянул ему руку.

— Простите, Гарри... — начал я.

— Не нужно, сэр, — остановил он меня. — Но в этом месте слишком много такого... этого... что вы не знаете. Но я знаю. И, наверно, не вредно вам это показать. Может, и сами увидите одного-двух волков. Который час?

Голос его звучал жестко. Я улыбнулся про себя, довольный. В этом маленьком человеке чувствуется сталь. Конечно, он бросает мне вызов. Я взглянул на часы.

— Двадцать минут двенадцатого, — сказал я. — Помните о нашем свидании в полночь. Веди меня, Макдуф!

— Ваша рубашка, — сказал он, — будет маяком в темноте. Переоденьтесь.

Я быстро выбрал самую незаметную из рубашек в шкафу.

— Револьвер есть? — спросил он.

Я кивнул и указал на левую подмышку. В клубе я пополнил свой арсенал, который опустошил Консардайн.

— Суньте его в ящик, — к моему удивлению, попросил он.

— А почему?

— У вас появится искушение его использовать, капитан.

— Но если оно и появится, у него будет достаточное основание.

— Заодно можете прихватить сигнал тревоги, — сказал Баркер. — Он вам сделает столько же добра. Или вреда. Но больше вреда. Мы ведь не хотим рекламировать наше путешествие, капитан.

Мое уважение к Гарри стремительно выросло. Я спрятал пистолет в стоявшую поблизости вазу. Отстегнул кобуру и сунул ее под подушку.

— Оставляю тебя, искушение, — сказал я. — Что теперь?

— Тапочки, — объявил Баркер и протянул мне пару домашних туфель на толстой резиновой подошве.

— Кастеты, — он сунул мне в руку пару прекрасных медных кастетов. Я просунул в них пальцы.

— Хорошо, — сказал Баркер. — У них, конечно, нет дальнобойности пистолета, но если будет схватка, постараемся, чтобы было потише. Действовать нужно быстро и жестко.

— Пошли, — сказал я.

Он выключил свет в гостиной. Вернулся, двигаясь абсолютно тихо, и взял меня за руку. Провел к стене спальни.

— Положите руку мне на плечо и идите за мной, — приказал он.

Я не слышал звука раздвигающейся панели и не видел во тьме никакого отверстия. Но панель открылась, и я прошел через то, что только что было сплошной стеной. Он остановился, несомненно, закрывая отверстие. Потом повернул под прямым углом направо, я за ним. Я насчитал пятьдесят шагов, прежде чем он остановился. Длинный коридор. Он на мгновение зажег свет, передо мной был один из маленьких лифтов. Баркер сжал мне руку и ввел меня в лифт. Он пошел вниз. Баркер облегченно вздохнул.

— Тут опасно, — прошептал он. — Но дальше будет легче.

Лифт шел, казалось, очень долго. Когда он остановился, я был уверен, что мы глубоко под большим залом, где-то на уровне фундамента.

— Мы идем одним из его собственных путей, — снова прошептал Баркер. — Не думаю, чтоб даже Консардайн его знал. Но Сатану мы здесь не встретим. Знаете почему? Я хочу вам показать.

Мы пересекли широкий, около десяти футов, коридор, темный, как тюремное подземелье. Потом, по-видимому через противоположную стену и еще по одному коридору — восемнадцать шагов. Здесь Баркер остановился и прислушался.

Затем прямо передо мной появилась светлая линия в волос толщиной. Медленно, очень медленно она расширялась. На ее фоне стал виден силуэт головы Баркера. Он осторожно заглядывал в щель. Затем уверенно кивнул. И двинулся дальше.

Мы находились в полутемном узком коридоре. Два человека с трудом разминулись бы в нем. Коридор был выложен каким-то полированным черным камнем, в котором тонул свет из скрытого источника. Мы были в самом конце коридора. Пол постепенно опускался в виде пандуса на протяжении более ста футов; свет был таким тусклым и обманчивым, что точнее я не могу сказать.

— Похоже на вход в ад, не правда ли? — прошептал Баркер. — Ну, через одну-две минуты сами поймете, так ли это.

Он угрюмо шел вперед, я за ним. Я подошел к участку пути, который ставил меня в тупик. Это был крутой поворот. Освещения за ним не было совсем; тьму слегка рассеивал лишь свет сзади. Конца его я не видел. Мы двигались в сгущавшейся тьме. Пол стал ровным.

Неожиданно Баркер остановился и прижал губы к моему уху.

— Ложитесь. Ни звука, пока смотрите. Ради вашей жизни! Даже не дышите!

Я взглянул в щель. И почувствовал, как по спине и в корнях волос пробежали мурашки.

Чуть подо мной и не далее чем в пятидесяти футах сидел Сатана. Он открывал ворота своего черного рая перед погибшими душами рабов кефта.

При первом же взгляде я понял смысл этой сцены. Сатана сидел, наклонясь вперед, на троне из черного камня с алой подушкой, стоявшем на невысоком широком помосте. Он был в алом. Сбоку присел на корточки обезьяноподобный палач Санчал. Слева стояли два человека с закрытыми вуалью лицами. Один из них держал большой кувшин, а другой — золотой кубок.

У ног Сатаны поднималась с колен женщина. Не старая, светловолосая и когда-то, должно быть, очень красивая. Ее тело, видимое сквозь белую рубашку — ее единственную одежду, не потеряло стройности. Глаза ее с ужасной алчностью были устремлены на другой золотой кубок в руке Сатаны. Рот ее был полуоткрыт, губы плотно прижаты к зубам. Тело дрожало и было напряжено, будто она собиралась прыгнуть.

Палач взмахнул своей петлей и улыбнулся. Она отшатнулась. Сатана высоко поднял кубок. Раскатился его звучный, лишенный выражения голос:

— Ты, женщина, которая была Гретой фон Бонхейм, кто я такой?

Она так же без выражения ответила:

— Ты Сатана.

— А кто я — Сатана?

— Ты мой Бог!

Я почувствовал, как дрожит Баркер. Думаю, что и сам я вздрогнул. Нечестивая литания продолжалась.

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет Бога, кроме тебя, Сатана!

— Чего ты хочешь, женщина?

Она поднесла сжатые руки к сердцу. Голос ее дрожал, она говорила так тихо, что я с трудом расслышал:

— Мужчину и ребенка, которые умерли!

— Благодаря мне они оживут для тебя! Пей!

В его голосе звучала слабая насмешка, в глазах застыла издевка, когда он протянул кубок женщине. Схватив обеими руками, она осушила его. Потом поклонилась и отошла. И вышла из поля моего зрения, ступая при этом более твердо, лицо у нее было восторженное, губы шевелились, как будто она разговаривала с кем-то невидимым, шедшим рядом с ней.

Снова я почувствовал, как холодок ползет по спине.

В том, что я видел, было нечто истинно дьявольское, нечто подлинно отдававшее князем проклятых. Оно проявлялось в холодном высо-

комерии и гордости Сатаны во все время этой богохульственной литании. Оно было в его лице, в его сверкающих глазах, в позе огромного тела. Что-то действительно адское владело им, излучалось им, окутывало его. Я уже описывал это впечатление: будто он механизм из плоти и крови, в который вселился дьявол.

Мой взгляд следовал за женщиной, пока я мог ее видеть. Помещение было громадным. Через щель мне была видна едва ли треть его. Стены розового мрамора без шпалер или каких-нибудь украшений. В стенах отверстия, похожие на входы в глубокие ниши, с серебряными занавесями. Большой фонтан отбрасывал звенящие струи воды в кроваво-красный бассейн. Повсюду были разбросаны кушетки из розового камня, покрытые богатыми коврами. На них лежали, как во сне, мужчины и женщины. Их несколько десятков, только в моем ограниченном поле зрения я насчитал не менее двадцати. Потолка я не видел.

Я подумал, что занавешенные отверстия — входы в помещения, где живут рабы.

Прозвенел гонг. Занавеси отошли. В каждом отверстии стоял раб, глаза рабов в ужасном рвении не отрывались от Сатаны. Я вздрогнул. Похоже на исход проклятых.

Сатана поманил. К возвышению подошел мужчина. Я принял его за американца с запада. Высокий и тощий, походка выдает человека, привыкшего к верховой езде. Лицо орлиного типа, такие часто встречаются в горах; бледность и отсутствие зрачков в глазах делали его лицо похожим на гротескную маску. Рот тонкий и озлобленный.

Как и женщина, он лег на пол перед Сатаной. Человек в вуали протянул кубок держателю кувшина, тот налил в него зеленую жидкость. Кубок был передан Сатане.

— Встань, — приказал Сатана. Проситель вскочил на ноги, не отрывая горящего взгляда от кубка. Нечестивый ритуал начался заново!

— Ты, человек, бывший Робертом Тейлором, кто я такой?

— Ты Сатана!

— А кто такой Сатана?

И снова богохульное признание:

— Ты мой Бог!

— У тебя не должно быть Бога, кроме меня!

— У меня нет Бога, кроме тебя, Сатана!

— Чего ты хочешь, человек?

Раб выпрямился, голос его утратил безжизненность. Лицо стало жестоким, как у палача.

— Убить человека, которого я ненавижу... найти его... уничтожить... убить его медленно, много раз!

— Один раз ты убил его... слишком быстро, — злобно сказал Сатана и добавил без выражения: — Благодаря мне ты найдешь того, кого ненавидишь, и убьешь его, как желаешь! Пей!

Он передал напиток. Еще дважды слышал я звон призывающего гонга, дважды видел, как из-за серебряных занавесей появлялись обреченные с бледными лицами и алчными глазами и исчезали. Один из мужчин попросил власти над царством зверей. Другой — рай, полный женщин.

Сатана обещал и давал им зеленый напиток.

Кефт!

Сильнейший дьявольский наркотик, который давал выпившим иллюзию исполненного желания. А потом обращал мозг к самому себе, пожирал его. И дьявольская алхимия поглощала саму душу.

Я смотрел как околдованный. Ева была забыта. Но если я забыл о ней, то Баркер — нет. Щель, через которую я смотрел, закрылась. Баркер коснулся меня, мы встали. Бесшумно прошли по тусклому черному коридору.

Меня слегка тошнило.

Какая прекрасная картина — Сатана, купающийся в поклонении своих рабов, распределяющий любовь и ненависть, темную власть и похоть, сардонически и беспристрастно дающий каждому то, чего он или она больше всего хочет.

Да, иллюзии. Но более реальные для наркоманов, чем жизнь без напитка.

Но, Боже, их пробуждение!

И после пробуждения испепеляющее стремление бежать от реальности. Вернуться в мир иллюзий, куда дверь открывает только кефт!

Неудивительно, что те трое в музее пошли на смерть со слепым повиновением.

И если Сатана и не тот, за кого себя выдает, то сатанинской силы он не лишен.

Я не обращал внимания, куда мы идем, слепо следуя за Баркером.

— Ну, разве я был не прав? — неожиданно прошептал он. — Разве это не вход в ад? Кто же, по-вашему, Сатана?

Я пришел в себя.

— Продавец наркотиков. Притон а ля Риц. Вот и все. Я видел опиумные притоны в Китае, по сравнению с которыми этот — землянка. А наркоманы там готовы перерезать горло за дозу так же просто, как эти рабы Сатаны.

Ни одно из этих утверждений не было вполне истинным, но мне было приятно так говорить.

— Да? — цинично переспросил он. — Ну что ж, думайте по-своему. Я надеюсь, вы на самом деле так думаете, капитан.

Я тоже надеялся, что смогу думать так.

— Тише, — прошептал он.

Мы двигались, как два привидения во тьме коридора. У меня оста-

лось неясное впечатление, что мы воспользовались несколькими лифтами. И никакого представления, в каком направлении моя комната.

— Пришли, — прошептал Баркер и остановился, прислушиваясь. Я сунул в карман часы, чтобы их светящийся циферблат нас не выдал. При этом я взглянул на них. Было уже почти полпервого.

Баркер подтолкнул меня вперед. Слабый запах, едва ощутимый аромат.

Ева! Мы в ее комнате.

Глава четырнадцатая

— Мы ее опередили, — неосторожно прошептал я.

Послышался шорох, кто-то торопливо сел в постели.

— Кто здесь? — донесся негромкий голос Евы. — У меня палец на кнопке звонка.

— Это я, Джим, — ответил я так же негромко, но торопливо.

— Джим! — вспыхнул затененный свет. — Где ты был? Я до смерти беспокоилась о тебе!

Ева опиралась на подушку, карие глаза ее широко раскрыты и светятся, бронзовая копна волос слегка взъерошена. Она похожа на проснувшуюся маленькую девочку. И она прекраснее всех. Каждый раз, как я смотрел на Еву, она казалась мне еще прекраснее. Я даже подумал, когда же она остановится. На ней прелестное кружевное розовое неглиже. Я знал, что всю оставшуюся жизнь при виде кружевного розового неглиже сердце мое будет биться быстрее, даже если одежда будет выставлена в витрине магазина.

Она соскользнула с постели, подбежала ко мне и поцеловала. Это было так приятно, что я совершенно забыл обо всем.

И услышал странные звуки позади. Гарри раскачивался из стороны в сторону, сжав руки, полузакрыв повлажневшие глаза, лицо в экстазе, он вполголоса напевал, как любящий попугай. Он действительно был сентиментален, маленький воришка Гарри.

Ева взглянула на него и рассмеялась.

— Если хотите сказать: «Благословляю вас, дети мои», — давайте, Гарри, — шаловливо сказала она.

Он замигал, пришел в себя и улыбнулся ей.

— Вспомнил о нас с Мэгги, — сказал он. — Как мы встретились. Сердце согрелось.

— Ну, ладно, — сказал я, — полагаю, можно начинать совещание. У нас много вопросов, а времени мало. Могут ли нас прервать, Ева?

— Вряд ли, — ответила она. — Откровенно говоря, здесь никто не обращает внимания на ночные встречи. И все помалкивают и не приходят без приглашения. С другой стороны, Джим, ты не тот человек,

которого ожидают тут встретить. Наше отвращение друг к другу, дорогой, хорошо всем известно. Сатана обязательно узнает об этом. И тогда...

Ей не нужно было кончать предложение. Я сам очень ясно представлял себе, что сделает Сатана.

— Трудно было бы объяснить и присутствие Баркера, — добавила она.

— Как, Гарри? — спросил я его. — Не могут ли вас хватиться?

— Нет, если не случится чего-нибудь необычного. Если меня станут искать в моей комнате, я скажу, что работал где-нибудь в другом месте. Сатана не станет меня искать, это точно.

— Что ж, придется рискнуть, — решил я. — Но мы будем говорить тихо и не зажжем свет.

Ева погасила лампу. Она откинула тяжелую занавесь с окна. Слабо светила луна, скрытая облаками. Мы с Баркером передвинули кушетку в темную часть комнаты. И сели на нее втроем.

Мы говорили. Нет смысла пересказывать. Мы ни к чему не пришли. На мгновение вспыхнули несколько планов и тут же потухли, как блуждающие огоньки. Я по-прежнему находился под тяжелым впечатлением увиденного в нечестивом храме Сатаны и никак не мог отвлечься. Меня не оставляло предчувствие тщетности всех наших попыток. Мы как мухи в паутине на стене храма с отпечатками следов. Отцепившись от одной нити, мы обнаруживали другую. Но постоянное присутствие теплого тела Евы, прижавшейся ко мне, ее храбрость, доверие помогали бороться с убывающей уверенностью. Выход есть. Он должен быть.

Прошло больше часа, но мы не нашли никакого выхода.

Баркер все больше беспокоился и нервничал.

— В чем дело, Гарри? — наконец спросил я его.

— Я беспокоюсь, сэр, — ответил он. — Не знаю почему. Но у меня чувство, что что-то не в порядке.

Мне показалось это забавным.

— Черт побери, вы правы, — я не мог сдержать усмешки. — Мы все время и стараемся навести порядок.

— Нет, — упрямо ответил он. — Я... я необычно обеспокоен. Я никогда не чувствую этого, если не ждет что-нибудь ужасное. Капитан, я думаю, лучше попрощаться и уходить.

Я заколебался. Как я уже сказал, мы ни к чему не пришли. В любой момент у кого-нибудь из нас могла блеснуть мысль, которая откроет дорогу на свободу. Но главное, конечно, то, что мне не хотелось расставаться с Евой. Но не обратить внимания на беспокойство маленького человека тоже нельзя. А если он уйдет и не сможет вернуться, я окажусь в трудном положении. У меня не было ни малейшего представления, где находится моя комната и как туда добраться.

— Мы установили, что именно нам не поможет, — сказала Ева. — Звучит немного по-попугайски, но я знаю, что это прогресс. День принесет новые идеи. Встретимся снова завтра вечером.

— Хорошо, — ответил я. — Идем, Гарри.

По невольному вздоху облегчения я понял, как был обеспокоен Баркер. Ева отошла от окна, опустив занавеси. В комнате стало темно. Я почувствовал ее руку, затем она обняла меня.

— До завтрашнего вечера так долго, Джим, дорогой! — прошептала Ева.

— Быстрей! — услышал я шепот Гарри. — Быстрей, капитан!

Я осторожно двинулся к стене.

— Боже! — я услышал выдох Гарри.

В голосе его был ужас. Я прыгнул вперед.

Луч света упал на лицо Баркера. Чья-то рука вылетела из тьмы, как змея, и схватила его за горло. Я видел, как лицо его исказилось от боли, а руки вскинулись вверх в напрасной попытке разжать безжалостный зажим.

Свет ударил мне в глаза, ослепив. Я нырнул. Прежде чем я мог коснуться кого-нибудь, фонарь упал на ковер и тело Баркера ударило меня, как мешок песка, отброшенный слоном. Я отлетел назад. В комнате зажегся свет.

Прямо передо мной, угрожая пистолетом, стоял Консардайн.

Глаза его были холодны и угрожающи. Из них смотрела смерть. Он перевел взгляд от меня к Еве. Лицо его смягчилось, как будто какой-то страх оставил его. Потом на лице появилось выражение удивления, недоверия. Оно снова отвердело и стало угрожающим. Ствол пистолета, направленный на меня, не дрогнул. У моих ног тяжело дышал, поднимаясь, ошеломленный Гарри. Я помог ему встать.

— Что эти люди здесь делают, Ева?

Консардайн говорил спокойно и ровно, но видно было, что он сдерживается с огромным трудом. Я понимал по быстро сменявшемуся выражению его лица, что он подумал. Вначале, что мы проникли в комнату Евы с каким-то зловещим намерением. Потом — подозрение по отношению к самой Еве.

Его нужно развеять. Ева не должна быть замешана. Сыграть на первой карте Консардайна. Прежде чем Ева смогла ответить, я заговорил.

— Вы весьма... стремительны, Консардайн, — сказал я таким же ровным, как и у него, голосом. — Но вам помогает в этом ваш пистолет, нацеленный на безоружного. Мне было не по себе, и я решил вернуться к игре в бридж. Заблудился в вашем чертовом кроличьем садке. Наткнулся на этого человека, который сказал, что работает здесь. Попросил его проводить меня в мою комнату. По какой-то проклятой иронии судьбы он сделал самую глупую из всех возможных ошибок и

привел меня в комнату мисс Демерест. Поверьте, я так же стремился выбраться отсюда, как она — выставить меня. Мисс Демерест, я думаю, вы подтвердите мои слова.

Я повернулся к ней. Я давал ей версию, достаточно правдоподобную. Консардайн не обратил на меня внимания.

— Я спросил, Ева, что эти люди делают здесь, — повторил он.

Ева спокойно смотрела на него некоторое время, потом подошла и встала рядом со мной.

— Доктор Консардайн, — сказала она, — мистер Киркхем лжет как джентльмен, чтобы спасти меня. Правда в том, что я попросила его прийти ко мне. А мистера Баркера я попросила проводить его сюда. Оба они совершенно не виноваты ни в чем, кроме того, что из вежливости выполнили мою просьбу. Вся ответственность на мне.

На висках Консардайна вздулись вены, пистолет в руке задрожал. Лицо вспыхнуло. Холодная ярость уступила место горячему гневу. Он не стал менее опасен, но мне показалось, что Ева знает, что делает, ее инстинкт в данном случае вернее.

— Так, — хрипло сказал Консардайн. — Вы думали сделать из меня дурака! Дурачить меня! Мне не нравится быть дураком, я не люблю, когда меня надувают. Давно ли вы знаете друг друга?

— Мы никогда не встречались до того, как вы свели нас, — сказала Ева.

— А почему вы послали за ним?

— Я хочу уйти от Сатаны. Зачем же еще? — спокойно ответила Ева.

Он смотрел на нее пылающими глазами.

— А почему вы думаете, что он вам поможет?

— Потому что я люблю его! И потому что он любит меня! — негромко сказала Ева.

Он смотрел на нас. Потом внезапно гнев его рассеялся, глаза смягчились.

— Боже милостивый, — сказал Консардайн, — вы сущие младенцы!

Ева протянула ему руку. Он взял ее и мягко потрепал. Внимательно осмотрел нас, будто мы для него новый и удивительный предмет. Выключил все лампы, кроме одной, затененной, у постели Евы, подошел к окну и заглянул за занавес. Потом вернулся к нам.

— Давайте обсудим это, — сказал он. — Простите, Баркер, я вас чуть не задушил. Простите, Киркхем, я вас толкнул. Простите также, что я вас недооценил. Я рад, что это так. Ева, я вовсе не шпионил за вами. Я думал о вас. В последнее время я часто думал о вас. Я подумал, что, может, вы еще не легли. И что разговор со мной — я по возрасту гожусь вам в отцы — поможет вам. Мне нужно... кое-что сказать вам. Несколько минут стоял я в нерешительности. Подумал, что сдвину на мгновение панель и посмотрю, спите ли вы. И когда я уже

решил так поступить, панель открылась и я услышал крик Баркера. Так получилось. Вот и все.

Я протянул ему руку. Баркер широко улыбнулся и откозырял.

— Не лучше ли мне уйти, сэр? — спросил он.

— Еще нет, — сказал Консардайн. — Киркхем, давно ли вы знаете Баркера?

— Он мне спас жизнь, да, спас, — вмешался Баркер. — Вытащил меня из ада. И поскольку мы все говорим правду, доктор Консардайн, я скажу, что готов сделать то же самое для него и для его юной леди.

Я коротко рассказал Консардайну о своем знакомстве с Баркером. Он одобрительно кивнул.

— Прежде всего, — сказал он, — чтобы прояснить ситуацию, я хочу высказать собственную позицию. Я слуга Сатаны. Я связан с ним клятвой. Я дал клятву с открытыми глазами, полностью осознавая все, что с ней связано. Я пришел к нему добровольно, в отличие от вас, Киркхем. Я понимаю, что ваша клятва дана под давлением, и поэтому вы свободны в своих действиях, а я нет. Я не нарушу ни эту добровольную клятву, ни свое слово. Кроме того, я убежден, что если я это сделаю, то не проживу долго. А у меня глупая привязанность к жизни. Конечно, я мог бы лишить Сатану удовольствия наблюдать мои пытки, но — я не верю в существование после смерти и нахожу жизнь временами весьма интересной. Далее, у меня есть определенные жизненные стандарты, аппетиты, желания и пристрастия, которые мой контракт с Сатаной помогает удовлетворять. Без него они, несомненно, не были бы удовлетворены. К тому же я был преступником, когда пришел к нему. Я все еще преступник, но без его защиты я был бы преследуемым преступником. В общем и целом — такова моя клятва.

Поэтому вы должны понять, что помощь, которую я могу вам обещать, будет чисто нейтральная. Я буду предупреждать вас о ловушках, чтобы вы их избегали, я закрою глаза и уши на все, чему буду свидетелем. Например, на сегодняшнее происшествие.

— Это все, чего мы можем просить, сэр, — сказал я. — И гораздо больше, чем я имел право ожидать.

— Теперь я скажу вам, Киркхем, — продолжал он. — Я думаю, что у вас мало шансов победить Сатану. Думаю, что избранная вами дорога в конце концов приведет вас к смерти. Говорю так, потому что знаю вашу храбрость и должен высказать то, что думаю. Я говорю это и вам, Ева, потому что вы тоже храбры. И подумайте, дитя, позволите ли вы вашему возлюбленному вступить на этот путь, на котором его ждет почти неминуемая смерть, или вы должны сделать... что-нибудь другое.

Я взглянул Еве в лицо. Рот ее дрожал, в глазах была мука.

— Что... что я могу сделать другое, доктор Консардайн? — прошептала она.

— Стать миссис Сатана, вероятно! — ответил я за него. — Нет — пока я жив!

— Это разумеется, — спокойно сказал он. — Но я не это имел в виду... — Он поколебался, бросил взгляд на Гарри и быстро сменил тему, вернее, вернулся к предыдущей.

— Поймите, — сказал он, — я хочу, чтобы вы выиграли, Киркхем. Во всем, что не нарушает мою клятву Сатане и не угрожает моей привычке оставаться живым, я вам помогу. Или по крайней мере — не буду мешать. Но поймите — я слуга Сатаны. Если он прикажет мне схватить вас, я схвачу. Прикажет убить — убью.

— Если Джим умрет, я умру. Если вы убьете его, убьете и меня, — спокойно сказала Ева.

Она говорила правду. Он понял это и вздрогнул.

— Тем не менее, дитя, я это сделаю, — сказал он Еве.

Я знал, что он тоже говорит правду. И Ева знала.

— Вы... вы начали... вы хотели сказать о другом пути... — она запнулась.

— Я не хочу, чтобы вы посвящали меня в свои планы, Киркхем, — быстро прервал он ее. — Только одно. Есть ли в ваших планах попытка убить Сатану?

Я колебался. Опасный вопрос. В конце концов Консардайн сам предупредил меня, что ему можно доверять не во всем. И каковы пределы его клятвы?

— Значит, включают, — он так понял мое молчание. — Это единственное, чего вы не должны делать. Единственное, что невозможно. Может, вы думаете, что убьете его, оставшись с ним наедине. Киркхем, говорю вам, Сатана никогда не остается один. Всегда есть скрытая охрана — в стенах, в тайниках. Они застрелят вас, прежде чем вы сможете выстрелить. К тому же Сатана мыслит необычайно быстро. Он уловит вашу мысль, прежде чем она претворится в действие. Если вы попытаетесь убить его в присутствии других, вас схватят, прежде чем вы сможете выстрелить вторично — если вы сможете выстрелить в первый раз. У Сатаны нечеловеческая жизнестойкость. Одна или две пули убьют его не скорее, чем слона. Но самое главное — у вас никогда не будет такой возможности.

Консардайн знал не все — это было ясно. Если раздвинуть щель в рабском зале чуть побольше и просунуть в нее ствол ружья, я не много дал бы за жизнь Сатаны. Конечно, принимая, что в основном он человек.

— Далее, — продолжал он, как бы отвечая на мои мысли, — допустим, вы осуществите то, что я считаю невозможным, — убьете его. По-прежнему вам не будет спасения. Лучше, чтобы вас убили тут же.

На земле нет места, где вы смогли бы укрыться от мести его людей. Ибо Сатана правит не одним страхом. Далеко нет. Как он вам говорил, он хорошо платит своим слугам. Продолжение службы означает благополучие, роскошь, безопасность, власть — большую часть того, за что сражаются люди, больше людей, чем вы можете вообразить. У Сатаны есть своя светлая сторона, как и темная. И его люди рассеяны по всей земле. Многие из них занимают положение, которое вам и не снилось. Разве не так, Ева?

— Так, — ответила она с беспокойством во взгляде.

— Трон Сатаны покоится не только на согбенных спинах рабов, — продолжал он. — Как всегда, есть принцы и легионы. Короче. Я не верю, что вы сможете убить его. Если попытаетесь и промахнетесь, умрете — ужасной смертью. И Ева не будет спасена. Если убьете его, умрете так же неизбежно. В таком случае Ева от него избавится. Но согласна ли она получить свободу такой ценой?

— Нет! Нет! — воскликнула Ева и стала передо мной, расставив руки; на лице ее было отчаяние.

— Консардайн, — резко сказал я, — почему Сатана прячет руки под плащом, когда кто-то поднимается по ступеням?

— Что? Что вы имеете в виду? — Он смотрел на меня.

— Я трижды видел его на черном троне, — сказал я. — Дважды с Картрайтом и один раз со мной. Он нажимает на рычаг и прячет руки под плащом. Что он ими делает, Консардайн?

— Вы хотите сказать, что ступени — мошенничество? Это вздор, Киркхем! — Мое предположение его как будто позабавило, но я заметил, как сжались его сильные руки.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил я. — Я... размышляю. Вы должны были много раз видеть, как поднимаются по ступеням. Видели ли вы хоть раз руки Сатаны открытыми во время подъема? Вспомните, Консардайн.

Он молчал. Я видел, как он пытается вспомнить всех, кого манили сверкающие отпечатки. Лицо его побелело.

— Не могу сказать, — проговорил он наконец. — Не обращал внимания. Но... мне кажется, не видел.

Он вскочил на ноги.

— Ерунда! Даже если и так... ничего не значит!

Я стрелял наобум. Нет, не совсем так. Я высказал неясную мысль, туманное подозрение, которое появилось у меня, когда я ждал Баркера.

— Нет? Значит, вы считаете, что Сатана, с его вниманием к деталям, с его расстановкой фигур, с учетом каждой случайности, вы считаете, что Сатана даст возможность случаю править им? Выигрывал ли кто-нибудь корону и скипетр?

— Да, — его ответ несколько смутил меня. — К несчастью для сомнения, которое вы чуть не поселили во мне, Киркхем, выигрывали. Я с Сатаной восемь лет. За это время я трижды видел, как побеждали подымающиеся.

Это было как удар в лицо. На мгновение я замолк. Но не Ева.

— А что с ними потом случилось? — спросила она.

— Ну, — он беспокойно посмотрел на нее, — один из них пожелал... нечто особое. Он умер от этого через шесть месяцев.

— Да, — протянула Ева, — значит, он умер. А другие?

— Одна погибла в авиакатастрофе между Лондоном и Парижем. Она была на пути к... к тому, чего хотела. Даже Сатана не мог спасти ее. Все сгорели.

— Какое несчастье, не правда ли? — невинно сказала Ева. — Оба погибли. А третий?

— Не знаю, — почти гневно ответил Консардайн. — Полагаю, с ним все в порядке. Он отправился в Азию. Хотел получить нечто вроде маленького королевства, где мог бы делать, что захочет. Сатана дал ему это королевство.

— Два мертвых, один — исчезнувший, — размышляла Ева. — Но разве вы не должны были хоть что-то услышать о третьем, доктор Консардайн? Не можете ли вы узнать, что с ним стало? Может... может, умер, как и те двое?

— Как говорит Ева, двое не протянули долго, — сказал я. — Третий — под сомнением. На месте Сатаны, Консардайн, разве не пришло бы вам в голову поддерживать надежду в соискателях, показывая им время от времени, что можно выиграть? И, по-прежнему воображая себя на месте Сатаны, разве мы не стали бы подбирать успешно поднимающихся? Я бы стал. Я бы выбрал таких, которые не проживут долго. Или если они здоровы и бодры, можно организовать несчастный случай. Как самолет, о котором вы упомянули, например.

— Проклятье! — выдохнул Гарри. — Свинья! Ему это нетрудно сделать. И готов поклясться, он это делает!

— Что делает Сатана руками, которые прячет под плащом? — повторил я.

— И что стало с третьим выигравшим? — прошептала Ева.

Консардайн дрожал. На лбу его выступил пот.

— Послушайте, Консардайн, — сказал я, — вы говорили, что не любите быть дураком. Не любите, когда вас обманывают. Допустим, Сатана колоссально одурачил вас... и всех остальных. Что тогда?

Я видел, с каким усилием он сдерживает себя. Меня это испугало. В конце концов у меня не было ни малейших доказательств того, на что я намекал. И если Консардайн решит, что я сознательно обманываю его...

Но я не обманывал. Сомнения, возникшие у меня, были вполне законны. Сатана прятал руки. И несчастья, постигшие победителей, — об этом знал Консардайн, не мы.

— Баркер, — повернулся он к Гарри. — Вы видели механизм, который, по словам Сатаны, выбирает сверкающие следы? Отвечайте! Так ли все, как он говорит?

Баркер стиснул руки, посмотрел жалобно на них, потом на меня и на Еву. Раз или два сглотнул.

— Отвечайте! — приказал Консардайн.

— Помоги мне Господь, капитан, — Гарри в отчаянии повернулся ко мне. — Никогда в жизни я так не хотел солгать. Хотел бы сказать, что не видел. Или что механизм не руководит этими проклятыми следами. Но, помоги мне Господь, мисс Демерест, я видел механизм. И он действительно выбирает отпечатки, доктор Консардайн. Как он говорит, так механизм и действует!

Ну что ж. Очевидно, моя теория разбита. На мгновение я понадеялся, что маленький человек будет дипломатичен. Допустим, скажет, что не видел. Но я не мог отказать ему в праве говорить правду — если он этого хочет.

— Все в порядке, Гарри, — весело сказал я. — Мы ведь добиваемся правды. Сказанное вами решает дело, я думаю.

— Я хотел бы солгать, капитан, — он почти рыдал, — но, дьявол, я не могу.

Я неожиданно заметил, что Консардайн ведет себя странно. Не похоже, что его вера в Сатану вернулась и укрепилась. Он казался еще больше встревоженным.

— Баркер, — сказал он, — вам лучше идти. Я провожу капитана Киркхема в его комнату.

Гарри скользнул к одной из стен. Он жалко поклонился нам. Панель открылась, он исчез. Консардайн повернулся к нам.

— Теперь, Ева, — заговорил он, — я скажу то, ради чего пришел сюда. Я говорил, что думал о вас. Много думал. И хотел спасти вас от Сатаны. У меня было предложение. Идею я заимствовал у Шекспира. Помните уловку, при помощи которой честный священник хотел соединить Джульетту и Ромео и провести их враждующие семьи?.. Их Сатану, в некотором смысле.

— Напиток, выпив который, она будет похожа на мертвую, — прошептала Ева.

— Совершенно верно, — кивнул Консардайн. — Нечто подобное я готов был предложить вам. Используя свои медицинские познания, сделать так, чтобы ваши здоровье, красота, дух, которые так привлекают Сатану, поблекли — временно. Поставить вас в такое положение, которое сделает невозможным, по крайней мере в ближайшем буду-

щем, его личные виды на вас. И держать вас в таком состоянии, пока он не найдет подходящую замену для своих родительских инстинктов... или случится что-нибудь еще.

Конечно, это рискованно. Очень рискованно для вас, Ева. Ожидание может быть долгим... я могу оказаться не в состоянии вернуть вам то, что отобрал. Но вы могли бы предпочесть риск... рукам Сатаны. Я хотел предоставить вам решение.

— Хотели? — у Евы перехватило дыхание. — Я рискну. О, доктор Консардайн, это выход!

— Неужели? — жестко спросил он. — Я так не думаю — теперь. Если вы помните, в оригинале, из которого я почерпнул идею, план потерпел неудачу из-за Ромео. Я не рассчитывал на Ромео. Я не знал о его существовании.

— Я не совсем... не совсем вас понимаю, — сказала Ева.

— Дитя, — он взял ее руки, — вы хотите отказаться от возлюбленного? Никогда не видеть его, никогда не разговаривать, не переписываться? Не недели и месяцы, а годы? Убить свою любовь к нему или жить одними воспоминаниями?

— Нет, — прямо ответила Ева и потрясла своей кудрявой головой.

— И даже если бы вы убедили ее, Консардайн, как вы думаете, что бы я стал делать? — Одно это предположение зажгло во мне негодование и упрямый гнев. — Сложу руки, подниму глаза к небу и покорно прошепчу: «Да будет воля твоя»? Нет, не я!

— Я никого не убеждаю, — спокойно ответил он. — Только указываю, что это единственный возможный выход. Если бы я проделал то, что предложил Еве, что бы получилось? Лечил бы ее некоторое время так, чтобы Сатана убедился в неудаче лечения. Тогда он бы удалил ее куда-нибудь, и ее лечили бы другие врачи. Симптомы нельзя подделать. Они должны быть реальны. Не я один представляю медицинское братство в окружении Сатаны. Среди его подданных несколько высококлассных специалистов. И даже если бы их не было, он смог бы их нанять. И наймет, если только не убедится, что болезнь матери означает неизбежную слабость потомка. Простите, дитя, что я говорю прямо, но сейчас не время ходить вокруг да около.

Специалистов я мог бы обмануть. Обвести вокруг пальца. Я был очень хорошим... — он помолчал, вздохнул, — ну, неважно. Но Сатана избрал вас, Ева. И он так легко от вас не откажется. Если бы вы были нужны ему только как женщина, было бы гораздо легче. Но вы для него гораздо больше. Вы должны родить ему сына. Как он ни доверяет мне, но по одному моему слову он от вас не откажется. Ему нужно будет убедиться, вне всякого сомнения... и в этом заключается опасность для вас... и, может быть, смерть.

Он помолчал, с жалостью глядя в ее обеспокоенные глаза.

— Слишком большой риск, — сказал я. — Сначала я попробую по-своему, Консардайн.

— Добро пожаловать, Ромео, — он слегка улыбнулся. — Вам придется, Киркхем. Вы сделали другой путь невозможным. Вы считаете, что жизнь без Евы ничего не стоит, так?

— Я не считаю, я знаю это, — ответил я.

— И вы чувствуете то же самое по отношению... к Джиму?

— Да, — негромко сказала она. — Но... чтобы спасти его жизнь.

— Не получится, — ответил Консардайн. — Я знаю мужчин и женщин. Что бы вы ни задумали, Ева, он все равно будет стараться освободить вас. Да вы и сами не будете спокойно сидеть, как он описал, с покорно сложенными руками. Рано или поздно он попадется. И весьма вероятно, что будет раскрыта вся хитрость. Тогда мне придется расстаться со своим глупым пристрастием к жизни. Этого я не могу допустить. Но допустим, вы сбежите. Вместе. Вы будете двумя зайцами, бегущими по всему миру, и псы постоянно будут идти вслед за вами. Псы Сатаны, которые никогда не отдыхают. Вы всегда будете жить под угрозой. Стоит ли жить такой жизнью? Возможно, у вас появится ребенок. Будьте уверены, в своей мести Сатана не пощадит и его. Повторяю — стоит ли жить такой жизнью?

— Нет, — сказал я, а Ева перевела дыхание и покачала головой.

— Что нам делать?! — прошептала она.

Консардайн взад и вперед прошелся по комнате. Он остановился передо мной, и я опять увидел вены на его висках, как веревки; глаза его были жестки и холодны, как сталь. Он трижды ударил меня в грудь кулаком.

— Узнайте, что делает Сатана своими руками под плащом!

Он отвернулся, явно не доверяя своему самообладанию. Ева смотрела на него, как и я, удивляясь силе охватившего его гнева.

— Идемте, Киркхем, — он овладел собой. Пробежал пальцами по волосам Евы, ласково растрепав их.

— Сущие младенцы, — повторил он.

И медленно, осторожно пошел к панели.

— До вечера, — прошептал я.

Она обняла меня, прижала губы к моим.

— Джим, дорогой, — прошептала и выпустила меня.

Выходя, я оглянулся. Она стояла в той же позе, вытянув руки, глаза широко раскрыты и печальны. Маленькая девочка, которая боится лечь в кровать. Я почувствовал, как дрогнуло мое сердце. Как окрепла решимость. Панель закрылась.

Молча шел я за Консардайном к своей комнате. Он вошел со мной и несколько мгновений смотрел на меня мрачно. Неожиданно я почувствовал смертельную усталость.

— Надеюсь, вы будете спать лучше меня, — неожиданно сказал Консардайн.

Он исчез. Я слишком устал, чтобы раздумывать над его словами. Умудрился раздеться и уснул раньше, чем успел укрыться.

Глава пятнадцатая

Меня разбудил телефонный звонок. Еще не вполне проснувшись, не осознавая, где нахожусь, я взял трубку. Голос Консардайна разбудил меня, как ведро холодной воды:

— Доброе утро, Киркхем. Не хотелось прерывать ваш прекрасный сон, но не хотите ли позавтракать со мной, а потом проехаться верхом? У нас тут отличные лошади, а утро такое прекрасное, что жаль его упускать.

— Хорошо, — ответил я. — Буду готов через десять минут. Как мне вас найти?

— Позвоните Томасу. Я жду. — Он повесил трубку.

Солнце сияло сквозь окна. Я взглянул на часы. Скоро одиннадцать. Я проспал почти семь часов. Позвонил Томасу.

Сон, плавание в бассейне и яркое солнце отодвинули тень Сатаны за край мира. Насвистывая, я с раскаянием понадеялся, что Ева чувствует себя так же хорошо. Лакей принес мне то, что Баркер назвал бы «по-настоящему шикарный», — костюм для верховой езды. Он проводил меня в солнечную старомодную приятную комнату, выходящую на широкую зеленую террасу. За маленькими столиками завтракали с дюжину приятно выглядевших людей. Некоторых я встречал накануне вечером.

В углу я увидел Консардайна и присоединился к нему. Мы отлично позавтракали, по крайней мере я. Консардайн, казалось, не думал о еде. Его речь, слегка сардоническая, была интересна. Во время завтрака наша встреча в комнате Евы не упоминалась. Он не сделал ни малейшего намека на нее. Я, следуя его примеру, тоже.

Оттуда мы направились в конюшню. Консардайн взял сильную черную кобылу, которая заржала ему навстречу. Я поехал на стройном чалом жеребце. Легким галопом мы проехали вдоль беговых дорожек с препятствиями, которые вились в густом подлеске из сосны и дуба. Время от времени встречались охранники, которые вытягивались и приветствовали Консардайна. Ехали мы молча.

Неожиданно мы выехали из леса. Консардайн натянул узду. Мы находились на расчищенной вершине низкого холма. В ста ярдах под нами блестели воды залива.

Примерно в четверти мили от нас стояла красавица яхта двухсот футов длиной и не более тридцати в ширину. Приспособленная для

океанских плаваний, прочная, скоростная. Ее окраска и медные украшения сверкали белизной и золотом.

— «Херувим», — сухо сказал Консардайн. — Принадлежит Сатане. Он назвал ее так, потому что она выглядит безупречной и невинной. Есть у нее и более точное название, но оно неприлично. Кстати, она делает тридцать узлов в час.

Я перевел взгляд от яхты на прочный причал, выдававшийся в море. Возле него располагался целый флот из катеров и быстроходных моторных лодок. Заметил я и по-старомодному разбросанный дом, скрывавшийся среди деревьев недалеко от берега.

Мой взгляд следовал за изгибом берега. В нескольких сотнях ярдов от причала находилась груда скал, больших валунов, оставленных ледником, некогда покрывавшим остров. Я вздрогнул и всмотрелся внимательней.

На одном из них стоял Сатана, в черном плаще, сложив руки; он смотрел на сверкающую яхту. Я тронул руку Консардайна.

— Смотрите, — прошептал я, — Сата... — и замолчал. Скала была пуста. Я отвел взгляд на долю секунды. Однако за это время Сатана исчез.

— Что вы увидели? — спросил Консардайн.

— Сатану, — ответил я. — Он стоял на скале. Куда он делся?

— У него там проход, — равнодушно ответил Консардайн. — Тоннель, идущий от большого дома к берегу.

Он повернул обратно в лес. Я последовал за ним. Мы проехали еще с четверть мили. И выехали на небольшую поляну, по которой протекал ручей. Консардайн спешился и бросил поводья на шею кобылы.

— Хочу поговорить с вами, — сказал он.

Я пустил жеребца пастись и сел рядом с Консардайном.

— Киркхем, из-за вас мир под моими ногами покачнулся, — отрывисто сказал он. — Вы заронили во мне черное сомнение. Одна из немногих вещей, за которые я готов был ручаться жизнью, та, что игра Сатаны в семь следов честная. А теперь — теперь я не поручусь.

— Значит, вы не принимаете свидетельства Баркера?

— Поговорим прямо, Киркхем, — холодно предупредил он. — Вы предположили, что Сатана управляет шаром с черного трона. Своими скрытыми руками. Если это правда, то у него хватит ума делать это так, что Баркер, разглядывая механизм, ничего не сможет увидеть. Вы это знаете. Говорите прямо, повторяю вам.

— Мысль, что Баркер мог ошибиться, приходила мне в голову, — ответил я. — Но я предпочел, чтобы вы сами до нее додумались. Я сказал достаточно.

— Слишком много — или недостаточно. Вы зародили во мне сомнение. Значит, вы меня от него и избавите.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вы должны установить правду. Верните мне веру в Сатану или превратите сомнения в уверенность.

— А если я сделаю второе... — оживленно начал я.

— Вы нанесете ему удар сильнее, чем пулей или кинжалом. Вы будете не один в вашей борьбе. Это я вам обещаю.

Голос его звучал хрипло, рукоять кнута внезапно с треском сломалась под нажимом сильной руки.

— Консардайн, — резко сказал я, — почему вас так сильно трогает возможность того, что Сатана играет нечестно? Я думаю, что здесь вы к нему ближе всех. Служба ему, как вы говорите, дает вам возможность осуществить все желания. И вы сказали, что он — щит между вами и законом. Какая разница для вас тогда, как он играет своими семью следами?

Он схватил меня за плечо, и я вздрогнул от боли.

— Потому что надо мной висит приговор Сатаны к смерти!

— Над вами?! — с недоверием воскликнул я.

— Восемь лет назад был произнесен этот приговор. Восемь лет он пытал меня, как подсказывали ему его капризы. Иногда намекал на возможность немедленного осуществления приговора. Иногда почти обещал отменить его. Иногда мог пообещать другую возможность подняться по ступеням. Киркхем, я не трус, но смерть наполняет меня ужасом. Если бы я знал, что она неизбежна, я смотрел бы ей в лицо спокойно. Но я считаю ее вечной тьмой, забвением, уничтожением. Что-то во мне отшатывается от этого, сжимается в ужасе, в отвращении. Киркхем, я люблю жизнь.

Если игра честная, он в своем праве. Но если она нечестная — значит, все эти восемь лет он играл со мной, насмехался надо мной, делал из меня посмешище. И, по-прежнему насмехаясь, смотрел бы, как я, не сопротивляясь, принимаю смерть, на которую он обрек бы меня, — ведь я верил, что связан своей клятвой.

Этого, Киркхем, простить нельзя. Я во всяком случае не прощу!

И это не все. Я видел множество мужчин и женщин, поднимавшихся по ступеням, рискуя всем по слову Сатаны. Я видел, как некоторые из них спокойно шли на смерть, как пошел бы и я. Но их честь, как и моя, оказывается, покоится на бесчестности. А другие уходили сломанные и плачущие. Как Картрайт. А Сатана смеялся. И есть много таких, которые, подобно мне, живут под отложенным приговором. И все это вызвано меченой картой? Если это так, говорю вам, Киркхем, такое не должно существовать! Не должно!

Он рванул воротник, будто тот душил его.

— Боже! — прошептал он. — Отплатить ему! Если это правда... Я с песней встречу смерть... Но я должен знать правду.

Я ждал, пока к нему вернется самообладание.

— Помогите мне узнать, правда ли это, — сказал я наконец. — Одному мне с этим, может, и не справиться.

Он покачал головой.

— Вам поможет Баркер.

— Я не хочу подвергать его риску. — Я решил прикрывать маленького человека, сколько смогу. — Нужно будет порыскать, Консардайн. И мы можем встретить кого-нибудь, не так настроенного, как вы. А втроем мы бы быстро кончили дело.

— Нет, — упрямо сказал он. — Почему я? Это ваше дело, Киркхем. Это вы заронили во мне сомнение. И вы должны его разрешить. Так или иначе. В конце концов ваши подозрения не основаны ни на каких доказательствах. Тривиальность, два или даже три происшествия, вполне объяснимых. Вероятность того, что вы ошибаетесь, несравненно больше того, что вы правы. Почему я должен рисковать жизнью? Я и так зашел слишком далеко. Я обещал вам нейтралитет и кое-что большее. Дальше я не пойду. Используйте Баркера. Я пообещал ничего не видеть и не слышать, если встречу вас в ваших... розысках. Но сейчас я не буду обрекать себя на верную гибель, присоединяясь к вашим поискам. Я был относительно доволен жизнью. Если вы ошибаетесь, я сохраню это. Если вы правы... тогда, повторяю, вы больше не будете один. А до того времени — Майкл Консардайн упорно держится за свое место под солнцем.

Он подозвал черную кобылу и сел на нее. Ясно, что не было смысла продолжать спор. Мы проехали через лес и спустя некоторое время повернули к замку.

Я оставил Консардайна в конюшне и пошел к себе переодеться. На моей подушке лежала записка. От Сатаны. Обычное послание. Он надеется, что я хорошо провожу время, как я того и заслужил, и хочет увидеться со мной сегодня вечером в девять.

Остальная часть дня прошла без происшествий. Чем более я раздумывал над разговором с Консардайном, тем более соглашался с его точкой зрения. И тем лучше становилось настроение. К обеду я явился в беззаботном состоянии духа.

Во главе стола, как и накануне, сидел Консардайн. Моим соседом был Кобхем. В дальнем конце я видел Еву. Она не обращала на меня внимания. Мне было очень трудно не смотреть на нее.

Кобхем много пил. Почему-то он чувствовал какую-то ответственность по отношению ко мне. Ни на кого другого не обращал внимания и мне не давал. Говорил он интересно, но чем дальше, тем все большее отвращение я к нему чувствовал. Кобхем излагал свою теорию жизни как простой электрохимической реакции. Он ясно дал понять, что ни индивидуум, ни массы для него ничего не значат в терминах того, что обычно называют человечностью. Он был потрясающе бесчеловечен.

Казалось, по отношению к людям он испытывает не больше чувств, чем по отношению к своим пробиркам. Скорее даже меньше. В сущности для него люди — всего лишь одухотворенные пробирки, лишь слегка различающиеся содержимым. И он не видел причины, почему их нельзя разбивать, опустошать или изменять содержимое путем экспериментов. Он рассказал о нескольких ужасных опытах над рабами кефта. По крайней мере надеюсь, что они были рабами. Он этого не говорил.

Слушая, я подумал, что из них двоих Сатана более человечен. Кобхем продолжал пить. Единственным результатом этого было то, что он становился все более холодно, бесчеловечно наукообразным.

— В ваших ферментах слишком много чувств, Киркхем, — сказал он. — Вы, вероятно, считаете жизнь священной, если использовать шаблонное выражение; думаете, что ее нельзя уничтожать без крайней необходимости. Вздор! Она не более священна, чем электрический ток, который я включаю и выключаю, чем содержимое моих пробирок, судьбу которого решаю я. Когда природа хоть полушку давала за индивида? Нейтрализуйте в себе ослабляющие элементы, Киркхем, и вы станете великим человеком. Я могу это для вас сделать, если хотите.

Я обещал подумать.

В 8.30 появился Сатана. Я гадал, где я его увижу. Консардайн уступил свое место, и Сатана пригласил меня сесть слева от него.

— За моего нового последователя Джеймса Киркхема, — он поднял свой стакан. — Я очень доволен им.

Все стоя выпили за меня. Я увидел, как Ева намеренно поставила свой стакан нетронутым. И так же, как будто она заставила его, поступил Сатана.

В 8.45, как по сигналу, компания начала рассеиваться. Через несколько минут остались только Сатана, Кобхем и я. Я удивился, заметив, что Консардайн тоже уходит. Слуги очистили стол и по кивку Сатаны удалились.

— Через три дня из Гавра отплывает корабль, — неожиданно начал Сатана. — «Астарта». Медленное судно. Везет несколько вещей исключительной красоты. Я считаю, что настало время мне предъявить требование на эти вещи. Среди них полотно сэра Джошуа Рейнолдса и другое — кисти Ромни. Там кувшин из горного хрусталя и двенадцать хрустальных чашек, покрытых чудесной гравировкой и усаженных большими неотделанными сапфирами и рубинами. Они изготовлены, возможно, в Древнем Крите для царицы Пасифаи. Во всяком случае они очень старые. Неизвестный мастер вложил в них весь свой гений. Они долго пролежали в Кремле. Коммунисты продали их. Там есть также ожерелье из изумрудов, на каждом из которых выгравирована одна глава из «Метаморфоз» Овидия. Ничего подобного нет в мире.

Он помолчал, потом наклонил голову ко мне.

— Я должен иметь их, Киркхем. Вы с Кобхемом доставите их мне.

Я поклонился, ожидая дальнейших разъяснений. Кобхем, как я заметил, с появлением Сатаны ничего больше не пил. Он вовсе не казался пьяным. Сидел молча, глядя на стакан, постукивая пальцами; на полных губах его играла еле заметная циничная усмешка. Но я чувствовал, что он украдкой следит за мной, как будто ждет чего-то. Что бы ни собирался сказать мне Сатана, похоже, он уже обговорил это с Кобхемом.

— Вас я назначаю руководителем, — продолжал Сатана, — не только потому, что задание потребует незаурядной находчивости, но и из-за точного исполнения инструкций, которое вы продемонстрировали. Я передам вам задание в общих чертах, чтобы вы могли его обдумать. Более подробные инструкции получите перед отплытием.

Отплытие! Значит, придется оставить Еву! Я беспокойно шевельнулся. Вероятно, озабоченность проявилась на моем лице. Во всяком случае он ее почувствовал.

— Да, — сказал он, — переход ценностей должен осуществиться не на суше после прибытия «Астарты». Я предпочитаю совершить его в открытом море. Вам предстоит участвовать в том, что предрассудок именует пиратством, Джеймс Киркхем. Какое романтическое название!

В его сверкающем взгляде было чуть заметное злорадство.

— У вас есть романтическая струнка. Я это признаю. Потому что у меня она тоже есть. Я вам даже несколько завидую.

— А я вам благодарен, — я улыбкой встретил его пристальный взгляд. Но ладони рук у меня внезапно стали мокрыми.

— «Астарта» двинется по южному маршруту, — продолжал он. — В это время года и на этих широтах шторм маловероятен. В день ее отплытия вы с Кобхемом выйдете в море на моей яхте, которой, как я заметил, вы любовались сегодня. Кроме экипажа на яхте будет десяток моих едоков кефта. Их можно использовать в случае неожиданных осложнений. Все будут думать, что «Херувим» — прекрасное имя, не правда ли? — что «Херувим» отправится в путешествие вдоль берега. В первый же день, вернее ночь, «Херувим» сбросит свою ангельскую внешность. Он приобретет наружность «Морского волка» — яхты безупречно респектабельного финансиста, который в тот момент, ничего не подозревая, будет плыть к Гаване. Это также на случай неожиданностей. И, конечно, название «Херувим» всюду, где оно заметно, будет заменено на «Морской волк».

Через два дня в назначенном районе вы обгоните «Астарту», разумеется, оставаясь невидимыми. Скорость «Астарты» 15 узлов, ваша — 30. Поэтому вы сможете остановить ее, взять то, что мне нужно, и вер-

нуться назад — вновь невинный, безупречный «Херувим» — на два дня раньше, чем «Астарта» придет в порт.

У меня отлегло от сердца. Значит, Сатана не намерен причинить вреда ни кораблю, ни его экипажу. Иначе он не говорил бы о его возвращении. Кобхем коротко рассмеялся. Улыбка его стала еще циничнее. На мгновение Сатана остановил на нем свой взгляд. Кобхем беспокойно заерзал.

— Вы, конечно, предусмотрели, сэр, как нам остановить «Астарту», — сказал я.

— Естественно, — ответил он. — Я как раз подхожу к этому. В это время года на корабле не бывает больше ста пассажиров. Некоторые из них будут моими людьми. Кроме того, я постарался, чтобы пассажиров было даже меньше обычного. Часть кают зарезервирована для туристского клуба. Но, как ни странно, перед самым отплытием этот заказ будет снят. Клуб неожиданно изменит свои планы. Его щедрые представители возместят пароходной компании все затраты. «Астарта» отплывет по расписанию, так как владельцы вещей, о которых я говорю, будут беспокоиться о их сохранности. Думаю, что на борту будет не более тридцати пассажиров, из них десять — мои люди.

Хорошо, Джеймс Киркхем. Мы подходим к ночи вашего приключения. Весь день вы будете следовать за «Астартой» на удалении в десять миль. Ночь будет безлунная. В девять часов в салоне корабля будет идти концерт. У нескольких пассажиров будет небольшой семейный праздник. Они все, вероятно, будут в салоне. А также некоторые из офицеров. Вы выключите огни и подплывете на четыре мили.

С «Астарты» подадут сигнал, вы на него ответите. В этот момент два человека, получившие мое задание, бросят несколько бомб в машинное отделение «Астарты». Бомбы наполнены газом, изобретением мистера Кобхема. Сразу вслед за этим находящиеся в машинном отделении потеряют всякий интерес к своей работе. Третий мой человек проберется в машинное отделение и остановит двигатели.

Он помолчал, разглядывая меня. Я чувствовал на себе и взгляд Кобхема. Каким-то чудом мне удалось не показать ужаса, который я почувствовал. Ровным голосом, равнодушным тоном я продолжал разговор:

— Итак, команда машинного отделения устранена. Что дальше?

Некоторое время Сатана не отвечал мне. Его алмазный взгляд не отрывался от меня. Я отогнал как можно дальше видение людей, задыхающихся и корчащихся на полу машинного отделения «Астарты». Вынес его взгляд и нахмурился, будто удивленный. Увидел ли он то, что хотел, не знаю, но неожиданно его приводящая в замешательство сосредоточенность уменьшилась.

— Что вы, Джеймс Киркхем! — елейно сказал он. — Вовсе не нужно убивать. Газ, о котором я говорил, не смертелен. Это снотворный

газ. Действует он практически мгновенно. За пять секунд. Но он безвреден. Шесть часов, и человек просыпается даже без головной боли. Какими кровожадными он нас считает, Кобхем!

Что-то подсказало мне скрыть облегчение, как я скрыл ужас.

— Остаются офицеры и команда, — равнодушно продолжал я. — Что с ними? Откровенно говоря, Сатана, по вашему рассказу я пока всего лишь зритель. Посыльный. Где же мои пиратские приключения?

— В этот момент дело переходит в ваши руки, — ответил он. — К этому времени вы подойдете к «Астарте» и возьмете ее на абордаж с Кобхемом и достаточным количеством людей. Не исключено, что сложатся обстоятельства, которые я не могу предвидеть, и поэтому должен довериться вашей изобретательности и храбрости. На борту «Астарты» будет большое смятение. Вы должны проследить, чтобы не спустили ни одной лодки, чтобы никто не сбежал с корабля. Перед тем, как вы высадитесь на «Астарту», с ее капитаном и одним или двумя помощниками произойдет небольшая неприятность. Ничего серьезного. Нет, нет. Просто они будут выведены из строя. А может, и нет. Вы можете столкнуться с сопротивлением. Подавите его. Без крови, если сможете. Но с кровью или без нее — оно должно быть подавлено. Дело может усложниться из-за состояния погоды. Думаю, вам не будет скучно, Джеймс Киркхем.

Я тоже так думал. У меня было неприятное ощущение, будто Сатана рассказывает не все.

— В последних инструкциях вы найдете точное указание местоположения тех предметов, которые вы должны привезти мне. Они находятся в прочном сейфе в стальной кладовой. Они настолько ценны, что комбинацию сейфа будет знать только капитан. Вам незачем убеждать его сообщить эту комбинацию вам. С вами будет специалист, для которого любой сейф не преграда. Получив нужные мне вещи, вы отойдете от «Астарты» и полным ходом направитесь домой, забрав с собой моих людей, которым опасно там оставаться. Вот и все.

Я задумался. Он имеет в виду, что некоторых его агентов могут впоследствии допросить и выяснить, кто они на самом деле. А как же мы на «Херувиме»?

— Вы не думаете, сэр, что кто-нибудь на «Астарте» позже может опознать нас? — начал я.

— Вы, разумеется, будете в масках, — прервал он ровно.

Кобхем неожиданно нетерпеливо дернулся.

— Радио, — продолжал я. — Вероятно, его выведут из строя до нападения?

— В этом нет необходимости, — ответил он. — На яхте исключительно сильный передатчик. При подаче сигнала радио «Астарты» бу-

дет заглушено, ее сигнал подавлен. Опытный радист на «Херувиме» не даст пройти никакому сообщению с «Астарты».

Я продолжал думать. Казалось, все ясно. И однако — я чувствовал беспокойство, какую-то угнетенность. За гладкими фразами Сатаны скрывалось что-то еще, что-то очень зловещее.

— Я думаю, вы удовлетворены вознаграждением за маленькое дело с ожерельем, — прервал он мои мысли. — Вознаграждение за это дело будет, разумеется, больше. Приглашение ко мне прервало ваш отпуск. Как вам понравится шестимесячное путешествие после завершения дела? Поедете, куда хотите, как хотите, и будете делать, что захотите. За мой счет, конечно. Позвольте добавить, что тратить сможете сколько угодно.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я, — но мне не нужен отпуск. Откровенно говоря, я нахожу встречи с вами гораздо более интересными, чем все, на что я могу надеяться помимо вас.

Лицо его оставалось непроницаемым, но я чувствовал, что он доволен.

— Ну что ж, посмотрим, — ответил он. — Продолжайте, как начали, Джеймс Киркхем, и у вас не будет причин жаловаться на мою скупость.

Он встал. Я поднялся — вежливо, Кобхем — осторожно. Сатана несколько мгновений созерцал нас.

— Как вы собираетесь провести вечер? — спросил он меня.

— Кобхем упоминал бридж, — ответил я, — но если у вас есть какие-то другие предложения...

Кобхем ничего подобного не говорил. Но он говорил так много, что — я надеялся — решит, что и это сказал. Именно теперь мне не хотелось оставлять Кобхема. Если у Сатаны и была мысль, как я опасался, попросить кого-нибудь из нас сопровождать его, то он передумал. Он кивнул и направился к стене.

— Неплохо бы вам завтра осмотреть «Херувима», — он повернулся у открытой панели. — Познакомьтесь с ним. Спокойной ночи.

Кобхем долгую минуту сидел молча, глядя на то место, где исчез Сатана.

— Хорошо вы придумали, Киркхем, — сказал он наконец медленно.— Не знаю, как вы догадались, но сегодня хватит с меня Сатаны. Очень хорошо придумали!

Он потянулся за бренди. Я улыбнулся — значит, Кобхем все помнил и понял мой маневр. Он налил почти полный бокал бренди и выпил.

— Очень хорошо! — повторил он. Я видел, что бренди быстро действует на него. — Выпейте со мной.

Я налил себе немного. А он опять наполнил и осушил свой бокал.

— Стыдно обращаться с вами, как с ребенком, — бормотал он. — Обращается с вами, будто вы только из колыбели. Вы мужчина, Киркхем. У вас есть мужество. Зачем вас обманывать? Рассказывать сказки? Проклятье, Киркхем, вы заслуживаете правды!

Вот оно! Наступает! То скрытое, зловещее, что я ощущал, готово сорваться с губ Кобхема.

— Выпейте, — сказал я, придвигая графин. — Кто обращается со мной, как с ребенком?

Он пьяно смотрел на меня.

— Вы думаете, газ уложит команду спать? — захихикал он. — Милая колыбельная песенка для бедных уставших моряков. Сладкая маленькая химическая убийственная песенка, сочиненная папой Сатаной и мамой Кобхемом? Киркхем, клянусь дьяволом, она уложит их спать. Навсегда!

Я налил себе еще бренди и спокойно выпил.

— Ну и что? — спросил я. — Короткий сон или долгий — какая разница?

— Какая разница? Какая разница! — Он посмотрел на меня, потом ударил кулаком по столу. — Клянусь Господом, я был прав! Говорил я Сатане, что у вас есть мужество! Говорил, что не нужно... не нужно путать форм... форм... формулы с вами. Какая разница, говорит он. Выпейте со мной!

Я выпил с ним. Он трясся от хохота.

— Маски! Маски, чтобы люди на «Астарте» не узнали нас позже. Позже! Ха! Ха! Позже! Как хорошо! Дьявол, парень, никакого позже для них не будет!

Комната покачнулась. Что это он говорит?

— Не сразу. Скажем... через двадцать минут. Через двадцать минут... Бах! И взрывается хорошенькая бомба. Джентльменская бомба. Тихая, достойная. Но сильная. Бах! Дно «Астарты» отваливается. Лодок нет. Об этом позаботились едоки кефта. «Астарта» исчезает без следа. Бах! Фьють! Пузыри. Конец!

Он стал пьяно разговорчив.

— Ни... н... ни на минуту не одурачили старину Киркхема. Он и не думал, что Сатана станет рисковать: вдруг кто-нибудь с «Астарты» встретит нас. Расскажет полиции о злых пиратах, захвативших их посреди океана. В ад свидетелей! Это кредо Сатаны. Одной неразгаданной загадкой океана больше. Наилучший способ. Способ Сатаны.

— Что ж, — сказал я, — очень рад слышать это. Я только об этом беспокоился...

Опьянение соскользнуло с Кобхема, как сброшенный плащ. Лицо стало бледным и измученным. Бокал выпал из руки.

Из темного угла комнаты вышел Сатана.

Глава шестнадцатая

Это кризис. Глубокий. Вне всякого сомнения. Время для быстрого решения, если такое найдется. Меня не беспокоило, что будет с Кобхемом. Если этого бессердечного дьявола тут же потянут в ад, я и пальцем не шевельну. Но я сам мог разделить его судьбу. Если Сатана решит, что я сознательно вытягивал сведения из Кобхема, он не станет спрашивать объяснений. Тот факт, что я не поверил его словам, сам по себе требует наказания.

Хуже всего, что я поймал его на лжи. Он может решить, что это делает меня бесполезным для него в дальнейшем. Но это не главное. Главное в том, что я заставил его, как говорят китайцы, «потерять лицо». Если Баркер верно догадался о его происхождении, это непростительное преступление. Так или не так, но я знал, что адский интеллект Сатаны облечен в не менее адскую гордость. И эта гордость уязвлена.

Единственный шанс спасения — залечить рану, прежде чем Сатана поймет, что она нанесена. Я вскочил на ноги и пошел навстречу ему.

— Ну, — рассмеялся я, — выдержал я испытание?

Он немедленно клюнул на приманку. Верил ли он, что я так наивен, — в конце концов неважно. Это была именно та ловушка, или скорее эксперимент, которых мне следовало ожидать от него.

И я не знал, долго ли он слушал. Намеренно ли оставил со мной Кобхема, чтобы посмотреть, что получится? Все ли слышал? Возможно. Если и так, то я не произнес ни одного слова, которое могло бы вызвать его подозрение. И во всяком случае согласиться со мной — для него единственный способ сохранить гордость. Спасти лицо. Он так и поступил.

— Кобхем, — сказал он, — вы были правы.

И повернулся ко мне.

— Скажите мне, Джеймс Киркхем, когда вы впервые заподозрили, что вас испытывают? Мне любопытно узнать, насколько велика ваша проницательность.

Он знаком пригласил меня сесть и сам сел в свое кресло. Я упрямо не смотрел на Кобхема.

— Первое, что удивило меня, Сатана, — сказал я, — это ваше отношение к «Астарте». Я бы так не отнесся. Мертвец ничего не способен сказать — старое верное правило. Я следовал бы вашим инструкциям, конечно, — смело добавил я, — но не одобрил бы их.

Его глаза не отрывались от меня. Я чувствовал, как его воля бьет по мне молотом, выбивая правду.

— А когда ваше подозрение перешло в уверенность?

— Когда вы появились здесь.

И тут я позволил вырваться гневу.

— Я не допущу больше подобных экспериментов над собой, Сатана! — воскликнул я с холодной яростью, которая была вызвана не этим происшествием, но тем не менее была неподдельной. — Или мне доверяют полностью, или не верят вовсе. Если вы мне поверите и я вас подведу — что ж, лекарство в ваших руках, и я готов понести наказание. Но я больше не буду подопытным кроликом, как ребенок в психиатрической клинике. Клянусь Господом, не буду!

Я подумал, что выиграл. И не только выиграл, но и поднялся во мнении Сатаны на невиданную прежде высоту. Если его алмазно-твердые глаза могли смягчаться, они смягчились.

— Согласен, Джеймс Киркхем, — спокойно сказал он. — Но я рад, что подверг вас испытанию. Оно открыло мне, до какой степени я могу на вас полагаться.

— Я принял решение. Дал слово, — сказал я слегка обиженно. — Пока вы честно платите за работу, я повинуюсь вашим приказам, Сатана. Если вам это ясно, то вы не найдете более верного слугу.

— Мне это ясно, Джеймс Киркхем, — ответил он.

Я осмелился взглянуть на Кобхема. Он понемногу приходил в себя. И смотрел на меня с очень странным выражением.

— Кобхем, — рассмеялся я, — вы актер не хуже, чем химик.

— Кобхем... был... очень ценным слугой, — сказал Сатана. — И никогда не приносил больше пользы, чем сегодня.

Я увидел, как глубокая дрожь сотрясла Кобхема. И сделал вид, что ничего не заметил. Сатана встал.

— Идемте со мной, Кобхем, — сказал он. — Нам нужно кое-что обсудить. А вы... — Он взглянул на меня.

— Пойду к себе. Я знаю дорогу.

Сатана вышел, Кобхем за ним. Один раз он оглянулся и бросил на меня странный взгляд. В нем была благодарность — и смертельный ужас.

Я подошел к панели, с которой начиналась моя дорога к себе.

— Джеймс Киркхем, — я обернулся.

У противоположной стены стоял Сатана. Его корпус почти закрывал Кобхема.

— Сэр?

— Джеймс Киркхем, никогда я не был более доволен вами, чем сейчас. Спокойной ночи.

— Я рад, сэр. Спокойной ночи.

За ним открылась панель. Я нажал на скрытую в обшивке пружину, стена разошлась. Передо мной был маленький лифт. Я вошел в него. Сатана и Кобхем прошли сквозь другую стену.

Я мельком увидел двух рабов кефта с петлями в руках, шедших по обе стороны Кобхема.

Когда моя панель закрывалась, мне показалось, что я видел, как они схватили его за руки.

И вот я в своих комнатах. Ева будет ждать меня, но у меня не было желания совершать сегодня экскурсию. Я был уверен, что Сатана клюнул на мою наживку. Но Кобхема ждало наказание — насколько суровое, я не знал. Сатана не зря зловеще подчеркнул «был», говоря о полезности Кобхема. И Кобхем понял угрозу. И еще я видел рабов, державших его. Сатана обо всем этом не забудет. Возможно, он вызовет меня; может быть, даже сам придет ко мне.

Лучше оставаться здесь. Раньше или позже появится Баркер. Я пошлю с ним сообщение Еве.

Я выключил все лампы, кроме одной неяркой в гостиной, разделся и лег. Курил, чувствовал легкую тошноту и приступы горячей бессильной ярости. Дело с «Астартой» было достаточно жестоким даже в том варианте, что изложил Сатана. Откровения Кобхема сделали его ужасным. Конечно, мне придется пойти на это. Ничего другого не остается. Если я откажусь, это будет концом и для меня, и для Евы. И кто-то другой займет мое место. Кобхем, в сущности, сделал необходимым мое участие. Я должен найти способ помешать жестокому уничтожению корабля. Почти несомненно, что это означает мою гибель. Но это нужно сделать. Я знал, что если не вмешаюсь и позволю невинным людям идти на дно, я больше никогда не смогу найти душевное спокойствие. Я знал, что и Ева чувствовала бы то же.

Я отчаянно надеялся, что мы сможем уничтожить Сатану до моего отплытия.

Неожиданно я ощутил чье-то присутствие в комнате. Выскользнул бесшумно из постели и подошел к занавесям. Это был Баркер.

Я поманил его.

— Осторожнее, Гарри, — прошептал я. — Входите и навострите уши. Кое-что случилось.

Я кратко рассказал ему о событиях дня, от беседы с Консардайном до пьяных откровений Кобхема и зловещего увода его Сатаной. Маленький человек вздрогнул.

— Боже, — прошептал он. — Кобхем — настоящий дьявол, но мне его жаль. Сатана позаботится, чтобы он больше не болтал. Нужно действовать быстро, капитан.

— У меня твердое убеждение, что моя работа сегодня — оставаться в этой комнате, — ответил я ему. — И если вы думаете, что это не трудно, когда меня ждет мисс Демерест, вы ошибаетесь.

— Вы правы, сэр. Да и мне нужно побыстрее убираться. Вот что я пришел вам сказать. Я был тупицей вчера вечером, когда вы намекнули, что делает Сатана своими руками. Честность меня подвела. Не прошло и пяти минут, как я увидел, как это можно сделать. Черт побери, да можно это сделать десятью способами.

— Вы правы, — шепнул я, — но покороче. Как вы собираетесь узнать, делает ли он это?

— Вот над этим я весь день ломал голову, — ответил он. — Как пробраться в храм и осмотреть черный трон? Золотой опускается, а черный встроен. И в любой час дня и ночи там стоят два раба кефта. Сменяются четырежды в сутки, и, держу пари, он для этого подбирает самых подходящих, капитан.

Пробраться туда нетрудно, за троном с полдюжины тайных ходов. Десять минут, и мы будем знать, что к чему. Но как, ради дьявола, получить эти десять минут? Перестрелять этих бледнолицых парней — не поможет. Как только их найдут, Сатана поймет, что за игра.

Он помолчал.

— Вот так штука! — сказал он наконец. — Если бы мы могли попросить какого-нибудь ангела спуститься со стаканом кефта в руке у них под носом. Они пошли бы за ним, как голодные львы за костью. И ничего больше бы не увидели!

С бьющимся сердцем я схватил его за плечи.

— Клянусь Господом, Гарри! Вы попали в яблочко! — Голос мой дрожал. — Вы знаете, где он хранит это адское варево? Можете подобраться к нему?

— Конечно, знаю, — ответил он. — Я говорил вам, что в своем деле не имею равных. Конечно, смогу. Но что из этого?

— Мы будем ангелами. Кефт действует быстро, я видел. Но сколько он действует?

— Не знаю, — ответил он. — Иногда дольше, иногда короче. Но у нас будут наши десять минут и еще немало... Вот это да! — Он засмеялся. — Что за игра! Если они придут в себя до смены, то ничего не скажут. А если их застанет смена, у них не будет шанса что-нибудь сказать. И даже если они расскажут, кто им поверит?

— Добудьте напиток, — сказал я. — Постарайтесь завтра. А теперь прежде всего безопасность. Уходите. Если сможете, передайте мисс Демерест, чтобы не ждала меня сегодня. Пусть не беспокоится. Но не рискуйте, Гарри, вы чудо. Если бы вы были девушкой, я бы вас поцеловал. Шагайте!

Снова он рассмеялся; и через мгновение исчез.

Я перешел в другую комнату и выключил и там свет. Впервые с того времени, как я попал в руки Сатаны, я был свободен от депрессии, ужасного чувства угнетенности, которое не оставляло меня. Как будто начала открываться дверь. Дверь на свободу.

Спал я крепко. Проснулся среди ночи, увидев во сне Сатану. Он стоял рядом и смотрел на меня. Не знаю, на самом ли деле это был сон. Может, он решил развеять какое-то сомнение? Если так, мой сон его развеял, потому что спал я безмятежно. Я не стал об этом беспокоиться; в следующее мгновение я опять уснул.

Следующий день пролетел быстро. Когда я одевался, зазвонил телефон. Звонил Консардайн. Он передал, что Сатана хочет, чтобы после завтрака я побывал на яхте. Он, Консардайн, будет меня сопровождать.

Значит, планы не изменились. Я все еще должен играть свою пиратскую роль.

Когда я вошел в столовую, Консардайн ждал меня. Мы вместе поели. Меня мучило любопытство относительно Кобхема. Но я ничего не спросил, а Консардайн не говорил о нем. Мы спустились на причал, говоря о разных пустяках. Ни один из нас не упоминал вчерашнюю беседу. Но он все время, должно быть, о ней думал, как и я. Но добавить нам было нечего. Он достаточно ясно определил свою позицию.

Нас ждал катер, он переправил нас на «Херувим». Внутри яхта была не менее прекрасна, чем снаружи. Капитан — приземистый, плотный, широкоплечий ньюфаундлендец. Он представился как капитан Моррисси. Может, именно это имя дали ему родители, а может, и нет. Вероятнее, нет. Он был истинный пират. Сто лет назад он плавал бы под Веселым Роджером. Первый помощник — привлекательный замкнутый человек с клеймом Аннаполиса. И экипаж из самых прожженных типов, каких только способны произвести моря.

Дисциплина превосходная, военная. Она достигала апофеоза в машинном отделении. Двигатели, специально сконструированные дизели, работающие на нефти, — чудо. Мне было так интересно, что я не заметил, как наступило время ленча. Я не ошибся насчет Морриси. Он рассказывал о контрабанде оружия и алкоголя, которой занимался до того, как поступил на службу к Сатане. Родившись слишком поздно для пиратского флага, он хорошо использовал то, что оставалось. Конечно, он пират, но мне он понравился.

Вернувшись в замок, я обнаружил вызов от Сатаны. Я повиновался с дурными предчувствиями. Предчувствия не оправдались. Я провел два удивительнейших часа. Меня отвели в ту часть большого здания, где находились личные апартаменты Сатаны. Не могу описать увиденное, атмосферу этих десятков комнат, больших и маленьких, где наслаждалась эта сумрачная странная душа. Каждая из комнат представляла собой храм того загадочного, не поддающегося определению вечного духа, который человечество называет красотой и который оно всегда пыталось уловить и воплотить в материи.

И Сатана тут был другим. Он преобразился, стал мягким, ни в словах, ни во взгляде не было насмешливости. Говорил он только о своих сокровищах. Мне пришло в голову, что красоту он любит даже больше, чем власть; он считает власть средством приобрести красоту. И как бы злобен он ни был, красоту он понимал лучше любого из живущих людей.

Я ушел от него очарованный. Мне пришлось бороться с мыслью,

что увиденное мною оправдывает средства его приобретения; что подлинный преступник тот, кто мешает Сатане. Как это ни странно, но я чувствовал какую-то вину за те планы, что вынашивал. С трудом удержался я от исповеди, от признания всего, от отдачи себя на его милость и от клятвы ему в вечной преданности. Думаю, что удержала меня только мысль о Еве.

Возможно, такова и была его цель. Но мне снова и снова приходилось напоминать себе об этом, чтобы преодолеть отвращение, которое я начал испытывать к своим планам. Если кому-то это покажется прискорбной слабостью, могу только сказать, что тот, кто так думает, сам не был объектом колдовства, не слушал Сатану, проповедующего в самом сердце чуда, которое он создал.

Если это и была ловушка, я ее избежал. Но до сегодняшнего дня я сомневаюсь — быть может, в высшем смысле Сатана все-таки был прав.

Общество за обедом помогло мне сбросить наваждение. Еще больше помог послеобеденный бридж. Я вернулся к себе около полуночи. Весь день я не видел Еву. Консардайн мельком упомянул, когда мы шли на ужин, что она уехала в город и, вероятно, сегодня не вернется. Я понял это как намек на то, что мне сегодня не следует бродить по замку.

Я лег спать, надеясь увидеть Баркера. Он не появился.

За завтраком на следующий день было несколько действительно интересных людей. Среди них австралийский майор, солдафон и обаятельный негодяй. Мы вместе отправились верхом по другому маршруту, чем накануне с Консардайном. В одном месте наша тропа шла параллельно шоссе. Мимо прошумела хорошенькая маленькая машина, направляясь в замок. Ею правила Ева. Она помахала рукой. Австралиец принял приветствие на свой счет, заметив, что проехала чертовски хорошенькая девушка. Все вдруг прояснилось. Я решил, что увижусь с ней вечером. Так я тогда подумал.

Поставив лошадь в стойло, я пошел на террасу. Может, удастся увидеть Еву или даже перебросится с ней словом. Около четырех появился Консардайн и сел рядом со мной.

Казалось, он испытывает неловкость. Мы раз или два выпили, поговорили о том о сем, но ясно было, что что-то его беспокоит. Я с каким-то предчувствием ждал, когда он заговорит. Наконец он вздохнул, повел широкими плечами.

— Что ж, — сказал он, — горькое лекарство не становится слаще от того, что мы оттягиваем прием. Идемте, Киркхем. Приказ Сатаны.

Я ясно вспомнил слова Консардайна, что если его хозяин прикажет ему, он без колебаний задержит меня. И ощутил шок.

— Значит ли это, что я арестован?

— Вовсе нет, — ответил он. — Есть кое-что... кое-кто... Сатана хо-

чет, чтобы вы на него взглянули. Не спрашивайте, почему. Я не знаю. Могу догадываться, но... не задавайте вопросов. Идемте.

Я, удивленный, пошел за ним. Мы пришли в одну из башен замка; по крайней мере мы высоко поднялись над уровнем земли. И оказались в маленькой голой комнатке. Скорее келье. Одна из стен ее слегка изгибалась, выпуклостью к нам. Консардайн подошел к этой стене и поманил меня. Он коснулся скрытой пружины. Появилось квадратное отверстие, похожее на окно размером в фут, на уровне моих глаз.

— Смотрите, — сказал он.

Место, куда я заглянул, было полно чрезвычайно ярким бледно-пурпурным светом. Свет производил крайне неприятное впечатление. Одновременно я услышал тонкий дрожащий звук, слабый, но непрерывный, на одной ноте. Я не музыкант, чтобы точно определить ноту; она была высокой, как от крыльев пчелы. Звук тоже был неприятным. Вместе свет и звук сводили с ума.

С первого взгляда мне показалось, что я смотрю в круглый зал, в котором находится толпа людей; все они глядят в центр. Потом я понял, что этого не может быть; у всех этих людей одна и та же поза: они склонились на одно колено. Их, казалось, тысячи, этих склонившихся людей, ряд за рядом, один за другим, они становились все меньше и меньше, пока не исчезали в бесконечности.

Я взглянул направо и налево. Те же склоненные люди, но в профиль. Поднял глаза к потолку: и там они — висят вниз головой.

И вдруг я понял, что у них у всех одно и то же лицо.

Это лицо Кобхема!

У всех лица Кобхема, истощенные и искаженные, отраженные вновь и вновь в десятках зеркал, которыми окружено все помещение. Круглые стены в фасетках зеркал, и круглый потолок тоже, и все зеркала нацелены на круглую зеркальную плиту примерно семи футов в диаметре, которая служила их фокусом.

На плите стоял склоненный Кобхем, глядя на собственные бесчисленные отражения, подчеркнутые ярким алым пурпурным светом.

Кобхем вскочил и начал яростно размахивать руками. Как отряды автоматов, отражения тоже вскочили и замахали. Он повернулся, и все они, ряд за уменьшающимся рядом, повернулись. Он упал, закрыв лицо руками, но я знал, что хоть его глаза и закрыты, лица по-прежнему глядели на него, привязанные, как должно было казаться, к фигурам тысяч людей, отраженных в круглой плите от зеркал на потолке. И я знал также, что человек не может долго держать в этой комнате глаза закрытыми, он должен открыть их и смотреть, и смотреть снова.

Дрожа, я отпрянул. Зрелище адское. Оно уничтожало рассудок. Тут не может быть сна. Звон скребет по нервам и не даст уснуть. Свет

тоже прогоняет сон, возбуждая и без того возбужденные нервы, натягивая их до предела. Обезьянничающее войско отражений медленно, неумолимо вело рассудок по тропе безумия.

— Ради Бога... ради Бога... — Я с бессвязным лепетом, с побелевшими губами обернулся к Консардайну. — Я уже видел... Консардайн... пуля — это милосердие...

Он привлек меня обратно к отверстию.

— Просуньте голову, — холодно сказал он. — Вы должны увидеть себя в зеркалах, а Кобхем должен увидеть вас. Таков приказ Сатаны.

Я попытался вырваться. Он схватил меня за шею и придвинул к окну, как щенка толкают к миске с водой.

Стена в этом месте была всего в несколько дюймов толщиной. Я был беспомощен, теперь моя голова находилась за стеной. Кобхем с трудом поднялся. Я увидел, как в зеркалах появилось мое лицо. Он тоже увидел его. Глаза его блуждали от одного отражения к другому: он пытался понять, где я.

— Киркхем! — взвыл он. — Киркхем! Вытащите меня отсюда!

Консардайн оттащил меня назад. Он захлопнул окно.

— Вы дьявол! Вы хладнокровный дьявол! — Со слезами я бросился на него.

Он схватил меня за руки. Держал легко, будто я ребенок, а я в это время пинался и извивался в тщетных попытках вырваться. Наконец ярость моя утихла. Все еще всхлипывая, я повис в его руках.

— Ну, ну, молодой человек, — мягко сказал он. — Я не отвечаю за то, что вы увидели. Я говорил вам, что лекарство будет горьким. Но это приказ Сатаны, я должен повиноваться. Идемте со мной. К вам в комнаты.

Я, не сопротивляясь, пошел за ним. Вовсе не сочувствие к Кобхему так тронуло меня. Вероятно, он сам не раз следил через это окно, как другие мучаются в зеркальной камере. Если бы возникла необходимость, я застрелил бы Кобхема без малейшего колебания. Даже испытание Картрайта не потрясло меня так, как это. С Картрайтом все шло в открытую, вокруг были люди. И Картрайт, как казалось, имел хоть какие-то шансы выпутаться.

Но эта пытка в зеркальной камере, с ее лишающим сна светом, с ее медленно убивающим звоном, в полном одиночестве, это разрушение человеческого мозга — что-то в этом было такое, чего не выразить словами, что потрясло меня до глубины души.

— Долго ли он... протянет? — спросил я Консардайна, когда мы оказались в моих комнатах.

— Трудно сказать, — он по-прежнему говорил мягко. — Он выйдет оттуда, полностью лишившись памяти. Не будет знать своего имени, кто он, ничего из того, что когда-то знал. Никого не будет узнавать.

Подобно зверю, будет ощущать лишь голод и жажду, холод или тепло. Вот и все. Все тут же будет забывать. Жить только данным моментом. А когда этот момент пройдет, он его тут же забудет. Безмозглый, бездушный — пустой. Некоторые выходили оттуда через неделю, другие сопротивлялись три. Никогда дольше.

Я вздрогнул.

— Я не пойду на обед, Консардайн.

— На вашем месте я бы пошел, — серьезно сказал он. — Так было бы разумнее. Вы не можете помочь Кобхему. В конце концов Сатана в своем праве. Подобно мне, Кобхем поднимался по ступеням и проиграл. Он жил по воле Сатаны. А Сатана будет следить за вами. Он захочет узнать, как вы восприняли это. Возьмите себя в руки, Киркхем. Идемте и постарайтесь быть веселым. Я скажу Сатане, что вас заинтересовали его сокровища. Ну, молодой человек! Неужели вы дадите ему понять, что вы почувствовали? Где же ваша гордость? К тому же это просто опасно для ваших планов.

— Останьтесь со мной, Консардайн, до того времени. Сможете?

— Я так и собирался, если вы захотите. И думаю, нам обоим сейчас не повредит хорошая выпивка.

Наливая, я бросил на себя взгляд в зеркало. Стакан в руке затрясся, жидкость пролилась.

— Никогда не смогу смотреть в зеркала, — сказал я.

Он налил мне еще.

— Довольно, — резко сказал он. — Забудьте об этом. Если Сатана будет за обедом, поблагодарите его за интересный новый опыт.

Сатаны не было. Я надеялся, что он получит доклад о моем поведении. И был достаточно весел, чтобы удовлетворить Консардайна. Пил безрассудно и много.

Ева была за столом. Время от времени я ловил ее удивленный взгляд.

Если бы она знала, как мало веселья было в моем сердце, как много черного отчаяния, она удивилась бы еще больше.

Глава семнадцатая

Я засиделся за столом с несколькими другими отказавшимися от игры в бридж. Уже около двенадцати я вернулся к себе. Мне казалось, что сегодня Баркер обязательно появится, даже если ему не удалось раздобыть кефт.

Когда я остался один, воспоминание о Кобхеме и зеркальной камере вернулось с новой силой. Почему Сатана приказал мне смотреть на пленника? Почему я должен был увидеть себя в этих проклятых зеркалах? И почему он хотел, чтобы Кобхем увидел меня?

На первые два вопроса мог быть только один ответ. Это предупреждение. Значит, мое объяснение удовлетворило его не полностью. Но если бы было так, разве он не использовал бы другие меры? Сатана ничего не оставлял случаю. Я подумал, что он удовлетворен, но тем не менее решил предупредить о том, что будет со мной, если он перестанет быть удовлетворенным.

Я не мог сказать, почему должен был увидеть меня Кобхем. Ведь его память будет уничтожена. Ответа, казалось, нет, разве что это еще один его каприз. Но опять-таки капризы Сатаны, как он называл их, всегда имели причину. Неохотно и с тревогой я сдался.

В двенадцать тридцать я услышал ликующий шепот из спальни:

— Добыл, капитан!

Я пошел в спальню. Нервы напряглись, в горле пересохло. Начинается! Теперь отступления нет. Карты для игры розданы. А в качестве другого игрока — смерть, самая страшная смерть.

— Вот оно! — Баркер сунул мне в руку полупинтовую фляжку. Она была полна той зеленоватой жидкости, которую Сатана давал рабам в мраморном зале. Кефт!

Жидкость прозрачная, внутри нее микроскопические частицы искорками отражают свет. Я открыл фляжку и принюхался. Слабый кисловатый запах с оттенком мускуса. Я уже хотел попробовать, но Баркер остановил меня.

— Не трогайте, капитан, — сказал он торопливо. — Этот напиток варили в аду. Вы и так близки к нему.

— Хорошо. — Я закрыл фляжку. — Когда пойдем?

— Прямо сейчас, — ответил он. — Парни в храме сменяются в полночь. Сейчас подходящее время. О, да...

Он порылся в кармане.

— Подумал: подойдет по сценарию, — он улыбнулся.

В его руках были два золотых кубка, в которые фигура с вуалью и кувшином наливала кефт.

— Трудно было добыть это, Гарри?

— Минутное дело, — ответил он. — Не хочется думать, что придется возвращать эти кубки на место. Но придется. Но я свою работу знаю, — добавил он с надеждой.

— Да уж знаете, Гарри.

Он колебался.

— Капитан, — сказал он наконец. — Не буду скрывать от вас: у меня такое чувство, словно мы собираемся в комнату, где во всех углах змеи.

— Ну, может, нам удастся найти защитную одежду, — бодро ответил я.

— Что ж, пошли? — сказал он.

— Пошли.

Я выключил свет в первой комнате. Мы прошли через стену спальни в тускло освещенный проход. Прошли по нему к одному из лифтов. Спустились. Вышли в длинный коридор, перпендикулярный первому. Еще один спуск, и мы в абсолютно темном коридоре. Здесь Гарри взял меня за руку и повел. Неожиданно он остановился и осветил стену. В определенном месте нажал пальцем. Я не видел, чем он руководствовался, но маленькая панель скользнула в сторону. И открылось углубление со множеством переключателей.

— Контрольный щит, — Баркер шептал мне на ухо. — Мы как раз за стулом, на котором вы сидели. Ложитесь.

Я лег на пол. Он бесшумно опустился рядом. Еще одна панель в шесть дюймов шириной и в фут длиной открылась с бесшумной быстротой затвора фотоаппарата.

Я смотрел в храм.

Щель, через которую я смотрел, находилась на уровне пола. Она скрывалась креслом, в котором я сидел, когда поднимался Картрайт. Изогнув шею, я мог между ножек кресла видеть горизонтальный срез всего огромного помещения.

Яркий свет падал прямо на черный трон. Он стоял пустой — но грозный. Примерно в дюжине футов от него по обе стороны стояли два раба кефта. Высокие сильные мужчины в белой одежде, в руках наготове петли. Их бледные лица казались мертвенно-белыми под ярким светом. Глаза без ресниц не дремлют, насторожены.

Я увидел блеск голубых глаз за троном. Глаза каменного Сатаны. Они, казалось, злобно следят за мной. Я отвел от них взгляд. И увидел заднюю часть храма.

Она тоже была ярко освещена. И оказалась даже больше, чем я думал. Полукругом поднимались черные сиденья, их было не менее трехсот.

Щель, через которую я смотрел, закрылась. Баркер коснулся моей руки, и я встал.

— Дайте наркотик, — прошептал он.

Я протянул ему фляжку кефта. Золотые кубки были у него.

Он опять осветил щит. Взял меня за руку и положил мои пальцы на два рычажка.

— Считайте до шестидесяти, — сказал он. — Затем переключите их. Свет погаснет. Держите на них руку, пока я не вернусь. Начинайте... один, два...

Он выключил свой фонарик. И хотя я больше не слышал ни звука, я знал, что он исчез. При счете шестьдесят я повернул рычажки. Казалось, время во тьме идет очень медленно. Но на самом деле, я думаю, прошло не больше трех-четырех минут.

Так же неслышно появился Баркер. Он отвел мою руку и включил свет в храме.

— Вниз, — прошептал он.

Мы опустились на пол. Еще раз открылась наблюдательная щель.

Два охранника черного трона стояли там же, где я их видел в первый раз. Они мигали, ослепленные быстрым возвратом света. И нервничали, как охотничьи псы, почуявшие добычу. Они вздрагивали, помахивали своими петлями и поглядывали по сторонам.

На черном троне стояли два золотых кубка с кефтом.

В тот же момент их увидели рабы.

Не веря своим глазам, они смотрели на них. Потом посмотрели друг на друга. Как пара автоматов, приводимых в движение одним и тем же импульсом, сделали шаг вперед и снова посмотрели на сверкающую приманку. Неожиданно на их лицах появилось выражение ужасающего голода. Нить лопнула. Они бросились к черному трону.

Схватили золотые кубки. И выпили.

— Боже! — услышал я шепот Баркера. Он тяжело дышал и дрожал, как человек, окунувшийся в ледяную воду.

Я чувствовал себя не лучше. Что-то бесконечно ужасное было в рывке этой пары за зеленой жидкостью. Что-то адское в неудержимом приливе желания, который уничтожил в их мозгу все, кроме одного порыва. Выпить наркотик.

Они повернулись, все еще держа в руках кубки. Сначала один, затем другой опустились на ступени. Глаза их закрылись. Тела расслабились. Но пальцы по-прежнему сжимали кубки.

— Пора, — сказал Баркер.

Он закрыл щель и контрольный щит. Потом быстро повел меня по темному коридору. Мы резко свернули. Послышался слабый шуршащий звук. Из узкого отверстия устремился свет.

— Быстрее! — прошептал Баркер и подтолкнул меня вперед.

Мы стояли на помосте за черным троном. Под нами лежали тела двух стражников. Семь отпечатков заманчиво светились.

Баркер опустился на колени. Рычаг, которым Сатана приводил в рабочее состояние механизм ступеней, лежал горизонтально в специальном углублении в камне. Баркер что-то быстро делал у его основания. Сдвинулась тонкая пластинка. Под ней оказалось множество маленьких зубцов. Баркер протянул руку и что-то передвинул. Контрольный шар опустился с потолка.

Баркер осторожно освободил рычаг. Поднял его и нажал, как это делал Сатана. Никакого жужжания я не услышал, по-видимому, Баркер как-то выключил его.

— Вам придется спуститься и подняться по ступеням, капитан, — прошептал он. — Побыстрее, сэр. Наступайте на каждый отпечаток.

Я сбежал по ступеням, повернулся и стал быстро подниматься, сильно нажимая на каждый след. На вершине лестницы я повернулся и взглянул на шар. На белой половине сверкали три символа, на черной — четыре. Сердце мое упало.

— Приободритесь, — сказал Гарри. — Вы как будто упали духом. Не нужно. Этого следовало ожидать. Подождите минутку.

Он снова стал орудовать среди зубцов, лежа на полу и погрузившись лицом в щель.

Потом издал восклицание и вскочил на ноги, лицо его заострилось, глаза горели. Он подбежал к черному трону и стал обнюхивать его, как возбужденный терьер.

Неожиданно он сел на трон и начал нажимать в разных местах.

— Сюда, — поманил он меня. — Садитесь на мое место. Положите пальцы сюда и сюда. Когда я скажу, сильно нажмите.

Он отпрыгнул. Я сел на черный трон. Он разместил мои пальцы в ряд примерно в пять дюймов длиной. Они оказались на семи едва ощутимых углублениях вдоль края. На ощупь углубления казались не каменными. Мягче.

Баркер вернулся к зубцам и продолжал что-то делать с ними.

— Нажимайте, — прошептал он. — Нажимайте все сразу.

Я нажал. Углубления слегка подались под нажимом. Взгляд мой упал на шар. На табло ничего не было. Все сияющие символы исчезли.

— Теперь нажимайте по одному, — приказал Баркер.

Я нажал углубления одно за другим.

— Свинья! — сказал Баркер. — Кровожадная подлая свинья! Идите, капитан, взгляните.

Я опустился к нему и посмотрел на зубцы. Потом на шар. Потом снова на зубцы, не веря своим глазам.

— Мы его поймали! — прошептал Баркер. — Поймали!

Он быстро пощелкал зубцами и закрыл их. Шар вернулся на свое место на потолке.

— Кубки, — сказал Баркер. Он подбежал к рабам и вынул их из неподвижных пальцев рабов.

— Поймали! — повторил Баркер.

Мы зашли за черный трон. Баркер отодвинул панель, через которую мы проникли. И мы снова оказались в темном коридоре.

Дикое ликование охватило меня. Но в нем была и тень сожаления, эхо послеполуденных часов очарования красотой.

То, что мы обнаружили, навсегда лишало Сатану власти над его подданными.

Мы лишили его трона!

Глава восемнадцатая

Мы добрались до тускло освещенного коридора, откуда можно было попасть в мою комнату. Баркер с предупреждающим жестом остановился.

— Слушайте! — выдохнул он.

Я услышал далекий слабый шум, какое-то бормотание. Где-то за стеной двигался человек, он приближался к нам. Неужели так быстро нашли спящих рабов?

— Идите к себе в комнату. Быстро, — прошептал Гарри.

Мы побежали. И снова остановились. В десяти футах перед нами появился человек. Казалось, он вырос из стены с волшебной быстротой. На мгновение прислонился к ней с рыданием. Потом повернулся к нам...

Это был Кобхем!

Лицо его посерело, сморщилось и осунулось. Глаза в черных кругах в тусклом освещении казались глазницами черепа. Смотрели они пусто, мозг человека был опустошен. Губы распухли и кровоточили, будто он время от времени кусал их.

— Вы Киркхем! — Он, шатаясь, двинулся ко мне. — Да, я помню вас! Я шел к вам. Спрячьте меня.

Бормочущие звуки приблизились. Я увидел, как Баркер надел кастет на пальцы и готовился прыгнуть на Кобхема. Я схватил его за руку.

— Бесполезно, — предупредил я. — Его найдут. Он почти сумасшедший. Но его заставят рассказать. Я возьму его, Гарри! Скройтесь из виду!

Я схватил Кобхема за руку и повел к панели, ведущей в спальню. Открыл панель и протолкнул его. Потом прошел сам. Баркер за мной.

— Идите в шкаф, — сказал я Кобхему и спрятал его среди одежды. Потом закрыл дверцу и вместе с Баркером быстро перебрался в первую комнату.

— Мне это не нравится, — прошептал Баркер.

— Это единственный выход, — ответил я. — Позже я придумаю, как избавиться от него. Вряд ли они придут сюда. Меня не станут подозревать. С какой стати? Но — все же такая возможность есть. Если они найдут здесь вас, быть беде. Можете уйти, не рискуя?

— Да, — голос и глаза маленького человека были встревоженными. — Конечно, смогу. Но, Боже, как мне не хочется оставлять вас, капитан.

— Перестаньте! — резко сказал я. — Идите к Консардайну. Расскажите ему, что мы обнаружили. Расскажите, что случилось, мисс Демерест. Если что-нибудь пойдет не так, действуйте, Гарри.

Он застонал. Я услышал слабый шум в спальне. Подошел к двери и заглянул. Кобхем шевелился в шкафу.

— Тише, — сказал я ему. — Они могут быть здесь в любую минуту.

Я выключил все лампы и вернулся в первую комнату. Баркер исчез.

Я снял пиджак и жилет и положил несколько книг на журнальный столик. Удобно устроился, закурив трубку, и начал читать. Каждый нерв мой был напряжен, все чувства обострены. Но я льстил себя надеждой, что производил впечатление человека, полностью поглощенного чтением.

Неожиданно я почувствовал на себе взгляд. Кто-то стоял сзади и смотрел на меня.

Я продолжал читать. Молчаливое разглядывание становилось непереносимым. Я зевнул, потянулся, встал, повернулся...

За мной стоял Сатана.

С головы до ног он был в алом. За ним виднелись с полдюжины рабов кефта. Еще двое стояли у открытой панели в спальне.

— Сатана! — воскликнул я удивленно, и удивление мое было искренним. Я рассматривал многие возможности, но среди них не было Сатаны, возглавившего охоту на человека.

— Вы удивлены, Джеймс Киркхем, — в лишенном выражения голосе Сатаны была нотка заботливости. — Я тоже удивился, когда вы не ответили на мой стук.

— Я ничего не слышал, — искренне ответил я. На самом ли деле он стучал?

— Вы, я вижу, увлечены чтением, — продолжал он. — Но, может, вы удивляетесь, почему ваше молчание обеспокоило меня? Я преследую беглеца, опасного человека, Джеймс Киркхем. Отчаянного человека. След привел нас сюда. Я подумал, что он может попытаться спрятаться в ваших комнатах, что вы сопротивлялись и пострадали.

Это звучало разумно. Я помнил, какое необыкновенное расположение ко мне выказал Сатана сегодня. Сомнения мои улеглись, я слегка расслабился.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я. — Но я никого не видел. А кто этот человек?

— Человек, которого я ищу, Кобхем.

— Кобхем! — Я смотрел на него, как будто не понял. — Но я считал, что Кобхем...

— Вы считали, что Кобхем в зеркальной комнате, — прервал он. — Вы, несомненно, гадали, почему я поместил его туда. Вы считали его одним из моих доверенных помощников. Вы думали, что он для меня очень ценен. Он и был таким. Но неожиданно Кобхем, которому я верил и которого ценил... перестал существовать. В него вселился дру-

гой дух, которому я доверять не могу и который поэтому становится для меня угрозой.

С замирающим сердцем я увидел насмешку в жестких ярких глазах, понял, что он сознательно повысил голос, чтобы слышно было в другой комнате.

— Бедный ушедший Кобхем, — протянул Сатана, — разве я могу не отомстить за него? Должен отомстить. Я накажу этот дух-узурпатор, буду мучить его, пока он не взмолится, чтобы я выпустил его из украденного тела. Мой бедный утраченный Кобхем. Ему теперь все равно, что будет с телом, когда-то принадлежавшим ему... он будет отмщен.

Теперь насмешка звучала совершенно отчетливо. Я почувствовал, как сжимается горло.

— Вы говорите, что ничего не видели? — переспросил он.

— Ничего, — ответил я. — Если бы кто-нибудь зашел в комнаты, я бы услышал.

Тут же я понял свою ошибку и проклял себя.

— О, нет, — ровно сказал Сатана. — Вы забыли, как увлечены были чтением. Меня вы не слышали. Ни когда я постучал, ни когда вошел. Я не могу подвергать вас риску. Придется осмотреть комнаты.

Он отдал приказ сопровождавшим рабам. Прежде чем они смогли двинуться, дверца шкафа распахнулась. Оттуда выпрыгнул Кобхем.

Первым же прыжком он оказался на полпути к открытой панели. В руке его блеснула сталь. Еще через мгновение он был возле двух рабов, стоявших у выхода. Один из них упал с перерезанным горлом. Другой отшатнулся, держась руками за бок, сквозь его пальцы струилась кровь.

И Кобхем исчез.

Сатана отдал еще один короткий приказ. Четверо из шести оставшихся рабов ринулись к панели.

Оставшиеся два прижали мне руки своими петлями.

Сатана смотрел на меня, насмешка в его взгляде стала дьявольской.

— Я так и подумал, что он придет сюда, — сказал он. — Поэтому, Джеймс Киркхем, я и дал ему возможность убежать.

Итак, это тоже была паутина, сплетенная Сатаной! И он заманил меня в нее!

Неожиданно меня охватил неудержимый гнев. Я больше не буду лгать. Не стану носить маску. Никогда больше не испугаюсь его. Конечно, он может причинить мне боль. Может убить меня. Вероятно, он собирается сделать и то и другое. Но я теперь знал, кто он такой на самом деле. Вся загадочность соскользнула с него... и к тому же у меня еще есть козырь, о котором он не подозревает. Я глубоко вздохнул и засмеялся.

— Может быть! — цинично сказал я. — Но я заметил, что на этот раз вы не сумели помешать ему сбежать. Жаль, что он не перерезал вашу проклятую черную глотку вместо того вашего бедного дьявола.

— Ага, — без всякого негодования ответил он, — правда начинает изливаться из пораженного Киркхема, как вода из рассеченной Моисеем скалы. Но вы опять ошибаетесь. Я давно не наслаждался охотой на человека. Кобхем — идеальная добыча. Поэтому я и оставил панель открытой. Он долго продержится, надеюсь, дни и дни.

Он что-то сказал одному из державших меня рабов кефта. Я не понимал этого языка. Раб поклонился и выскользнул.

— Да, — повернулся ко мне Сатана, — он продержится долго. Но вы, Джеймс Киркхем, нет. Кобхем не может убежать. Вы тоже. Сегодня вечером я обдумаю, какую забаву вы предоставите мне.

Вышедший раб вернулся с шестью другими. Снова Сатана отдал приказ. Рабы окружили меня и вывели. Я пошел не сопротивляясь. И не оглядывался на Сатану.

Но закрыть уши от его хохота я не мог!

Глава девятнадцатая

Прошел день и наступил вечер, прежде чем я увидел Сатану вновь. Прежде чем я увидел вообще кого-нибудь, кроме тех едоков кефта, которые приносили мне еду.

Думаю, что меня отвели в одну из подземных комнат. Она была достаточно удобна, но без окон и, конечно, без дверей. Здесь мне развязали руки и оставили одного.

Гнев быстро прошел, и меня охватило отчаяние. Баркер постарается добраться до Консардайна. Я был уверен в этом. Но успеет ли он? Поверит ли ему Консардайн? Не думаю. Консардайн из тех людей, которые на слово не верят. Ему нужно убедиться самому. Допустим даже, он поверит. Его гнев может вызвать поспешные действия, которые присоединят его к нам с Кобхемом. И Сатана будет торжествовать.

А Ева? Что она сделает, когда услышит от Гарри, что случилось со мной? Я не сомневался, что маленький человек найдет способ узнать, что случилось.

И какие дьявольские замыслы вынашивает Сатана для своей... забавы?

Ночь моя прошла невесело. День тянулся бесконечно. Увидев Сатану, я понадеялся, что часы ожидания не отразились на мне.

Он вошел без всякого предупреждения, с ним был Консардайн. На Сатане был длинный черный плащ. Глаза его блеснули. Я взглянул на

Консардайна. Виделся ли с ним Баркер? Лицо Консардайна было спокойно, он равнодушно смотрел на меня. Сердце мое упало.

Сатана сел. Без приглашения я последовал его примеру, вытащил портсигар и вежливо предложил Сатане сигарету — детская бравада, о которой я немедленно пожалел. Сатана не обратил внимания на этот жест, изучая меня.

— Я не сержусь на вас, Джеймс Киркхем, — заговорил Сатана. — Если бы я мог испытывать сожаление, я бы пожалел вас. Но вы сами ответственны за свое нынешнее положение.

Он помолчал. Я ничего не ответил.

— Вы хотели обмануть меня, — продолжал он. — Вы лгали мне. Вы пытались спасти от моего правосудия человека, которого я приговорил. Вы противопоставили свою волю моей. Вы осмелились дурачить меня. Вы поставили под удар дело с «Астартой», если оно вообще еще возможно. Вам больше нельзя доверять. Вы для меня бесполезны. Каков может быть мой ответ?

— Я думаю, устранение меня, — беззаботно ответил я. — Но к чему тратить время, оправдывая одно из ваших убийств, Сатана? Я думаю, что убийство — ваша вторая натура, и вам нужно объяснить его не больше, чем желание есть или пить.

Глаза его сверкнули.

— Вы сознательно втерлись в доверие к Кобхему, вы попытались бы помешать гибели «Астарты», зная, что таков мой приказ, — сказал он.

— Верно, — согласился я.

— Вы лгали мне, — повторил он. — Мне!

— Одна ложь стоит другой, Сатана, — ответил я. — Лгать начали вы. Если бы вы были со мной откровенны, я бы вам сказал, что мне нельзя доверять это дело. Вы не сделали этого. Я заподозрил ложь. Что ж, человек, лгущий в одном, может солгать и во всем остальном.

Я бросил быстрый взгляд на Консардайна. Лицо его оставалось равнодушным и таким же непроницаемым, как лицо Сатаны.

— Когда Кобхем проговорился, я утратил веру в вас, — продолжал я. — Ведь ваши убийцы на «Херувиме» вполне могли получить приказ расправиться со мной, после того как я вытащу вам ваши каштаны. Одна из ваших марионеток уже говорила вам: вините себя, Сатана. Не меня.

Консардайн внимательно следил за мной. Я все больше нервничал.

— Отец лжи, — сказал я, — или, если использовать другое ваше древнее имя, князь лжецов, все дело можно выразить в двух коротких фразах. Вы мне не верите, и я слишком много знаю. Прекрасно. За оба эти условия вам нужно винить себя. Но я вас знаю. И если вы думаете, что я буду умолять о милости, — вы не знаете меня.

— Консардайн, — спокойно отозвался Сатана, — какой хороший материал пропадает. Джеймс Киркхем мог быть мне очень полезен. Какая жалость, Консардайн. Да, какая жалость!

Он благосклонно созерцал меня.

— Откровенно говоря, не вижу, чем ваши знания могут помочь вам, — сказал он. — Мне кажется, вы должны знать, что вас выдало. Да, я хочу помочь вам, Джеймс Киркхем, — громкий голос продолжал литься, — потому что, возможно, существует мир, куда мы отправляемся, когда перерезают нить нашей жизни. Возможно, там вы даже найдете моего двойника. Постарайтесь не повторять ошибок.

Я молча слушал это зловещее шутовство: в конце концов я любознателен.

— Ваша первая ошибка заключалась в упоминании игры в бридж. Я заметил, что Кобхем удивился. Вы слишком торопились. Нужно было подождать более удобного времени. Запомните: когда окажетесь в другом мире, никогда не торопитесь.

Очевидно, у вас была для этого причина. Также очевидно, что мне нужно было установить эту причину. Урок номер два — в том мире, куда вы так скоро отправитесь, никогда не давайте противнику возможность подслушивать.

Когда я вернулся, вы весьма изобретательно воздержались от того, чтобы заметить явный ужас Кобхема. В течение всего разговора вы настойчиво не смотрели на него. Это слишком наивно, Джеймс Киркхем. Вы недооценили интеллект, с которым попытались сразиться. Вам следовало изобразить полное и немедленное негодование. Вы должны были принести в жертву Кобхема, выдать его мне. В том прекрасном новом мире, в котором вы можете оказаться, никогда не недооценивайте вашего противника.

Но я дал вам еще один шанс. Зная Кобхема, я знал и то, что после моего... заботливого лечения он будет именно в вас искать спасения. Он подвергся лечению, увидел вас, и затем ему позволено было сбежать. Как я и думал, он отправился прямо к вам. Если бы в тот момент, как он явился к вам, вы схватили бы его, подняли тревогу, опять — принесли его в жертву, возможно, я продолжал бы вам верить. Это была с вашей стороны слабость, сентиментальность. Что вам Кобхем? Помните, в вашем новом мире избегайте всякой сентиментальности.

Из этого циничного разглагольствования становились ясны два обстоятельства. Сатана не знал, что я выходил из комнат, не знал, что я встретил Кобхема не у себя. Это несколько поддержало меня. Но Кобхем схвачен. Расскажет ли он об этом?

— Кстати, как Кобхем? — вежливо поинтересовался я.

— Не очень хорошо, не очень, бедняга, — ответил Сатана, — однако сегодня он доставил мне неплохое развлечение. В настоящее время

он лежит в темном углу возле лаборатории и отдыхает. Вскоре он получит возможность уйти. Во время своих тщательно направляемых блужданий он время от времени будет получать возможность поесть и попить. Я не хочу, чтобы он изнемог раньше времени и перестал забавлять меня. Или, другими словами, в мои намерения не входит дать ему умереть от голода и жажды. Нет, нет, великолепный Кобхем предоставит мне еще много веселых часов. Я не отправлю его назад к зеркалам. Они помогли ему выставить когти. Обещаю вам, что в самом конце я сообщу ему о вашем интересе, потому что сами вы будете уже не способны сделать это.

Он встал.

— Джеймс Киркхем, — сказал Сатана, — через полчаса вы предстанете перед судом. Будьте готовы к этому времени появиться в храме. Идемте, Консардайн.

Моя надежда, что он оставит со мной Консардайна, рухнула. Мне отчаянно нужно было поговорить с ним. Но он вышел за Сатаной. Стена за ними закрылась. Консардайн даже не повернул головы.

Я вспомнил Картрайта. Консардайн привел его и стоял рядом, пока он не начал подниматься по ступеням. Может, он вернется за мной?

Но он не вернулся. Через полчаса за мной пришли четверо рабов кефта. Два впереди, два позади, они провели меня длинными коридорами и вверх по каменной рампе. Потом остановились. Я услышал звук гонга. Открылась панель. Рабы собирались толкнуть меня вперед, но я отбросил их руки и пошел сам. Панель закрылась за мной.

Я оказался в храме.

Я стоял в полукруге яркого света, заливавшего ступени. Слышался шепот. Он доносился слева от меня, из полукруглого амфитеатра. Я уловил там движение, смутно белели лица. Все сиденья казались занятыми. Мне почудилось, что я слышу голос Евы, шепчущий, зовущий...

— Джим!

Еву я не видел.

Я взглянул на помост. Все было так же, как и тогда, когда я следил за Картрайтом. Блестел золотой трон. На нем сверкали драгоценные скипетр и корона.

На черном троне сидел Сатана.

Рядом с ним на корточках, с улыбающимся дьявольским лицом, покручивая петлей из женских волос, сидел Санчал, палач.

Снова прозвенел гонг.

— Джеймс Киркхем! Приблизьтесь для суда! — раскатился голос Сатаны.

Я прошел вперед. У основания лестницы, в круге света, я остановился. На меня смотрели из черного камня семь сверкающих отпечатков детской ноги.

Охраняя их, по семь с каждой стороны, стояли рабы кефта в белой одежде. Их глаза не отрывались от меня.

Мысли стремительно неслись в голове. Выкрикнуть тайну черного трона тем, кто молча сидит, глядя на меня с полукруглых рядов каменных сидений? Я знал, что прежде чем произнесу десяток слов, петли рабов кефта задушат меня. Сделать бросок вверх по ступеням и схватиться с Сатаной? Они схватят меня на полпути к нему.

Остается только одно. Подниматься медленно. Четвертый и последний раз наступить на шестой отпечаток. Он недалеко от черного трона. Ближе седьмого. Оттуда прыгнуть на Сатану. Вцепиться зубами и пальцами ему в горло. Если доберусь до него, не думаю, что легко будет меня оторвать, живого или мертвого.

Но Баркер? У Баркера может быть свой план. Не похоже на маленького человека прятаться и спокойно дать мне пройти. И Консардайн? Знает ли Консардайн?

И Ева!

Мысли путались. Я не мог думать ясно. Ухватился за последнюю мысль и не отрывал взгляда от горла Сатаны как раз под ухом. Именно туда я вопьюсь зубами.

Но позволят ли мне подниматься по ступеням?

— Джеймс Киркхем, — раскатился голос Сатаны. — На золотой трон я поместил скипетр и корону земной власти. Чтобы напомнить вам о возможности, которой ваше неповиновение лишило вас навсегда.

Я взглянул на них. Для меня они теперь не больше, чем бутафория. Но с затемненных сидений донесся вздох.

— Джеймс Киркхем, вы предали меня! Вы изменник! Мне остается объявить свой приговор.

Он снова помолчал. В храме наступила мертвая тишина. Она угнетала. Ее нарушил свистящий звук: палач когтями провел по своей плети. Сатана поднял руку, и этот звук стих.

— Но я склонен к милосердию. — Возможно, только я уловил злобный блеск алмазно-твердых глаз. — Три вещи человек ценит превыше всего. В конечном счете именно они и есть сам человек. Все они связаны друг с другом, но все различны. Это душа человека, его личность и его жизнь. Под душой я имею в виду ту невидимую и неизвестно где находящуюся сущность, которую так ценит религия, считая ее бессмертной, что может быть правдой, а может и не быть. Под личностью я имею в виду ego, мозг, который утверждает — я есть я, кладовая памяти, искатель новых впечатлений. Жизнь не нужно определять.

И вот, Джеймс Киркхем, я предлагаю вам выбор. На одну сторону поместим вашу душу, на другую — ваш мозг и вашу жизнь.

Вы можете присоединиться к моим едокам кефта. Выпейте его, и ваша жизнь и ваше ego в безопасности. Время от времени вы будете

счастливы, счастливы с такой интенсивностью, какую в обычных условиях вы никогда не испытаете. Но вы утратите вашу душу! Вы не почувствуете утраты — во всяком случае, не часто будете чувствовать. Скоро кефт станет вам более желанен, чем эта обычно такая беспокойная гостья — у вас внутри.

Он снова помолчал, разглядывая меня.

— Если вы не хотите выпить кефт, поднимитесь по ступеням, — продолжал он. — Если наступите на три моих следа, утратите жизнь, медленно, мучительно, от рук Санчала.

Если наступите на четыре счастливых следа, сохраните жизнь и душу. Но должны будете оставить мне ваше ego, то, что говорит «я есть я», все ваши воспоминания. Это не будет для вас ни опасно, ни болезненно. Я не пошлю вас к зеркалам. Сон — и нож, хитроумно перерезающий там и тут в вашем мозгу. Вы проснетесь новорожденным. Буквально, потому что у вас отнимут, отнимут навсегда, все ваши воспоминания. Как ребенок, вы пуститесь в новое путешествие по жизни. Но с жизнью — и ваша драгоценная душа не пострадает.

Я опять услышал шепот слева от себя, из темного амфитеатра. Сатана поднял руку, и все стихло.

— Таково мое решение! — провозгласил он. — Такова моя воля! Быть по сему!

— Я выбираю лестницу, — без колебаний сказал я.

— Ваш ангел-хранитель, — елейно ответил он, — несомненно, громко аплодирует вашему решению. Но вы помните, что у ангелов нет власти там, где действуют правила Сатаны? Я знал, что таков будет ваш выбор. А теперь, чтобы доказать вам, насколько безгранично мое милосердие, я предлагаю вам дорогу на свободу — да, с жизнью, мозгом и душой, все нетронутые!

Я смотрел на него, все чувства мои были напряжены. Я хорошо знал, что милосердия от Сатаны ждать нельзя. Знал и тайну ступеней, и от этого еще ясней становилась его дьявольская насмешка. Но какая еще адская выдумка ожидает меня? Скоро узнаю.

— Корни вины этого человека, — Сатана обратил свой взгляд к аудитории, — в чувствах. Он расценил благополучие другого выше моего. Да будет это уроком для всех вас. Я должен быть первым.

Но я справедлив. Других он мог спасти, себя — нет. Но может быть, кто-то спасет его. Он, возможно, расстанется с жизнью, потому что стал между мною и жизнями других.

Станет ли кто-то между мною и его жизнью?

Из тьмы храма донесся опять шепот, на этот раз более громкий.

— Подождите, — он поднял руку. — Вот что я имею в виду. Если кто-то из вас встанет, займет его место и наступит только на три следа, произойдет вот что. Если два сверкающих отпечатка счастливые, оба уйдут свободные и невредимые. И с богатой наградой.

Но если два отпечатка мои — оба умрут, и в тех самых муках, которые я обещал Джеймсу Киркхему.

Таково мое решение! Такова моя воля! Быть по сему!

А теперь, если такой человек найдется, пусть выйдет вперед.

Шум стал громче. По-видимому, Сатана заподозрил, что я не один. Это могло быть ловушкой для Баркера. Я не знал, насколько велика преданность маленького человека. Во всяком случае это было рассчитано на неосторожных. Я торопливо прошел вперед к основанию первой ступени.

— Я могу подняться и сам, Сатана, — сказал я. — Начинайте игру.

Бормотание усилилось.

Невозмутимость оставила Сатану.

Впервые видел я, как чувство преобразило маску его лица. Вначале это было абсолютное недоумение, затем гнев, поднявшийся будто из самого ада. Ясно, как будто лицо растаяло, увидел я прежде скрытого демона обнаженным. Я почувствовал, как кто-то тронул меня за руку.

Рядом со мной стояла Ева!

— Уходи! — яростно прошептал я. — Немедленно уходи!

— Поздно! — спокойно ответила она.

Она взглянула на Сатану и сказала:

— Я поднимусь вместо него, Сатана.

Сатана приподнялся с черного трона, сжав кулаки. Он взглянул на палача. Черный дьявол наклонился вперед, вращая петлей. Я стал перед Евой.

— Ваше слово, Сатана, — послышался незнакомый мне голос из амфитеатра. — Ваше решение!

Сатана посмотрел во тьму, стараясь определить говорившего. Он сделал знак палачу, и тот опустил петлю. Сатана вернулся на трон. Страшным усилием он усмирил дьявола, который на мгновение снял с него маску. Лицо его снова стало неподвижно. Но огонь в глазах он погасить не мог.

— Таково мое решение, — невыразительно произнес он, но голос его звучал сдавленно. — Быть по сему. Вы хотите, Ева Демерест, подняться по ступеням вместо него?

— Да, — ответила она.

— Почему?

— Потому что я люблю его, — спокойно сказала Ева.

Руки Сатаны под плащом дернулись. Тяжелые губы исказились. На огромном куполе его лысой головы появились капельки пота.

Неожиданно он протянул руку вперед и поднял рычаг; отпечатки сверкнули, будто их подожгли...

Но я не слышал жужжания скрытых зубцов!

Что это значит? Я взглянул на Сатану. Либо я ошибся, либо гнев,

овладевший им, не дал ему заметить тишину. Но рассуждать у меня не было времени.

— Ева Демерест, — раскатился все еще странно приглушенный голос, — вы поднимитесь по ступеням! И все будет в соответствии с моим решением. Но говорю вам — никто из тех, кто поднимался и проиграл, не умер такой смертью, какой умрете вы. Их смерть — рай по сравнению с тем, что предстоит испытать вам, если вы проиграете. И то же будет с вашим любовником.

Вначале вы увидите его смерть. Перед смертью он отвернется от вас с отвращением и ненавистью... он пожалеет, что знал вас. А затем я отдам вас Санчалу. Но не для убийства. Нет, нет! Когда он насытится вами, вас получат мои едоки кефта. Самые низкие из них. Потом вами снова будет обладать Санчал... и на этот раз с петлей, ножами, железом... для его развлечения... и для моего.

Он рванул ворот плаща, будто задыхался. Потом сделал знак двум рабам, стоявшим на нижней ступени. Он отдал им команду на незнакомом языке. Они подошли ко мне. Я напряг мышцы, собираясь сделать отчаянный бросок к этому яркоглазому дьяволу на черном троне.

Ева закрыла лицо руками.

— Джим, дорогой, — быстро прошептала она под этим укрытием, — не сопротивляйся. Баркер! Кое-что произойдет...

Рабы схватили меня. Я позволил им отвести меня к креслу, из которого я смотрел, как Картрайт шел навстречу своей судьбе. Меня усадили в него. Ручные и ножные зажимы щелкнули. Вуаль опустилась на лицо. Рабы отошли.

Снизу и сзади донесся шепот:

— Капитан! Зажимы не держат! В правой щели пистолет. Я тороплюсь. Когда увидите меня, хватайте пистолет и действуйте.

— Ева Демерест! — провозгласил Сатана. — Ступени ждут! Поднимайтесь!

Ева двинулась вперед. Не колеблясь, она поставила ногу на первый сияющий отпечаток.

На счастливой половине свисающего шара зажегся символ. Я услышал ропот, еще более громкий, из затененного амфитеатра. Сатана сидел неподвижно.

Она поднялась выше и наступила на следующую отметку детской ноги...

Я видел, как Сатана неожиданно наклонился вперед, глядя на шар, в его глазах было недоумение. Ропот из амфитеатра превратился в рев.

Второй символ зажегся на счастливом поле!

Она завоевала нашу свободу!

Но как это случилось? И что делает Ева?..

Она поднялась к третьему следу. И наступила на него.

Третий символ на шаре присоединился к первым двум!

Лицо Сатаны дергалось. Рев в задней части храма перешел в полное смятение. Сатана лихорадочно шарил руками под плащом.

А Ева продолжала подниматься. Подходя к каждому отпечатку, она наступала на него. И один за другим на счастливой половине шара появлялись сияющие символы.

Семь символов — и все на счастливой половине!

Ни одного — на половине Сатаны!

Шум оглушал. Сатана вскочил с черного трона. Стена за ним раскрылась. Оттуда выскочил Баркер с пистолетом в руке.

Он оказался рядом с Сатаной и нацелил пистолет ему в живот. Шум в храме затих, как будто на помещение опустился покров тишины.

— Руки вверх! — рявкнул маленький человек. — Вверх! Раз-два — и я размажу твои кишки по стене!

Сатана высоко поднял руки.

Я бросился вперед. Зажимы расстегнулись так стремительно, что я упал на колени. Просунув руку в щель, я нащупал ствол пистолета. Я схватил его — палач Санчал присел, готовый прыгнуть. Я выстрелил от пола и с точностью, которая доставила мне живейшую радость, прострелил Санчалу голову. Он упал и покатился по ступеням.

Рабы кефта стояли ошеломленные, в нерешительности, ожидая приказа.

— Одно движение этих ублюдков — и ты разлетишься на куски, — услышал я голос Гарри. — Быстро говори им!

И он яростно ткнул пистолетом Сатану в бок.

Сатана заговорил. Голос, доносившийся с его губ, был похож на звуки кошмара. До сих пор я не люблю вспоминать его. Команда была дана на незнакомом языке, и у меня тут же появилось подозрение, что в ней содержалось нечто большее, чем просто приказ оставаться на месте. Рабы опустили свои петли. И отошли к стенам.

Я одним прыжком поднялся по лестнице. Ева стояла рядом с Баркером. Она обошла трон Сатаны с одной стороны, я — с другой, и мы встретились.

Гул в амфитеатре снова усилился. В полутьме люди боролись друг с другом. Бежали по ступеням. По краям светового круга появилось множество фигур.

Вперед выступил Консардайн.

Лицо его было смертельно бледным. Глаза горели огнем, не уступавшим огню Сатаны. Руки он протянул вперед, пальцы были согнуты, как когти. Он шел вперед, как ходячая смерть. И глаза его не отрывались от Сатаны.

— Еще нет, — прошептал Баркер. — Остановите его, капитан.

— Консардайн! — позвал я. — Стойте!

Он не обращал внимания. Шел медленно, как во сне, и взгляд по-прежнему не отрывался от Сатаны.

— Консардайн! — резко крикнул я. — Остановитесь! Я застрелю вас! Я серьезно! Я не хочу вас убивать. Но еще шаг, и я вас застрелю. Клянусь Господом!

Он остановился.

— Вы... не убьете... его? Вы... оставите... его... для меня?

Голос Консардайна звучал тонко и высоко. Говорила сама смерть.

— Если сможем, — ответил я. — Но постарайтесь удержать остальных. Одно движение против нас, и Сатана умрет. И кое-кто из вас вместе с ним. Нам некогда отличать друзей от врагов.

Консардайн повернулся и что-то сказал. Все смолкли.

— Теперь, капитан, — резко сказал Баркер, — суньте ему револьвер и двигайте его сюда. Я собираюсь показать им.

Я прижал револьвер к телу Сатаны в районе нижних ребер и подтолкнул его к золотому трону. Сатана не сопротивлялся, шел спокойно, почти вяло. Он даже не взглянул на меня. Я смотрел на него, и смутное предчувствие становилось все сильнее. А Сатана смотрел на Консардайна. Лицо его снова стало неподвижным. Но дьявол, несмиренный, смотрел сквозь его глаза. Я подумал, что Сатана именно Консардайна считает архипредателем, который организовал всю западню. Что мы — орудия Консардайна.

Но почему такая покорность? Даже под угрозой пистолета я от него ожидал другого. И мне казалось, что, кроме смертельной угрозы, во взгляде его было какое-то презрение. Может, у него есть еще скрытый козырь? Беспокойство мое возрастало.

— Теперь смотрите, все вы. Я покажу, что эта подлая свинья делала с вами.

Говорил Баркер. Я не решился отвести взгляд от Сатаны, чтобы посмотреть, что он делает. Но в этом не было необходимости. Я знал.

— Обещал то и это, — продолжалась протяжная речь кокни. — Посылал вас в ад! А сам про себя все время смеялся над вами. Смеялся до смерти. А вы как куча доверчивых детей. Сейчас я вам покажу. Мисс Демерест, сойдите, пожалуйста, вниз, а потом поднимитесь снова.

Я увидел, как Ева спускается по ступеням.

— Секунду. — Она остановилась у основания. — Вот я сижу на троне. Поднимаю рычаг. Но после этого нажимаю вот здесь на сиденье. Вот так. Теперь, мисс Демерест, поднимайтесь.

Ева поднялась, наступая на каждый отпечаток.

Краем глаза я видел шар. На нем ничего не появилось. Ни одного символа ни на какой половине.

Ни звука от присутствующих. Ошеломленные, они ждали, что дальше.

— Никакой разницы, куда наступаешь, — продолжал Баркер. — Не

регистрируется. А почему? Когда я нажал на край трона, внизу, там, где механизм, выдвинулась маленькая пластинка. В то же самое время зубцы, которые своими прикосновениями заставляют вспыхивать сигналы, отодвинулись в другую сторону. Когда он хотел, все работало правильно. Механизм всегда был настроен верно, когда на троне никого не было. Но, садясь на свою проклятую черную табуретку, он прятал руки и отсоединял механизм. Целое стадо слонов могло пройти по лестнице, а шар даже не мигнул бы.

Шум поднялся заново; мужчины и женщины с криками и проклятиями устремились вперед.

— Назад! — крикнул я. — Держите их, Консардайн!

— Подождите! — завопил Баркер. — Подождите! Это еще не все, что эта свинья делала с вами!

Шум стих. Все снова смотрели на Баркера. Консардайн теперь стоял у начала лестницы. Лицо его, если это возможно, еще более побледнело. Глаза смотрели на Сатану из кругов, которые казались нарисованными. Он тяжело дышал. Надо бы Гарри поторопиться. Консардайн долго не сможет сдерживаться. А я не хотел стрелять в него.

Все это только отчасти занимало мое внимание. Я неожиданно понял, что Сатана прислушивается, прислушивается не к чему-то в храме, а к каким-то звукам издалека. Он хочет, изо всей своей нечестивой воли хочет, чтобы что-то произошло. И я заметил огонек торжества на его мраморном лице.

— Теперь я вам покажу, — слышался голос Баркера. — Здесь, на этом же краю, семь маленьких местечек. Резиновые, посажены в камень. Отсоединив контакты ступеней, он кладет пальцы на эти резиновые прокладки. Три из них соединены с контактами так, что сигнал появляется на его половине шара. Остальные четыре вызывают появление сигнала на вашей стороне. Когда вы наступаете на отпечаток, он нажимает кнопку, которая ему нужна. И появляется символ — тот, что ему нужен. Это не вы заставляете появляться сигналы. Он!

— Минутку! Еще одну минутку! — Баркер явно наслаждался. — Сейчас я сяду в кресло и покажу вам. Покажу, каких дураков он из вас делал.

— Джим! — В голосе Евы звучала тревога. — Джим! Я только что заметила. Вдоль той стены стояли семь рабов. Теперь их только шесть. Один из них выскользнул!

В то же мгновение я понял, чего ждет Сатана. Я был прав, когда почувствовал в его приказе рабам что-то большее, чем просто команду не двигаться. Он приказал им при первой же возможности выбраться и поднять тревогу.

Спустить на непокорных толпу своих бездушных, безжалостных дьяволов, для которых Сатана был богом — он и только он открывал им двери рая!

Воспользовавшись тем, что все мы следили за разоблачением Сатаны, один из рабов улучил момент. Он сбежал — давно ли?

Все эти мысли пронеслись в моей голове за долю секунды.

В то же мгновение ад, который готовился в храме уже давно, разверзся.

Без предупреждения, быстро, как нападающая змея, рука Сатаны ударила вниз. Он схватил меня за руку. Мой пистолет полетел в сторону, выстрелив в полете. Я слышал крик Евы, резкий возглас Баркера.

Я увидел, как Консардайн бросился вверх по лестнице прямо к Сатане. Неожиданно весь храм залил яркий свет. Я увидел короткий миг ада, будто остановленный мгновенной выдержкой фотоаппарата. Те, кто следовал за Консардайном, и те, кто оставался верен Сатане, боролись друг с другом.

Руки Сатаны приготовились схватить меня, поднять и швырнуть навстречу Консардайну. Но я еще быстрее упал, изогнулся и всем весом ударил Сатану по ногам.

Он пошатнулся. Нога его скользнула по краю помоста. Он сделал шаг-другой вниз, пытаясь сохранить равновесие.

Консардайн добрался до него.

Он схватил Сатану за горло. Могучие руки Сатаны обхватили противника. Они оба упали. И, сцепившись, покатились вниз по ступенькам.

Послышался вой, похожий на вой волчьей стаи. Со всех сторон храма распахнулись панели. Из них устремились толпы рабов кефта.

— Быстрей, капитан!

Баркер развернул меня. И показал на золотой трон.

— За ним! — выдохнул он и побежал.

Я схватил Еву за руку, и мы побежали за Баркером. Он уже опустился на колени, лихорадочно делая что-то у стены. Что-то щелкнуло, и часть стены отошла. Я увидел отверстие, за которым начиналась узкая лестница.

— Идите вперед! — сказал Баркер. — Быстрее!

Ева скользнула в отверстие. Проходя за ней, я сквозь ножки трона в последний раз увидел храм. Он превратился в арену смерти. Сверкали ножи рабов. Кричали люди. Повсюду шла схватка. Консардайна и Сатану я не видел. К нам по лестницам бежала толпа рабов...

Баркер втолкнул меня в углубление. И спрыгнул за мной, приземлившись почти мне на голову. Стена закрылась.

— Быстрей, — выдохнул Баркер. — Боже! Теперь он до нас доберется!

Ступеньки вели в пустую маленькую каменную комнату. Над головами слышался шум борьбы. Ноги дерущихся стучали по потолку, как барабаны.

— Следите за лестницей. Где ваш пистолет? Вот, возьмите, мой, — Баркер сунул пистолет мне в руку.

Он повернулся к стене и стал изучать ее. Я подбежал к тому месту, где в комнате оканчивалась лестница. И слышал, как вверху пытались открыть стену.

— Готово! — воскликнул Баркер. — Быстрей!

Одна из плит стены отодвинулась. Мы прошли внутрь. Она закрылась за нами. Я ничего не видел во тьме.

Мы стояли в одном из длинных, тускло освещенных коридоров, которые, как улей, пронизывали весь дом Сатаны.

Сверху ясно продолжали доноситься звуки борьбы.

Потом пять быстрых резких взрывов.

И неожиданно, как по команде, шум стих.

Глава двадцатая

Внезапно наступившая тишина, мягко говоря, обескураживала. Пять резких звуков напоминали выстрелы из ружья. Но кто стрелял, и как можно пятью пулями кончить такую схватку?

— Они затихли. Что это значит? — прошептала Ева.

— Кто-то победил, — сказал я.

— Сатана — ты думаешь, Сатана? — выдохнула она.

Я не знал, кто победил в схватке — Сатана или Консардайн. Конечно, я отчаянно надеялся, что Консардайн убил Сатану. Но так или иначе, перевес в схватке, по моему мнению, должен быть за рабами кефта. Они вооружены ножами, и они ни о чем не задумываются. Если Консардайн убил Сатану, рабы, вне всякого сомнения, послали его вслед. Но я не сказал Еве этого.

— Выиграл Сатана или проиграл, власть его кончилась, — сказал я. — Бояться его больше нечего.

— Конечно, если мы выберемся из этой проклятой дыры неиспуганными, — мрачно заметил Гарри. — Откровенно говоря, я бы предпочел слышать звуки большого праздника оттуда, сверху.

— Что с вами? — спросил я.

— А праздник бы их отвлек, — ответил он, и при этом искоса взглянул на Еву. — Но тут... как бы сказать...

— Будьте добры, не считайте меня слабой женщиной, Баркер, — ядовито заметила Ева. — Не стоит щадить моих чувств. Что вы хотите сказать?

— Ну, ладно. Скажу вам прямо. Я понятия не имею, где мы.

Я свистнул.

— Но дорогу сюда вы знали?

— Нет, — ответил он, — не знал. Я действовал наудачу, капитан.

Я знал о проходе за троном и о комнате внизу. В ней он прячет золотой трон. Даже однажды заглянул в нее сверху. Я решил, что оттуда должен быть выход. Мне повезло, что я его нашел. Но как выйти отсюда — не знаю.

— Может, лучше двигаться куда угодно? — предложила Ева.

— Конечно, — согласился я. — У нас только один пистолет. В любую минуту могут появиться рабы.

— Предлагаю идти направо, — сказал Гарри. — Мы где-то вблизи от личных помещений Сатаны. Это я знаю. Оставьте пистолет у себя, капитан.

Мы осторожно пошли вдоль коридора. Баркер осматривал стены, качал головой и что-то бормотал. Что-то продолжало удивлять меня с той самой минуты, как Ева вышла из темного амфитеатра и встала рядом со мной у лестницы. Можно попробовать выяснить и сейчас.

— Гарри, — спросил я, — как вы сделали, что отпечатки появлялись только на одной половине шара? Что помешало Сатане, как обычно, манипулировать с черного трона? Он очень старался. Вы пробрались обратно в храм после нашего ухода?

— Я это сделал до того, как мы ушли, капитан, — он улыбнулся. — Вы ведь заметили, как я рылся в механизме?

— Я думал, вы его настраиваете.

— Я так и делал, — он улыбнулся еще шире. — Устанавливал так, чтобы все следы отражались на счастливой половине поля. Так, чтобы приспособление в его троне не действовало. Я думал, может, следующая встреча в храме будет с вами. Боялся только, что он заметит отсутствие шума. Слава Богу, не заметил. Слишком вышел из себя.

— Гарри, — я взял маленького человека за плечи, — вы сполна отплатили мне за то, что я для вас сделал.

— Ну, ну, подождите, пока выберемся...

Он смолк.

— Что это? — прошептал он.

Послышался взрыв еще громче тех, что были в храме. И он был ближе к нам. Пол коридора дрогнул. Затем послышался еще один взрыв.

— Бомбы! — воскликнул Баркер.

Третий взрыв — еще ближе.

— Черт возьми! Пора убираться отсюда! — Баркер принялся обнюхивать стены, как терьер. Неожиданно он хмыкнул и остановился.

— Нашел что-то, — сказал он. — Теперь тише. Стойте за мной, я взгляну.

Он нажал на стену. Отошла панель, открыв один из маленьких лифтов. Он облегченно перевел дыхание. Мы втиснулись в лифт.

— Вниз или вверх? — Он закрыл панель за нами.

— А вы как считаете?

— Ну, храм на уровне земли. Мы как раз под ним. Если пойдем вниз, окажемся где-то возле загонов рабов. Если вверх — нужно миновать храм. Если сможем миновать его не останавливаясь, там вряд ли будет больше рабов, чем здесь, капитан.

— Вверх, — решительно сказала Ева.

— Значит, вверх, — повторил я.

Лифт медленно начал подниматься. Послышался еще один взрыв, громче предыдущих. Стены лифта задрожали. Где-то падала штукатурка.

— Все ближе и ближе, — сказала Ева.

— Если проберемся в комнаты Сатаны, поищем его личный тунель, — Баркер остановил лифт. — Он где-то поблизости. Это наш лучший шанс, капитан. Если повезет, будем в безопасности на берегу.

— Готов поклясться, что сейчас уже все в доме знают, что происходит, и пытаются выбраться. Мы могли бы уйти на катере.

— Пахнет гарью, — сказала Ева.

— Еще как, — Баркер послал лифт вверх на максимальной скорости.

Перед нами в стене появилась щель. Оттуда вырвалось облако дыма.

Неожиданно Баркер остановил лифт. Он осторожно отодвинул панель. Выглянул, затем кивнул нам. Мы вышли в маленькую комнату, отделанную тусклым черным камнем. С одной стороны бронзовая дверь. Очевидно, прихожая. Но куда она ведет?

Стоя в ней и не решаясь двинуться дальше, мы услышали еще два взрыва, один сразу вслед за другим. Казалось, они произошли на том же этаже. Снизу донесся треск, как от падающей стены. Лифт, из которого мы только что вышли, полетел с грохотом вниз. Из открытой панели повалил густой дым.

— Боже! Все проклятое место в огне! — Баркер захлопнул панель и, побледнев, посмотрел на нас.

И неожиданно я подумал о Кобхеме.

Кобхем, с его джентльменскими бомбами, которые должны были развороторить днище «Астарты». Сатана сказал, что Кобхем скрывается вблизи лаборатории. Во время нападения рабов на храм он мог воспользоваться возможностью и сбежать. Путь ему был открыт, он пошел прямо в лабораторию и теперь в безумной мстительности разбрасывает приготовленные бомбы.

Я тронул бронзовую дверь. Она не заперта. Держа пистолет наготове, я медленно открыл ее.

Мы были в одном конце той удивительной анфилады, той сокровищницы красоты, которую Сатана создал для себя. То волшебное место, которое произвело на меня такое впечатление, что я ушел оттуда,

раздумывая, не отказаться ли от Евы и не отдать ли себя полностью в руки Сатаны. В тихой комнате стоял дым. Он затянул гобелены, бесценные картины, резьбу из дерева и камня. Мы пересекли эту комнату и заглянули в следующую, гораздо большую.

Из-за дыма, совсем близко, послышался еще один взрыв.

Сквозь дым, спотыкаясь, шел Сатана!

При виде его мы втроем прижались друг к другу. Во рту у меня пересохло, и я почувствовал, как пот смочил корни волос. Это не было страхом. Нечто большее, чем страх.

Потому что Сатана, спотыкавшийся нам навстречу, был слеп!

Глаза его больше не были голубыми, алмазно-твердыми и алмазно-яркими. Тусклые и серые, они напоминали неполированные агаты. Мертвые глаза. Как будто пламя выжгло их. Вокруг них и на них была красная краска, как маска.

Сатана был без плаща. На его распухшей шее виднелись следы пальцев. Пальцы Консардайна.

Одна его рука свисала. Другой он прижимал к груди маленькую статуэтку слоновой кости — Эрота. Из всех прекрасных вещей, ради которых он строил свои планы, грабил и убивал, эта статуэтка, я думаю, была любимой; вещь, в которой он находил чистейший, совершеннейший дух красоты, которую, как бы ни был низок Сатана, он хорошо знал и которой поклонялся.

Он спотыкался, поворачивая голову из стороны в сторону, как слепой зверь. Слезы непрерывно текли из невидящих глаз и блестели на щеках.

Сквозь завесу дыма следом за ним крался Кобхем.

Через его левое плечо висела сумка. Ее распирало изнутри; Кобхем сунул в нее руку и вытащил круглый предмет, размером с апельсин, отсвечивающий тусклым металлическим блеском.

Кобхем смеялся так же непрерывно, как Сатана плакал.

Кобхем остановился.

— Сатана! — позвал он. — Остановись! Пора отдохнуть, дорогой хозяин.

Спотыкающаяся фигура продолжала двигаться; насмешка в голосе Кобхема исчезла, он стал угрожающим.

— Стой, собака! Стой, когда я приказываю! Хочешь получить бомбу за пазуху?

Сатана остановился, дрожа, крепче сжимая статуэтку.

— Повернись, Сатана, — насмехался Кобхем. — Неужели, хозяин, ты откажешь мне в свете твоих глаз?

И Сатана повернулся.

Кобхем увидел нас.

Рука с бомбой взлетела вверх.

— Уолтер! — крикнула Ева и заслонила меня, расставив руки. — Уолтер! Не нужно!

Я не пытался стрелять. Честно говоря, я даже не подумал об этом. Меня еще не оставило оцепенение, которое охватило при виде Сатаны. Быстрая реакция Евы спасла нас вернее пули.

Кобхем опустил руку. Сатана не оборачивался. Я сомневаюсь, что он слышал. Он не чувствовал ничего, кроме своей боли и голоса мучителя, да и ему, подумал я, он повиновался только, чтобы спасти от уничтожения статуэтку.

— Ева! — Безумие отчасти спало с лица Кобхема. — Кто с вами? Подойдите ближе.

Мы придвинулись к нему.

— Киркхем? И Маленький Гарри. Стойте на месте. Поднимите руки — оба. Я вам обязан, Киркхем. Но я вам не верю. Ева, куда вы идете?

— Мы пытаемся убежать, Уолтер, — мягко сказала она. — Идемте с нами.

— Идти с вами? С вами! — Безумие вновь охватывало его. — Не могу. Здесь только часть меня. Остальное в комнате, полной зеркал. Часть меня в каждом зеркале. Я не могу уйти без них.

Он помолчал, очевидно, размышляя. Дым становился гуще. Сатана стоял неподвижно.

— Разделенная личность, — сказал Кобхем. — Сатана это сделал. Но он продержал меня там недостаточно долго. Я убежал. Если бы остался там немного дольше, весь ушел бы в зеркала. В них, и сквозь них, и прочь. А так, — продолжал Кобхем с ужасающей безличной серьезностью, — эксперимент остался незавершенным. Но я не могу уйти и оставить эти кусочки себя. Понимаете, Ева?

— Осторожно, Ева. Не возражай ему, — прошептал я.

Он услышал.

— Заткнитесь, Киркхем. Я разговариваю с Евой, — злобно сказал он.

— Мы можем вам помочь, Уолтер, — спокойно сказала Ева. — Идемте с нами...

— Я пошел в храм, — прервал он, говоря совершенно спокойно, его пораженный мозг перешел на другую тему, — и взял с собой свои бомбы. Бросил несколько. Я использовал сонный газ. Консардайн лежал у основания лестницы. Спина его была сломана. Сатана как раз поднимался с него. Он закрыл рот и нос и побежал. Несколько брызг моего средства в глаза, я его прихватил с собой. Вот и все. Он пошел сюда, как крыса в нору. Он слеп теперь...

Настроение его изменилось. Он громко, безумно расхохотался.

— Идти с вами? Оставить его? После всего, что он мне сделал? Нет, нет, Ева. Нет — ради всех ангелов на небе. Мы еще погуляем,

Сатана и я. И пойдем вместе. И все маленькие куски меня в его проклятых зеркалах пойдут с нами. Долгое, долгое путешествие. Но я сделал так, чтобы начало было быстрым!

— Кобхем, — сказал я, — я хочу спасти Еву. Туннель на берег. Как его найти? Или путь туда закрыт?

— Я велел вам заткнуться, Киркхем, — огрызнулся он. — Все привыкли повиноваться Сатане. Теперь Сатана повинуется мне. Все теперь повинуются мне. Вы ослушались. Подойдите к стене, Киркхем.

Я подошел к стене. Делать было нечего.

— Хотите знать, как пройти в туннель? — спросил он, когда я дошел до стены и повернулся. — Идите в прихожую. Через правую стену — слушайте меня, Гарри, — он бросил на меня злобный взгляд. — Шестая панель слева по коридору. Оттуда в другой коридор. По пандусу вниз до конца. Оттуда через последнюю панель направо. Там начинается туннель. Все с этим. А теперь, Киркхем, посмотрим, пойдете ли вы с ними. Ловите. — Он поднял руку и бросил в меня бомбу.

Казалось, она летит так медленно. У меня хватило времени подумать, что будет со мной, если я ее не поймаю, или уроню, или поймаю слишком резко. Мне везло. Ничего подобного я не сделал.

— Хорошо, вы идете, — улыбнулся Кобхем. — Держите на случай встречи с рабами. Я думаю, храм я от них очистил. Газовые бомбы, Киркхем, газовые бомбы. Все они там спят и во сне пируют.

И он опять захохотал.

— Убирайтесь! — неожиданно рявкнул он.

Мы прошли обратно в прихожую. Глядеть в лицо друг другу мы не смели. Выходя, я оглянулся. Кобхем смотрел нам вслед.

Сатана не пошевелился.

Мы прошли в дверь и закрыли ее.

До прихожей мы шли как могли быстро. Она была полна дымом и походила на печь. Первый коридор тоже оказался задымленным. Второй — значительно чище. Когда мы дошли до его конца, Баркер не сразу справился с панелью. В конце концов она открылась как дверь.

Перед нами был не вход в туннель, как я ожидал, а пустая каменная комната примерно в двадцать квадратных футов. Против нас находилась тяжелая стальная дверь за решеткой. По обе стороны двери стояли едоки кефта. Мощные мужчины, вооруженные петлями и ножами. Вдобавок у них были карабины — первое огнестрельное оружие, которое я видел у рабов.

Бомба Кобхема была у меня в кармане. В первое мгновение я думал использовать ее. Здравый смысл подсказал мне, что крыша может обрушиться на нас, и уж во всяком случае вход в туннель будет завален. Я опустил руку на рукоять пистолета. Рабы держали нас под прицелом своих ружей. Не стреляли они, я думаю, только потому, что узнали Баркера.

— Привет! Привет! Что это с вами? — Баркер сделал к ним шаг.

— Что вы здесь делаете? — спросил один из рабов, и из-за его слабого акцента я подумал, что он был русским до того, как стал... тем, чем стал.

— Приказ Сатаны, — резко сказал Гарри и указал на ружья. — Опустите их.

Раб, который спрашивал, что-то сказал другому на незнакомом языке, которым пользовался Сатана. Тот кивнул. Они опустили карабины, но держали их наготове.

— Пропуск? — спросил раб.

— Он у вас, капитан, — Баркер быстро повернул ко мне голову, потом снова к рабам. — Нет, не у вас. У меня...

Я догадался по его глазам, что он хотел сказать. Рука моя лежала на рукояти. Я с бедра выстрелил во второго раба. Тот схватился за грудь и упал.

В то же мгновение Баркер бросился в ноги первого раба. Тот упал. Прежде чем он мог встать, я прострелил ему голову.

У меня не было угрызений совести по поводу этого убийства. Едоки кефта никогда не казались мне людьми. Во время войны я по гораздо меньшим поводам убивал куда лучших людей. Баркер обыскал упавшего раба. Он встал со связкой ключей и подбежал к двери. Менее чем через минуту он отвел прутья решетки и открыл дверь. Перед нами лежал туннель, длинный, выложенный камнем и тускло освещенный.

— Нужно торопиться, — сказал Баркер, закрывая за нами тяжелую дверь. — Мне не нравится то, что он сказал о быстром начале путешествия. Я думаю, он собирается взорвать лабораторию. А там достаточно взрывчатки, чтобы взорвать весь ад.

Мы побежали по туннелю. Примерно через тысячу футов нам встретилась еще одна стена. Она закрывала путь, превращая туннель в тупик.

Баркер лихорадочно ощупывал ее дюйм за дюймом немеющими пальцами. Неожиданно стена скользнула в сторону, как на катках. Мы прошли в отверстие и побежали дальше.

Свет мигнул и погас. Мы остановились в полной темноте. Земля задрожала под ногами. Затем послышался глухой звук, похожий на голос проснувшегося вулкана. Я обнял Еву. Пол туннеля раскачивался. Слышался грохот падающих камней.

— Боже! Сатана уходит! — голос Баркера звучал истерически резко.

Да, это так. Сатана — ушел. И Кобхем тоже. И все остальные, живые и мертвые, в замке — они тоже ушли. И все сокровища Сатаны, вся красота, которую он собирал, — все ушло. Сожжено и разбито в ужасном взрыве. Неповторимые сокровища, прекрасные предметы, без

которых мир всегда будет беднее, — уничтожены навсегда. Стерты с лица земли!

Я ощутил болезненную пустоту. Как будто сами кости стали пустыми. Я чувствовал сожаление и ужас, словно присутствовал при огромном жертвоприношении.

Ева обхватила меня за шею. Я слышал ее рыдания. Отбросив расслабляющие мысли, я крепко прижал ее к себе, утешая.

Камни перестали падать. Мы двинулись дальше, выбирая путь среди камней при свете фонаря Баркера. Туннель был сильно поврежден. Если я и молился, то о том, чтобы нам не завалило выход. В таком случае мы умрем, как крысы.

Но повреждения уменьшались по мере того, как мы удалялись от взрыва, хотя время от времени мы продолжали слышать звуки падения камней сзади. Наконец мы пришли к грубо обработанной скале, которая закрывала туннель и должна была служить его концом.

Тут Баркер трудился долго, и я с ним, и оба изо всех сил, прежде чем нашли способ открыть ее. Наконец, когда фонарик уже почти не светил, скала опустилась. Мы вдохнули холодный свежий воздух. Поблизости слышался шелест волн. Еще минута, и мы стояли на скале, на которой я видел Сатану, глядящего на волны залива.

Мы увидели огни «Херувима». Яхта ближе подошла к берегу. Ее прожектор осветил пристань, затем дорогу, ведущую к большому дому.

Мы спустились со скалы и по берегу направились к причалу.

Справа от нас небо светилось, пульсируя. Силуэты деревьев выделялись на фоне огня, как на японской гравюре.

Погребальный костер Сатаны.

Мы добрались до причала. Прожектор осветил нас. Мы смело шли вперед. Баркер сел в лодку, стоявшую у причала. На яхте, по-видимому, решили, что мы направляемся к ним. Они продолжали освещать нас прожектором.

Мотор лодки заработал. Я помог Еве спуститься в нее, потом прыгнул следом. Баркер запустил мотор на первую скорость, а потом и на полную. Лодка рванулась вперед.

Луны не было. На воде туман. Огонь погребального костра Сатаны бросал зловещий отсвет на медленные волны.

Баркер направился к яхте. Неожиданно он резко свернул влево и прочь от «Херувима». Мы услышали крики с палубы. Туман сгустился. Луч прожектора скоро исчез из вида. Он потерял нас и повернул опять к причалу.

Баркер направил лодку к берегу Коннектикута. Он передал мне руль, а сам занялся мотором. Ева прижалась ко мне. Я обхватил ее рукой и привлек еще ближе. Ее голова опустилась мне на плечо.

Мысли мои вернулись к горящему замку. Что там произошло? Может быть, звук взрыва и огонь привлекли зрителей, добровольцев-ю-

жарных из соседних деревень, полицию? Вряд ли. Место такое уединенное, к нему так трудно добраться. Но завтра, конечно, придут. Что обнаружат? Как воспримут найденное? И сколько человек спаслось?

А те, кто остался в доме Сатаны? Те, кто погиб от рук рабов и от бомб Кобхема? Среди них были люди, занимавшие высокое положение. Как скажется их исчезновение? Газеты долго будут этим заниматься.

И Сатана! В конечном счете — шулер. Преданный в конце концов им же крапленой картой. Если бы он играл свою игру в семь отпечатков честно, он был бы непобедим. Но он не захотел, власть его основывалась на лжи. А власть не может быть крепче, чем то, на чем она основана.

Ложь Сатаны предала его.

Шулер — да, но и много, много больше...

Будет ли нас преследовать месть, хотя он и погиб?

Что ж, придется рискнуть.

Я отбросил печальные мысли и решительно повернул от прошлого к будущему.

— Ева, — прошептал я, — все, что я имею, это те шестьдесят шесть долларов и девяносто пять центов, которые у меня были, когда я впервые тебя встретил.

— Ну и что? — спросила Ева, удобнее устраиваясь у меня в руках.

— Не хватит для медового месяца, — сказал я. — Конечно, есть десять тысяч, что я получил за дело в музее. Я не могу их взять. Придется передать музею. От «анонимного донатора».

— Конечно, — равнодушно сказала Ева. — О, Джим, дорогой, как хорошо быть свободной!

Баркер продвинулся вперед и взял у меня руль. Я обнял Еву обеими руками. Далеко впереди светились огни какого-то коннектикутского города. Они пробуждали болезненные воспоминания. Я вздохнул.

— Все сокровища — погибли! — Я застонал. — Почему мне не хватило ума схватить корону или скипетр с золотого трона? У меня была возможность.

— Вот корона, капитан, — сказал Баркер.

Он сунул руку в карман. Вытащил корону и положил Еве на колени. Драгоценности сверкнули. Мы смотрели на них, потом на Баркера, потом снова на них — не веря своим глазам.

— Корона погнулась немного, — весело продолжал Баркер. — Пришлось согнуть, чтобы сунуть в карман. Взял и скипетр, но он выскользнул. А подобрать времени не было. Впрочем, подобрал несколько других красивых вещиц.

И он высыпал две пригоршни колец, ожерелий и необработанных жемчужин на корону. Мы смотрели, лишившись речи.

— Разделите пополам, если вы с мисс Евой остаетесь вместе, — сказал Гарри. — Надеюсь, они не поддельные.

— Гарри! — прошептала Ева, почти не дыша. Она наклонилась и поцеловала его.

Он замигал и отвернулся к рулю.

— Вспомнил о Мэгги! — печально прошептал он.

Я почувствовал что-то круглое и твердое в кармане. Бомба Кобхема! С легким покалыванием под корнями волос я осторожно опустил ее в воду.

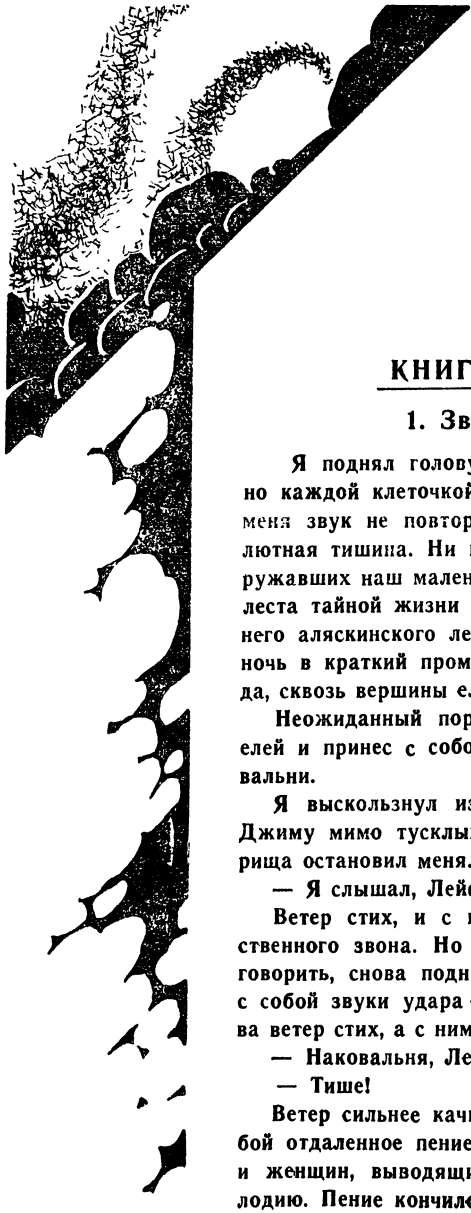
Огни берега приближались. Я собрал драгоценности с колен Евы и сунул их Баркеру в карман.

Потом прижал Еву и повернул ее лицом к себе.

— Совсем как мы с Мэгги! — хрипло прошептал Гарри.

Я прижал губы к ее губам. Жизнь показалась такой сладкой.

Но губы Евы слаще.



КНИГА КАЛКРУ

1. Звуки в ночи

Я поднял голову, прислушиваясь не ушами, но каждой клеточкой кожи, однако разбудивший меня звук не повторялся. Стояла тишина, абсолютная тишина. Ни шороха в зарослях елей, окружавших наш маленький лагерь. Ни единого шелеста тайной жизни в подлеске. В сумерках раннего аляскинского лета, так и не переходящих в ночь в краткий промежуток от заката до восхода, сквозь вершины елей слабо светили звезды.

Неожиданный порыв ветра пригнул вершины елей и принес с собой тот же звук — звон наковальни.

Я выскользнул из-под одеяла и бросился к Джиму мимо тусклых углей костра. Голос товарища остановил меня.

— Я слышал, Лейф.

Ветер стих, и с ним стихли отголоски таинственного звона. Но прежде чем мы смогли заговорить, снова поднялся ветер. И опять принес с собой звуки удара — слабые и далекие. И снова ветер стих, а с ним — и звуки.

— Наковальня, Лейф!

— Тише!

Ветер сильнее качнул вершины и принес с собой отдаленное пение; голоса множества мужчин и женщин, выводящих странную печальную мелодию. Пение кончилось воющим хором, древним, нестройным.

Раскат барабанной дроби поднялся крещендо и неожиданно оборвался. После этого — сумятица тонких высоких звуков.

Они были заглушены низким сдержанным громом, как во время грозы. Приглушенный расстоянием, он звучал вызывающе, непокорно.

Мы ждали, прислушиваясь. Деревья застыли. Ветер не возвращался.

— Странные звуки, Джим. — Я старался говорить обычным тоном.

Он сел. Огонь высветил на фоне тьмы его лицо, худое, смуглое, с орлиным профилем. Он не смотрел на меня.

— Все мои предки за последние двадцать столетий проснулись, украшенные перьями, и взывают! Лучше зови меня Тсантаву, Лейф. Тси тсалаги — я чероки! Сейчас я — индеец!

Он улыбнулся, но по-прежнему не смотрел на меня, и я был рад этому.

— Наковальня, — сказал я. — Очень большая наковальня. И сотня поющих... как же это возможно в такой дикой местности... и не похоже, что это индейцы...

— Барабаны не индейские. — Джим все еще глядел на огонь. — И когда они звучат, у меня по коже будто ледышки звенят.

— Меня они тоже проняли, эти барабаны! — Я думал, что голос мой звучит ровно, но Джим пристально взглянул на меня; и теперь я отвел взгляд и посмотрел в огонь. — Они напомнили мне кое-что слышанное... а может, и виденное... в Монголии. И пение тоже. Черт возьми, Джим, почему ты на меня так смотришь?

Я бросил палку в костер. И не мог удержаться, чтобы при вспыхнувшем пламени не осмотреть окружающие тени. Потом прямо взглянул в глаза Джиму.

— Плохое было место, Лейф? — негромко спросил он.

Я ничего не ответил. Джим встал и направился к нашим мешкам. Он вернулся с водой и залил костер. Потом набросал земли на шипящие угли. Если он и заметил, как я сморщился, когда тени сомкнулись вокруг нас, то не показал этого.

— Ветер с севера, — сказал он. — Значит, и звуки оттуда. И то, что издает эти звуки, там. Так куда же мы направимся завтра?

— На север, — сказал я.

При этом горло у меня пересохло.

Джим рассмеялся. Он опустился на одеяло и закутался в него. Я прислонился к стволу ели и сидел, глядя на север.

— Предки разговорились, Лейф. Они обещают нам неприятности — если мы пойдем на север... «Плохой знак! — говорят предки. — Плохой знак для тебя, Тсантаву! Ты направляешься в Усунхиу, в Землю Тьмы, Тсантаву!.. В Тсусгинай, землю призраков! Берегись! Не ходи на север, Тсантаву!»

— Ложись спать, краснокожий лунатик!

— Ладно, мое дело предупредить. Я слышал голоса предков, пророчествующих войну; а эти говорят о чем-то похуже, чем война, Лейф.

— Черт побери, заткнешься ты или нет?

Из темноты донесся смешок, и все погрузилось в молчание.

Я снова прислонился к стволу дерева. Звуки, вернее, те печальные воспоминания, которые они возродили, потрясли меня больше, чем я хотел бы признаться даже самому себе. Вещь, которую я больше двух лет носил в кожаном мешочке на груди, казалось, шевельнулась, стала холодной. Интересно, о многом ли догадался Джим из того, что я пытался скрыть...

Зачем он загасил огонь? Понял, что я боюсь? И захотел, чтобы я встретил страх лицом к лицу и победил его?.. Или подействовал индейский инстинкт — опасность лучше встречать в темноте?.. По его собственному признанию, звуки подействовали ему на нервы, как и мне...

Я испугался! Конечно, от страха взмокли ладони, пересохло в горле и сердце забилось в груди, как барабан.

Как барабан... да!

Но... не как те барабаны, звуки которых принес нам северный ветер... Те, другие, напоминали топот ног мужчин и женщин, юношей и девушек, детей, бегущих все быстрее по пустому миру, чтобы нырнуть... в ничто... раствориться в пустоте... исчезнуть, падая... растворяясь...

Как проклятый барабанный бой, который я слышал в тайном храме гобийского оазиса два года назад!

Ни тогда, ни теперь это не был просто страх. Конечно, по правде говоря, — и страх, но смешанный с негодованием... с сопротивлением жизни ее отрицанию... вздымающийся, ревущий, жизненный гнев... яростная борьба тонущего с душащей его водой, гнев пламени против нависшего над ним водопада...

Боже! Неужели все так безнадежно? Если то, что я подозреваю, правда, думать так с самого начала — значит обречь себя на поражение.

Со мной Джим. Как сохранить его, удержать в стороне?

В глубине души я никогда не смеялся над подсознательными предчувствиями, которые он называет голосом своих предков. И когда он заговорил об Усунхиу, Земле Тьмы, холодок пополз у меня по спине. Разве не говорил старый уйгурский жрец о Земле Теней? Я как будто слышал эхо его голоса.

Я посмотрел туда, где лежал Джим. Он мне ближе моих собственных братьев. Я усмехнулся: братья никогда не были близки мне. В старом доме, в котором я родился, я был чужим для всех, кроме моей ма-

тери, норвежки с добрым голосом и высокой грудью. Младший сын, пришедший нежеланным, подмененный ребенок. Не моя вина, что я явился на свет как неожиданное напоминание о светловолосых, синеглазых мускулистых викингах, ее далеких предках. Я вовсе не был похож на Ленгдонов. Мужчины из рода Ленгдонов все смуглые, стройные, с тонкими чертами лица, мрачные и угрюмые, будто многие поколения их сходили с одного и того же конвейера. С многочисленных семейных портретов они смотрели на меня свысока, как на подкинутого эльфами, смотрели с высокомерной враждебностью. И точно так же смотрели на меня отец и четверо моих братьев, истинные Ленгдоны, когда я неуклюже усаживался за стол.

Я был несчастлив в своем доме, но мама все свое сердце отдала мне. Я много раз гадал, что же заставило ее отдаться этому смуглому эгоистичному человеку, моему отцу. Ведь в ее жилах струилась кровь морских бродяг. Именно она назвала меня Лейфом — такое же неподходящее имя для отпрыска Ленгдонов, как и моя внешность.

Джим и я в один и тот же день поступили в Дартмут. Я помню, каким он был тогда, — высокий коричневый парень с орлиным лицом и непроницаемыми черными глазами, чистокровный чероки из племени, происходящего от великой Секвойи, племени, которое много столетий порождало мудрых советников и мужественных воинов.

В списке колледжа он значился как Джеймс Т. Иглз, но в памяти чероки он был Два Орла, а мать звала его Тсантаву. С самого начала мы ощутили странное духовное родство. По древнему обряду его народа мы стали кровными братьями, и он дал мне тайное имя, известное только нам двоим. Он назвал меня Дегатага — «стоящий так близко, что двое становятся одним».

Мой единственный дар, кроме физической силы, — необычная способность к языкам. Вскоре я говорил на чероки, будто был рожден в этом племени. Годы в колледже были самыми счастливыми в моей жизни. Потом Америка вступила в войну. Мы вместе оставили Дартмут, побывали в тренировочном лагере и на одном транспорте отплыли во Францию.

И вот, сидя под медленно светлеющим аляскинским небом, я вспоминал прошлое... смерть моей матери в день перемирия... мое возвращение в Нью-Йорк, в откровенно враждебный дом... жизнь в племени Джима... окончание горного факультета... мои путешествия по Азии... второе возвращение в Америку и поиски Джима... и эта наша экспедиция на Аляску, скорее из чувства дружбы и любви к диким местам, чем в поисках золота, за которым мы якобы отправились.

Много времени прошло после войны... и лучшими все же были два последних месяца. Мы вышли из Нома по холмистой тундре, прошли до Койукука, а оттуда к этому маленькому лагерю где-то между вер-

ховьями Койукука и Чаландара у подножия неисследованного хребта Эндикотта.

Долгий путь... и у меня было такое чувство, будто только здесь и начинается моя жизнь.

* * *

Сквозь ветви пробился луч восходящего солнца. Джим сел, посмотрел на меня и улыбнулся.

— Не очень хорошо спалось после концерта, а?

— А что ты сказал своим предкам? Они тебе дали поспать?

Он ответил беззаботно, слишком беззаботно:

— О, они успокоились. — Лицо и глаза его были лишены выражения. Он пытался скрыть от меня свои мысли.

Предки не успокоились. Он не спал, хотя я считал его спящим. Я принял быстрое решение. Мы пойдем на юг, как и собирались. Я дойду с ним до полярного круга. И найду какой-нибудь предлог оставить его там.

Потом сказал:

— Мы не пойдем на север. Я передумал.

— Да? А почему?

— Объясню после завтрака, — я не так быстро придумываю отговорки. — Разожги костер, Джим. Я пойду к ручью за водой.

— Дегатага!

Я вздрогнул. Лишь в редкие моменты симпатии или опасности использовал он мое тайное имя.

— Дегатага, ты пойдешь на север! Ты пойдешь, даже если мне придется идти впереди тебя, чтобы ты шел за мной... — Он перешел на чероки. — Это спасет твой дух, Дегатага. Пойдем вместе, как кровные братья? Или ты поползешь за мной, как дрожащий пес по пятам охотника?

Кровь ударила мне в голову, я протянул к нему руки. Он отступил и рассмеялся.

— Так-то лучше, Лейф.

Гнев тут же покинул меня, руки опустились.

— Ладно, Тсантаву. Мы идем на север. Но не из-за себя я сказал, что передумал.

— Я это хорошо знаю!

Он занялся костром. Я пошел за водой. Мы приготовили крепкий черный чай и съели то, что оставалось от бурого аиста, которого называют аляскинским индюком и которого мы подстрелили накануне. Когда мы кончили, я заговорил.

2. Кольцо Кракена

— Три года назад (так начал я свой рассказ) я отправился в Монголию с экспедицией Фейрчайлда. Одной из задач этой экспедиции были поиски полезных ископаемых в интересах некоторых британских фирм, а в остальном это была этнографическая и археологическая экспедиция, работавшая для Британского музея и университета Пенсильвании.

Мне так и не пришлось проявить себя в качестве горного инженера. Я немедленно стал представителем доброй воли, посредником между нами и местными племенами. Мой рост, светлые волосы, голубые глаза и необыкновенная сила, вместе с моими способностями к языкам, вызывали постоянный интерес у туземцев. Татары, монголы, буряты, киргизы смотрели, как я гну подковы, обвиваю ноги металлическими прутьями и вообще исполняю то, что мой отец презрительно называл цирковыми номерами.

Что ж, я и был для них человеком-цирком. Но в то же время и чем-то большим: я им нравился. Старик Фейрчайлд смеялся, когда я жаловался ему, что у меня не остается времени для полевых работ. Он говорил, что я стою десятка горных инженеров, что я страховое свидетельство экспедиции и что пока я продолжаю свои трюки, у экспедиции не будет никаких неприятностей. Так оно и было. Единственная подобная экспедиция, насколько я помню, в которой можно было уйти, оставив все вещи без присмотра, и, вернувшись, найти все нетронутым. К тому же мы почти избавили себя от вымогательств и взяточничества.

Вскоре я уже знал с полдюжины диалектов и мог легко болтать и шутить с туземцами на их языках. Это имело у них удивительный успех. Время от времени прибывала монгольская делегация в сопровождении нескольких борцов, рослых парней с грудной клеткой как бочонок, чтобы побороться со мной. Я овладел их приемами и научил их своим. У нас были небольшие показательные соревнования, а мои маньчжурские друзья научили меня фехтовать двумя мечами, держа их в обеих руках.

Фейрчайлд планировал работать в течение года, но наши дела шли так хорошо, что он решил продлить экспедицию. Он с сардонической улыбкой говорил мне, что мои действия имеют огромную ценность: никогда у науки не будет таких возможностей в этом районе, разве что я останусь тут и соглашусь править. Он не знал, что его слова — почти пророчество.

На следующий год в начале лета мы перенесли лагерь на сотню миль к северу. Это была территория уйгуров. Странный народ эти уйгуры. О себе говорят, что они потомки великой расы, которая правила всей Гоби, когда та была не пустыней, а земным раем, с широкими

реками, чистыми озерами и многолюдными городами. Они и впрямь отличаются от остальных племен. Хотя эти многочисленные племена при первой возможности убивают уйгуров, в то же время их и боятся. Вернее, боятся колдовства их жрецов.

В нашем старом лагере уйгуры появлялись редко. А появившись, держались в отдалении. Мы уже с неделю жили в новом лагере, когда появился отряд уйгуров человек в двадцать. Я сидел в тени своей палатки. Они спешились и направились прямо ко мне. Ни на кого в лагере они не обратили внимания. Остановились в десяти шагах от меня. Трое подошли ближе и стали пристально меня разглядывать. У всех троих были странные серо-голубые глаза: у того, кто казался их предводителем, взгляд был необычайно холоден. Они были выше и массивнее остальных.

Я тогда не владел уйгурским. Поэтому вежливо приветствовал их по-киргизски. Они не ответили, продолжая разглядывать меня. Наконец, поговорили друг с другом, кивая, как будто пришли к какому-то решению. Затем их предводитель обратился ко мне. Встав, я заметил, что он чуть ниже моих шести футов четырех дюймов. Я сказал ему по-прежнему по-киргизски, что не понимаю его языка. Он отдал приказ своим людям. Они окружили мою палатку, держа в руках копья и обнажив мечи.

Я почувствовал прилив гнева, но прежде чем смог протестовать, заговорил предводитель, на этот раз на киргизском. Он с почтением заверил меня, что их посещение исключительно мирное, они просто не хотят, чтобы им помешали мои товарищи по лагерю. Он попросил меня показать ему свои руки. Я вытянул их вперед. Он и два его спутника наклонились над ладонями, внимательно их рассматривая, указывая друг другу на те или другие пересечения линий. Закончив осмотр, предводитель коснулся лбом моей правой руки.

И тут же, к полному моему изумлению, начал урок — и весьма квалифицированно — уйгурского языка. Для сравнения он использовал киргизский. Он не удивился тому, с какой легкостью я воспринимал новые слова; напротив, казалось, что именно этого он и ожидал. Было похоже, что он не учил меня новому языку, а заставлял вспомнить давно забытый. Урок продолжался целый час. Затем он снова коснулся лбом моей руки и отдал приказ кольцу стражников. Все уйгуры сели на лошадей и ускакали.

Во всем этом было что-то тревожное. И больше всего меня беспокоило то, что, похоже, мой учитель был прав: я не изучал новый язык, а вспоминал забытый. Никогда я не усваивал язык с такой легкостью и быстротой, как уйгурский.

Естественно, мои коллеги тоже были в недоумении и тревожились. Я немедленно направился к ним и рассказал о происшествии. Нашим этнологом был знаменитый профессор Дэвид Барр из Оксфорда. Фейр-

чайлд склонен был воспринимать все как шутку, но Барр встревожился.

Он рассказал, что уйгурские легенды говорят о предках этого народа как о расе светловолосых синеглазых людей, обладавших большой физической силой. Было обнаружено несколько древних уйгурских настенных росписей, на которых изображен именно такой тип людей, так что, по-видимому, в легендах есть зерно истины. Однако, если нынешние уйгуры и восходят к той расе, они смешивались с другими народами, и следы древней крови почти исчезли.

Я спросил, какое это имеет отношение ко мне, и он ответил, что, по-видимому, мои посетители считают меня чистокровным представителем расы их предков. Он не видел никаких других объяснений их странному поведению. Он считал, что изучение моих ладоней и явное одобрение того, что они обнаружили, доказывает его правоту.

Старик Фейрчайлд иронически спросил, не собирается ли Барр обратиться к хиромантии. Барр холодно ответил, что он ученый. И, как ученый, знает, что определенные признаки могут передаваться по наследству через многие поколения. Определенное расположение линий на ладонях может сохраняться много столетий. И в случаях атавизма — а я явный пример атавизма — рисунок может повториться.

К этому времени у меня уже слегка кружилась голова. Но Барр добавил еще кое-что. Спор с Фейрчайлдом раззадорил его, и он не удержался, чтобы не сказать, что уйгуры, вероятно, совершенно правы в своем отношении ко мне. Я атавистический пример возврата к древним норвежцам. Прекрасно. Но совершенно несомненно, что асы, боги и богини древних норвежцев: Один и Тор, Фригг и Фрейя, Фрей и Локи и многие другие — когда-то были реальными людьми. Они были предводителями длительной и опасной миграции. После смерти их обожествили, как и многих подобных героев других рас и племен. Этнологи считают, что древние норвежцы, подобно другим арийцам, пришли на северо-восток Европы из Азии. Их переселение происходило в период от 5000 до 1000 года до рождества Христова. И нет никаких научных возражений против версии их прихода из того района, который сейчас называется Гоби, и против того, что это и есть та раса светловолосых голубоглазых людей, которых современные уйгуры называют своими предками.

Никто, продолжал Барр, не может сказать точно, когда Гоби стала пустыней и что послужило причиной этого превращения. Части Гоби могли быть плодородными еще две тысячи лет назад. Какова бы ни была причина этого изменения, действовала ли эта причина быстро или медленно, но она дала толчок к переселению, предводительствуемому Одином и остальными асами, к переселению, которое закончилось колонизацией Скандинавского полуострова. Известно, что во мне проявились признаки моих далеких предков по материнской линии. Почему

в таком случае не проявиться и признакам древних уйгуров, если они действительно были предками норвежцев?

Но главный — практический — вывод заключался в том, что меня ждут неприятности. Так же, как и всех остальных членов экспедиции. Барр настоятельно советовал вернуться в наш старый лагерь, где мы будем находиться среди дружественных племен. В заключение Барр указал, что с тех пор, как мы переселились в новый лагерь, здесь не показался ни один монгол, татарин или представитель другого племени, с которыми у меня были такие добрые отношения. Барр сел, бросив гневный взгляд на Фейрчайлда, и добавил, что это совет не хироманта, а признанного ученого.

Разумеется, Фейрчайлд извинился, но совет Барра не принял: мы можем вполне свободно подождать несколько дней и проследить за развитием событий. Барр угрюмо заметил, что как пророк Фейрчайлд ничего не стоит, но все равно за нами, вероятно, наблюдают и не позволят нам отступить, поэтому неважно, что мы решим.

Ночью мы услышали далекий бой барабанов; через неравные промежутки он слышался до самого утра, откликаясь на звуки еще более далеких барабанов.

На следующий день в то же время показался тот же самый отряд. Предводитель, как и прежде, направился ко мне, ни на кого не обращая внимания. Он почти раболепно приветствовал меня. Мы направились в мою палатку. Снова вокруг возникло кольцо воинов, и начался второй урок. Он продолжался больше двух часов. И вот день за днем в течение трех недель повторялось одно и то же. Никаких отступлений, случайных вопросов, объяснений. У этих людей была единственная цель: научить меня своему языку. И они прекрасно с ней справлялись. Полный любопытства, стремясь узнать, что это все в конце концов значит, я преодолевал все препятствия и настойчиво стремился к той же цели. И это они тоже воспринимали как нечто вполне естественное. Через три недели я говорил по-уйгурски так же хорошо, как и по-английски.

Беспокойство Барра усиливалось.

— Они к чему-то готовят вас, — говорил он. — Я отдал бы пять лет жизни, чтобы оказаться на вашем месте. Но мне это не нравится. Я боюсь за вас. Ужасно боюсь!

Однажды ночью в конце третьей недели сигнальные барабаны звучали до самого рассвета. На следующий день мои учителя не появились, не было их еще два дня. Но наши люди сообщили, что вокруг всего лагеря видны посты уйгуров. Наши рабочие были напуганы, и от них не было никакой пользы.

В полдень на четвертый день мы заметили облако пыли, быстро приближавшееся с севера. Вскоре послышались звуки уйгурских барабанов. Затем из пыли показалась группа конных уйгуров. Их было

две-три сотни человек, все вооружены копьями, а многие — и ружьями. Они полукругом выстроились возле лагеря. Предводитель с холодным взглядом, который был моим главным учителем языка, спешился и пошел вперед, ведя на поводу великолепного черного жеребца. Большой конь, сильный, непохожий на поджарых лошадей уйгуров; такая лошадь легко выдержала бы мой вес.

Уйгур опустился на колено и протянул мне повод. Я автоматически взял его. Лошадь осмотрела меня, принюхалась и положила морду мне на плечо. Все всадники одновременно взметнули копья и выкрикнули какое-то слово, которое я не уловил, потом спешились и стояли в ожидании.

Предводитель встал. Из складок одежды он достал небольшую нефритовую шкатулку. Снова опустившись на колено, протянул ее мне. Я надавил на крышку, и та открылась. Внутри было кольцо. Широкое и массивное, из чистого золота, с прозрачным желтым камнем, квадратным, в полтора дюйма, с изображением безобразного черного осьминога.

Щупальца осьминога протянулись веером. Казалось, они высовываются из желтого камня. Я даже разглядел на конце ближайшего щупальца присоску. Тело виднелось не так четко. Оно было туманным, казалось, уходило вдаль. Черный осьминог не был вырезан на камне. Он находился внутри.

Я испытал странное смешение чувств — отвращение и одновременно ощущение чего-то очень знакомого, как будто уже видел это раньше — мы называем это ложной памятью. Не раздумывая, я надел кольцо на палец — оно пришлось точно по размеру — и поднял руку. Солнце отразилось в камне. Мгновенно все уйгуры упали на землю и лежали ниц, вытянувшись передо мной.

Предводитель уйгуров заговорил со мной. Я подсознательно ощущал, что с того самого момента, как протянул мне кольцо, он внимательно следит за мной. Теперь я увидел в его глазах благоговейный страх.

— Твоя лошадь готова... — и он употребил то же слово, каким меня приветствовали его воины. — Покажи, что ты хочешь взять с собой, и твои люди понесут это.

— Куда мы идем... и надолго ли? — спросил я.

— К святому человеку твоего народа, — ответил он. — А на сколько дней... только он сможет ответить.

Я почувствовал раздражение от этой бесцеремонности. К тому же меня удивило, что он говорит о своих людях, как о моих.

— А почему он сам не пришел ко мне? — спросил я.

— Он стар, — ответил уйгур. — Такого пути он не выдержит.

Я взглянул на всадников, стоявших теперь рядом с лошадьми. Если я откажусь идти и мои товарищи меня поддержат — а они меня под-

держат — это будет означать немедленную гибель всего лагеря. К тому же я сгорал от любопытства.

— Я должен поговорить со своими товарищами перед уходом, — сказал я.

— Если Двайану, — на этот раз я уловил слово, — хочет попрощаться со своими псами, да будет так. — В его взгляде блеснуло презрение, когда он посмотрел на старика Фейрчайлда и остальных.

Мне определенно не понравилось ни то, что он сказал, ни то, как сказал.

— Жди меня здесь, — коротко сказал я и пошел к Фейрчайлду. Вместе с ним я вошел в палатку. Барр и другие члены экспедиции — за нами. Я рассказал им обо всем. Барр взял меня за руку и, осмотрев кольцо, негромко свистнул.

— Вы знаете, что это? — спросил он. — Кракен, сверхмудрое, сверхзлобное мифическое морское чудовище древних норвежцев. Видите, у него не восемь, а двенадцать щупалец. Его никогда не изображали меньше чем с десятью. Кракен символизирует принцип, враждебный Жизни, — не саму Смерть, а скорее уничтожение. Кракен — и здесь, в Монголии!

— Послушайте, шеф, — обратился я к старому Фейрчайлду. — Вы можете помочь мне лишь одним, если, конечно, хотите. Отправляйтесь как можно быстрее в наш старый лагерь. Свяжитесь с монголами, обратитесь к тому вождю, который часто привозил борцов: монголы покажут вам, кого я имею в виду. Уговорите его, дайте денег, чтобы как можно больше воинов собралось в лагерь. Я вернусь, и, вероятно, за мной будет погоня. Вас тоже подстерегает опасность. Может получиться, что эти люди захотят убить вас. Я знаю, о чем говорю, шеф!

— Но они следят за лагерем... — начал он возражать.

— Перестанут... после моего ухода. Они все уедут со мной. — Я говорил абсолютно убежденно, и Барр в знак согласия кивнул.

— Король возвращается в свое королевство! — сказал он. — И все его верноподданные вместе с ним. Он в безопасности — пока с ними. Но... Боже, если бы только я мог отправиться с вами, Лейф! Кракен! А в древних легендах Южных морей говорится о великом Осьминоге, который дремлет на дне и ждет своего часа, когда сможет уничтожить весь мир. А в Андах Черный Осьминог вырезан на высоте в три мили! Норвежцы, островитяне Южных морей, жители Анд!.. Всюду один и тот же символ, вот этот!

— Так обещаете? — спросил я Фейрчайлда. — От этого может зависеть моя жизнь.

— Похоже, мы бросаем вас. Мне это не нравится.

— Шеф, они сметут вас в минуту. Возвращайтесь и поднимайте монголов. И татары помогут. Они все ненавидят уйгуров. Я вернусь,

не бойтесь. Но готов поручиться, что вся эта свора будет идти за мной по пятам. Вернувшись, я хочу найти у вас защиту.

— Мы уедем, — пообещал он.

Я направился к своей палатке. Уйгур с холодным взглядом сопровождал меня. Я взял ружье, пистолет, сунул в карман зубную щетку и бритву и повернулся, чтобы уходить.

— Больше ничего? — в вопросе слышалось удивление.

— Если что-то понадобится, я вернусь, — ответил я.

— Не после того, как вспомнишь, — загадочно сказал он.

Бок о бок мы пошли к черному жеребцу. Я сел на него.

Отряд окружил нас. Копья образовали преграду между мной и лагерем. Мы двинулись на юг.

3. Ритуал Калкру

Жеребец бежал ровным шагом. Плавно покачиваясь, он легко нес мой вес. Примерно за час до темноты мы оказались на краю пустыни. Справа виднелся невысокий хребет из красного песчаника. Прямо перед нами было ущелье. Мы въехали в него. Через полчаса выехали на старую дорогу, вымощенную булыжниками. Дорога уходила на северо-восток к другому, более высокому хребту красного песчаника, что находился от нас в пяти милях. Мы добрались до него уже в начале ночи, и здесь мой проводник остановился, сказав, что заночуем до рассвета. Около двадцати всадников спешились, остальные проехали дальше.

Те, что остановились, посматривали на меня, явно ожидая чего-то. Интересно, что я должен сделать? И тут я заметил, что мой жеребец вспотел. Я попросил, чтобы его протерли и дали ему воды и еды. Очевидно, этого от меня и ждали. Сам предводитель принес попону, еду и воду. Когда жеребец остыл, я покормил его. Потом велел закутать в попону, потому что ночи стояли холодные. Закончив, я обнаружил, что ужин уже готов. Мы сидели у костра с предводителем. Я был голоден и, как всегда, когда это возможно, ел с большим аппетитом. Я задал несколько вопросов, но на них ответили так уклончиво и с такой очевидной неохотой, что больше я ни о чем не спрашивал. Когда ужин закончился, я, захотев спать, сказал об этом. Мне дали одеяла, и я пошел к своему жеребцу. Расстелил рядом с ним одеяла, упал на них и закутался.

Жеребец наклонил голову, принюхался, подышал мне в затылок и лег рядом. Я повернулся и положил руку ему на шею. И услышал возбужденный шепот уйгуров. После этого уснул.

Проснулся на рассвете. Завтрак был уже готов. Мы снова двинулись по древней дороге. Она шла вдоль холмов, огибая углубление, которое когда-то было дном большой реки. Какое-то время восточные

холмы защищали нас от солнца. Когда оно стало светить прямо на нас, разбили лагерь в тени огромной скалы. После полудня мы снова пустились в путь. Незадолго до заката пересекли высохшее русло в том месте, где когда-то находился большой мост, и углубились в новое ущелье, через которое в прошлом тек еще один давно высохший поток. К сумеркам достигли конца каньона.

По обе стороны неглубокой долины располагались каменные крепости. На них виднелись десятки уйгурских воинов. Когда мы приблизились, те закричали, и я снова услышал повторяющееся слово «Двайану».

Тяжелые ворота крепости справа от нас распахнулись. Мы проехали через широкую, окруженную мощными стенами площадь. И снова ворота.

Я увидел перед собой оазис, раскинувшийся среди голых скал. Когда-то это была часть большого города, всюду виднелись развалины. То, что прежде было истоком большой реки, теперь превратилось в ручеек, исчезавший в песках недалеко от того места, где я стоял. Справа от ручейка виднелись деревья; слева — пустыня. Дорога проходила через оазис и углублялась в пустыню, исчезая в огромном прямоугольном отверстии в скале в миле от нас. Отверстие это напоминало вход в какую-то гигантскую египетскую усыпальницу.

Мы направились прямо к плодородной земле. Здесь виднелись сотни каменных зданий; заметно было, что некоторые из них пытались поддерживать в порядке. Но даже и эти дома казались невероятно древними. Под деревьями виднелись шатры. Из домов и шатров выбегали уйгуры: мужчины, женщины, дети. Одних только воинов здесь было не меньше тысячи. В отличие от людей в крепостях, эти смотрели на меня молча.

Мы остановились перед грудой камня — когда-то, может быть, пять тысяч лет назад, она была дворцом. Или храмом. Перед ней располагалась колоннада из приземистых квадратных колонн. Еще более мощные колонны стояли у входа. Здесь мы спешились. Наши охранники увели моего жеребца и лошадь предводителя. Низко склонившись у порога, проводник предложил мне войти.

Я оказался в широком коридоре, освещенном факелами из какого-то смолистого дерева. Вдоль стен стояли ряды копьеносцев. Предводитель уйгуров шел рядом. Коридор привел в большое помещение с высоким потолком, такое обширное и длинное, что середина его оставалась в полумраке, недосягаемая для света факелов. В дальнем конце помещения виднелся невысокий помост, на нем каменный стол. За столом сидело несколько человек в капюшонах.

Подойдя ближе, я увидел, что все эти люди внимательно смотрят на меня. Их было тринадцать: по шестеро с каждой стороны стола и один — в большом кресле — во главе. Вокруг стояли большие металлические светильники, в них горело какое-то вещество, дававшее ровный

яркий белый свет. Я подошел ближе и остановился. Мой проводник молчал. Молчали и сидевшие за столом.

Неожиданно в кольце на моем пальце отразился свет.

Человек во главе стола встал и схватился за столешницу дрожащими пальцами, похожими на орлиные когти. Я услышал, как он прошептал:

— Двайану!

Капюшон соскользнул с его головы. Я увидел древнее-древнее лицо, а на нем глаза, почти такие же голубые, как мои. В глазах этих горело удивление и живая надежда. Меня тронул этот взгляд — взгляд отчаявшегося человека, вдруг увидевшего спасителя.

Теперь встали и все остальные, откинув свои капюшоны. Все они были стариками, но не такими древними, как тот, что шептал. Их холодные серо-голубые глаза разглядывали меня. Верховный жрец — я решил, что это верховный жрец, — снова заговорил:

— Мне сказали... но я не могу поверить! Подойди ко мне!

Я вспрыгнул на помост и подошел. Он приблизил ко мне свое старое лицо, заглянул в глаза. Коснулся волос. Сунул руку под рубашку и положил мне на сердце. Потом сказал:

— Покажи руки!

Я положил их на стол ладонями кверху. Он разглядывал их так же внимательно, как когда-то и начальник отряда. Остальные двенадцать столпились вокруг, следя за его пальцами, когда он указывал на те или иные линии. Жрец снял с шеи золотую цепь и извлек из-под одежды прикрепленный к цепи ящичек из нефрита. Внутри находился желтый камень, более крупный, чем в моем кольце, но в остальном абсолютно такой же. В его глубине извивался черный осьминог — Кракен. Еще в коробке лежали небольшой нефритовый флакон и маленький нефритовый нож, похожий на ланцет. Жрец взял мою правую руку и расположил запястье над желтым камнем. Посмотрел на меня, на остальных. В глазах его была боль.

— Последнее испытание, — прошептал он. — Кровь!

И уколол мое запястье ножом. Капля за каплей кровь медленно падала на камень. Я заметил, что камень слегка вогнут. Капая, кровь тонким слоем покрывала углубление. Старый жрец поднял нефритовый флакон, откупорил его и с крайним усилием воли удержал его неподвижно над камнем. Из флакона упала капля бесцветной жидкости и смешалась с моей кровью.

В комнате царило полное молчание, верховный жрец и его помощники, казалось, не дышали, глядя на камень. Я бросил взгляд на предводителя уйгуров, он смотрел на меня, в глазах его горел огонь фанатизма.

Послышалось восклицание верховного жреца, его подхватили все остальные. Я посмотрел на камень. Розовая пленка меняла цвет. В ней

мелькали какие-то искорки; постепенно она превратилась в прозрачную зеленоватую жидкость.

— Двайану! — выдохнул верховный жрец и опустился в свое кресло, закрыв лицо дрожащими руками. Остальные переводили взгляд с меня на камень и снова на меня, как будто увидели чудо. Я взглянул на предводителя отряда: он лежал у помоста, закрыв лицо руками.

Верховный жрец открыл лицо. Мне показалось, что он помолодел, преобразился; в глазах его больше не было боли и отчаяния; они были полны жизни. Он встал и усадил меня в свое кресло.

— Двайану, — спросил он, — что ты помнишь?

— А что я должен помнить? — спросил я.

Он оторвал от меня взгляд, вопросительно взглянул на остальных, те переглянулись и кивнули. Он закрыл нефритовый ящичек и спрятал его. Взял меня за руку, повернул грань на моем кольце, сомкнул мою другую руку вокруг кольца.

— Ты помнишь, — голос его перешел в еле слышный шепот, — Калкру?

И снова тишина повисла в огромном помещении — на этот раз она была физически ощутима. Я сидел, размышляя. В этом имени было что-то знакомое. Появилось волнующее ощущение, что я должен его знать, и если постараюсь, то вспомню его. Воспоминание было рядом, на самом пороге сознания. И к тому же я чувствовал, что это слово означает нечто ужасное, что лучше не вспоминать. Я чувствовал отвращение, смешанное с негодованием.

— Нет, — ответил я.

И услышал резкие возбужденные выдохи. Старик встал за моей спиной и закрыл мне глаза руками.

— А это... помнишь?

В моем мозгу все смешалось, затем я увидел картину, увидел так ясно, будто смотрел на нее открытыми глазами. Я ехал верхом по оазису прямо к квадратному входу в скалу. Но это вовсе не был оазис. Город, с садами, с широкой рекой. И хребты не из обнаженного красного песчаника, а покрыты зеленью и деревьями. За мной скачут другие — мужчины и женщины, похожие на меня, красивые и сильные. Вот я уже у входа. Мощные колонны окружают его... вот я спешился... спешился с большого черного жеребца... вхожу...

Я не буду входить! Если войду, я вспомню... Калкру! Я бросился назад, наружу... почувствовал руки у себя на глазах... руки старого жреца. Лицо старца было добрым, голос мягок.

— Скоро, — сказал он, — ты вспомнишь больше!

Я не ответил, стараясь подавить необъяснимый гнев. Конечно, старик пытался загипнотизировать меня; я видел то, что он хотел. Не зря уйгурские жрецы имеют репутацию колдунов. Но не это вызвало во мне такой гнев, что потребовалась вся воля, чтобы не сорваться в

припадке безумия. Нет, это что-то связанное с именем Калкру. Что-то находится за входом в скалу, куда меня чуть не ввели насильно.

— Ты голоден? — внезапный переход жреца к практическим проблемам вернул меня к действительности.

Я громко рассмеялся и ответил:

— Очень. И к тому же хочу спать.

Я опасался, что такая важная персона, какой я, по-видимому, становлюсь, должна будет есть в обществе верховного жреца. И почувствовал облегчение, когда он передал меня в руки предводителя воинов. Уйгур следовал за мной, как собака, не отрывая от меня взгляда, и ждал, как слуга, пока я ел. Я сказал ему, что хотел бы спать не в каменном доме, а в шатре. Глаза его сверкнули, и впервые он произнес что-то, кроме почтительных звуков.

— По-прежнему воин! — одобрительно сказал он.

Для меня поставили палатку. Прежде чем лечь спать, я выглянул из нее. Уйгур сидел у входа, и двойное кольцо вооруженных стражей окружало мою палатку.

На следующее утро ко мне явилась делегация младших жрецов. Мы прошли в то же здание, но в гораздо меньшее помещение, совсем пустое. Здесь меня ждали верховный жрец и его помощники. Я ожидал множества вопросов, но меня ни о чем не спросили. Жреца, очевидно, не интересовало мое происхождение, откуда я и как оказался в Монголии. Казалось, его вполне удовлетворяло, что я оказался именно тем, кого они надеялись увидеть, — кто бы это ни был. Больше того, у меня сложилось впечатление, что они очень торопятся завершить план, начатый уроками языка. Верховный жрец перешел прямо к делу.

— Двайану, — сказал он, — мы вызовем в твоей памяти особый ритуал. Слушай внимательно, смотри внимательно, повторяй точно каждую интонацию, каждый жест.

— Для чего? — спросил я.

— Узнаешь... — начал он и гневно прервал себя. — Нет! Я скажу тебе сейчас! Для того, чтобы эта пустыня снова стала плодородной. Чтобы уйгуры вернули себе былое величие. Древнее святотатство против Калкру, результатом которого стала эта пустыня, должно быть искуплено!

— Какое отношение я, чужак, имею ко всему этому?

— Мы, те, к кому ты пришел, не обладаем древней кровью, чтобы совершить это. Ты не чужак. Ты Двайану — Освободитель. У тебя чистая кровь. И только ты, Двайану, можешь изменить нашу судьбу.

Я подумал, как обрадовался бы Барр, услышав это объяснение, как торжествовал бы он над Фейрчайлдом. Я поклонился старому жрецу и сказал, что готов. Он снял с моего пальца кольцо, снял со своей шеи цепь вместе с ящичком и велел мне раздеться. Пока я раздевался, он сам сбросил одежду, и все окружающие поступили так же. Жрец унес

наши вещи и скоро вернулся. Я смотрел на сморщенные обнаженные тела стариков, и у меня вдруг пропало всякое желание смеяться. В ритуале было что-то зловещее. Урок начался.

Это был не ритуал, скорее воззвание к духу, еще точнее — вызывание Существа, Власти, Силы, именуемой Калкру. И сам процесс, и жесты, его сопровождающие, были чрезвычайно любопытны. Отчетливо звучали архаические формы уйгурского языка. Многие слова я не понимал. Очевидно, они передавались от жреца к жрецу с глубокой древности. Даже равнодушный прихожанин счел бы их богохульными и запретными. Но я был слишком заинтересован, чтобы думать об этой стороне происходящего. У меня появилось то же странное чувство причастности, которое я впервые ощутил, услышав имя Калкру. Однако на этот раз я не испытывал отвращения. Я все воспринимал очень серьезно. Не знаю, связано ли это с объединенной волей двенадцати жрецов, которые не отрывали от меня взглядов.

Не стану повторять, передам только суть. Калкру — это Начало-без-Начала, и он же — Конец-без-Конца. Он — Пустота без света и времени. Уничтожитель. Пожиратель жизни. Разрушитель. Растворяющий. Он не смерть — смерть лишь часть его. Он жив, очень активен, но его жизнь — это антитезис Жизни, как мы понимаем ее. Жизнь вторгается, тревожит бесконечное спокойствие Калкру. Боги и люди, животные и птицы, все существа, растения, вода и воздух, огонь, солнце, звезды, луна — все растворится в Нем, живом Ничто, если он этого захочет. Но пока пусть они существуют. К чему беспокоиться, если в конце концов все придет к Калкру? Пусть Калкру отступит, чтобы жизнь могла войти в пустыню и снова расцвести здесь. Пусть он касается лишь врагов своих верноподданных, чтобы эти верноподданные снова были велики и могучи — свидетельство того, что Калкру есть Все во Всем. Ведь это всего лишь на мгновение вечности. Пусть Калкру проявит себя и возьмет то, что ему предлагают, как доказательство, что он услышал и согласился.

Там было еще много всего, но в этом суть. Ужасная молитва, но я не испытывал ужаса — тогда. Все повторили трижды, и я твердо усвоил свою роль. Верховный жрец провел еще одну репетицию и кивнул жрецу, который унес нашу одежду. Тот вышел и вернулся с новыми одеяниями. Он дал мне длинный белый плащ и пару сандалий. Я спросил, где моя одежда; старик сказал, что мне она больше не нужна, что отныне я буду одеваться, как подобает. Я сказал, что это хорошо, но я хотел бы иногда взглянуть и на свою старую одежду. Он согласился.

Меня отвели в другую комнату. На стенах висели поблекшие ветхие ковры. На них изображались сцены охоты и войны. Здесь были сидения странной формы, металлические, может быть, медные, но может, и золотые, широкий и низкий диван, в углу копья, лук и два ме-

ча, щит и бронзовый шлем. Все, включая ковер на полу, казалось очень древним. Здесь меня вымыли, побрили и подстригли мои длинные волосы — все это сопровождалось очистительным ритуалом, иногда просто поразительным.

После этого мне дали хлопковое белье, укрывшее меня с ног до шеи. Затем брюки, длинные, свободные, с широким поясом, связанные как будто из золотых нитей, непонятным образом приобретших мягкость шелка. Я с интересом заметил, что вся одежда тщательно заштопана и починена. Интересно, сколько столетий уже мертв человек, который надевал ее до меня? Затем последовала длинная, похожая на блузу рубашка из того же материала, на ноги я надел нечто похожее на высокие полусапоги, вышитые сложными, но изрядно поблекшими узорами.

Старик снова надел мне на палец кольцо и отошел, восхищенно глядя на меня. Очевидно, он не замечал следов времени на моей одежде. Для него я был великолепной фигурой из прошлого.

— Так ты выглядел, когда наша раса была великой, — сказал он. — И скоро, когда вернется наше величие, мы вызовем тех, кто живет в Земле Теней.

— Что это за Земля Теней? — спросил я.

— Она далеко на востоке, за Большой Водой, — ответил он. — Но мы знаем, что они живут там, последователи Калкру, которые бежали, когда плодородная земля уйгуров из-за святотатства превратилась в пустыню. У них такая же чистая кровь, как и у тебя, Двайану, и среди их женщин ты найдешь себе пару. И когда мы уйдем, земля уйгуров снова будет населена достойными людьми чистой крови.

Он неожиданно отошел, и младшие жрецы последовали за ним. У двери он обернулся.

— Жди здесь, — сказал он, — пока я не пришлю за тобой.

4. Щупальце Калкру

Я ждал около часа, рассматривая необычную обстановку комнаты и развлекаясь фехтованием двумя мечами. Обернувшись, я увидел уйгурского военачальника, тот смотрел на меня от двери, его бледные глаза блестели.

— Клянусь Зардой! — сказал он. — Ты мог многое забыть, но не искусство владения мечом! Ты оставил нас воином, воином и вернулся!

Он опустился на одно колено, склонил голову.

— Прости, Двайану. Я послан за тобой. Пора идти.

Меня охватило возбуждение. Я притронулся мечом к плечу военачальника. Тот принял это как обряд посвящения в рыцари. Мы прошли

через коридор, полный копьеносцев, и через порог дворца. Послышался громовой крик:

— Двайану!

Затем звуки труб, могучий раскат барабанов и звон цимбал.

Перед дворцом выстроился отряд всадников, их было не менее пятисот, копья сверкали, к древкам были привязаны вымпелы. По краям площади виднелись толпы, стоявшие ровными рядами. Это были мужчины и женщины в древних одеяниях, таких же, как у меня. Многоцветные металлические нити блестели на солнце. Люди держали в руках флаги, флажки, вымпелы — древние, изорванные, со странными изображениями. В дальнем конце площади я разглядел старого жреца, он сидел на лошади и был одет в желтое. Рядом с ним — помощники. Над ними желтело знамя, и ветер развернул на нем изображение черного Кракена. А еще дальше сотни уйгуров теснились, чтобы взглянуть на меня. Я стоял, щурясь от яркого света, и новый мощный крик смешался с громом барабанов.

«Король возвращается к своему народу», как сказал Барр. Что ж, очень похоже.

Меня подтолкнул мягкий нос. За мной стоял черный жеребец. Я сел на него и проехал между рядами воинов и людей в старинной одежде; уйгурский военачальник следовал за мной. Все окружающие, мужчины и женщины, были крупнее, чем обычные уйгуры, у всех серо-голубые глаза. Я решил, что это дворяне, представители древних родов, те, в ком наиболее сильно сказывалась древняя кровь. На изорванных флагах символы их кланов. В глазах мужчин горело возбуждение. В глазах большинства женщин — ужас.

Я подъехал к старому жрецу. Ряды всадников перед нами расступились. Мы рядом въехали в образовавшийся проход. Младшие жрецы последовали за нами. За ними — дворяне. Длинной линией по обе стороны кавалькады двигались уйгурские всадники — трубы ревели, барабаны били, цимбалы звенели.

«Король возвращается...»

Боже, почему я тогда не бросился прямо на копья всадников?!

Мы двигались по зеленому оазису. Пересекли широкий мост, который соединял берега ручейка, бывшего некогда могучей рекой. И по древней дороге направились прямо к входу в скалу примерно в миле от нас. Меня охватывало все более сильное возбуждение. Я посмотрел на сопровождавших. Вспомнил о заплатах на своей одежде. И увидел в одежде спутников следы той же убогости. Это заставило меня почувствовать, что я все же не король, но одновременно я ощутил и жалость. Этих мужчин и женщин подгоняли духи их предков, они становились все слабее по мере того, как разжижалась древняя кровь, но предки все еще были сильны, они боролись, они распоряжались моз-

гом, волей, телами своих потомков, вели их к тому, что, по мнению духов, сделает их снова сильными, утолит их жажду.

Да, я жалел их. Нелепо думать, что я утолю голод их призраков, но одно я могу для них сделать: дам отличное представление! И я принялся повторять ритуал, которому научил меня старый жрец.

Осмотревшись, я увидел, что мы уже на пороге входа в гору. Вход был очень широк, в него могли бы въехать рядом двадцать всадников. Каменные колонны, которые я видел в своем воображении, когда жрец коснулся моих глаз, лежали расколотые рядом. Я не ощущал ни отвращения, ни сопротивления, как в своем видении. Мне хотелось побыстрее покончить с этим.

Всадники проехали вперед и выстроились у входа. Я спешился и протянул одному из них повод своего жеребца. Мы, старый жрец рядом, остальные сзади, миновали разрушенный порог и вошли внутрь горы. Коридор, или вестибюль, был освещен ровным ярким пламенем настенных факелов. В ста шагах от входа начинался другой коридор и уходил внутрь под углом примерно в 15 градусов к первому, более широкому. В него свернул старый жрец. Я оглянулся. Дворяне еще не вошли в гору. Я видел, как они спешиваются у входа. Мы молча прошли по этому переходу примерно с тысячу футов. Он привел к небольшой квадратной комнате, высеченной в красном песчанике; из комнаты вела дверь, увешанная коврами. В комнате ничего не было, кроме нескольких каменных сундуков вдоль стен.

Жрец раскрыл один из них. В нем оказался деревянный ящик, посеревший от времени. Жрец поднял крышку и извлек оттуда два желтых одеяния. Одно из них он надел на меня. Это оказалось нечто вроде рабочего халата, длиной до колен. На одеянии было вышито изображение черного осьминога, его щупальца обвивали меня.

Второе одеяние жрец надел сам. На нем тоже было изображение осьминога, но только на груди, и щупальца не обвивали все тело. Жрец наклонился и достал из сундука золотой жезл, усаженный поперечными стерженьками. С них свисали маленькие золотые колокольчики.

Из других сундуков младшие жрецы извлекали барабаны, странные изогнутые овальные инструменты примерно в три фута длиной, из тусклого красного металла. Они сидели, прикасаясь к коже барабанов, поглаживая ее пальцами, натягивая тут и там, а старый жрец слегка потряс жезлом, проверяя, как звенят колокольчики. Было похоже на настройку инструментов оркестра. Я снова почувствовал желание рассмеяться; я еще не знал тогда, как обыденность усиливает впечатление ужаса.

За увешанной коврами дверью послышались какие-то звуки, шорох. Три звонких удара, будто молотом о наковальню. Затем тишина. Две-

надцать жрецов прошли через эту дверь с барабанами в руках. Верховный жрец поманил меня, и мы вместе с ним прошли следом.

Я увидел огромную пещеру, вырезанную в сердце скалы руками давно умерших людей. Невероятная древность пещеры была видна так ясно, будто скалы умели говорить. Она не просто древняя — первобытная. Пещера тускло освещена, так тускло, что я с трудом разглядел уйгурских дворян, что стояли, подняв знамена своих кланов и обратив ко мне лица, на каменном полу в ста ярдах от меня и на десять футов ниже. За ними и вокруг них терялась во тьме огромная пещера. Я заметил перед нами изгибающееся углубление, подобное впадине между двумя волнами, увенчанными каменными гребнями. На возвышении, образованном одной из волн, стоял я.

Жрец тронул меня за руку. Я повернул голову и посмотрел туда, куда смотрел он.

В ста футах от меня стояла девушка. Она была обнажена и, очевидно, вскоре должна была стать матерью.

Глаза у нее голубые, как у старика жреца, волосы коричнево-красноватые, тронутые золотом, кожа смугло-оливковая. Ясно проявлялись признаки древней расы. И хотя она держалась храбро, в глазах был ужас. Тот же ужас выдавали быстрые подъемы и падения ее круглых грудей.

Она стояла в небольшом углублении. На талии у нее было золотое кольцо, от которого к полу тянулись три золотые цепи. Она не могла ни бежать, ни выползти из углубления. Но бежать от чего? Не от меня же! Я посмотрел на нее и улыбнулся. Ее глаза всматривались в мои. Ужас в них слегка угас. Она доверчиво улыбнулась мне в ответ.

Боже, прости меня! Я улыбнулся ей, и она мне поверила!

Я посмотрел дальше и увидел в ста футах за девушкой желтый блеск, как от огромного топаза. Там из скалы выступал огромный желтый прозрачный камень, точно такой, как тот, что в моем кольце. Он был похож на обломок гигантского оконного стекла в форме грубого треугольника.

И в нем чернело щупальце Кракена. Щупальце извивалось внутри камня, оторванное от гигантского туловища, когда был разбит камень. Оно достигало пятидесяти футов в длину. Внутренняя сторона его была обращена ко мне, и я ясно видел отвратительные присоски.

Что ж, отвратительно, конечно, подумал я, но чего же бояться? Я снова улыбнулся прикованной девушке и снова встретил ее доверчивый взгляд.

Старик внимательно следил за мной. Мы прошли вперед, пока не оказались на полпути между краем впадины и девушкой. У края сидели на корточках двенадцать младших жрецов, держа барабаны.

Старик и я стояли перед девушкой и отбитым щупальцем. Жрец поднял жезл с золотыми колокольчиками и потряс им. Из тьмы пеще-

ры донеслось низкое пение, в котором все время повторялись три темы, первобытные, как пещера; голос самой пещеры.

Девушка не отводила от меня взгляда.

Пение кончилось. Я поднял руки и сделал приветственный жест, которому меня обучили. Я начал ритуал Калкру...

При первых же словах странное чувство охватило меня. Слова, жесты были автоматическими. Мне не нужно было напрягать память; они сами всплывали во мне. Я больше не видел прикованной девушки, только щупальце в разбитом камне.

Ритуал продолжался... неужели камень вокруг щупальца растворяется... щупальце раскачивается?

Я отчаянно пытался остановить слова, жесты. Но не мог!

Что-то овладело мною, двигало моими мышцами, говорило моим голосом. У меня было чувство нечеловеческой мощи. Ритуал двигался к своей злой вершине — о, теперь я знал, что она злая! — а я, казалось, стою в стороне, не в силах вмешаться.

Ритуал кончился.

Щупальце задрожало... начало извиваться... потянулось к прикованной девушке.

Дьявольский гром барабанов, они бьют все быстрее и быстрее, в громовом крещендо...

Девушка по-прежнему смотрела на меня... но в глазах ее уже не было доверия... только ужас, такой же, как и на моем лице.

Черное щупальце тянулось к ней!

У меня было смутное видение огромного туловища, от которого отходили другие извивающиеся туманные щупальца. Холодное дыхание космоса коснулось меня.

Черное щупальце обернулось вокруг девушки...

Она закричала... нечеловеческим криком... поблекла.... растворилась... крик угас... стал отголоском... вздохом...

Я услышал звон металла с того места, где стояла девушка. Пустое кольцо и цепи упали на камень.

Девушка исчезла!

Я стоял, парализованный таким ужасом, какого никогда в жизни не испытывал.

Этот ребенок доверился мне... Я улыбнулся, и она мне поверила... а я вызвал Кракена!

Жгучие угрызения совести, белый горячий гнев разорвали удерживавшие меня оковы. Я снова увидел желтый камень и в нем — неподвижное щупальце. У моих ног лежал старший жрец, его высохшее тело дрожало, руки цеплялись за камень. Рядом с барабанами лежали младшие жрецы, прижавшись к каменному полу, лежали дворяне, распростертые, неподвижные, слепые и глухие в поклонении тому ужасному Существу, которое я вызвал.

Я побежал к увешанной коврами двери. У меня было лишь одно желание — убежать подальше от храма Калкру. Прочь из его логова. Уйти как можно быстрее. Назад... в наш лагерь... домой. Я побежал через маленькую комнатку, через переход, добежал до входа в храм. И остановился на мгновение, ослепленный солнечным светом.

Послышался рев сотен глоток — затем молчание. Зрение мое прояснилось. В пыли передо мной лежали уйгурские воины.

Я поискал черного жеребца. Тот стоял рядом. Я прыгнул ему на спину, схватил узду, как молния пронесся через ряды лежавших воинов по дороге к оазису. Мы пронеслись через оазис. Я смутно видел бегущие, кричащие толпы. Никто не пытался остановить меня. Никто не встал на пути лошади.

Теперь я был рядом с внутренними воротами крепости, через которые мы проехали накануне. Створки были открыты. Охрана стояла, глядя на меня. Издали донеслось властное звучание барабанов. Я оглянулся. У входа в храм смятение, суматоха. Уйгурские всадники устремились в погоню.

Ворота начали закрываться. Я бросил жеребца вперед, раскидал стражников и оказался внутри крепости. Поскакал к закрытым наружным воротам. Барабаны звучали все громче, все грознее.

Рассудок отчасти вернулся ко мне. Я приказал стражникам открыть ворота. Они стояли, с дрожью глядя на меня. Я соскочил с лошади и побежал к ним. Поднял руку. Блеснуло кольцо Калкру. Уйгуры упали наземь передо мной — но ворот не открыли.

Я увидел на стене меха, полные воды. Схватил один из них, прихватил другой с зерном. На земле лежал большой камень. Я поднял его и швырнул в ворота, туда, где соединялись створки. Те распахнулись. Я кинул мех с водой и мешок с зерном на высокое седло и проехал в ворота.

Большой конь, как ласточка, летел по ущелью. И вот мы уже у разбитого моста и выезжаем на древнюю дорогу.

Мы добрались до конца ущелья. Я узнал груду камней. Оглянулся. Ни следа погони. Но по-прежнему слышались отдаленные звуки барабанов.

День уже склонялся к концу. Мы приблизились к хребту. Я жестоко подгонял жеребца — я не мог позволить себе щадить его. К ночи мы достигли полупустынной местности. Жеребец был покрыт потом, сильно устал. Но ни разу он не замедлил хода, не проявил недовольства. Я решил, что надо дать ему возможность отдохнуть.

Я нашел укромное место у высокого камня. Неожиданно понял, что на мне по-прежнему церемониальное желтое платье. Я с отвращением сорвал его. Вытер им коня. Напоил его, дал немного зерна. Сам я был

страшно голоден, не ел с самого утра. Пожевал немного зерна и запил его тепловатой водой. По-прежнему никаких признаков преследования, и барабаны смолкли. Я с беспокойством подумал, не знают ли уйгуры более короткой дороги. Может быть, именно сейчас они окружают меня. Набросив свою одежду на жеребца, я растянулся на земле. Не собирался спать, но тут же уснул.

Проснулся я неожиданно. Наступил рассвет. На меня смотрели старый жрец и военачальник с холодным взглядом. Мое укрытие было окружено кольцом всадников. Старик мягко заговорил:

— Мы не причиним тебе вреда, Двайану. Если хочешь покинуть нас, мы не можем остановить тебя. Тот, кто смог вызвать Калкру, не должен опасаться своего народа. Твоя воля — это и наша воля.

Я не ответил. Он вздохнул.

— Ты хочешь нас покинуть. Да будет так!

Уйгурский воин молчал.

— Мы принесли твою одежду, Двайану, подумав, что ты захочешь уйти от нас, как и пришел, — сказал старик.

Я переоделся в свою старую одежду. Старый жрец взял мое древнее одеяние. Он снял с жеребца одежду с изображением осьминога. Заговорил военачальник:

— Почему ты оставляешь нас, Двайану? Ты заключил мир с Калкру. Ты открыл ворота. Скоро пустыня расцветет, как в древности. Почему ты не останешься с нами и не поведешь нас к величию?

Я покачал головой. Старый жрец снова вздохнул.

— Такова его воля! Да будет так! Но помни, Двайану: тот, на чей призыв отозвался Калкру, должен будет и сам когда-нибудь ответить на его призыв. Рано или поздно — Калкру позовет тебя!

Он коснулся моих волос дрожащей старческой рукой, коснулся моего сердца и повернулся. Его окружили всадники. Они уехали.

Военачальник сказал:

— Мы будем сопровождать Двайану в его путешествии.

Я сел верхом. Мы достигли лагеря экспедиции. Он был покинут. Мы поехали дальше, к нашему старому лагерю. К концу дня увидели впереди караван. Когда мы приблизились, караван остановился, началась торопливая подготовка к обороне. Это была наша экспедиция, направлявшаяся к старому лагерю. Я помахал руками и закричал.

Сойдя с жеребца, я протянул узду уйгуру.

— Возьми его, — сказал я.

Его лицо просветлело.

— Он будет ждать, когда ты вернешься, Двайану. Он или его сыновья, — сказал предводитель, поднес мою руку ко лбу, поклонился. — И все мы тоже, Двайану, — мы и наши сыновья. Ждать твоего возвращения.

Он сел на свою лошадь. Всадники подняли копья. Послышался громовой возглас:

— Двайану!

И они ускакали.

Я пошел туда, где меня ждали Фейрчайлд и все остальные.

Как только я смог организовать возвращение, я вернулся в Америку. Я хотел только одного — чтобы как можно больше миль отделяло меня от храма Калкру...

Я замолчал. Невольно погладил рукой кожаный мешочек на груди.

— Но теперь мне кажется, — сказал я, — что уйти от него не так-то просто. Ударами по наковальне, пением и барабанами — Калкру призывает меня!

5. Мираж

Джим сидел, молча глядя на меня. Вся индейская выдержка покинула его. Он наклонился и положил руку мне на плечо.

— Лейф, — негромко сказал он, — я не знал. Впервые я вижу, как ты испугался... мне больно за тебя. Я не знал...

Для чероки Тсантаву это очень много.

— Все в порядке, индеец. Не дрейфь! — грубо ответил я.

Он некоторое время сидел молча, подбрасывая в костер прутики.

— А что сказал об этом твой друг Барр? — неожиданно спросил он.

— Он взгрел меня, — ответил я. — Ругался со слезами на глазах. Сказал, что с того времени, как Иуда поцеловал Христа, никто так не предавал науку. Он хорошо подбирал метафоры, и те вонзались, как шипы. Особенно эта, потому что я думал так же — правда, не о науке, а о девушке. Да, я дал ей поцелуй Иуды. Барр сказал, что я упустил возможность, какой не было ни у кого. Я мог разрешить загадку Гоби и ее утраченной цивилизации. А я убежал, как ребенок от пугала. Я атавистичен не только телом, но и разумом. Я светловолосый дикарь, лежащий в страхе перед идолом. Он сказал, что на моем месте позволил бы распять себя, лишь бы узнать истину. Он и на самом деле так поступил бы.

— Весьма научно, — сказал Джим. — Но что он сказал о твоих приключениях в пещере?

— Всего лишь гипнотическое внушение со стороны старого жреца. Я видел то, что он заставлял меня видеть, — точно так же как перед этим я видел по его воле, что подъезжаю к этому храму. Девушка не растворилась. Вероятно, укрылась где-нибудь в проходе и смеется надо мной. Но если все и на самом деле было правдой, тогда мое поведение еще более непростительно. Я должен был остаться, изучить феномен и привезти с собой материалы для научного анализа. То, что я расска-

зал о ритуале Калкру, не что иное, как второй закон термодинамики, выраженный в терминах антропоморфизма. В жизнь действительно вторгается Хаос, если это слово использовать для описания бесформенного первичного состояния Вселенной. Вторжение. Случайность. Со временем вся энергия равномерно распределится в виде статичного тепла и будет больше не в состоянии порождать жизнь. Мертвая Вселенная превратится в безжизненную и безграничную пустоту. Пустота вечна, жизнь — нет. Поэтому пустота поглотит ее. Солнца, миры, боги, люди, все живое вернется в пустоту. Вернется к Хаосу. Назад в Ничто. Назад к Калкру. Или, если мой атавистический мозг предпочитает другое слово, назад к Кракену... Барр сильно сердился.

— Но ведь ты сказал, что и другие видели Калкру. Как он объяснил это?

— О, с легкостью. Массовый гипноз — подобно видению ангелов у Монса, призрачным лучникам в Греции и другим коллективным галлюцинациям времен Войны. А я послужил катализатором. Мое сходство с представителями древней расы, мой атавизм, владение ритуалом Калкру, вера уйгуров в меня — все это было необходимыми элементами массовой галлюцинации. Очевидно, жрецы давно старались заставить действовать заклинание, в котором недоставало существенного элемента. Я и послужил этим недостающим элементом, катализатором. Вот и все.

Джим снова помолчал, ломая веточки.

— Разумное объяснение. Но ты ведь не убежден?

— Да, я не был убежден — я видел лицо девушки, когда щупальце коснулось ее.

И он встал, глядя на север.

— Лейф, — неожиданно спросил индеец, — а что ты сделал с кольцом?

Я вытащил кожаный мешочек, раскрыл его и протянул Джиму кольцо. Тот внимательно осмотрел его и вернул мне.

— А зачем ты сохранил его, Лейф?

— Не знаю. — Я надел кольцо на палец. — Я не вернул его жрецу, а тот не просил об этом. Нет! Дьявол! Я скажу тебе, почему сохранил его, — по той же причине Старый Мореход Колриджа привязал мертвого альбатроса к шее, — чтобы не забыть, что я убийца.

Я снова положил кольцо в мешочек и повесил его на шею. С севера послышался негромкий рокот барабанов. На этот раз он, казалось, прилетел не с ветром. Казалось, он распространяется под землей и замирает под нами.

— Калкру! — сказал я.

— Что ж, не будем заставлять старого джентльмена ждать, — весело сказал Джим.

И, насвистывая, занялся поклажей. Потом он повернулся ко мне.

— Послушай, Лейф. Теории Барра кажутся мне здравыми. Я не говорю, что на твоем месте принял бы их. Может, ты и прав. Но я с Барром, если события не покажут, что он ошибался.

— Прекрасно, — от всего сердца и без всякого сарказма ответил я.— Пусть твой оптимизм продержится до нашего возвращения в Нью-Йорк — если оно состоится.

Мы надели рюкзаки, взяли ружья и двинулись на север.

Идти было нетрудно, хотя мы почти все время поднимались. Местность постоянно повышалась, иногда довольно круто. Деревья, необычно высокие и толстые для этих широт, начали редеть. Становилось холоднее. Пройдя примерно с пятнадцать миль, мы оказались в районе редких изогнутых деревьев. В пяти милях впереди начинался скальный хребет в тысячу футов высотой. За хребтом — нагромождение безлесых гор пяти-шести тысяч футов высотой, вершины которых покрывал снег. Их рассекали многочисленные ущелья, покрытые блестящими ледниками. Между нами и хребтом протянулась равнина, заросшая кустами диких роз, черникой, брусникой, яркими цветами и изумрудной зеленью короткого аляскинского лета.

— Если разобьем лагерь в тех холмах, — заметил Джим, — то укроемся от ветра. Сейчас пять часов. За час доберемся.

Мы двинулись дальше. Из ягодников, как коричневые ракеты, взлетали выводки диких куропаток; со всех сторон посвистывали ржанки и кроншнепы; на расстоянии выстрела паслось небольшое стадо карибу, повсюду расхаживали маленькие бурые журавли. Никто не сможет умереть с голоду в этом краю. Разбив лагерь, мы очень хорошо поужинали.

Ночью не слышно было ни звука. Или, может, мы слишком крепко спали, чтобы услышать что-нибудь?

На следующее утро обсудили дальнейший маршрут. Низкий хребет преграждал прямой путь на север. Хребет простирался, повышаясь, на запад и на восток. С того места, где мы стояли, он не представлял серьезной преграды; мы по крайней мере ее не видели. Решили идти через хребет и не торопиться. Но продвигаться оказалось труднее, чем мы думали; потребовалось часа два, чтобы извилистым путем добраться до вершины.

По верху хребта мы подошли к полосе больших камней, которая стеной преграждала путь. Протиснувшись между двумя камнями, мы торопливо отступили назад. Мы стояли на краю пропасти, которая уходила на сотни футов вниз, в долину. Долину окружала мешанина покрытых снегом и льдом горных вершин. В дальнем ее конце, милях в двадцати от нас, виднелась пирамидальной формы гора.

По ее центру от вершины до подножия пробегала сверкающая белая полоса — ледник. Он заполнял расселину, расколовшую гору как будто ударом меча. Долина была не более пяти миль в самом широком

месте. Ее дальний конец был закрыт горой с ледником, а по бокам круто обрывались другие горы. Кое-где виднелись оползни.

Но особое внимание привлекало дно долины. Оно казалось огромным ровным полем, заполненным грудами камня.

Ледник тянулся до середины долины. Среди скал не было ни следа растительности. Ни намека на зелень в окружающих горах. Только голые черные скалы и белизна снега и льда. Долина опустошения.

— Как здесь холодно, Лейф, — вздрогнул Джим.

Да, холодно, и холод необычный, странный — неподвижный и душный. Он, казалось, поднимается к нам из долины, отгоняет, заставляет уйти.

— Нелегко будет спуститься туда, — сказал я.

— И нелегко будет идти, когда спустимся, — подхватил Джим. — Откуда все эти скалы и что распределило их так ровно?

— Вероятно, их принес с собой ледник, — ответил я. — Похоже на морену. В сущности, похоже, что вся долина вырыта ледником.

— Подержи меня за ноги, Лейф, я хочу взглянуть. — Джим лег на живот и перегнулся через край. Через одну-две минуты он окликнул меня, и я вытянул его назад.

— Примерно в четверти мили слева от нас осыпь, — сказал он. — Отсюда не видно, начинается ли она на самой вершине. Посмотрим. Лейф, как ты думаешь, далеко ли до дна долины?

— Несколько сотен футов.

— Должно быть, не меньше тысячи. Утес уходит все вниз и вниз. Не понимаю, почему дно кажется таким близким. Странное место.

Мы надели рюкзаки и пошли вдоль стены из камней. Через некоторое время мы оказались у трещины, рассекающей скалу. Здесь вода и лед нашли слабину, обломки камня усеивали дно трещины, уходившее к самой долине.

— Придется снять рюкзаки, чтобы спуститься вниз,—сказал Джим.— Как мы поступим: оставим их здесь или спустим?

— Возьмем с собой. Внизу должен быть выход из долины у основания той большой горы.

Мы начали спуск. Я перебирался через большой камень примерно на трети спуска, когда услышал резкое восклицание Джима.

Исчез ледник, просовывавший свой язык между камнями. Исчезли и камни. У дальнего конца долины ее дно было покрыто черными каменными пирамидами. низ которых был белым. Пирамиды стояли рядами, аккуратно расположенные, как дольмены друидов. Они заполняли половину долины. Тут и там между ними виднелись столбы белого пара, как дым от жертвоприношений.

Между ними и нами, ударяясь о стены утесов, плескались воды синего, покрытого рябью озера! Далеко внизу его волны бились о скалу.

И тут что-то поразило меня в черных каменных пирамидах.

— Джим! Эти скалы в форме пирамиды. Они точно повторяют форму той горы! Даже белая полоска на месте!

И в этот момент голубое озеро задрожало. Поплыло к черным пирамидам, затопило их, затопило белые дымы. Снова задрожало. И исчезло. Снова перед нами было дно долины, покрытое грудами камней.

В этом преобразовании виделось что-то от цирковых трюков или от работы искусного волшебника. Да это и было волшебство — в своем роде. Но я видал и раньше, как природа проделывала подобные трюки.

— Дьявол! — сказал я. — Это мираж!

Джим не отвечал. Он со странным выражением смотрел на долину.

— Что с тобой, Тсантаву? Снова прислушиваешься к предкам? Это всего лишь мираж.

— Да? — спросил он. — Но что именно? Озеро или скалы?

Я взглянул на дно долины. Оно выглядело совершенно реальным. Теория ледовой морены объясняла ее удивительно ровную поверхность, как и горы вокруг. Готов поклясться, когда спустимся, обнаружим, что камни распределены вовсе не регулярно.

— Конечно, озеро!

— Нет, — ответил он, — я думаю, что мираж — камни.

— Чепуха. Там, внизу, слой теплого воздуха. Камни отражают солнечное тепло. А сверху давит холодный воздух. В таких условиях и возникает мираж. Вот и все.

— Нет, — возразил он, — совсем не все.

Он перегнулся через скалу.

— Лейф, прошлой ночью предки сказали мне кое-что еще. Они говорили об Атагахи. Тебе это что-нибудь говорит?

— Ничего.

— Мне тоже не говорило — тогда. А теперь говорит. Атагахи — зачарованное озеро в самой глухой части Аппалачских гор, к западу от истоков Оканалуфти. Это лечебное озеро зверей и птиц. Все чероки знали о нем, хотя мало кто его видел. Если случайный охотник подходил к нему, то видел только каменную пустыню, зловещую, без единой травинки. Но в молитве, без сна и еды, он мог заострить свой духовный взор. И тогда на рассвете он видел широкую полосу мелкой жемчужной воды, питаемой ручьями, бегущими с окружающих гор. А в воде все виды рыб и гадов, стада уток, гусей и других птиц, а вокруг озера многочисленные следы зверей. Они приходили к Атагахи, чтобы излечиться от ран и болезней. Великий Дух поместил посреди озера остров. Раненые, больные животные и птицы плыли на него. И когда добирались, воды Атагахи излечивали их. Они выходили на берег здоровыми. На Атагахи всегда был мир. Все существа там были друзьями.

— Послушай, индеец, ты хочешь сказать, что это и есть твое лечебное озеро?

— Я вовсе не утверждаю. Я сказал, что мне все время приходит на ум название Атагахи. Место абсолютно пустое, зловещее, голый камень без единой травинки. А под этой иллюзией — озеро. И здесь: каменное дно, а под ним — озеро. Странное совпадение. Может, мираж — как раз каменное дно Атагахи. — Он помолчал. — Еще кое-что мне рассказали предки, так что я изменил свое мнение и принял твою версию событий в Гоби.

— Мираж — озеро. Говорю тебе.

Он упрямо покачал головой.

— Может быть. Но, может, и то, что мы видим внизу, тоже мираж. Два миража. А если так, то как глубоко настоящее дно? Сможем ли мы до него добраться?

Он стоял, молча глядя на долину. Вздрогнул, и я, опять ощутив необычный холод, наклонился и взял в руки лямки своего рюкзака.

— Что ж, чем бы это ни было, пойдем узнаем.

Дрожь пробежала по дну долины. Внезапно оно вновь превратилось в сверкающее голубое озеро. А потом опять стало каменным дном.

Но прежде я увидел в глубине озера иллюзию — если это была иллюзия — гигантскую туманную тень, огромные щупальца, тянущиеся от обширного призрачного туловища... туловища, которое, казалось, находится бесконечно далеко... исчезает в пустоте... как исчез в пустоте Кракен в пещере Гоби... в пустоте, которая сама была — Калкру!

* * *

Мы пробирались между большими обломками скал, карабкались через них, скользили по ним. Чем ниже спускались, тем становилось холоднее. Холод, казалось, проникает в самые кости. Иногда мы тащили рюкзаки за собой, иногда толкали их впереди. И все сильнее нас донимал холод.

Посматривая на дно долины, я все более убеждался в его реальности. Любой мираж, который мне приходилось видеть, — а в Монголии я видел их множество, — отступал, изменялся и исчезал, когда я подходил ближе. Дно долины ничего подобного не делало. Правда, камни на нем стали казаться приземистей по мере нашего приближения, но я приписывал это изменившемуся углу зрения.

Мы были на расстоянии ста футов от конца осыпи, когда я почувствовал, что моя уверенность слабеет. Продвигаться стало еще труднее. Расселина сузилась. Слева простиралась скала, гладкая, будто ее подмели гигантской метлой. Вероятно, огромный осколок оторвался тут и упал вниз, раздробив камни; их куски виднелись внизу. Мы свернули вправо, где обломки камней были сметены гигантским веником. Тут мы продолжали свой путь.

Как более сильный, я нес оба наши ружья, подвесив их на ремне

через левое плечо. И более тяжелый рюкзак тоже. Мы подошли к особенно трудному месту. Камень, на котором я стоял, неожиданно качнулся вперед под моим весом. Я упал в сторону. Рюкзак выскользнул у меня из рук, перевернулся и упал на гладкую, уходящую вниз скалу. Я автоматически потянулся за ним. Ремень, державший оба ружья, лопнул. Ружья скользнули вслед за рюкзаком.

Это было одно из тех совпадений, которые заставляют поверить в бога Невезения. Такое может случиться где угодно без малейших последствий. Даже в тот момент я не думал, что это для нас означает.

— Ну, что ж, — весело сказал я. — По крайней мере не придется их тащить. Подберем их на дне.

— Если там есть дно, — ответил Джим.

Я посмотрел вниз. Ружья сцепились с рюкзаком и быстро скользили по склону.

— Сейчас остановятся, — сказал я. — Они почти у самых камней.

— Как же! — отозвался Джим.

Я протер глаза. Рюкзак и ружья должны были застрять у каменного барьера в конце расселины. Но не застряли. Они просто исчезли.

6. Земля Теней

Когда рюкзак и ружья коснулись камней, поверхность дрогнула. И наши вещи как будто растворились в ней.

— Я бы сказал, что они упали на дно озера, — заметил Джим.

— Никакого озера нет. Они провалились в какую-то щель в камне. Идем...

Он схватил меня за плечо.

— Подожди, Лейф! Не торопись.

Я взглянул, куда он указывал. Барьер из камней исчез. На его месте продолжалась расселина, гладкий каменный язык спускался в долину.

— Идем, — повторил я.

Мы пошли вниз, нащупывая каждый шаг. С каждой остановкой дно долины становилось все более плоским, камни на ней все ниже и ниже. Облако закрыло солнце. И никаких камней не стало. Под нами расстилалось дно долины, ровная синевато-серая пустыня.

Расселина неожиданно кончилась у края этой пустыни. В пятидесяти футах впереди так же резко обрывались скалы. Создавалось странное впечатление, что их установили на краю, который тогда был вязким. И пустыня тоже не казалась твердой, она тоже производила впечатление зыбкой поверхности; по ней проходила постоянная мелкая рябь, как волны жара над нагретой солнцем дорогой; и однако с каждым шагом усиливалось ощущение страшного холода, который в конце концов стал почти невыносимым.

Между обломками камней и утесом справа виднелся узкий проход. Мы направились туда и остановились в удивлении. Мы стояли на большом плоском камне на самом краю странной поверхности. Это не вода и не камень; больше всего она похожа на тонкое непрозрачное жидкое стекло или на сжиженный газ.

Я вытянулся на камне и протянул руку, чтобы коснуться этой поверхности. Коснулся — и не ощутил никакого сопротивления, вообще ничего не ощутил. Медленно опустил руку. На мгновение увидел свою ладонь, будто отраженную в кривом зеркале, а потом ее вообще не стало видно. Но там, внизу, где исчезла моя рука, я ощутил приятное тепло. Кровь заколола в моих онемевших пальцах. Я наклонился еще ниже и просунул обе руки почти по плечи. Как хорошо!

Джим опустился рядом и тоже просунул руки:

— Воздух, — сказал он.

— Похоже... — начал я, и тут внезапная мысль пришла мне в голову. — Ружья и рюкзак. Если не отыщем их, нам не повезло.

Джим ответил:

— Если там — Калкру, нам будет мало проку от ружей.

— Ты думаешь, это... — я замолчал, вспомнив его рассказ об иллюзорном береге озера.

— Усунхиу, Земля Тьмы. Земля Теней твоего старого жреца. Я сказал бы, что оба названия подходят.

Я лежал неподвижно; как бы человек ни был уверен в себе перед предстоящим испытанием, он не может удержаться от дрожи, когда вступает на его порог. А я совершенно определенно знал, что меня ждет. Все, что находилось между храмом в Гоби и этим местом, вдруг исчезло. Я пришел туда, где должно кончиться всё, что началось в пустыне Гоби. Прежний ужас начал овладевать мною. Я боролся с ним.

* * *

Я принимаю вызов. Ничто в мире не остановит меня. Приняв решение, я почувствовал, как ужас угрюмо отступает. Впервые за многие годы я освободился от него.

— Посмотрю, что там внизу. — Джим протянул руки. — Держи меня за ноги, Лейф, я перегнусь через край камня.

— Я первый! В конце концов это ведь мое дело.

— И как же я вытяну тебя, слон? Держи — я пошел.

Мне пришлось рвануться вперед, чтобы ухватить его за ноги, голова и плечи уже исчезли из вида. Он полз по скале, медленно опускаясь, пока и мои руки не исчезли по самые плечи. Он остановился, и из загадочной непрозрачности, в которой он исчез, послышался взрыв безумного хохота.

Я почувствовал, как его ноги вырываются у меня из рук, и пота-

щил его назад, с усилием преодолевая каждый дюйм. Он появился, продолжая хохотать. Лицо покраснело, глаза стали совсем пьяными; вообще у него были все признаки опьянения. Но учащенное дыхание объяснило мне, что произошло.

— Дыши медленнее! — крикнул я ему в ухо. — Дыши медленнее, говорю тебе.

И так как его смех не смолкал и он все время продолжал вырываться, я прижал его одной рукой, а другой закрыл ему рот и нос. Через несколько мгновений он перестал напрягаться, неуверенно сел.

— Странно, — хрипло сказал он. — Какие я видел смешные лица...

Он покачал головой, раз или два глубоко вздохнул и лег на камень.

— Что со мной было, Лейф?

— Кислородное опьянение, индеец, — ответил я. — Хороший глоток воздуха с двуокисью углерода. Это, кстати, многое объясняет в этом странном месте. Ты делал по три вдоха в секунду из-за двуокиси углерода. Она действует на центр дыхания в мозгу и ускоряет дыхание. Ты получил больше кислорода, чем тебе нужно, и опьянел. Что ты видел перед этими твоими забавными лицами?

— Я видел тебя. И небо. Похоже, будто смотришь в воду. Я посмотрел вниз и вокруг. Подо мной было что-то похожее на бледно-зеленый туман. Сквозь него ничего не видно. Там тепло внизу, очень тепло и приятно, и пахнет цветами и деревьями. Вот и все, что я успел увидеть, пока не опьянел. А скала продолжает опускаться. Может, мы сумеем добраться до ее основания — если не усмеемся до смерти. А сейчас я влезу в этот мираж по плечи. Боже, Лейф, как я замерз!

Я озабоченно посмотрел на него: губы посинели, зубы стучали. Переход от тепла к резкому холоду — это было опасно.

— Хорошо, — сказал я, вставая. — Я иду первым. Дыши медленно, делай глубокие вдохи как можно реже, выдыхай так же медленно. Скоро привыкнешь. Пошли.

Я повесил на плечо оставшийся рюкзак, пятясь, переполз через камень, ощутил под ногами прочную скалу и опустился в мираж.

Тепло; почти как в парной. Небо над головой — голубой круг, туманный по краям. Рядом со мной показались ноги Джима, его тело уходило от них под немыслимым углом. В сущности я видел Джима, как рыба из-под воды видит рыболова, идущего вброд. Тело его, казалось, раздвинулось, и он присел рядом со мной.

— Боже, как здесь хорошо!

— Не разговаривай, — сказал я. — Сиди и учись медленно дышать. Смотри, как я это делаю.

Мы молча сидели так примерно с полчаса. Ни звука не нарушало тишину вокруг. Мы вдыхали запах джунглей, быстро растущей и бы-

стро разлагающейся зелени; и еще какие-то неуловимые чуждые ароматы. Я мог видеть только голубой круг неба над головой, а примерно в сотне футов ниже под нами зеленоватый туман, о котором говорил Джим. Похоже на ровную поверхность облака, непроницаемую для взора. Оползень входил в эту поверхность и исчезал из вида. Я не чувствовал неудобства, но оба мы покрылись потом. Я с удовлетворением видел, что Джим дышит глубоко и медленно.

— Что-нибудь беспокоит? — наконец спросил я.

— Не очень. Время от времени приходится «нажимать на тормоз». Но, похоже, я привыкаю.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Скоро двинемся. Не думаю, чтобы стало хуже, когда мы спустимся.

— Ты говоришь, будто давно все это знаешь. Что ты вообще думаешь об этом месте, Лейф?

— Все очень просто. Хотя такое сочетание случайностей встречается раз на миллион. Глубокая и широкая долина, полностью окруженная крутыми утесами. Окружающие горы заполнены снегом и ледниками, и оттуда постоянно идет холодный воздух, даже летом. Вероятно, в самой долине близко под поверхностью следы вулканической активности, кипящие ручьи и тому подобное. Миниатюрное подобие долины Десяти Тысяч Дымов. Все это производит излишек двуокиси углерода. К тому же обильная растительность, непрерывный синтез кислорода. Мы погружаемся в пережиток каменноугольного периода — примерно десять миллионов лет назад. Теплый тяжелый воздух заполняет яму, соприкасаясь с холодным воздухом, из которого мы только что пришли. Мираж возникает на месте встречи этих двух слоев, приблизительно по той же причине, по какой возникает любой мираж. Один Бог знает, как давно это происходит. Часть Аляски никогда не знала ледникового периода — по какой-то причине лед не покрывал ее вообще. Когда на месте Нью-Йорка был тысячефутовый слой льда, Юконская низменность была настоящим оазисом, полным разнообразной растительной и животной жизни. Если эта долина существовала и тогда, мы можем встретить здесь самые странные организмы. Если же она возникла сравнительно недавно, увидим разнообразные случаи адаптации. Вот и все. Только еще одно: где-то примерно на этом уровне должен быть выход, иначе теплый воздух заполнил бы долину доверху, как цистерну. Пошли.

— Я начинаю надеяться, что мы найдем свои ружья, — задумчиво сказал Джим.

— Как ты уже указывал, они ничего не дадут нам против Калкру — чем или кем бы он ни был, если он есть вообще. Но они помогли бы против мелких демонов. Так что ищи их взглядом — я имею в виду ружья.

Мы начали спускаться к зеленоватому туману. Идти было нетруд-

но. Не увидев ни рюкзака, ни ружей, мы дошли до тумана. Вошли в него, и он действительно оказался густым туманом. Камни стали мокрыми и скользкими, нужно было рассчитывать каждый шаг. Несколько раз нам приходилось трудно. Я не мог сказать, глубоко ли простирается туман, может, на две-три сотни футов, — конденсация, вызываемая необычными атмосферными условиями, производящими мираж.

Туман начал рассеиваться. Он сохранял странный зеленоватый цвет, но мне пришло в голову, что это объясняется отражением снизу. И вдруг его не стало. Мы вышли из него в месте, где падавшие камни встретили преграду и нагромоздились барьером втрое выше моего роста. Мы перебрались через этот барьер.

И увидели долину под миражом.

Она находилась еще в тысяче футов под нами. Ее заполняла светло-зеленая растительность; похоже на поляну в глубине леса. Свет одновременно яркий и туманный, яркий там, где мы стояли, но на расстоянии видимость ухудшалась, все затягивалось туманным занавесом бледно-изумрудного цвета. По обе стороны от нас, насколько можно было видеть до этого изумрудного занавеса, росли большие деревья. Их дыхание, напоминающее о джунглях, доносилось до нас, полное незнакомых ароматов. Слева и справа тянулись скалы, окружая лес.

— Послушай! — Джим схватил меня за руку.

Вначале очень слабо, потом все отчетливее мы услышали рокот барабанов, множества барабанов, ритм странного стаккато — резкий, насмешливый, издевающийся. Но это не барабаны Калкру! В них нет ничего от топота ног по пустынному миру.

Барабаны смолкли. И как бы в ответ, совсем с другого направления, донеслись звуки труб, угрожающие, воинственные. Если бронзовые ноты могут проклинать, то эти проклинали.

Снова барабаны, по-прежнему насмешливые, непослушные, вызывающие.

— Маленькие барабаны, — прошептал Джим. — Барабаны...

Он прижался к скале, я последовал его примеру.

Каменный барьер шел на восток, постоянно уходя вниз. Мы брели вдоль его основания. Он стоял между нами и долиной как высокая стена, закрывая видимость. Барабаны больше не были слышны. Мы спустились не менее чем на пять тысяч футов, прежде чем барьер кончился. Тут оказалась еще одна осыпь, похожая на ту, по которой ускользнули наши ружья.

Мы стояли, рассматривая спуск. Он шел под углом примерно в сорок пять градусов и был не таким ровным, как предыдущий, было даже немало уступов, где можно остановиться:

Воздух становился все теплее. Не жарко; воздух какой-то живой, полный испарениями леса. Он создавал впечатление грозной, безжалостной жизни, тяжелого испытания. Рюкзак становился все тяжелее.

Если нам придется спускаться — а другого выхода я не видел, — я не смогу нести его. Я снял рюкзак.

— Рекомендательное письмо, — сказал я и пустил рюкзак вниз по склону.

— Дыши медленно и глубоко, — рассмеялся Джим.

Глаза у него светились, он был счастлив, как человек, с которого спала огромная тяжесть. Он выглядел так, будто тоже принял вызов неведомого, как я недавно.

Рюкзак слегка подпрыгнул и исчез из вида. Очевидно, спуск не доходит до дна долины или идет под более крутым углом с того места, где исчез рюкзак.

Я осторожно присел и начал спуск, прижимаясь к скале. Джим следовал за мной. Мы преодолели уже три четверти расстояния, когда я услышал его крик. Потом его падающее тело ударило меня. Я схватил его одной рукой, но одновременно выпустил свою ненадежную опору. Мы покатились по склону. Я почувствовал сильный удар и потерял сознание.

7. Малый народ

Я пришел в себя и обнаружил, что Джим делает мне искусственное дыхание. Я лежал на чем-то мягком. Осторожно пошевелил ногами, сел. Осмотрелся. Мы лежали на ковре из мха, скорее в ковре, потому что верхушки мха находились в футе над моей головой. Невероятно высокий мох, подумал я, тупо глядя на него. Никогда такого не видел. Может, не он такой большой, просто я уменьшился? Надо мной почти на сто футов поднималась стена утеса. Джим сказал:

— Ну, вот мы и на месте!

— Как мы сюда попали? — ошеломленно спросил я. Он указал на утес.

— Упали оттуда. Ударились о выступ. Точнее, ты ударился, а я упал на тебя. Выступ и перебросил нас на этот моховой матрац. Я попрежнему был сверху. Поэтому уже пять минут делаю тебе искусственное дыхание. Прости, Лейф, но если бы получилось наоборот, тебе пришлось бы продолжать путешествие одному. У меня нет твоей выносливости.

Он рассмеялся. Я встал и осмотрелся. Гигантский мох образовывал возвышение между нами и лесом. У подножия скалы громоздились нападавшие сверху обломки. Я посмотрел на них и вздрогнул. Если бы мы упали на них, от нас осталась бы мешанина из сломанных костей и обрывков мяса. Я ощупал себя. Все на месте.

— Все к лучшему, индеец!

— Боже, Лейф! И поволновался же я из-за тебя! — Он неожиданно повернулся. — Посмотри на лес.

Моховое возвышение образовывало большой овал, ограниченный с одной стороны скалой, а с другой деревьями. Деревья напоминали калифорнийские секвойи и были почти такими же высокими. Под ними росли грациозные папоротники, высокие, как пальмы, и странные хвойные деревья с тонкими стволами, похожими на бамбук, красно-желтого цвета. Над ними, свисая со стволов и ветвей деревьев, вились лианы и груды цветов всех расцветок и форм, виднелись соцветия орхидей и чашечки лилий; странные симметричные деревья, на вершинах которых безлистые ветви были покрыты чашеобразными цветами, похожими на канделябры; наборы цветочных колокольчиков свешивались с кустов, раскачивались гирлянды маленьких звезд, белых, алых и голубых, как тропическое море. Между ними летали пчелы. Постоянно мелькали большие стрекозы. Загадочные тени двигались по лесу, как будто над ним летали крылатые стражники.

Это не был лес каменноугольного периода, по крайней мере не таким его реставрировала наука. Очарованный лес. От него тянуло тяжелыми ароматами. И, несмотря на всю свою странность, он не был зловещим или угрожающим. Он был прекрасен.

Джим сказал:

— Лес богов! В таком месте можно встретить все что угодно. Все хорошее... Ах, Дегатага, брат мой, если бы это было правдой!

Я ответил:

— Чертовски трудно будет идти по нему.

— Я думал об этом, — ответил он. — Может, лучше идти вдоль утесов? Вероятно, дальше встретим более проходимый участок. Ну, куда — направо или налево?

Мы бросили монету. Она показала направо. Поблизости я заметил рюкзак и пошел к нему. Мох напоминал двойной пружинный матрац. Я думал, как он оказался здесь; вероятно, несколько гигантских деревьев погибли от камнепада, и мох вырос на месте их гниения. Я надел рюкзак, и мы по пояс во мху направились к утесу.

Около мили мы двигались у основания скалы. Кое-где лес рос так близко, что нам приходилось прижиматься к камню. Затем характер растительности изменился. Гигантские деревья отступили. Мы вошли в чащу папоротников. Среди буйной растительности не было никаких признаков животной жизни, только пчелы и блестящие стрекозы. Из папоротников мы вышли на чрезвычайно странный маленький луг. Он очень напоминал лесную поляну. По всему ее периметру росли папоротники; с одной стороны лес образовывал стену; с другой — вертикальная стена утеса была украшена большими чашеобразными белыми цветами, которые свисали с коротких красноватых отталкивающе змееподобных стеблей; их корни, вероятно, крепились в трещинах скалы.

На лугу не росли ни деревья, ни папоротники. Он был покрыт кружевной травой, усеянной крошечными голубыми цветами. От основания

утеса поднимался тонкий столб пара, который уходил высоко в воздух, окутывая голубые цветы.

«Кипящий ручей», — решили мы. И подошли поближе, чтобы рассмотреть его.

И услышали крик, отчаянный, полный боли.

Как плач убитого горем, измученного болью ребенка, но в то же время не вполне человеческий, но и не звериный. Он доносился откуда-то из-за завесы пара. Мы остановились, прислушиваясь. Плач послышался снова, он вызывал глубокую жалость и не смолкал. Мы побежали в том направлении. Паровая завеса у основания была очень густой. Мы обогнули ее и выбежали на противоположную сторону.

У подножия утеса располагался длинный узкий пруд, похожий на небольшой перекрытый ручей. Его черная вода пузырилась, и эти пузыри, лопаясь, выпускали пар. Вдоль всего кипящего пруда, поперек черной скалы, тянулся выступ шириной в ярд. Над ним, расположенные на равных интервалах, в утесе видны были углубления, маленькие, как колыбели.

В двух таких нишах, наполовину внутри, наполовину на выступе, лежали два ребенка. Они лежали на спинах, их крошечные руки и ноги были прикреплены к камню бронзовыми скобами. Волосы их распадались по обе стороны головы; оба лежали совершенно обнаженные.

И тут я увидел, что это совсем не дети. Взрослые — маленький мужчина и крошечная женщина. Женщина, запрокинув голову, смотрела на другого пигмея. Плакала она. Нас не видела. Глаза ее были устремлены на него. Он лежал неподвижно, закрыв глаза. На его груди, над сердцем, виднелось черное пятно, как будто туда капнула сильная кислота.

На утесе над ними что-то шевельнулось. Там был один из чашеобразных цветов. Неужели это он пошевелился? Цветок висел в футе над грудью маленького мужчины, и на его белых лепестках виднелась капля, которую я принял за нектар.

Именно движение цветка уловил мой глаз. Красноватый стебель задрожал. Изогнулся, как медлительный червь, и на дюйм приблизился по скале. Цветок наклонился, будто рот, пытающийся стряхнуть каплю. Цветочный рот прямо над сердцем маленького человека и над черным пятном.

Я ступил на узкий выступ, потянулся, схватил стебель и сломал его. Он извивался у меня в руках, как змея. Корни его цеплялись за пальцы, как змеиная голова, взметнулся цветок, будто пытаясь ударить. Цветок толстый и мясистый, как круглый белый рот. Капля нектара упала мне на руку, и я почувствовал, как по руке пробежала жгучая боль. Я швырнул извивающееся растение в кипящую воду.

Над маленькой женщиной извивалось другое растение. Я и его вырвал. И оно тоже пыталось ударить меня цветочной головкой, но либо

у него не было этого смертоносного нектара, либо оно промахнулось.

Я склонился над маленьким мужчиной. Глаза его были открыты, он смотрел на меня. Как и кожа, глаза его были желтыми, раскосыми. Монголоид. Казалось, глаза его были лишены зрачков, не вполне человеческие; как и вой женщины. В глазах была боль и жгучая ненависть. Он посмотрел на мои волосы, и ненависть сменилась удивлением.

Боль в руке стала почти невыносимой. Как же должен тогда страдать этот маленький человек! Я разорвал скобы, удерживавшие его, поднял маленького мужчину и передал его Джиму. Он был не тяжелее ребенка.

Потом разогнул скобы, удерживающие женщину. В ее глазах не было ни страха, ни ненависти. Они были полны удивлением и благодарностью. Отнес и посадил ее рядом с мужчиной.

Оглянувшись, я увидел, что вся поверхность утеса охвачена движением: извивались красноватые стебли, белые цветы раскачивались, поднимая и опуская цветочные чаши.

Отвратительно...

Маленький мужчина лежал неподвижно, переводя взгляд от меня к Джиму и обратно. Женщина заговорила певучими звонкими звуками, а потом бросилась по лугу к лесу.

Джим смотрел на золотистого пигмея, как во сне. Я слышал его шепот:

— Юнви тсундси! Маленький народ! Значит, это правда! Все правда!

Маленькая женщина выбежала из зарослей папоротника. В руках ее была охапка толстых, увитых жилками листьев. Она бросила на меня виноватый взгляд и склонилась над мужчиной. Выжала сок из листьев ему на грудь. Млечный сок тек по ее пальцам и капал на почерневшую рану. Он затягивал поврежденное тело тонкой пленкой. Маленький мужчина вздрогнул, застонал, потом расслабился и лежал неподвижно.

Маленькая женщина взяла мою руку. Там, где ее коснулся нектар, кожа почернела. Женщина выдавила на это место сок. По руке побежала ни с чем не сравнимая боль. И почти немедленно исчезла.

Я посмотрел на грудь маленького человека. Чернота исчезла. На месте ожога виднелась рана, красная, нормальная. Я взглянул на свою руку. Рана есть, черноты нет.

Маленькая женщина поклонилась нам. Мужчина встал, посмотрел мне в глаза и обвел взглядом все мое тело. Я видел, как к нему вернулась подозрительность и ненависть. Он заговорил с женщиной. Она ответила, указывая на утес, на мою покрасневшую руку и на ноги и руки их обоих. Маленький мужчина поманил меня; жестом попросил наклониться. Я послушался, и он коснулся моих светлых волос, про-

бежал по ним пальчиками. Положил руку мне на сердце... потом прижался головой, вслушиваясь в его биение.

Шлепнул меня маленькой рукой по рту. Это был не удар; я знал, что это ласка. Потом он улыбнулся и певуче сказал что-то. Я не понял и беспомощно покачал головой. Он посмотрел на Джима и пропел другой вопрос. Джим попробовал чероки. На этот раз головой покачал маленький человек. Он что-то сказал женщине. Я ясно расслышал слово «э-ва-ли», произнесенное певучими птичьими звуками. Она кивнула.

Поманив нас за собой, они побежали по лугу к дальней заросли папоротников. Какие они маленькие, едва мне до бедер. И прекрасно сложенные. Длинные волосы каштанового цвета, красивые и шелковистые. Они летели за ними, как паутина.

Бежали они, как маленькие олени. Нам трудно было держаться наравне. Вбежав в заросли папоротника, они пошли медленнее. Все дальше и дальше шли мы под гигантскими папоротниками. Я не видел никакой тропы, но золотые пигмеи знали дорогу.

Мы вышли из зарослей. Перед нами расстилался широкий луг, покрытый цветами; он тянулся до берегов большой реки, очень необычной реки, молочно-белого цвета; над ее гладкой поверхностью проплывали клочья сверкающего тумана. Сквозь них я уловил очертания ровной зеленой равнины на другом берегу реки и крутой откос.

Маленький человек остановился и прижался ухом к земле. Отскочил в заросли, жестом позвав нас за собой. Через несколько минут мы подошли к полуразрушенной сторожевой башне. Вход в нее был открыт. Пигмеи скользнули внутрь, поманив нас.

Внутри башни витая лестница вела наверх. Маленькие мужчина и женщина протанцевали по ней, а мы шли за ними. На верху башни оказалось небольшое помещение, сквозь щели в каменных стенах струился зеленый свет. Я через одну из щелей посмотрел на зеленую лужайку и белую реку. Услышал отдаленный топот лошадей и негромкое женское пение; звуки все приближались.

На лужайку выехала женщина; она сидела на большой черной кобыле. Над лицом, словно капюшон, была надета голова белого волка. Волчья шкура покрывала ее плечи и спину. Двумя широкими огненными потоками на шкуру падали ее рыжие волосы. Высокие круглые груди обнажены, а под ними, как пояс, скреплены волчьи лапы. Глаза синие, как васильки, расставлены широко под низким лбом. Кожа молочно-белая с розоватым оттенком. Рот полногубый, алый, одновременно и нежный, и жестокий.

Сильная женщина, почти моего роста. Похожая на валькирию, она, подобно этим вестницам Одина, везла перед собой на седле, придерживая рукой, тело. Но не душу убитого воина, вырванную из битвы и переносимую в Валгаллу. Девушку. Девушку с крепко связанными руками и головой, безнадежно опущенной на грудь. Ее лица я не видел,

оно было скрыто под вуалью волос. Волосы красновато-коричневые, а кожа такая же прекрасная, как у всадницы.

Над головой женщины-волчицы летел белоснежный сокол, опускаясь и поднимаясь, но все время держась над нею.

Следом двигалось с десяток других женщин, молодых и мускулистых, с медно-красными, ржаво-красными и бронзово-красными волосами, висевшими свободно или собранными на голове. У всех груди обнажены, все в коротких юбках и в полусапожках. В руках у них длинные копья и маленькие щиты. И все похожи на валькирий, этих щитоносиц асов. Проезжая, они негромко напевали странную мелодию.

Женщина-волчица и ее пленница свернули на луг и исчезли из виду. Поющие женщины последовали за ними.

Сверкнули крылья парящего сокола. И он тоже исчез.

8. Эвали

Золотые пигмеи пересвистывались, в глазах их горела жгучая ненависть.

Маленький мужчина коснулся моей руки, заговорил быстрыми певучими звуками, указывая на противоположный берег реки. Очевидно, он объяснял, что мы должны пересечь ее. Замолк, прислушиваясь. Маленькая женщина сбежала по поломанным ступеням. Мужчина, гневно защебетав, подбежал к Джиму и начал бить его кулаком по ногам, как бы заставляя встать. Потом побежал вслед за женщиной.

— Вставай, индеец! — нетерпеливо сказал я. — Они нас торопят.

Он встряхнул головой, как человек, отгоняющий остатки сна.

Мы быстро спустились по полуразрушенной лестнице. Маленький мужчина ждал нас, но делал это весьма странно. Он танцевал в маленьком круге, причудливо размахивая руками и напевая необычную мелодию из четырех нот, снова и снова повторяя эти ноты в различной последовательности. Женщины не было видно.

Завыл волк. Дальше в лесу ему ответило несколько других волков — будто охотящаяся стая, чей предводитель учуял запах добычи.

Из папоротниковой заросли выбежала маленькая женщина; мужчина прекратил свой танец. Руки ее были полны небольших пурпурных ягод, напоминавших волчьи. Мужчина показал в сторону реки, и они пошли туда, прячась в папоротниках. Мы — следом. Выйдя из зарослей, пересекли зеленый луг и остановились на берегу реки.

Снова прозвучал вой волка, ему ответили другие, на этот раз гораздо ближе.

Маленький мужчина подскочил ко мне, яростно щебеча; он обвил руками мою талию и пытался сорвать с меня рубашку. Женщина что-то распевала Джиму, размахивая руками с пурпурными ягодами.

— Они хотят, чтобы мы разделись, — сказал Джим. — И побыстрее.

Мы торопливо разделись. На берегу была яма, в которую я сунул наш рюкзак. Мы быстро скатали одежду и обувь, перевязали ремнями и надели сверток на плечи.

Маленькая женщина отдала мужчине пригоршню ягод. Она жестом предложила Джиму наклониться, а когда он послушался, натерла ему голову, плечи, грудь, бедра, ноги раздавленными ягодами. Маленький мужчина то же самое делал со мной. У ягод был странный резкий запах, от которого слезились глаза.

Я выпрямился и посмотрел на белую реку.

Молочную поверхность разорвала голова змеи, еще одна и еще, большие, как у анаконд, покрытые изумрудно-зеленой чешуей. Ярко-зеленый гребень, продолжающийся вдоль спины, был виден в белой воде на извивающихся телах. Мне явно не нравилась мысль о том, что придется окунуться в эту воду, но теперь я понял, с какой целью нас намазали соком ягод. Очевидно, золотые пигмеи не хотели причинить нам вреда. И к тому же они, несомненно, знают, что делают.

Маленький человек нырнул, пригласив меня следовать за ним. Я повиновался и услышал всплески от прыжков женщины и Джима. Мужчина оглянулся на меня, кивнул и поплыл через реку, как угорь, я с трудом его догнал.

Змеи с гребнями не трогали нас. Один раз я почувствовал прикосновение к пояснице; один раз, стряхнув воду с глаз, обнаружил, что рядом плывет змея; казалось, она соревнуется со мной в скорости.

Вода теплая, как парное молоко, в ней удивительно легко плыть. Река в этом месте достигала в ширину примерно тысячи футов. На середине ее я услышал резкий крик, почувствовал над головой удары крыльев и перевернулся на спину, отбиваясь руками.

Надо мной парил белый сокол женщины-волчицы, он опускался, взлетал, угрожая своими когтями.

С берега донесся крик, звонкий, повелительный, на архаичном уйгурском:

— Вернись! Вернись, Желтоволосый!

Я повернулся, чтобы посмотреть назад. Сокол прекратил нападение. На берегу на своей большой черной кобыле сидела женщина-волчица, держа на седле пленную девушку. Глаза «волчицы» сверкали, как сапфировые звезды, руку она подняла в призывном жесте.

А вокруг нее, опустив головы, глядя на меня зелеными глазами, стояли белоснежные волки.

— Вернись! — снова воскликнула она.

Она была прекрасна, эта женщина-волчица. И трудно было не повиноваться ей. Но нет, она не женщина-волчица. Кто же она? Я вспомнил уйгурское слово, древнее слово, я и не подозревал, что знаю его.

Салюрда — ведьма. И вместе с этим словом пришло гневное неприятие ее призыва. Кто она такая, Салюрда, чтобы командовать мной? Мной, Двайану, который в прежнее время приказал бы скормить ее скорпионам за такую наглость!

Я высоко приподнялся в белой воде.

— Возвращайся в свое логово, Салюрда! — закричал я. — Двайану не повинуется тебе! Когда я призову тебя, повинуйся!

Она смотрела на меня в немом изумлении. Сокол с криком описал круг над моей головой и улетел. Я слышал рычание белых волков, слышал топот копыт черной кобылы. Добравшись до берега, я вышел на него. Потом повернулся. Женщина-волчица, сокол, белые волки — все исчезло. На оставленном мной в воде следе, играя, плавали зеленоголовые змеи.

Золотые пигмеи выбрались на берег.

Джим спросил:

— Что ты ей сказал?

— Ведьма приходит на мой зов, а не я на ее, — ответил я и удивился, что же заставило меня сказать так.

— Все-таки ты Двайану, а, Лейф? Что же на этот раз спустило курок?

— Не знаю. — Необъяснимое негодование против женщины чувствовалось еще очень сильно, и, поскольку я не понимал его причины, оно меня раздражало. — Она приказала мне вернуться, и что-то взорвалось у меня в голове. И тут... тут мне показалось, что я ее знаю, что ее приказ мне — наглость. Я так и сказал ей. Она больше меня удивилась моим словам. Как будто это говорил кто-то другой. Как тогда, когда я начал проклятый ритуал и не смог остановиться.

Он кивнул и начал одеваться. Я последовал его примеру. Одежда насквозь промокла. Пигмеи с явным недоумением следили, как мы извиваемся, пытаясь натянуть ее на себя. Я заметил, что красное пятно вокруг раны на груди маленького мужчины побледнело, и хотя сама рана оставалась свежей, она уже была не так глубока и начала заживать. Я посмотрел на свою руку: краснота почти исчезла и только легкая припухлость показывала место, которого коснулся нектар.

Когда мы надели башмаки, золотые пигмеи пошли в сторону от реки, направляясь к линии невысоких холмов примерно в миле от нас. Туманный зеленый свет наполовину скрыл их, как он скрывал вид на север, когда мы впервые взглянули на долину. На половине пути местность была ровной, покрытой травой с голубыми цветами. Потом начались папоротники, которые становились все выше. Мы увидели тропу не шире оленьей, что вела в густые заросли, и пошли по ней.

С раннего утра мы ничего не ели, и я с сожалением вспомнил оставленный рюкзак. Однако я привык есть вволю, когда это возможно,

и обходиться совсем без еды в случае необходимости. Поэтому затянул пояс и оглянулся на Джима, шедшего за мной.

— Есть хочешь? — спросил я.

— Нет. Слишком занят мыслями.

— Индеец, кто вернул рыжеголовую красотку?

— Волки. Ты разве не слышал, как они выли ей вслед? Они нашли наш след и позвали ее.

— Я так и думал, но ведь это невероятно. Она ведьма!

— Почему же? Вспомни Маугли и его серых товарищей. Волков легко выучить. Но она тем не менее ведьма. Не сдерживай Двайану, если будешь иметь с ней дело, Лейф.

Снова послышался бой маленьких барабанов. Вначале несколько, потом все больше и больше, и вот уже звучат десятки. На этот раз они звучали весело, в танцевальном ритме, который снимал любую усталость. Казалось, они близко. Но вокруг нас смыкались папоротники, и ничего не было видно. Узкая тропа извивалась между стволами, как извилистый ручей.

Пигмеи пошли быстрее. Неожиданно заросли кончились, и пара остановилась. Перед нами местность резко повышалась на триста-четыреста футов. Склон, за исключением вьющейся тропы, весь зарос с основания до вершины густыми зелеными кустами, усаженными зловещими трехдюймовыми шипами — живая изгородь из колючей проволоки, которую не смогло бы преодолеть ни одно живое существо. В конце тропы виднелась приземистая каменная башня, на ней блестели острия копий.

В башне раздался звонкий барабанный бой — несомненный сигнал тревоги. Мгновенно маленькие барабаны смолкли. Тот же резкий сигнал послышался дальше и повторялся, все время удаляясь. Теперь я увидел, что склон по существу представлял собой крепостную стену, окруженную изгородью из могучих папоротников; эта стена уходила к далеким крутым черным утесам. И стена повсюду была покрыта колючими зарослями.

Маленький мужчина что-то прощебетал и пошел по тропе к башне. Его встретила толпа пигмеев. Женщина осталась с нами, она кивала, улыбалась и ободряюще поглаживала нас по коленям.

Из башни послышался звук барабана, вернее трех барабанов. Так я решил, потому что слышались три разные ноты, мягкие, ласковые, но разносящиеся далеко. Они разносили слово, имя, эти барабаны, так отчетливо, будто у них были губы, имя, которое я разобрал в щебетании пигмеев...

Э-ва-ли... Э-ва-ли... Э-ва-ли... Снова, и снова, и снова. Барабаны в других башнях молчали.

Маленький мужчина поманил нас. Мы пошли вперед, и, с трудом уворачиваясь от шипов, подошли к концу тропы у невысокой башни.

Здесь нам преградили дорогу два десятка пигмеев. Ни один не был выше того, которого я спас от белых цветов. У всех та же золотистая кожа, те же полузвериные желтые глаза; как и у него, длинные шелковистые волосы, падающие почти до ног. На всех набедренные повязки из материала, напоминавшего хлопок; вокруг талии широкие серебряные пояса, на которых вышиты причудливые изображения. Их копья, несмотря на свою видимую хрупкость, представляли собой грозное оружие, с длинным древком черного дерева, с острием из красного металла. На спинах у них висели черные луки и колчаны, полные длинных острых стрел; на металлических поясах — кривые ножи из красного металла, похожие на сабли гномов.

Они смотрели на нас, как малые дети. Мы чувствовали себя, как, должно быть, чувствовал себя Гулливер среди лилипутов. Но что-то в них было такое, что не позволяло шутить с их оружием. С любопытством и интересом, но без следа враждебности они разглядывали Джима. На меня глядели сурово и яростно. Только когда их взгляд падал на мои светлые волосы, я видел, как сомнение и удивление сменяют подозрительность — но они ни разу не опустили нацеленные на меня копья.

Э-ва-ли... Э-ва-ли... Э-ва-ли... — пели барабаны.

Издалека донесся ответный рокот, и барабаны смолкли.

Из-за башни послышался прекрасный низкий голос, произносящий птичьи звуки речи малого народа...

И я увидел Эвали.

Приходилось ли вам видеть иву, раскачивающуюся весной на берегу чистого деревенского пруда, или стройную березу, танцующую на ветру в тайной рощице, или летучие зеленые тени на лесной поляне глубоко в лесу, когда лесные дриады собираются показать себя? Я подумал об этом, когда она вышла нам навстречу.

Смуглая высокая девушка. Карие глаза под длинными черными ресницами, чистые, как горный ручей осенью; волосы черные, отражая свет, они казались порой синеватыми. Лицо небольшое, брови почти соединяются двумя ровными линиями над маленьким прямым носом; рот большой, но прекрасно очерченный и чувственный. Над широким низким лбом волосы убраны в прическу, напоминающую корону. Кожа — чистый полированный янтарь — сверкала под свободной одеждой, облекавшей ее по колено, серебристой, полупрозрачной, как бы сотканной из паутины. Набедренная повязка, такая же, как у малого народа. Но, в отличие от пигмеев, на ногах девушка носила сандалии.

Когда смотришь, от ее грации перехватывает дыхание. Длинная гибкая линия от ног до плеч, тонкая и подвижная, как вода, огибающая подводный камень.

В ней горела жизнь, как в девственном лесу, когда тепло весны сменяется горячими поцелуями лета. Теперь я понял, почему древние греки

верили в дриад, наяд, нереид — в женские души деревьев, ручьев, водопадов и волн.

Не могу сказать, сколько ей лет — ее языческая красота не знает возраста.

Она рассматривала меня, мою одежду и обувь, в явном замешательстве; взглянула на Джима, кивнула, как будто убедившись, что здесь не о чем тревожиться; снова принялась рассматривать меня. Крошечные воины окружили ее, держа наготове копья.

Маленькие мужчина и женщина вышли вперед. Они говорили одновременно, указывая на его грудь, на мою руку и мои светлые волосы. Девушка рассмеялась, привлекла к себе женщину и закрыла ей рот рукой. Маленький мужчина продолжал щебетать и распевать.

Джим с изумленным вниманием вслушивался, когда начинала говорить девушка. Он схватил меня за руку.

— Они говорят на чероки! Или на похожем языке... Слушай... только что было слово... вроде «юнвинигиски»... оно означает «пожиратели людей, людоеды». Буквально «те, что едят людей»... если это так... и посмотри... он показывает, как цветы свисали с утеса...

Снова заговорила девушка. Я внимательно слушал. Скорость произношения и певучие звуки затрудняли понимание, но я уловил нечто знакомое... а вот комбинация, которую я, несомненно, знаю.

— Похоже на монгольский язык, Джим. Я уловил слово, означающее «змеиная вода» на дюжине различных диалектов.

— Я знаю... она назвала змею «аханада», а на чероки «инаду» — но это индейский язык, а не монгольский.

— Может быть, и то, и другое. Индейские диалекты относятся к монгольской семье. Вероятно, у них общий праязык. Если бы только она говорила медленнее и не щебетала!..

— Возможно. Чероки называют себя «древнейшим народом», а свой язык — «первой речью»... погоди...

Он вышел вперед, подняв руку, и произнес слово, которое на чероки означает «друг» или «человек, пришедший с добрыми намерениями». Повторил его несколько раз. В глазах девушки появилось понимание. Она повторила это слово, потом, повернувшись к пигмеям, передала его им... я ясно расслышал его среди трелей и щебетания. Пигмеи подошли ближе, глядя на Джима.

Он медленно сказал:

— Мы пришли снаружи. Мы ничего не знаем об этом месте. Мы никого здесь не знаем.

Несколько раз повторил он это, пока она не поняла. Серьезно посмотрела на него, на меня — с сомнением, но как человек, готовый поверить. Запинаясь, ответила:

— Но Шри... — она указала на маленького мужчину, — сказал, что в воде он говорил злым языком.

— Он говорит на многих языках, — ответил Джим. Потом обратился ко мне: — Разговаривай с ней. Не стой, как восхищенный манекен. Девушка умеет думать, а мы в сложном положении. Твоя внешность не нравится карликам, Лейф, несмотря на то, что ты сделал.

— Разве удивительно, что я говорю не только на твоем языке, Эвали? — спросил я. И повторил несколько раз на двух из самых древних известных мне монгольских диалектах. Она задумчиво разглядывала меня.

— Нет, — наконец ответила она, — нет. Потому что я тоже немного знаю этот язык, но это не делает меня злой.

Неожиданно она улыбнулась и пропела какой-то приказ стражникам. Они опустили копья, рассматривая меня с тем же дружелюбным интересом, с каким раньше смотрели на Джима. В башне радостно зазвучали барабаны. Как по сигналу, другие барабаны, замолчавшие с сигналом тревоги, возобновили свой радостный рокот.

Девушка поманила нас. Мы пошли за ней в окружении маленьких копьеносцев между изгородью из колючего кустарника и башней.

И миновали порог земли малого народа и Эвали.

9. Обитатели миража

Зеленый свет, заполнявший Землю Теней, потускнел. Как зеленый лес в сумерках. Солнце опустилось за вершины гор, окружавших иллюзорную поверхность, которая служила небом Земли Теней. Но свет гас медленно, как будто не вполне зависел от солнца, как будто это место имело собственный источник освещения.

Мы сидели возле шатра Эвали. Он размещался на вершине круглого холма неподалеку от ее пещеры в утесе. Вдоль всей поверхности утеса виднелись пещерки малого народа, крошечные отверстия, которые могли пропустить только их; там находились их дома, их лаборатории, мастерские, склады и амбары, их неприступные крепости.

Прошло несколько часов с тех пор, как мы прошли между кустами и сторожевой башней. Золотые пигмеи толпились со всех сторон, любопытные, как дети, щебеча и пища, расспрашивали Эвали, передавая ее ответы тем, кто стоял далеко. Даже теперь вокруг основания холма стояло живое кольцо: десятки маленьких мужчин и женщин смотрели на нас желтыми глазами, смеясь и напевая. На руках женщины держали детей, похожих на крошечных кукол, «куклы» побольше жались к их коленям.

Как и дети, их родители быстро утоляли свое любопытство и возвращались к своим занятиям и играм. Их место занимали другие, чье любопытство еще не было утолено.

Я смотрел, как они танцуют на гладкой траве. Они танцевали в ритме своих барабанов. На равнине виднелись другие холмы, большие и меньшие, чем тот, на котором находились мы, как на подбор круглые и симметричные. А вокруг под барабанный бой танцевали золотые пигмеи.

Они принесли нам маленькие хлебные лепешки и непривычно сладкие, но вкусные молоко и сыр, а также незнакомые спелые фрукты и дыни. Я устыдился количества опустошенных мною тарелок. Малень-

кие люди смотрели на меня и смеялись, а потом просили женщин принести еще. Джим со смехом сказал:

— Ты ешь пищу юнви тсундси. Волшебная пища, Лейф! Ты больше никогда не сможешь есть пищу смертных.

Я взглянул на Эьали, на ее винно-янтарную красоту. Да, можно поверить, что она выросла не на пище простых смертных.

В сотый раз я принялся разглядывать равнину. Склон, на котором располагались сторожевые башни, образовывал гигантский полукруг. Он заканчивался у черных утесов. Я решил, что он охватывает не менее двадцати квадратных миль. За колючими зарослями виднелись гигантские папоротники; за ними, по другую сторону реки, я мог рассмотреть большие деревья. Есть ли лес на этой стороне, я не мог сказать. И есть ли здесь другие живые существа? Очевидно, от чего-то надо защищаться, иначе к чему все эти укрепления, вся эта оборона?

Как бы то ни было, защищенная страна малого народа представляла собой маленький земной рай, с амбарами пшеницы, садами, виноградниками и зелеными лугами.

Я вспомнил, что рассказывала нам Эвали о себе, тщательно и медленно переводя певучие звуки речи малого народа в доступные для нас слова. Она говорила на древнем языке, корни которого уходили далеко в прошлое, дальше, чем в любом известном мне языке, за исключением, может быть, только уйгурского. С каждой минутой я овладевал им все больше и больше и уже мог говорить — правда, не так легко, как Джим, который даже испустил несколько трелей, к великой радости пигмеев. И они понимали его. Каждый из нас лучше понимал язык Эвали, чем она наш.

Откуда пришел малый народ в Землю Теней? Как они узнали древний язык? Я задавал себе эти вопросы и отвечал на них: а как шумеры, чей великий город Библия называет Уром халдеев, могли говорить на монгольском языке? Шумеры тоже были невысоким народом, они владели странным колдовством, изучали звезды. И никто не знает, откуда они пришли в Месопотамию, уже обладая расцветшей наукой. Азия — Древняя Мать — никто не знает, скольким народам дала она жизнь, а потом видела, как они обращаются в пыль.

Мне казалось, я понимаю, как древний язык преобразовался в птичьи трели малого народа. Очевидно, чем меньше гортань, тем выше производимые ею звуки. Разве только по капризу природы можно встретить ребенка с басом. Самые рослые пигмеи не выше шестилетнего ребенка. Поэтому они не могут произносить низкие звуки; им приходится заменять их другими. Естественно, если вы не можете взять ноту в низкой октаве, вы переводите ее в более высокую. Так они и поступали, и со временем выработался язык из птичьих трелей и щебета, но грамматическая структура осталась прежней.

Эвали рассказала нам, что помнит большой каменный дом. Ей ка-

жется, что она помнит большую воду. Помнит землю, поросшую деревьями; эта земля становилась «холодной и белой». Там были мужчина и женщина... потом остался только мужчина... потом все затянулось как туманом. По-настоящему она помнит только малый народ... она забыла, что есть что-то еще... пока не появились мы. Она помнит время, когда сама была не больше пигмеев... и как она испугалась, когда стала перерастать их. Маленькие люди — рррллия — примерно так звучит это слово на их языке — любили ее; они поступали так, как она им говорила. Они кормили, одевали и учили ее, особенно мать Шри, чью жизнь я спас от цветов смерти. Чему учили? Она странно посмотрела на нас и повторила только: «Учили меня». Иногда она танцевала с ними, а иногда — для них; и снова уклончивый, странный взгляд. Вот и все. Давно ли она была такой маленькой, как пигмеи? Она не знает — очень, очень давно. Кто назвал ее Эвали? Она не знает.

Я украдкой рассматривал ее. Ничто в ее внешности не выдавало ее расовой принадлежности. Я сам — подкидыш и понимал, что и она тоже, и что те мужчина и женщина, которых она смутно помнит, — ее отец и мать. Но откуда они, из какой страны? Ни ее глаза, ни губы, ни волосы, ни очертания тела, ни покрой одежды не могли дать ответ.

Она еще более подмененный ребенок, чем я. Подмененное дитя миража! Вскормленное на пище гоблинов!

Интересно, если я уведу ее из Земли Теней, превратится ли она в обычную женщину?..

Я почувствовал, как ледяное кольцо сжало мою грудь.

Уведу ее! Сначала придется встретиться с Калкру — и с ведьмой!

...Зеленые сумерки сгустились; среди деревьев замелькали огоньки больших светляков; легкий ветерок прокрался среди папоротников, полный ароматов далекого леса. Эвали вздохнула.

— Ты не оставишь меня, Тсантаву?

Если он и слышал ее, то не ответил. Она повернулась ко мне.

— А ты... Лейф?

— Нет! — ответил я и, казалось, услышал гром барабанов Калкру, заглушивший барабанные трели малого народа далеким насмешливым хохотом.

* * *

Зеленые сумерки перешли в тьму, светящуюся темноту, как будто за затянутым облаками небом светила полная луна. Барабаны золотых пигмеев стихли. Малый народ перебрался в свои пещеры. С далеких башен доносились негромкие звуки барабанов стражи, они перешептывались над затянутыми колючим кустарником склонами. Огоньки светляков теперь напоминали фонари гоблинов. Большие бабочки, как самолеты эльфов, плыли на блестящих крыльях.

— Эвали, — заговорил Джим, — юнви тсундси... малый народ — давно ли он живет здесь?

— Он всегда здесь жил, Тсантаву... так они утверждают.

— А те, другие, рыжеволосые женщины?

Мы спрашивали об этих женщинах и раньше, но она не отвечала, игнорируя наши вопросы; теперь же она без колебаний ответила:

— Они из народа айжиров; в волчьей шкуре была Люр, колдунья. Она правит айжирами вместе с верховным жрецом Йодином и Тибуром-Кузнецом. Он не так высок, как ты, Лейф, но шире в плечах и в груди, и он силен — очень силен! Я расскажу вам об айжирах. Раньше будто рука зажимала мне рот — или сердце? Но теперь рука исчезла.

Малый народ рассказывает, что давным-давно айжиры появились верхом на лошадях. Тогда ррррллия владели землей по обе стороны реки. Айжиров было много. Гораздо больше, чем теперь, много мужчин и женщин, а сейчас в основном женщины, а мужчин мало. Они пришли издалека, так рассказывали отцам ррррллия их отцы. Их вело... у меня нет слова. Оно имеет имя, но я не стану его произносить... нет, даже про себя не стану! Но у него есть форма... Я видела его изображение на знаменах, которые вывешивают в Караке... и на груди Люр и Тибура, когда они...

Она задрожала и смолкла. Сереброкрылый мотылек опустился ей на ладонь, поднимая и опуская сверкающие крылья; она мягко поднесла его к губам и осторожно сдула.

— Всего этого ррррллия — вы их зовете малым народом — тогда не знали. Айжиры отдохнули. Начали строить Карак, вырубать в скале храм того... кто привел их сюда. Вначале они строили быстро, будто боялись преследования; но никто их не преследовал, и строительство пошло медленнее. Они хотели превратить малый народ в своих слуг, в рабов. Но ррррллия не захотели этого. Началась война. Малый народ осадил Карак; когда айжиры выходили, их убивали; потому что все ррррллия знали всё вокруг — жизнь растений, как сделать так, чтобы их копья и стрелы убивали при одном прикосновении. И так погибло множество айжиров.

Наконец был заключен мир, и не потому, что малый народ был побежден, он не был побежден. По другим причинам. Айжиры хитры; они устраивали ловушки и поймали много ррррллия. И вот что они сделали — отвели их в храм и принесли в жертву... тому, кто привел их сюда. Они отводили их в храм по семь человек, и один из семерки видел жертвоприношение, потом его отпускали, чтобы он рассказал ррррллия, что видел.

Вначале они не верили, настолько ужасен был рассказ о жертвоприношении, но потом пришел второй, и третий, и четвертый все с тем же рассказом. Страх и отвращение охватили малый народ. И был зак-

лючен договор. Рррллия живут по эту сторону реки, айжиры — по другую. В ответ айжиры поклялись тем, кто привел их, что больше никогда ни один рррллия не будет принесен в жертву. Если рррллия захватят по ту сторону реки, он будет убит, но не принесен в жертву. А если кто-то из айжиров, покинув Карак, станет искать убежища у малого народа, он тоже будет убит. И рррллия согласились на все это, потому что испытывали ужас. Разобрали Нансур, чтобы никто не мог пересечь... Нансур — это мост через белую реку Нанбу. Все лодки, и на стороне рррллия, и на стороне айжиров были уничтожены. Они больше не должны были строиться. В качестве еще одной меры предосторожности рррллия взяли далануза и пустили их в Нанбу, так что никто не сможет перебраться по воде. Так и было — долго, долго, долго.

— Далануза, Эвали, это змеи?

— Тланузи... пиявки, — ответил Джим.

— Змеи безвредны. А вот если бы ты увидел одну из далануза, я думаю, Лейф, ты не стал бы задерживаться, чтобы поговорить с Люр, — насмешливо сказала Эвали.

Я отложил эту загадку, чтобы подумать над ней потом.

— А эти двое, которых мы нашли под цветами смерти... Они нарушили договор?

— Нет. Они знали, что их ждет, если они будут пойманы, и были готовы платить. На дальнем берегу белой Нанбу растут некоторые травы... и другие растения; они нужны малому народу, а по эту сторону таких не найдешь. Поэтому они переплывают Нанбу, чтобы найти их... далануза их друзья. И не так уж часто их там ловят. Но в этот день Люр охотилась за беженкой, которая стремилась уйти в Сирк, пересекла их след, догнала и уложила под цветами смерти.

— Но что сделала эта девушка? Разве она не одна из них?

— Ее избрали для жертвоприношения. Разве ты не видел... она была талули... ждала ребенка... готова была...

Голос ее смолк. Меня коснулся холод.

— Конечно, ты ничего этого не знаешь, — сказала она. — И я больше не буду об этом говорить... пока. Если бы Шри и Шра нашли девушку до того, как их самих обнаружили, они бы провели ее через далануза — как провели вас; и тут бы она жила, пока не смогла бы уйти... уйти от себя. Она ушла бы во сне, в мире... без боли, проснувшись, была бы далеко отсюда... и ничего бы не помнила...

Малый народ любит жизнь и отсылает тех... кого можно отослать. Она сидела спокойно, глаза ее были безмятежны.

— И многих... отсылают?

— Нет. Мало кто может миновать далануза, хотя многие пытаются.

— И мужчины, и женщины, Эвали?

— Разве мужчины могут приносить детей?

— Что ты этим хочешь сказать? — резко спросил я. Что-то в ее словах задело меня.

— Не сейчас, — ответила она. — К тому же мужчин мало в Караке, я говорила тебе. Среди новорожденных один из двадцати — мальчик. Не спрашивай, почему: я сама не знаю.

Она встала и сонно посмотрела на нас.

— На сегодня хватит. Будете спать в моем шатре. Утром вам поставят палатку, а малый народ вырубит для вас пещеру рядом с моей. И увидите Карак, стоя на сломанном мосту Нансур, увидите Тибура, который всегда приходит на Нансур, когда я там. Вы все увидите завтра... или послезавтра... или еще позже. Какая разница? У вас много дней впереди. Разве не так?

И опять ответил Джим:

— Много, Эвали.

Она сонно улыбнулась. Повернулась и заскользила к темной тени, к утесу, к входу в свою пещеру. Растаяла в тени, исчезла.

10. Если бы человек мог полностью использовать свой разум

Барабаны карликов негромко разговаривали друг с другом на всем протяжении колючей изгороди. Неожиданно мне отчаянно захотелось в Гоби. Не знаю почему, но ее пустынное, обожженное ветром и песком тело было мне желаннее женского. Меня охватила ностальгия. Я попытался стряхнуть ее. И наконец в отчаянии заговорил:

— Ты очень странно вел себя, индеец.

— Тси тсалаги — говорил я тебе — я чероки.

— Тсантаву, это я, Дегатага, говорю с тобой сейчас.

Я перешел на чероки, он ответил:

— Что желает знать мой брат?

— Что сказали тебе предки, когда мы спали под елями? Что ты узнал по данным им трем знакам? Я сам не слышал их голоса, брат, но по кровному обряду они и мои предки, как и ты, я имею право знать их слова.

Он ответил:

— Разве не лучше предоставить будущему развертываться, не обращая внимания на тихие голоса мертвых? Кто может утверждать, что призраки говорят правду?

— Тсантаву направил стрелу в одном направлении, а глаза его устремлены в другом. Однажды он назвал меня псом, бредущим за хозяином. Он по-прежнему так думает, поэтому...

— Нет, нет, Лейф, — прервал он меня, оставив язык своего племени. — Я только хотел сказать, что не знаю, правда ли это. Я знаю, как определил бы это Барр, — естественные предчувствия, выраженные под-

сознательно в терминах расовых суеверий. Голоса сказали, что на севере меня ждет большая опасность. Дух, живущий на севере, уничтожит моих предков навсегда, если я попаду ему в руки. «Как будто нас никогда не было». Существует какая-то глубокая разница между обычной и этой «странной смертью», но я этого не понял. По трем знакам я узнаю, что они говорят правду: по Атагахи, по Усунхиу и по юнви тсундси. Когда встречу первые два знака, я могу повернуть назад. Но когда встречу третий, будет уже поздно. Они просили меня не допустить — это особенно интересно, Лейф, — чтобы мы были растворены.

— Растворены! — воскликнул я. — Но именно это слово употребил я много часов спустя!

— Да, поэтому у меня мурашки побежали по коже, когда я услышал тебя. Ты не можешь винить меня в том, что я был несколько рассеян, когда мы встретили каменную равнину, похожую на Атагахи, и потом, когда увидели Землю Теней, которая и есть Усунхиу, Земля Тьмы. Поэтому я и сказал, когда мы встретили третий знак — юнви тсундси, — что теперь предпочитаю твое толкование интерпретации Барра. Мы встретили юнви тсундси. И если ты считаешь, что этого недостаточно, чтобы вести себя странно, — какую же причину ты счел бы достаточной?

Джим в золотых цепях... Щупальце Темной Силы ползет, ползет к нему. — Мои губы пересохли.

— Почему ты мне не сказал все это? Я никогда не позволил бы тебе идти дальше!

— Я это знал. Но ведь сам ты не повернул бы назад, старина?

Я не ответил, и он рассмеялся.

— Да и как я мог быть уверен, пока не увидел знаки?

— Но ведь они не утверждали, что ты будешь... растворен, — ухватился я за соломинку. — Они только говорили, что есть опасность.

— Да, и это все.

— Что же мне делать? Джим, я убью тебя собственными руками, если увижу, что с тобой происходит то, что я видел в Гоби.

— Если сможешь, — ответил индеец, и я увидел, что он тут же пожалел о своих словах.

— Если смогу? А что они сказали обо мне, эти проклятые предки?

— Ничего, — жизнерадостно ответил он. — Я просто решил, что если окажусь в опасности, то и ты тоже. Вот и все.

— Джим, это не все. Что ты скрываешь от меня?

Он встал и остановился надо мной.

— Ну, ладно. Они сказали, что если даже Дух не возьмет меня, я все равно не выберусь отсюда. Теперь ты все знаешь.

— Что ж, — сказал я, чувствуя, как с души спадает тяжесть. — Не

так плохо. А что касается того, чтобы выбраться — будь что будет. Одно ясно: если ты останешься, то и я тоже.

Он с отсутствующим видом кивнул. А я перешел к другому интересовавшему меня вопросу.

— Юнви тсундси, Джим, кто они? Я не помню, чтобы ты мне о них рассказывал. Что это за легенда?

— Малый народ, — он со смешком присел рядом со мной, оторвавшись от своих мыслей. — Они жили в земле чероки до чероки. Раса пигмеев, как те, что сейчас живут в Африке и Австралии. Только они не черные. Эти маленькие люди точно соответствуют описанию. Конечно, происходило и скрещивание. В легенде говорится, что у них кожа цвета меди и рост в два фута. Эти же — с кожей цвета золота и ростом в среднем в три фута. Значит, здесь они немного посветлели и выросли. А все остальное совпадает — длинные волосы, прекрасные фигуры, барабаны и все прочее.

Он продолжал рассказывать о малом народе, что жил в пещерах, в основном в районе Теннесси и Кентукки. Земной народ, поклонники жизни, неистово раблезианский. К чероки они относились дружески, но держались изолированно, и их редко можно было увидеть. Они часто помогали заблудившимся в горах, особенно детям, отводили в свои пещеры и наказывали никому не рассказывать, где эти пещеры. И, продолжает легенда, если спасенный когда-нибудь проговаривался, то действительно умирал. Если кто-то ел их пищу, то должен был быть очень осторожен, вернувшись в свое племя, и медленно привыкать к обычной пище, иначе он тоже умирал.

Малый народ был очень обидчив. Если кто-то следовал за ними в лесу, они заколдовывали его, так что он на несколько дней утрачивал чувство направления. Они прекрасно знали лес, хорошо обрабатывали металл, и если охотник находил в лесу нож, острие копья или вообще какую-нибудь безделушку, он должен был сказать: «Малый народ, я хочу взять это». Если он этого не делал, удача отворачивалась от него, и ему больше никогда не удавалось добыть дичь. Да и другие неприятности происходили с ним. Такие, из-за которых расстраивалась его жена.

Они были веселым народом, эти маленькие люди, и большую часть времени проводили в танцах под бой барабанов. У них были самые разные барабаны — барабаны, от звука которых падали деревья, барабаны, вызывавшие сон, барабаны, которые сводили с ума, и такие, которые разговаривали, и барабаны грома. Барабаны грома звучали как настоящий гром, и когда малый народ бил в них, поблизости собирались грозовые тучи.

Я вспомнил рокот барабанов, сменивший пение. Может, это малый народ выражал так свое неприятие Калкру...

— У меня есть к тебе один-два вопроса, Лейф.

— Давай, индеец.

— А что ты помнишь... о Двайану?

Я ответил не сразу. Я сам боялся этого вопроса с тех пор, как закричал на женщину-волчицу на берегу реки.

— Если считаешь, что с ним все кончено, ладно. Но если ты хочешь увильнуть от ответа, плохо. Я задал прямой вопрос.

— Ты думаешь, что во мне возрождается древний уйгур? Если так, то, может, ты объяснишь, где я был все эти тысячи лет между ним и мною?

— О, значит, тебя беспокоит та же мысль? Нет, я не имел в виду перевоплощение. Хотя мы о нем знаем так мало, что я не стал бы совсем отвергать эту идею. Но может быть более естественное объяснение. Поэтому я и спрашиваю — что ты помнишь о Двайану?

Я решил выложить все начистоту:

— Ладно, Джим, этот вопрос не давал мне покоя все три года после Калкру. И если я не найду ответа здесь, то отправлюсь за ним в Гоби... Конечно, если смогу выбраться отсюда. Когда в оазисе я ждал призыва старого жреца, помню отчетливо, что я был Двайану. Я узнал кровать, узнал доспехи и оружие. Я смотрел на металлический шлем и вспомнил, как Двайану... или я... получил ужасный удар палицей, когда носил его. Я снял шлем: на нем была вмятина именно в том месте, которое я помнил. Я вспомнил, что Двайану — или я — имел привычку держать в левой руке более тяжелый меч, — и один из мечей был тяжелее другого. К тому же в драке я охотнее пользуюсь левой рукой, чем правой. Воспоминания приходили ко мне вспышками. На мгновение я был и Двайану, и самим собой. С интересом я рассматривал знакомые вещи, и с беспокойством думал, что все это значит...

— Ну, а что еще?

— Что ж, я не был вполне откровенен в рассказе о ритуале, — подавленно признался я. — Я говорил тебе, что кто-то другой контролировал мой мозг. Это правда, в каком-то смысле — но, Боже, прости меня, я все время знал, что этот кто-то другой тоже я, я сам! Как будто двое стали одним. Трудно объяснить... Ты знаешь, иногда говоришь одно, а думаешь другое. Ну, а если говоришь одно, а думаешь в это время о двух разных вещах одновременно? Одна часть меня восставала, испытывала отвращение и ужас. Другая знала, что обладает властью, и наслаждалась этой властью. Вот именно эта часть меня и контролировала волю. Если бы я действительно поверил, что кто-то другой командовал мной, разве я испытывал бы такие угрызения совести? Нет, я знал, что это та часть меня, которая узнала шлем и мечи, с тех пор преследует меня кошмарами.

— Есть еще что-то?

— Да. Сны.

Он склонился ко мне и резко спросил:

— Какие сны?

— Сны о битвах... сны о пирах... сны о войне против желтокожих людей, о поле битвы на берегу реки, о стрелах, тучами летящих над головой... о рукопашной, в которой я сражался большим молотом с человеком, похожим на меня... сны о городах с башнями, по которым я проезжал, и о белых голубоглазых женщинах, которые бросали под ноги моего коня гирлянды цветов... Когда я просыпаюсь, сны быстро забываются. Но я всегда знаю, что когда я их вижу, они ясные, четкие, реальные, как сама жизнь...

— Ты по снам узнал, что женщина-волчица ведьма?

— Если это и так, то я не помню этих снов. Я только знаю, что вдруг узнал ее, — вернее, та моя часть узнала.

Джим некоторое время сидел молча.

— Лейф, — спросил он, — в этих снах ты принимал участие в службе Калкру? Имел какое-нибудь отношение к поклонению ему?

— Уверен, что нет. Клянусь Богом, я бы помнил! Мне не снился даже храм в Гоби.

Он кивнул, как будто я подтвердил какую-то его мысль; потом молчал так долго, что я занервничал.

— Ну, старый лекарь Тсантаву, каков диагноз? Перевоплощение, одержимость демонами, или я просто спятил?

— А до Гоби тебе снились эти сны?

— Нет.

— Ну... я пытался рассуждать, и думаю, что причина всего — старый жрец. Он взял тебя под контроль, когда ты увидел, как едешь к храму Калкру, но не стал входить в него. Ты не знаешь, что еще он мог внушить тебе тогда, а потом заставил забыть. Это просто для гипнотизера. Но у него была и другая возможность, когда ты спал той ночью. Откуда ты знаешь, что он не пришел к тебе и не начал внушение? Очевидно, он хотел, чтобы ты поверил, что ты — Двайану. Хотел, чтобы ты «вспомнил» — но в его распоряжении был лишь один урок, и он не хотел, чтобы ты помнил о Калкру. Это объясняет, почему тебе снятся великолепие, и слава, и вообще приятные вещи. Но ничего неприятного. Старик был умен, ты сам об этом говорил. Он достаточно разобрался в твоей психологии, чтобы понять, что на определенном этапе ритуала ты запротестуешь, поэтому он крепко «связал» тебя и ты не смог ничего поделать. Хотя твое сознание бодрствовало, оно не контролировало волю. Я думаю, так рассудил бы Барр. Дьявол, да ведь это можно было проделать с помощью наркотиков! Вовсе не нужно обращаться к переселению душ, к демонам или к прочей средневековой чепухе.

— Да, — с надеждой, но и с сомнением сказал я. — А как же ведьма?

— Ты видел похожую в своих снах, но забыл. Я думаю, что мое объяснение верно. И это, Лейф, беспокоит меня.

— Я тебя не понимаю.

— Не понимаешь? Подумай. Если все загадки объясняются внушением старого жреца, что еще он внушил тебе? Ясно, что он что-то знал об этом месте. Предположим, он предвидел, что ты его отыщешь. Что ты станешь делать? Что бы это ни было, готов поклясться, что он поместил его глубоко в твое подсознание. Ну, и что же ты станешь делать, когда ближе познакомишься с рыжеволосой ведьмой и теми несколькими счастливыми джентльменами, которые разделяют с ней этот земной рай? У меня нет ни малейшего представления, да и у тебя тоже...

Мы пошли в палатку. Мы уже заходили сюда с Эвали. Тогда здесь было пусто, только у стены лежала груда шкур и шелка. Теперь постелей стало две. Мы в полутьме разделись и легли. Я посмотрел на часы.

— Десять часов, — сказал я. — Сколько месяцев прошло с утра?

— Не меньше шести. Если будешь мешать спать, я тебя убью. Я устал.

Я тоже устал, и, тем не менее, долго лежал, не удовлетворенный объяснениями Джима, какими бы правдоподобными они ни казались. Я не верил, что проспал много столетий в каком-то внепространственном аду. Не верил я и в то, что был когда-то древним Двайану. Существовало и третье объяснение, которое нравилось мне не больше первых двух: в человеческом черепе располагается вселенная, исследованная едва на одну пятую часть.

И что же находится в этой terra incognita?

Там, например, может находиться склад памяти предков, уходящей в прошлое вплоть до покрытых шерстью обезьяноподобных первобытных людей, и даже дальше, до тех созданий с плавниками, которые выбрались из древних морей, начав свой путь к человеку. Или еще дальше, к тем, что размножались в океанах, окружавших новорожденные континенты Земли.

Миллионы и миллионы лет памяти. Какой резервуар знаний, если бы человек смог зачерпнуть из него!

В этом нет ничего невероятного: физическая память расы может содержаться всего в двух клетках, с которых начинается процесс рождения. В них заключена вся информация о человеческом теле — о мозге и нервах, о мышцах, костях и крови. В них и те особенности, которые мы называем наследственными, сходство не только лица и тела, но и мысли, привычки, эмоции, реакции на окружающее: нос дедушки, глаза прадедушки, вспыльчивость прапрадедушки, скверный или, наоборот, хороший характер. Если все это могут передать хромосомы, эти загадочные боги рождения, которые определяют с самого

начала, каким гибридом предков станет мальчик или девочка, почему же они не могут содержать и аккумулированный опыт и память этих предков?

Где-то в человеческом мозге может находиться секция записей, аккуратно выгравированные дорожки воспоминаний, ждущие только, чтобы их коснулась и оживила игла сознания.

Может, сознание время от времени касается этих дорожек и читает их? Может, существуют люди, которые по случайности обладают способностью черпать эти знания?

Если это правда, то объясняются многие загадки. Голоса предков Джима, например. Или моя необычная способность к языкам.

Предположим, я происхожу прямо от этого Двайану. И что в неведомом мире моего мозга, в моем сознании могут храниться воспоминания этого Двайану. Может, эти воспоминания сами оживают и входят в мое сознание? Когда это произойдет, Двайану проснется и отныне будет жив. И будут ли тогда жить рядом Двайану и Лейф Ленгдон?

Не знал ли об этом старый жрец? Словами и ритуалами, а может, и внушением, как предполагал Джим, он вторгся в эту terra incognita и пробудил воспоминания, оставшиеся мне от Двайану.

Они сильны, эти воспоминания. Они спали не полностью; иначе я не изучил бы так быстро уйгурский... и не испытывал бы эти странные мгновенные приступы узнавания еще до встречи со старым жрецом...

Да, Двайану силен. И я каким-то образом знал, что он безжалостен. Я боялся Двайану, боялся тех воспоминаний, которые когда-то были Двайану. Я не мог вызывать их и не мог контролировать. Дважды они перехватили мою волю, отодвинув меня в сторону.

Что, если они станут сильнее?

Что, если они... изменят меня?

11. Барабаны малого народа

Шесть раз зеленый свет Земли Теней превращался в бледный мрак местной ночи, а я не слышал ничего о ведьме и о тех, кто живет на другом берегу белой реки. Это были исключительно интересные шесть дней и ночей. Мы с Эвали обошли всю охраняемую территорию золотых пигмеев, ходили среди них совершенно свободно.

Мы смотрели, как они работают и играют, слушали их барабаны и с восхищением следили за их танцами — такими сложными, такими необычными, что они напоминали многоголосые хоры. Иногда ррррллия танцевали небольшими группами по десять человек, и тогда это было как простая мелодия. Но иногда они танцевали и сотнями, переплетаясь, на ровной травянистой танцевальной площадке; и тогда это были симфонии, переложенные средствами хореографии.

Они всегда танцевали под звуки своих барабанов; другой музыки у них не было, да она и не была нужна. У малого народа были барабаны различнейших форм и размеров; они охватывали все десять октав и производили не только знакомые нам полутона, но и четверти, и восьмые тона, и даже более мелкие деления, которые странно воздействовали на слушателя — по крайней мере, на меня. По высоте они различались от глубочайшего органного баса до высокого стаккато сопрано. На некоторых пигмеи играли пальцами, на других ладонями, а на третьих палочками. Барабаны шептали, гудели, смеялись и пели.

Танцы и барабаны, особенно барабаны, вызывали странные мысли, барабаны били у входа в другой мир, и время от времени этот вход раскрывался достаточно широко, чтобы можно было увидеть летучие и прекрасные, странно волнующие образы.

На возделываемой плодородной равнине площадью в двадцать квадратных миль жило около пяти тысяч ррррллия; сколько их находится вне укрепления, я не знал. Эвали говорила нам, что есть еще два десятка меньших колоний. Это охотничьи и горнодобывающие поселки, откуда привозят шкуры, металлы и прочие необходимые вещи. На мосту Нансур сильный сторожевой пост. Какое-то равновесие в природе поддерживало население на одном уровне; маленькие люди быстро достигали зрелости и жили недолго.

Она рассказала нам о Сирке, городе, основанном бежавшими от жертвоприношения. По ее описанию, это была неприступная крепость, построенная среди скал, окруженная стеной; у основания стены находились кипящие источники, которые заполняли кипятком непроходимый ров. Постоянная война шла между жителями Сирка и белыми волками Люр, что скрывались в лесу и постоянно были настороже, готовые перехватить тех, кто пытался убежать из Карака. У меня сложилось впечатление, что существует постоянная связь между Сирком и золотыми пигмеями, что связывает их, возможно, ненависть к жертвоприношениям, которую разделяли те и другие, и вражда к поклонникам Калкру. Когда могут, золотые пигмеи помогают жителям Сирка, и если бы не глубокий древний страх нарушить договор, заключенный их предками, ррррллия вообще объединились бы с повстанцами.

Эвали заставила меня задуматься над своими словами.

— Если бы ты повернул в другую сторону, Лейф, и спасся от волков Люр, то пришел бы в Сирк. И из-за этого могли бы произойти большие перемены: Сирк приветствовал бы тебя. И кто знает, может, ты стал бы их вождем? А мой малый народ...

Она смолкла, не завершив предложения, несмотря на все мои просьбы. Поэтому я сказал, что существует слишком много «если» и что судьба сложилась именно так, а не иначе.

Было со мной и происшествие, о котором я не рассказал Джиму. Как я уже говорил, малый народ очень жизнелюбив. В любви к жизни

вся вера и все убеждения золотых пигмеев. Тут и там на равнине разбросаны небольшие пирамиды, на которых, вырезанные из дерева или из камня, стояли древние символы плодородия, иногда по одному, иногда парами, а иногда и образовывая форму, любопытно напоминавшую символ древнего Египта, — крест с петлями, crux ansata, который держит в руках Озирис, бог воскрешения, и прикасается им в зале мертвых к тем душам, что прошли все испытания и заслужили бессмертие.

Это произошло на третий день. Эвали попросила меня пойти с ней. Мы прошли по гладкой, хорошо расчищенной дороге вдоль основания утеса, в котором расположены пещеры пигмеев. Из входных отверстий выглядывали золотоглазые женщины, испуская трели, обращенные к своим «кукольным» детям. Группа более старших, мужчин и женщин, встретила нас, танцуя.

У каждого из них в руках был барабан, подобного которому я не видел. Они не били в эти барабаны, не разговаривали друг с другом; молча, группа за группой, в танце двигались они за нами.

Через некоторое время я заметил, что пещеры кончились. Еще полчаса — и, обогнув выступающую скалу, мы вышли на край небольшого луга, покрытого мхом, нежным и мягким на ощупь, как груда шелковых ковров. Луг достигал примерно пятисот футов в длину и столько же в ширину. Напротив находился другой утес. Как будто круглое долото ударило сверху, вырубив ровную чашу в скалах. В дальнем конце луга находилось то, что на первый взгляд я принял за здание под круглым куполом, но потом разглядел, что это продолжение скалы.

В этой округлой скале был овальный вход, не больше двери. Я стоял, разглядывая его, потом Эвали взяла меня за руку и повела к этому входу. Мы вошли внутрь.

Куполообразная скала оказалась полой внутри.

Это был храм малого народа: я понял это, как только переступил порог. Стены из холодного зеленоватого камня плавно закруглялись вверху. Они были пронизаны сотнями отверстий, как будто иглой кружевницы, и в эти отверстия устремлялся свет. Стены улавливали его, отражали и рассеивали под сотнями углов. Пол был покрыт толстым мягким мхом, который тоже испускал слабое призрачное свечение. Все это сооружение занимало не менее двух акров.

Эвали провела меня вперед. Точно в центре пола находилось углубление, похожее на большую чашу. Между ним и мною стоял большой крест с петлями высотой в три роста человека. Он был отполирован и сверкал, будто высеченный из огромного аметистового кристалла. Я оглянулся. Пигмеи, сопровождавшие нас, толпой входили в овальную дверь.

Они столпились за нашими спинами. Эвали снова взяла меня за руку и, подведя к кресту, указала вперед. Я заглянул в чашу.

И увидел Кракена!

Он лежал, распростертый внутри чаши, его черные щупальца расходились от вздутого тела, огромные глаза смотрели на меня.

Воскрес и охватил меня прежний ужас. Я с проклятием отскочил назад.

Пигмеи толпились у моих ног, внимательно глядя мне в лицо. Я знал, что на нем ясно отразился испытанный мной ужас. Я услышал возбужденный обмен трелями, маленькие люди кивали друг другу, жестикулировали. Эвали серьезно смотрела на меня, затем ее лицо облегченно засветилось.

Она улыбнулась мне и снова указала на чашу. Я заставил себя взглянуть. И увидел, что это всего лишь изображение, тщательно вырезанный барельеф. Ужасные, непостижимые глаза из черного камня. Каждое сорокафутовое щупальце пронзено одним из crux ansata, проколото им, как копьем; а в огромное тело воткнут крест бо́льшего размера.

Я понял значение этого: жизнь побеждает врага жизни; лишает силы; пленяет его с помощью тайного древнего и святого символа той самой жизни, которую Кракен стремится уничтожить. А большой крест с петлями вверху смотрит и сторожит, как бог жизни.

Я услышал шорох, шепот, рябь, шум, рокот барабанов. Он все усиливался, переходя в крещендо. В этих звуках слышалось торжество — торжество побеждающей волны, триумф свободно налетающего ветра; и в них был мир и уверенность в мире, как дрожащая песня маленьких водопадов, напевающих на своем пути вдоль реки, и шум дождя, приносящего жизнь всей зеленой растительности на земле.

Эвали начала танцевать вокруг аметистового креста, медленно кружила она под музыку барабанов. Она стала душой песни, которую пели эти барабаны, душой всего того, о чем они пели.

Трижды обогнула она крест. Танцуя, подошла ко мне, снова взяла меня за руку и повела из храма, через портал. За нами слышался сдержанный рокот барабанов, теперь не дрожащий, не грохочущий, — спокойный и торжественный.

И хотя потом я расспрашивал ее об этой церемонии, девушка мне ничего не сказала.

А нам еще предстояло идти на мост Нансур и посмотреть на многобашенный Карак.

— Завтра, — говорила она; а когда наступал следующий день, она снова говорила: — Завтра. — При этом она опускала длинные ресницы и странно смотрела на меня сквозь них. Или трогала мои волосы и говорила, что есть еще много «завтра», а Нансур никуда не убежит. Я чувствовал какое-то нежелание, но причину его отгадать не мог. И день за днем ее красота и сладость обвивались вокруг моего

сердца, пока я не начал думать, не станет ли это защитой от того, что я носил в кожаном мешочке на груди.

Но малый народ продолжал сомневаться во мне, даже после церемонии в храме; это было ясно. Джима они приняли от всего сердца; щебетали, распевали и танцевали с ним, как будто он был одним из них. Со мной были вежливы и достаточно дружелюбны, но украдкой продолжали следить за мной. Джим мог свободно играть с их детишками. Но если это делал я, матерям это не нравилось, и они явно показывали свое неудовольствие. В одно утро я получил ясное подтверждение того, что они испытывают ко мне недоверие.

— Я собираюсь оставить тебя на два-три дня, Лейф, — сказал мне однажды Джим после завтрака. Эвали в это время улетучилась по зову какого-то маленького человека.

— Оставить меня! — я взглянул на него в изумлении. — Что это значит? Куда ты пойдешь?

Он рассмеялся.

— Схожу посмотрю на тланузи — то, что Эвали называет «дала-нуза», — больших пиявок. Это речная стража, которую пигмеи пустили в ход после того, как был сломан мост.

— Но что это такое, индеец?

— Вот это я и собираюсь узнать. Похоже на больших пиявок тланузи. В наших легендах говорится, что они красные, с белыми полосами и размером с дом. Малый народ не заходит так далеко. Говорят только, что они не меньше тебя.

— Послушай, индеец, я пойду с тобой.

— Нет, не пойдешь.

— Хотел бы знать, почему.

— Потому что тебя не пустит малый народ. Послушай меня, старина, дело в том, что они не вполне тебе доверяют. Они вежливы и не хотят обидеть Эвали, но — без тебя они лучше себя чувствуют.

— Ты мне ничего нового не сказал.

— Да, но есть кое-что и новое. Вчера вернулся отряд охотников с другого конца долины. Один из них вспомнил, как его дед рассказывал ему, что когда айжиры впервые появились здесь, у них у всех были такие же светлые волосы, как у тебя. Не рыжие, как сейчас. Их это очень взволновало.

— Эвали знает об этом?

— Знает. И она не позволит тебе идти, даже если разрешат пигмеи.

В полдень Джим ушел с отрядом в сотню пигмеев. Я весело попрощался с ним. Если Эвали и удивило, что я так спокойно принял его уход и не задавал никаких вопросов, то она постаралась ничем не показать этого. Однако весь день после этого она была рассеяна, отвечала односложно и невпопад. Раз или два я заметил, как она удивленно смотрит на меня. А когда я взял ее за руку, девушка, задрожав,

прижалась ко мне, но потом гневно вырвала руку. А когда плохое настроение покинуло ее, мне пришлось сдерживать себя, чтобы не сжать Эвали в объятиях.

Хуже всего, что я не находил убедительных аргументов, почему бы мне и не обнять ее. Внутренний голос говорил, что если я так этого хочу, то почему бы и не сделать. Да и другие обстоятельства ослабляли мое сопротивление. Даже для такого странного места день был странный. Воздух тяжелый и неподвижный, будто приближалась буря. Ароматы далекого леса стали сильнее, липли, смешивали мысли. Дымка, скрывавшая перспективу, стала заметнее; на севере она приобрела цвет дыма, и эти дымные облака медленно, но неуклонно приближались.

Мы с Эвали сидели возле ее палатки. Она нарушила долгое молчание.

— Ты печален, Лейф. Почему?

— Не печален, Эвали. Просто задумался.

— Я тоже задумалась. Ты о том же?

— Откуда мне знать? Я не знаю, что у тебя на уме.

Она неожиданно встала.

— Ты хотел посмотреть на работу кузнецов. Пойдем.

Я взглянул на нее, удивленный прозвучавшим в ее голосе гневом. Она смотрела на меня сверху вниз, брови ее над яркими глазами были сведены в одну линию.

— На что ты рассердилась, Эвали? Что я сделал?

— Я не рассердилась. И ты ничего не сделал. — Она топнула ногой. — Говорю тебе, ты не сделал ничего страшного. Пошли смотреть на кузнецов.

И она пошла прочь. Я вскочил на ноги и заторопился вслед за ней. Что с ней? Ясно, что я чем-то вызвал ее раздражение. Но чем? Рано или поздно — узнаю. А мне действительно интересно посмотреть на кузнецов.

Они стояли у маленьких наковален и выковывали изогнутые ножи, копья и наконечники стрел, делали серьги и золотые браслеты для своих крошечных женщин.

Тинк-а-тинк, тинк-а-клинг, клинг-кланг, клинк-а-тинк — звучали их маленькие молоты.

Рядом с наковальнями они были похожи на гномов, только тела их не были деформированы. Миниатюрные мужчины с прекрасными фигурами, сверкающие золотом в полутьме, их длинные волосы вились вокруг голов, желтые глаза напряженно устремлены на металл. Очарованный, я смотрел на них, забыв об Эвали и о ее гневе.

Тинк-а-тинк! Клинг-кланг! Клинк...

Маленькие молоты повисли в воздухе; кузнецы застыли. С севера донесся звук большого гонга, медный удар, который, казалось, про-

звучал над самой головой. За ним последовал еще один, и еще, и еще. Ветер завыл на равнине; в воздухе стало темнее, дымные облака задрожали и еще более приблизились.

Звон молотов сменился громким пением множества людей; пение приближалось и отступало, поднималось и опускалось вместе с поднимавшимся и затихавшим ветром. И со всех стен тревожно загремели барабаны стражи.

Маленькие кузнецы побросали свои молоты и устремились к пещерам. На равнине началась суматоха, пигмеи толпами бежали к башням, чтобы усилить их гарнизоны.

Сквозь громкое пение послышался гром других барабанов. Я узнал их — барабаны уйгуров в форме котлов, боевые барабаны, барабаны войны. И понял, что пение — это боевая песня, песня идущих в битву уйгуров.

Нет, не уйгуров — ничтожных, грязных людишек, которых я увел из оазиса! Это была военная песня древней расы. Великой расы — расы айжиров! Старой расы. Моего народа!

Я знал эту песню, знал слишком хорошо! Часто слышал я ее в старые дни... когда переходил от битвы к битве... Клянусь Зардой, богом войны!.. Услышать эту песню вновь — все равно что ощутить прохладную воду в иссохшей глотке!

Кровь стучала в висках... я открыл рот, чтобы зареветь песню...

— Лейф! Лейф! В чем дело?

Эвали трясла меня за плечи. Не понимая, я смотрел на нее. Я чувствовал странное, гневное замешательство. Кто эта смуглая девушка, стоящая на моем пути — на пути к битве? И вдруг наваждение оставило меня. Оставило дрожащим, потрясенным, испытавшим дикую бурю в мозгу. Я схватил Эвали за руки, черпая силу в этом прикосновении. В глазах Эвали я увидел изумление, смешанное со страхом. А вокруг кольцом стояли пигмеи и смотрели на меня.

Я затряс головой, глубоко вздохнул.

— Лейф! В чем дело?

Прежде чем я смог ответить, пение и барабаны заглушил удар грома. Раскат за раскатом падали на долину, отгоняя звуки, доносящиеся с севера.

Я тупо осмотрелся. Вокруг десятки пигмеев били в большие барабаны, которые доходили им до пояса. Именно от этих барабанов исходили громовые раскаты, быстрые, как удар молнии, сопровождаемые кричащим раскатистым эхом.

Громовые барабаны малого народа!

Барабаны все гремели, но даже сквозь их рокот доносилась боевая песня и звуки тех, других барабанов... как удары копий... как топот ног марширующих воинов... Клянусь Зардой, старая раса была все еще сильна!..

Вокруг меня танцевало кольцо пигмеев. И еще одно...

Потом я увидел Эвали, она смотрела на меня широко раскрытыми удивленными глазами. А вокруг пигмеи танцевали со стрелами наготове, с кривыми ножами в руках.

Почему она так смотрит на меня... почему ко мне протянуты руки маленьких людей... почему они все танцуют? Странный танец... при виде его хочется спать... какая-то вялость охватывает меня. Боже, как хочется спать! Так хочется спать, что я с трудом различаю гром громовых барабанов... так хочется спать, что я уже ничего не слышу... так хочется...

Я смутно чувствовал, что опускаюсь на колени, падаю навзничь на дерн... сплю...

* * *

Я проснулся, полностью владея своими чувствами. Вокруг по-прежнему звучали барабаны, но не громовые, а те, которые пели странные песни, и кровь в их ритме весело пробежала по жилам. Певучие ноты походили на легкие, теплые, животворящие удары, разгоняющие кровь, вызывающие экстаз жизни.

Я вскочил на ноги. И увидел, что нахожусь на высоком холме, круглом, как женская грудь. На равнине повсюду виднелись огни, горели небольшие костры, окруженные кольцами танцующих пигмеев. Вокруг костров под бой барабанов танцевал малый народ. Как будто золотое пламя костров ожило и запрыгало в воздухе.

Холм, на котором я стоял, окружало тройное кольцо карликов, женщин и мужчин, они раскачивались, извивались, приплясывали.

Они составляли одно целое со своими барабанами.

Дул слабый ароматный ветерок. Пролетая, он напевал, и его пение сливалось с музыкой барабанов.

Вперед и назад, направо и налево, внутрь и наружу — золотые пигмеи танцевали вокруг холма. Вокруг и вокруг, вперед и назад двигались они у окруженных кострами алтарей.

Я слышал пение, звучала негромкая сладкая мелодия, песня малого народа, созвучная музыке барабанов.

Рядом находился другой холм, очень похожий на тот, на котором стоял я, — они были как пара женских грудей. Этот второй холм тоже был окружен пигмеями.

И на нем пела и танцевала Эвали.

Ее пение было душой барабанной песни и танца. Она танцевала на холме, одетая только в шелковый трепещущий плащ из собственных иссиня-черных волос.

Она поманила, позвала меня высоким призывным и сладким голосом.

Ароматный ветер подтолкнул меня к ней, и я побежал с холма.

Танцующие пигмеи расступились, пропуская меня. Бой барабанов стал быстрее; песня их взлетела октавой выше.

Эвали, танцуя, приблизилась ко мне... она рядом со мной, руки ее обвили меня за шею, губы прижались к моим...

Барабаны били все быстрее. Мой пульс отвечал им тем же.

Два кольца маленьких живых огоньков соединились, стали одним стремительным кругом, который увлек нас вперед. Вокруг нас вились эти кольца, подгоняя нас в ритме барабанов. Я перестал думать — весь был поглощен этой чарующей песней, музыкой барабанов.

Но я по-прежнему чувствовал, как нас подталкивает, лаская, ароматный ветер.

Мы находились возле овальной двери. Шелковые ароматные пряди волос Эвали развевались на ветру, щекоча меня. За нами продолжали петь барабаны. И ветер продолжал толкать нас...

Ветер и барабаны протолкнули нас в дверь куполообразной скалы.

Они привели нас в храм малого народа...

Сверкал мягкий мох... блестел аметистовый крест...

Руки Эвали вокруг моей шеи... Я теснее прижал ее к себе... прикосновение ее губ как сладкий тайный огонь жизни...

* * *

В храме малого народа тихо. Барабаны смолкли. Потускнел блеск аметистового креста с петлей над чашей с Кракеном.

Эвали зашевелилась и вскрикнула во сне. Я коснулся ее губ, и она проснулась.

— Что с тобой, Эвали?

— Лейф, любимый, мне снилось, что белый сокол погрузил свой клюв в мое сердце!

— Это всего лишь сон, Эвали.

Она вздрогнула, наклонила голову, и ее волосы скрыли наши лица.

— Ты отогнал сокола... но потом появился белый волк и прыгнул на меня.

— Это всего лишь сон!

Она еще ближе придвинулась ко мне под навесом своих волос.

— Ты прогнал волка. И я хотела поцеловать тебя... но между нами появилось лицо...

— Лицо, Эвали?

Она прошептала:

— Лицо Люр. Она смеялась надо мной... а потом ты исчез... с нею... и я осталась одна...

— Лживый сон. Спи, любимая!

Она вздохнула. Наступило долгое молчание; потом сонно сказала:

— Что это ты носишь на шее, Лейф? Подарок женщины?

— Женщины тут ни при чем...

Она поцеловала меня и уснула.

Глупец я был, что не признался ей тогда, под сенью древнего символа... Глупец — я ничего не сказал ей!

12. На мосту Нансур

Когда утром мы вышли из храма, нашего появления терпеливо дожидались с полсотни маленьких мужчин и женщин. Я думаю, это были те самые, которые сопровождали меня при моем первом приходе в куполообразную скалу.

Маленькие женщины столпились вокруг Эвали. Они принесли с собой шали и укутали Эвали с ног до головы. Она пошла с ними, не сказав мне ни слова, даже не посмотрев на меня. Во всем этом было что-то церемониальное: она выглядела как невеста, которую уводят опытные, хотя и миниатюрные подружки.

Маленькие мужчины собрались вокруг меня. Среди них был Шри. Я обрадовался этому, зная, что если остальные и сохранили относительно меня какие-то сомнения, то у Шри их не было. Они пригласили, и я пошел без всяких вопросов.

Шел дождь, и было влажно и тепло, как в джунглях. Ветер дул ровными ритмичными порывами, как и накануне ночью. Дождь, казалось, не шел, а растекался в воздухе: когда дул ветер, линии дождя становились почти горизонтальными. Воздух напоминал ароматное вино. Мне хотелось петь и танцевать. Слышался гром — не барабанный, а настоящий.

На мне были только брюки и рубашка. Высокие ботинки я сменил на сандалии. Не прошло и двух минут, как я насквозь промок. Мы подошли к дымящемуся пруду и здесь остановились. Шри велел мне раздеться и нырнуть.

Вода оказалась горячей, она придавала бодрость, и, плавая, я чувствовал себя все лучше и лучше. Я решил, что что бы ни было в головах пигмеев, все это рассеялось, когда они сопровождали меня с Эвали в свой храм, — рассеялось по крайней мере на время. Но, кажется, я понял, что это было. Они подозревали, что у Калкру есть какая-то власть надо мной, как и над теми людьми, которых я напоминал. Не очень прочная власть, может быть, но и ее не следовало игнорировать.

Я выбрался из пруда более задумчивый, чем вошел в него. Мне дали набедренную повязку с забавными узорами и узлами. Потом стали болтать, щебетать, смеяться и танцевать.

Шри нес мою одежду и пояс. Я не хотел терять их, поэтому, когда мы пошли, я держался поближе к нему. Вскоре мы остановились перед входом в пещеру Эвали.

Немного погодя среди великого шума, пения и боя барабанов появилась Эвали с толпой окружавших ее танцующих женщин. Ее подвели ко мне. И все с танцем удалились.

Вот и все. Церемония, если это действительно была церемония, закончилась. Но я почувствовал себя женатым человеком.

Я посмотрел на Эвали. Она застенчиво смотрела на меня. Волосы ее больше не свисали свободно, они были тщательно убраны вокруг головы, шеи и ушей; шали исчезли. На ней теперь был передник, какие носят замужние маленькие женщины, и серебряная прозрачная накидка. Она рассмеялась, взяла меня за руку, и мы вошли в полутьму пещеры.

На следующий день, вскоре после полудня, мы услышали близкий звук фанфар. Фанфары звучали громко и продолжительно, как будто вызывая кого-то. Мы вышли под дождь, чтобы лучше слышать. Я заметил, что ветер переменился с северного на западный и дул сильно и устойчиво. К этому времени я уже знал, что у земли под миражом очень своеобразная акустика, и по звуку нельзя судить, откуда он и близко ли его источник. Трубы, разумеется, звучали на той стороне реки, но я не знал, насколько далеко от охраняемой местности пигмеев. В укреплении началась какая-то суета, но особой тревоги не было.

Послышался последний трубный звук, хриплый и насмешливый. За ним последовал взрыв хохота, еще более насмешливый, потому что исходил от человека. Неожиданно мое спокойствие исчезло.

— Это Тибур, — сказала Эвали. — Вероятно, охотится с Люр. Я думаю, он смеялся над тобою, Лейф. — Она пренебрежительно вздернула свой тонкий носик, но в углах ее рта таилась усмешка: она видела, что меня охватывает приступ гнева.

— Послушай, Эвали, а кто такой этот Тибур?

— Я тебе говорила. Тибур — Кузнец, что правит айжирами вместе с Люр. Он всегда приходит, когда я стою на Нансуре. Мы часто разговаривали друг с другом. Он очень силен... очень.

— Да? — еще более раздраженно спросил я. — А почему Тибур приходит, когда ты стоишь на мосту?

— Потому что хочет меня, — спокойно ответила она.

Моя нелюбовь к Тибуру усилилась.

— Он перестанет смеяться, когда я с ним встречусь, — пробормотал я.

Она переспросила:

— Что ты сказал?

Я повторил. Она кивнула и начала говорить, и тут я заметил, что глаза ее широко раскрылись. И тут же я услышал шум над головой.

Из тумана вылетела большая птица. Она парила в пятидесяти футах над нами, глядя вниз злыми желтыми глазами. Большая белая птица...

Белый сокол ведьмы!

Я оттолкнул Эвали к пещере, продолжая следить за птицей. Трижды она пролетела надо мной, потом с криком метнулась в туман и исчезла.

Я подошел к Эвали. Она сидела на груде шкур, распустив волосы, они падали ей на плечи, покрывая ее, словно плащом. Я склонился к ней и развел волосы. Эвали плакала. Она обняла меня за шею и тесно-тесно прижалась. Я чувствовал, как сильно бьется ее сердце.

— Эвали, любимая, бояться нечего.

— Белый сокол, Лейф!

— Это всего лишь птица.

— Но его послала Люр!..

— Чепуха, милая. Птица летает, где хочет. Она охотилась... или заблудилась в тумане.

Но Эвали покачала головой.

— Лейф, я видела во сне белого сокола...

Я крепко держал ее; немного погодя она оттолкнула меня и улыбнулась. Но всю оставшуюся часть дня она не была веселой. А ночью спала беспокойно, прижималась ко мне, бормотала и плакала во сне.

На следующий день вернулся Джим. Я испытывал неловкость, ожидая его возвращения. Что он подумает обо мне? Не стоило мне беспокоиться. Он не удивился, когда я выложил перед ним карты. Тогда я понял, что, конечно, пигмеи разговаривают друг с другом при помощи барабанов, что им все известно, и они поделились этой новостью с Джимом.

— Хорошо, — сказал Джим, когда я кончил. — Если ты не сможешь выбраться, для вас обоих это лучше всего. Но, если выберешься, возьмешь с собой Эвали?

Это меня укололо.

— Послушай, индеец, не нужно так говорить. Я люблю ее.

— Ладно, поставлю вопрос по-другому. А Двайану ее любит?

Вопрос как будто ударил меня по лицу. Пока я искал ответ, вбежала Эвали, подошла к Джиму и поцеловала его. Он похлопал ее по плечу и обнял, как старший брат. Она посмотрела на меня, подошла и тоже поцеловала, но совсем не так, как его.

Над ее головой я посмотрел на Джима и неожиданно увидел, что он выглядит уставшим и осунувшимся.

— Ты себя хорошо чувствуешь, Джим?

— Конечно. Немного устал. Я... кое-что видел.

— Что именно?

— Ну... — он колебался. — Во-первых, тланузи... эти большие пияв-

ки. Никогда не поверил бы, если бы сам не увидел, а если бы заметил их до того, как мы нырнули в реку, предпочел бы волков: они по сравнению с тланузи — воркующие голубки.

Он рассказал, что в первую ночь экспедиция разбила лагерь на дальнем конце равнины.

— Это место обширнее, чем мы считали, Лейф!

На следующий день прошли через лес, джунгли, заросли тростника и болото к дымящейся трясине. Над ней по возвышению проложена тропа. По этой тропе вскоре пришли к другой, поперечной. Там, где встречаются эти две дороги, из болота поднимается широкая круглая насыпь. Здесь пигмеи остановились. Из хвороста и листьев они разожгли костры. От костров повалил густой дым с сильным запахом, медленно покрыл всю насыпь и потянулся на болото. Когда костры разгорелись, пигмеи начали бить в барабаны — странно синкопированным боем. Через несколько мгновений в болоте у насыпи что-то зашевелилось.

— Между мной и краем насыпи находилось кольцо пигмеев, — продолжал Джим. — Я обрадовался этому, когда увидел, как эта тварь выползает из воды. Вначале приподнялась грязь, потом стала видна спина, как мне показалось, огромного слизняка. Слизняк приподнялся и выполз на сушу. Это была пиявка, и от ее вида меня затошнило. Не менее семи футов в длину, слепая, трепещущая, она лежала, раскрыв пасть, слушая барабанный бой и наслаждаясь запахом дыма. Потом появилась еще одна, и еще. Через какое-то время сотня пиявок выстроилась полукругом: безглазые головы повернуты к нам, всасывают дым, дрожат под бой барабанов.

Несколько пигмеев встали, взяли горящие поленья и пошли по дороге, а остальные загасили костры. Пиявки двинулись за факелоносцами. Все остальные шли сзади, подгоняя их. Я держался в тылу. Так мы шли до берега реки. Тут барабанный бой прекратился. Пигмеи побросали горящие факелы в воду, потом туда же кинули раздавленные ягоды — не те, которыми натирали нас Шра и Шри. Красные ягоды. Большие пиявки, извиваясь, перевалили через берег и вслед за ягодами нырнули в воду. Все оказались в реке.

Мы пошли назад и вышли из болот. В ту ночь они разговаривали при помощи барабанов. Барабаны звучали и в предыдущую ночь, и все беспокоились; но я решил, что это то самое беспокойство, которое было, когда мы выступили. Они, должно быть, знали, что происходит, но не рассказывали мне. Вчера утром они были счастливы и беззаботны. Я понял, что что-то случилось, что они получили хорошую новость ночью. И они рассказали мне, почему они веселы. Не так, как рассказал бы ты, но все равно...

Он засмеялся.

— Этим утром мы перегнали свыше сотни тланузи и поместили их

там, где, как считает малый народ, они нужнее всего. И пошли назад. И вот я здесь.

— И это все? — подозрительно спросил я.

— Все на сегодня, — ответил он. — Я хочу спать. Пойду лягу. А ты иди с Эвали и оставь меня до завтра одного.

Я ушел, решив завтра утром обязательно выяснить, что он скрывает; мне казалось, что путешествие и пиявки не объясняют его озабоченности.

Но утром я обо всем этом забыл.

Прежде всего, когда я проснулся, Эвали не было. Я пошел к палатке в поисках Джима. Не было и его. Малый народ давно покинул свои пещеры и был занят различными работами; они всегда работали по утрам, а во второй половине дня и вечерами били в барабаны и танцевали. Они сказали, что Эвали и Тсантаву отправились к старшим на совет. Я вернулся к палатке.

Немного погодя пришли Эвали и Джим. Лицо Эвали было бледно, глаза припухли. В них виднелись слезы. Она была ужасно сердита, а Джим делал вид, что ему весело.

— В чем дело? — спросил я.

— Готовься к небольшому путешествию, — сказал Джим. — Ты ведь хотел увидеть мост Нансур?

— Да.

— Ну, мы туда и пойдем. Лучше надень свою походную одежду и башмаки. Если дорога похожа на ту, которую я проделал, тебе все это понадобится. Малый народ легко проскальзывает повсюду, но мы сложены по-другому.

Я удивленно смотрел на него. Конечно, я хотел увидеть мост Нансур, но почему решение идти туда заставляет их так странно вести себя? Я подошел к Эвали и повернул ее лицо к себе.

— Ты плакала, Эвали. Что случилось?

Она покачала головой, выскользнула у меня из рук и ушла в пещеру. Я пошел за ней. Она нагнулась к сундуку, вынимая из него ярды и ярды ткани. Я отбросил ткань и поднял Эвали, пока ее глаза не оказались на уровне моих.

— Что случилось, Эвали?

Мне пришла в голову мысль. Я опустил Эвали.

— Кто предложил идти на мост Нансур?

— Малый народ... старшие... Я сопротивлялась... Я не хочу, чтобы ты шел... они сказали, что ты должен...

— Должен? — Мысль становилась все яснее. — Значит, ты не должна? И Тсантаву тоже не должен?

— Пусть попробуют остановить меня. — Она яростно топнула.

Мысль была кристально ясной, и малый народ начал раздражать меня. Они до отвращения основательны. Теперь я прекрасно понял,

почему должен идти на мост Нансур. Пигмеи не уверены, что их магия — включая Эвали — подействовала полностью. Поэтому я должен взглянуть на дом врага, и за моей реакцией будут пристально следить. Что ж, по крайней мере честно. Может, ведьма будет там. Может, Тибур... Тибур, желавший Эвали... Тибур, смеявшийся надо мной...

Неожиданно мне страстно захотелось на мост Нансур.

Я стал одеваться. Надевая ботинки, я посмотрел на Эвали. Она причесала волосы и надела на них шапку, закуталась от колен до шеи в шали и сейчас надевала не менее прочную обувь, чем мои ботинки. При виде моего удивления она слегка улыбнулась.

— Не хочу, чтобы Тибур смотрел на меня... не теперь, — сказала она.

Я взял ее за руки. Она прижалась ко мне губами...

Когда мы вышли, нас ждали Джим и около пятидесяти пигмеев.

Мы пересекли равнину, направляясь к северу, к реке. Спустились по склону, мимо одной из башен, и пошли по узкой тропе, такой же, как та, по которой мы пришли в землю малого народа. Тропа вилась по точно такой же папоротниковой заросли. Мы шли цепочкой, и поэтому почти все время молчали. Наконец оказались в лесу из тесно растущих хвойных деревьев; тропа продолжала причудливо извиваться. Примерно с час мы шли по лесу без отдыха, пигмеи неутомимо продвигались вперед. Я взглянул на часы. Мы уже четыре часа находились в пути и по моим расчетам покрыли около двенадцати миль. Ни следа птиц или животных.

Эвали глубоко задумалась, а Джим находился в одном из своих приступов неразговорчивости. Мне тоже не хотелось разговаривать. Молчаливое путешествие; даже пигмеи, вопреки своей привычке, не болтали. Мы вышли к сверкающему ручью и напились. Один из пигмеев поставил перед собой цилиндрический барабан и начал передавать какое-то сообщение. Спустя какое-то время спереди донесся ответный бой.

Мы еще раз свернули. Хвойные деревья росли реже. Слева и далеко внизу я увидел белую реку и густой лес на противоположном берегу. Деревья кончились, и мы вышли на скалистую площадку. Прямо перед нами торчал утес, у основания которого струилась белая вода. Утес закрывал от нас то, что находилось впереди. Здесь пигмеи остановились и снова послали барабанное сообщение. Ответ донесся с близкого расстояния. Из-за утеса сверкнули копья. Там стояла группа маленьких воинов, разглядывая нас. Они дали сигнал, и мы пошли вперед по площадке.

У основания утеса проходила дорога, достаточно широкая для шестерки лошадей. Мы начали подниматься по ней, вышли на вершину, и я увидел мост Нансур и многобашенный Карак.

Когда-то, тысячи или сотни тысяч лет назад, здесь со дна долины поднималась гора. Нанбу, белая река, размыла ее, оставив лишь узкую перемычку из алмазно крепкого черного камня.

Нанбу опускалась, опускалась, выедая более мягкие слои, пока над ней не повис каменный мост, похожий на черную радугу. Гигантский лук из черной скалы навис над пропастью, похожий в то же время на полет стрелы.

У основания моста по обе стороны располагались утесы с плоскими вершинами, также вырезанные рекой из первоначальной горы.

Я стоял на плоской поверхности одного из этих утесов. На противоположной стороне реки, уходя от площадки у моста, возвышалась прямоугольная стена из того же черного камня, что и лук Нансура. Казалось, она не построена, а вырезана из камня. Она окружала примерно с половину квадратной мили. Из-за нее виднелись круглые и квадратные башни и шпили.

Предчувствие, подобное тому, какое охватило меня, когда я въезжал в гобийский оазис, заставило меня вздрогнуть. Я подумал, что этот город похож на Дит, который Данте увидел в своем аду. И над ним навис ореол глубокой древности.

Затем я увидел, что Нансур сломан. Между частями арки, протянувшейся с нашей стороны и со стороны черной крепости, была брешь. Как будто гигантский молот нанес здесь страшный удар, пробив самый центр. Я вспомнил о ледяном мосте, по которому валькирии провозят в Валгаллу души воинов; разбить Нансур — такое же святотатство, как разрушить тот ледяной мост.

Вокруг крепости виднелись другие здания, за пределами стены их размещались сотни, — здания из серого и коричневого камня, с садами; они тянулись на многие акры. По обе стороны города расстилались плодородные поля и цветущие сады. Далеко к утесам, терявшимся в зеленой дымке, уходила широкая дорога. Мне показалось, что вдали в утесах я вижу черный вход в пещеру.

— Карак! — прошептала Эвали. — И мост Нансур! О Лейф, любимый, у меня так тяжело на сердце... так тяжело!

Глядя на Карак, я едва слышал ее. Вкрадчиво зашевелились воспоминания. Я отогнал их, обняв Эвали. Мы прошли вперед, и я понял, почему Карак выстроен именно в этом месте. Черная крепость господствовала над обоими концами долины, а когда мост Нансур не был еще разрушен, и над местностью по эту сторону реки.

Неожиданно мне лихорадочно захотелось посмотреть на Карак со сломанного конца моста. Медлительность пигмеев выводила меня из себя. Я пошел вперед. Весь гарнизон окружил меня; пигмеи перешептывались, пристально глядя мне в лицо своими желтыми глазами. Начали бить барабаны.

Им ответили трубы из крепости.

Еще быстрее я пошел по Нансуру. Мною овладела лихорадка. Хотелось побежать. Я нетерпеливо оттолкнул золотых пигмеев. Послышался предупреждающий голос Джима:

— Спокойней, Лейф, спокойней!

Я не обратил на это внимания — я вступил на мост. Смутно я сознавал, что он широк и что с обеих сторон его ограждают низкие парапеты. Камень вытоптан копытами лошадей и ногами марширующих людей. И если его сделала белая река, то руки людей закончили ее дело.

Я достиг сломанного конца. В ста футах подо мной гладко текла белая река. Змей не было видно. Из молочного течения поднялось тусклое красноватое гело, похожее на слизняка, чудовищное. Потом еще и еще, их круглые рты были раскрыты — пиявки малого народа на страже.

Между стенами черной крепости и концом моста была широкая площадь. Пустая. В стене массивные бронзовые ворота. Я чувствовал странную дрожь, горло у меня перехватывало. Я забыл Эвали, забыл Джима, забыл обо всем, глядя на эти ворота.

Громко зазвучали трубы, загремели засовы, и ворота раскрылись. Выехал отряд, предводительствуемый двумя всадниками, один на большой черной лошади, другой на белой. Они проскакали по площади, спешились и вступили на мост. И стояли, глядя на меня через пятидесятифутовую брешь.

На черной лошади прискакала ведьма; второй всадник — я знал это — был Тибур-Смех. Я не смотрел на ведьму и ее окружение. Я видел только Тибура.

Он был на голову ниже меня, но широкие плечи и массивное тело говорили о невероятной силе, большей, чем моя. Рыжие волосы гладко спускаются на плечи. Он рыжебород. Глаза ярко-голубые и морщинятся в уголках от смеха. Но это не веселый смех.

На Тибуре кольчуга. Слева висит большой боевой молот. Сузившимися насмешливыми глазами он осмотрел меня с головы до ног и с ног до головы. Если я и раньше ненавидел Тибура, то теперь ненавидел несравненно больше.

Я перевел взгляд на ведьму. Ее васильковые глаза впились в меня, восхищенно, удивленно, заманчиво. На ней тоже была кольчуга, по которой струились ее рыжие волосы. Все остальные всадники казались мне смутным пятном.

Тибур наклонился вперед.

— Добро пожаловать, Двайану! — насмешливо сказал он. — Что вызвало тебя из твоего логова? Мой вызов?

— Значит, это твой лай я слышал вчера? Хай, ты выбрал безопасное расстояние, чтобы полаять, рыжий пес!

Из группы, окружавшей ведьму, послышался смех; теперь я увидел, что это все женщины, красивые и рыжеволосые, как и она сама, а с Тибуром двое высоких мужчин. Сама ведьма молчала, она упивалась моим видом, и глаза ее были задумчивы.

Лицо Тибура потемнело. Один из мужчин что-то прошептал ему. Тибур обратился ко мне:

— Тебя размягчили твои путешествия, Двайану? По древнему обычаю мы должны испытать тебя, прежде чем признать... великим Двайану. Будь проворен...

Рука его опустилась на рукоять молота. Он бросил его в меня.

Молот устремился ко мне со скоростью пули, но мне казалось, что он летит медленно. Я даже видел, как медленно удлиняется ремень, привязывавший молот к руке Тибура.

В моем мозгу продолжали открываться дверцы... древнее испытание... Хай!.. я знаю эту игру... я неподвижно ждал, как предписывал древний обычай... но мне должны были дать щит... неважно... как медленно приближается большой молот... и рука моя, мне кажется, поднимается ему навстречу так же медленно...

Я поймал молот. Он весил не менее двадцати фунтов, но я поймал его точно, спокойно, без усилия, схватив за металлическую рукоятку. Хай! Мне эти уловки знакомы... дверцы открывались все стремительнее... я и другие уловки знаю... Другой рукой я перехватил ремень, привязывавший боевой молот к руке Тибура, и дернул за него.

Смех застыл на лице Тибура. Он покачнулся на сломанном конце Нансура. Я услышал за собой возбужденное щебетание пигмеев...

Ведьма выхватила нож и перерезала ремень. Оттолкнула Тибура от края. Меня охватил гнев... этого нет в условиях... по древнему закону только бросивший вызов и принявший его...

Я взмахнул большим молотом над головой и бросил его в Тибура; он полетел со свистом, и перерезанный ремень устремился за ним. Тибур отпрыгнул, но недостаточно быстро. Молот ударил его в плечо. Скользящий удар, но Тибур упал.

Теперь я рассмеялся через пропасть.

Ведьма склонилась вперед, в ее взгляде изумление сменила задумчивость. Глаза ее больше не казались заманчивыми. Тибур смотрел на меня, стоя на коленях, и в лице его не было веселья.

По-прежнему крошечные дверцы открывались в моем мозгу. Они не верят, что я Двайану... Хай! Я покажу им. Я достал кожаный мешочек, раскрыл его. Вынул кольцо Калкру. Поднял его. В нем отразился зеленый свет. Зеленый камень, казалось, взорвался. Черный осьминог вырос...

— Я не Двайану? Посмотрите на это! Я не Двайану?

Я слышал женский крик. Этот голос мне знаком. Услышал, как меня зовет мужчина. Его голос я тоже знал. Маленькие дверцы закры-

вались, воспоминания, вызванные ими, мелькнули в них, прежде чем они успели закрыться...

Да ведь это кричит Эвали! И Джим зовет меня! Что с ними? Эвали смотрела на меня, вытянув руки. В ее карих глазах недоверие, ужас... и отвращение. И вокруг них ряд за рядом смыкались пигмеи, преграждая мне путь. Их копья и стрелы были нацелены на меня. Они свистели, как стая голодных змей, их лица исказила ненависть, глаза их не отрывались от кольца Калкру, которое я по-прежнему держал высоко поднятым.

Я увидел, как эта ненависть отразилась на лице Эвали, отвращение в ее взгляде усилилось.

— Эвали! — крикнул я и хотел броситься к ней... руки пигмеев, державшие копья, отошли назад для броска; стрелы задрожали на тетивах луков.

— Не двигайся, Лейф! Я иду! — крикнул Джим и прыгнул ко мне. И тут же его окружили пигмеи. Он покачнулся и исчез под ними.

— Эвали! — снова закричал я.

Я видел, как рассеивается отвращение; выражение страшного горя появилось на ее лице. Она отдала какой-то приказ.

Два десятка пигмеев, опустив копья и стрелы, бросились ко мне. Я тупо смотрел на них. Среди них я увидел Шри.

Они ударили меня, как живой таран. Меня отбросило назад. Ноги мои мелькнули в воздухе...

Пигмеи цеплялись за мои ноги, рвали их, как терьеры. Я перевалился через край Нансура.

13. Карак

У меня хватило ума закрыть руками голову, и я полетел в воду. Этому помогло и то, что пигмеи цеплялись за ноги. Ударившись о воду, я погрузился в нее глубоко-глубоко. Существует мнение, что когда человек тонет, вся его жизнь мгновенно проносится перед его глазами, как в ускоренной киносъемке. Не знаю об этом ничего, но летел я к реке и погружался в нее быстрее, чем когда-либо в жизни.

Я сразу понял, что это Эвали приказала сбросить меня с моста. И пришел в дикую ярость. Почему она не подождала и не дала мне возможности объясниться насчет кольца? Потом я вспомнил, сколько у меня было таких возможностей, и я ни одной не воспользовался. Да и пигмеи не настроены были ждать, а Эвали удержала их копья и стрелы и дала мне возможность побороться за жизнь. Потом подумал, как глупо было показывать кольцо именно в этот момент. Я не мог винить малый народ, принявший меня за посланца Калкру. Я вновь увидел горе в глазах Эвали, и гнев мой бесследно исчез.

После этого мне в голову пришла вполне академическая идея, что молот Тибура объясняет легенду норвежцев о Торе и его молоте Мьелльнире, который всегда возвращался в его руку после броска; чтобы сделать это чудом, скальды опустили практичную деталь — ремень; вот еще одна связка между уйгурами или айжирами и асами; надо поговорить об этом с Джимом. И тут же я понял, что не смогу вернуться и поговорить с Джимом, потому что пигмеи определенно будут ждать меня и прогонят назад, к пиявкам, даже если я смогу добраться до их берега Нанбу. Если человек, погруженный в воду, может быть охвачен холодным по́том, именно это произошло со мной. Я предпочту смерть от копий и стрел малого народа или даже от молота Тибура перспективе попасть в эти сосущие пасти.

Тут я вынырнул на поверхность реки, стряхнул воду с глаз и увидел не далее чем в двадцати футах направляющуюся ко мне большую

пиявку. Я в отчаянии огляделся. Быстрое течение унесло меня на несколько сот ярдов от моста. И несло к тому берегу, на котором был расположен Карак; этот берег был в пятистах футах от меня. Я повернулся лицом к пиявке. Она приближалась медленно, будто не сомневалась, что я никуда не денусь. Я решил нырнуть и плыть к берегу... если в воде нет других...

Я услышал предупреждающий крик. Мимо промелькнул Шри. Он поднял руку и указал на Карак. Очевидно, он советовал мне как можно быстрее плыть туда. Я совсем забыл о нем; помнил только моментальную вспышку гнева оттого, что он присоединился к нападавшим на меня. Теперь я понял, что был к нему несправедлив. Он поплыл прямо к большой пиявке и шлепнул ее по рту. Та изогнулась, уткнулась в него носом. Я не стал ждать и, насколько позволяла тяжесть ботинок, быстро поплыл к берегу реки.

Плавание не было приятным. Повсюду виднелись скользящие красные спины. Несомненно, только Шри спас меня от них. Я плыл, а он кружил вокруг, отгоняя пиявок.

Я коснулся дна и благополучно выбрался на берег. Золотой пигмей последний раз что-то крикнул мне. Но я не расслышал, что он сказал. Переводя дыхание, я видел, как он плывет в белой воде подобно желтой летучей рыбе, а с полдюжины красных длинных спин следуют за ним.

Я посмотрел на мост Нансур. Его конец, принадлежащий малому народу, был заполнен глядевшими на меня пигмеями. Другой конец был пуст. Я осмотрелся. Меня скрывала тень черной стены крепости. Стена, гладкая, неприступная, вздымалась на сотню футов. Между мною и ней находилась широкая площадь, подобная той, на которую из бронзовых ворот выехали Тибур и ведьма. Площадь окружали приземистые одноэтажные каменные здания. Между ними — множество маленьких цветущих деревьев. За этими домами виднелись другие, большего размера, более респектабельные, расположенные дальше друг от друга. Неподалеку, занимая часть площади, располагался рынок на открытом воздухе.

Из домов и с рынка ко мне бежали десятки людей. Они приближались быстро, но молча, не разговаривали друг с другом, не подавали сигналов, не призывали — все внимательно смотрели на меня. Я поискал свой пистолет и выругался, вспомнив, что уже много дней не ношу его. Что-то сверкнуло у меня на руке...

Кольцо Калкру; должно быть, когда пигмеи бросились на меня, я надел его на палец. Ну, что ж, кольцо привело меня сюда. Его эффект на этих людей будет не меньшим, чем на тех, кто смотрел на меня с другого конца сломанного моста. Во всяком случае это все, что у меня есть. Я повернул его камнем внутрь.

Теперь они были близко, большинство из них — женщины, девушки и девочки. Все одеты одинаково — во что-то напоминающее рабочий халат длиной до колен, оставляющий обнаженной правую грудь. Все без исключения рыжеволосые и синеглазые, с кожей кремово-белой или тончайшего розового оттенка, все высокие, сильные и прекрасно сложенные. Похожи на жен и матерей викингов, пришедших на берег, чтобы встретить возвращающийся из морского похода драккар. А дети — маленькие синеглазые ангелы. Я заметил и мужчин; их было немного, не более десятка. И у них рыжие головы и голубые глаза. У старших короткие бороды, младшие гладко выбриты. Они не так высоки, как большинство женщин. Ни одна женщина, ни один мужчина не выше моего подбородка. И ни у одного из них не было оружия.

Они остановились в нескольких ярдах от меня и молча смотрели. Глаза их были устремлены к моим светлым волосам.

На краю толпы началось движение. С десяток женщин пробились сквозь нее и направились ко мне. На них были короткие юбки, на поясах мечи, а в руках копья; в отличие от остальных женщин, у этих груди были закрыты. Они окружили меня, подняв копья, так что их острия почти касались меня.

Их яркоглазая предводительница выглядела отважной, скорее солдат, чем женщина.

— Желтоволосый незнакомец! Люка сегодня улыбнулась нам!

Стоявшая рядом с ней женщина наклонилась к ней и сказала как можно тише, но я услышал:

— Тибур даст нам за него больше, чем Люр.

Предводительница покачала головой.

— Слишком опасно. Наградой Люр будем наслаждаться дольше.

Она откровенно осмотрела меня.

— Стыдно зря потратить его, — сказала она.

— Люр не потратит, — цинично ответила другая.

Предводительница подтолкнула меня копьем и указала на крепость.

— Вперед, Желтые Волосы! — сказала она. — Жаль, что ты меня не понимаешь. Я тебе кое-что рассказала бы для твоей пользы — за награду, разумеется.

Она улыбнулась и снова подтолкнула меня. Мне захотелось улыбнуться ей в ответ; она походила на прожженного сержанта, с которым я встречался на войне. Вместо этого я строго сказал:

— Призови ко мне Люр с достойным эскортом, о женщина, чей язык соперничает с барабанной палочкой.

Она смотрела на меня, раскрыв рот и выронив копье. Очевидно, когда прозвучал сигнал тревоги, ей не сказали, что я владею уйгурским.

— Немедленно призови Люр, — повторил я. — Или, клянусь Калкру...

Я не закончил. Повернул кольцо и высоко поднял его.

В толпе послышались вопли ужаса. Все опустились на колени, низко склонив головы. Лицо женщины-солдата побледнело, она и все остальные упали передо мной. Послышался скрежет засовов. В стене крепости недалеко от нас открылся вход.

Из него, как будто в ответ на мой призыв, выехала ведьма, рядом с ней Тибур, а за ними небольшой отряд, сопровождавший их на мосту.

Они остановились, глядя на коленопреклоненную толпу. Затем Тибур пришпорил свою лошадь; ведьма протянула руку и остановила его; они о чем-то заговорили. Женщина-солдат коснулась моей ноги.

— Позволь нам встать, господин. — Я кивнул, она вскочила и что-то сказала своим подчиненным. Те окружили меня. В глазах предводительницы я увидел страх и мольбу. Я улыбнулся ей.

— Не бойся. Я ничего не слышал, — прошептал я.

— Тогда Дара твой друг, — пробормотала она. — Следи за левой рукой Тибура, когда будешь сражаться с ним.

Маленький отряд пришел в движение; всадники медленно приближались ко мне. Когда они приблизились, я заметил, что лицо Тибура мрачно, и он с трудом сдерживает свой гнев. Тибур остановил лошадь на краю толпы. Гнев его обратился на нее. Я на мгновение подумал, что он начнет топтать людей.

— Встать, свиньи! — взревел он. — С каких это пор Карак преклоняется перед кем-то, кроме своих правителей?

Все встали с испуганными лицами, расступились, и всадники проехали через толпу. Я посмотрел на ведьму и Тибура-Смех.

Тибур яростно смотрел на меня сверху вниз, рука его гладила рукоять молота; двое высоких мужчин, сопровождавших его на мосту, приблизились ко мне с мечами в руках. Ведьма молчала, изучая меня с какой-то циничной беспристрастностью, которая встревожила меня; очевидно, она еще не приняла решения относительно меня и ждала с моей стороны слова или поступка, чтобы принять его. Ситуация мне не нравилась. Если дело дойдет до схватки, у меня будет мало шансов против трех всадников, не говоря уже о женщинах. И у меня было чувство, что ведьма не хочет моей немедленной смерти, но, возможно, она опоздает прийти мне на помощь; к тому же у меня не было ни малейшего желания быть избитым, связанным и приведенным в Карак в качестве пленника.

К тому же я начал ощущать гнев и негодование против этих людей, которые осмелились встать на моем пути, осмелились преграждать мне доступ к тому, что я захотел сделать своим; во мне пробуждалось

высокомерие, оживали воспоминания, которые начали появляться, как только я извлек кольцо Калкру...

Что ж, эти воспоминания послужили мне на мосту Нансур, когда Тибур метнул в меня молот... что сказал мне Джим?.. чтобы я не сдерживал Двайану, когда встречусь с ведьмой... что ж, выпустим его... это единственный выход... смелый выход... старый выход...

Как будто я услышал чьи-то слова.

Я широко распахнул мозг навстречу воспоминаниям... навстречу Двайану.

Я испытал звенящий шок, и какая-то волна поглотила того, кто был Лейфом Ленгдоном. Я сумел не дать ей поглотить меня полностью, сохранить свою личность на пороге сознания. Волна отступила, но угрюмо и недалеко. Неважно, пока она не закрыла меня с головой... Я растолкал солдат и направился к Тибуру. Происшедшее каким-то образом отразилось на моем лице, изменило меня. В глазах ведьмы появилось сомнение; рука Тибура отпустила рукоять молота, он слегка отступил назад на своей лошади. Я заговорил, и моим собственным ушам мой гневный голос показался незнакомым.

— Где моя лошадь? Где мое оружие? Где мои знамена и копьеносцы? Почему молчат барабаны и трубы? Так ли надо приветствовать Двайану, возвращающегося в город айжиров? Клянусь Зардой, я не потерплю этого!

Теперь заговорила ведьма; в ее чистом, глубоком, звонком голосе звучала насмешка, и я понял, что преимущество, которое я имел перед ней, каким-то образом исчезло.

— Сдержи свою руку, Тибур. Я буду говорить с... Двайану. А ты — если ты действительно Двайану — вряд ли должен винить нас. Очень давно человеческие глаза не видели тебя, а в этой земле вообще никогда. Как мы могли узнать тебя? А когда мы впервые увидели тебя, маленькие желтые псы отогнали тебя от нас. И если мы не приняли тебя, как вправе ожидать Двайану от города айжиров, то столь же справедливо, что никогда раньше ни один город айжиров не посещался Двайану таким образом.

Что ж, справедливо, прекрасно выражено, ясно и все подобное. Та часть меня, которая была Лейфом Ленгдоном и отчаянно боролась, чтобы обрести контроль над ситуацией, признала это. Но мой беспричинный гнев рос. Я поднял кольцо Калкру.

— Вы можете не узнать Двайану, но должны узнать... это!

— Я знаю, что оно у тебя, — спокойно ответила она. — Но не знаю, как оно оказалось у тебя. Само по себе оно ничего не доказывает.

Тибур с улыбкой наклонился вперед.

— Расскажи нам, откуда ты пришел. Может, ты выкидыш Сирка?

В толпе послышался ропот. Ведьма, нахмурившись, тоже склонилась вперед. Я слышал, как она полупрезрительно сказала:

— Твоя сила никогда не заключалась в голове, Тибур!

Тем не менее я ответил ему.

— Я пришел, — холодно сказал я, — с родины айжиров. Из земли, которая отрыгнула твоих дрожащих предков, рыжая жаба!

Я бросил взгляд на ведьму. Мой ответ задел и ее. Я видел, как напряглось ее тело, васильковые глаза расширились и потемнели, красные губы раскрылись; ее женщины склонились друг к другу, перешептываясь; в толпе послышался ропот.

— Ты лжешь! — взревел Тибур. — На родине нет жизни. И нигде нет, только здесь. Калкру высосал жизнь из всей земли. Только здесь она сохранилась. Ты лжешь!

Рука его опустилась на рукоять молота.

Неожиданно все вокруг покраснело; я видел мир сквозь гневный красный туман. Лошадь ближайшего всадника была благородным животным. Я приметил ее — чалый жеребец, такой же сильный, как тот, что нес меня по оазису в Гоби. Я вытянул руку, схватил лошадь за морду и заставил опуститься на колени. Захваченный врасплох, ее всадник перелетел через голову лошади и упал у моих ног. Но тут же вскочил на ноги, как кошка, и выхватил меч. Я перехватил его руку, прежде чем он смог ударить, и взмахнул кулаком левой руки. Кулак ударил его в челюсть; голова его дернулась назад, и он упал. Я подхватил его меч и вскочил на спину лошади. Прежде чем Тибур смог пошевелиться, острие моего меча было у его горла.

— Стой! Я верю, что ты Двайану! Сдержи свою руку!

Это голос ведьмы, негромкий, почти шепот.

Я рассмеялся. Плотнее прижал меч к горлу Тибура.

— Я Двайану? Или выкидыш Сирка?

— Ты Двайану! — простонал он.

Я снова рассмеялся.

— Я Двайану! Веди меня в Карак, чтобы загладить свою наглость, Тибур!

И я отвел меч в сторону.

Да, я отвел его в сторону — клянусь всеми богами, жившими в моем смешавшемся сознании, лучше бы я проткнул ему горло!

Но я не сделал этого, и возможность была упущена. Я заговорил с ведьмой:

— Поезжай справа от меня, а Тибур пусть едет впереди.

Человек, которого я ударил, неуверенно встал. Люр что-то сказала одной из своих женщин. Та слезла со своей лошади, а другие спутники Тибура помогли человеку сесть на нее.

Мы проехали по площади и сквозь ворота — в черную крепость.

14. В черной крепости

Запоры ворот загремели за нами. Проход в стене, широкий и длинный, заполнен выстроившимися в ряд солдатами, в основном женщинами. Они смотрели на меня; дисциплина у них была отличная, они молчали и приветствовали нас только поднятием своих копий.

Из стены мы выехали на огромную площадь, граничащую с высоким черным ограждением крепости. Площадь была вымощена камнем; на ней находилось не менее полутысячи солдат, тоже в основном женщин; все с сильными телами, голубоглазые и рыжеволосые. Длина площади не менее четверти мили. Напротив нас была группа людей на лошадях. Они располагались вблизи портала, к которому направились и мы.

Примерно на трети пути мы миновали круглую яму в сто футов шириной, в которой пузырилась и кипела вода; от нее поднимался пар. Я решил, что тут горячий источник; чувствовалось его дыхание. Вокруг стройные каменные столбы, с каждого выдавалась перекладина, как на виселице, с концов перекладины свисали цепи. Очень неприятное и зловещее место. Мне оно совсем не понравилось. Должно быть, это отразилось у меня на лице, потому что Тибур вежливо объяснил:

— Это наш кухонный котел.

— Нелегко оттуда доставать похлебку, — заметил я, думая, что он шутит.

— Да, но то, что здесь варится, мы не едим, — ответил он еще более вежливо. И расхохотался.

Когда я понял, мне стало тошно. Цепи должны были держать людей, подвергаемых пытке; их медленно опускали в этот дьявольский котел. Но я только равнодушно кивнул, и мы проехали мимо.

Ведьма не обращала на нас внимания. Склонив красно-рыжую голову, она глубоко погрузилась в размышления; время от времени я ловил на себе ее взгляд. Она сделала знак ожидавшим — двум десяткам рыжеволосых девушек и женщин и полудюжине мужчин; они спешились. Ведьма склонилась ко мне и прошептала:

— Поверни кольцо, чтобы камень не был виден.

Я повиновался, не задавая вопросов.

Мы подъехали к порталу. Я рассматривал ожидавших нас. На женщинах верхняя одежда, оставлявшая обнаженной правую грудь; мешковатые брюки, перевязанные у лодыжек; пояса, на которых висели по два меча, один длинный, другой короткий. Мужчины в свободных рубашках и таких же мешковатых брюках; на месте мечей с их поясов свисали молоты, как у Тибура, но поменьше. Женщины, встретившие меня на берегу реки, были красивы, но эти гораздо привлекательнее, в них чувствовалась порода. Они так же откровенно и оценивающе смотрели на меня, как та женщина-солдат и ее подчиненные;

глаза их задержались на моих светлых волосах, как зачарованные. На всех лицах виднелась та же скрытая жестокость, что и на лице Люр.

— Здесь мы спешимся, — сказала ведьма, — и пройдем туда, где сможем лучше познакомиться.

Я кивнул, равнодушно, как и раньше. Мне показалось, что я поступаю глупо, так доверяясь окружающим; но я думал также и о том, что у меня не было другого выхода, разве что отправиться в Сирк, а я не знал, где он находится; и если бы я попытался это сделать, то был бы таким же преследуемым преступником по эту сторону белой Нанбу, каким стал по ту сторону. Та часть меня, которая была Лейфом Ленгдоном, думала так, но другая часть, та, что была Двайану, вообще об этом не думала. Она раздувала пламя безжалостности и высокомерия, которые пока сохранили мне жизнь; шептала, что среди айжиров ни у кого нет права расспрашивать меня или преграждать мне путь, с увеличивающейся настойчивостью нашептывала, что меня должны были встретить развернутыми знаменами, боем барабанов и звуками труб. Часть, остававшаяся Лейфом Ленгдоном, отвечала, что нет другого выхода, как продолжать игру. А та, другая часть — древние воспоминания, проснувшийся Двайану, постгипнотическое внушение старого жреца — нетерпеливо спрашивала, почему я сомневаюсь, утверждала, что это не игра — это правда! И что она больше не в силах выносить наглость этих выродившихся потомков великой расы — и не будет выносить мою трусость!

Итак, я спустился с лошади и стоял, высокомерно глядя вниз на лица встречавших меня людей, — буквально глядя вниз, потому что я был на четыре дюйма выше самого высокого из них. Люр тронула меня за руку. Между ней и Тибуром я прошел в портал черной крепости.

Мы прошли через огромный вестибюль, тускло освещенный узкими бойницами, расположенными высоко вверху. Прошли мимо молча салютовавших женщин-солдат; миновали много поперечных коридоров. И наконец подошли к большой охранявшейся двери, здесь Люр и Тибур отпустили эскорт. Дверь медленно распахнулась; мы вошли, и она так же медленно закрылась за нами.

Первое, что я увидел, был Кракен.

Он растянулся на одной стене комнаты, в которую мы вошли. Сердце мое дрогнуло, и на мгновение я почувствовал почти непреодолимое желание повернуться и убежать. Потом я понял, что Кракен выложен на стене мозаикой из черного камня. Вернее, он стоял на желтом мозаичном полу, вырубленный из черного камня стены. На меня смотрели его непостижимые глаза с той злобой, которую так мастерски передали золотые пигмеи в символическом изображении в своем храме.

Что-то шевельнулось под Кракеном. Из-под черного капюшона на

меня смотрело лицо. Вначале я решил, что это сам старый жрец из Гоби, потом я увидел, что этот человек не так стар, глаза у него чистого синего цвета, а лицо не покрыто морщинами; оно холодное, белое и невыразительное, как будто вырезанное из мрамора. Я вспомнил, что говорила мне Эвали, и понял, что это Йодин, верховный жрец. Он сидел на похожем на трон стуле за длинным низким столом, на котором лежали свитки, похожие на папирусы древних египтян, и цилиндры тусклого красного металла, по-видимому, футляры для этих свитков. По обе стороны от него стояли похожие троны.

Он поднял тонкую белую руку и поманил меня.

— Подойди ко мне, ты, который называет себя Двайану.

Голос холодный и бесстрастный, как лицо, но вежливый. Мне опять показалось, что я слышу голос старого жреца. Я пошел к нему, скорее как потакающий просьбе низшего, чем как отвечающий на вызов равного. И именно это я и чувствовал. Он, должно быть, прочел мою мысль, потому что я увидел на его лице тень гнева. Глаза его внимательно изучали меня.

— Мне сказали, что у тебя есть некое кольцо.

С тем же чувством потакания низшему я повернул камень кольца и протянул к нему руку. Он посмотрел на кольцо, и его белое лицо утратило свою неподвижность. Он сунул руку за пояс, извлек оттуда ящичек, а из него кольцо, и положил его рядом с моим. Я увидел, что оно не такое большое и оправа несколько иная. Он рассматривал кольца, потом со свистящим дыханием схватил меня за руки и начал рассматривать ладони. Отпустил руки и опустился в свое кресло.

— Зачем ты пришел к нам? — спросил он.

Меня охватил приступ раздражения.

— Можно ли допрашивать Двайану, как простого посыльного? — спросил я хриплым голосом.

Я подошел к столу и опустился в одно из кресел.

— Пусть принесут вина, я хочу пить. Пока не утолю жажду, говорить не буду.

Слабая краска показалась на белом лице жреца; Тибур зарычал. Его лицо покраснело. Ведьма встала, глядя на меня, и во взгляде ее не было насмешки, а задумчивый интерес усилился. Мне пришло в голову, что я захватил трон Тибура; я рассмеялся.

— Берегись, Тибур, — сказал я. — Может, это дурной знак.

Верховный жрец спокойно прервал меня:

— Если он действительно Двайану, Тибур, никакие почести не слишком велики для него. Проследи, чтобы принесли вина.

Взгляд, который Тибур бросил на жреца, казалось, содержит в себе вопрос. Возможно, ведьма подумала о том же. Она быстро сказала:

— Я прослежу за этим.

Она подошла к двери, открыла ее и отдала приказ стражникам.

Подождала; мы молчали, как будто ожидали чего-то. Я думал о многом. Думал, например, о том, что мне не нравится взгляд, которым обменялись жрец и Тибур и что хотя я могу доверять Люр, все же она должна будет первой выпить принесенное вино. Думал о том, что расскажу им совсем немного о том, как попал в Землю Теней. Думал о Джиме — и думал об Эвали. Сердце у меня так заболело, что я ощутил одиночество ночного кошмара; и тут я почувствовал яростное презрение со стороны той, другой части меня, почувствовал, как она разрывает наложенные на нее путы. И тут подали вино.

Ведьма поднесла к столу кувшин и кубок и поставила их передо мной. Налила желтое вино в кубок и протянула его мне. Я улыбнулся ей.

— Приносящий вино пьет первым, — сказал я. — Так было в старые дни, Люр. И мне дороги старые обычаи.

Тибур прикусил губу и дернул себя за бороду, но Люр подняла кубок и осушила его. Я снова наполнил его и показал Тибуру. У меня было злобное желание подразнить Кузнеца.

— А ты бы что сделал, Тибур, если бы принес вино? — спросил я и выпил.

Хорошее вино! Оно зазвенело во мне, и я почувствовал, как моя беззаботность усилилась, как пришпоренная. Я снова наполнил кубок и осушил его.

— Иди сюда, Люр, посиди с нами, — сказал я. — Тибур, присоединяйся.

Ведьма спокойно заняла третий трон. Тибур разглядывал меня, и я заметил в его взгляде ту же задумчивость, что видел и во взгляде Люр. Мне пришло в голову, что все они заняты своими мыслями и что Тибур по крайней мере обеспокоен. Когда он ответил, в его голосе не было прежней язвительности.

— Хорошо, Двайану, — сказал он и, подняв скамью, принес ее к столу и сел так, чтобы видеть наши лица.

— Отвечаю на твой вопрос. — Я повернулся к Йодину. — Я пришел сюда по призыву Калкру.

— Странно, — ответил он, — что я, верховный жрец Калкру, ничего не знаю об этом призыве.

— Я не знаю причины этого, — спокойно сказал я. — Спроси у того, кому служишь.

Он задумался.

— Двайану жил очень давно, — сказал он наконец. — До...

— До святотатства. Верно. — Я выпил еще. — Однако... я здесь.

Впервые голос его утратил устойчивость.

— Ты.. ты знаешь о святотатстве! — Пальцы его сжали мое запястье. — Человек, кто ты, откуда ты пришел?

— Я пришел с родины, — ответил я.

Пальцы его сжали мою руку еще сильнее. Он повторил слова Тибура:

— Родина — мертвая земля. Гнев Калкру уничтожил там жизнь. Нигде нет жизни, только здесь, где Калкру слышит своих слуг и допускает жизнь.

Он сам не верил в это; я мог судить по беглому взгляду, которым он обменялся с ведьмой и Кузнецом. И они не верили.

— Родина — высохшие кости, — сказал я. — Ее города покрыты грудами песка. Ее реки безводны, и меж их берегов течет лишь песок, перегоняемый жарким ветром. Но на родине по-прежнему есть жизнь, и хотя древняя кровь иссякает, она все еще правит там. И в том месте, откуда я пришел, по-прежнему поклоняются Калкру и боятся его, а в других местах земля обильно рождает жизнь, как делала это всегда.

Я налил себе еще вина. Хорошее вино. Я чувствовал, что становлюсь все беззаботнее... Двайану во мне все сильнее... что ж, я попал в тяжелое положение, но Двайану выберется из него.

— Покажи мне, откуда ты пришел, — быстро заговорил верховный жрец. Он дал мне восковую пластинку и стилос. Я начертил линию Северной Азии и Аляску. Указал Гоби и приблизительное расположение оазиса, а также положение Земли Теней.

Тибур встал, чтобы посмотреть; три головы склонились над моим чертежом. Жрец порылся среди свитков, вытащил один и сравнил с пластинкой. Похоже на карту, но северная береговая линия изображена неверно. На карте линия, которая, по-видимому, обозначает маршрут. Вдоль всего маршрута какие-то символы. Не запись ли это пути старой расы, каким она следовала из Гоби?

Наконец они подняли головы; в глазах жреца беспокойство, у Тибура неясные тревожные предчувствия, и лишь глаза ведьмы ясные и спокойные — как будто она приняла решение и теперь точно знала, что ей делать.

— Это родина! — сказал жрец. — А черноволосый незнакомец, который сопровождал тебя и смотрел, как ты падаешь с моста Нансур, он тоже оттуда?

В вопросе была зловещая угроза. Мне все меньше и меньше нравился Йодин.

— Нет, — ответил я. — Он пришел из старой земли ррррлия.

Это заставило жреца вскочить, Тибур недоверчиво выругался, и даже спокойствие Люр было нарушено.

— Другая земля — ррррлия! Но этого не может быть! — прошептал Йодин.

— Тем не менее это так, — сказал я.

Он сел и на некоторое время задумался.

— Он твой друг?

— Мой брат по древнему кровному обряду его народа.

— Он присоединится к тебе здесь?

— Да, если я пошлю за ним. Но я не пошлю. Пока еще нет. Ему хорошо там, где он сейчас.

В тот же момент я пожалел о том, что сказал. Почему — не знаю. Но я многое бы отдал, чтобы вернуть эти слова.

Снова жрец замолк.

— Странные вещи ты нам рассказываешь, — сказал он наконец. — И ты пришел необычно... для Двайану. Не возражаешь, если мы немного посовещаемся?

Я посмотрел на кувшин. Он был еще наполовину полон. Вино мне понравилось — особенно потому, что отгоняло воспоминания об Эвали.

— Говорите, сколько хотите, — благосклонно согласился я. Они отошли в угол. Я налил себе еще порцию, и еще. Забыл об Эвали. Начал чувствовать, что хорошо провожу время. Хорошо бы Джим был со мной... Но все равно я сожалел, что сказал, что он придет, если я пошлю за ним. Потом я выпил еще и забыл о Джиме. Да, я прекрасно проводил время. Нужно еще больше освободить Двайану. Тогда будет еще лучше... спать хочется... что сказал бы старый Барр на моем месте...

Я внезапно пришел в себя. Рядом со мной стоял верховный жрец. Он что-то говорил. У меня сложилось впечатление, что он говорит уже некоторое время, но о чем, я не знал. Мне также показалось, что кто-то пытался разогнуть мой палец. Но он был согнут так крепко, что камень кольца оцарапал ладонь. Воздействие вина быстро кончалось. Я осмотрелся. Тибура и ведьмы не было. Почему я не заметил, как они ушли? Уснул? Я посмотрел в лицо Йодина. На нем было выражение напряжения и замешательства; однако под ним я ощущал глубокое удовлетворение. Странное сочетание выражений. Мне оно не понравилось.

— Они ушли, чтобы подготовить тебе достойный прием, — сказал Йодин. — Помещение и соответствующую одежду.

Я встал и остановился рядом с ним.

— Как Двайану?

— Пока еще нет, — вежливо ответил он. — Как почетному гостю. Дело слишком серьезное, чтобы решить без еще одного доказательства.

— Что за доказательство?

Он некоторое время смотрел на меня, не отвечая.

— Калкру должен принять твою молитву!

По моему телу пробежала дрожь. Он внимательно следил за мной и, должно быть, заметил.

— Умерь свое нетерпение, — в голосе его звучал холодный мед. — Ждать тебе недолго. До того времени я, вероятно, не увижусь с тобой. А пока у меня к тебе есть просьба.

— Какая?

— Не носи открыто кольцо Калкру, кроме тех случаев, конечно, когда сочтешь это необходимым.

О том же просила меня и Люр. Но ведь десятки людей видели у меня кольцо; еще больше слышали о нем. Он прочел мою мысль.

— Это святая вещь, — сказал он. — Я не знал, что существует другое такое, пока мне не рассказали, как ты показал его на Нансуре. Не надо осквернять святыню. Я не ношу свое... кроме необходимых случаев.

Я подумал о том, какие случаи он считает необходимыми. И хотел бы я знать, в каких случаях оно будет полезно мне. Глаза его были устремлены на меня, и я надеялся, что на этот раз он не догадался о моих мыслях.

— Не вижу причины для отказа в твоей просьбе, — сказал я. И, сняв кольцо с пальца, положил его в карман.

— Я был уверен, что ты не откажешь, — сказал жрец.

Негромко прозвенел гонг. Йодин нажал на потайную кнопку сбоку стола, и дверь раскрылась. Трое юношей, одетые в обычную одежду айжиров, вошли и встали в ожидании.

— Это твои слуги. Они отведут тебя в твои помещения, — сказал Йодин.

Он склонил голову. Я пошел за тремя молодыми айжирами. У дверей стояла охрана из десяти женщин во главе с моей знакомой — молодым офицером со смелым взглядом. Все энергично отсалютовали. Мы прошли по коридору и свернули в другой. Я оглянулся.

Как раз вовремя, чтобы увидеть скользнувшую в комнату жреца ведьму.

* * *

Мы подошли к другой охраняемой двери. Ее распахнули, и я прошел туда в сопровождении трех юношей.

— Мы тоже твои слуги, господин, — сказала девушка-офицер со смелым взглядом. — Если захочешь чего-нибудь, позови. Мы будем за дверью.

Она дала мне маленький каменный гонг, отсалютовала и вышла.

Комната казалась странно знакомой. Потом я понял, что она весьма напоминала ту, в которую меня отвели в оазисе. Те же самые необычно изогнутые сидения, металлические стулья, тот же самый широкий низкий диван, стены увешаны коврами, ковер лежал и на полу. Только тут ни следа упадка. Правда, некоторые вышитые ковры выцвели от времени, но все же сохранили свою изысканность; на них ни заплат, ни других следов починки. Другие, прекрасно вытканные, казалось, только что со станка. На всех коврах те же картины войны

и охоты, что и на древних гобеленах в оазисе; на более новых коврах изображались сцены жизни под миражом. На одном виден был не сломанный еще мост Нансур, на другом битва с пигмеями, на третьем — фантастически прекрасный лес, и сквозь деревья пробираются белые волки Люр. Что-то показалось мне неправильным. Я смотрел и смотрел, пока не понял: в комнате оазиса находилось оружие Двайану — его мечи и копья, шлем и щит; здесь оружия не было. Я вспомнил, что принес с собой в комнату жреца меч, отнятый у спутника Тибура. Теперь его не было.

Во мне нарастало беспокойство. Я повернулся к трем молодым айжирам и начал расстегивать рубашку. Они молча подошли и стали раздевать меня. Неожиданно я ощутил страшную жажду.

— Принеси воды, — сказал я одному из юношей. Он не обратил на это ни малейшего внимания.

— Принеси мне воды, — повторил я, думая, что он не расслышал. — Я хочу пить.

Он продолжал спокойно снимать с меня ботинки. Я тронул его за плечо.

— Принеси воды, — настойчиво сказал я.

Он улыбнулся, открыл рот и показал. У него не было языка. Он показал на уши. Я понял: он говорит мне, что он глухой и немой. Я показал на двух его товарищей. Он кивнул.

Мое беспокойство усилилось. Таков ли обычай правителей Карака? Подготовлены ли эти трое специально для молчаливой службы, чтобы не слышать особых гостей? Гостей — или пленников?

Я ударил пальцем в гонг. Дверь немедленно открылась, вошла девушка-офицер.

— Я хочу пить, — сказал я. — Принеси воды.

Вместо ответа она пересекла комнату и откинула одну из занавесей. За ней находилась широкая и глубокая ниша. В полу ниши был небольшой бассейн, в котором текла чистая вода, рядом — раковина из порфира, из нее бил небольшой фонтан. Она взяла в нише кубок, наполнила его из фонтана и протянула мне. Вода была холодная, она слегка искрилась.

— Еще что-нибудь, господин? — спросила она. Я покачал головой, и она вышла.

Я вернулся к услугам трех глухонемых. Они сняли с меня всю одежду, смазали тело каким-то легким летучим маслом и принялись массировать. Пока они занимались этим, мой мозг активно работал. Во-первых, больное место на ладони напоминало о том, что кто-то пытался снять у меня с пальца кольцо. Во-вторых, я был уверен, что перед пробуждением, прежде чем я пришел в себя от вина, бледнолицый жрец говорил, говорил, говорил со мной, расспрашивал, пытался проникнуть в мой отуманенный мозг. И в-третьих, я утратил всю

свою беспечность, которая привела меня сюда; теперь я в сущности почти целиком был Лейфом Ленгдоном и очень немного — Двайану. О чем же говорил жрец, о чем спрашивал? И что я ответил?

Я вырвался из рук массажистов, подбежал к своим брюкам и заглянул в карман. Кольцо на месте. Я поискал кожаный мешочек. Он исчез. Я позвонил в гонг. Отозвалась женщина-офицер. Я стоял перед ней совершенно нагой, но не видел в ней женщину.

— Послушай, — сказал я. — Принеси мне вина. И прочный, хорошо закрывающийся ящичек, чтобы в него вошло кольцо. И прочную цепь, чтобы я мог повесить ящичек на шею. Понятно?

— Будет сделано немедленно, господин, — ответила она.

Вскоре она вернулась. Поставила кувшин и сунула руку под одежду. Достала ящичек, подвешенный на металлической цепи. Она раскрыла его.

— Подойдет, господин?

Я отвернулся от нее и положил в ящичек кольцо Калкру. Оно прекрасно вошло.

— Очень хорошо, — сказал я, — но мне нечего дать тебе взамен.

Она рассмеялась.

— В твоем распоряжении есть достаточная награда, господин, — недвусмысленно сказала она и вышла.

Я повесил ящичек на шею. Налил себе. Потом еще. Вернулся к массажистам, чувствуя себя лучше. Пока они купали меня, я пил, и когда они стригли и брили, тоже пил. И чем больше я пил, тем больше оживал Двайану, гневный и негодующий.

Мое неудовольствие Йодином росло. И не уменьшилось, когда трое одели меня. Сначала они надели на меня шелковое белье, потом роскошную куртку, желтую, прошитую металлическими синими нитями; мои длинные ноги покрыли мешковатые брюки из того же материала; вокруг талии застегнули широкий, усаженный жемчугом пояс, на ноги надели сандалии из мягкой золотистой кожи. Побрили меня, укоротили волосы, причесали и пригладили их.

К тому времени, когда они кончили, кончилось и вино. Я был слегка пьян, хотел еще выпить и был не в настроении позволять играть с собой. Позвонил. Мне нужно еще вино, и я хочу знать, когда, где и как я буду есть. Дверь открылась, но вошла не девушка-офицер.

Вошла ведьма.

15. Озеро Призраков

Люр остановилась: приоткрыв красные губы, она рассматривала меня. Очевидно, ее поразила перемена, вызванная айжирской одеждой и уходом глухонемых, — перемена в оборванном мокром человеке, не-

давно выбравшемся из реки на берег. Глаза ее сверкнули, щеки порозовели. Она подошла ближе.

— Двайану, ты пойдешь со мной?

Я посмотрел на нее и рассмеялся.

— Почему бы и нет, Люр? Но с другой стороны — зачем?

Она прошептала:

— Ты в опасности, все равно, Двайану ты или нет. Я убедила Йодина оставить тебя со мной, пока ты не пойдешь в храм. Со мной ты будешь в безопасности — до того времени.

— А почему ты делаешь это для меня, Люр?

Она не ответила, только положила руку мне на плечо и посмотрела своими синими глазами; и хотя здравый смысл говорил мне, что есть другие причины ее заботливости, кроме неожиданно вспыхнувшей страсти, все же это прикосновение и взгляд заставили кровь быстрее бежать в жилах, и мне было трудно справиться с голосом и заговорить.

— Я пойду с тобой, Люр.

Она подошла к двери и открыла ее.

— Овадра, плащ и колпак. — Она вернулась ко мне с черным плащом, который набросила мне на плечи и закрепила у шеи; натянула мне на голову колпак, плотно прилегающий и напоминавший фригийский, и спрятала под него волосы. Если не считать роста, я теперь был неотличим от айжиров Карака.

— Нужно торопиться, Двайану.

— Я готов. Подожди...

Я подошел к своей старой одежде и свернул ее вместе с ботинками. В конце концов... они могут мне понадобиться. Ведьма ничего не сказала, открыла дверь, и мы вышли. В коридоре ждали офицер и ее подчиненные, а также еще с полдюжины женщин Люр. Все они были очень красивы. Потом я заметил, что на всех были кольчуги и у всех, помимо двух мечей, еще метательные молоты. И у Люр тоже. Очевидно, они готовились к неожиданностям, либо с моей стороны, либо с другой. Как бы то ни было, мне это не понравилось.

— Дай мне твой меч, — резко сказал я офицеру. Она заколебалась.

— Отдай ему, — сказала Люр.

Я взвесил оружие в руке: не такое тяжелое, как мне хотелось бы, но все же это меч. Я сунул его за пояс, зажал под левой рукой сверток с одеждой. Мы пошли по коридору, оставив у дверей охрану.

Прошли мы около ста ярдов и оказались в маленькой пустой комнате. Никто нам не встретился. Люр облегченно вздохнула, подошла к стене; отодвинулась каменная плита, открыв проход. Мы вошли в него, плита за нами закрылась, оставив нас в темноте. Сверкнула искра, не знаю чем порожденная, и проход осветили два факела. Они горели чистым ровным серебряным пламенем. Женщины с факелами

пошли впереди. Через некоторое время мы подошли к концу коридора, факелы погасли, и еще одна плита скользнула в сторону. Мы вышли. Я услышал шепот, и когда глаза привыкли к темноте, увидел, что мы находимся у основания одной из стен черной крепости, и с нами — еще с полдюжины женщин Люр с лошадьми. Одна из них подвела ко мне большого серого жеребца.

— Садись и поезжай рядом со мной, — сказала Люр.

Я прикрепил сверток к луке высокого седла и сел на серого. Мы молча двинулись. В земле под миражом никогда не бывает совсем темно; всегда есть слабое зеленоватое свечение, но сегодня ночь была светлее обычного. Я думал, не полная ли луна светит над долиной. И далеко ли нам ехать? Я не был так пьян, как тогда, когда Люр пришла ко мне, но в каком-то смысле я был еще пьянее. У меня было легкое приятное ощущение головокружения и полного освобождения от ответственности. Я хотел, чтобы так продолжалось и дальше. Я надеялся, что там, куда меня отвезет Люр, достаточно вина. Мне хотелось выпить прямо сейчас.

Мы быстро ехали по городу. Широкая улица хорошо вымощена. В домах горят огни, в садах поют люди, играют барабаны и трубы. Черная цитадель, возможно, и зловеща, но она не отбрасывала тени на жителей Карака. Так я тогда думал.

Мы выехали из города и двинулись по широкой дороге между двумя стенами растительности. Светящиеся мотыльки летали вокруг нас, как волшебные самолетики; на мгновение я ощутил укол памяти, передо мной всплыло лицо Эвали, но не продержалось и секунды. Серый шел ровно, и я запел старую киргизскую песню о юноше, который ночью едет к своей девушке, и что его ждет там, куда он едет. Люр рассмеялась и зажала мне рот рукой.

— Тише, Двайану. Опасность еще не миновала.

Тогда я понял, что пою не на киргизском, а на уйгурском. Вероятно, киргизы заимствовали эту песню у уйгуров. И тут мне пришло в голову, что я никогда не слышал уйгурских песен. Я удивился, но это удивление продержалось не дольше памяти об Эвали.

Время от времени мелькала белая река. Потом мы выехали на длинную полосу, где дорога так сузилась, что мы ехали цепочкой между покрытыми зеленью утесами. Когда мы выехали из них, дорога разделилась. Одна дорога шла направо, другая резко сворачивала налево. Мы проехали по второй дороге три или четыре мили, вероятно, через самую середину странного леса. Высоко над головами расстилали свои ветви большие деревья; в бледном свете виднелись многочисленные цветы, чешуйчатые стволы напоминали стоящих на страже воинов. А тяжелые ароматы, странно будоражащие испарения были очень сильны. Лес ритмично дышал ими, как будто это был пульс его пьяного от жизни сердца.

Наконец мы пришли к концу дороги и увидели озеро Призраков. Нет во всем мире, я думаю, другого места такой захватывающей дух неземной красоты, как это озеро под миражом, на котором ведьма Люр устроила свой дом. И если бы она не была ведьмой перед тем, как поселиться здесь, озеро превратило бы ее в ведьму.

По форме оно напоминало наконечник стрелы, в длину около мили. Окружено низкими холмами, поросшими древовидными папоротниками. Перистые кроны укрывали холмы, будто груди гигантских райских птиц; выплескивались из них, как фонтаны; парили над ними на зеленоватых крыльях. Вода бледно-изумрудного цвета сверкала, как драгоценный камень, безмятежная, спокойная. Но под этой спокойной поверхностью всегда движение — блестящие круги серебряно-зеленого цвета быстро появлялись и исчезали, лучи переплетались в фантастических, но правильных геометрических формах, ни один из них не достигал поверхности и не нарушал ее спокойствия. Тут и там в воде светились гроздья огоньков, как облачные рубины, туманные сапфиры и опалы, блестящие жемчужины — ведьмины огни. Сверкающие лилии озера Призраков.

Там, где кончалось острие, не росли папоротники. Широкий водопад вуалью закрывал поверхность утеса, он падал с шепотом. Тут поднимались туманы, смешиваясь с падающей водой, раскачиваясь навстречу ей, протягивая к ней призрачные руки. А с берегов озера поднимались другие туманные призраки, они быстро скользили над зеленой поверхностью и соединялись с танцующими, приветствующими их призраками водопада. Таким я впервые увидел озеро Призраков под ночью миража, но днем оно было не менее прекрасно.

Дорога уходила в озеро, как древко стрелы. У ее конца находилось то, что когда-то было, как я решил, маленьким островом. Над покрывавшими его деревьями виднелись башни замка.

Мы пустили лошадей по откосу к узкому месту, где дорога превращалась в древко стрелы. Здесь не было папоротников, которые скрывали бы приближение; они были вырублены, и склон порос голубыми цветами. Когда мы достигли узкой части, я увидел, что это дорога, вымощенная камнем. Место, к которому мы направлялись, действительно было островом. Мы подъехали к концу каменной дороги, между нею и причалом на противоположном берегу была сорокафутовая брешь. Люр достала из-за пояса маленький рог и затрубила. Послышался скрип, и брешь закрыл подъемный мост. Мы проехали по нему и были встречены женским гарнизоном замка. Мы двинулись дальше по извилистой дороге, и за собой я услышал скрип поднимаемого моста. И вот мы остановились перед домом ведьмы.

Я смотрел на него с интересом, не потому, что он был мне незнаком, напротив, только раньше я никогда не видел замок, построенный из такого странно зеленого камня и с таким количеством башенок,

Я знал, что это такое. «Женские замки», называли мы их; «ланарада», жилища любовниц, место отдыха, место любви после войны или когда устанешь от государственных дел.

Подошли женщины и увели лошадей. Распахнулись широкие двери полированного дерева. Люр провела меня через порог.

Пришли девушки с вином. Я пил с жадностью. Росли странная легкость в голове и чувство отчужденности. Казалось, я просыпаюсь от долгого, долгого сна и еще не вполне проснулся, и сонные воспоминания еще живы во мне. Но я уверен, что не все они сон. Старый жрец, разбудивший меня в пустыне, которая когда-то была плодородной родиной айжиров, он не был сном. Но люди, среди которых я проснулся, не были айжирами. Это не была земля айжиров, но меня окружали люди с древней кровью. Как я сюда попал? Должно быть, снова уснул в храме после... после... клянусь Зардой, нужно быть осторожным! Потом приступ беззаботности смел все сомнения и мысли об осторожности, я почувствовал наслаждение жизнью, дикую свободу человека, долго томившегося в тюрьме, и вдруг увидевшего, что решетки сломаны, и перед ним — жизнь со всем тем, чего он был лишен. Неожиданно мелькнуло осознание того, что я Лейф Ленгдон, что мне нужно выбраться отсюда и вернуться к Эвали, к Джиму. Быстро, как молния, сверкнула эта мысль и тут же погасла.

Я увидел, что нахожусь не в зале замка, а в маленькой комнатке, восьмиугольной, со створчатыми окнами, увешанной коврами. В комнате широкая низкая кровать. Стол, блестящий золотом и хрусталем, на нем высокая свеча. Вместо рубашки на мне легкое шелковое одеяние. Окна открыты, и в них проникает ароматный воздух. Я выглянул из окна. Подо мной башенки и крыша замка. Выглянул из другого. Далеко внизу озеро. Из третьего. В тысяче футов от меня шелестел водопад, в струях плясали туманные призраки.

Я почувствовал прикосновение руки к своей голове, она скользнула мне на плечо, я обернулся. Рядом со мной стояла ведьма.

Впервые, кажется, я осознал ее красоту, увидел ее ясно. Ее рыжие волосы убраны в высокую корону; они сверкают, как красное золото, перевитое нитями сапфира. Глаза ее сверкают еще ярче. Ее легкая одежда прозрачна, как голубая паутина, и не скрывает чувственных линий тела. Белые плечи и изящная грудь обнажены. Полные красные губы обещают... все, и даже запечатленная на них тень жестокости соблазняет.

Существовала смуглая девушка... кто же она... Эв... Эва... имя ускользало от меня... неважно... она как призрак рядом с этой женщиной. Как один из туманных призраков, размахивающих руками у водопада...

Ведьма прочла все это в моих глазах. Рука ее соскользнула с моего

плеча и застыла на сердце. Она склонилась ближе, голубые глаза томны — но странно напряжены.

— Ты на самом деле Двайану?

— Да... кто же еще, Люр?

— Кто был Двайану... давным-давно назад?

— Не могу сказать тебе, Люр... я очень долго спал и во сне многое забыл. Однако... я — это он.

— Тогда посмотри — и вспомнишь.

Рука ее оставила мое сердце и легла на голову; она указала на водопад. Медленно его шепот изменился. Он стал биением барабанов, топотом лошадей, грохотом марширующих отрядов. Громче и громче становились эти звуки. Водопад задрожал и распростерся по темной стене утеса, как огромный занавес. Со всех сторон к нему устремились туманные призраки, вливались в него. Громче и ближе звучали барабаны. Неожиданно водопад исчез. Его место занял большой обнесенный стеной город. Здесь сражались две армии, и я знал, что армия атакующих отброшена. Я слышал топот копыт сотен коней. На защитников города обрушилась река всадников. Их предводитель был одет в сверкающую кольчугу. У него не было шлема, и желтые волосы летели за ним. Он повернулся ко мне лицом. Это было мое собственное лицо. Я услышал рев: «Двайану!» Нападающие ударили, как река в наводнение, и поглотили защищающихся.

Я увидел сражающиеся армии, броски метательных молотов.

Вместе с желтоволосым предводителем я въехал в завоеванный город. Вместе с ним сидел на завоеванном троне, и он жестоко, безжалостно осуждал на смерть мужчин и женщин, которых приводили к нему, и улыбался звукам насилия и грабежа, доносившимся отовсюду. Я ехал и сидел с ним. Я говорю «я», потому что я больше не был в комнате ведьмы, я был с этим светловолосым человеком, моим двойником, видел то же, что и он, слышал, как он, — да и думал так, как думал он.

Битва за битвой, путешествия, пиры и триумфы, охота с соколами и охота с большими псами в прекрасной земле айжиров, игра молотов и игра наковален — я все это видел, всегда находясь рядом с Двайану, как невидимая тень. Я шел с ним в храмы, где он служил богам. Я шел с ним в храм Растворителя, Черного Калкру, Большего, чем боги, и он носил кольцо, которое теперь находилось у меня на груди. Но когда он прошел в храм Калкру, я не пошел с ним. То же упрямое, глубокое сопротивление, которое остановило меня перед храмом в оазисе, остановило и на этот раз. Я слышал два голоса. Один заставлял войти с Двайану. Другой шептал, что я не должен заходить. И этого голоса я не смел ослушаться.

И вдруг земля айжиров исчезла. Я смотрел на водопад и скользящие туманные призраки. Но — я был Двайану.

Я был Двайану! Лейф Ленгдон перестал существовать.

Но он оставил воспоминания — как полузабытые сны, воспоминания, чей источник я не осознавал, но понимал, что они истинны. Они говорили мне, что земля айжиров, которой я правил, исчезла так же, как и призрачные видения. Столетие за столетием минули с тех пор, империи поднимались и падали, теперь там чужая земля с обломками древней славы.

Я был воин-царь и воин-жрец, я держал в своих руках империю и жизнь народов.

Больше этого нет!

16. Поцелуй Люр

Черная печаль и горький пепел были в моем сердце, когда я отвернулся от окна. Я посмотрел на Люр. Осмотрел ее всю, от длинных стройных ног до сверкающей головы, и черная печаль посветлела, а горький пепел развеялся.

Я положил руки ей на плечи и рассмеялся. Люка повернула свое колесо и сбросила мою империю с его обода, как пыль с гончарного круга. Но она дала мне кое-что взамен. Во всей старой земле айжиров не было подобной женщины.

Слава Люке! Жертвоприношение ей на следующее утро, если эта женщина окажется такой, какой я ее считаю!

Моя исчезнувшая империя! Что она мне? Я создам другую. Довольно того, что я жив.

Я снова рассмеялся. Взял Люр за подбородок, приподнял ее голову, прижал свои губы к ее губам. Она оттолкнула меня, в ее глазах был гнев, но и сомнение.

— Ты просила меня вспомнить. Что ж, я вспомнил. Зачем же ты открыла ворота моей памяти, если отказываешься от того, что следует за этим? Или ты знаешь о Двайану меньше, чем считаешь?

Она отступила на шаг, ответила яростно:

— Я отдаю свои поцелуи. Никто не берет их у меня силой.

Я схватил ее в объятия, прижал ее рот к своему, потом отпустил.

— Я беру их.

Я перехватил ее правую руку. В ней был зажат кинжал. Я забавлялся. Интересно, где она его прятала. Я вырвал у нее кинжал и сунул себе за пояс.

— И отбираю шипы у тех, кого целую. Так поступал Двайану в прежние дни, так он поступит и сейчас.

Она все отступала, глаза ее расширились. Ай, но я читаю ее мысли. Она считала меня другим, думала, что я опрометчивый самозванец, обманщик. И хотела обмануть меня, подчинить своей воле. Обмануть

меня. Меня, Двайану, который знал женщин, как знал войну! И все же...

Она прекрасна... и она все, что у меня есть в этом чуждом мире, где я должен начать заново создавать свою власть. Я подвел итог, пока она стояла, глядя на меня. Я заговорил, и слова мои были так же холодны, как мысли.

— Не играй больше кинжалом — не со мной. Позови своих слуг. Я голоден и жажду. Когда поем и выпью, поговорим.

Она поколебалась, потом хлопнула в ладоши. Вошли женщины с дымящимися блюдами, с кувшинами вина, с фруктами. Я жадно ел. Я много пил. Пил и ел и мало думал о Люр — но много о том колдовстве, которое заставило меня видеть. Я сопоставлял все, что помнил из пустынного оазиса, с тем, что увидел. Немного. Я ел и пил молча. Чувствовал на себе ее взгляд. Посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— Ты хотела сделать меня рабом своей воли, Люр. Никогда не пытайся больше.

Она положила голову на руки и смотрела на меня через стол.

— Двайану умер давным-давно. Может ли увядший лист снова зазеленеть?

— Я — он, Люр.

Она не ответила.

— С какой мыслью ты привела меня сюда, Люр?

— Я устала от Тибура, устала от его смеха, устала от его глупости.

— Еще что?

— Я устала от Йодина. Мы с тобой — вдвоем — могли бы править Караком, если...

— В этом «если» самая суть, ведьма. Что это?

Она встала, приблизилась ко мне.

— Если ты можешь вызвать Калкру.

— А если не могу?

Она пожала белыми плечами, снова опустилась в кресло. Я рассмеялся.

— В таком случае Тибур не столь утомителен, и Йодина можно выносить. Теперь послушай меня, Люр. Твой ли голос призывал меня входить в храмы Калкру? Видела ли ты то, что видел я? Можешь не отвечать. Я вижу тебя насквозь, Люр. Ты хотела бы избавиться от Тибура. Что ж, я мог бы его убить. Ты хочешь избавиться от Йодина. Кем бы я ни был, если я сумею вызвать Большего, чем боги, в Йодине нет никакой необходимости. Когда Тибура и Йодина не станет, будем только мы с тобой. И ты решила, что сможешь править мной. Не сможешь, Люр.

Она слушала спокойно, спокойно и ответила:

— Все это правда...

Помолчала; глаза ее сверкнули; розовая краска поползла по груди и щекам.

— Но... есть и другая причина, почему я привела тебя сюда...

Я не спрашивал ее, что это за другая причина: женщины и раньше пытались поймать меня в эту западню. Она отвела взгляд, жестокость ее рта внезапно выступила очень ярко.

— Что ты обещала Йодину, ведьма?

Она встала, протянула ко мне руки, голос ее задрожал...

— Неужели ты не мужчина? Почему ты так говоришь со мной? Разве я не предложила тебе разделить со мной власть? Разве я не прекрасна? Не желанна?

— Прекрасна и очень желанна. Но прежде чем взять город, я всегда изучаю ожидающие меня ловушки.

Глаза ее сверкнули голубым пламенем. Она сделала быстрый шаг к двери. Я был быстрее. Я удержал ее, перехватив руку, которой она хотела ударить меня.

— Что ты пообещала верховному жрецу, Люр?

Я поднес кинжал к ее горлу. Глаза ее яростно блестели. Люка, поверни свое колесо, чтобы мне не нужно было убивать эту женщину!

Ее тело расслабилось, она рассмеялась.

— Опусти кинжал, я тебе расскажу.

Я выпустил ее и вернулся к своему креслу. Она изучала меня со своего места за столом; с недоверием сказала:

— Ты мог убить меня!

— Да.

— Я тебе верю. Кто бы ты ни был, Желтоволосый, мужчины, подобного тебе, здесь нет.

— А кем бы я мог быть, ведьма?

Она нетерпеливо ответила:

— Незачем больше играть друг с другом. — В голосе ее звучал гнев. — Я покончила с ложью, для нас обоих будет лучше, если ты поступишь так же. Кто бы ты ни был, ты не Двайану. Я снова утверждаю, что увядший лист не может зазеленеть, мертвые не возвращаются.

— Если я не он, откуда же эти воспоминания? Они пришли в мой мозг из твоего, ведьма, или из моего в твой?

Она покачала головой, и вновь я заметил в ее взгляде беглое сомнение.

— Я ничего не говорила. Ты видел... что-то. Ты ушел от меня. Что бы ты ни видел, я не участвовала в этом. И не могла подавить твою волю. Я ничего не видела.

— Я видел древнюю землю, Люр.

Она мрачно сказала:

— Я не могла пройти дальше портала.

— Что ты посылала меня искать для Йодина в земле айжиров, ведьма?

— Калкру, — ровно ответила она.

— Почему?

— Потому что тогда я бы точно, без всякого сомнения знала, что ты можешь вызвать его. Это я и пообещала Йодину установить.

— А если я могу его вызвать?

— Тогда ты был бы убит раньше, чем смог бы добраться до храма.

— А если не могу?

— Тогда тебя принесли бы ему в жертву.

— Клянусь Зардой! Не так принимали Двайану в старину; вы считаете, что ваше гостеприимство поможет удержать от вас чужеземцев? Разберемся в вопросе об устранении Тибура и жреца. Но почему бы не начать с тебя, ведьма?

Она улыбнулась.

— Во-первых, потому что это не принесет тебе добра, Желтоволосый. Взгляни.

Она поманила меня к одному из окон. Из него я увидел дорогу и гладкий холм, по которому мы вышли из леса. Вдоль всей дороги и на вершине холма стояли солдаты. Я почувствовал, что она права: я не мог бы выбраться отсюда без помех. Во мне начал подниматься старый холодный гнев. Она насмешливо смотрела на меня.

— Во-вторых, — сказала она. — Во-вторых... послушай меня, Желтоволосый.

Я налил вина, поднял кубок и выпил.

Она продолжала:

— Жизнь приятна в этой земле. Приятна, по крайней мере для тех из нас, кто правит. У меня нет желания изменять ее — кроме вопроса о Тибуре и Йодине. И других дел, о которых мы сможем поговорить позже. Я знаю, что мир изменился с тех пор, как давным-давно наши предки бежали из земли айжиров. Я знаю, что жизнь существует и помимо этого тайного места, куда Калкру привел наших предков. Это знают и Йодин, и Тибур, и кое-кто еще. Остальные догадываются. Но никто из нас не хочет покинуть это приятное место... и мы не хотим пришельцев. Особенно мы не хотим, чтобы отсюда уходили наши люди. А это может случиться, если они узнают; и это случится, если они узнают о зеленых полях, лесах, быстрых реках и мире, кишащем людьми. Бесчисленные годы их учили, что нигде в мире нет жизни, только здесь. Что Калкру, разгневанный великим святотатством, когда земля айжиров поднялась против него и уничтожила его храмы, уничтожил жизнь повсюду, кроме этого места, и что здесь жизнь существует только благодаря молчаливой покорности Калкру; и так будет только до тех пор, пока ему приносят жертвы. Ты следишь за мной, Желтоволосый?

Я кивнул.

— Существует древнее пророчество о Двайану. Он был величайшим из айжирских царей. Жил за сто лет и больше до того, как айжиры начали отворачиваться от Калкру, отказываться от жертвоприношений, и в наказание пустыня начала наступление на плодородные земли. И вот, когда начались волнения, когда начиналась война, уничтожившая великую землю айжиров, родилось пророчество. Двайану вернется, чтобы восстановить древнюю славу. Это не ново, Желтоволосый. У других тоже были свои Двайану — Свершители судьбы, Освободители, я читала об этом в свитках, которые захватили с собой наши предки. Я не верю в эти истории: новые Двайану могут возникать, но старые не возвращаются. Но народ знает об этом пророчестве, и народ поверит всему, что обещает ему свободу от того, что он не любит. А жертвы для Калкру берутся из народа, и он не любит жертвоприношения. Но терпит, потому что боится последствий непослушания.

И вот тут, Желтоволосый, появляешься ты. Впервые услышав, как ты заявляешь, что ты Двайану, я устроила совет с Йодином и Тибуром. Я думала, что ты из Сирка. Скоро я уже знала, что это не так. С тобой был другой...

— Другой? — с искренним удивлением спросил я.

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Ты его не помнишь?

— Нет. Я помню, как увидел тебя. С тобой был белый сокол. И другие женщины. Я увидел тебя с реки.

Она внимательно смотрела на меня.

— Ты помнишь рррллия... малый народ? Смуглую девушку, называвшую себя Эвали?

Малый народ... смуглая девушка... Эвали? Да, кое-что я помнил, но смутно. Вероятно, я видел их в забытых снах. Нет... они реальны... или нет?

— Мне кажется, я что-то припоминаю, Люр. Но четко ничего не помню.

В ее глазах горело странное возбуждение.

— Неважно, — сказала она. — Не думай о них. Ты проснулся. Позже поговорим и о них. Они наши враги. Теперь слушай меня. Если бы ты был из Сирка и выдавал себя за Двайану, вокруг тебя могли объединиться недовольные. Им нужен только предводитель. А если ты снаружи... ты еще опаснее, так как можешь доказать, что мы обманываем. Не только народ, но и солдаты могли бы поддержать тебя. И, вероятно, поддержали бы. Что нам оставалось? Только убить тебя.

— Верно, — ответил я, — удивляюсь, почему вы этого не сделали. Ведь возможность была.

— Ты усложнил дело, — сказала она. — Ты показал кольцо. Его многие видели, многие слышали, как ты называл себя Двайану...

Да! Теперь я вспомнил... как выбрался из реки. А как я в нее попал? Мост... Нансур... там что-то случилось... все в тумане, ничего не видно четко... малый народ... да, я кое-что о нем помню... они меня боялись... но я ничего не имел против них... Напрасно я старался оживить смутные видения прошлого. Голос Люр прервал эти попытки.

— И вот, — продолжала она, — я убедила Йодина, что тебя нельзя убивать сразу. Это стало бы известно и вызвало бы большое беспокойство. С одной стороны, укрепило бы Сирк. С другой — привело в смятение солдат. Как же, Двайану пришел, а его убили!

— Я возьму его, — сказала я Йодину. — Я не доверяю Тибуру, который своей глупостью и высокомерием может уничтожить нас всех. Есть лучший выход. Пусть Калкру съест его и докажет, что мы правы, а он всего лишь обманщик и хвастун. Тогда не скоро появится другой Двайану.

— Значит, верховный жрец тоже не верит, что я Двайану?

— Меньше, чем я, Желтоволосый, — с улыбкой сказала она. — И Тибур не верит. Но кто ты, откуда, как пришел и почему — это занимает их, да и меня тоже. Ты похож на айжира, но это ничего не значит. На твоих руках древние знаки — значит, в тебе древняя кровь. Но у Тибура тоже, а он не Освободитель. — Смех ее прозвучал, как маленькие колокольчики. — У тебя кольцо. Где ты его взял, Желтоволосый? Ты мало знаешь о его использовании. Йодин обнаружил это, когда ты спал. И Йодин утверждает, что ты побледнел и чуть не убежал, когда впервые увидел Калкру в его комнате. Не отрицай, Желтоволосый. Я сама это видела. Нет, Йодин не боится соперника перед Растворителем. Но... он не вполне уверен. Остается слабая тень сомнения. Я сыграла на этом. И вот — ты здесь.

Я с откровенным восхищением смотрел на нее, потом поднял свой кубок и выпил в ее честь. Хлопнул в ладоши, вошла служанка.

— Убери со стола. Принеси вина.

Принесли еще кувшины и кубки. Когда слуги вышли, я подошел к двери. На ней был засов. Я задвинул его. Взял один из кувшинов и наполовину опустошил его.

— Я могу вызывать Растворителя, ведьма.

Она резко перевела дыхание; тело ее задрожало; синий огонь в глазах горел ярко-ярко...

— Показать?

Я достал из ящичка кольцо, надел на палец, поднял в приветствии руки...

Холодный ветер пронесся по комнате. Ведьма подскочила ко мне, схватила за руку, потянула ее вниз. Губы ее побелели.

— Нет! Нет! Я верю... Двайану!

Я рассмеялся. Странный холод вкрадчиво отступил.

— А что теперь, ведьма, ты скажешь жрецу?

Кровь медленно прихлынула к ее губам и лицу. Она подняла кувшин и осушила его. Руки ее не дрожали. Восхитительная женщина эта Люр.

Она сказала:

— Я скажу ему, что ты безвластен.

Я ответил:

— Я вызову Растворителя. Я убью Тибура. Убью Йодина. Кого еще?

Она подошла ко мне, коснулась грудью.

— Уничтожь Сирк. Сотри с лица земли карликов. Тогда мы с тобой будем править... одни.

Я выпил еще.

— Я вызову Калкру. Устраню Тибура и жреца. Разгромлю Сирк и начну войну против карликов... если...

Она долго смотрела мне в глаза, рука ее легла мне на плечо...

Протянув руку, я погасил свечи. Сквозь окна проходила зеленая полутьма ночи миража. Шепчущий водопад, казалось, смеется.

— Беру свою плату авансом, — сказал я. — Так поступал Двайану в старину — и разве я не Двайану?

— Да! — прошептала ведьма.

Она сорвала нить сапфиров с головы, корона расплелась, и рыжие волосы свободно упали на плечи. Руки ее обхватили мою шею. Мягкие губы прижались к моим.

* * *

На дороге послышался конский топот. Отдаленный зов. Стук в дверь. Ведьма проснулась, сонно села под шелковым покровом своих волос.

— Это ты, Овадра?

— Да, госпожа. Посыльный от Тибура.

Я рассмеялся.

— Скажи ему, что ты занята, Люр.

Она склонила ко мне голову, так что мы оба оказались под шелковистым шатром ее волос.

— Скажи ему, что я занята, Овадра. Он может подождать до утра — или вернется к Тибуру вместе со своим посланием.

Она опустилась и прижалась ко мне губами.

Клянусь Зардой! Как в старину... есть враги, которых нужно убить, есть город, который нужно взять, есть народ, которым нужно править, и мягкие руки женщины вокруг меня. Я очень доволен!

17. Испытание Калкру

Дважды зеленая ночь заполняла чашу земли под миражом, а я пировал с Люр и ее женщинами. Мы занимались фехтованием, метанием молота, борьбой. Они были воинами, эти женщины! Закаленная сталь под шелковой кожей — хоть я силен и быстр, но мне доставалось от них. Если такие же защищают Сирк, его нелегко будет покорить.

По взглядам, которые они бросали на меня, по их шепоту я знал, что не останусь в одиночестве, если Люр уедет в Карак. Но она не уезжала; она всегда была рядом со мной, а от Тибура больше посыльных не было; или если и были, я о них не знал. Она тайно сообщила Йодину, что он оказался прав: я не могу вызывать Большего, чем боги, я либо самозванец, либо сумасшедший. Так она мне сказала. Я не знал, солгала она ему или лжет мне, но меня это не беспокоило. Я был слишком занят — я жил.

Но больше она не звала меня Желтоволосым. Всегда Двайану. И все искусство любви — а она не была новичком в этом искусстве, эта ведьма, — она использовала, чтобы привязать меня к себе.

Был ранний рассвет третьего дня; я высунулся из окна, наблюдая, как медленно гаснут огненные призрачные лилии, как туманные призраки, рабы водопада, поднимаются все медленнее и медленнее. Я думал, что Люр спит. Услышав, что она шевельнулась, я обернулся. Она сидела и смотрела на меня сквозь рыжую вуаль своих волос. Настоящая ведьма...

— Накануне вечером прибыл посланник Йодина. Сегодня ты предстанешь перед Калкру.

Дрожь пробежала по моему телу, кровь зашумела в ушах. Всегда я испытывал это, когда должен был разбудить Растворителя, — чувство власти, превосходившее даже торжество победы. Совсем особое чувство — нечеловеческой мощи и гордости. И с ним гнев, негодование

против Существа, которое было врагом Жизни. Этот демон пожрал плоть и кровь земли айжиров, высосал ее душу.

Люр следила за мной.

— Ты боишься, Двайану?

Я сел рядом с ней, разделил вуаль ее волос.

— Поэтому ты удвоила поцелуи ночью, Люр? Поэтому они были такими... нежными? Ты сама превратилась в нежность, ведьма, но это тебе не подходит. А ты испугалась? За меня? Ты размягчаешь меня, Люр.

Глаза ее сверкнули, лицо вспыхнуло от моего смеха.

— Ты не веришь, что я люблю тебя, Двайану?

— Не так, как ты любишь власть, ведьма.

— А ты меня любишь?

— Не так, как я люблю власть, ведьма, — ответил я и снова расхохотался.

Сузившимися глазами она рассматривала меня. Потом сказала:

— В Караке много говорят о тебе. Это опасно. Йодин жалеет, что не убил тебя, когда мог; в то же время он понимает, что могло быть еще хуже, если бы он сделал это. Тибур жалеет, что не убил тебя, когда ты выходил из реки, он требует, чтобы мы больше не ждали. Йодин объявил тебя лжепророком и заявил, что Больший, чем боги, докажет, что это так. Он верит в то, что я сообщила ему, а может, у него припрятан меч. Ты, — в ее голосе прозвучала еле уловимая насмешка, — ты, который так легко разгадал меня, конечно, сможешь разгадать и его, и примешь меры. Люди ропщут; некоторые дворяне требуют, чтобы ты был им показан; а солдаты с радостью пошли бы за Двайану, если бы поверили, что ты подлинный Двайану. Они беспокоятся. Распространяются слухи. Ты стал особенно... неудобен. Поэтому сегодня ты предстанешь перед Калкру.

— Если это правда, — ответил я, — то мне пришло в голову, что я могу захватить власть и не пробуждая Растворителя.

Она улыбнулась.

— Не твоя испытанная хитрость посылает тебе такие мысли. Ты будешь под присмотром. И прежде чем сможешь собрать вокруг себя хотя бы дюжину последователей, тебя убьют. А почему бы и нет? Мы больше ничего не выигрываем, сохраняя тебе жизнь. А кое-что и проигрываем. К тому же... ты ведь пообещал мне.

Я обнял ее за плечи, приподнял и поцеловал.

— Что касается того, чтобы быть убитым... у меня есть свое мнение на этот счет. Но я шучу, Люр. Я выполняю свои обещания.

С дороги доносился лошадиный топот, звон снаряжения, гром барабанов. Я подошел к окну. Люр спрыгнула с кровати и встала рядом со мной. По дороге приближался отряд в сотню или больше всадников. С их копий свисали желтые знамена с черным изображением

Калкру. Всадники остановились у подъемного моста. В переднем я узнал Тибура, его широкие плечи покрывал желтый плащ, на груди — изображение Кракена.

— Они пришли, чтобы отвести тебя в храм. Я должна их пропустить.

— Почему бы и нет? — равнодушно сказал я. — Но ни в какой храм я не пойду, пока не позавтракаю.

Я посмотрел на Тибура.

— И если мне предстоит ехать рядом с Кузнецом, я бы хотел надеть кольчугу.

— Ты поедешь рядом со мной, — сказала Люр. — Что касается оружия, можешь выбирать любое. Но тебе нечего бояться на пути в храм — опасность внутри него.

— Ты слишком много говоришь о страхе, ведьма, — сказал я, нахмурившись. — Звучит рог. Тибур может подумать, что я не хочу с ним встречаться. А я не хотел бы, чтобы он так считал.

Она отдала приказ гарнизону замка. Я услышал скрип опускаемого моста, принимая ванну. И вскоре топот лошадей послышался во дворе замка. Вошла камеристка Люр, и та вышла вместе с нею.

Я неторопливо оделся. На пути в большой зал задержался в оружейной комнате. Я тут приметил один меч. У него был вес, к которому я привык, он был длинный, изогнутый, а лучшего металла я не знавал и в древней земле айжиров. Я взвесил его в левой руке и подобрал другой, более легкий, для правой. Вспомнил, что кто-то предупредил меня об опасности левой руки Тибура... а, да, женщина-солдат. Я рассмеялся... пусть Тибур опасается меня. Я взял молот, не такой тяжелый, как у Кузнеца... это все его тщеславие... более легкий молот точнее, им легче управлять.... Прикрепил надежный ремень, прочно удерживавший молот. И пошел навстречу Тибуру.

В зале ожидало с десяток айжирских дворян, большей частью мужчин. С ними Люр. Я заметил, что она повсюду расставила своих солдат и что они полностью вооружены. Я решил, что это доказательство ее доброй воли, хотя это противоречило ее утверждению, что мне нечего опасаться на пути в храм. В приветствии Тибура не было высокомерия, как и в приветствиях других. За одним исключением. Рядом с Тибуром стоял мужчина, почти с меня ростом. У него холодные голубые глаза, и в них то особое выражение, которое выдает прирожденного убийцу. От левого виска до подбородка по его лицу проходил шрам, а нос был сломан. Таких людей в старые времена я посылал командовать особо непокорными племенами. Его высокомерие раздражало меня, но я сдержался. В данный момент мне не нужны никакие конфликты. Не нужно возбуждать подозрений в мозгу Кузнеца. Мои приветствия ему и остальным звучали почти покорно.

Я сохранял эти видимость, пока мы завтракали и пили. Один раз

это было особенно трудно. Тибур склонился к человеку со шрамом и рассмеялся.

— Я говорил, что он выше тебя, Рашча. Серый жеребец мой!

Голубые глаза обратились ко мне, я продолжал с аппетитом есть.

— Серый жеребец твой.

Тибур обернулся ко мне.

— Это Рашча, Ломающий Спины. После меня он сильнее всех в Караке. Жаль, что ты так скоро должен встретиться с Большим, чем боги. Стоило бы посмотреть вашу схватку.

Меня охватил гнев, рука потянулась к мечу, но я сдержался и ответил:

— Верно, но, может, встречу с Калкру можно отложить...

Люр нахмурилась и взглянула на меня, но Тибур ухватил наживку, глаза его злобно сверкнули.

— Нет, он не может ждать. Может быть, потом...

От его смеха задрожал стол. Остальные присоединились к нему. Человек со шрамом улыбнулся. Клянусь Зардой, этого нельзя вынести! Спокойно, Двайану, ты так их и обманывал в прежние дни, обманешь и теперь.

Я осушил свой кубок и снова наполнил его. Смеялся вместе с ними, как будто не понимал, над чем они смеются. Но я запомнил их лица.

* * *

Мы ехали по дороге; рядом со мной Люр; нас окружало кольцо ее женщин. Перед нами располагались Тибур, Ломающий Спины и десяток лучших людей Тибура. За нами — отряд с желтыми вымпелами, а еще дальше большой отряд солдат ведьмы.

Я ехал с соответствующим унылым видом. Время от времени Кузнец и его окружающие оглядывались на меня. И тогда я слышал их смех. Ведьма ехала так же молчаливо, как и я. Она искоса поглядывала на меня, и когда это случалось, я еще ниже опускал голову.

Перед нами возвышалась черная цитадель. Мы въехали в город. К этому времени изумление в глазах Люр сменилось почти откровенным презрением, смех Кузнеца стал оскорбительным.

Улицы были заполнены жителями Карака. Я вздохнул, видимо, стараясь избавиться от подавленности, но продолжал ехать апатично. Люр прикусила губу и, нахмурившись, подъехала ко мне.

— Ты меня обманывал, Желтоволосый? Ты ведешь себя, как побитый пес!

Я отвернулся, чтобы она не могла видеть мое лицо. Клянусь Люкой, как трудно сдерживать смех!

В толпе перешептывались, разговаривали. Не было ни криков, ни приветствий. Повсюду стояли солдаты с мечами, вооруженные к тому

же молотами, копьями и пиками. Виднелись и лучники. Верховный жрец не оставлял места случайностям.

Я тоже.

В мои планы не входило ускорять убийство. Нельзя было давать Тибуру хоть малейший предлог направить против меня тучу копий и стрел. Люр считала, что на пути в храм мне не угрожает опасность, только в храме. Я знал, что на самом деле все наоборот.

Поэтому не герой-завоеватель, не освободитель, не великолепный воин из прошлого ехал в тот день по Караку. Человек, не уверенный в себе, или, вернее, слишком уверенный в том, что его ожидает. Люди, ожидавшие Двайану, смотревшие на него, чувствовали это — и переговаривались или молчали. Кузнеца это устраивало. И меня тоже, потому что сейчас я ждал встречи с Калкру, как невеста ждет жениха. И не собирался рисковать, не хотел, чтобы меня остановил удар меча или молота, копья или стрелы.

Лицо ведьмы становилось все более хмурым, презрение и ярость в ее взгляде усиливались.

Мы обогнули крепость и направились по широкой дороге к утесам. Проехали вдоль утесов с развевающимися вымпелами под гром барабанов. Подъехали к гигантской двери, ведущей в гору, — много раз проезжал я через такие двери! Я неохотно спешился. Неохотно позволил Тибуру и Люр отвести себя в маленькую комнату.

Ни слова не говоря, они оставили меня. Я осмотрелся. Сундуки, в которых хранятся священные одежды, купель очищения, сосуды для умащения того, кто вызывает Калкру.

Дверь открылась. Я смотрел в лицо Йодина.

В нем был метительный триумф; я понял, что жрец виделся с Люр и Кузнецом, и они рассказали ему, как я ехал. Как обреченный на жертвоприношение! Что ж, теперь Люр честно могла сказать ему, что то, на что он надеялся, правда. Если она хотела предать меня — если она предала меня, — теперь она верила, что я лжец и хвастун, как в это верили Тибур и остальные. Если же она не предала меня, я подкрепил ее ложь Йодину.

Двенадцать младших жрецов, одетые в священные одежды, вошли вслед за Йодином. Верховный жрец был в желтом одеянии с изображением обвивающих щупалец. На пальце его сверкало кольцо Калкру.

— Больший, чем боги, ждет твоей молитвы, Двайану, — сказал он. — Но сначала тебе нужно подвергнуться очищению.

Я кивнул. Они занялись необходимыми ритуалами. Я неуклюже подчинялся им, как человек, незнакомый с обрядами, но желающий им научиться. Злое выражение в глазах Йодина усилилось.

Обряды завершены. Йодин достал из сундука одежду, такую же, как на нем, и надел ее на меня. Я ждал.

— Твое кольцо, — сардонически напомнил он мне. — Ты забыл, что должен надеть кольцо!

Я схватился за цепь на шее, открыл ящичек и надел на палец кольцо. Младшие жрецы со своими барабанами вышли из комнаты. Я следовал за ними, рядом шел верховный жрец. Я слышал звон молота о наковальню. Это голос Тубалки, старейшего бога, который научил людей соединять огонь с металлом. Тубалка приветствовал Калкру и поклонялся ему.

Знакомое с древности возбуждение, экстаз темной власти охватывали меня. Трудно не выдать себя. Мы вышли из коридора и оказались в храме.

Хай! Большему, чем боги, приготовили здесь достойное помещение! Даже в древней земле айжиров я не видел большего храма. Он был высечен в самом сердце скалы, как подобает жилищу Калкру; огромные квадратные колонны, ограничивающие амфитеатр, поднимались к потолку, терявшемуся во тьме. Повсюду виднелись светильники из изогнутого металла, и из них вырывались ровные спирали тусклого желтого пламени. Они горели ровно и беззвучно; при их свете я видел, как колонны уходят, уходят вдаль, будто в пустоту.

Из амфитеатра на меня смотрели лица — сотни лиц. Женские лица под вымпелами и знаменами, украшенными символами кланов; под этими знаменами мужчины сражались рядом со мной во многих кровавых битвах. Боги, как здесь мало мужчин! Они смотрели на меня, эти женские лица... женщины-дворяне, женщины-рыцари, женщины-солдаты. Сотни их смотрели на меня... безжалостные голубые глаза... ни сочувствия, ни женской мягкости в этих лицах... это все воины... Хорошо! И я буду обращаться с ними не как с женщинами, а как с воинами.

Я заметил, что по краям амфитеатра расположились лучники с луками наготове, стрелы наложены на тетиву; все они обращены ко мне.

Дело Тибура? Или жреца — боится, что я попытаюсь сбежать? Мне это не нравится, но тут я ничего поделать не могу. Люка, милостивая богиня, поверни колесо так, чтобы ни одна стрела не сорвалась до того, как я начну ритуал!

Я повернулся и взглянул на загадочную завесу — эту дверь, через которую из пустоты появляется Калкру. Она находилась в ста шагах от меня — такой широкой и глубокой была каменная платформа. Здесь пещера была вырублена в форме воронки. Завеса представляла собой диск в несколько десятков раз выше самого рослого человека. Не яркий желтый квадрат, в котором в храмах материнской земли становился материальным Калкру. Впервые я ощутил сомнение — то ли самое Существо? Не было ли у жреца другой причины для зловещей уверенности, кроме его неверия в меня?

Но здесь на желтом фоне плыл символ Большего, чем боги; огромное черное тело было погружено в пузырящийся океан желтого пространства; щупальца тянулись, как чудовищные лучи черной звезды, а ужасные глаза были устремлены на храм; как всегда, они видели все и не видели ничего. Символ не изменился. Прилив сознательной темной силы в моем мозгу, на мгновение остановленный, возобновил свой поток.

Я увидел между собой и завесой полукруг женщин. Молодые, едва вышедшие из девичества, но уже расцветшие. Я насчитал их двенадцать, все стояли в мелких углублениях — чашах жертвоприношения, золотые цепи вокруг талий. На белые плечи, на молодые груди падали вуали их рыжих волос, и через эти вуали они смотрели на меня голубыми глазами, в которых застыл ужас. И хотя они не могли скрыть этот ужас от меня, который стоял рядом с ними, они скрывали его от тех, кто смотрел на них из амфитеатра. В своих чашах они стояли прямо, гордо, вызывающе. Ай, они храбры, эти женщины Карака! Я почувствовал странную жалость к ним, какое-то забытое негодование.

В центре полукруга женщин виднелось тринадцатое кольцо на прочной золотой цепи, свисавшей с крыши храма. Оно было пусто, зажимы тяжелого пояса открыты...

Тринадцатое кольцо! Кольцо Воинского Жертвоприношения! Открыто... для меня!

Я взглянул на верховного жреца. Он стоял рядом с младшими жрецами, присевшими у своих барабанов. Взгляд его был устремлен ко мне. На краю платформы, у наковальни Тубалки, стоял Тибур с большим молотом в руках, на его лице выражение того же злорадства, что и у Йодина. Ведьму я не видел.

Верховный жрец выступил вперед. Он заговорил в темном пространстве храма, обращаясь к собравшимся дворянам.

— Вот стоит тот, кто пришел к нам, называя себя — Двайану. Если он Двайану, тогда Больший, чем боги, могучий Калкру услышит его молитву и примет жертвы. Но если Калкру будет глух к нему — тогда он лжец и мошенник. А ко мне Калкру не будет глух, я служу ему верой и правдой. Лжец и мошенник займет место Воинского Жертвоприношения, чтобы Калкру мог его наказать по достоинству. Вы слышите меня? Справедливо ли это? Отвечайте!

Из глубины храма послышались голоса:

— Мы слышим! Это справедливо!

Верховный жрец повернулся ко мне, как бы собираясь заговорить. Но если таково и было его намерение, он передумал. Трижды поднимал он свой жезл с золотыми колокольчиками, потрясая им. Трижды Тибур поднимал молот и ударял по наковальне Тубалки.

Из глубины храма донеслась древняя песнь, древняя мольба, кото-

рой Калкру научил наших предков, когда избрал их из всех людей земли века и века назад. Я слушал ее, как колыбельную. Глаза Тибура не отрывались от меня, рука его лежала на рукояти молота, он готов был метнуть молот, если я побегу; Йодин также не отрывал от меня взгляда.

Пение кончилось.

Я быстро поднял руки в древнем знаке и проделал с кольцом то, чего требовал древний ритуал, — и по храму пронесся первый ледяной вздох — предвестник пришествия Калкру!

Хай! Лица Тибура и Йодина, когда они ощутили этот холод! Посмейся теперь, Тибур! Хай! Теперь они не могут остановить меня! Даже Кузнец не осмелится метнуть молот или поднять руку, высвобождая тучу стрел! Даже Йодин не посмеет остановить меня...

Я забыл обо всем. Забыл Йодина и Тибура. Забыл, как всегда забывал, о жертвах в темном возбуждении ритуала.

Желтый камень задрожал, по нему метнулись молнии. Он превратился в воздух. Исчез.

На его месте дергались черные щупальца, нависало черное тело, уходя в немыслимую даль, — Калкру!

Быстрее, громче забили барабаны.

Черные щупальца двинулись вперед. Женщины не видели их. Они смотрели на меня... как будто... как будто во мне видели надежду, освещавшую их отчаяние! Во мне... вызвавшем их уничтожителя...

Щупальца коснулись их. Я видел, как погасла и умерла надежда. Щупальца обернулись вокруг их плеч. Скользнули по грудям. Обняли их. Спустились по бедрам и коснулись ног. Барабаны забили стремительное крещендо кульминации жертвоприношения.

Резкий крик женщин заглушил барабаны. Их белые тела превратились в серый туман. Стали тенями. Исчезли... исчезли еще раньше, чем замер звук их крика. Золотые пояса со звоном упали на скалу...

Но что это? Ритуал завершен. Жертва принята. Но Калкру не ушел!

Безжизненный холод вползал в меня, поднимался во мне...

Щупальце, раскачиваясь, двинулось вперед. Медленно, медленно оно миновало воинское кольцо... приблизилось... еще ближе...

Оно тянулось ко мне!

Я услышал напевный голос, произносивший слова, более древние, чем я когда-либо слышал. Слова? Это вовсе не слова! Это звуки, чьи корни уходят далеко в прошлое, задолго до первого дыхания человека.

Йодин — это Йодин говорит на языке, который, может быть, был языком самого Калкру еще до того, как появилась жизнь.

Он вел ко мне Калкру! Посылал меня по той же дороге, по которой ушли жертвы.

Я кинулся на Йодина. Схватил его в руки и развернул между собой и ищущим щупальцем. Поднял его, как куклу, и бросил Калкру. Он пролетел сквозь щупальца, как сквозь облако. Ударился о цепи воинского кольца. Упал на золотой пояс.

Я слышал собственный голос, произносящий те же нечеловеческие звуки. Я не знал тогда их значения, не знаю его и сейчас, и не знаю, откуда они пришли ко мне...

Но я знаю, что эти звуки никогда не предназначались для горла и губ людей.

Но Калкру услышал... и послушался! Он заколебался. Глаза его непостижимо смотрели на меня — смотрели как бы сквозь меня.

И тут щупальце двинулось назад. Оно обняло Йодина. Тонкий крик — и Йодин исчез!

Живой Калкру исчез. Яркий свет, пузырчатый океан — черная фигура неподвижно повисла в нем.

Я услышал звон — кольцо Йодина покатилось по краю чаши. Я прыгнул вперед и схватил его.

Тибур застыл с молотом в руке возле наковальни. Я выхватил у него из руки молот, толкнув его при этом так, что он покатился по полу.

Поднял молот и сокрушил им кольцо Йодина на наковальне!

В храме послышался громовой крик:

— Двайану!

18. Волки Люр

Я ехал по лесу с ведьмой. Белый сокол сидел на ее перчатке и зло смотрел на меня немигающими золотыми глазами. Он не любил меня, сокол Люр. За нами ехали два десятка женщин. Избранные десять, наиболее преданные, прикрывали мне спину. Они ехали близко. Так было в старину. Я любил, чтобы спина у меня была защищена. Это мое уязвимое место, как с врагами, так и с друзьями.

Оружейники изготовили для меня легкую кольчугу. Я надел ее. На Люр и ее женщинах тоже кольчуги; все, как и я, вооружены двумя мечами, длинным кинжалом и метательным молотом. Мы ехали на разведку к Спрку.

Пять дней я сидел на троне верховного жреца, рядом с Люр и Тибуром, управляя Караком. Люр пришла ко мне — раскаиваясь, но по-своему, не теряя гордости. Тибур, все высокомерие и вся наглость которого испарились, преклонил колено, предлагая мне союз и заявляя, что его сомнения были естественны. Я принял его предложение — с ограничениями. Рано или поздно я должен буду убить Тибура — даже если бы не пообещал Люр это сделать. Но зачем его убивать, пока он не потерял свою полезность? Он обоюдоострое оружие? Что ж, если

я порежусь, это будет только моя вина. Лучше изогнутый острый нож, чем прямой, но тупой.

Что касается Люр — она сладкая женщина и хитрая. Но она не имеет особого значения. Во мне разливалась какая-то вялость, когда я ехал по ароматному лесу.

Я получил в Караке достаточно почестей, чтобы утолить свою уязвленную гордость. Для солдат я стал кумиром. Я ехал по улицам под крики народа, и матери поднимали детей, чтобы те увидели меня. Но многие молчали, когда я проезжал, отворачивали головы или смотрели на меня искоса, и в их взгляде виднелись ненависть и страх.

Дару, солдата со смелым взглядом, которая предупредила меня о Тибуре, и Нарал, нарядную девушку, давшую мне свой ящичек, я взял к себе и сделал офицерами своей личной стражи. Они были преданы мне и симпатичны. Только сегодня утром я говорил с Дарой, расспрашивая ее о тех, кто смотрит на меня искоса.

— Тебе нужен прямой ответ, господин?

— Как всегда, Дара.

Она ответила прямо:

— Это те, кто ждал Освободителя. Того, кто разорвет цепи. Откроет двери. Принесет свободу. Они говорят, что Двайану всего лишь новый мясник Калкру. Не хуже, может быть. Но, несомненно, не лучше.

Я вспомнил выражение странной надежды, которое видел в глазах жертв. Они тоже надеялись на меня как на Освободителя, а вместо этого...

— А что ты думаешь, Дара?

— То же, что и ты, господин, — ответила она. — Но — мое сердце не разобьется, если золотые цепи будут разорваны.

Я думал об этом во время поездки; рядом ехала Люр, и ее сокол смотрел на меня немигающим ненавидящим взглядом. Что такое — Калкру? Очень часто давным-давно я задумывался над этим. Может ли безграничность приходить по вызову носящего кольцо? Моя империя широко раскинулась под солнцем, луной и звездами. Однако она всего лишь пылинка в солнечном луче сравнительно с империей Духа Пустоты. Неужели такое гигантское пространство может уменьшиться до размеров пылинки?

Ай! Но ведь нет сомнений, что Враг Жизни существует! Но он ли — Враг Жизни — приходит по вызову обладателя кольца? А если не он, стоит ли темное поклонение его цены?

Завыл волк. Ведьма откинула назад голову и отозвалась. Сокол расправил крылья с криком. Мы выехали из леса на открытую поляну, покрытую мхом. Люр остановилась и снова издала волчий вой.

Неожиданно нас окружило кольцо волков. Белые волки, чьи зеленые глаза были устремлены на Люр. Красные языки высунуты, сверкают клыки. Топот лап, и так же неожиданно кольцо удвоилось. Волки

продолжали выскальзывать из чащи, образуя третье, четвертое кольцо, пока нас не окружил широкий белый пояс, испещренный красными искрами волчьих языков и зелеными изумрудами волчьих глаз...

Моя лошадь задрожала, я ощутил запах ее пота.

Люр сжала коленями бока своей лошади и проехала вперед. Медленно объехала она изнутри белый волчий круг. Подняла руку, что-то сказала. Встал большой белый волк и подошел к ней. Как собака, он положил морду ей на седло. Она нагнулась, схватила его за морду. Что-то зашептала ему. Волк, казалось, слушал. Потом скользнул обратно в круг и сел, глядя на нее. Я рассмеялся.

— Ты женщина или волчица, Люр?

Она ответила:

— У меня тоже есть последователи, Двайану. Этих тебе не удастся перетянуть на свою сторону.

Что-то в ее тоне заставило меня пристальнее взглянуть на нее. Впервые за все время она проявила возмущение или по крайней мере досаду из-за моей популярности. Она не смотрела на меня.

Большой волк поднял голову и завыл. Круг распался. Волки разбежались, мягко запрыгали перед нами, рассеялись, как разведчики. И растаяли в зеленых тенях.

Лес поредел. Высокие папоротники заняли место деревьев. Я услышал странное шипение. Постоянно становилось теплее, воздух заполнился влагой, над папоротниками повисли клочья тумана. Я не видел никаких следов, но Люр ехала уверенно, будто по хорошо обозначенной дороге.

Наконец мы въехали в густые заросли папоротника. Тут Люр спрыгнула с лошади.

— Отсюда мы пойдем пешком, Двайану. Осталось немного.

Я последовал за ней. Наши солдаты выстроились, но не спешились. Мы с ведьмой прошли в зарослях два десятка шагов. Впереди крался большой волк. Люр раздвинула листья. Передо мной лежал Сирк.

Справа возвышалась скала, влажно блестевшая. На ней почти не было зелени, только кое-где небольшие папоротники цеплялись за ненадежную опору. Слева, примерно на расстоянии в четыре полета стрелы, такая же скала, расплывающаяся в дымке. Между ними ровная площадка черного камня. Ее гладкое ровное основание обрывалось в ров, шириной в два сильных броска копья. Площадка изгибалась наружу, и от одной скалы до другой тянулась непрерывная крепостная стена.

Ай! Что за ров! Из правой скалы извергался поток. Он свистел и пузырился, а пар из него покрывал всю поверхность скалы, как зеленая вуаль, и падал на нас теплыми брызгами. Он стремительно проносился у основания крепостной стены, и струи пара вздымались с

его поверхности, и огромные пузыри образовывались и лопались, разбрасывая обжигающие брызги.

Сама крепость невысока. Приземиста и прочно построена. Стена прерывается лишь узкими бойницами ближе к верху. Вдоль верха стены идет парапет. За ним виднелись блестящие острия копий и головы стражников. Только в одном месте находилось нечто похожее на башни. Они располагались ближе к центру, где кипящий ров суживался. На противоположном краю рва виднелся пирс подъемного моста. Сам мост узким языком торчал между башнями.

За крепостью вздымались утесы. Но не от самой крепости. Между ними и нею была щель, примерно в треть длины передней площадки. Перед нами, на нашей стороне кипящего рва, склон был расчищен и от деревьев, и от папоротников. Укрыться негде.

Они хорошо выбрали место, эти преступники из Сирка. Осаждающие не смогут преодолеть ров с его кипящей водой и пузырями, вздымающимися из расположенных на дне гейзеров. Ни камни, ни деревья не перегородят его, чтобы образовать мост. С этой стороны Сирк не взять. Это ясно. Но ведь не только отсюда можно подойти к Сирку.

Люр, следя за моим взглядом, прочла мои мысли.

— Сам Сирк находится за этими воротами. — Она указала на проход между скалами. — Там долина, в которой расположены город, поля, стада. Но пройти туда можно только через эти ворота.

Я кивнул с отсутствующим видом. Я рассматривал скалу за крепостью. И видел, что ее поверхность, в отличие от утесов, в чьих объятиях лежала площадка, не такая ровная. На ней виднелись осыпи, падавшие обломки образовали грубые террасы. Если попытаться незаметно добраться до этих террас...

— Можно ли подобраться ближе к скале, из которой исходит поток, Люр?

Она схватила меня за руку, глаза ее сверкнули.

— Что ты увидел, Двайану?

— Еще не знаю, ведьма. Может, ничего. Можно подойти ближе?

— Идем.

Мы скользнули сквозь папоротники, обогнули их, рядом скользил, насторожив уши, волк. Воздух становился теплее, от пара стало трудно дышать. Свист громче. Мы пробирались сквозь папоротники, насквозь мокрые. Еще один шаг — и прямо подо мной кипящий поток. Теперь я видел, что он исходит не из самой скалы. Он вырывался из площадки перед ней, от его жара и испарений кружилась голова. Я оторвал кусок рубашки и обернул рот и нос. Фут за футом изучал скалу над потоком. Долго изучал ее, наконец обернулся.

— Можно возвращаться, Люр.

Она снова спросила:

— Что ты увидел, Двайану?

То, что я увидел, могло означать конец Сирка, но я не сказал Люр об этом. Мысль еще не сформировалась полностью. Не в моих обычаях говорить о наполовину составленных планах. Это слишком опасно. Почка нежнее цветка, нужно дать ей распуститься, уберечь от нетерпеливых рук и предательского или даже сделанного с лучшими намерениями вмешательства. Продумайте план до конца, испытайте его, тогда вы сможете сознательно обдумывать любые изменения. К тому же я никогда не любил советов: слишком много булыжников, брошенных в источник, замутняют его. Именно поэтому я был — Двайану. Я сказал Люр:

— Не знаю. У меня появилась мысль. Но я должен обдумать ее.

Она гневно ответила:

— Я не глупа. Я знаю войну — как знаю любовь. Я могла бы помочь тебе.

Я нетерпеливо отозвался:

— Пока не нужно. Когда план будет готов, я тебе сообщу.

Она молчала, пока мы не добрались до ожидавших женщин. Потом повернулась ко мне. Голос ее звучал тихо, очень сладко.

— Ты мне не скажешь? Разве мы не равны, Двайану?

— Нет, — ответил я и оставил ее решать, был ли это ответ на второй вопрос или сразу на оба.

Она села верхом, и мы поехали назад через лес.

Я думал, обдумывал увиденное, и что оно может означать, когда снова послышался волчий вой. Это был непрерывный звук. Призыв. Ведьма подняла голову, прислушалась, бросила лошадь вперед. Я поскакал за ней. Белый сокол забил крыльями и с криком взмыл в небо.

Мы вылетели из леса на покрытый цветами луг. На нем стоял маленький человек. Волки кольцом окружили его. Увидев Люр, они замолчали, сели. Люр сдержала лошадь и медленно подъехала к ним. Я посмотрел ей в лицо, оно было жестко и неподвижно.

Я взглянул на маленького человека. Действительно маленький, едва мне по колено, но превосходно сложенный. Маленький золотистый человек с волосами, падающими до ног. Один из ррррллия — я рассматривал изображения их на коврах, но живого видел в первый раз. А может, нет? У меня было смутное впечатление, что я раньше был знаком с ними теснее, чем по вышивке на ковре.

Белый сокол кружил над его головой, падал вниз, рвал его когтями и клювом. Маленький человек одной рукой защищал глаза, другой пытался отогнать птицу. Ведьма резко крикнула. Сокол подлетел к ней, и маленький человек опустил руки. Его взгляд упал на меня. Он что-то крикнул мне, протянул ко мне руки, как ребенок.

В его крике и жесте была мольба. Надежда и какая-то уверенность. Как будто испуганный ребенок увидел взрослого, которого знает и которому верит. В его глазах я увидел ту же надежду, которая

на моих глазах умирала в жертвах Калкру. Что ж, я не стану смотреть, как она умрет в глазах этого маленького человека.

Я бросил свою лошадь вперед, мимо Люр, и перескочил через волчье кольцо. Наклонившись в седле, я подхватил маленького человека на руки. Он прижался ко мне, издавая странные звуки.

Я оглянулся на Люр. Она остановила лошадь за пределами волчьего кольца. Крикнула:

— Принеси его мне!

Маленький человек вцепился в меня и разразился потоком певучих звуков. Очевидно, он понимал слова Люр, и так же очевидно, просил меня не отдавать его ведьме.

Я рассмеялся и покачал головой. В глазах Люр сверкнула быстрая, неудержимая ярость. Пусть сердится! Маленький человек не пострадает! Я сжал бока лошади и перескочил через противоположную сторону волчьего кольца. Увидел невдалеке блеск реки и направил коня туда.

Ведьма испустила короткий резкий крик. Над моей головой забили крылья, я ощутил движение воздуха. Поднял руку. Она ударила сокола, и он закричал от боли и гнева. Маленький человек прижался ко мне еще теснее.

Мелькнуло белое тело, вцепилось в луку седла, на меня смотрели зеленые глаза, из красной пасти капала слюна. Я быстро оглянулся. За мной устремилась вся стая, а за ней Люр. Волк снова прыгнул. Но к этому времени я уже извлек меч. И перерезал им волчье горло. Прыгнул второй, оторвал кусок одежды. Я одной рукой высоко поднял маленького человека, другой ударил волка.

Теперь река была совсем близко. Я уже на ее берегу. Я высоко поднял маленького человека обеими руками и бросил его далеко в воду.

Повернулся, держа в обеих руках мечи, чтобы встретить нападение волчьей стаи.

Услышал еще один крик Люр. Волки остановились на бегу так неожиданно, что передний заскользил и перевернулся. Я посмотрел на реку. Далеко виднелась голова маленького человека, длинные волосы плыли за ним; он направлялся к противоположному берегу.

Люр подъехала ко мне. Лицо у нее было бледно, глаза жестки, как два голубых камня. Сдавленным голосом она спросила:

— Почему ты спас его?

Я серьезно задумался. Потом ответил:

— Потому что не хочу видеть дважды, как умирает надежда в глазах надеявшихся на меня.

Она смотрела на меня; гнев ее не ослабевал.

— Ты сломал крыло моего сокола, Двайану.

— А что ты больше любишь, ведьма, его крыло или мои глаза?

— Ты убил двух моих волков.

— Два волка — или мое горло, Люр?

Она не ответила. Медленно отъехала к своим женщинам. Но я заметил в ее глазах слезы, прежде чем она отвернулась. Может быть, это слезы гнева, а может, и нет. Но в первый раз я увидел слезы Люр.

Мы доехали до Карака, не обменявшись больше ни словом. Она гладила раненого сокола, а я обдумывал увиденное в Сирке.

* * *

Мы не остались в Караке. Я соскучился по тишине и красоте озера Призраков. Сказал об этом Люр. Она равнодушно согласилась, и мы отправились прямо туда и прибыли в сумерках. Вместе с женщинами поужинали в большом зале. Люр отбросила свое дурное настроение. Если она по-прежнему сердилась на меня, то хорошо это скрывала. Мы веселились, я много выпил. Чем больше я пил, тем яснее становился план взятия Сирка. Хороший план. Немного погодя вместе с Люр я направился в ее башню и смотрел оттуда на водопад и манящие туманные призраки. Тут план окончательно оформился.

Затем мой мозг вернулся к Калкру. Я долго раздумывал. Поднял голову и увидел, что Люр внимательно смотрит на меня.

— О чем ты думаешь, Двайану?

— Я думаю о том, что никогда больше не стану вызывать Калкру.

Она медленно и недоверчиво ответила:

— Ты это серьезно?

— Серьезно.

Лицо ее побледнело. Она сказала:

— Если Калкру не будет получать жертвы, он уничтожит здесь жизнь. Все станет пустыней, как на родине, когда прекратились жертвоприношения.

Я ответил:

— Неужели? Я больше в это не верю. Да и ты, мне кажется, не веришь, Люр. В старину было много земель, которые не признавали Калкру, там ему не приносили жертвы, но эти земли не превращались в пустыни. И я знаю — хотя и не понимаю, откуда, — что есть и сейчас множество земель, где не признают Калкру, но там процветает жизнь. Даже здесь — ррр лли я — малый народ — не признает его. Он ненавидит Калкру, ты сама мне об этом говорила, однако земля на том берегу Нанбу не менее плодородна, чем на этом.

Она сказала:

— Так шептали на нашей родине давно-давно. Потом этот шепот стал громче — и родина превратилась в пустыню.

— Но у этого могли быть иные причины, кроме гнева Калкру, Люр.

— Какие?

— Не знаю. Но ты никогда не видела солнце, луну и звезды. А я видел. И мудрый старик однажды говорил мне, что, кроме солнца и луны, есть и другие солнца, вокруг которых кружатся другие земли, и на них — жизнь. Дух Пустоты, в которой горят эти солнца, должен сильно съеживаться, чтобы в маленьком храме в ничтожном уголке земли являть себя перед нами.

Она ответила:

— Калкру — повсюду Калкру. Он в увядшем дереве, в высохшем ручье. Все сердца открыты ему. Он касается их — и наступает усталость от жизни, ненависть к жизни, желание вечной смерти. Он касается земли, и на месте цветущего луга появляется безжизненная пустыня. Калкру существует.

Я обдумал это и решил, что она говорит истину. Но в ее рассуждениях был недостаток.

— Я этого не отрицаю, Люр, — ответил я. — Враг Жизни существует. Но то, что является на вызов кольца, — на самом ли деле Калкру?

— А кто же еще? Так нас учили с древности.

— Не знаю, кто еще. Многому учили с древности, что не выдержало проверки. Но я не верю, что тот, кто приходит, — Калкру, Дух Пустоты, Тот-К-Кому-Возвращается-Все-Живое и все прочие его титулы. Не верю и в то, что если прекратятся жертвоприношения, кончится и жизнь здесь.

Она ответила очень тихо:

— Послушай меня, Двайану. Для меня неважно, что будет с жертвами и жертвоприношениями, и вообще все остальное. Для меня важно лишь одно: я не хочу покидать эту землю и не хочу, чтобы она изменялась. Здесь я была счастлива. Я видела солнце, луну и звезды, видела другую жизнь вон в том моем водопаде. Я не пойду туда. Где я найду такое прекрасное место, как мое озеро Призраков? Если прекратятся жертвоприношения, те, кого удерживает только страх, уйдут. За ними последует все больше и больше. Прежняя жизнь, которую я так люблю, кончится вместе с жертвоприношениями, — это несомненно. Если придет опустошение, мы вынуждены будем уйти. А если оно не придет, люди поймут, что все, чему их учили, ложь, и захотят посмотреть, не лучше ли, не счастливее ли жизнь снаружи. Так всегда случалось. Говорю тебе, Двайану, — здесь так не случится!

Она ждала ответа. Я молчал.

— Если ты не хочешь вызывать Калкру, почему бы не избрать другого вместо тебя?

Я пристально посмотрел на нее. Так далеко я еще не готов заходить. Отдать кольцо, а вместе с ним и всю власть!

— Есть и другая причина, помимо тех, о которых ты говорил, Двайану. Что это за причина?

Я резко ответил:

— Многие считают, что я просто кормлю Калкру. Убиваю ради него. Мне это не нравится. И я не хочу видеть то, что видел в глазах женщин, которых я скормил ему.

— Вот оно что, — презрительно сказала она. — Сон размягчил тебя, Двайану! Лучше поделись своим планом взятия Сирка, и я его осуществлю. Мне кажется, ты стал слишком мягкосердечен для войны!

Это меня задело, отбросило угрызения совести. Я вскочил, оттолкнув кресло, поднял руку, собираясь ударить ее. Она смело смотрела на меня, в глазах ни следа страха. Я опустил руку.

— Не настолько мягок, чтобы поддаваться твоей воле, ведьма, — сказал я. — И я не отступаю от договоров. Я дал тебе Йодина. И дам Сирк и все остальное, что пообещал. До того времени — отложим вопрос о жертвоприношениях. А когда ты хочешь получить Тибура?

Она положила руки мне на плечи и улыбнулась, глядя мне в глаза. Обняла меня за шею и поцеловала мягкими красными губами.

— Вот теперь, — прошептала она, — ты Двайану! Тот, кого я люблю. Ах, Двайану, если бы ты любил меня так же, как я тебя!

Ну, что касается этого, то я любил ее так, как был способен любить женщину... Подобной ей не было. Я повернул ее и крепко прижал, и прежняя беззаботность, прежняя любовь к жизни проснулись во мне.

— Ты получишь Сирк. И Тибура, когда захочешь.

Она, казалось, задумалась.

— Пока еще нет, — ответила она наконец. — Он силен и имеет много приспешников. Он будет полезен при взятии Сирка, Двайану. Не раньше этого...

— Именно так я и думал, — ответил я. — По крайней мере в одном мы согласны.

— Скрепим вином наш мир, — сказала она и позвала служанок.

— Есть еще одно, в чем мы согласны. — Она странно взглянула на меня.

— Что же это?

— Ты сам сказал это, — ответила она, и больше я ничего не смог добиться. Слишком поздно я понял, что она имела в виду, слишком поздно...

Вино было хорошее. Я выпил больше, чем следовало. Но план взятия Сирка становился все отчетливее.

* * *

На следующее утро я проснулся поздно. Люр не было. Я спал, как одурманенный. Смутно помнилось происшедшее накануне вечером, о чем-то мы с Люр поспорили. Я совсем не думал о Калкру. Спросил

Овадру, где Люр. Та ответила, что рано утром пришло сообщение: сбежали две женщины, предназначенные для очередного жертвоприношения. Люр подумала, что они будут пробираться в Сирк, и теперь охотится за ними с волками. Я почувствовал раздражение оттого, что она не разбудила меня и не взяла с собой. Мне хотелось увидеть в действии этих белых зверей. Они похожи на больших собак, с помощью которых мы в земле айжиров отыскивали таких же беглецов.

Я не поехал в Карак. Весь день занимался фехтованием, борьбой, плавал в озере Призраков — после того как перестала болеть голова.

К ночи вернулась Люр.

— Поймали их? — спросил я.

— Нет, — ответила она. — Они благополучно добрались до Сирка. Мы успели увидеть, как они прошли по мосту.

Мне показалось, что она слишком равнодушно отнеслась к своей неудаче, но больше я об этом не думал. Ночью она была весела — и очень нежна со мной. Иногда мне казалось, что, кроме нежности, в ее поцелуях есть и другое чувство. Мне казалось, что это чувство — сожаление. Но и над этим я не задумался.

19. Взятие Сирка

Снова я ехал по лесу к Сирку, слева от меня Люр, рядом с ней Тибур. За моей спиной два моих офицера — Дара и Нарал. Вслед за нами Овадра и двенадцать стройных сильных девушек; их прекрасные тела раскрашены зелеными и черными полосами, они обнажены, только на поясе узкая перевязь. Еще дальше восемьдесят дворян, во главе их друг Тибура Рашча. А еще дальше тысяча лучших солдат-женщин Карака.

Мы ехали ночью. Очень важно было выйти на край леса до наступления рассвета. Копыта лошадей были завернуты в тряпки, чтобы никто не услышал их топот, солдаты продвигались свободным строем, бесшумно.

Пять дней прошло с тех пор, как я смотрел на эту крепость.

Пять дней тщательных тайных приготовлений. Только ведьма и Кузнец знали, что я задумал. К тому же мы распространили слух, что готовимся к вылазке против ррр̀ллия. До начала выступления даже Рашча, как я считал, не знал, что мы направляемся к Сирку. Все было сделано, чтобы сигнал опасности не достиг Сирка: я хорошо знал, что те, против кого мы выступаем, имеют множество друзей в Караке; они есть, вероятно, даже в рядах идущих за нами. Сутью моего плана была внезапность. Поэтому — приглушенный топот лошадей. Поэтому — ночной переход. Поэтому — тишина, когда мы вышли из леса. Тут мы услышали вой волков Люр. Ведьма соскользнула с лошади и исчезла в зеленой тьме.

Мы остановились, ожидая ее возвращения. Все молчали; вой стих; Люр вернулась и села верхом. Как хорошо обученные собаки, волки разбежались перед нами, принюхиваясь к земле, по которой нам предстояло проехать, безжалостные разведчики, которые не пропустят ни одного шпиона, ни одного беглеца из Сирка или в Сирк.

Я хотел ударить раньше, негодовал из-за задержек, не хотел делиться планом с Тибуром. Но Люр сказала, что если мы хотим, чтобы Тибур был нам полезен при взятии Сирка, ему следует довериться, и что он будет менее опасен, чем если его оставить в неведении и подозрительности. Что ж, это справедливо. И к тому же Тибур — первоклассный боец, у которого много сильных друзей.

Поэтому я рассказал ему, что увидел, когда стоял вместе с Люр у кипящего рва Сирка, — кусты папоротника, тянувшиеся почти сплошной линией по поверхности скалы от леса на нашей стороне над кипящими гейзерами и до самого парапета. Я считал, что они растут в трещине или осыпи, которая образует карниз. По этому карнизу могут пробраться хладнокровные опытные скалолазы, при этом их не будет видно из крепости, — и тогда они смогут сделать то, что я задумал.

Глаза Тибура сверкнули, он рассмеялся, как не смеялся с моей встречи с Калкру. Он сделал только одно замечание:

— Первое звено в твоей цепи самое слабое, Двайану.

— Верно. Но оно выковано там, где цепь защиты Сирка слабее всего.

— Тем не менее — не хотел бы я быть этим первым звеном.

Несмотря на все недоверие, я испытал к нему теплое чувство за такую откровенность.

— Благодари богов за свой вес, Ударяющий по наковальне, — сказал я ему. — Не могу представить себе, как ты пробираешься по скале в поисках опоры. Придется выбрать других.

Я взглянул на чертеж, который сделал, чтобы прояснить план.

— Мы должны ударить быстро. Сколько времени потребуется на подготовку, Люр?

Я вовремя поднял голову, чтобы увидеть быстрый взгляд, которым они обменялись. Но хоть я и почувствовал подозрение, оно быстро развеялось. Люр тут же ответила:

— Что касается солдат, то мы могли бы выступить сегодня же. Но я не знаю, сколько времени потребуется, чтобы найти скалолазов. Их придется испытать.

— Сколько, Люр? Мы должны действовать быстро.

— Три дня, пять, — я, как смогу, тороплюсь. Больше я не могу обещать.

Пришлось согласиться.

И вот, пять ночей спустя, мы двигались к Сирку. В лесу было не темно и не светло: странная полутьма, в которой мы сами превра-

лись в тени. Над нами летали светящиеся мотыльки, и лишь они освещали нам дорогу. Повсюду дышала жизнь. Но мы несли с собой смерть.

Оружие солдаты скрыли, чтобы не выдать себя блеском, острия копий затемнили; нигде не было видно сверкания металла. На одежде солдат изображено колесо Люки, чтобы не спутать друзей и врагов после того, как мы ворвемся в Сирк. Люр хотела, чтобы был изображен черный Кракен. Я не разрешил.

Мы достигли места, где нужно было оставить лошадей. Здесь наши силы молча разделились. Часть под предводительством Тибура и Рашчи направилась через лес и заросли папоротника на противоположный от подъемного моста край площадки.

С нами осталось несколько десятков дворян, Овадра с обнаженными девушками и сотня солдат. У каждого лук и стрелы в хорошо привязанном на спине колчане. У всех короткие боевые топоры, длинные мечи и кинжалы. У всех длинные веревочные лестницы, которые я приказал изготовить; такие же лестницы я использовал в старину, когда приходилось брать города. Были и другие лестницы, длинные и гибкие, но деревянные. Я был вооружен только боевым топором и длинным мечом, Люр и дворяне — метательными молотами и мечами.

Мы крались к водопаду, чей шум с каждым шагом становился все громче.

Неожиданно я остановился, привлек к себе Люр.

— Ведьма, можно ли доверять твоим волкам?

— Можно, Двайану.

— Я думаю, что было бы неплохо отвлечь внимание тех, кто стоит на парапете. Если твои волки повоют, попрыгают и подерутся для отвлечения стражи, это могло бы нам помочь.

Она испустила негромкий зов, похожий на вой волчицы. Почти немедленно рядом показалась голова большого волка, того самого, который приветствовал ее во время нашей первой поездки. Его шерсть встала дыбом, когда он посмотрел на меня. Но он не издал ни звука. Ведьма опустилась рядом с ним на колени, взяла в руки его голову, зашептала. Казалось, они переговариваются. Затем, так же неожиданно, как появился, волк исчез. Люр встала, в ее глазах был волчий блеск.

— Стража получит развлечение.

По спине у меня пробежали мурашки: она все-таки настоящая ведьма. Но я ничего не сказал, и мы двинулись дальше. Подошли к тому месту, с которого я изучал скалу. Раздвинули папоротники и посмотрели в сторону крепости.

Справа от нас, в двадцати шагах, возвышалась крутая стена утеса, которая, продолжаясь над кипящим потоком, образовывала ближ-

ний бастион. Укрытие, в котором мы находились, продолжалось не до самой стены. Между нами и рвом находилось пространство примерно в двенадцать шагов; здесь горячие брызги уничтожили всю растительность. Стена крепости отсюда на расстоянии хорошего броска копья. Стена и парапет касались утеса, но они не были видны сквозь густую завесу пара. Именно это я имел в виду, когда сказал, что наше слабое звено будет сковано там, где наиболее слаба защита Сирка. В этом углу не было ни одного часового. В этом не было необходимости — они считали, что могут положиться на жару и горячие испарения. Можно ли пересечь поток здесь, в самом горячем месте? Можно ли взобраться по гладкой мокрой скале? Во всей крепости это самое неприступное место, необходимости в страже нет — так считали защитники Сирка. Это идеальное место для нападения.

Я рассматривал его. На протяжении двухсот шагов ни одного часового. Откуда-то из-за стены виднелся отблеск костра. Он отбрасывал колеблющиеся тени на каменную насыпь у скальных бастионов; это хорошо, потому что если мы доберемся до этого убежища, мы сами станем похожи на движущиеся тени. Я поманил Овадру и показал на два скальных выступа, которые должны стать целью обнаженных девушек. Выступы располагались вблизи того места, где утес изгибался под парапетом внутрь, и находились примерно на высоте двадцати ростов человека от того места, где я стоял. Овадра подозвала девушек и объяснила им задачу. Они кивнули, глаза их устремились к котлу рва, затем к блестящей вертикальной стене. Я увидел, как некоторые из них вздрогнули. Что ж, нельзя их в этом винить!

Мы отползли обратно и отыскали основание утеса. Здесь было достаточно расселин для закрепления лестниц. Мы размотали веревочные лестницы. Деревянные прислонили к скале. Я показал на карниз, который мог стать ключом к Сирку, и посоветовал скалолазам, как лучше действовать. Я знал, что карниз не шире ладони. Но выше и ниже его виднелись небольшие расселины, углубления, там можно зацепиться пальцами рук и ног, потому что там росли папоротники.

Хай! Они храбры, эти стройные девушки! Мы прикрепили к их поясам прочные веревки и будем держать их, когда они полезут вверх. Они взглянули на перемазанные лица и тела друг друга и рассмеялись. Первая взобралась по лестнице, как белка, нашла опору для рук и ног и поползла по стене. Через мгновение она исчезла, черные и зеленые полосы на ее теле смешались с тусклой зеленью и чернотой утеса. Медленно, медленно первая веревка заскользила в моих пальцах.

За ней последовала вторая, потом третья... Я держал в руках шесть веревок. Поднимались другие и вступали на опасную тропу, их веревки держала в своих сильных руках ведьма.

Хай! Какая странная рыбная ловля! Всей своей волей я старался удержать этих девушек-рыб подальше от воды. Медленно — боги, как

медленно! — веревки ползли сквозь мои пальцы. И сквозь пальцы ведьмы... медленно... медленно... но все время вперед.

Теперь первая стройная девушка уже над котлом... Я представил себе, как она прижимается к скользкой скале, ее закрывает поднимающийся из котла пар...

Одна из веревок ослабла, потом понеслась стремительно, так, что разрезала кожу ладони... снова ослабла... как будто ушла большая рыба... я почувствовал, как веревка оборвалась... Девушка упала! И теперь ее тело растворяется в котле!

Вторая веревка ослабла, натянулась и лопнула... потом третья... Три погибли!

Я прошептал Люр:

— Погибли три!

— И две! — ответила она. Я увидел, что глаза ее закрыты, но руки, державшие веревки, не дрожали.

Пять стройных девушек! Осталось семь! Люка, поверни свое колесо!

Оставшиеся веревки медленно, со многими остановками, продолжали скользить вперед. Четвертая девушка, должно быть, уже миновала ров... она уже перебралась через парапет... она уже укрылась в скалах... сердце билось в горле, я задыхался...

Боги — шестая упала!

— Еще одна! — простонал я, обращаясь к Люр.

— И еще одна! — прошептала она и отбросила одну веревку.

Осталось пять... только пять... Люка, храм тебе в Караке — все тебе, милостивая богиня!

Что это? Рывок веревки, дважды повторенный. Сигнал! Одна пересекла пропасть! Честь и богатство тебе, стройная девушка!..

— Погибли все, кроме одной, Двайану! — прошептала ведьма.

Я снова застонал и посмотрел на нее...

Снова двойной рывок — моя пятая веревка!

Еще одна в безопасности!

— Моя последняя добралась! — шепот Люр.

Три в безопасности! Три прячутся среди скал. Рыбная ловля закончилась. Сирк украл три четверти моих приманок.

Но теперь Сирк на крючке!

Слабость, подобной которой я не знал, расплавила мои кости и мышцы. Лицо Люр белее мела, под глазами черные круги.

Теперь наша очередь. У упавших стройных девушек скоро может появиться компания.

Я взял веревку у Люр. Дернул. Почувствовал ответный сигнал.

Мы привязали к тонким веревкам более прочные. Когда их потянули, мы к их концам привязали еще более прочные.

Они поползли прочь от нас... прочь... прочь...

А теперь лестницы — наш мост.

Легкие, но прочные лестницы. Такими их научились сплетать много-много лет назад. На их концах когти; если они зацепятся за что-нибудь, их нелегко отцепить.

Мы прикрепили к веревкам концы лестниц. Лестницы поползли от нас через папоротники... в горячее дыхание котла... через него...

Невидимые в этом испарении... невидимые в зеленом сумраке... они ползли все вперед и вперед...

Они в руках трех девушек! Те закрепляют их концы. Под моими руками лестницы натянулись и застыли. Мы закрепили свой конец.

Дорога на Сирк открыта!

Я обернулся к ведьме. Она стояла, глядя куда-то вдаль. В глазах ее горел зеленый волчий огонь. И неожиданно сквозь шипение водопада я расслышал вой ее волков — где-то далеко-далеко.

Она расслабилась, опустила голову, улыбнулась мне...

— Да, я умею разговаривать с волками, Двайану!

Я подошел к лестнице, потянул. Держится прочно.

— Я первый, Люр. Пусть ждут, пока я не доберусь. Затем Дара и Нарал поднимутся, чтобы защитить мне спину.

Глаза Люр сверкнули.

— Вслед за тобой пойду я. Твои офицеры вслед за мной.

Я обдумал ее слова. Ладно, пусть будет так.

— Как хочешь, Люр. Но не двигайся, пока я не переберусь. Потом пусть Овадра посылает солдат. Овадра, на лестнице могут находиться одновременно не более десяти человек. Повяжите им тканью рты и носы. Считайте до тридцати — медленно, вот так, — прежде чем выпустить следующую. Прикрепи мне на спину топор и меч, Люр. Пусть все так же закрепят оружие. Смотрите, как я держусь руками и ногами.

Я вцепился в лестницу, широко расставив руки и ноги. Начал подниматься. Как паук. Медленно, чтобы они научились. Лестница раскачивалась, но лишь слегка; угол подъема был удобен для меня.

Вот я над папоротниками. Вот уже на краю потока. Над потоком. Пар клубится вокруг меня. Скрыл меня. Горячее дыхание гейзера высушило пар. Я ничего не видел, кроме перекладин лестницы прямо перед собой...

Слава Люке за это! Если все вокруг меня скрыто, значит, сам я скрыт от окружающих.

Я перебрался через поток. Миновал утес. Теперь я над парапетом. Я спрыгнул с лестницы меж скал — незамеченным. Дернул лестницу. Почувствовал ответный рывок. Лестница отяжелела... еще больше... еще...

Я отвязал топор и меч...

— Двайану...

Я обернулся. Это три девушки. Я начал восхвалять их... сдерживая

смех. Черная и зеленая краска из-за пара растеклась и образовала чудовищные узоры.

— Дворянство вам, девушки! С этого момента! Зеленый и черный — цвета вашего герба! То, что вы сделали этой ночью, станет легендой в Караке.

Я посмотрел в сторону укреплений. Между ними и нами находилась ровная скальная площадка, покрытая песком, не шире половины полета стрелы. Там у костра стояли два десятка солдат. Большая группа виднелась у парапета рядом с мостом. Еще солдаты в дальнем конце парапета; все они смотрят на волков.

Башни подъемного моста спускаются прямо к площадке. Правая башня — глухая стена. В левой большие ворота. Они открыты и не охраняются. Возможно, их охрана — солдаты у костра. Между башнями спускается широкая рампа, подход к началу моста.

Кто-то коснулся моей руки. Рядом со мной стояла Люр. Вслед за ней появились два моих офицера. Затем один за другим — солдаты. Я попросил их подготовить луки, наложить стрелы. Один за другим они растворялись в зеленой тьме. Укрывались в тени скал.

Десять человек... двадцать... тридцать... как стрела, шипение потока разорвал крик! Лестница задрожала. Она изогнулась. Снова отчаянный крик... лестница провисла...

— Двайану, лестница оборвалась... ай, Овадра...

— Тише, Люр. Они могли услышать крик. Лестница не может оборваться...

— Вытащи ее, Двайану... вытащи ее!

Вместе мы вытащили лестницу. Мы тащили ее как сеть, и быстро. Неожиданно она совсем полегчала... пробежала в наших руках...

Концы ее были обрезаны ножом или ударом топора.

— Предательство! — сказал я.

— Как это возможно... там Овадра...

Я продвинулся в тени скал.

— Дара, расставь солдат. Пусть Нарал расставит их на дальнем конце. Пусть по сигналу начинают стрелять. По три залпа. Первый по тем, у костра. Второй и третий — по тем у парапета, ближе к башне. Затем за мной. Поняла?

— Поняла, господин.

Приказ передали по линии; я слышал, как натягиваются тетивы.

— Нас меньше, чем мне хотелось бы, Люр, но ничего не поделаешь, придется действовать. Нам теперь не выбраться из Сирка, только с помощью мечей.

— Я знаю. Но я думаю об Овадре... — голос ее задрожал.

— Она в безопасности. Если бы предателей было много, мы услышали бы звуки боя. Больше не нужно разговаривать, Люр. Мы должны действовать быстро. После третьего залпа ударим по воротам.

Я дал сигнал. Лучники встали. Стрелы полетели в стоявших у огня. Мало кто из них остался в живых. Немедленно второй шквал стрел обрушился на стоявших у башни.

Хай! Прекрасно стреляют! Как падают враги! Еще раз...

Свист оперенных стрел! Песня луков! Боги — как хорошо жить снова!

Я выскочил из-за скалы, Люр рядом. За нами побежали женщины-солдаты. Мы устремились к воротам башни. Мы были уже на полпути, когда крепость проснулась.

Послышались крики. Заревели трубы, воздух заполнился звоном бронзовых гонгов, поднимавших по тревоге спящий Сирк. Мы бежали дальше. Рядом падали копья, свистели стрелы. Из других ворот в стене выбегали солдаты, бежали нам наперерез.

Мы уже у двери башни подъемного моста... мы уже в башне!

Но не все. Треть упала под ударами копий и стрел. Мы закрыли прочную дверь. Опустили массивные засовы. И вовремя. В дверь застучали молоты обманутой стражи.

Помещение каменное, большое и пустое. Кроме двери, через которую мы вошли, выходов нет. Я понял причину этого: никто в Сирке не думал о возможности нападения изнутри. Высоко бойницы смотрят на ров, под ними платформы для лучников. У одной стены рычаги, приводящие в движение подъемный мост.

Все это я увидел одним быстрым взглядом. Прыгнул к рычагам и начал поворачивать их. Завертелись колеса.

Мост начал опускаться.

Ведьма поднялась на платформу для лучников, выглянула наружу; поднесла к губам рог; послала через прорезь в стене призыв — сигнал Тибуру и его войску.

Стук в дверь прекратился. Начались сильные ритмичные удары. Удары тарана. Крепкое дерево дрожало от них, засовы скрипели. Люр крикнула мне:

— Мост опущен, Двайану! По нему поднимается Тибур. Становится светлее. Начинается рассвет. Ведут лошадей.

Я выругался.

— Люка, пошли ему разум не топать по мосту на лошади!

— Он верхом! Только он и Рашча, и еще с полдюжины других... остальные спешились... Хай! В них стреляют из бойниц... среди них падают копья... Сирк берет свою дань...

Послышался громовой удар в дверь. Дерево раскололось...

Громовой рев. Крики, вопли боя. Удары меча о меч, свист стрел. И над всем этим хохот Тибура.

Таран больше не бил в дверь.

Я отбросил засовы, приготовил топор, приоткрыл дверь и выглянул.

По рампе от моста бежали солдаты Карака.

Я открыл дверь шире. У основания башни и начала моста лежали мертвые защитники крепости.

Я вышел. Солдаты увидели меня.

— Двайану! — прозвенел их крик.

Из крепости слышались удары большого гонга — предупреждение Сирку.

Сирк больше не спал!

20. «Тсантаву, прощай!»

В Сирке слышался шум, похожий на гудение огромного потревоженного улья. Гремели трубы, били барабаны. Удары множества гонгов отвечали тому единственному, который продолжал бить где-то в сердце захваченной крепости. Теперь через мост устремились женщины — солдаты Карака, пока вся площадь не заполнилась ими.

Кузнец повернул свою лошадь, оказался лицом ко мне.

— Боги, Тибур! Хорошо сделано!

— Не было бы сделано, если бы не ты, Двайану! Ты увидел, ты понял, ты сделал. Мы лишь младшие участники.

Что ж, это правда. Но в этот момент Тибур мне почти нравился. Жизнь моей крови! Не игрушка — повести войска по мосту! Кузнец — солдат! Лишь бы был верен мне — и к Калкру ведьму!

— Очисти крепость, Ударяющий по наковальне! Нам не нужны стрелы в спину.

— Будет сделано, Двайану.

Метлой меча и молота, копья и стрелы крепость была очищена.

Гром гонга замер на половине удара.

В плечо мне уперся носом мой жеребец, он мягко подул мне в ухо.

— Ты не забыл мою лошадь! Руку, Тибур!

— Веди нас, Двайану!

Я прыгнул в седло. Высоко поднял боевой топор, развернул жеребца и поскакал к городу. Я летел, как стрела. Тибур слева от меня, ведьма справа, солдаты за нами.

Через скальный портал мы ворвались в Сирк.

Живая волна встретила нас, чтобы отбросить назад. Взлетали молоты, рубили топоры, пролетали копья и оперенные стрелы. Моя лошадь споткнулась и с криком упала; ее задние ноги были подрублены. Кто-то схватил меня за плечи, поднял. Мне улыбалась ведьма. Она отрубила руку, тянувшую меня к груде мертвых. Топором и мечом мы расчистили вокруг себя круг. Я вскочил на спину серого жеребца, с которого упал дворянин, ощетинившийся стрелами.

Мы ударились о живую волну. Она подалась, бурля вокруг нас.

Вперед и вперед! Рубить топором и колоть мечом! Резать, рубить и пробиваться!

Волна отброшена. Перед нами лежал Сирк.

Я сдержал лошадь. Сирк лежал перед нами — но не приглашал нас!

Город лежал в углублении между крутыми неприступными черными скалами. Край прохода к городу находился выше городских крыш. Дома начинались на расстоянии полета стрелы. Красивый город. Нет ни цитадели, ни крепости, ни храмов, ни дворцов. Только каменные дома, около тысячи, с плоскими крышами, расставленные редко, окруженные садами, между ними широкие улицы, усаженные деревьями. Много газонов. За городом возделанные поля и цветущие сады.

И никакой преграды. Путь открыт.

Слишком открыт!

На крышах домов я увидел блеск оружия. Слышался стук топоров, заглушавший рев труб и барабанный бой.

Хай! Они строят на улицах баррикады из деревьев, готовят нам сотни засад, ожидают, что мы устремимся прямо на них.

Расставляют свои сети прямо на виду у Двайану!

Однако они неплохо владеют тактикой. Это лучшая защита. Я не раз встречался с ней в войнах с варварами. Это значит, что нам придется сражаться за каждый шаг, каждый дом превращается в крепость, стрелы летят в нас с каждой крыши и из каждого окна. В Сирке есть предводитель, который сумел за короткое время так организовать сопротивление. Я почувствовал уважение к этому предводителю, кем бы он ни был. Он избрал единственный возможный путь к победе — если только его противник не знает контрмер.

Я их знал. Мне тяжело досталось это знание.

Сколько сможет предводитель продержать защитников в их тысячах крепостей? Как всегда, в этом опасность этого способа защиты. Каков первоначальный импульс жителей города, в который ворвался враг? Обрушиться на врага, выйдя из своих крепостей, как это делают муравьи или пчелы. Не часто находится достаточно сильный вождь, способный удержать их от этого. Если каждый дом Сирка останется связанным с другими, останется активной частью целого, Сирк непобедим. Но если их начнут отсекать одного за другим? Изолировать? Отрезать от предводителя?

Хай! Тогда в отчаянии они поползут из всех щелей! Их погонит ярость и отчаяние, вытянет, как на веревках. Они выбегут — убивать и быть убитыми. Утес обрушится — камень за камнем.

Я разделил наших солдат и одну часть послал против Сирка небольшими отрядами, с приказом разойтись по городу и использовать любые укрытия. Они должны взять любой ценой крайние дома, стрелять в окна и по крышам, взламывать двери. Другие будут нападать на соседние дома, но они не должны далеко отходить друг от друга и углубляться в город.

Я набрасывал на Сирк сеть и не хотел, чтобы ее ячейки были разорваны.

Уже наступил день.

Солдаты двинулись вперед. Я видел, как вверх и вниз устремляются стрелы, свистя, как змеи. Слышал, как стучат топоры о двери.

Клянусь Люкой! Вот на одной крыше появился флаг Карака! Еще один!

Шум в Сирке становился громче, в нем слышались ноты безумия. Хай! Я знал, что они долго не выдержат. И я узнал этот звук. Скоро он станет почти непереносим. Его издают люди в отчаянии!

Хай! Скоро они выскочат...

Тибур бранился рядом со мной. Я взглянул на Люр: она дрожала. Солдаты шумели, они рвались в бой. Я видел их голубые глаза, твердые и холодные, их лица под шлемами — лица не женщин, а юных воинов... тот, кто ждет от них женского милосердия, очнется в холодном поту.

— Клянусь Зардой! Битва кончится, прежде чем мы сможем обнажить лезвие!

Я рассмеялся.

— Терпение, Тибур! Терпение — наше лучшее оружие. И Сирка тоже, если бы они знали это. Пусть первыми утратят это оружие.

Шум становился громче. В начале улицы появилось с полсотни солдат Карака, они сражались против большего числа защитников Сирка, которых становилось все больше, они выбегали из домов и с перекрестных улиц осажденного города.

Этого момента я и ждал!

Я отдал приказ. Издал воинский клич. Мы двинулись на них. Наши солдаты расступились, пропустили нас и смешались с теми, кто шел за нами. Мы ударили в защитников Сирка. Они отступали, но при этом отчаянно сражались, и многие седла дворян опустели, и многие лошади остались без всадников, прежде чем мы преодолели первую баррикаду.

Хай! Но как они сражались за наспех поваленными деревьями — женщины, мужчины и дети, едва способные согнуть лук или поднять меч!

Теперь солдаты Карака начали нападать на них с флангов; солдаты Карака стреляли в них с крыш домов, которые они покинули; мы сражались с Сирком, как он планировал сражаться с нами. И те, кто противостоял нам, скоро отступили, побежали, и мы были на баррикаде. Сражаясь, мы добрались до сердца Сирка — большой красивой площади, на которой били фонтаны и цвели цветы. Брызги фонтанов стали алыми, и когда мы уходили с площади, на ней не осталось цветов.

Мы заплатили здесь тяжелую дань. Половина дворян была убита. Копье ударило меня в шлем и чуть не свалило с лошади. Я ехал без шлема, весь в крови, кричал, с меча капала кровь. Нарал и Дара были ранены, но по-прежнему защищали мою спину. Ведьма, Кузнец и его приближенные оставались невредимы.

Послышался топот копыт. На нас устремилась волна всадников. Мы поскакали им навстречу. Мы столкнулись, как две волны. Слились. Смешались. Засверкали мечи. Ударили молоты. Загремели топоры. Хай! Теперь рукопашная — вот это я знаю и люблю больше всего!

Закружился безумный водоворот. Я взглянул направо и увидел, что ведьму отделили от меня. Тибура не было видно. Что ж, они, несомненно, постоят за себя, где бы ни были.

Направо и налево взмахивал я мечом. Передо мной, перед нападавшими на меня, над шлемами солдат Карака, разделявших нас, появилось смуглое лицо... смуглое лицо, с него на меня напряженно смотрели глаза... все время на меня... все время... Рядом с этим человеком другой, стройная фигура... Карие глаза этого устремлены тоже на меня... В них ненависть, а в черных понимание и печаль.

Черные глаза и карие глаза затронули что-то глубоко-глубоко во мне... Они напоминали о чем-то... звали меня... будили что-то спящее...

Я услышал собственный голос, отдававший приказ прекратить схватку; все боевые крики поблизости стихли. Солдаты Сирка и Карака стояли молча, удивленно глядя на меня. Я тронул лошадь, поехал между телами, пристально глядя в черные глаза.

Странно, почему я опустил меч... почему я так стою... почему печаль в этих глазах разрывает мне сердце...

Человек со смуглым лицом произнес два слова:

— Лейф!.. Дегатага!

...Дегатага!..

То, что спало, проснулось, устремилось наружу, раскачивая мозг... разрывая его... потрясая каждый нерв...

Я услышал крик — голос ведьмы.

Через кольцо солдат пронеслась лошадь. На ней Рашча, зубы оскалены, холодные глаза глядят на меня. Он поднял руку. В ней сверкнул кинжал и погрузился в спину того, кто назвал меня — Дегатага!

Назвал меня...

Боже, я его знаю!

Тсантаву! Джим!

Теперь то, что спало, полностью проснулось... мой мозг принадлежал ему... это я сам... Двайану забыт!

Я бросил лошадь вперед.

Рашча готов был нанести второй удар — всадник с карими глазами размахивал перед ним мечом, а Джим падал, сползал по боку своей лошади.

Я перехватил руку Рашчи, прежде чем он смог ударить снова. Схватил его руку, загнул назад, услышал, как треснула кость. Рашча завыл, как волк.

Молот пролетел рядом с моей головой, промахнувшись на волос. Я увидел, как Тибур наматывает на руку ремень.

Я наклонился, вырвал Рашчу из седла. Его здоровая рука схватила меня за горло. Я перехватил эту руку и загнул ее назад. И тоже сломал.

Лошадь моя споткнулась. Одной рукой держа Рашчу за горло, другой сжимая его, я упал на него. Извернулся и бросил его себе на колено. Моя рука переместилась с горла на грудь. Левая нога зажала его.

Быстрый удар сверху вниз — звук, как от сломанной хворостины. Ломающий Спины больше ничего не сломает. Его собственная спина сломана.

Я вскочил на ноги. Посмотрел в лицо всадника с карими глазами... ...Эвали!..

Я закричал:

— Эвали!

Неожиданно битва вокруг меня разгорелась заново. Эвали повернулась, чтобы отбить нападение. Ее закрыли широкие плечи Тибура... он стащил ее с лошади... в левой руке его что-то сверкнуло... полетело ко мне...

Я бросился в сторону — недостаточно быстро...

Что-то ударило меня по голове. Я опустился на четвереньки, слепой и глухой. Потом услышал смех Тибура, пытался побороть слепоту и головокружение, чувствовал, как кровь струится по лицу...

Прижавшись к земле, раскачиваясь на коленях, слышал, как битва прошумела надо мной и ушла в сторону.

Головокружение прошло. Слепота миновала. Я по-прежнему стоял на четвереньках. Подо мной тело человека... человека, чьи черные глаза смотрели на меня с пониманием... с любовью.

Я почувствовал прикосновение к плечу, с трудом поднял голову. Это Дара.

— Волосок между жизнью и смертью, господин. Выпей это.

Она поднесла к моим губам флакон. Горькая горячая жидкость пробежала по внутренностям, придала устойчивости, силы. Теперь я видел вокруг себя кольцо женщин-солдат, меня охраняли... за ними еще одно кольцо, на лошадях.

— Ты меня слышишь, Лейф? У меня мало времени...

Я наклонился.

— Джим! Джим! О Боже, зачем ты пришел сюда? Возьми меч и убей меня!

Он взял меня за руку, сжал ее.

— Не будь дураком, Лейф! Ты не виноват... спаси Эвали!

— Я спасу тебя, Тсантаву, унесу отсюда...

— Заткнись и слушай. Со мной кончено, Лейф, я это знаю. Кинжал пробил кольчугу и погрузился в легкое... Я истекаю кровью... внутри... дьявол, Лейф! Не воспринимай слишком тяжело... Это могло произойти на войне... В любое время... Не твоя вина...

Горло мое перехватило рыдание, слезы смешались с кровью на лице.

— Я убил его, Джим, я убил его!

— Я знаю, Лейф... отличная работа... Я видел... я кое-что должен сказать тебе... — голос его стих.

Я поднес к его губам флакон... это вернуло его к жизни...

— Сейчас... Эвали... тебя ненавидит! Спаси ее... Лейф... что бы она ни сделала. Послушай. Через малый народ из Сирка нам передали сообщение, что ты хочешь там с нами встретиться. Что ты изображаешь из себя Двайану... Что ты только делаешь вид, что ничего, кроме Двайану, не помнишь... чтобы устранить подозрения и захватить власть... Ты собираешься ускользнуть... прийти в Сирк и повести нас против Карака. Ты хочешь, чтобы я был рядом с тобой... тебе нужна Эвали, чтобы убедить пигмеев...

— Я ничего не посылал тебе, Джим! — простонал я.

— Я знаю — теперь... Но тогда мы поверили... Ты спас Шри от волков и бросил вызов ведьме...

— Джим, сколько времени прошло между спасением Шри и этим лживым посланием?

— Два дня... Но какое это имеет значение? Я рассказал Эвали... что с тобой... снова и снова рассказывал ей твою историю... Она не поняла... но поверила мне... Еще немного, Лейф... я ухожу...

И опять жгучая жидкость оживила его.

— Мы добрались до Сирка... два дня назад... перебрались через реку с Шри и двадцатью пигмеями... было легко... слишком легко... волки не выли, хотя я знал, что они следят за нами... выслеживают нас... и не только они... Мы ждали... потом началось нападение... и я понял, что мы в ловушке... Как вы перебрались через гейзеры?.. Неважно... Но... Эвали считает, что ты послал сообщение... что ты... предатель...

Глаза его закрылись. Руки были холодны, холодны.

— Тсантаву, брат, не верь! Тсантаву, вернись, поговори со мной...

Его глаза открылись, я с трудом расслышал:

— Ты не Двайану... Лейф? Не будешь им... никогда?

— Нет, Тсантаву... не покидай меня!

— Наклони... голову... ближе, Лейф... спаси Эвали...

Голос его звучал все слабее.

— Прощай... Дегатага... не вини себя...

Тень прежней сардонической улыбки пробежала по его бледному лицу.

— Ты не выбирал... своих проклятых... предков!.. Не повезло... Нам было хорошо... вместе... Спаси... Эвали...

Из его рта полилась кровь.

Джим умер... умер!

Тсантаву больше нет!

21. Возвращение в Карак

Я склонился к Джиму и поцеловал его в лоб. Встал. Я онемел от горя. Но под немотой кипел мучительный гнев, мучительный ужас. Смертоносный гнев против ведьмы и Кузнеца — ужас перед самим собой, ужас перед... Двайану!

Нужно найти Тибура и ведьму — но сначала нужно сделать кое-что еще. Они и Эвали могут подождать.

— Дара, пусть его поднимут. Отнесите его в один из домов.

Я пошел вслед за солдатами, уносившими тело Джима. Сражение продолжалось, но далеко от нас. А вокруг нас только мертвые. Я решил, что последние очаги сопротивления Сирка находятся в конце долины.

Дара, Нарал и я с полудюжиной солдат прошли в сломанные двери того, что еще вчера было уютным домом. В центре его находился небольшой зал с колоннами. Остальные солдаты остались снаружи, охраняя вход. Я приказал снести в зал стулья, кровати и все, что может гореть, и сложить погребальный костер. Дара сказала:

— Господин, позволь перевязать твои раны.

Я сел и размышлял, пока она омывала рану у меня на голове жгучим вином. Мозг мой странно застыл, но работал четко. Я Лейф Ленгдон. Двайану больше не хозяин моего мозга — и никогда не будет. Но он жив. Он живет, как часть меня. Шок от появления Джима растворил Двайану в Лейфе Ленгдоне. Как будто два противоположных течения слились; как будто соединились две капли; как будто сплавились два металла.

Кристально ясно помнил я все, что видел и слышал с того момента, как был сброшен с моста Нансур. И кристально ясно, болезненно ясно помнил все, что происходило до того. Двайану не умер, нет! Он часть меня, и теперь я несравненно сильнее. Я могу использовать его, его

силу, его мудрость — но он не может использовать меня. Я во главе. Я хозяин.

И я думал, сидя здесь, что если хочу спасти Эвали, если хочу совершить и другой поступок, который обязан совершить, даже если придется умереть, внешне я должен оставаться Двайану. В этом моя власть. Нелегко объяснить происшедшее со мной превращение моим солдатам. Они верили в Двайану и следовали за мной как за Двайану. Если даже Эвали, знавшая меня как Лейфа, любившая меня как Лейфа, слышавшая объяснения Джима, — если даже она не смогла понять, как могут понять остальные? Нет, они не должны заметить перемены.

Я ощупал голову. Порез глубокий и длинный; очевидно, только крепкий череп спас меня.

— Дара, кто нанес эту рану?

— Тибур, господин.

— Он пытался убить меня... Почему он не закончил?

— Левая рука Тибура всегда приносила смерть. Он считал, что не может промахнуться. Он увидел, что ты упал, и решил, что ты мертв.

— А смерть прошла на расстоянии волоса. И если бы кто-то не оттолкнул меня... Это была ты, Дара?

— Я, Двайану. Я видела, как он поднял руку, поняла, что последует. Бросилась тебе в ноги, чтобы он меня не видел.

— Ты боишься Тибура?

— Нет, я не хотела, чтобы он знал, что промахнулся.

— Почему?

— Чтобы у тебя было больше возможности убить Тибура, господин. Твоя сила уменьшилась со смертью твоего друга.

Я пристально посмотрел на своего смелого офицера. Что она знает? Узнаю позже. Я посмотрел на костер. Он был почти готов.

— А что он метнул, Дара?

Она достала из-за пояса любопытное орудие, подобного которому я никогда не видел. Конец его был заострен, как кинжал, с четырьмя острыми, как бритва, ребрами. Металлическая рукоять, круглая, похожая на древко маленького копья. Весило оружие около пяти фунтов. Металл, из которого оно изготовлено, я не узнал: плотнее, тяжелее, чем лучшая сталь. В сущности это метательный нож. Ни одна кольчуга не выдержала бы удара этого острия, да еще брошенного с силой Кузнеца. Дара взяла его у меня и потянула за короткое древко. Немедленно острые ребра растопырились, как ножи. На конце каждого ребра острый шип. Дьявольское оружие! Его невозможно извлечь, только вырезать, а если потянешь, высвобождаются эти ребра и еще глубже впиваются в тело. Я взял оружие у Дары и спрятал его за пояс. Если раньше у меня и были сомнения, как поступить с Тибуром, теперь никаких сомнений не было.

Погребальный костер был закончен. Я поднял Джима и положил его наверх. Поцеловал его глаза, вложил в мертвую руку меч. Снял висевшие на стенах богатые ковры и накрыл его. Ударил по огниву и поднес огонь к костру. Сухое смолистое дерево быстро занялось. Я смотрел, как пламя и дым сомкнулись над Джимом.

Потом с сухими глазами, но со смертью в сердце вышел из дома.

Сирк пал, и грабеж был в полном разгаре. Повсюду из разграбленных домов поднимался дым. Прошел отряд солдат, подгоняя пленных — около четырех десятков, все женщины и дети, некоторые ранены. Потом я понял, что те, кого я принял за детей, на самом деле золотые пигмеи. Увидев меня, солдаты остановились, изумленно застыли.

Неожиданно один из них крикнул:

— Двайану! Двайану жив!

Все подняли мечи в приветствии, послышался крик:

— Двайану!

Я подозвал командира.

— Вы считали, что Двайану умер?

— Так нам сказали, господин.

— А сказали ли, кто меня убил?

Женщина заколебалась.

— Говорят, Тибур... случайно... он метнул оружие в предводителя Сирка, который угрожал тебе... и попал в тебя... и что твое тело унесли защитники Сирка... не знаю.

— Довольно. Иди с пленными в Карак. Не мешкай и никому не рассказывай, что встретила меня. Это приказ. Я хочу, чтобы пока меня считали умершим.

Солдаты странно переглянулись, отсалютовали и ушли. Желтые глаза пигмеев, полные ядовитой ненависти, не отрывались от меня, пока они не скрылись из виду. Значит, так все им представили! Хай! Они меня боятся, иначе бы не стали рассказывать о случайной смерти. Я неожиданно принял решение. Нет смысла отыскивать Тибура в Сирке. Меня увидят, и Тибур и ведьма узнают, что я жив. Они должны прийти ко мне, ни о чем не подозревая. Из Сирка ведет только один выход — через мост. Здесь я буду ждать их. Я повернулся к Даре.

— Мы идем к мосту, но не по этой дороге. Пойдем окольными тропами, пока не доберемся до утесов.

Они повернули лошадей, и я впервые осознал, что весь мой маленький отряд — всадники. Это моя стража, многие из них были пешими, но теперь все на лошадях, а на многих седлах цвета дворян, сопровождавших меня, Тибура и ведьму в походе на Сирк. Дара, видя мое замешательство и поняв его причину, сказала, как всегда вызывающе:

— Это наиболее преданные, Двайану. Лошади были свободны,

а некоторых мы сделали такими. Сторонники Тибура — не допускай больше ошибок в их оценке.

Я ничего не отвечал, пока мы не отъехали от горящего дома и не углубились в боковую улицу. Потом попросил:

— Дара, Нарал, отъедем на минуту.

Когда мы отъехали от остальных, я сказал:

— Я вам обязан жизнью, особенно тебе, Дара. Все, что могу вам дать, ваше. А от вас прошу только одного — правды.

— Двайану, ты ее услышишь.

— Почему Тибур захотел убить меня?

Нарал сухо ответила:

— Не только Кузнец хотел тебя убить, Двайану.

— Кто еще, Нарал?

— Люр... и большинство дворян.

— Но почему? Разве я не взял для них Сирк?

— Ты стал слишком силен, Двайану. Люр и Тибур никогда не согласятся на второе место... или третье...

— Но у них была возможность и раньше.

— Но тогда ты бы не взял для них Сирк, — сказала Дара.

Нарал негодующе заявила:

— Двайану, ты играешь с нами. Ты знаешь, как и мы... лучше нас... их мотивы. Ты пришел сюда с другом, которого мы оставили на погребальном костре. Все это знают. И если должен был умереть ты, то и он тоже. Он не должен был жить, не должен был уйти и, может, вернуться с другими сюда... потому что я знаю, да и другие тоже, что жизнь существует не только здесь... что Калкру не принадлежит верховная власть над миром, как говорят нам дворяне. И вот в Сирке ты и твой друг. И не только вы, но и смуглая девушка. А ее пленение или смерть могли подорвать дух малого народа и привести его под владычество Карака. Вы все втроем — вместе! Двайану, именно тут они и должны были ударить. И Люр и Тибур так и сделали: убили твоего друга, думают, что убили тебя, и захватили смуглую девушку.

— А если я убью Тибура, Нарал?

— Тогда начнется война. И ты должен хорошо охранять себя, потому что большинство дворян тебя ненавидят, Двайану. Им сказали, что ты против старых обычаев, что ты хочешь унизить их и поднять народ. Даже собираешься положить конец жертвоприношениям...

Она украдкой взглянула на меня.

— А если это правда?

— Большинство солдат с тобой, Двайану. Если это правда, с тобой будет весь народ. Но у Тибура есть друзья даже среди солдат. И Люр тоже не сбрасывай со счета.

Она зло дернула повод лошади.

— Лучше убей и Люр, пока намерен мстить, Двайану.

Я не ответил на это. Мы молча ехали по улице. Всюду мертвецы, взломанные дома. Мы выехали из города и направились по узкой равнине к щели между утесами. На дороге никого не было, поэтому мы въехали в щель незамеченными. Из нее выехали на площадь перед крепостью. Тут было множество солдат — а также пленники. Я ехал в середине своего отряда, пригнувшись к спине лошади. Дара наспех перевязала мою голову. Повязка и шлем скрывали мои светлые волосы. Всюду была сумятица, и я проехал незамеченным. Подъехал прямо к входу в башню, в которой мы скрывались, когда Карак штурмовал мост. Соскочил с лошади, полуприкрыл дверь Мои женщины собрались снаружи у двери. Вряд ли им помешают. Я сел в ожидании Тибура.

Ждать было трудно. Лицо Джима над лагерным костром, лицо Джима, улыбающееся мне из траншеи. Лицо Джима над моим, когда я лежал во мху на пороге миража... лицо Джима под моим на улице Сирка...

Тсантаву! Ай, Тсантаву! И ты считал, что из леса может прийти только красота!

Эвали? Что мне Эвали в этом аду изо льда и раскаленного гнева?

«Спаси Эвали!» — просил Джим. Что ж, я спасу Эвали! Но помимо этого она для меня не больше... чем ведьма... ну, может, немного больше... но сначала нужно свести счет с ведьмой... Пока мне не до Эвали...

Лицо Джима... всегда лицо Джима... плывет передо мной.

Я услышал шепот:

— Двайану, Тибур приближается!

— Люр с ним, Дара?

— Нет... только группа дворян. Он смеется. Везет в седле смуглую девушку.

— Далеко ли он, Дара?

— На расстоянии полета стрелы. Он едет медленно.

— Когда я выеду, сомкнитесь за мной. Схватка будет между мною и Тибуром. Не думаю, чтобы его сопровождающие вмешались. Но если они вмешаются...

Нарал рассмеялась.

— Если они вмешаются, мы вцепимся им в глотки, Двайану. Я бы хотела свести счеты с одним-двумя друзьями Тибура. Просим только об одном: не трать ни слов, ни времени на Тибура. Убей его быстро. Клянусь богами, если он убьет тебя, то нас, всех, кого он захватит, ждет кипящий котел или нож.

— Я убью его, Нарал.

Я медленно открыл большую дверь. Теперь я видел Тибура, его

лошадь вступала на конец моста. На луке его седла была Эвали. Тело ее свисает, черно-синие волосы распущены и скрывают лицо, как вуаль. Руки связаны за спиной, их держит Тибур одной рукой. Вокруг и за ним два десятка приближенных — дворяне, большинство из них мужчины. Я заметил, что среди охраны и гарнизона ведьмы мало мужчин, Кузнец предпочитал их в качестве друзей и личной охраны. Его голова и плечи повернуты к ним, я ясно различал его торжествующий голос и смех. Площадь почти опустела. Интересно, где теперь ведьма?

Тибур приближался.

— Готовы, Дара... Нарал?

— Готовы, господин!

Я распахнул дверь. Поскакал к Тибуру, склонив голову, мое маленькое войско за мной. Прямо перед ним я поднял голову, лицо мое оказалось рядом с его лицом.

Все тело Тибура напряглось, глаза глядели в мои, челюсть отвисла. Я знал, что его сопровождающие в таком же оцепенении. Прежде чем Кузнец смог очнуться от паралича, я выхватил из его рук Эвали и передал ее Даре.

Поднес меч к горлу Тибура. Я не предупреждал его. Не время для рыцарства. Дважды он предательски пытался убить меня. Нужно кончать быстро.

Но хоть мой удар был быстр, Кузнец оказался быстрее. Он отпрянул назад, упал с лошади, но приземлился, как кошка, на ноги. Я был на земле, прежде чем он смог поднять свой большой молот. Я снова попытался ударить его по горлу. Он отразил удар молотом. И тут безумный гнев овладел им. Молот со звоном упал на камень. Тибур с воем бросился на меня. Он обхватил меня руками, прижал мои руки к бокам, как живыми стальными лентами. Ногами он пытался свалить меня. Зубы его были оскалены, как у бешеного волка, он пытался добраться зубами до моего горла.

Ребра мои трещали под усиливающейся хваткой Тибура. Легкие работали с напряжением, зрение затуманилось. Я дергался и извивался в попытках освободиться, отодвинуться от горячего рта и ищущих зубов.

Вокруг я слышал крики, слышал и смутно видел топчущихся лошадей. Скрюченные пальцы моей левой руки коснулись пояса... нащупали там что-то... что-то похожее на древко копья...

Дьявольское орудие Тибура!

Неожиданно я обвис в объятиях Тибура. Взревел его смех, хриплый от торжества. И на мгновение он разжал руки.

Этой доли секунды мне хватило. Я собрал все силы и вырвался. Прежде чем он смог схватить меня снова, моя рука метнулась за пояс и схватила рукоятку.

Я выхватил оружие и всадил его в горло Тибура, как раз под челюстью. И дернул за рукоять. Открывшиеся острые ребра разрезали артерии и мышцы. Ревущий хохот Тибура сменился отвратительным бульканьем. Руки его ухватились за рукоять, дернули ее... вырвали...

Кровь хлынула из разрубленного горла. Колени Тибура подогнулись, он покачнулся и упал у моих ног... задыхаясь... руки его слабо дергались...

Я стоял, хватая воздух, кровь шумела в ушах.

— Выпей, господин!

Я посмотрел на Дару. Она протягивала мне мех с вином. Я взял его дрожащими руками и отпил. Хорошее вино меня подстегнуло. Неожиданно я отвел мех от губ.

— Смуглая девушка рррллия... Эвали. Она не с тобой.

— Она здесь. Я посадила ее на другую лошадь. Была схватка, господин.

Я посмотрел в лицо Эвали. Она смотрела на меня холодным, непримиримым взглядом.

— Вымой лицо остатками вина, господин. Ты не слишком подходяще выглядишь для встречи с нежной девушкой.

Я провел рукой по лицу, она стала красной от крови.

— Кровь Тибура, Двайану, слава богам!

Дара подвела мне лошадь. В седле я почувствовал себя лучше. Взглянул на Тибура. Пальцы его еще слабо дергались. Я осмотрелся. На краю моста группа лучников Карака. Они подняли в приветствии луки.

— Двайану! Да здравствует Двайану!

Мое войско казалось странно маленьким. Я позвал:

— Нарал!

— Она погибла, Двайану. Я говорила, была схватка.

— Кто ее убил?

— Неважно. Я его убила. А остатки эскорта Тибура бежали. Что теперь, господин?

— Подождем Люр.

— Нам ждать недолго: вон она едет.

Послышались звуки рога. Я повернулся и увидел скачущую по площади ведьму. Ее рыжие пряди развевались, меч покраснел, она была почти так же вымазана кровью, как и я. С ней ехало несколько ее женщин и половина дворян.

Я ждал ее. Она остановила лошадь, осмотрела меня блестящими глазами.

Мне следовало убить ее, как Тибура. Я должен был ненавидеть ее. Но я понял, что не могу ее ненавидеть. Всю ненависть я истратил на Тибура. Нет, я не ненавидел ее.

Она слегка улыбнулась.

— Тебя трудно убить, Желтоволосый!

— Двайану, ведьма.

Она полупрезрительно взглянула на меня.

— Ты больше не Двайану!

— Попробуй в этом убедить солдат, Люр.

— О, я знаю, — сказала она и взглянула на Тибура. — Значит, ты убил Кузнеца. Что ж, по крайней мере ты все еще мужчина.

— Убил для тебя, Люр, — насмехался я. — Разве я не обещал тебе?

Она не ответила, только спросила, как перед этим Дара:

— А что теперь?

— Подождем, пока не опустошим Сирк. Потом поедем в Карак, ты рядом со мной. Мне не нравится, когда ты у меня за спиной, ведьма.

Она спокойно поговорила со своими женщинами, потом задумалась о чем-то, склонив голову и ни слова не говоря мне.

Я прошептал Даре:

— Можно доверять лучникам?

Она кивнула.

— Попроси их подождать и идти с нами. Пусть оттащат куда-нибудь тело Тибура.

С полчаса шли солдаты, с пленниками, со скотом, лошадьми и другой добычей. Проскакал небольшой отряд дворян. Они остановились, заговорили, но по моему слову и кивку Люр проехали по мосту. Большинство дворян при виде меня казались встревоженными; солдаты радостно приветствовали меня.

Последний небольшой отряд выехал из расселины, ведущей в Сирк. Я искал Шри, но его не было, и я решил, что его отвели в Карак с пленными раньше. А может, он убит.

— Идем, — сказал я ведьме. — Пусть твои женщины едут перед нами.

Я подъехал к Эвали, снял ее с седла и посадил перед собой. Она не сопротивлялась, но я почувствовал, как она отстраняется. Я понимал, о чем она думает: она сменила Тибура на другого хозяина, она всего лишь военная добыча. Если бы я не так устал, вероятно, мне было бы больно. Но мой мозг уже не реагировал на это.

Мы проехали по мосту над вьющимися парами рва. Мы находились на полпути к лесу, когда ведьма вскинула голову и послала долгий воющий зов. Из папоротников выскочили белые волки. Я приказал лучникам приготовить луки. Люр покачала головой.

— Незачем стрелять в них. Они идут в Сирк. Они заслужили награду.

Белые волки устремились к мосту, пробежали по нему, исчезли.

— Я тоже выполняю свои обещания, — сказала ведьма, и мы поехали через лес в Карак.

22. Ворота Калкру

Мы были близко к Караку, когда начали бить барабаны малого народа.

Во мне все более нависала свинцовая усталость. Я старался не уснуть. Какое-то отношение к этому имел удар Тибура, но я испытал и другие удары, к тому же я ничего не ел с утра. Я не в состоянии был думать, тем более планировать, что нужно сделать по прибытии в Карак.

Барабаны малого народа разогнали мою усталость, я пришел в себя. Сначала они ударили, как гром над белой рекой. После этого зазвучали в медленном, постоянном ритме, полном непримиримой угрозы. Как будто смерть встала у пустых могил и наступила на них, прежде чем подойти ближе к нам.

При первых же звуках Эвали выпрямилась, напряженно внимая каждым нервом. Я сдержал лошадь и заметил, что ведьма тоже остановилась и прислушивается с напряжением, не меньшим, чем Эвали. Что-то невыразимо тревожное было в этом монотонном бое. Что-то в нем было выходящее за пределы человеческого опыта, более древнее, чем человек. Как будто в унисон бились тысячи сердец, единым неизменным ритмом... безжалостным, неумолимым... он захватывал все новые и новые пространства... распространялся, расширялся... и вот они уже бьют повсюду вдоль белой Нанбу.

Я обратился к Люр.

— Я думаю, это последнее мое обещание, ведьма. Я убил Йодина, отдал тебе Сирк, убил Тибура — и вот твоя война с ррррлия.

Я не подумал о том, как это прозвучит для Эвали. Она повернулась и бросила на меня долгий презрительный взгляд. А Люр она сказала холодно на ломаном уйгурском:

— Это война. Разве ты не ожидала этого, когда захватила меня? Война, пока мой народ не освободит меня. Лучше обращайтесь со мной осторожнее.

Люр потеряла контроль над собой, вырвался долго сдерживаемый гнев.

— Отлично! Мы сотрем твоих желтых псов с лица земли раз и навсегда. А с тебя сдерут кожу, или выкупают в котле — или отдадут Калкру. Выиграют твои псы или проиграют, от тебя мало что останется. С тобой поступят, как я захочу.

— Нет, — сказал я, — как я захочу, Люр.

Голубые глаза сверкнули. А карие глаза смотрели на меня все с тем же презрением.

— Дай мне лошадь. Мне не нравится твое прикосновение... Двайану.

— Ты поедешь со мной, Эвали.

Мы въехали в Карак. Барабаны били то громко, то тихо. Но все

с тем же неизменным безжалостным ритмом. Он поднимался и падал, поднимался и падал. Как смерть, шагающая по пустым могилам — то тяжело, то легко.

На улицах было много народу. Все смотрели на Эвали и перешептывались. Не было ни приветственных криков, ни веселья. Все казались подавленными, испуганными. Я понял, что они так напряженно вслушиваются в бой барабанов, что едва воспринимают наше появление. Теперь барабаны звучали ближе. Я слышал их звуки прямо с противоположного берега реки. И язык говорящих барабанов покрывал все остальные звуки. Он повторял и повторял:

— Э-ва-ли! Э-ва-ли!

Мы въехали на площадь перед черной крепостью. Тут я остановился.

— Мир, Люр.

Она бросила насмешливый взгляд на Эвали.

— Мир! А зачем тебе теперь мир между нами, Двайану?

Я спокойно ответил:

— Я устал от кровопролития. Среди пленных есть ррррлия. Прикажем привести их сюда, чтобы они могли поговорить с Эвали и с нами двумя. Потом часть их отпустим и отправим через Нанбу с посланием, что мы не причиним вреда Эвали. Попросим ррррлия прислать наутро посольство для переговоров о постоянном мире. Если договоримся, они смогут забрать с собой Эвали целой и невредимой.

Она, улыбаясь, ответила:

— Значит, Двайану боится карликов?

Я повторил:

— Я устал от кровопролития.

— Боже мой! — вздохнула она. — Я не единожды слышала, как Двайану хвастает, что всегда выполняет обещания — и поэтому он получил плату авансом. Боже мой, как изменился Двайану!

Она задела меня, но я сумел сдержать гнев; я сказал:

— Если ты не согласна, Люр, я сам отдам приказ. Но тогда наш город будет осажден и станет легкой добычей врага.

Она обдумала мои слова.

— Значит, ты не хочешь войны с маленькими желтыми псами? И считаешь, что если мы вернем им девушку, войны не будет? Тогда зачем ждать? Почему не отправить обратно всех пленников? Отведи их на Нансур, начни переговоры с карликами. Барабанный разговор быстро решит дело — если ты прав. И тогда в эту ночь барабаны не будут нарушать твой сон.

Верно. Но я ощутил в ее словах угрозу. Правда заключалась в том, что я не хотел отправлять Эвали назад. Если она уйдет, я знал, что у меня никогда не будет шанса оправдаться в ее глазах, сломать ее недоверие, вернуть веру в то, что я Лейф, которого она любит. Если я выиграю время, то смогу добиться этого. И ведьма тоже знает это.

— Не следует торопиться, Люр, — вежливо сказал я. — Они подумают, что мы их боимся; ведь ты тоже так решила. Для заключения такого договора нужно что-то большее, чем торопливые сообщения барабанов. Нет, задержим девушку как заложницу, пока не договоримся об условиях.

Она склонила голову, думая, потом посмотрела на меня ясными глазами и улыбнулась.

— Ты прав, Двайану. Я пошлю за пленниками, как только смою с себя грязь Сирка. Их приведут к тебе. Тем временем я сделаю больше. Я пошлю сообщение карликам на Нансуре, что скоро их товарищи прибудут туда с посланием. Это по крайней мере даст нам время. А время нам необходимо — нам обоим.

Я пристально взглянул на нее. Она рассмеялась и пришпорила свою лошадь. Я проехал за ней через ворота на большую огражденную площадь. Она была заполнена солдатами и пленниками. Здесь барабаны звучали громче. Казалось, барабаны, невидимые, бьют в самом городе. Солдаты были явно обеспокоены, пленники возбуждены и вели себя вызывающе.

Пройдя в крепость, я собрал офицеров, не принимавших участия в нападении на Сирк, и приказал усилить охрану стен, выходящих на мост Нансур. Приказал отдать сигнал тревоги, который приведет к нам солдат с внешних постов и окружающих ферм. Приказал усилить охрану городских ворот, а всем окрестным жителям до наступления сумерек укрыться в городе. Оставался час до наступления ночи. Так что они успеют. Все это я сделал на случай, если наше предложение будет отвергнуто. Если его отвергнут, я не желаю участвовать в кровопролитии в Караке, которое будет сопровождать осаду, пока мне не удастся убедить малый народ в своей доброй воле. Или убедить Эвали, что я стремлюсь к миру.

Сделав все это, я отвел Эвали в свои комнаты — не в помещения верховного жреца с черным осьминогом на стене, а в анфиладу удобных комнат в другой части крепости. Меня сопровождал небольшой отряд, с которым я был в Сирке. Здесь я передал Эвали Даре. Вымылся, переоделся, мои раны промыли и перевязали. Окна мои выходили на реку, и в них раздражающе звучали барабаны. Я приказал принести еды и вина и привести Эвали. Дара привела ее. О ней позаботились, но она отказалась есть со мной. Она сказала мне:

— Боюсь, мои люди не поверят твоим посланиям, Двайану.

— Поговорим об этом позже, Эвали. А что касается того первого послания, я не посылал его. И Тсантаву, умирая у меня на руках, верил, что я не посылал его.

— Я слышала, как ты сказал Люр, что пообещал ей взять Сирк. Ты не солгал ей, Двайану: Сирк уничтожен. Как я могу тебе верить?

Я ответил:

— Ты получишь доказательство, что я говорю правду. А теперь, поскольку ты не хочешь есть со мной, иди с Дарой.

С Дарой ей не будет плохо. Дара солдат, а не лживый предатель, и сражение в Сирке, как и любое другое сражение, часть ее профессии. Эвали ушла с Дарой.

Ел я мало, а выпил много. Вино придало мне бодрости, усталость покинула меня. Я решительно оставил на время печаль о Джиме, думая о том, что предстоит сделать и как сделать это наилучшим образом. Послышался стук в дверь, и вошла ведьма.

Ее рыжие волосы были уложены в форме короны, в них сверкали сапфиры. Ни следа сегодняшнего сражения, ни следа усталости. Глаза чистые и ясные, красные губы улыбаются. Голос негромкий и сладкий. Прикосновение ее руки вызвало у меня воспоминания, которые я считал ушедшими вместе с Двайану.

Она позвала, и за ней вошло несколько солдат и два десятка пигмеев, не связанных; при виде меня в их глазах вспыхнула ненависть, но и любопытство тоже. Я спокойно заговорил с ними. Послал за Эвали. Она вошла, и золотые пигмеи бросились к ней, окружили, как толпа детей, щебеча и напевая, гладя ее волосы, касаясь ее рук и ног.

Она рассмеялась, одного за другим назвала их по имени, потом быстро заговорила. Я мало понял из сказанного ею; по потемневшему лицу Люр я догадался, что она вообще ничего не поняла. Я повторил Эвали точно то же, что сказал Люр и что, хотя бы отчасти, она уже знала: она выдала себя, что знает язык уйгуров или, вернее, айжиров лучше, чем признавала это. Потом перевел то, что понял, с языка карликов для Люр.

Договор был заключен быстро. Половина пигмеев должна была немедленно отправиться через Нанбу в гарнизон на том конце моста. При помощи барабанов оттуда наше послание перешлют в крепость малого народа. Если условия будут приняты, боевые барабаны немедленно замолчат. Я сказал Эвали:

— Когда они будут передавать сообщение, пусть добавят, что от них не потребуется ничего, кроме того, что было в прежнем договоре. И что смерть больше не будет ожидать тех, кто пересечет реку.

Ведьма сказала:

— Что это значит, Двайану?

— Сирка теперь нет, и нет необходимости в наказании, Люр. Пусть собирают травы и металлы, где хотят; вот и все.

— Ты задумал что-то еще... — Глаза ее сузились.

— Они меня понимают, Эвали, но повтори им это сама.

Пигмеи защебетали друг с другом; затем десять выступили вперед: они понесут сообщение. Когда они уже собрались уходить, я остановил их.

— Если Шри бежал, пусть придет с посольством. Еще лучше —

пусть придет раньше. Пошлите при помощи барабанов сообщение, чтобы он приходил как можно скорее. Я даю ему охранную грамоту. Он останется с Эвали, пока мы не договоримся обо всем.

Они обсудили мои слова, согласились. Ведьма молчала. Впервые я заметил, как смягчился обращенный ко мне взгляд Эвали.

Когда пигмеи ушли, Люр позвала кого-то из коридора. Вошла Овадра.

— Овадра!

Мне она нравилась. Хорошо, что она жива. Я пошел к ней с протянутыми руками. Она взяла их.

— Это были два наших солдата, господин. У них сестры в Сирке. Они перерезали лестницу, прежде чем мы смогли остановить их. Они убиты, — сказала она.

Почему они не перерезали ее до того, как кто-нибудь смог последовать за мной?

Прежде чем я заговорил, послышался стук в дверь и вошел один из моих офицеров.

— Сумерки наступили, господин, и ворота заперты. Все, кто хотел, вошли.

— И много вошло?

— Нет, господин... не более сотни. Остальные отказались.

— Почему?

— Ты приказываешь отвечать, господин?

— Приказываю.

— Они сказали, что они в безопасности вне крепости. Что у них нет причин ссориться с ррррлия, что они всего лишь мясо для Калкру.

— Довольно, солдат! — голос Люр прозвучал резко. — Иди! Уведи с собой ррррлия!

Офицер отсалютовал, энергично повернулся и ушел вместе с карликами. Я рассмеялся.

— Солдаты перерезали лестницу из сочувствия защитникам Сирка. Люди меньше боятся врагов Калкру, чем соплеменников, мясников Калкру. Мы правильно поступаем, заключая мир с ррррлия, Люр.

Ее лицо вначале побледнело, потом покраснело, она так сжала кулаки, что побелели костяшки пальцев. Улыбнулась, налила себе вина и недрогнувшей рукой подняла кубок.

— Пью за твою мудрость, Двайану!

Сильная личность эта ведьма! У нее сердце воина. Правда, не хватает женской мягкости. Но неудивительно, что Двайану любил ее — по-своему и настолько, насколько он вообще был способен любить.

В комнате повисла тишина, странно подчеркнутая боем барабанов. Не знаю, как долго мы сидели молча. Неожиданно бой барабанов стал слабее.

И затем совсем прекратился. Тишина казалась чем-то нереальным.

Я почувствовал, как расслабляются напряженные нервы. От неожиданной тишины заболело в ушах, медленнее забилось сердце.

— Послание получено. Они приняли условия, — сказала Эвали.

Ведьма встала.

— Ты оставишь себе девушку на ночь, Двайану?

— Она будет спать в одной из этих комнат. Ее будут охранять. Никто не сможет пройти к ней, миновав эту мою комнату. — Я со значением посмотрел на нее. — А я сплю чутко. Так что не бойся, что она сбежит.

— Я рада, что барабаны не потревожат твой сон, Двайану.

Она насмешливо отсалютовала мне и вышла вместе с Овадрой.

Неожиданно на меня снова обрушилась усталость. Я повернулся к Эвали, которая смотрела на меня с сомнением. В ее глазах не было ни презрения, ни отвращения. Что ж, вот я и добился того, чего добивался всеми этими маневрами. Она наедине со мной. И я понял, что после всего, что она видела, после всего, что испытала из-за меня, слова бесполезны. Да и не мог я сказать всего, что хотел. Нет, впереди много времени... может быть, утром, когда я высплюсь... или после того, как сделаю то, что задумал... тогда она поверит...

— Спи спокойно, Эвали. Спи без страха... и поверь, что все, что было неправильно, будет исправлено. Иди с Дарой. Тебя будут хорошо охранять. Никто не сможет пройти к тебе, кроме как через эту комнату, а здесь буду я. Спи и ничего не бойся.

Я позвал Дару, объяснил ей, что нужно делать, и Эвали ушла с ней. У занавеса, закрывавшего вход в соседнюю комнату, она заколебалась, полуобернулась, будто собираясь сказать что-то, но передумала. Вскоре вернулась Дара. Она сказала:

— Она уже спит, Двайану.

— Спи и ты, друг, — ответил я. — И все, кто был сегодня со мной. Я думаю, ночью опасаться нечего. Отбери таких, кому можно полностью доверять. Пусть охраняют коридор и вход в эту комнату. Где ты ее положила?

— Через комнату, Двайану.

— Будет лучше, если ты и остальные будут спать здесь. К вашим услугам с полдесятка комнат. Захватите с собой вина и хлеба, побольше.

Она рассмеялась.

— Ты ожидаешь осаду, Двайану?

— Заранее никогда нельзя знать.

— Ты не вполне доверяешь Люр, господин?

— Я совсем ей не доверяю, Дара.

Она кивнула и повернулась, чтобы идти. Повинуясь внезапному импульсу, я сказал:

— Дара, лучше ли ты будешь спать сегодня и легче ли тебе будет

отбирать стражу, если я скажу тебе: пока я жив, жертвоприношений Калкру не будет?

Она вздрогнула, лицо ее посветлело, смягчилось. Она протянула мне руку:

— Двайану, мою сестру отдали Калкру. Ты на самом деле хочешь этого?

— Клянусь жизнью! Клянусь всеми богами!

— Спи спокойно, господин! — Она задыхалась.

Дара вышла, но я успел заметить на ее глазах слезы.

Что ж, женщина имеет право плакать, даже если она солдат. Я сам сегодня плакал.

* * *

Я налил себе вина, пил его и размышлял. В основном о загадке Калкру. И для этого были причины.

Что такое Калкру?

Я снял цепь с шеи, открыл ящичек и стал рассматривать кольцо. Закрыл ящичек и поставил его на стол. Я чувствовал, что пока размышляю, лучше убрать кольцо подальше от сердца.

У Двайану были сомнения относительно этого чудовища: на самом ли деле оно Дух Пустоты? Я, Лейф Ленгдон, в котором растворился Двайану, теперь не сомневался, что это не так. Но я не мог и принять теорию Барра о массовом гипнозе. А мошенничество вообще вне вопроса.

Кем или чем бы ни был Калкру, он, как сказала ведьма, существовал. Или по крайней мере существовала тень, которая при помощи ритуала и кольца становилась материальной.

Я думал, что мог бы принять все происшедшее в оазисе за галлюцинацию, если бы оно не повторилось здесь, в Земле Теней. Нет никаких сомнений в реальности жертвоприношения, которое я совершил; никакого сомнения в уничтожении — поглощении — растворении — двенадцати девушек. Нет сомнения в том, что Йодин верил в способность щупальца уничтожить меня, в том, что оно уничтожило его самого. И я подумал, что если жертвы и Йодин стоят где-то в боковом крыле и смеются надо мной, как предполагал Барр, то это крыло где-то в другом мире. И к тому же глубочайший ужас малого народа, ужас большинства айжиров — и восстание в древней земле айжиров, вызванное тем же ужасом, которое уничтожило в ходе гражданской войны саму цветущую страну айжиров.

Нет, чем бы ни было это существо, как бы ни противоречило его признание науке, как бы его ни называть — атавизм, суеверие, — оно существовало. Оно не с этой земли, несомненно. Оно не сверхъестественно. Точнее, сверхъестественно, если считать таковым все приходящее

из другого измерения или из иного мира, недоступного нашим органам чувств.

И я подумал, что наука и религия действительно кровные сестры, именно поэтому они так не выносят друг друга. Ученые и богословы одинаковы в своем догматизме, в своей нетерпимости.

Но как есть в церкви люди, чей мозг не окаменел в религиозном догматизме, так же и в лабораториях можно встретить людей с неокаменевшим мозгом. Эйнштейн, который осмелился бросить вызов всем нашим представлениям о пространстве и времени в четырехмерном мире, в котором само время является измерением, который дал доказательства существования пятимерного пространства вместо четырехмерного, доступного нашим органам чувств... возможность того, что десятки миров совмещаются в пространстве с нашим... энергия, которая может стать материей, если настроить ее на другую волну... и все эти миры не подозревают о существовании друг друга... полностью опровергнутая старая аксиома, что два тела не могут одновременно занимать одно и то же пространство...

И я подумал; что, если давным-давно один из айжиров, древний ученый, обнаружил все это? Открыл пятое измерение, помимо длины, высоты, ширины и времени? Или открыл один из тех смежных миров, чья материя проникает сквозь щели нашего мира? И, открыв этот мир, он нашел средство вызывать жителей этого мира в наш, дал им возможность проникать к нам? Звуком и жестом, кольцом и экраном создал ворота, через которые могут проходить эти существа из другого мира — или по крайней мере становиться видимыми. Какое оружие приобрел этот первооткрыватель, какое оружие получили жрецы!

Если это так, то одно или множество существ ютятся в этом входе в поисках глотка жизни? Воспоминания, завещанные мне Двайану, говорили, что в земле айжиров существовали и другие храмы, помимо того, в оазисе. То же ли самое существо появлялось во всех храмах? То же ли существо, появлявшееся на экране храма оазиса, появляется и в храме земли миража? Или их много — существ из другого измерения или из другого мира, тех, что алчно отвечают на призыв? Не обязательно, чтобы в своем мире эти существа имели форму Кракена. Возможно, именно такую форму они принимают на выходе под влиянием законов природы.

Некоторое время я размышлял над этим. Мне казалось, что это объясняет появление Калкру. И если это так, то, чтобы избавиться от Калкру, нужно уничтожить средства, при помощи которых он появляется в нашем мире. Именно это и хотели сделать древние жители земли айжиров.

Но почему только представители древней крови могут вызывать?..

Я услышал негромкий голос у двери. Неслышно подошел, прислушался. Открыл дверь: со стражниками говорила Люр.

— Что тебе нужно, Люр?

— Я хочу поговорить с тобой. Это займет немного времени, Двайану.

Я рассматривал ведьму. Она стояла неподвижно, в глазах ее не было вызова, не было расчета — только просьба. Рыжие пряди падали на белые плечи. Она была без оружия, без украшений. И выглядела моложе, чем всегда. У меня не было желания насмехаться над ней или отказывать. Напротив, во мне шевельнулась жалость.

— Входи, Люр... и говори, что у тебя на уме.

Я закрыл за ней дверь. Она подошла к окну, выглянула в тускло светящуюся ночь. Я подошел к ней.

— Говори тише, Люр. Девушка спит в соседней комнате. Пусть спит.

Она без всякого выражения сказала:

— Я хотела бы, чтобы ты никогда не появлялся здесь, Желтоволосый.

Я подумал о Джиме и ответил:

— Я тоже хотел бы этого, ведьма. Но я здесь.

Она прислонилась ко мне, положила руку мне на сердце.

— Почему ты так меня ненавидишь?

— Я не ненавижу тебя, Люр. Во мне ни к кому нет ненависти — только к одному.

— И это?..

Я невольно взглянул на стол. Здесь горела свеча, ее пламя освещало ящичек с кольцом. Она посмотрела туда же. Сказала:

— Что ты собираешься сделать? Раскрыть Карак перед карликами? Восстановить мост Нансур? Править Караком и рррлия вместе со смуглой девушкой? Если так... что станет с Люр? Ответь мне... Я любила тебя, когда ты был Двайану... ты хорошо это знаешь...

— И убила бы меня, пока я был Двайану, — мрачно добавил я.

— Потому что я видела, как умирает Двайану, когда ты смотрел в глаза незнакомца, — ответила она. — Ты, кого победил Двайану, убивал Двайану. А я его любила. Разве я не должна была отомстить за него?

— Если ты веришь, что я больше не Двайану, значит я человек, друга которого ты заманила в ловушку и убила, человек, чью любимую ты захватила и хотела убить. И если это так, то какое право ты имеешь на меня, Люр?

Она некоторое время молчала; потом ответила:

— У меня есть оправдание. Я тебе сказала, что любила Двайану. Кое-что я о тебе знала с самого начала, Желтоволосый. Но я видела, как в тебе просыпается Двайану. И знала, что это истинно он. Я знала

также, что пока живы этот твой друг и смуглая девушка, Двайану в опасности. Поэтому я задумала вызвать их в Сирк. Я пыталась убить их раньше, чем ты с ними увидишься. Тогда, думала я, все будет хорошо. Тогда не сможет вернуться тот, кто был побежден Двайану. Я проиграла. Я поняла это, когда по своему капризу Люка свела вас троих вместе. Гнев и печаль охватили меня... и я сделала... то, что сделала...

— Люр, — сказал я, — ответь мне правдиво. В тот день, когда ты вернулась на озеро Призраков после охоты на двух женщин... не были ли это твои посыльные, которые должны были отнести в Сирк ложное послание? И не ждала ли ты сообщения, что мой друг и смуглая девушка в ловушке, прежде чем дать сигнал к выступлению? И не было ли у тебя мысли, что тогда — если я открою дорогу в Сирк, — ты сможешь избавиться не только от них, но и от Двайану? Вспомни: ты любила Двайану, но, как сказал он тебе, власть ты любила больше. А Двайану угрожал твоей власти. Отвечай правдиво.

Вторично я увидел слезы на глазах ведьмы. Она ответила разбито:

— Да, я послала шпионов. Я ждала, пока эти двое не окажутся в ловушке. Но я никогда не хотела причинить вреда Двайану.

Я не поверил ей. Но по-прежнему не испытывал ни гнева, ни ненависти. Только растущую жалость.

— Люр, теперь я скажу тебе правду. Я не собираюсь править Караком и рррллия вместе с Эвали. У меня больше нет желания власти. Оно ушло с Двайану. В мире, который я заключу с карликами, ты будешь править Караком — если пожелаешь. Смуглая девушка уйдет с ними. Она не захочет оставаться в Караке. И я не захочу...

— Ты не можешь уйти с нею, — прервала она меня. — Желтые псы никогда не будут доверять тебе. Их стрелы всегда будут нацелены на тебя.

Я кивнул: эта мысль давно пришла мне в голову.

— Все это уладится, — сказал я. — Но жертвоприношений больше не будет. Ворота Калкру закроются навсегда. Я закрою их.

Глаза ее расширились.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что навсегда закрою Калкру дорогу в Карак — разве что Калкру окажется сильнее меня.

Она беспомощно стиснула руки.

— Какая польза мне тогда от Карака... как смогу я удержать его жителей?

— И все-таки... я уничтожу ворота Калкру.

Она прошептала:

— Боги, если бы у меня было кольцо Йодина...

Я улыбнулся в ответ.

— Ведьма, ты так же хорошо, как и я, знаешь, что Калкру не приходит на зов женщины.

Колдовские огоньки загорелись в ее глазах; в них мелькнул зеленоватый отблеск.

— Существует древнее пророчество, Желтоволосый. Двайану его не знал... или забыл. В нем говорится, что когда Калкру придет на зов женщины, он — останется. Именно поэтому ни одной женщине в земле айжиров не позволено было становиться жрицей и проводить жертвоприношения.

В ответ я рассмеялся.

— Отличный любимчик — вдобавок к твоим волкам, Люр.

Она пошла к двери, остановилась.

— Что, если бы я полюбила тебя... как любила Двайану? Ты смог бы любить меня, как любил Двайану? И еще сильнее! Отправь смуглую девушку к ее народу и сними с них наказание смертью за переход на эту сторону Нанбу. Станешь ли ты править вместе со мной Караком?

Я открыл перед ней дверь.

— Я тебе уже сказал, что мне не нужна власть, Люр.

Она вышла.

Я пошел к окну, подвинул к нему кресло и сидел, размышляя. Неожиданно где-то поблизости от крепости послышался волчий вой. Он прозвучал раз, потом еще трижды.

— Лейф!

Я вскочил на ноги. Рядом со мной была Эвали. Через вуаль своих волос она смотрела на меня; ее глаза светились, в них не было сомнения, ненависти, страха. Это были глаза прежней Эвали.

— Эвали!

Я обнял ее, мои губы отыскали ее губы.

— Я слышала, Лейф!

— Ты веришь, Эвали?

Она поцеловала меня, прижалась ко мне.

— Но она права, Лейф. Ты не можешь вернуться со мной в землю малого народа. Они никогда, никогда не поймут. А я не стану жить в Караке.

— Пойдешь ли ты со мной, Эвали? В мою землю? После того как я сделаю... то, что должен сделать... и если не погибну при этом?

— Я пойду с тобой, Лейф!

Она заплакала, но вскоре успокоилась и уснула у меня на руках. Я поднял ее, отнес в соседнюю комнату, укрыл. Она не проснулась.

Я вернулся к себе. Проходя мимо стола, взял ящичек и хотел надеть на шею цепь. Потом поставил его на место. Никогда не надену больше эту цепь! Не выпуская из рук меча, я лег на кровать. И уснул.

23. В храме Калкру

Дважды я просыпался. Первый раз меня разбудил волчий вой. Волки выли как будто прямо под окном. Я сонно прислушался и снова заснул.

Второй раз я проснулся от тревожного сновидения. Я был уверен, что меня разбудил какой-то звук в комнате. Рука моя упала на рукоять меча, лежавшего на полу рядом с кроватью. У меня было ощущение, что в комнате кто-то есть. В зеленой полутьме, наполнявшей комнату, ничего не было видно. Я негромко спросил:

— Эвали, это ты?

Ни ответа, ни звука.

Я сел, даже опустил ноги на пол, чтобы встать. Потом вспомнил, что за дверью стража, что рядом Дара и ее солдаты, и сказал себе, что проснулся только от приснившегося кошмара. Но некоторое время я лежал прислушиваясь, сжимая меч в руке. Потом снова уснул.

* * *

Послышался стук в дверь, я проснулся. Уже давно рассвело. Я тихо подошел к двери, чтобы не разбудить Эвали. Открыл ее. Среди стражников был Шри. Маленький человек пришел в полном вооружении, с копьем, изогнутым ножом, а за плечами — маленький, но удивительно звучный барабан. Он дружески посмотрел на меня. Я потрепал его по руке и указал на опущенный занавес:

— Эвали там, Шри. Разбуди ее.

Он прошел мимо меня, я поздоровался с охраной и повернулся вслед за Шри. Он стоял у занавеса, глядя на меня, в глазах его не было дружелюбия. Он сказал:

— Эвали здесь нет.

Я недоверчиво посмотрел на него, потом оттолкнул и вбежал в комнату. Она была пуста. Я подошел к груде шелков и подушек, на которых спала Эвали, потрогал ее. Тепла не чувствуется. Вместе с Шри я пошел в следующую комнату. Здесь спали Дара и с полдюжины женщин. Я коснулся плеча Дары. Она, зевая, села.

— Дара, девушка исчезла!

— Исчезла! — Она смотрела на меня так же недоверчиво, как я только что на золотого пигмея. Вскочила, вбежала в соседнюю комнату, потом вместе со мной — в другие комнаты. Там спали солдаты. Эвали не было.

Я вернулся в свою комнату. Меня охватил бешеный гнев. Быстро, хрипло допросил стражу. Они никого не видели. Никто не входил, никто не выходил. Золотой пигмей слушал, не отрывая от меня взгляда.

Я пошел в комнату Эвали. Проходя мимо стола, я увидел ящичек. Моя рука опустилась на него, приподняла. Он непривычно легок... Я открыл его...

Кольца Калкру в нем не было!

Я смотрел на него — огнем жгло меня осознание того, что может означать отсутствие кольца и Эвали. Я застонал, ухватился за стол, чтобы не упасть.

— Бей в барабан, Шри! Созывай свой народ!

Золотой пигмей засвистел, глаза его превратились в бассейны желтого огня. Он не знал всего ужаса моей мысли, но прочел достаточно. Он подскочил к окну, выставил свой барабан и стал посылать один призыв за другим — категоричные, гневные, злые. И немедленно послышался ответ — сначала с Нансура, а потом со всего пространства за белой рекой грозно зазвучали барабаны малого народа.

Слышит ли их Люр? Конечно, слышит. Но остановит ли ее их угроза? Она поймет, что я проснулся, что малый народ знает о ее предательстве и о судьбе Эвали.

Боже! Если она услышит... пусть задержится, даст возможность спасти Эвали!

— Сюда, господин! — Вместе с пигмеем мы заторопились на зов Дары. В комнате, где спала Эвали, на месте соединения двух камней висел кусок шелка.

— Здесь проход, Двайану. Так они ее взяли. Они торопились: кусок шелка застрял, когда камни закрывались.

Я поискал, чем бы ударить по камню. Но Дара уже нажимала тут и там. Камень отодвинулся. Шри мимо меня пробежал в темный тунель, который открывался за камнем. Я заторопился за ним, за мной Дара и остальные. Проход оказался узким и коротким. Кончался он сплошной каменной стеной. И тут Дара стала нажимать в разных местах, пока стена не открылась.

Мы вбежали в комнату верховного жреца. Глаза Кракена смотрели на меня с непостижимой злобой. Но мне показалось, что теперь в них вызов.

Вся бессмысленная ярость, весь слепой гнев покинули меня. Их место заняли холодная осмотрительность, целеустремленность, не допускавшие спешки... Слишком поздно спасти Эвали? Но никогда не поздно уничтожить тебя, мой враг!

— Дара, приведи лошадей. Собери как можно больше людей, которым можно доверять. Бери только самых сильных. Пусть ждут у выезда на дорогу к храму... Мы поедем кончать с Калкру. Скажи им об этом.

Я заговорил с золотым пигмеем.

— Не знаю, сможем ли мы помочь Эвали. Но я собираюсь положить конец Калкру. Хочешь подождать своих или пойдешь со мной?

— Пойду с тобой.

Я знал, где в черной крепости находится жилище Люр, это недалеко. Я знал также, что там ее не найду, но мне нужно было быть уверенным. И к тому же она может отвезти Эвали на озеро Призраков, думал я, минуя группы молчаливых, обеспокоенных, недоумевающих и приветствующих меня солдат. Но в глубине души я знал, что это не так. В глубине души я знал, что именно Люр ночью разбудила меня, Люр, прокравшаяся в комнату, чтобы украсть кольцо Калкру. И есть только одна причина, почему она сделала это. Нет, на озере Призраков ее нет.

Однако... если она побывала в моей комнате, почему она не убила меня? Или собиралась, но я проснулся и позвал Эвали, и это ее остановило? Побоялась заходить так далеко? Или... просто пощадила меня?

Я дошел до ее комнат. Люр здесь не было. Не было никого из ее женщин. Помещения пусты, нет даже охраны.

Я побежал. Золотой пигмей сопровождал меня, копье в левой руке, кривой нож — в правой. Мы добежали до выезда на дорогу к храму.

Здесь меня ждали три или четыре сотни солдат. Все верхом — и все женщины. Я сел на лошадь, которую подвела ко мне Дара, посадил к себе в седло Шри. Мы поскакали к замку.

Мы были уже на полпути, когда из деревьев, окаймлявших дорогу, выскочили белые волки. Как белый прибой, налетели они с двух сторон, вцеплялись в горло лошадям, бросались на всадников. Они нас задержали, неожиданная засада привела к падению нескольких лошадей, другие спотыкались об упавших. Вместе с лошадьми падали солдаты, волки набрасывались на них, прежде чем они могли подняться. Мы все столпились — лошади, люди, волки — в кровавом кольце.

Прямо к моему горлу прыгнул большой белый волк, предводитель стаи, его зеленые глаза горели. У меня не было времени для удара мечом. Левой рукой я схватил его за горло, поднял и перебросил через спину. Но даже при этом его клыки оцарапали меня.

Мы миновали волков. Те, что остались в живых, помчались за нами. Они заметно уменьшили мое войско.

Я услышал звон наковальни... тройной удар... наковальня Тубалки!

Боже! Это правда... Люр в храме... и Эвали... и Калкру!

Мы бросились к двери в храм. Я услышал древнюю мелодию. У входа толпа ощетинившихся мечами дворян, мужчин и женщин.

— Прямо на них, Дара! Затопчите их!

Мы прорвались сквозь них, как таран. Мечи против мечей, боевые топоры и молоты бьют их, лошади топчут.

Не прекращается резкая песня Шри. Его копье бьет, кривой нож рубит...

Мы ворвались в храм Калкру. Пение прекратилось. Те, что пели, встали; они ударили нас мечами, молотами и топорами; кололи и рубили наших лошадей, стаскивали нас вниз. Амфитеатр превратился в арену смерти...

Край платформы находился передо мной. Я остановил лошадь, встал ей на спину и прыгнул на платформу. Справа от меня наковальня Тубалки, рядом с поднятым для удара молотом застыла Овадра. Я слышал рокот барабанов, пробуждающих Калкру. Над ними склонились жрецы.

Перед жрецами, высоко подняв кольцо Калкру, стояла Люр. А между нею и пузырчатым океаном желтого камня, этими воротами Калкру, прикованные цепями попарно золотые пигмеи...

А в воинском кольце — Эвали!

Ведьма не посмотрела на меня; она ни разу не оглянулась на арену смерти, бушевавшей в амфитеатре, где сражались солдаты и дворяне.

Она продолжала ритуал.

Я с криком бросился к Овадре. Вырвал из ее рук большой молот. Бросил его в желтый экран... прямо в голову Калкру. Всю свою силу до последней капли я вложил в этот бросок.

Экран треснул. Молот отлетел от него... упал.

А ведьма продолжала ритуал... голос ее не дрогнул.

По треснувшему экрану пробежала дрожь. Кракен, плывший в пузырчатом океане, казалось, то отходил назад, то приближался...

Я побежал к нему... к молоту.

На мгновение остановился возле Эвали. Сунул руки за золотое кольцо вокруг ее талии, сломал его, будто деревянное. Бросил к ее ногам свой меч.

— Защищайся, Эвали! — Я подобрал молот. Поднял его. Глаза Калкру шевельнулись... они смотрели на меня... осознавали мое присутствие... щупальца дернулись. Меня охватил парализующий холод... Я боролся с ним, собрав всю силу воли.

Ударил молотом Тубалки по желтому камню... еще раз... и еще...

Щупальца Калкру протянулись ко мне!

Послышался хрустальный звон, будто поблизости ударила молния. Желтый камень экрана раскололся. Осколки обрушились на меня, как дождь со снегом, принесенный ледяным ураганом. Земля задрожала. Храм покачнулся. Мои руки упали, оцепенев. Молот Тубалки выпал из руки, которая больше не чувствовала его. Холод поднимался по мне... все выше... выше... послышался резкий ужасный крик...

На мгновение на том месте, где был экран, повисла тень Калкру. Потом она сморщилась. Ее как будто втягивало куда-то бесконечно далеко. Она исчезла.

Жизнь хлынула в меня.

Весь пол был покрыт осколками желтого камня... и среди них черные осколки каменного Кракена... Я растоптал их в пыль...

— Лейф!

Голос Эвали, пронзительный, болезненный. Я повернулся. С поднятым мечом ко мне устремилась Люр. Прежде чем я смог пошевельнуться, Эвали бросилась между нами, заслонила меня, ударила ведьму моим мечом.

Меч Люр парировал удар, меч ее взлетел... ударил... Эвали упала...

Люр повернулась ко мне... я смотрел, как она приближается, не шевелился, ничего не хотел делать... на ее мече кровь... кровь Эвали...

Что-то, как молнией, коснулось ее груди. Она остановилась, будто ее удержали сзади. Медленно опустилась на колени. Упала на камень.

Через край платформы перескочил большой волк, он с воем набросился на меня. Еще одна вспышка. Волк перевернулся в прыжке — и упал.

Я увидел присевшего Шри. Одно из его копий торчало в груди Люр, другое — в горле волка. Увидел, как золотой пигмей бежит к Эвали... увидел, как она встает, зажимая рукой кровоточащее плечо...

Как автомат, я направился к Люр. Белый волк пытался встать, потом пополз на животе к ведьме. Он добрался до нее раньше меня. Положил голову ей на грудь. Повернул голову и лежал, глядя на меня, умирая.

Ведьма тоже взглянула на меня. Глаза ее потеплели, жестокое выражение рта смягчилось. В ее взгляде была нежность. Она улыбнулась мне.

— Я хотела бы, чтобы ты никогда не приходил, Желтоволосый!

А потом:

— ...ай... и... помни... мое озеро Призраков!..

Рука ее шевельнулась, легла на голову умирающего волка. Люр вздохнула...

Ведьма была мертва.

* * *

Я смотрел в потрясенные лица Эвали и Дары.

— Эвали, ты ранена...

— Неглубоко, Лейф... Скоро заживет... неважно...

Дара сказала:

— Слава Двайану! Великий подвиг совершил ты сегодня!

Она опустилась на колени, поцеловала мне руку. Я увидел, что те из моих солдат, что пережили эту схватку, тоже стоят на коленях. И что Овадра лежит возле наковальни Тубалки, и что Шри тоже на коленях и смотрит на меня с восхищением.

Я слышал барабаны малого народа... теперь уже не на той стороне Нанбу... на этой... в Караке... и ближе.

Дара снова заговорила:

— Вернемся в Карак, господин. Ты теперь его правитель.

Я сказал Шри:

— Бей в барабан, Шри. Расскажи, что Эвали жива. Что Люр мертва. Что ворота Калкру закрыты навсегда. Пусть не будет больше убийств.

Шри ответил:

— То, что ты сделал, прекратило вражду между моим народом и твоим. Мы будем повиноваться тебе и Эвали. Я расскажу всем, что ты сделал.

Он поднял свой барабан, собираясь ударить в него. Я остановил его.

— Подожди, Шри. Я не останусь здесь, чтобы править.

Дара воскликнула:

— Двайану, ты покинешь нас?

— Да, Дара... Я уйду туда, откуда пришел... Я не вернусь в Карак. И не вернусь к малому народу, Шри.

Эвали — дыхание у нее перехватило — спросила:

— А что со мной, Лейф?

— Вчера вечером ты сказала, что пойдешь со мной, Эвали. Я освобождаю тебя от твоего обещания... Я думаю, ты будешь счастлива здесь, с малым народом...

Она ответила:

— Я знаю, в чем мое счастье... я не нарушу свое обещание... если только ты не хочешь меня...

— Я хочу тебя, смуглая девушка!

Она повернулась к Шри:

— Передай моему народу мой привет, Шри. Я не увижусь с ним больше.

Маленький человек бросился к ней, плакал и всхлипывал, пока она говорила с ним. Наконец он опустился на колени и долго смотрел на разбитые ворота Калкру. Я видел, как его коснулось тайное знание. Он подошел ко мне, протянул руки, чтобы я его поднял. Приподнял мои ресницы и заглянул в глаза. Положил руку мне на сердце, прислушался к его биению. Я опустил его, он подошел к Эвали, что-то зашептал ей.

Дара сказала:

— Воля Двайану — наша воля. Но трудно понять, почему он не может остаться с нами.

— Шри знает... больше, чем я. Не могу, Дара.

Ко мне подошла Эвали. Глаза ее блестели от невыплаканных слез.

— Шри говорит, что мы должны уходить сейчас, Лейф... быстро. Мой народ не должен видеть меня. Он расскажет им все при помощи барабана... войны больше не будет... теперь здесь наступит мир.

Золотой пигмей начал бить в свой барабан. При первых же ударах все остальные барабаны смолкли. Когда он закончил, они снова заговорили... ликующе, торжествующе... но вот в них прозвучала вопросительная нота. Он снова послал дробь... пришел ответ — гневный, категорический и — почему-то я понял это — недоверчивый.

Шри сказал мне:

— Торопитесь! Торопитесь!

Дара сказала:

— Мы до последней минуты будем с тобой, Двайану.

Я кивнул и взглянул на Люр. На ее руке внезапно блеснуло кольцо Калкру. Я подошел к ней, поднял мертвую руку, снял с нее кольцо. И разбил его о наковальню Тубалки, как кольцо Йодина.

Эвали сказала:

— Шри знает дорогу, которая выведет нас в твой мир, Лейф. Это у истоков Нанбу. Он отведет нас туда.

— Мы пройдем мимо озера Призраков, Эвали?

— Я спрошу его... да, дорога проходит там.

— Хорошо. Мы идем в страну, где моя одежда вряд ли будет пригодна. И нужно захватить с собой провизию.

Мы выехали из храма; Шри ехал у меня на седле, Эвали и Дара — по бокам. Барабаны звучали совсем близко. Они стали затихать, когда мы выехали из леса на дорогу. Мы ехали быстро. К середине дня показалось озеро Призраков. Мост был опущен. Никого не видно. Замок ведьмы опустел. Я нашел в нем свой сверток с одеждой, сбросил нарядную одежду Двайану. Прихватил боевой топор, сунул за пояс короткий меч, выбрал копья для Эвали и для себя. Они помогут нам, когда придется добывать пищу. Мы захватили продуктов из замка Люр и шкуры, чтобы закутать Эвали, когда мы выйдем из миража.

Я не пошел в комнату ведьмы. Слышал шепот водопада, но не осмеливался взглянуть на него.

Весь остальной день мы ехали галопом вдоль берега белой реки. Нас сопровождали барабаны малого народа... искали... расспрашивали... звали... Э-ва-ли... Э-ва-ли... Э-ва-ли...

К ночи мы добрались до стены на дальнем конце долины. Здесь Нанбу вырывалась на поверхность мощным потоком из какого-то подземного источника. Мы пробирались среди камней. Шри привел нас к ущелью, круто уходившему наверх, и тут мы остановились.

Ночью я сидел и думал о том, что встретит Эвали в том новом мире, что ждет ее за пределами миража, — в мире солнца и звезд, ветра и холода. Я думал о том, что нужно сделать, чтобы защитить ее, пока

она не приспособится к этому миру. И слушал барабаны малого народа, которые призывали ее, смотрел, как она спит и улыбается во сне.

Ее нужно научить дышать. Я понимал, что как только она выйдет из атмосферы, в которой жила с детства, лишение избытка двуокиси углерода, этого привычного для нее стимула, вызовет немедленную остановку дыхания. Она должна заставлять себя дышать, пока рефлексы не вернутся к ней. Особенно трудно будет ночью, когда она спит. Мне придется не спать до утра, следить за ней.

И она должна прийти в этот новый мир с завязанными глазами, слепая, пока ее глаза, привыкшие к зеленому свечению миража, не приспособятся к более яркому свету. Теплую одежду мы смастерим из шкур. Но пища — как это сказал Джим давным-давно? Те, кто ел пищу малого народа, умрут, если будут есть другую. Что ж, отчасти это верно. Но только отчасти — с этим мы справимся.

На рассвете я вспомнил — рюкзак, который я спрятал на берегу Нанбу, когда мы бросились в ее воды, преследуемые белыми волками. Если бы найти его, проблема одежды для Эвали была бы хоть частично решена. Я рассказал об этом Даре. Она и Шри отправились на поиски. Тем временем солдаты охотились, а я учил Эвали, что она должна делать, чтобы благополучно перейти опасный мост между ее миром и моим.

Они отсутствовали два дня — но они нашли рюкзак. И принесли известие о мире между айжирами и малым народом. И обо мне...

Двайану, Освободитель, пришел, как и предвещало пророчество... пришел и освободил их от древнего проклятия... и ушел туда, откуда явился... взял с собой Эвали, и это — его право. Шри распространил эту историю.

На следующее утро, когда свет показал, что солнце встало над скалами, окружающими долину миража, мы выступили — Эвали рядом со мной, как стройный мальчик.

Мы поднимались вместе, пока нас не окружил зеленый туман. Тут мы распрощались. Шри прижался к Эвали, целовал ее руки и ноги, плакал. А Дара сжала мне плечи:

— Ты вернешься к нам, Двайану? Мы будем ждать!

Как эхо голоса предводителя уйгуров — давно, давно...

Я повернулся и начал подниматься, Эвали за мной. Я подумал, что так же Эвридика следовала за своим любимым из Земли Теней — тоже давно, давно...

Фигуры Шри и женщин стали расплываться в тумане. Зеленый туман скрыл их...

Я почувствовал, как жгучий холод коснулся моего лица. Поднял Эвали на руки — и продолжал подниматься — и наконец, шатаясь, остановился на освещенном солнцем склоне над глубокой пропастью.

* * *

День клонился к закату, когда кончилась долгая, напряженная борьба за жизнь Эвали. Нелегко отпускал мираж. Мы повернулись лицом к югу и пошли.

Ах! Люр... женщина-волчица, ведьма! Я вижу, как ты лежишь, улыбаясь непривычно нежными губами. Голова белого волка у тебя на груди...

И Двайану по-прежнему живет во мне!

СОДЕРЖАНИЕ

КОРАБЛЬ ИШТАР 5
СЕМЬ ШАГОВ К САТАНЕ 159
ЖИТЕЛИ МИРАЖА 311

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

АБРАХАМ МЕРРИТ

Собрание сочинений
в трех томах

Том 1

Составитель *В. Азарский*
Редактор *В. Шувалов*
Художественный редактор *О. Владиславов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *Е. Евсеева*

Сдано в набор 25.11.92. Подписано в печать 24.02.93. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бум. книжн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 33,13. Тираж 100 000 экз. Заказ 820. Цена свободная.

ОсОО «Янус». 614016, Пермь, а/я 10119.
Малое предприятие «Книга». 614001, Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Меррит Абрахам

М 52 Собрание сочинений. Том 1. — Пермь: «Янус», 1993. — 478 с. («Коллекция «Януса»).

ISBN 5-87916-020-3

В первый том собрания сочинений А. Меррита включены увлекательные фантастические романы «Корабль Иштар», «Семь шагов к Сатане» и «Жители миража».

М $\frac{4703010100—020}{Д25(03)—93}$ Без объявл.

ББК 84.4. США

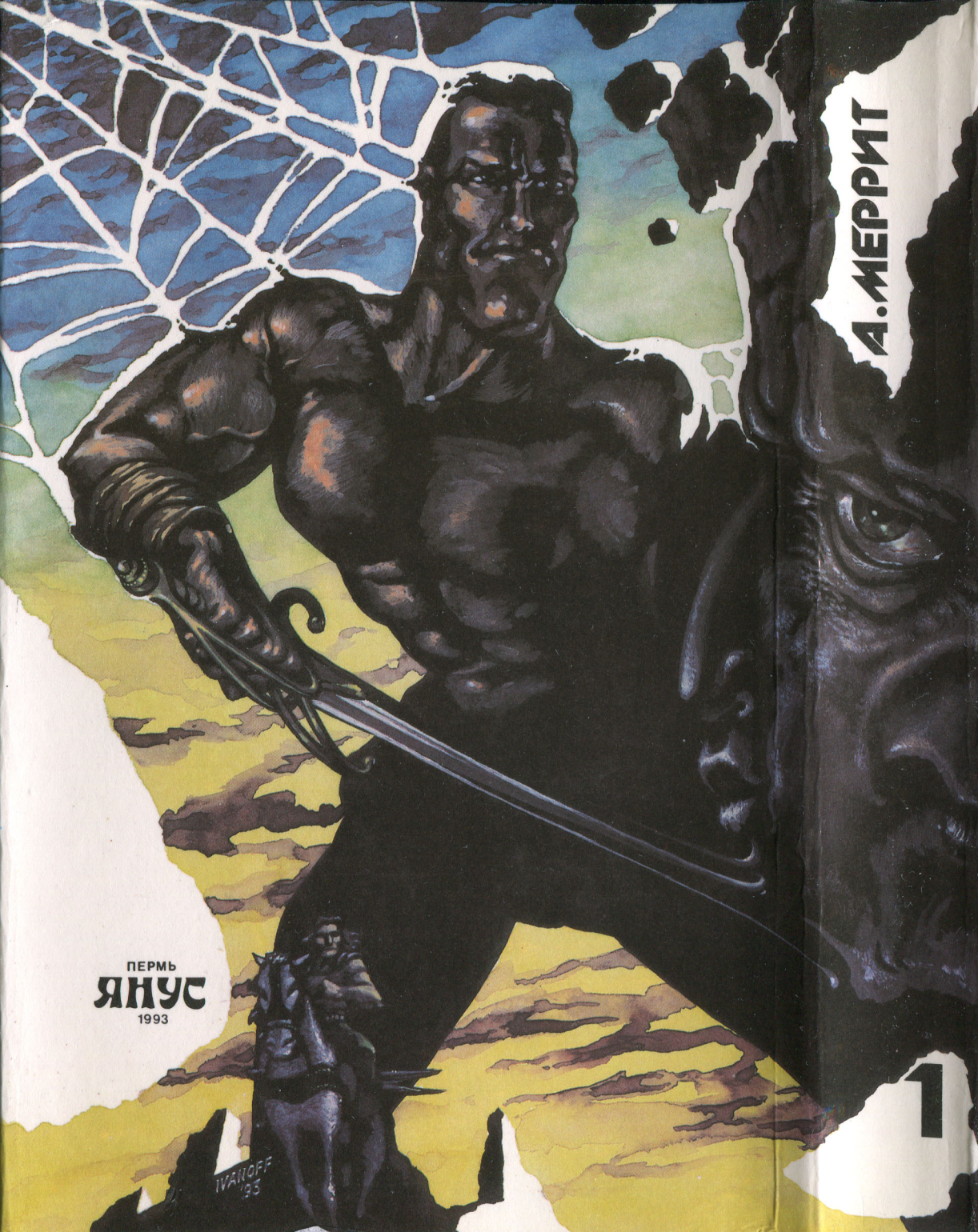
Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

А. МЕРРИТ

Известный американский писатель-фантаст Абрахам Меррит прожил недолгую жизнь, успев, однако, оставить заметный след в мировой литературе. До недавнего времени российский читатель был знаком лишь с одним-двумя его произведениями, не подозревая даже, что этот автор заслуживает гораздо большего внимания.

Впервые на русском языке все восемь романов, составляющих литературное наследие А. Меррита, а также несколько повестей и рассказов собраны в трехтомное собрание сочинений, которое осуществляет ОсОО «Янус».

ПЕРЕД ВАМИ ПЕРВЫЙ ТОМ ТРЕХТОМНИКА.


А.МЕРРИТ
1
ПЕРМЬ
ЯНУС
1993
IVANOFF
'93